Ч27
146

В. А. МЕЛИКОВ

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ

ВОЕНИЗДАТ – 1938

146

Y27 146

1-й ова ос . фонда

Открывается титул

13/XII-06

КРАСНОЗНАМЕННАЯ И ОРДЕНА ЛЕНИНА ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ РККА
имени М. И. ФРУНЗЕ

227
146

Профессор комдив В. А. МЕЛИКОВ

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ

(ПО ОПЫТУ ПЕРВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ 1914—1918 гг. И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СССР)

ТОМ I

ПЕРВАЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА 1914—1918 гг.

2-е исправленное и дополненное издание

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА—1939

Профессор комдив В. А. МЕЛИКОВ. «**Стратегическое развертывание**» Книга является научным исследованием планов войны государств, участвовавших в первой империалистической войне 1914—1918 гг. Книга предназначена для начальствующего состава РККА.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
614511 V

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От автора 7
Введение 19

ЧАСТЬ I

Глава I. План стратегического развертывания по вариантам Шлиффена и Бонналя (французский план № 14) 43
Глава II. Организационное и технико-боевое обеспечение варианта стратегического развертывания Шлиффена от декабря 1905 г. 79
Глава III. Французский план стратегического развертывания № 15 и вариант плана стратегического развертывания Шлиффена от декабря 1905 г. 86
Глава IV. План стратегического развертывания французского генерала Виктор-Констан-Мишеля 102
Глава V. Период 1895—1905 и 1911—1913 гг. 114
Глава VI. Оперативно-стратегическое учение Мольтке-старшего и Шлиффена 130

ЧАСТЬ II

Глава VII. Стратегическое развертывание в империалистическую войну 1914—1918 гг. 170
Глава VIII. Стратегическое развертывание по французскому плану № 17 и по германскому плану от 1913—1914 гг. 172
Глава IX. Предвоенный «прогноз» генерала Фоша 203
Глава X. Варианты стратегического развертывания по планам войны 1908—1910 гг. царского генерального штаба 205
Глава XI. Планы войны царского генерального штаба непосредственно перед войной 1914—1918 гг. 228
Глава XII. Оперативно-стратегическая игра в Киеве в апреле 1914 г. . 247
Глава XIII. Австро-венгерский план стратегического развертывания . 261
Глава XIV. Стратегическое развертывание русских и австро-германских армий в августе 1914 г. 281
Глава XV. Развитие технических средств и живых сил за период с 1914 по 1918 г. 321

ЧАСТЬ III

Глава XVI. План кампании и стратегическое развертывание сторон на западном фронте в 1919 г. 350
Германский план кампании 1918 г. 356
Развитие наступательного плана Людендорфа 366
Директива Людендорфа о начале наступления-прорыва . 377
Мероприятия англо-французского командования по локализации германского прорыва на Амьен 388
Провал германского наступательного плана кампании 1918 г. 394

Стр.

Глава XVII. Наступательный план кампании, составленный ген. Фошем для второй половины 1918 г. 398
Стратегическое развертывание армий Антанты 25 сентября 1918 г. на франко-британском фронте 410
Глава XVIII. Оперативно-стратегическое руководство Фоша и Людендорфа 427
Глава XIX. Оперативно-стратегические варианты в планах ген. Петэна и Фуллера на 1919 г. 472
Вариант оперативного плана ген. Петэна 479
Вариант оперативного плана Фуллера 485
Заключение 494

Приложения:

1. Заседание Высшего военного совета 19 июля 1911 г. . 518
2. Потери во время крупных операций: Франция, Германия, Англия, Италия 523
3. Схемы.

«...Империализм поставил на карту судьбу европейской культуры: за данной войной, если не будет ряда успешных революций, последуют вскоре другие войны — сказка о «последней войне» есть пустая, вредная сказка, мещанская «мифология». ...Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, так завтра, — не во время теперешней войны, так после нее, — не в эту, так в ближайшую следующую войну, соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но и миллионы одураченных ныне шовинизмом полупролетариев и мелких буржуа, которых ужасы войны будут не только запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовать, закалять и подготовлять к войне против буржуазии в «своей» страны и «чужих» стран».

В. И. Ленин (написано 1 ноября 1914 г., том XVIII, стр. 71).

«Стратегия есть определение направления главного удара пролетариата на основе данного этапа революции, выработка соответствующего плана расположения революционных сил (главных и второстепенных резервов), борьба за проведение этого плана на всем протяжении данного этапа революции...

Стратегия имеет дело с основными силами революции и их резервами. Она меняется в связи с переходом революции от одного этапа к другому, оставаясь в основном без изменений за весь период данного этапа...

...Если стратегия имеет целью выиграть войну, скажем, с царизмом или с буржуазией, довести до конца борьбу с царизмом или буржуазией, то тактика ставит себе менее существенные цели, ибо она старается выиграть не войну в целом, а те или иные сражения, те или иные бои, успешно провести те или иные кампании, те или иные выступления, соответствующие конкретной обстановке в период данного подъема или упадка революции. Тактика есть часть стратегии, ей подчиненная, ее обслуживающая».

И. Сталин («Вопросы ленинизма», 10-е изд., стр. 51, 52, 53).

«Колоссальные фронты, многомиллионные армии, многочисленная техника самого различного назначения чрезвычайно усложняют руководство современной войной, современным боем. Чтобы правильно, умело и организованно владеть всем этим гигантским механизмом, необходимо иметь достаточное число высококвалифицированных мастеров военного дела с широкой подготовкой, большими знаниями. Не менее необходимы люди, имеющие высшее военно-техническое и военно-политическое образование. Этих мастеров мы готовим в наших академиях».

К. Е. Ворошилов («Статьи и речи», изд. 1936 г., стр. 577).

ОТ АВТОРА

В процессе работы над нашим трудом «Марна (1914 г.) — Висла (1920 г.) — Смирна (1922 г.)» перед нами встал целый ряд военно-теоретических вопросов, которые мы считали необходимым оговорить в заключительной части этой книги. Таких вопросов, вытекающих из военно-исторического анализа трех войн (империалистической, революционно-классовой и национально-освободительной), нами было выдвинуто двенадцать, в числе которых одним из основных вопросов являлось стратегическое развертывание современных армий.

И если к сегодняшнему дню мы имеем значительный фактический материал по стратегическому развертыванию современных армий, то обобщающего и подытоживающего труда по этой крайне сложной, интересной и актуальной проблеме пока еще нет. В настоящей работе мы попытались посредством критического анализа вскрыть, обобщить и подытожить накопившийся за последние десятилетия богатейший материал по стратегическому развертыванию современных армий.

Стратегическое развертывание является сердцем плана войны (кампании), и, вполне естественно, эта проблема в первую очередь есть проблема политическая.

В настоящем труде мы анализируем план войны (кампании) лишь в части его стратегического развертывания, и не только для одной данной армии, но и для всех основных и важнейших армий, которые приняли участие в мировой империалистической 1914—1918 гг. и нашей гражданской 1918—1920 гг. войнах. Стратегическое развертывание армий обеих сторон в период трех походов Антанты против Советской России мы исследуем во втором томе нашего труда.

Работая над настоящим трудом, анализируя разнообразный, подчас сырой, отрывочный исторический материал, мы пришли к твердому убеждению, что, во-первых, наиболее убедительной является та стратегия, которая основана на анализе конкретных исторических фактов прошлого и настоящего (сделавшегося по

отношению к сегодняшнему дню так или иначе прошлым); во-вторых, наиболее поучительна та военная история, которая дает убедительный материал для настоящего и будущего.

Далее, мы считаем, что настоящий труд является пока лишь попыткой обобщающего, синтезирующего порядка. Разбираемый вопрос исключительно сложен; поэтому понятно, что ряд глав требует дальнейшего анализа, дальнейших уточнений и дополнений. Автор стремился строить архитектонику настоящего труда таким образом, чтобы каждая глава, будучи тесно связана с другой в отношении идейно-теоретическом, в то же время представляла собой по возможности самостоятельное исследование.

Основная сложность вопроса видна, например, из того факта, что еще не было ни одной большой войны, начиная хотя бы с войн 1866—1870 гг., чтобы эта война уже с самого начала не внесла ряд коренных, кардинальных изменений в те предположения оперативно-стратегического характера, которые были установлены и разработаны непосредственно перед данной войной.

Каждая новая война ставила ряд сложных, совершенно новых проблем, которые нужно было и решать по-новому. Политики и полководцы, несмотря даже на свою талантливость и прозорливость, так и не могли в конце концов ясно предвидеть, во что же выльются события начального периода войны.

Особенно наглядно это видно из опыта мировой империалистической войны 1914—1918 гг., характер, продолжительность и финал которой гениально предвидели на основе единственного научного марксистского метода Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин.

Вся работа в целом преследует основную цель — изучить и использовать опыт прошлого так, чтобы было как можно меньше шансов к повторению уже сделанных ошибок. Насколько это нам удалось, судить будет читатель.

Путеводной звездой для всей этой работы были мысли, высказанные товарищем Ворошиловым, что от командного и начальствующего состава требуются знания и уменье эти знания приложить к конкретным задачам повседневной практической работы. Командный и начальствующий состав должен быть вооружен революционным учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, крепко помня, что нет такого участка практической работы в Красной Армии, где можно обойтись без марксистско-ленинской теории.

Творческая фантазия необходима не только при разработке плана стратегического развертывания, но еще более она нужна в управлении современными массами людей и современной слож-

ной техникой, — она неотъемлемая данная каждого культурного военачальника, полководца. Но там, где в основе этой творческой фантазии не лежит реальность будущего, там получается скачок в неизвестность. Творческая фантазия должна работать в полном единстве с опытом конкретной науки и ее выводами.

На творческом научно-исследовательском пути приходится также вести непрерывную ожесточенную войну, преодолевая сопротивление «противника» в виде разнохарактерного, разнообразного материала, подчас противоречивого, фальшивого, подтасованного, фальсифицированного.

В настоящем труде, который является анализом работы генеральных штабов важнейших капиталистических государств по вопросу планов стратегического развертывания армий, читатель найдет исторический материал по целому ряду вопросов.

Этот материал показывает, что:

1. План стратегического развертывания армий, т. е. занятие исходных районов для наступления, хотя и разрабатывается до войны, но он должен быть всесторонним и гибким. Ибо в мирное время, задолго до войны, все детали предусмотреть нельзя. Уже в начальный период войны живая действительность вносит целый ряд коррективов, а поэтому план должен целесообразно и быстро воспринимать происходящее и на ходу перестраивать многие вопросы. Опыт последних десятилетий говорит, что ни один план стратегического развертывания армий не был целиком и полностью осуществлен и проведен в начальный период войны, как это предполагали генеральные штабы в мирное время. В этом отношении не вредно помнить интересные мысли, высказанные одним из военных теоретиков германской буржуазии в области стратегии и тактики — ген. Шлихтингом. Он пишет: «Стратегия не есть постоянная наука, как, например, математика, с ее суммой углов в треугольнике, или астрономия, даже с ее гипотезой Лапласа. Она вытекает из условий эпохи и из предоставляемых последнею боевых средств.

Методы ее подвергаются постоянным изменениям.

Поэтому, кто желает ограничиться практическими целями, тому всего лучше обосновать свои взгляды на будущее на изучении ближайшего прошлого. Данную теорию всего лучше можно извлечь из новейшей военной истории...»[1].

---

[1] Шлихтинг, Основы современной тактики и стратегии, стр. 2 (разрядка наша, — *Вл. М.*).

Разработка и осуществление планов стратегического развертывания армий имеет место не только до начала войны, но и в самом процессе войны на основных решающих ее этапах.

Например, стратегическое развертывание многомиллионных армий воюющих коалиций на франко-британском фронте в 1918 г. явилось новым этапом в вопросе стратегического развертывания вооруженных сил, как и новым явлением в современном развитии военного искусства. То же самое и в отношении тех проектов стратегического развертывания армий, которые разрабатывались виднейшими представителями Антанты (Петэн и др.) на 1919 г., полагавшими, что мировая война не закончится в 1918 г. Эти проекты также крайне поучительны, ибо они показывают ту тенденцию, в каком направлении росла и развивалась проблема стратегического развертывания вооруженных сил в первую мировую империалистическую войну 1914—1918 гг.

2. Мертвечина, деревянность, односторонность, как говорит многообразный исторический опыт, являются самыми злейшими врагами плана стратегического развертывания, который должен быть целеустремленным и в то же время насквозь пропитанным диалектикой действительной жизни.

3. Предстоящие империалистические войны в Европе, Азии, Америке уже не будут официально объявляться[1] со всеми формальностями, как это было в августе 1914 г.; теперь в войну «вползают» с основной мыслью внезапным ударом сорвать мобилизацию противника, нарушить его планы сосредоточения и развертывания его войск, глубоко вторгнуться в территорию противника, с тем чтобы дать возможность лучше развернуть

---

[1] В настоящее время в западноевропейской литературе мы часто видим, как продолжает дебатироваться вопрос, будет ли новая ближайшая война объявляться так же, как, скажем, это было в августе 1914 г., или же она начнется внезапно, без всякого объявления. История нам дает убедительный материал. Факты официального объявления войны фиксируются на ее страницах как исключение, зато отсутствие этих фактов является чуть ли не правилом. Достаточно указать, что только за период с 1700 по 1870 г. в Европе и Америке было 110 (сто десять!) случаев, когда не было никакого предварительного объявления войны. А если мы возьмем период с 1870 г. и по сей день, то к этим 110 случаям надо будет прибавить еще несколько десятков фактов, которые все вместе убедительно говорят лишь об одном, что армия должна быть постоянно готова по первому сигналу правительства перейти с мирного состояния на мобилизационно-боевое. Постоянная готовность к быстрой и четкой мобилизации есть лучший показатель боеспособности данной армии; так диктует многообразный, убедительный и конкретный опыт военной истории.

свои силы второго отмобилизованного эшелона, памятуя, что первым эшелоном является «армия прикрытия», расположенная в мирное время где-то вблизи государственной границы с максимальной мобилизационной готовностью. Из настоящего труда читатель увидит, что современная «армия прикрытия», будучи мощной численно и технически, имеет возможность сыграть роль «армии вторжения».

Читатель найдет разнообразный материал о тех прогнозах, которые давались видными военными и политическими авторитетами буржуазии до 1914 г. в отношении длительности предстоящей войны, их промахи и ошибки в этом вопросе, имеющие огромное принципиальное значение. Ошибки генеральных штабов и их руководителей в определении длительности предстоящей мировой империалистической войны 1914—1918 гг. влекли за собой ошибки в подготовке к этой войне. Большинство рассчитывало, что война, вспыхнувшая в августе 1914 г., закончится в начале 1915 г., а она затянулась на четыре года, вызвав невиданное напряжение сил и средств у обеих империалистических коалиций и закончившись революциями в ряде стран.

Например, по современной теории воздушных экстремистов типа Дуэ, Пьера Фора, Гельдерса и других предстоящая война между империалистическими государствами Европы может быть закончена в несколько часов, в то время как противники этих теорий из лагеря же буржуазии, как увидим из нашего труда, полагают, что предстоящая война будет длительной и еще более ожесточенной и напряженной, чем война 1914—1918 гг.

Отдельные военные теоретики буржуазии — Фуллер, Лиддель-Гарт, Сект, Зольдан и др. — полагали, что для решения будущей войны в пользу буржуазии достаточно иметь небольшую, классово-отобранную, прекрасно технически оснащенную, вооруженную и обученную профессиональную армию. Другая часть военных теоретиков и практиков современной империалистической буржуазии считает, что будущая война призовет под знамена и к действию миллионные массы, потребовав быстрого перехода всей промышленности на рельсы войны, в силу чего вся страна в целом окажется в лапах войны. Ныне к этой мысли стали склоняться Фуллер, Зольдан и др.

Новая военная техника, естественно, внесла целый ряд новых приемов, методов, способов в проблему стратегического развертывания. Борьба за право развернуться по ранее намеченному плану в будущей войне, в связи с появлением новых мощных ВВС (военно-воздушных сил), нового химического

оружия, мотомеханизированных войск, новой модернизированной конницы и пехоты, обильно оснащенной автоматическим оружием, будет особо ожесточенной.

Иными словами, борьба за стратегическое развертывание в начальный период войны будет иной, чем та, какая была в августе 1914 г. на всех основных вооруженных фронтах двух империалистических коалиций (Антанта и Четверной союз).

Эта новая сложная военная техника, как увидим из настоящего труда, уже в последние годы мировой войны 1914—1918 гг. имела «зерно», «зародыш» для дальнейшего развития современной операции и тактики.

Читатель наглядно увидит, что если глубина полосы стратегического развертывания вблизи государственной границы в августе 1914 г. на всех фронтах империалистической войны ограничивалась 50—80 км, то в современный период развития военного искусства эта глубина увеличилась в несколько раз.

Военные писатели современной империалистической буржуазии считают, что 300—400-км зона от переднего края государственной границы на главных направлениях ударных армий с первого же дня войны превратится в поля ожесточенных сражений, где будут энергично действовать современные мощные ВВС, мотомехвойска, модернизированная конница, авиадесанты и пр.

Все эти новые военные факторы входят в современную «армию вторжения», имеющую уже в мирное время максимальную мобилизационную готовность для активных и решительных действий.

Но имеется ряд авторов, которые считают, что эта приграничная полоса в 300—400 км будет не больше не меньше как «мертвой» для стратегического сосредоточения и развертывания вооруженных сил и средств, так как современные военно-воздушные силы вместе с новым химическим оружием с первого же момента войны эту полосу в 300—400 км разрушат. Будет правильным считать, что развитие современной военной техники дает куда более благоприятные перспективы к выносу стратегического развертывания вперед, чем к тому, чтобы a priori оставлять эту полосу без должного внимания.

Надо только хорошенько изучить опыт 1918 г. на франко-британском фронте, чтобы видеть, что при значительной насыщенности боевой авиацией, при наличии у союзников химического оружия все же Людендорфу удалось сосредоточить непосредственно перед расположением противника на 70-км фронте огромные силы, когда на каждый километр фронта приходилось: 1 дивизия, 100 орудий, 12—15 самолетов. Мало того, сосредоточив и развернув эти силы,

Людендорф сумел нанести внезапный удар и в первые дни потрясти стратегический фронт англо-французов; примерно то же самое сделал в июле 1918 г. в районе Виллер-Коттерэ маршал Фош. Он нанес внезапный мощный удар, не допустив в период сосредоточения и развертывания сил и средств для этого мощного удара ни одного неприятельского самолета над своим расположением (т. е. устроил так называемый «воздушный забор», через который не удалось проникнуть противнику для того, чтобы ему посмотреть, заснять фото или побомбить жизненные пункты и районы). Но, кроме изучения опыта мировой войны 1914—1918 гг., достаточно хорошенько посмотреть, что именно делается в полосе государственных границ современных буржуазных государств хотя бы размером в 100—150 км глубины, где уже возведены, где сосредоточены лучшие быстроподвижные силы и средства и возводятся стоящие огромных денег новые укрепления, чтобы не поверить в возможность осуществления этой заумной теории «мертвой» 300—400-км полосы от переднего края государственной границы.

Кроме того, если взять глубину территории любого современного государства Европы, то цифра 300—400 км говорит о том, что эта полоса покрывает собой любую столицу буржуазного государства; в силу этого недаром современные генеральные штабы буржуазии больше говорят не о «мертвой пустыне» приграничной полосы, а об организации мощного военно-воздушного флота, который своими заранее разработанными авиаконтратаками, вместе с ПВО, мероприятиями по быстрому восстановлению разрушений даст широкую возможность выносить стратегическое развертывание вперед и гибко маневрировать районами сосредоточения и развертывания для внезапного удара.

Определение, что будущая война будет быстроподвижной, маневренной, остается, как и в предвоенный период мировой империалистической войны 1914—1918 гг., господствующим у подавляющей части современных военных писателей буржуазии.

Они считают, что борьба за маневренный характер войны должна быть особо настойчивой и решительной. Позиционный характер войны с долголетним сидением в окопах, с протяжением этих окопов от моря до моря, как это было в войне 1914—1918 гг., исключается.

Они считают, что такая война быстро вызовет революционные взрывы и на фронте и в тылу фронта у широких масс мобилизованного и немобилизованного населения, которые на данном этапе исторического развития стали политически ненадежны для защиты дела капиталистической буржуазии. Другое дело — наступательная

маневренная война: она все же дает больше шансов удержать диктатуру буржуазии против многомиллионного пролетариата и трудящегося крестьянства капиталистических стран.

Фактический материал, накопленный к сегодняшнему дню, показывает тот военно-теоретический тупик, в который зашла современная оперативно-стратегическая мысль буржуазии в период мирового экономического кризиса капитализма.

Будет ли правильным констатировать, что идейное содержание современного военного искусства империалистической буржуазии также переживает тяжелый затяжной кризис? Твердо полагаем, что да; конечно, это вовсе не значит, что буржуазия не может двинуть свои полки-дивизии в бой; это она может сделать и сделает, для чего сейчас усиленно совершенствует свою военную технику и тщательно готовит свои классово-отобранные военно-обученные кадры. Но, говоря так, мы должны постоянно не забывать основное, решающее, а именно — в чьих руках находится данное наступление или оборона, кто их действительно своей массой выполняет, так как будущая большая война мыслится как война массовая, многомиллионная, т. е. с миллионами бойцов на фронте и миллионами людей, готовящих в тылу все необходимое для жизни и боя действующей армии.

Нельзя ни на секунду отрывать живые силы, их подготовку от боевых технических средств, которыми они пользуются как средством для достижения поставленных целей.

Нельзя забывать и того факта, что современные массовые армии уже в период мирного времени имеют могучий жизнедеятельный зародыш с определенной тенденцией в будущем окрепнуть и вырасти в гигантскую силу, в решающий фактор; этот зародыш — перерастание империалистической войны в войну гражданскую. Этот классовый фактор, этот зародыш великолепно чует и понимает современная буржуазия, пытающаяся формировать строго классовые войска, но в то же время не имеющая возможности игнорировать многомиллионные массы трудящихся, за которыми остается последнее, решающее слово.

Военно-теоретическая мысль буржуазии сейчас бьется изо всех сил, чтобы найти лучшие пути для дальнейшего продления буржуазной диктатуры на земле; в то же время она ясно видит, как тот «призрак коммунизма», который только что начал распространяться по Европе во времена Маркса — Энгельса, в настоящее время уже стал не призраком, а действительностью на целой одной шестой земного шара, стал реальной всемирноистори-

ческой гигантской силой в лице Союза Советских Социалистических Республик — отечества трудящихся всего мира, передовой ударной бригады мирового пролетариата.

Мало того, что Союз Советских Социалистических Республик существует уже 21 год, имеет огромные, невиданные победы во всех областях социалистического строительства,—он к тому же территориально лежит как раз на границах и путях Европы и Азии, каждодневно все более и более привлекая к себе симпатии и любовь эксплоатируемых и порабощенных многомиллионных масс капиталистических стран.

Империалистическая буржуазия и ее военные вожди и теоретики в первую голову стараются разрешить наиболее для них насущную проблему победоносной борьбы с СССР: их мучает этот вопрос, ответ на который они получили в докладе товарища Сталина на XVII съезде ВКП(б).

И можно без преувеличения сказать, что прогноз товарища Сталина безусловно увеличил те муки творчества, которые переживает современная военно-теоретическая мысль империалистической буржуазии.

Этот прогноз следующий.

«...Они (империалисты. — *Вл. М.*) думают разбить СССР, поделить его территорию и поживиться за его счет. Ошибочно было бы полагать, что так думают только некоторые военные круги в Японии. Нам известно, что такие же планы вынашиваются в кругах политических руководителей некоторых государств Европы. Допустим, что эти господа перешли от слов к делу. Что из этого может получиться? Едва ли можно сомневаться, что эта война будет самой опасной для буржуазии войной. Она будет самой опасной не только потому, что народы СССР будут драться насмерть за завоевания революции. Она будет самой опасной для буржуазии еще потому, что война будет происходить не только на фронтах, но и в тылу у противника. Буржуазия может не сомневаться, что многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям, которые затеяли преступную войну против отечества рабочего класса всех стран. И пусть не пеняют на нас господа буржуа, если они на другой день после такой войны не досчитаются некоторых близких им правительств, ныне благополучно царствующих «милостью божией». Одна такая война против СССР уже была, если вспомните, 15 лет тому назад. Как известно, всеми уважаемый Черчилль облек тогда эту войну в поэтическую формулу — «нашествие 14 государств». Вы помните, конечно, что эта война сплотила всех трудящихся нашей страны в единый лагерь

самоотверженных бойцов, грудью защищавших свою рабоче-крестьянскую родину от внешних врагов. Вы знаете, чем она кончилась. Она кончилась изгнанием интервентов из нашей страны и созданием революционных «Комитетов действия» в Европе. Едва ли можно сомневаться, что вторая война против СССР приведет к полному поражению нападающих, к революции в ряде стран Европы и Азии и разгрому буржуазно-помещичьих правительств этих стран.

Таковы военные планы запутавшихся буржуазных политиков.

Как видите, они не блещут ни умом, ни доблестью»[1].

Наиболее дальновидные военные теоретики современной империалистической буржуазии ясно понимают всю силу и правоту этого исторического прогноза товарища Сталина, но от этого, конечно, им не легче. Буржуазия в ближайший период времени все же будет вынуждена ходом исторического развития испробовать свои силы и способности через активную вооруженную борьбу.

Война в Китае есть не только генеральная репетиция, но и начало второй мировой империалистической войны.

Известно, что до мировой войны 1914—1918 гг. империалистический мир знал о гениальном прогнозе Энгельса о будущей войне и ее результатах (см. «Введение» нашего труда). Этот прогноз в значительной степени, как говорит Ленин в своей статье «Пророческие слова», оправдался. Но это все же не помешало капиталистам начать первую мировую империалистическую войну, без которой их существование немыслимо. Так будет и в данном случае. Поэтому товарищ Сталин в своем докладе на XVII съезде ВКП(б) и подчеркнул, что «дело явным образом идет к новой войне»[2]. Пролетариат и трудящееся крестьянство всего мира хорошо помнят вещие слова нашего величайшего гения Ленина:

«... Школа гражданской войны не проходит для народов даром. Это — тяжелая школа, и полный курс ее неизбежно содержит в себе победы контр-революции, разгул озлобленных реакционеров, дикие расправы старой власти над мятежниками и т. д. Но только отъявленные педанты и выжившие из ума мумии могут плакаться по поводу поступления народов в эту мучительную школу; эта школа учит угнетенные классы ведению гражданской войны, учит победоносной революции, концентрирует в массах современных рабов ту ненависть, которую вечно таят про себя рабы, забитые,

---

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 547—548.

[2] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 544 (разрядка наша. — *Вл. М.*).

тупые, невежественные, и которая ведет к величайшим историческим подвигам рабов, сознавших позор своего рабства»[1].

Этими мыслями Ленина и Сталина мы стремились пропитать весь I том настоящего труда, и к этому же вопросу мы особо вернемся во II томе нашей работы, где рассматриваем и анализируем проблему стратегического развертывания в эпоху нашей гражданской войны 1918—1920 гг. и те новые оперативно-стратегические вопросы, которые оформляются в настоящее время в армиях капиталистических стран.

В настоящем же I томе мы охватили вопросы планов стратегического развертывания, которые предшествовали мировой войне и были в ее финальный, заключительный период (1918 г.), а также попытались показать те оперативно-стратегические варианты развертывания, которые намечались на 1919 г.

В настоящее, второе издание труда внесен ряд исправлений на основании изучения новых появившихся военно-исторических материалов.

В данное время работаю над вторым томом «Стратегического развертывания», куда и войдут научно-обобщенные оперативно-стратегические и военно-технические выводы из опыта первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг. и гражданской войны 1918—1920 гг.

---

[1] Ленин, т. XII, стр. 305.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ВВЕДЕНИЕ

I

В трудах великих основоположников научного социализма, Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, мы находим гигантское научное наследство — всесторонний анализ ряда исторических эпох и тех войн и революций, которые имели место в эти эпохи. Особенно богатый и поучительный научно-классовый анализ в их трудах мы имеем по войнам и революциям XVIII, XIX и XX столетий.

Лишь с помощью научных трудов Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина современный исследователь политических и военных явлений и событий может действительно правильно подытожить опыт национально-освободительных, империалистических и гражданских войн, дать научно-конкретное определение, что представляет собой данная война, какой характер она имеет и каковы основные источники, питающие данную войну.

Из трудов Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина становится совершенно ясно, во-первых, что «война не случайность, не «грех», как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как и мир...» [1], во-вторых, что марксисты не принадлежат к числу безусловных противников всякой войны [2]. Марксисты говорят: «Наша цель — достижение социалистического общественного устройства, которое, устранив деление человечества на классы, устранив всякую эксплуатацию человека человеком и одной нации другими нациями, неминуемо устранит всякую возможность войн вообще...» [3].

Именно в этом тезисе Ленина марксизм видит единственный путь для того, чтобы раз навсегда вырвать человечество из всяких войн.

Война есть продолжение политики и насквозь политика. «...Для современной истории, — говорит Энгельс, — было доказано,

---

[1] Ленин, т. XVIII, стр. 70.

[2] Марксисты являются последовательными противниками реакционных войн капиталистов. Такими реакционными войнами являются войны империалистических государств между собой и против пролетарской революции и против стран, в которых строится социализм. Марксисты говорят, что «пролетариат поддерживает и ведет национально-революционные войны и войны социализма против империализма и организует оборону национальной революции и государств пролетарской диктатуры» (тезисы VI конгресса Коминтерна).

[3] Ленин, т. XXX, стр. 332.

что всякая политическая борьба есть борьба классовая и что всякая борьба классов за освобождение, невзирая на ее неизбежно политическую форму,—так как всякая классовая борьба есть борьба политическая, — ведется в конце концов из-за освобождения экономического»[1].

Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин постоянно учили и учат при анализе того или другого типа войн никогда не забывать основного: какой классовый характер война носит, из-за чего эта война возникла, какие классы ее ведут, какие классы ее подготовляли и направляли, какие исторические и историко-экономические условия ее вызвали.

Ленин с особой силой подчеркивал, что, для того чтобы безнадежно не утонуть в бесцельных фразах и беспредметных спорах, надо всегда помнить:

«Война есть продолжение политики иными средствами. Всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот же самый класс продолжает во время войны, переменив только форму действия»[2].

Огромное количество времени и труда Энгельс посвятил тщательному и глубокому изучению военно-теоретических вопросов. Эта работа у него постоянно сочеталась с гениальным, всесторонним анализом особенно тех войн и революционных восстаний, которыми была богато насыщена эпоха XIX в. На его глазах произошла революция 1848 г., а на следующий год Энгельс лично активно участвовал в революционном восстании в Бадене и в Палатинате; он является также современником русско-турецкой войны 1853—1856 гг. (Восточная война), австро-итало-французской войны 1859 г., войны между Севером и Югом в Америке 1861—1865 гг., австро-прусской войны 1866 г., франко-прусской 1870—1871 гг., русско-турецкой 1877—1878 гг. и др., а также бессмертного 72-дневного революционного восстания Парижской коммуны.

Маркс и особенно Энгельс в своих трудах оставили нам глубокий военно-политический и классовый анализ всех этих военно-политических событий.

Незачем здесь особо оговаривать, что вся работа Энгельса над военными вопросами в первую голову исходила у него из основной мысли — так обучить пролетариат в военном отношении, чтобы он в будущей пролетарской революции был во всеоружии военных знаний. А что эти военные знания настоятельно необходимы рабочему классу, Маркс и Энгельс наглядно видели хотя бы из тяжелого опыта революционного восстания парижского пролетариата в исторические дни марта — мая 1871 г.

В 1905 г. 35-летний Ленин, самый глубокообразованный марксист, в своей статье «Революционная армия и революционное правительство» писал следующее:

---

[1] Энгельс, Людвиг Фейербах, Партиздат, 1932, стр. 49.
[2] Ленин, т. XXX, стр. 333.

«... Ни один социал-демократ, знакомый хоть сколько-нибудь с историей, учившийся у великого знатока этого дела Энгельса, не сомневался никогда в громадном значении военных знаний, в громадной важности военной техники и военной организации, как орудия, которым пользуются массы народа и классы народа для решения великих исторических столкновений. ...Революционная армия должна практически применить военные знания и военные орудия для решения всей дальнейшей судьбы русского народа, для решения первого, насущнейшего вопроса, вопроса о свободе» [1].

Ленин и Сталин постоянно твердо следовали по пути своего учителя Энгельса и самым внимательным образом изучали историю и теорию военного искусства. И к моменту Октябрьской революции 1917 г. и нашей гражданской войны 1918—1920 гг. Ленин и Сталин были вооружены военными знаниями.

Маркс и Энгельс неустанно подчеркивали, что в предстоящих революционно-классовых битвах за мировую коммунистическую революцию пролетариат должен быть вооружен военными знаниями. Маркс и Энгельс требовали внимательно следить за дальнейшим развитием военной теории и военно-технических средств истребления, внимательно изучать их, чтобы к моменту решительной вооруженно-классовой борьбы пролетариат не оказался отставшим в тех военных знаниях, которые будет к этому времени иметь буржуазия. Маркс и Энгельс еще задолго до мировой империалистической войны 1914—1918 гг. предвидели неизбежность грядущей всемирной войны. Еще в 1870 г. Маркс предсказывал, что политика «железного канцлера» Бисмарка твердо ведет к военному союзу между Францией и Россией, а отсюда и к неизбежности войны между франко-русской коалицией и Германией. Этой войны Маркс и Энгельс ожидали с особым вниманием, так как они считали, что нанесение через эту войну удара по царской России будет толчком к обострению классовой борьбы в Европе и к революции в России. В ту эпоху, эпоху домонополистического капитализма, Маркс и Энгельс рассматривали войну против царской России как прогрессивную, положительную для завершения буржуазно-демократических преобразований в Европе.

«Если не считать Германии и Австрии, — писал Энгельс в 1875 г., — то страной, за которой нам надо наиболее внимательно следить, остается Россия. Там, как и у нас, правительство — главный союзник движения, но гораздо лучший союзник, чем наши Бисмарк и Штибер-Тессендорфы. ...Положительно кажется, что на этот раз Россия первая пустится в пляс. А если это совершится во время неизбежной войны между германо-прусской империей и Россией, — что весьма вероятно, — то неизбежно и обратное воздействие на Германию» [2].

Во время войны 1877—1878 гг. между Турцией и Россией Маркс и Энгельс всемерно желают скорейшего и основательного поражения для царизма, исходя из основной мысли, что «поражение

---

[1] Ленин, т. VII, стр. 384—385.

[2] «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 95.

русских очень ускорило бы социальный переворот в России, элементы которого налицо в огромном количестве, и тем самым ускорило бы и резкий перелом во всей Европе»[1].

В 1885—1886 гг. Энгельс, анализируя военно-политическую обстановку в Европе и особенно на Балканах, твердо говорит, что тут локализация войны становится невозможной. Политика Бисмарка должна быть направлена либо к отпору России, и тогда — перспектива франко-русского союза и мировой войны, либо уступить России, т. е. предать Австрию. Затем, переходя к военному анализу армий обеих сторон, Энгельс дает свое чрезвычайно интересное мнение о буржуазных армиях того времени.

«...Германская армия безусловно лучшая из всех и обладает лучшим командованием, но она лишь одна из многих армий. Силу австрийцев учесть заранее невозможно, даже в военном отношении (я имею в виду и численность, и в особенности командование), — они всегда умели добиться поражения, располагая лучшими солдатами. Русские, как всегда, обольщаются своими огромными — на бумаге — силами; они чрезвычайно слабы при наступлении и слабы при обороне собственной страны. Их наиболее уязвимое место, ...недостаток хороших офицеров, необходимых для командования несметными массами; страна не производит такого количества образованных людей. Турки — отличные солдаты, но высшее командование у них всегда жалкое, если не продажное»[2].

В другом месте Энгельс, разбирая операции в Азии, жестоко критиковал турецкую армию в период Восточной войны. Он писал: «...четыре или пять неудачных сражений в 1853 и 1854 гг., в районе между Ахалцыхом и Баязетом, сломили спайку и боевую энергию этих войск, а отсутствие одежды и продовольствия в зимние месяцы окончательно разложили их. ...В глазах невежественных, завистливых и интригующих пашей авантюристы могли сойти за первоклассных деятелей, а с действительно полезными людьми ...обращались как с авантюристами»[3].

Эта точка зрения на турецкое командование не изменилась у Энгельса и после войны 1877—1878 гг.

«...Об итальянцах можно с уверенностью сказать, что при равной численности сторон они будут разбиты любой другой армией»[4]. В свете опыта мировой войны 1914—1918 гг. эти мысли Энгельса являются такими же пророческими, как и его гениальный прогноз о характере будущей всемирной войны.

Тщательно изучая войны и революции эпохи XVIII и XIX столетий, Энгельс с гениальной прозорливостью определил, какой может быть после эпохи австро-прусской (1866 г.) и франко-германской (1870—1871 гг.) войн и революций 1848 г. и Парижской коммуны будущая война.

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 381.
[2] Там же, стр. 360.
[3] Маркс и Энгельс, т. X, стр. 586.
[4] «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 360.

За 37—38 лет до начала мировой империалистической войны, т. е. до августа 1914 г., Энгельс дважды особенно подробно высказал свои предположения о характере будущей всемирной войны. Из дальнейших глав нашего труда, когда мы будем рассматривать прогнозы о будущей войне наиболее выдающихся представителей буржуазных политиков и военных стратегов, мы наглядно увидим, как большинство их глубоко ошибалось в своих предположениях о будущей войне и как оказался прав Энгельс. В июне 1918 г. (т. е. почти за пять месяцев до окончания мировой войны и ноябрьской революции в Германии) Ленин писал об одном из этих прогнозов Энгельса: чудесное пророчество есть сказка, но научное пророчество есть факт. И далее, анализируя мысли Энгельса о будущей войне, Ленин подчеркивал: «Какое гениальное пророчество! И как бесконечно богата мыслями каждая фраза этого точного, ясного, краткого, научного классового анализа!..

Кое-что из того, что предсказал Энгельс, вышло иначе: еще бы не измениться миру и капитализму за тридцать лет бешено быстрого империалистического развития. Но удивительнее всего, что столь многое, предсказанное Энгельсом, идет, «как по писаному». Ибо Энгельс давал безупречно точный классовый анализ, а классы и их взаимоотношения остались прежние»[1].

Энгельс, конечно, не мог еще в условиях конца XIX в. дать характеристику новой монополистической стадии капитализма и определить все те глубокие и существенные изменения, которые присущи этой новой эпохе и которые придали специфический империалистический, со всех сторон реакционный характер ожидаемой им всемирной войне.

В 1887 г. Энгельс говорил:

«...Для Пруссии — Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От 8—10 000 000 солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, — сжатое на протяжении трех-четырех лет и распространенное на весь континент, — голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите—все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым, и не находится никого, чтобы поднимать эти короны, абсолютная невозможность предусмотреть, как все это кончится и кто выйдет победителем из борьбы,— только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса.

Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в воен-

[1] Ленин, т. XXIII, стр. 106 (разрядка наша. — *Вл. М.*).

ных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды. Вот куда, господа короли и государственные мужи, привела ваша мудрость старую Европу. И если вам ничего больше не остается, как открыть последний великий военный танец,— мы не заплачем. Пусть война даже отбросит, может быть, нас на время на задний план, пусть отнимет у нас некоторые уже завоеванные позиции. Но если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все же таки неизбежна»[1].

В январе 1888 г. в своем письме к Зорге Энгельс писал:

«Война отбросила бы нас назад на годы. Шовинизм все потопил бы, так как это была бы борьба за существование. Германия выставила бы около пяти миллионов солдат или 10% населения, другие около 4—5%, Россия — относительно меньше. Но в действие были бы пущены от десяти до пятнадцати миллионов солдат. Хотел бы я видеть, как их прокормят. Опустошение было бы так же велико, как в Тридцатилетнюю войну. И дело не кончилось бы быстро, несмотря на колоссальные военные силы. Ибо на северо-восточной и юго-восточной границах Франция защищена очень длинной линией крепостей, а Париж снабжен образцовыми укреплениями,— стало быть, война затянулась бы долго, точно так же и Россию нельзя победить одним ударом (разрядка наша.— *Вл. М.*). И если все пойдет по желанию Бисмарка, то на нацию будет возложено столько тягостей, сколько она раньше никогда не терпела, и вполне возможно, что отсутствие решающих битв и частичные поражения вызовут внутренний переворот.

Если же немцы с самого начала будут побиты или будут вынуждены на продолжительную оборонительную войну, тогда переворот уже несомненно наступит. А в том случае, если война кончится без внутренних потрясений, то наступит такое истощение, какого Европа уже 200 лет не переживала. Победительницей явилась бы по всей линии американская промышленность и поставила бы всех нас перед выбором: либо вернуться назад к сельскому хозяйству и производить только для собственного потребления (так как всякое другое применение агрикультуры исключается американской конкуренцией на хлебном рынке), либо — социальный переворот. В силу этого я думаю, что дело не доведут до крайности, а ограничатся только запугиванием войной. Но пусть только раздастся первый выстрел, и буржуазные правительства потеряют сейчас же контроль над собой, и все завертится»[2].

Если мы обратимся к некоторым фактам и цифрам мировой империалистической войны 1914—1918 гг., то увидим, насколько

---

[1] Маркс и Энгельс, Письма, Соцэкгиз, 1931, стр. 361 (разрядка наша. — *Вл. М.*).

[2] Там же, стр. 360—361 (разрядка наша. — *Вл. М.*).

Энгельс оказался прав в своем вышеприведенном научном прогнозе, несмотря на то, что он высказал его почти за четыре десятилетия до августа 1914 г. После войны 1870—1871 гг. Энгельс наглядно видел продолжавшийся рост вооружений и огромных расходов на милитаризм во всех главнейших европейских государствах. И действительно, Великобритания, Франция, Италия, Россия и Австро-Венгрия только за период с 1870 по 1912 г. увеличили армии с 2 111 000 человек до 3 184 000 человек. Их расходы на армию и флот составляли:

за 1881—1890 гг.	. . . . .	6 200 000 000 долл.
» 1891—1900 »	. . . . .	7 800 000 000 »
» 1901—1910 »	. . . . .	12 700 000 000 »

За четыре года мировой империалистической войны было призвано под знамена в действующую армию 29 млн. человек, а на изготовление разнообразной боевой техники разрушения было истрачено 50 млн. т стали. Милитаризм забрал в свои кровавые лапы десятки тысяч различных фабрик и заводов и промышленных предприятий для снабжения гигантских вооруженных сил воюющих империалистических коалиций. Французский империализм полностью подчинил себе работу 15 500 частных предприятий, английский — 20 000, а в Германии для производства одних орудий было приспособлено 536 частных заводов.

Из дальнейших глав нашего труда читатель наглядно увидит появление в процессе мировой империалистической войны новых, невиданных до этого отраслей промышленности, поставляющих в огромном количестве на театр военных действий новые орудия истребления: авиацию, танки, химическое оружие и пр.

Мировая империалистическая война, дав огромные прибыли кучке капиталистов, наживавшихся на различных поставках для войны, нанесла громадный ущерб всему народному хозяйству воюющих государств, разорив и обескровив огромные, многомиллионные трудящиеся массы. 10 млн. убитых, 20 млн. раненых (по данным американского статистика и экономиста Стюарта Чэйза), миллионы людей, погибших от всевозможных эпидемий и болезней, грандиозные разрушения на фронте и в тылу — таковы краткие итоги мировой империалистической бойни, которая бросила целые народы в лапы одичания, нищеты и варварства. И прав оказался Энгельс, говоря, что короны будут валяться на земле. Революции в России, Германии, Австро-Венгрии сбросили коронованных владык этих государств.

Только один результат (всемирной войны. — *Вл. М.*), — говорит Энгельс, — абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса. И он оказался прав, диктатура пролетариата твердо победила на одной шестой земного шара, нанеся тем самым еще один могучий удар по издыхающему капитализму.

Мировой перелом совершился, — добавляет к гениальному прогнозу Энгельса гениальный Ленин.—««...Исторически изжит» парламентаризм в смысле в с е м и р н о - и с т о р и ч е с к о м, т. е. э п о х а

буржуазного парламентаризма кончена, эпоха диктатуры пролетариата началась...»[1].

Если Энгельс дал прогноз о характере будущей войны, то еще никто другой с такой изумительной четкостью, ясностью и всесторонностью не разработал вопроса о сущности, характере, источниках, «зачинщиках» и виновниках мировой империалистической войны 1914—1918 гг., как это сделал Ленин. Ленин в своих многочисленных трудах дал огромный синтезирующий, обобщающий материал по всем этим вопросам.

На протяжении всей нашей работы гениальное ленинско-сталинское учение о мировой империалистической войне 1914—1918 гг. являлось для нас тем маяком, который освещал нам путь и выводил нас на верную дорогу в то время, когда мы пытались научно-критически анализировать тот или другой вопрос в планах империалистических государств в эпоху мировой войны 1914—1918 гг.

Как известно, Маркс и Энгельс вели свою революционно-творческую работу в период домонополистического капитализма. Энгельс умер в 1895 г., Маркс еще ранее, в 1883 г., а потому совершенно правильно говорит товарищ Сталин, что они могли лишь строить научные предположения «о тех новых условиях развития капитализма, которые наступили в связи с новой фазой капитализма, пришедшей на смену старой фазе, в связи с империалистической, монополистической фазой развития, когда плавное эволюционирование капитализма сменилось скачкообразным, катастрофическим развитием капитализма, когда неравномерность развития и противоречия капитализма выступили с особой силой, когда борьба за рынки сбыта и вывоза капитала в условиях крайней неравномерности развития сделала неизбежными периодические империалистические войны на предмет периодических переделов мира и сфер влияния...»[2].

И когда представители первой американской рабочей делегации спросили в их беседе с товарищем Сталиным, какие именно новые принципы Ленин прибавил к марксизму, то товарищ Сталин ответил, что никаких новых принципов Ленин не прибавлял к марксизму, так же как Ленин не отменял ни одного из принципов марксизма. Ленин был и остается самым верным и последовательным учеником Маркса и Энгельса, целиком и полностью опирающимся на принципы марксизма.

И далее товарищ Сталин указал, что «Ленин не был только лишь исполнителем учения Маркса — Энгельса. Он был вместе с тем продолжателем учения Маркса и Энгельса. Что это значит? ...Это значит, что, развивая дальше учение Маркса в новых условиях классовой борьбы, Ленин внес в общую сокровищницу марксизма нечто новое в сравнении с тем, что дано Марксом и Энгельсом, в сравнении с тем, что могло быть дано в период доимпериалистического капитализма, при чем это новое, внесенное Лениным в сокровищницу марксизма, базируется целиком и полностью на

[1] Ленин, т. XXV, стр. 200.
[2] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 170.

принципах, данных Марксом и Энгельсом. В этом смысле и говорится у нас о ленинизме, как марксизме эпохи империализма и пролетарских революций...» [1]. В свете этих высказываний и положений товарища Сталина становится еще более ясной та ожесточенная борьба Ленина с оппортунистами различных мастей, которую он вел против всяких попыток перенести взгляды Маркса и Энгельса на тот или иной тип войны (скажем, оценка опыта войны 1870—1871 гг.) — на современную империалистическую войну 1914—1918 гг.

Ленин говорил: «Все эти ссылки представляют из себя возмутительное искажение взглядов Маркса и Энгельса в угоду буржуазии и оппортунистам, точно так же, как писания анархистов Гильома и К° искажают взгляды Маркса и Энгельса для оправдания анархизма. Война 1870—1871 года была исторически прогрессивной со стороны Германии, пока не был побежден Наполеон III, ибо он, вместе с царем, долгие годы угнетал Германию, поддерживая в ней феодальное раздробление. И как только война перешла в грабеж Франции (аннексия Эльзаса и Лотарингии), Маркс и Энгельс решительно осудили немцев...» [2]. А потому, — говорит Ленин, — «перенесение оценки этой войны, буржуазно-прогрессивной и национально-освободительной, на современную империалистскую войну есть издевательство над истиной...» [3].

Одновременно с этим Ленин жестоко бичует социал-шовинистов типа Каутского, Плеханова и им подобных, желавших оправдать свое предательство интересов рабочего класса тем положением, что виновником и зачинщиком в империалистической войне 1914—1918 гг., с точки зрения Каутского, были Англия и Франция, а с точки зрения Плеханова — Германия.

Ленин бичует обе эти точки зрения, как исторически совершенно не соответствующие реальной действительности, как фальсификацию, как «теории», пытающиеся оправдать предательскую роль по отношению к рабочему классу со стороны международного оппортунизма во время империалистической войны.

Ленин писал: «...Мы знаем, что д е с я т и л е т и я м и трое разбойников (буржуазия и правительства Англии, России, Франции) вооружались для ограбления Германии. Удивительно ли, что два разбойника напали раньше, чем т р о е успели получить заказанные ими новые ножи? Разве это не софизм, когда фразами о «зачинщиках» замазывается всеми социалистами бесспорно, единогласно признанная в Базеле о д и н а к о в а я «в и н о в н о с т ь» буржуазии всех стран?..» [4].

Давая этот блестящий научно-классовый анализ сущности империалистических войн XX столетия, Ленин не случайно взял в кавычки слово «виновность». Он этим самым лишь еще раз хотел подчеркнуть ту закономерность, о которой в другом месте высказался следующим образом:

---

[1] И. С т а л и н, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 169.
[2] Л е н и н, т. XVIII, стр. 200.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 93.

«...Война порождена полувековым развитием всемирного капитала, миллиардами его нитей и связей. Нельзя выскочить из империалистской войны, нельзя добиться демократического, ненасильнического, мира без свержения власти капитала, без перехода государственной власти к другому классу, к пролетариату» [1].

«...Война не есть противоречие основам частной собственности, а прямое и неизбежное развитие этих основ. При капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств. При капитализме невозможны иные средства восстановления, время-от-времени, нарушенного равновесия, как кризисы в промышленности, войны в политике» [2].

Это основное ленинское положение о сущности империалистической войны, о ее классовом характере, об исторических и историко-экономических причинах, которые ее вызывают, направляют и питают, заставили Ленина в самом начале мировой войны 1914—1918 гг. выдвинуть могучий стратегический и тактический революционно-классовый лозунг, который стал знаменем современной эпохи. Об этом лозунге Ленин сказал так:

«Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высокоразвитыми буржуазными странами...» [3].

Опыт первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг. наглядно показал, насколько могуч и жизнедеятелен этот великий лозунг Ленина. Товарищ Сталин, анализируя в своем докладе на XVII съезде большевистской партии четыре возможных варианта планов войны современных империалистических государств, еще раз подчеркнул, что все эти империалистические планы и варианты в конце концов окончатся революционно-классовой гражданской войной. Иначе быть не может, ибо современное человечество и весь мир живут в эпоху пролетарской диктатуры.

II

Современный план войны проникает во все поры государственного организма, обнимая собой все политические, экономические, хозяйственные, классовые, оперативно-стратегические и военно-технические вопросы. В силу этого будущая война в большей степени, чем война 1914—1918 гг., захватит в свои руки буквально все государство в целом.

План войны, по своей сущности, относится к области стратегии, которая охватывает собой все вопросы подготовки данного государства к обороне и ведению войны и руководства ею.

Мы будем говорить об одной очень важной части плана войны — о стратегическом развертывании вооруженных сил и средств, и главным образом на сухопутном театре военных действий.

---

[1] Ленин, т. XX, стр. 118.
[2] Ленин, т. XVIII, стр. 232.
[3] Там же, стр. 66.

Основная цель нашей работы — попытаться выяснить, какие главные этапы в своем развитии стратегическое развертывание прошло на протяжении последних десятилетий, какие оно претерпело видоизменения, чем оно стало сейчас и какова тенденция в его дальнейшем развитии у капиталистических государств.

Понятие «развертывание вооруженных сил и средств» существует в истории военного искусства с незапамятных времен.

«Развертывание сил и средств» есть термин не только стратегический. Он имеет свое место и в тактике, и в оперативном искусстве. Здесь вопрос заключается лишь в масштабе, в степени, т. е. какие именно количественно силы и средства надлежит развертывать (полк, дивизию, армию, группу армий, входящих во фронт, и т. д.) на протяжении и в глубину данного фронта, данного театра военных действий.

И это вполне естественно, так как невозможно разделить непроходимой стеной в искусстве ведения войны, операции и боя такие понятия, как стратегия, оперативное искусство и тактика.

Если бы мы обратились к трудам и опыту наиболее крупных теоретиков и практиков военного дела, то увидели бы, что ни один из них не говорит, что между стратегией и тактикой находится водораздел или стена. Вернее, эти высказывания еще раз со всей своей силой подтверждают гениальные ленинские мысли о диалектическом единстве общего и частного. В своем фрагменте о диалектике Ленин пишет: «...Отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д...»[1]

Обратимся к фактам. Например, Наполеон не раз говорил, что под стратегией он понимает «большую тактику» театра военных действий, в то время как просто тактика есть бой. Существенной разницы между этими обоими понятиями, т. е. большой тактикой (стратегией) и тактикой, он не замечал, а разницу видел лишь в степени. Как бы дополняя эту мысль, Клаузевиц говорит, что «стратегия указывает, как пользоваться боем в видах достижения целей войны; она, следовательно, обязана поставить всей войне цель окончательную, соответствующую целям войны. Стратегия составляет план войны, предположения отдельных кампаний и распоряжения в них отдельными сражениями. В своих высших сферах стратегия граничит с политикой и искусством государственного управления или, вернее, вмещает в себе то и другое. Итак, согласно нашему делению, тактика есть учение об использовании

[1] Ленин, т. XIII, стр. 302—303.

вооруженных сил в бою, а стратегия — учение об использовании боев в целях войны»[1]. Детализируя эти два вышеприведенные положения, Мольтке-старший пишет: «Стратегия указывает выгоднейший путь к бою и когда он должен быть дан; тактика же — лучший способ употребления различных родов войск, т. е. как должен вестись бой».

Шлихтинг, один из популяризаторов разницы между наполеоновскими и мольтковскими приемами и способами ведения войны и боя, пишет: «Сущность стратегии заключается в организации раздельных движений при условии обеспечения своевременного сосредоточения сил для удара в выбранном направлении».

Известный германский военный писатель, участник войны 1866 и 1870 гг., Бернгарди говорит: «То, что мы понимаем под тактикой и стратегией, так незаметно сливается друг с другом, что провести границу между ними не представляется возможным. Сосредоточение и операция относятся к области стратегии, а ведение боя — к области тактики».

Величайший стратег и полководец рабочего класса товарищ Сталин в целом ряде своих работ дал классические определения задач стратегии и тактики.

«...Стратегия есть определение направления главного удара пролетариата на основе данного этапа революции, выработка соответствующего плана расположения революционных сил (главных и второстепенных резервов), борьба за проведение этого плана на всем протяжении данного этапа революции».

«Стратегия имеет дело с основными силами революции и их резервами. Она меняется в связи с переходом революции от одного этапа к другому, оставаясь в основном без изменений за весь период данного этапа».

«...Если стратегия имеет целью выиграть войну, скажем, с царизмом или с буржуазией, довести до конца борьбу с царизмом или буржуазией, то тактика ставит себе менее существенные цели, ибо она старается выиграть не войну в целом, а те или иные сражения, те или иные бои, успешно провести те или иные кампании, те или иные выступления, соответствующие конкретной обстановке в период данного подъема или упадка революции. Тактика есть часть стратегии, ей подчиненная, ее обслуживающая»[2].

В другом месте товарищ Сталин пишет: «Определить направление основного удара—это значит предрешить характер операций на весь период войны, предрешить стало быть на $^{9}/_{10}$ судьбу всей войны. В этом задача стратегии»[3].

Стратегия должна выбрать решающее направление, искусно подвести войска в возможно больших силах к исходной линии для ведения операций (действий) и организовать успешный бой.

---

[1] Клаузевиц, О войне, Гиз, 1934, стр. 67.
[2] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 51, 52, 53.
[3] «Правда» № 56 за 1923 г.

То же самое относится к оперативному искусству, т. е. планированию и ведению ряда последовательных армейских операций.

Новый самостоятельный термин «оперативное искусство» стоит на грани между современной стратегией и тактикой.

Этот термин не случаен, он является закономерным в развитии военного искусства. Например, в наполеоновское время достаточно было одной армии и одного генерального сражения, происходившего на ограниченной по размерам площади по фронту и в глубину (Маренго, Ульм, Ваграм, Аустерлиц, Бородино и т. д.), чтобы успешно или неуспешно закончить целую кампанию, а подчас и войну. Во времена Мольтке-старшего поле сражения увеличилось во много раз, оно представляло собой ряд самостоятельных боев (сражений), которые вели частные армии (2—3—4)[1] по общему плану и под общим руководством (ординарцев Наполеона заменил в основном телефон, а в русско-японскую войну телеграф и телефон). Сражения (бои) с каждой новой войной все более расширялись по фронту и в глубину благодаря росту и совершенствованию техники и росту численности армий. Например, Марнская операция 1914 г. в отношении численности войск, площади сражения (боев), длительности и потерь во много раз превосходит Бородинскую (1812 г.) или Седанскую операцию (1870 г.). Но Мукденская операция (февраль 1905 г.) была уже показательной и являлась как бы предтечей, прообразом Марнской операции 1914 г., конечно, значительно уступая ей во всех отношениях. В Мукденской операции участвовало 300 000 бойцов и 1 000 орудий на каждой стороне, пулеметов у японцев было 200, у русских 60, поле сражения более 100 км по фронту и 60 км в глубину; решительные бои продолжались 14 дней; иными словами, лишь в количестве боевых дней Марнская операция уступает Мукденской (14 и 9 дней). По остальным же моментам Марна превосходит Мукден: в отношении количества бойцов в $2^1/_2$—3 раза с каждой стороны, орудий в 5—6 раз, пулеметов в 6—7 раз (для японцев) и 20 раз (для русских), по площади: в 3 раза больше по фронту и в 2 раза в глубину. Количество частных армий в Марнской операции было в $1^1/_2$—2 раза больше, чем в Мукденской.

Таким образом, каждая частная армия, имея свой фронт и глубину, ведет ряд последовательных сражений по цели и направлению, которые объединяются армейским командованием (планом) в операцию (армейская операция).

В силу этого, например, чтобы уничтожить живую силу армий противника в Марнской операции 1914 г., был организован с обеих сторон ряд объединенных операций, примерно по шесть многочисленных армий (по 100 и более тысяч каждая) на 300-км фронте с глубиною более 120 км. Отсюда армейская операция органически входит во фронтовую операцию, где несколько армий (3—5), объединенные под одним командованием, образуют фронт, который

[1] 3 августа 1870 г. 500-тысячная армия германцев в полной боевой готовности стояла на границе. Эта масса развернулась в трех группах на фронте в 150 км и в глубину в 110 км.

и ведет операцию данного фронта. Поэтому изменился, по сравнению с наполеоновско-мольтковским временем, театр военных действий: если тогда действовала одна армия (Наполеон) или три армии (Мольтке), то теперь театр военных действий составляет обычно несколько фронтов (2—3—4 и т. д.), которыми руководит стратегия главного (верховного) командования.

Отсюда ясно, что нельзя проводить водораздел или строить стену между стратегией и оперативным искусством, так как здесь одно вытекает из другого, дополняя друг друга, так же, как оперативное искусство и тактика.

Исходя из анализа теоретических положений и опыта войн, мы можем под термином «стратегическое развертывание сил и средств» понимать развертывание войсковых единиц (соединений) на всем театре военных действий, т. е. когда эти войска, приняв соответствующую группировку, заняли исходное положение для открытия военных операций.

Развертывание группы армий, вошедших в состав данной фронтовой организации (фронтовое командование), также будет являться стратегическим развертыванием данного фронта.

Термин «оперативное развертывание» по своему масштабу и по кругу вопросов, в него входящих, относится к организму данной армии (армейское командование), действующей в составе данного фронта, в то время как тактическое развертывание относится к войсковым единицам, начиная с корпуса и ниже.

Если невозможно провести водораздел между стратегией, которая обнимает собой понятие операций ряда армий (отдельно действующих или сведенных в группу или во фронт под одним командованием) на театре военных действий, и оперативно-тактическим искусством, то нельзя отрывать друг от друга и проводить водораздел между мобилизацией, стратегическим сосредоточением и развертыванием.

План мобилизации (т. е. приведение армии из мирного состава в военный), план стратегического сосредоточения (т. е. сбор вооруженных сил в ранее намеченные планом войны районы театра военных действий), план стратегического развертывания (т. е. группировка и занятие войсками исходного положения для определенных операций на театре военных действий) — все это единое целое, вытекающее друг из друга, находящееся друг в друге и имеющее устремление к одной основной цели искусного ввода войск в первое большое пограничное сражение. Сюда же относится план устройства тыла (т. е. эшелонирование в глубину всего театра войны различных запасов, обеспечивающих действующую армию всем необходимым для ее жизни — продовольствие, фураж; для ведения боя — огнеприпасы, горючее, и т.д.), который обеспечивал бы армиям свободу маневра и безопасность в тылу.

Термин «стратегическое развертывание» существует и принят в ряде западно-европейских армий.

В германской военной литературе он обозначен как strategischer Aufmarsch, или просто Aufmarsch, во французской — déploiement stratégique, или le plan de concentration, в австрийской — Aufmarsch, причем достаточно ознакомиться с содержанием тех конкретных военно-исторических фактов, которые описываются в главах «Le plan de concentration» [1] или «Mobilisierung und Aufmarsch 1914 г.» [2], чтобы притти к заключению, что в них речь идет о сосредоточении и распределении войсковых сил и средств на исходной линии данного фронта для определенных действий, т. е. для стратегического развертывания.

Но следует здесь заметить, что стратегическое развертывание вооруженных сил и средств и их планирование принято считать только прерогативой начального периода войны, к нему обыкновенно и относят этот термин. Имея в виду, что стратегическое развертывание в 1918 г. на западно-европейском театре военных действий с его многомиллионными людскими силами и огромной военной техникой, опиравшейся на укрепленные районы и полосы, крайне поучительно для современных условий развертывания, мы его также исследуем в настоящей работе [3].

Мало того, как подсказывает опыт войн, не успеет закончиться данная война, не высохнут еще чернила на так называемых «мирных» договорах, как сейчас же начинается подготовка к новой войне и проектирование стратегического развертывания вооруженных сил для новых войн и в новых условиях. Например, не успел замолкнуть последний выстрел на полях Франции в 1870—1871 гг., как Мольтке приступил к составлению нового плана стратегического развертывания против России и Франции [4], а затем, до момента своей отставки (1888 г.), вносил в него ежегодно, и даже чаще, новые поправки и составлял новые варианты; это же делали его преемники—Вальдерзее, Шлиффен, Мольтке-младший. То же самое было в царской России и Японии после войны 1904—1905 гг., и так везде и всегда в империалистических государствах включительно до сегодняшнего дня.

Можно сказать, что середина XIX столетия является исходным моментом возникновения планов мобилизации, стратегического сосредоточения и развертывания и плана устройства тыла как научно-теоретической и практической системы, определяющей, как именно надлежит эти планы составлять и как их осуществлять для совре-

---

[1] См. «Les armées françaises dans la grande guerre», t. I, p. 51.

[2] «Oesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914—1918», I Lieferung, S. 16, а также «Reichsarchiv, Der Weltkrieg», I Band.

[3] Намеченный объем книги не дал нам возможности включить главу о стратегическом развертывании в 1915—1916 гг. на восточном (русском) театре военных действий; мы решили ее выпустить отдельным изданием, но целый ряд моментов из периода 1915—1917 гг. нашел свое место в настоящем I томе нашего труда.

[4] Graf Moltke, Die deutschen Aufmarschpläne 1871—1890, S. 4.

менных армий. Начальник германского генерального штаба Мольтке-старший, тщательно изучивший многообразный опыт происходивших до него мобилизаций, а также основываясь на собственном опыте (1859 г.), дал пример всем буржуазным генеральным штабам европейских армий, как надо проводить стратегическое сосредоточение в изменившихся условиях по сравнению с теми войнами, которые происходили до 1866 г.

И в австро-прусской войне 1866 г. и во франко-германской 1870 г. Мольтке все свои подготовительные расчетные работы (мобилизационные планы и мобилизационные расписания) по мобилизационной готовности государства и армии вел, исходя из основной мысли — построить мобилизационный механизм так, чтобы он:

а) в полной боевой готовности собрал войска своей армии к государственной границе, скорее и целесообразнее по сравнению с противником развернул их для боевых операций;

б) сократил до предела возможное время мобилизационного периода, для того чтобы, выиграв несколько дней в мобилизационной готовности по сравнению с неготовым противником, сосредоточить и развернуть свои войска и перейти к решительным действиям, имея инициативу в своих руках.

Говоря иными словами, планы мобилизации, первоначального сосредоточения, развертывания и организации и устройства тыла вооруженных сил в период 1866—1870 гг. составляли единое целое, в котором один план вытекал из другого и прорехи и недоработки одного плана при его исполнении сейчас же со всей неизбежностью отражались на другом плане. Иначе не могло и не может быть, так как неудовлетворительные расчетные работы в мобилизационном плане (мобилизационная работа в армии мирного времени, укомплектование войск и производство различных новых формирований при переходе армии с мирного положения на военное), совершенно ясно, должны были сейчас же отразиться на плане стратегического сосредоточения. Мы говорим: сейчас же, потому что план стратегического сосредоточения периода 1866—1870 гг. уже резко отличался от периода наполеоновских войн, так как появился новый могущественный технический фактор — железные дороги.

Последние в несколько раз ускорили процесс отмобилизования армии и ее сосредоточения к государственной границе. Мало того, железные дороги дали возможность численно большие армии перебрасывать на далекие расстояния в нужном направлении в неизмеримо меньшие сроки времени, при огромном сохранении мускульной энергии бойцов.

Например, если мы возьмем блестяще проделанное походным порядком стратегическое сосредоточение, организованное Наполеоном

из Булонского лагеря к Рейну в 1805 г., то мы увидим, как ему удалось для знаменитой Ульмской операции 130-тысячную армию перебросить на расстояние в 500 км всего лишь в 28 дней, причем марши корпусов были настолько хорошо организованы, что, например, во 2-м корпусе ген. Мармона после 20-дневного безостановочного марша в 400 км оказалось всего лишь девять человек отсталых, остальные все в полном порядке пришли в район стратегического развертывания — Вюрцбург.

Далее, если мы возьмем 1866 г. (австро-прусская война), то увидим, что за 21 день было перевезено в районы стратегического развертывания 197 000 человек, 55 000 лошадей и 5 300 повозок; железнодорожный марш был от 210 до 630 км.

В 1870 г. (франко-прусская война) в значительно меньшие сроки было переброшено в 1 205 поездах (115 000 осей) значительно большее количество войск и грузов; так, за 16 дней мобилизационного периода германцами было перевезено 460 000 человек, 135 000 лошадей, 14 000 повозок и орудий на расстояние в 600 км, причем средняя суточная провозоспособность увеличилась в 3—4 раза.

В 1866 г. в день перевезено 9 400 чел., 2 620 лош., 252 повозки.
» 1870 г. » » » 28 500 » 8 440 » 875 »

Как видим, за 4 года железнодорожная техника в отношении переброс войск и грузов в Германии сделала значительный шаг вперед [1]. Совершенно ясно, не легко и не сразу добился этих успехов германский генеральный штаб под руководством Мольтке-старшего.

Достаточно хорошенько изучить инструкции для проведения мобилизаций и железнодорожных переброс войсковых масс на театр военных действий, составленные под руководством Мольтке в 1859, 1861 и 1868 гг., а также экспериментальные работы в мирный период между военными операциями, чтобы видеть, какие плоды приносит огромная тщательная работа. Например, для того чтобы появился вариант плана войны против Франции за № 18, составленный Мольтке в конце зимы 1868—1869 гг., потребовалась длительная кропотливая оперативно-стратегическая работа (было составлено до 20 мобилизационных записок и оперативных проектов) в течение времени с 1857 по 1870 г.

[1] В 1870 г. Франция допустила целый ряд ошибок в вопросах мобилизации и стратегического сосредоточения. Французское командование стремилось осуществить мобилизацию армии в максимально короткие сроки, но четко разработанного плана для осуществления ее в жизни не было. Мобилизация и стратегическое сосредоточение началось сразу и происходило одновременно и бесплановo, высшие войсковые соединения в мирное время отсутствовали, формирование их проходило импровизированно, все это создавало целый ряд трудностей, которые французскому командованию так и не удалось исправить в начальный период войны.

В 1870 г. состояние мобилизационного дела в царской России находилось в отношении быстроты сосредоточения в зачаточном состоянии: например, для того, чтобы мобилизовать 350 000 бессрочно-отпускных, нужно было 42 дня. Помимо примитивной в то время техники мобилизации — запасные собирались в губернские города, лошади покупались — очень существенное значение играли огромные пространства страны, при крайне слабом развитии железных дорог.

Эта упорная и кропотливая работа дала полное право Мольтке написать в своем мемуаре (план кампании 1870 г.), что «наша мобилизация подготовлена до малейших подробностей. Шесть линий железных дорог находятся в нашем распоряжении для перевозки войск между Мозелем и Рейном. Маршруты изготовлены, и по ним каждая часть войск может видеть день и час своего отправления и прибытия; уже на 10-й день первые отряды могут высадиться около французских границ и на 13-й день там соберутся два полных корпуса. В 18-й день наши силы достигнут 300 000, наконец на 20-й день эти войска получат все обозы».

После победоносной франко-германской войны 1870 г. перед Мольтке встал кардинальный вопрос, над разрешением которого он постоянно работал в последующие годы; эта проблема проходит красной нитью во всех его вариантах планов стратегического развертывания. Сущность ее заключается в следующем:

а) иметь в стране такой фонд запаса военнообученных людей, лошадей, повозок, который бы свободно заполнил собой все поры армейского организма при переходе его на военное положение;

б) иметь в пунктах мобилизации такой же фонд неприкосновенных запасов вооружения, снаряжения и обмундирования, для того чтобы они свободно удовлетворили отмобилизованную армию.

Это нами здесь подчеркивается для того, чтобы показать, что с началом 90-х годов Мольтке уже не верит в скоротечность предстоящей войны. Он считает, что предстоящая большая война будет войной, которая втянет в свою орбиту главнейшие европейские государства; он считает, что война будет длительной (3—4 года) [1], с участием миллионных армий. И это вполне естественно, так как, составляя планы стратегического развертывания германской армии в период 1880—1890 гг., он должен был принимать во внимание в своих вариантах те конкретные вооруженные силы и их численность, которые были у Германии и у главнейших государств Европы. Так, например, по данным 1886—1887 гг. Германия могла выставить в случае войны армию в 1 627 000, а с ландштурмом 2 655 000, из которых 1 500 000 вполне обученных; Австрия—1 275 000 (вполне обученных); Италия—795 000 (вполне обученных); Франция — более 3 млн., из которых 1 722 330 вполне обученных. Иными словами, все главнейшие государства Европы после войны 1870 г. продолжали непрерывно увеличивать численность своих вооруженных сил.

Если хорошенько вникнуть в планы стратегического развертывания, которые разработал Мольтке в последний период своей деятельности (1878—1888 гг.), то становится ясным, что он понимал колоссальные изменения по всем показателям, которые произошли во Франции по сравнению с войной 1870 г. (т. е. со времени его замечательного плана № 18 от 1869 г., по которому было разыграно стратегическое сосредоточение и развертывание германских войск). Изменилось все. Франция к 1886—1888 гг. окрепла в поли-

---

[1] См. главу VI «Оперативно-стратегическое учение Мольтке-старшего и Шлиффена».

тико-экономическом отношении; ее новая государственная граница после 1871 г. в восточной ее части, между Бельгией и Швейцарией, получила железобетонный пояс Серре-де-Ривьера; организация французской и германской армий стала одинаковой: мобилизация французской армии продолжалась 5 дней, для сосредоточения в районы стратегического развертывания требовалось 7 дней; то же самое было и в германской армии. Таким образом, германская и французская армии на 13-й день объявления мобилизации могли начать операции. Численность армии, не в пример 1870 г., когда Германия обладала превосходством сил, теперь сравнялась для обеих армий, — у французов 19 корпусов, у германцев 18,— причем у германцев был незначительный перевес в кавалерии, а у французов — в артиллерии (перволинейные войска); то же самое было и с второлинейными войсками, которых у французов было несколько больше.

Основной вывод был тот, что оба противника могли открыть военные действия одновременно и в отношении общей боевой подготовки в очень незначительных моментах уступали друг другу. Все это являлось тем основным материалом, который послужил для Мольтке основанием в последних его вариантах стратегического развертывания перенести внимание на организацию первого удара против России, ограничившись обороной против Франции. Кроме того, для Мольтке стало совершенно ясным, что подавляющее численное превосходство над противником в изменившихся по сравнению с 1866—1870 гг. условиях (введение почти однообразной системы комплектования, снабжения, вооружения и пр. во всех важнейших государствах Европы) может быть в Европе достигнуто лишь посредством организации коалиций.

Речь Мольтке в рейхстаге в 1890 г., за год до его смерти, когда он говорил о предстоящей европейской войне, с стратегической точки зрения является как бы предупреждением, что наступил новый период, период больших коалиционных войн, методы подготовки к которым должны быть не теми, которые были в периоды предшествующих войн. И в этом отношении Мольтке был прав и политически и стратегически более прозорлив, чем Шлиффен, который в своем варианте 1905 г. фактически игнорирует такой мощный политико-стратегический фактор, как образование Антанты (о чем мы подробно будем говорить в первых пяти главах).

Кроме того, для Мольтке, хорошо изучившего опыт войн эпохи Наполеона, а также войн за период с 1854 по 1877 г., был ясен рост быстроты мобилизации и сосредоточения армий к границам. В первую голову это касалось таких государств, как Германия, Франция, Италия, Австро-Венгрия [1]. Если в 1870 г. почти полумиллионная германская армия через 20 дней после начала мобилизации перешла французскую границу, то уже в 1886 г. германская и французская армии могли проделать это же самое в 13 дней, вы-

[1] Несколько в ином положении находилась царская Россия; ее слабо развитая железнодорожная сеть, огромные расстояния требовали для мобилизации и сосредоточения войск к государственной границе значительно (вдвое-втрое) больше времени, чем в Германии или Франции.

ставляя каждая армию по 700—800 тысяч. Иными словами, недели обращались в дни, а так называемый подготовительный к войне период все более сокращался, ибо тщательная подготовка мобилизационных мероприятий, железных дорог, устройство тыла действующих армий говорили о том, что намеченные заранее районы стратегического развертывания очень быстро после первого дня мобилизации будут заполнены войсками, и первое большое пограничное сражение, начавшись на широком фронте, расчленится на целый ряд армейских операций с решительными встречными боями.

В своих последних планах стратегического развертывания (см. изд. «Die deutschen Aufmarschpläne 1871—1890») Мольтке, опираясь на богатый опыт войн периода 1854—1870 гг., считал, что ход мобилизации армии должен быть планомерным, быстрота мобилизации армии ни в коем случае не должна вызывать суетливости и различного рода импровизации; он требовал строжайшего порядка и простоты мероприятий во всех работах мобилизационного характера.

Для того чтобы пресечь попытки со стороны противника нарушить планомерный ход в мобилизации армии, Мольтке советовал обращать особое внимание на быстроту мобилизации в войсках, расположенных в полосе государственной границы.

Не дать противнику вторгнуться глубоко в пределы страны и тем самым обеспечить быстрое сосредоточение отмобилизованной армии к районам стратегического развертывания — такова основная задача, которую должны разрешить в начальный период войны пограничные войска. А поэтому Мольтке считал необходимым иметь в пограничной полосе войска полнокровные, с возможно большим количеством быстроподвижных (кавалерийские массы) войск, опирающихся на укрепленные точки (крепости) и в своей численности уже в мирное время состоявших по штатам военного времени. В противном случае пограничные войска не сумеют задержать наступление ранее закончившего сосредоточение противника: он вторгнется первым, захватит районы сосредоточения и развертывания и в силу этого заставит отнести назад районы стратегического развертывания данной армии.

И вот здесь мы подходим к очень важной проблеме, которая во весь рост встала перед генеральными штабами после опыта Мольтке в войну 1870 г., а именно, о стратегическом развертывании вооруженных сил вперед (т. е. возможно ближе к государственной границе) и о стратегическом развертывании назад (т. е. отнесении конечно-выгрузочных станций и районов сосредоточения войск и их развертывания на несколько переходов вглубь собственной страны).

Совершенно ясно, что производство стратегического развертывания вперед или назад, как показывает накопленный опыт войн, в первую голову зависит от целого ряда расчетов, из которых наиболее важные должны показать:

а) насколько быстро может отмобилизовать свою армию вероятный противник;

б) каково начертание его железнодорожной сети, особенно той, которая идет к границе, и какова ее пропускная способность;

в) сколько времени потребуется противнику для того, чтобы он сосредоточил свои отмобилизованные вооруженные силы в районы стратегического развертывания;

г) какова сила укреплений и состав войск противника в пограничной полосе, которые предназначены осуществить безопасность стратегического развертывания вооруженных сил.

Эти основные вопросы должны быть проанализированы и конкретизированы с обеих сторон, и от сопоставления их с вероятным противником будет видно, какую исходную линию для стратегического развертывания следует в данный период принять, в каких районах будут высаживаться прибывающие отмобилизованные войска и что надо сделать, чтобы достигнуть более выгодных, чем у противника, условий для развертывания сил и средств.

Если бы мы попытались проследить методику, по которой работали известные полководцы и начальники генеральных штабов над проблемой стратегического развертывания, то заметили бы, что Наполеон, Мольтке-старший, Милютин, Шлиффен, Жоффр, Конрад, Людендорф, Фалькенгайн, Фош для достижения определенной цели в работе стратегического развертывания шли по следующему примерному плану размышлений, исследования и расчетов, — причем, конечно, у всех у них качество работы было далеко не одинаковым, так как одним удавалось выработать более совершенные образцы, другим менее совершенные,—но во всяком случае это были те военные деятели, на опыте которых можно и должно учиться.

В-первых, они тщательно работали над исследованием политической обстановки как вне, так и внутри своей страны, для того чтобы установить количество и качество наиболее вероятных для себя противников. Если их оказывалось два-три, то они, опять же исходя из политических целей и наличия своих сил, средств и возможностей, стремились определить, какой именно из этих противников будет наиболее для них сильным, важным, наиболее серьезным, а в силу этого определяли, что данный театр войны против данного сильного противника будет главным, а другой театр— второстепенным, вспомогательным.

В-во-вторых, установив главный и второстепенный театры военных действий, примерные силы и средства противника, которые он может выдвинуть на этих театрах, они переходили к следующему моменту в своей работе, а именно — к определению, какие политические и стратегические задачи они стремятся и будут преследовать на данных театрах военных действий, какое количество сил и средств будет необходимо собрать, с тем чтобы иметь основательный успех в первых операциях на главном театре военных действий.

В-третьих, они намечали на данном главном театре военных действий районы для сосредоточения главных сил и средств и районы для сосредоточения сил и средств, которые будут обеспечи-

вать операции главной решающей стратегической группировки. Иными словами, они осуществляли нарезку на данном театре военных действий участков для фронтов и армий. И здесь же перед ними логически вставал кардинальный вопрос об организации командования для собранных вооруженных сил на данном театре военных действий, т. е. какое нужно количество частных армий (с определенным количеством корпусов), сколько необходимо будет иметь фронтовых организаций или групп армий, кто может быть выдвинут кандидатом на данную армию, фронт (группу армий) и пр.

В-четвертых, для того чтобы благополучно сосредоточить и развернуть намеченные силы и средства в заранее установленных районах, они намечали войска прикрытия в пограничной полосе или в полосе уже существующего фронта, если это новое стратегическое сосредоточение и развертывание происходило уже в процессе самой войны. Эти войска прикрытия большею частью опирались и стремились в будущем действовать во взаимодействии с оборонительными фортификационными сооружениями (крепости, укрепленные районы, траншеи, огневые точки и пр.), расположенными или в полосе государственной границы или на определенном фронте во время войны (например, в 1918 г. для этого служили укрепленные полосы, в тылу которых происходило сосредоточение, а затем развертывание для операции на Амьен, Шмен-де-Дам, Шато-Тьерри, Виллер-Коттере и т. д.).

В-пятых, они считали, что войска, вошедшие в части прикрытия, не только обеспечивали стратегическое развертывание, т. е. распределение вооруженных сил на исходной линии для начала операций, но что эти войска прикрытия могли быстро вторгнуться на территорию противника, с тем чтобы обеспечить быстроту сосредоточения и развертывания своих сил и тем самым ухудшить положение своего противника (т. е. нарушить планы его сосредоточения и развертывания, планы различных контрмероприятий). Последний вопрос являлся наиболее сложным как в начальный период войны, так и в ее процессе (скажем, в 1918 г. на франко-британском театре военных действий). Данный вопрос требовал, чтобы командование гибко и искусно маневрировало с районами сосредоточения и развертывания. Этому делу очень сильно помог факт гигантского развития автотранспорта и качественное и количественное увеличение шоссейных дорог, которые (авто плюс шоссе) оказались серьезными помощниками для железных дорог.

Но все это не мешало забывать, что выгрузочные платформы требовали определенного времени для их оборудования и что вопрос с выдвижением вперед или отнесением назад или в сторону пунктов высадок дивизий и корпусов был всегда весьма сложной операцией.

Многообразный и поучительный опыт четырех предшествующих войн перед началом франко-германской войны 1870 г. и после нее (войны 1877, 1905, 1912 гг.), а также периода мировой войны 1914—1918 гг. со всей наглядностью показал, что мобилизация, сосредоточение и стратегическое развертывание армий требуют со-

блюдения следующих основных условий, к достижению и осуществлению которых постоянно стремился каждый генеральный штаб и его главное командование:

а) безопасности (иначе говоря, не дать себя преждевременно атаковать со стороны превосходного противника);

б) выигрыша во времени (т. е. внезапно атаковать не совсем сосредоточившегося и плохо развернувшегося противника);

в) создания превосходства в силах, наиболее целесообразно сгруппировав их оперативно;

г) возможно более удобных районов для развертывания сил и средств.

Таковы четыре основных условия, которые, как требует богатый опыт войн, необходимо соблюдать для того, чтобы оказаться в лучшем положении по сравнению с противником, т. е. чтобы захватить у него почин в действиях, иметь первый большой оперативно-стратегический успех со всеми его политико-моральными преимуществами.

Таким образом, более чем полувековой опыт работы генеральных штабов в области стратегического развертывания ясно показывает, что застывать в раз принятом варианте нельзя; напротив, план стратегического развертывания — весьма живое дело живых людей, он почти постоянно технически совершенствуется и изменяется, так как вопросы, касающиеся обороны страны, не остаются неизменными, а по всем направлениям каждодневно идут вперед.

К данному времени произошли новые изменения в вопросах мобилизации, сосредоточения и развертывания, — все это поднялось на высшую стадию своего развития.

Гигантский опыт мировой империалистической и нашей гражданской войн, крепко впитав в себя многообразный и разнохарактерный опыт всех предшествующих войн до августа 1914 г., внес целый ряд новых, не виданных до того моментов в вопросы мобилизации, стратегического сосредоточения и развертывания. Теперь уже никто не думает, что достаточно мобилизовать постоянную армию с ее обученным резервом и ограничиться мобилизационными запасами мирного времени, чтобы иметь успех с началом новой войны. Опыт первого года мировой империалистической войны ясно всем показал, что войны коалиций современных государств не могут окончиться в несколько месяцев, а затягиваются на годы. Эти войны требуют предельного напряжения всего государственного организма, немедленной мобилизации всех ресурсов страны, быстрого перехода всех без исключения отраслей народного хозяйства (промышленности, сельского хозяйства, транспорта и т. д.) с мирного положения на военное. Иными словами, милитаризация «всего и вся» под постоянным контролем военной диктатуры современной буржуазии. Сейчас, в период второй мировой империалистической войны, помимо бешеной гонки в вооружениях и широкой военизации населения, в капиталистических странах идет самая интенсивная политическая подготовка как вне (заключение различных военно-политических союзов), так и внутри данного государства (соответствующая обработка общественного мнения,

терроризирование рабочего класса и его политических организаций, причем деятельное участие в этом на стороне буржуазии, как в период до первой мировой войны, так и во время нее, принимает современная социал-демократия). Отсюда ясно, что в современной политической обстановке с первого же дня мобилизации, с первого же выстрела на государственной границе бешеным темпом заработают и военно-полевые суды против рабочего класса в странах капитализма, и в этой кровавой обстановке еще более интенсивно будет расти популярность великого исторического лозунга Ленина о превращении империалистической войны в гражданскую.

А раз изменились условия мобилизации, то, ясно, изменился и процесс стратегического сосредоточения и развертывания. Ожесточенная борьба за возможность сосредоточиться и развернуться в ранее намеченных районах явится также новым могущественным фактором начального периода современной большой войны.

А поэтому, кто призван работать над планом стратегического развертывания (который, как мы видели выше, синтезирует в себе разнообразные вопросы подготовки к войне), тот должен, как говорит опыт войн, прежде всего иметь упрямую сосредоточенность мысли экспериментатора, умение неотступно думать об одном избранном предмете, с ним ложиться и с ним вставать. Иными словами, тайна создания чего-либо большого, крупного заключается в настойчивой и продолжительной работе мысли и воли в известном направлении.

В задачу нашего исследования и входит проследить: во-первых, как в силу развития новой техники с ее новыми способами применения и новыми методами управления войсками менялись способы и приемы стратегического развертывания в период до мировой империалистической и гражданской войн и во время них и, во-вторых, в каком направлении развивается план стратегического развертывания в данное время у современных буржуазных армий.

Непосредственно перед мировой войной 1914—1918 гг. в Германии и Франции были составлены два плана стратегического развертывания по вариантам Шлиффена (план 1905 г. плюс докладная записка от 1912 г.) и французского генерала Виктор-Мишеля (проект 1911 г.). Эти два оперативно-стратегических варианта явились резким контрастом по отношению к тому, как в действительности развернулись французские и германские армии в августе 1914 г.

Мы остановимся на чрезвычайно интересном военно-политическом сопернике плана Шлиффена в виде плана стратегического развертывания французских армий, разработанного ген. Виктор-Констан-Мишелем, — плана, который еще не описан подробно в нашей военной литературе и в лучшем случае лишь несколькими строчками упоминается в буржуазной военной литературе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

ПЛАН СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ПО ВАРИАНТАМ ШЛИФФЕНА И БОННАЛЯ (ФРАНЦУЗСКИЙ ПЛАН № 14)

В современной военной литературе существуют два твердо установившихся мнения о стратегических предположениях на случай войны с Францией и Россией, которые были разработаны в период 1891—1905 гг. начальником германского генерального штаба Шлиффеном.

Первое. План войны, разработанный Шлиффеном в декабре 1905 г., является итогом, синтезом его многолетней деятельности,—этот план есть произведение, совершенное во всех отношениях. Причем, если этот план был бы проведен в жизнь и не искажен его преемником Мольтке-младшим, то французская армия была бы разгромлена и война против Франции была бы победоносно закончена к концу 1914 г.

Второе. План войны от декабря 1905 г. Шлиффена в значительной мере является фантазией большого военного деятеля. Идея сосредоточения ¾ германских вооруженных сил на правом фланге, главным образом против Бельгии и левого фланга французской армии, была неверной и невыполнимой. Неверной потому, что Шлиффен рассчитывал на такие силы, которых Германия не имела и не могла иметь ни в 1906, ни в 1914 г. Невыполнимой потому, что для этих сил не было достаточного количества железных дорог, которые обеспечили бы успех в наступлении и питании всем необходимым (особенно огнеприпасами) тех огромных вооруженных масс правого фланга, которые наметил в своей декабрьской записке Шлиффен. Наконец, вообще Шлиффен в своем плане войны (декабрь 1905 г.) больше мечтал и фантазировал, чем конкретно рассчитывал.

Таково содержание двух резко противоположных точек зрения на план Шлиффена, которые наиболее ярко выражены в произведениях Гренера и Юстрова.

Две книги Гренера «Das Testament des Grafen Schliffen» («Завещание графа Шлиффена») и «Der Feldherr wider Willen» («Полководец против воли») построены на следующей основной мысли:

«Если мы хотим добиться полной ясности в операциях 1914 г., то для этого нам следует поставить также и армию перед зеркалом шлиффеновского замысла, тем более, что существует критик, который считает план Шлиффена фантастическим, так как якобы

для его выполнения не было достаточных сил. Но граф Шлиффен умел трезво рассчитывать. Иллюзии были ему так же чужды, как и сентиментальность. От этого защищал его присущий ему сарказм. Он продумывал вещи до конца. Он не останавливался даже перед традиционной славой, если дело шло о том, чтобы проникнуть в тайну победы. Он постиг «старый опыт», что «наступательная война требует очень больших сил и очень много их затрачивает; что эти силы непрерывно убывают, тогда как силы обороняющегося растут, и все это в особенности в стране, которая замкнулась в крепостях» [1].

Труд К. Юстрова «Feldherr und Kriegstechnik», разбирая и критикуя труды Гренера и авторов рейхсархива (I Band. Die Grenzschlachten im Westen) стремится убедить читателя в том, что:

«Шлиффен по сравнению с Мольтке (старшим) являлся полководцем, у которого было значительно больше дерзания. Его мысли и планы быстро отрывались от действительности, они противоречили естественному ходу вещей. Он развил мощный наступательный план на технически и физически недостаточно обеспеченной основе...» [2].

«Грубой его ошибкой было то, что в своей записке от 1905 г. («Denkschrift v(n 1905») он исходил из соотношения сил, значительно более благоприятного для нас (т. е. германцев), чем это могло быть на самом деле, хотя в нашем распоряжении тогда не было тех сил, на которые он рассчитывал, и хотя французы неуклонно продолжали заниматься реорганизацией своей армии» [3].

Мы, конечно, не будем полемизировать с этими доводами из работ Гренера и Юстрова, так как считаем, что обе эти точки зрения неверны исторически, а также и теоретически.

Прежде всего необходимо совершенно твердо установить, что произведение Шлиффена от декабря 1905 г., которое является предметом сугубого внимания целого ряда современных авторов, не было ни планом кампании, ни тем более планом войны. Здесь правильно называть — значит правильно понимать. Это произведение следует считать и называть лишь проектным, эскизным наброском, именно как правильно его назвал сам Шлиффен — «Denkschrift» [4], дополнительным вариантом к тем планам стратегического развертывания, которые были разработаны германским генеральным штабом во главе со Шлиффеном до этого декабрьского варианта, причем, вопреки ламентациям Гренера и рейхсархива, этот вариант хотя весьма несовершенен во многих отношениях, но и не настолько уродливо и дурно составлен, как это кажется Юстрову, Эльце, Иммануэлю и др.

Крупнейшая научно-теоретическая ошибка всех этих авторов в том, что они видят или стараются убедить других, что этот эскизный стратегический вариант для развертывания германских

---

[1] W. Groener, Das Testament des Grafen Schliffen, S. 196.
[2] Justrow, Feldherr und Kriegstechnik, S. 220.
[3] Там же, стр. 226.
[4] Т. е. «памятная записка».

сил является планом кампании на два фронта (Франция и Россия), а некоторые даже возводят его в степень «плана войны», а также «плана кампании».

Планом кампании мы можем назвать такое произведение, какое представляет собой, скажем, мемуар Мольтке-старшего, разработанный им перед войной с Францией в 1870 г. Этот мемуар по своему содержанию и расчетам состоит из весьма конкретных элементов. Будучи составлен в 1868—1869 гг., он имел в своем тексте такое, рукою Мольтке-старшего написанное, утверждение: «Спрашивается только: можем ли мы производить сосредоточение войск в Пфальце за Рейном, у самой границы Франции, не опасаясь, что нас потревожат в самом начале? На этот вопрос, по моему мнению, следует отвечать: «да». Наша мобилизация подготовлена до малейших подробностей. Шесть линий железных дорог состоят в нашем распоряжении для перевозки войск в страну между Мозелем и Рейном. Маршруты изготовлены, и по ним каждая часть войск может видеть день и час своего отправления и прибытия. Уже на 10-й день первые отряды могут высадиться около французских границ, на 13-й день там соберутся два тяжелых корпуса. На 18-й день наши силы достигнут 300 000, наконец, на 20-й день эти войска получат все свои обозы».

Помимо этого утверждения, в мемуаре четко анализирована цель войны и действий, трудности для обеих сторон и определены средства для достижения цели, точный расчет сил как у противника, так и у себя, меры для обороны побережья и действий на море.

Возникает законный вопрос: мог ли Шлиффен так же сказать в своем декабрьском варианте, как Мольтке, что железные дороги подготовлены, что мобилизация сил, которые он намечал (40½ активных и резервных корпусов, 11 кав. дивизий, 20 ландверных бригад, 8 эрзац-корпусов), также подготовлена до малейших подробностей, что маршруты изготовлены, что к такому-то дню войска получат все свои обозы и т. д? Нет, так Шлиффен сказать в своем варианте 1905 г. не мог, и он нигде об этом не говорит. Наконец, если Мольтке разработал окончательно план кампании от 1869 г. и мог его осуществить в 1870 г., то нигде у Шлиффена мы не найдем мысли, что его вариант 1905 г. мог бы быть осуществлен, скажем для примера, в 1906 г.

Для Шлиффена и его ближайших сотрудников было совершенно ясно, что если бы в 1906 г. вспыхнула война между Германией и Францией, то стратегическое развертывание германских вооруженных сил происходило бы по плану кампании, со всеми мобилизационными расчетами, железнодорожными расписаниями и т. д., которые были разработаны к 1903—1904 гг. германским генеральным штабом во главе со Шлиффеном, но во всяком случае не по проектной декабрьской записке, которая лишь давала перспективу: в каком именно направлении надо работать его преемникам.

Думать иначе — значит притти к заключению, что после победоносной франко-германской войны, т. е. в период 1871—1905 гг., планы мобилизации, сосредоточения и развертывания вооруженных сил в Германии носили характер полной неготовности.

Но это исторически неверно, так как мы имеем весьма подробные планы стратегического развертывания, разработанные Мольтке-старшим и Вальдерзее в период 1871—1890 гг., и целый ряд планов стратегического развертывания, составленных Шлиффеном в период с 1891 по 1905 г.

Но, помимо этих планов, строго соответствовавших той конкретной обстановке, для которой они составлялись, и у Мольтке, и Вальдерзее, и у Шлиффена имелся целый ряд перспективных набросков вариантов, наподобие декабрьского варианта 1905 г. Этот вариант был составлен Шлиффеном как дополнение к тому плану мобилизации, сосредоточения и развертывания германских вооруженных сил, который Германия имела в период 1903—1904 гг.

Вот этих, казалось бы, простых вещей не хотят понять многие из современных авторов, или не в меру восхищающихся декабрьским вариантом Шлиффена, или же, напротив, требующих от этого варианта таких качеств и конкретных достоинств, которых ни в декабре 1905 г., ни к декабрю 1906 г. он никак не мог иметь. В 1932 г. опубликованы рейхсархивом новые данные [1], которые говорят, как менялись планы развертывания с 1891 по 1906 г. (год ухода Шлиффена в отставку).

Прямая обязанность каждого исследующего начальный период войны, тот или иной план кампании, план отдельной большой операции или план современного боя, не поддаться ряду моментов внешнего формального порядка. Поучительность для будущего именно и достигается тем, что дается научно-правильный анализ и всесторонняя характеристика и оценка данного плана. Такая оговорка необходима в силу того, что очень часто приходится иметь дело просто с школьническим положением и утверждением по схеме: победитель всегда оказывается прав, а побежденный неизбежно виновен. Если бы на войне было все так ясно и просто, что можно было бы по любому вопросу сразу безапелляционно и безошибочно сказать: «да» и «нет», то тогда вопрос был бы иной; но ведь война не так проста, чтобы к ней подходить лишь с четырьмя правилами арифметики. Марксистская наука учит, что исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изложено действительное движение. Вот почему тем верным маяком, к которому должен стремиться исследователь при анализе сложных, противоречивых и подчас запутанных фактов и событий современной войны, являются слова Ленина. Ленин писал: «Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли

[1] См. труд «Von Scharnhorst zu Schliffen 1806—1906. Hundert Jahre preussisch deutscher Generalstab», S. 309—316.

дальше (по сравнению с логикой формальной. — *Вл. М.*) Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения. Это во-1-х. Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении...» [1].

План войны — это не только папка с начисто написанным вариантом и схемами, мирно и тихо хранящимися от момента их разработки и до начала новой войны под семью замками и печатями в несгораемых шкафах генерального штаба данной страны. План войны есть динамичный, наполненный противоречиями, видоизменениями, установившимися и устанавливающимися данными, т. е. организм, постоянно живущий диалектикой жизни. Подходя таким образом к этим вопросам, нужно сказать, что вся подготовка к войне, как и сам план войны, есть, как говорил Ленин, та «...тайна, в которой война рождается...» [2].

Литература, рассматривающая подготовку к мировой войне 1914—1918 гг., в значительной своей части приписывает плану Шлиффена такие достоинства и недостатки, о которых не только никогда не мог мечтать сам автор, но которых в действительности подчас и не было.

«Профессор доктор Штейнгаузен утверждает (то же самое делает в своей работе «Танненберг» Вальтер Эльце, как и многие другие. — *Вл. М.*) [3], что шлиффеновский план, основанный на проходе через Бельгию, имел прямо-таки магическую силу над нашим генеральным штабом, который как будто поклялся выполнить его; этот план якобы лежал в основе всех мероприятий по подготовке к войне; при возникновении войны он властно господствовал над всеми стратегическими и тактическими взглядами в армии; на него возлагались все надежды; он являлся единственным условием успеха; в него пламенно веровали» [4].

Насколько верно начало мыслей проф. Штейнгаузена, настолько формален и неправилен их конец.

Совершенно ясно, что шлиффеновский стратегический план по развертыванию сил и средств во время войны, постепенно слагавшийся и постепенно видоизменявшийся целых 14 лет (период пребывания Шлиффена в должности начальника германского генерального штаба с 1891 по 1905 г. включительно), не мог не являться важнейшим фактором в строительстве вооруженных сил Германской империи. Этот план был не только производной данной германского империализма, но и, совершенно естественно, влиял на всю оперативно-организационную подготовку германской армии, вытекал из ее военной доктрины, питал все пружины, нити и все поры герман-

---

1 Ленин, т. XXVI, стр. 134.
2 Ленин, т. XXVII, стр. 372.
3 Например: Иммануэль, Победы и поражения в мировой войне; Штейнгаузен, Ошибки войны и генеральный штаб, а также Юстров, Полководец и военная техника и др.
4 Куль, Германский генеральный штаб, стр. 147.

ского империализма в целом. Например, вынужденный уход в отставку Шлиффена надо рассматривать как факт, который произошел не в силу «переутомления», «возрастного предела» или «личного инцидента» [1], а в силу того, что те мероприятия милитаристического порядка, те организационно-численные увеличения сухопутных войск, которых к 1905 г. требовал Шлиффен, не нашли поддержки в правящей группировке германского империализма.

Последняя в это время требовала создания могущественного морского флота, вождь которого адмирал Тирпитц при полной поддержке Вильгельма II выдвинул лозунг «Weltmacht oder Niedergang» («Мировое могущество или крушение»). Индустриальные и пушечные короли германской промышленности (Крупп, Балин, Штумм, Тиссен, братья Маннесманы и др.) вместе с Вильгельмом, начиная с 1903 г., стремились обогнать «владычицу морей» — Англию в морских вооружениях, на что и уходила львиная доля военного бюджета. Против этих установок твердо выступал Шлиффен, которого Тирпитц хотя и считал «значительным сухопутным стратегом», но всюду твердил, что германский генеральный штаб во главе со Шлиффеном не понимает основного, что Германия ведет мировую политику и что ей необходим флот, не только равный флоту Великобритании, но и значительно больший. Шлиффен требовал иного, а именно — обратить центр внимания на сухопутную армию, которая, по его мнению, должна была решить вопросы «молниеносной войны» и заключения победного мирного договора на территории главного врага — Франции. Отсюда большую часть денежных кредитов, отпускаемых военно-морскому ведомству, надо было тратить на сухопутную армию, а не на флот. Особенно Шлиффен ратовал за широкое создание мощной полевой тяжелой артиллерии и за ее производство в большом количестве, в связи с наличием сильной оборонительной полосы, воздвигнутой французами на их восточной границе, а также бельгийских крепостей на Маасе (Льеж — Намюр).

Мало того, крылатые фразы Шлиффена, вытекавшие из сущности всей стратегической концепции его декабрьского варианта, как то: «Будем считать за любезную услугу («Liebesdienst») если французы вторгнутся вглубь Эльзаса и южной Лотарингии» или: «Лучше пожертвовать провинцией (Восточная Пруссия), чем разделять армию, с которой хотят и могут победить», — все это страшно раздражало и било в самое сердце индустриальных магнатов Саара и Лотарингии и помещиков Восточной Пруссии. И надо сказать, что Шлиффену так и не удалось убедить ни морскую группировку во главе с Тирпитцем, ни промышленников

---

1 Помимо личной неприязни и зависти самовлюбленного честолюбца Вильгельма II тому высокому авторитету, которым пользовался Шлиффен в германской армии, последний имел с ним ряд столкновений на военных играх и маневрах, где Вильгельм II обычно участвовал в качестве командующего одной из играющих сторон (см. об этом работы Гренера, Эльце, Эмилия Людвига, Карла Рознера и др.); все это являлось предпосылками к подготовке увольнения Шлиффена в отставку.

Эльзас-Лотарингии, ни помещиков Восточной Пруссии итти на эти авансовые жертвы. Скорее все это их убедило в том, что надо быстрее убрать в отставку этого «сухопутного экстремиста», а на его место призвать генерала, который станет целиком и полностью осуществлять их интересы, — иными словами, не позволит армии царской России вступить в Восточную Пруссию, а Франции — военному союзнику России — в земли Эльзас-Лотарингии, и, кроме всего этого, не будет мешать гигантскому развитию германских морских вооружений. Таким преемником Шлиффена оказался ген. Мольтке-младший.

Вследствие этого вопрос о проходе через Бельгию является лишь одной из данных, правда значительного порядка, из которых складывается план развертывания Шлиффена. Но уже будет совершенно неправильно думать, что на этот план возлагались «все надежды», что он являлся «единственным условием успеха», что только в него пламенно веровали.

Успеха плана Шлиффена не могло быть уже по одному тому, что еще не было и никогда не может быть такого заранее составленного оперативного или стратегического плана, который обеспечил бы полную победу над противником. Поэтому и на вопрос проф. Штейнгаузена: «был ли действительно шлиффеновский план верным средством победы», не может быть дано определенного ответа. Таких чудес не может быть уже в силу того, что даже самый идеально разработанный стратегический план войны, имея в перспективе окончательную цель, четко во всех деталях разрабатывает только вопросы, связанные с первым основным этапом, т. е. со стратегическим развертыванием, как синтезом мобилизации и сосредоточения живых сил и технических средств в исходное положение для боя, и с динамикой первого большого пограничного сражения на всем стратегическом фронте данного театра войны.

Ясное и твердое знание основной цели кампании на театре войны и непоколебимая воля к победе необходимы стратегу, который наметил нанести противнику основной удар в данном направлении, но это не значит, что надо в деталях разработать весь план большой кампании (мы уже не говорим о плане войны), стремиться предусмотреть все мелочи во времени и пространстве, т. е. заранее на месяцы расписать действия армий на несколько сотен километров в глубину территории противника. Стремиться составить такой план и бояться затем отступить от этого плана (как это делал, например, австрийский гофкригсрат) — это значит расстаться с действительной жизнью и впасть в схоластику.

Надо иметь продуманный план на период первых решительных операций, а затем твердо и постоянно руководить в процессе самой борьбы со всеми ее неожиданностями, противоречиями, трудностями, быстрой сменой явлений. Иными словами, руководить так продуманно, целеустремленно первыми операциями и сражениями, чтобы они приближали, а не удаляли основную цель кампании — разгром живой силы и захват технических средств врага.

Результаты больших пограничных операций и сражений являются именно тем первым экзаменом, на котором проверяется вся подготовка мирного времени данной армии, ее план мобилизации, сосредоточения и стратегического развертывания и оперативная группировка армий.

Очень часто уже после этого первого экзамена происходят коренные видоизменения и перемены в высшем управлении данной армии. Характерным примером в этом отношении служит французская армия с серией ее организационных перегруппировок в личном составе армии в дни второй половины августа 1914 г.

По этому поводу ген. Куль пишет, что «если слишком долго придерживаться плана, как территориально, так и по времени, то можно попасть в опасный фарватер. Главное командование неизбежно учтет все возникающие возможности и продумает по мере сил всю обстановку... ибо самое важное заключается в исполнении». А умение и исполнение, как известно, должны всегда находиться в полном взаимодействии и взаимопроникновении.

1 января 1906 г. на посту начальника германского генерального штаба Шлиффена уже не было, он был уволен в отставку, в которой пробыл шесть лет, т. е. до момента смерти (январь 1913 г.). В вынужденной отставке он непрерывно занимался литературной работой и дал целый ряд интересных научных исследований, в том числе известный оперативно-стратегический этюд «Der Krieg in der Gegenwart» («Будущая война»), напечатанный в январском журнале «Deutsche Revue» («Германское обозрение») 1909 г.

На протяжении этих шести лет, с 1906 по 1912 г., план стратегического развертывания в том виде, в каком его оставил Шлиффен, претерпел целый ряд изменений, в числе которых были изменения и принципиального порядка. Поэтому к моменту начала мировой войны (июль 1914 г.) оперативно-стратегический план развертывания у германской армии б ы л у ж е и н о й.

Если бы Шлиффен был жив и находился во главе германских вооруженных сил, то и тогда бы его план от декабря 1905 г. претерпел ряд совершенно естественных изменений, так же как он видоизменялся в период его пребывания на посту начальника германского генерального штаба. Конечно, это не значит, что в обстановке 1914 г. Шлиффен сделал бы те же изменения в плане, что и Мольтке-младший. Вопрос другой, насколько целесообразно и искусно был видоизменен Мольтке-младшим в период с 1906 по 1914 г. тот вариант плана стратегического развертывания, который был ему оставлен Шлиффеном. Прежде чем ответить на это, коротко остановимся на шлиффеновском варианте стратегического развертывания вооруженных сил германской армии.

Мы не будем здесь во всех исторических п о д р о б н о с т я х рассматривать, как сложился вариант плана Шлиффена к моменту его ухода из Большого германского генерального штаба (декабрь 1905 г.). Здесь скажем лишь о том, с каким фактическим итогом и конкретным содержанием план Шлиффена, в отношении, главным образом, стратегического развертывания германских армий, вступил в силу к январю 1906 г.

Совершенно ясно, что планы стратегического развертывания Шлиффена имели свой генезис (зарождение) в том богатейшем стратегическом наследстве, которое он получил от Мольтке-старшего и Вальдерзее [1].

В силу этого будет полезно коротко сказать о сущности этого наследства. Если мы изучим ряд вариантов плана стратегического развертывания, которые разработал Мольтке в период после франко-германской войны 1870 г., то заметим три основных линии, три основных периода в процессе всей его оперативно-стратегической работы за время с 1870 по 1885 г.

Первый период (1871—1876 гг.). В эти годы после успешной для Германии войны Франция в глазах германского генерального штаба во главе с Мольтке не представляла собой значительной реальной силы, а поэтому Мольтке считал, что в борьбе на два фронта (Франция и Россия) Германия вполне сможет одновременно вести войну и против Франции, и против России.

Второй период (1876—1879 гг.). Это тот период, когда для Мольтке и его соратников по генеральному штабу становилось ясным, что Франция окрепла быстрее, чем думали, что она и ее вооруженные силы очень быстро выросли в такую реальную силу, с которой приходилось серьезно считаться. Кроме того, на восточной границе Франции с каждым месяцем все более укреплялись и совершенствовались крепостные районы, создававшиеся по плану и под руководством известного французского военного инженера ген. Серре-де-Ривьера. В этот период Мольтке считал, что Франция — это тот противник, против которого нужно готовить первый удар. Но Мольтке хорошо понимал, что одним ударом с Францией покончить теперь не удастся, так как уже война 1870—1871 гг. со всей ясностью показала, что современное крупное европейское государство очень трудно заставить сложить оружие, что за первым эшелоном призывных возрастов, давшим Франции армию около полмиллиона, вскоре появились другие армии Гамбетты, причем второй эшелон оказался численно больше первого, а все это увеличивало сопротивляемость страны и тем самым затягивало войну. Хотя столица Париж и разгром живой силы попрежнему в плане Мольтке оставались основной целью, к которой бы стремилась германская армия, но дойти до этой цели было много труднее, чем в войну 1870—1871 гг.

В этот период Мольтке возлагает большие надежды на дипломатический талант Бисмарка; он очень сильно рассчитывает, что в процессе наступления германских армий в пределах Франции Бисмарк сумеет уже после первого решительного сражения, которое германцы должны обязательно выиграть, начать активную борьбу за перемирие и мир. Благоприятный мирный договор для Германии Мольтке нужен как фактор, который дал бы возможность поскорее перебросить армии на восток против России.

---

[1] После ухода Мольтке-старшего (род. в 1800 г.) в отставку в 1888 г. летом этого же года ген. Вальдерзее (род. в 1832 г.) занял пост начальника генерального штаба и в этой должности оставался до 1891 г., когда его заместил ген. Шлиффен (род. в 1833 г.).

Эту переброску на восток, как полагал Мольтке, будет возможно осуществить не ранее, как к концу четвертой недели, начиная с первого дня мобилизации Франции.

Мольтке рассчитывал, что на 12-й день мобилизации Франция развернет свои войска и займет исходное положение для боя. За время с 13-го по 27-й день мобилизации произойдет решительное сражение, короткое преследование, а затем активнейшее вмешательство дипломатии, с тем чтобы склонить французов к прекращению военных операций; тогда, примерно с 28—29-го дня мобилизации, можно будет начать переброску армий на восточный, русский фронт. Этот творческий период в работе Мольтке над планом стратегического развертывания, со всеми его особыми упованиями на дипломатию (успех которой мог быть и не быть), следует считать переломным. Именно в этот период Мольтке все более и более приходит к основному выводу, что в борьбе на два фронта будет выгоднее активно обороняться против Франции и вести наступление против России, которая, благодаря медленности своей мобилизации, значительно запаздывает со стратегическим развертыванием своих армий, в то время как готовность французской армии почти уже сравнялась с германской. И уже к 1879 г. Мольтке твердо считал, что упреждение в мобилизационной готовности и более быстрое развертывание германских вооруженных сил на восточном театре военных действий по сравнению с царской Россией передают в руки Германии верный шанс с первых дней войны глубоко вторгнуться в территорию России и иметь тем самым первый большой стратегический успех.

Третий период, с 1879 по 1888 г., является тем временем в творческой работе Мольтке, когда он центр тяжести в своей стратегической деятельности переносит на разработку наступательных вариантов против России. И действительно, политическая обстановка для Германии, как государства, находящегося в центре Европы, с 1879 г. резко меняется. В этот год заключается военно-политический союз с Австро-Венгрией.

По характеру своего стратегического мышления Мольтке не был поклонником таких афоризмов, как Шлиффен, который считал, что «судьба Австро-Венгрии будет решаться на Сене, а не на Буге». Мольтке полагал, что организация и вооруженные силы Франции в 1880 г. настолько окрепли, что мало чем отличаются от германских. Мобилизация и стратегическое сосредоточение французских войск к государственным границам почти сравнялись с германскими, в то время как русскую армию германцы упреждают на декаду. Крепости Верден, Туль, Эпиналь, Бельфор со своими фортами, которые не переставали совершенствоваться, фактически заперли восточную границу Франции между Бельгией и Швейцарией. Столица Франции Париж также превращалась в обширную крепость-лагерь. Мольтке твердо решает, что Германия должна совместно с Австро-Венгрией вести активное наступление против России, добиться на этом восточном театре решительных успехов и благоприятного для Германии и Австро-Венгрии перемирия с Рос-

сией, после чего начать переброску сил против Франции. Этот основной мотив проходит через все последние варианты по плану стратегического развертывания, которые разработал Мольтке. Следует отметить, что Мольтке не изменил этого плана даже и тогда, когда к германо-австрийскому союзу временно присоединилась Италия; он считал, что этот момент несколько облегчает положение германских корпусов, которые останутся на французском фронте, но не больше.

На восточном (русском) фронте Мольтке считал целесообразным концентрическим ударом из Восточной Пруссии и Галиции (Австро-Венгрия) отторгнуть от России так называемый Передовой театр, т. е. район Осовец, Калиш, Томашев, Брест-Литовск.

На западном (французском) фронте вести активную оборону, в основном опираясь на германские укрепления, расположенные в районе Меца и по Рейну. Исходя из данных агентуры и разведки, Мольтке считал, что французы главные силы сосредоточат в районе Верден, Эпиналь для решительного наступления в Лотарингии, примерно на фронт Мец, Саарбург; вспомогательный удар они поведут в Эльзасе. Для того чтобы выиграть время до подхода освободившихся германских корпусов с восточного фронта, необходимо истощить французскую армию в ее борьбе за овладение районом Майнц, Мец, Страсбург; в Эльзасе также не допускать глубокого вторжения французских сил. Мольтке считал, что 13 арм. корпусов, которые он оставляет для активной обороны против Франции, сумеют в случае французского наступления не только истощить французов в районах крепости Меца и при отходе с упорными боями к крепостям Майнц и Страсбург, но что, опираясь на Рейн, германская армия не допустит дальнейшего распространения французов в глубь германской территории. Мольтке рассчитывал, что 7 арм. корпусов, оставленных против России, совместно с австрийской армией вырвут благоприятный мир от России и что тогда, вернувшись на западный фронт, германская армия нанесет решительный контрудар французам. Ген. Вальдерзее в основном остался верен этому плану Мольтке.

В 1891 г. начальником германского генерального штаба был назначен ген. Шлиффен, с именем которого связаны операции германских армий на западном (французском) театре военных действий в 1914 г. и который ¾ своей оперативно-стратегической деятельности посвятил разработке основного вопроса решительного наступления и организации первого главного удара против Франции. Для Шлиффена было очевидно, что Германии придется вести борьбу на два фронта, так как ко времени его назначения был заключен и начал действовать военно-политический союз между Францией и Россией.

Шлиффен, изучая варианты по плану стратегического развертывания своего предшественника Мольтке-старшего, видел, что последний после 1880 г. считал нанесение главного удара против Франции делом весьма трудным. Начавшаяся постройка новой крепости Нанси и форта Мановилер фактически запирала послед-

ний небольшой проход между Тулем и Эпиналем. В вариантах Мольтке-старшего Шлиффен нашел ряд важных соображений, которые явились «зерном», «зародышем» для его будущего самостоятельного плана стратегического развертывания. Надо твердо установить, что ни Мольтке-старший, ни Вальдерзее не поднимали вопроса и не разрабатывали оперативно-стратегических вариантов наступления через Бельгию и Люксембург с внезапным нарушением их нейтралитета. Но Мольтке-старший в своих вариантах указывал, что наступать в лоб китайской стене из французских крепостей, расположенных между Бельгией и Швейцарией, дело нецелесообразное, — надо думать об обходе железобетонного пояса ген. де-Ривьера. Если наступать, то где-то севернее крепости Вердена, в направлении Стенэ, но обязательно обеспечив это наступление мероприятиями, которые не дали бы противнику возможности ударить по левому флангу главной обходящей группы из района Вердена на север (схема 1)[1].

Вот эти мысли Мольтке-старшего крепко запомнил Шлиффен, и они нашли у него благоприятную почву для своего дальнейшего развития, несмотря на то, что, в противоположность Шлиффену, Мольтке-старший, как мы видели выше, считал правильным первый, основной и главный удар вести против России и на первых порах активно обороняться против Франции.

Оперативно-стратегические мотивы и конкретный план развертывания германских вооруженных сил, по Шлиффену, фактически складывались из следующих основных моментов.

После тщательного анализа стратегических вариантов, которые были созданы Мольтке-старшим и ген. Вальдерзее, и сопоставляя их с новой действительной обстановкой, Шлиффен окончательно пришел к выводу, что основным и главным противником для германской армии является Франция. В период с 1894 по 1899 г. Шлиффен совместно с сотрудниками Большого германского генерального штаба разработал в основном план решительного наступления против Франции с проходом через Бельгию и Люксембург. Маршманевр через бельгийскую территорию давал не только большой замах для флангового удара, но и полную возможность для огромной массы правого фланга германских армий двигаться по территории, удобной для маневрирования, а главное — пустить эту массу в обход железобетонного пояса, сооруженного ген. де-Ривьера (схема 1).

Во время создания Шлиффеном вариантов прохода главной массы германских армий через Бельгию и Люксембург Шлиффену было в достаточной степени в стратегическом отношении известно, что восточная граница Франции, благодаря возведенным на ней укреплениям, стала трудно преодолимой с фронта. На полевых поездках и военных играх он постоянно указывал, что «Франция возвела почти непрерывную преграду на всем своем восточном фронте между Швейцарией и Бельгией, вдоль верховьев Мозеля и Мааса».

[1] Схемы даются в приложении.

Он не раз подчеркивал, что французская граница времен Мольтке-старшего к 1905 г. стала совершенно иной; теперь в полосе восточной границы Франции «выросла китайская стена», причем укрепления потянулись также и по бельгийской и частично швейцарской границам. Поэтому варианты стратегического развертывания германских армий на западном (французском) фронте, которые оставил после себя Мольтке-старший, должны быть теперь в значительной мере переработаны. «Прямая дорога, — говорил Шлиффен, — от Меца и Страсбурга на Париж закрыта железобетонным поясом Серре-де-Ривьера [1], а поэтому нужно искать другие пути для вторжения во Францию». В это время крепостная линия Германии на ее западной границе также была мощной; она шла вдоль водной преграды — реки Рейна; именно здесь были расположены первоклассные крепости с долговременными фортами, как-то: Везель, Кельн, Кобленц, Майнц, Страсбург, и малые крепости Роштадт, Ней-Бризах. Впереди этого укрепленного барьера находились две сильные крепости — Мец и Диденгофен (Тионвиль). Таким образом, стратегическое развертывание германских армий, в отличие от французских, должно было совершиться к западу от линии р. Рейн, т. е. в п е р е д и основной германской крепостной системы, в то время как стратегическое развертывание французских армий должно было происходить за укрепленным поясом Серре-де-Ривьера (Бельфор, Эпиналь, Туль, Верден с целой серией фортов между этими мощными крепостями).

Во всяком случае система расположения крепостей и фортов Германии и Франции давала полную возможность как той, так и другой стороне широко маневрировать полевой армией. Франция могла, опираясь на свои крепости по восточной государственной границе, в нужное время перебросить главные силы к северу, с тем чтобы действовать, если это потребует обстановка, на территории Бельгии; Германия, обладая сильно укрепленной водной преградой — Рейном, могла вести не только большую наступательную операцию, но, опираясь на эту крепкую оборонительную линию, не допустить глубокого вторжения противника в глубь своей территории.

Для Шлиффена было ясно, что железобетонный пояс ген. де-Ривьера значительно о б е с п е ч и в а л благоприятное развитие мобилизации и сосредоточения для французской армии. Мало того, опираясь на широко развитую железнодорожную сеть, французы могли значительными силами первыми вторгнуться в районы предполагаемого стратегического развертывания германских армий, которые находились в п е р е д и (т. е. к западу) системы крепостей по Рейну. Именно в силу этого Шлиффеном было обращено особое внимание на развитие крепостей в районе Мец [2], Диденгофен (Тион-

---

1 Ген. Серре-де-Ривьера был после войны 1870 г. назначен председателем комитета по обороне Франции.

2 Например, долговременные укрепления крепости Мец были вынесены местами приблизительно на 12 — 14 км; во всяком случае для атаки Меца французы, по мысли Шлиффена, должны были бросить не менее 5 — 6 полных дивизий, чтобы рассчитывать на минимальный успех.

виль)[1], Саарлуи, которые запирали наиболее важные проходы и пути в полосу стратегического развертывания германских армий впереди Рейна, а также на усиление корпусов, прикрывающих стратегическое развертывание. Шлиффен мог благодарить своего учителя Мольтке-старшего за ту государственную границу Франции, которую он начертал после победоносной войны 1870 г., — границу, значительно сократившую пути к столице Франции — Парижу. Но одновременно с этим Шлиффен никак не мог благодарить ген. Серре-де-Ривьера, который в значительной мере ослабил выгоды после 1870 г. для нового неприятельского вторжения во Францию, устроив мощный железный пояс на огромном протяжении от Мезьера до Бельфора. Для Шлиффена было совершенно ясно, что эти укрепленные районы в полосе восточной границы Франции заперли все главные пути для вторжения с востока на Париж. Схема 1 дает представление о военно-инженерной подготовке восточной границы Франции. Шлиффен на основании разведывательных данных довольно хорошо знал, что в этом железобетонном барьере от Мезьера до Бельфора имеются лишь два условных прохода — в промежутке между Монмеди и Верденом 30 км и между Тулем и Эпиналем 50 км. Но Шлиффен отлично понимал, что современные массовые армии по таким промежуткам не могут нацеливаться и развертываться,—это во-первых, а, во-вторых, войдя в первый промежуток, наступающий после нескольких километров своего продвижения на запад натыкался на огромный, трудно доступный для действий крупных войсковых масс лесисто-болотистый район Аргонского леса, и, в-третьих, известный «Шармский проход» между Тулем и Эпиналем пересекался крупной водной преградой — р. Мозелем,— имевшей ряд оборонительных позиций. Как увидим сейчас, в варианте 1900—1903 гг. Шлиффену приходилось итти на то, чтобы стараться прорваться через проход «Шарм».

Итак, лишь северная граница Франции от Лонгви до Дюнкирхена (за исключением нескольких небольших укреплений типа фортов-застав, как Монмеди, Лонгви) была свободна для вторжения, но, чтобы ее достигнуть, нужно было преодолеть территорию Бельгии, захватить крепости Льеж и Намюр и разбить бельгийскую полевую армию. Во всяком случае для зоркого взгляда такого стратега, как Шлиффен, было совершенно ясно, что вся французская крепостная система по рр. Маас и Мозель рассчитана не на широкие наступательные операции впереди пояса Серре-де-Ривьера, а на ведение длительной оборонительной войны, в которой французские армии могли крепко и непрерывно опираться на железобетонный барьер по восточной границе Франции.

Французский генеральный штаб очень хорошо знал активную наступательную доктрину, которой была пропитана сверху донизу, особенно после побед 1866 и 1870 гг., германская армия, а поэтому первым долгом стремился обеспечить успех своевременного стратегического сосредоточения своих

[1] Французский город Тионвиль после войны 1870 г. отошел к Германии и был переименован в Диденгофен.

армий к восточной границе, с тем чтобы крепко оседлать железный пояс де-Ривьера. И лишь после этого, в зависимости от демарша германского командования, «рисковать» наступательной операцией в верхний Эльзас и Лотарингию, т. е., оставив позади себя обширные крепостные районы Бельфора, Эпиналя, Туля, Вердена, попытаться выполнить заветы ген. Буланже о реванше с целью обратного отторжения потерянной в 1870 г. провинции Эльзас-Лотарингии. Возникает законный вопрос: для чего было важно французскому генеральному штабу своевременно сосредоточить свои армии к крепостям в полосе восточной границы Франции? Ответ может быть лишь один: для того, чтобы не потерять железный пояс де-Ривьера, который без тесного взаимодействия с полевой армией долго держаться собственными силами не мог. С потерей же оборонительной системы Франции ее общее стратегическое положение было бы крайне тяжелым: она теряла районы своего стратегического сосредоточения, а подходившие к ним корпуса могли подвергнуть себя участи быть разбитыми по частям. Отнести развертывание назад также было невыгодно, ибо это значило, что при незначительной глубине театра военных действий стратегическое развертывание надо было бы производить где-то невдалеке от столицы государства — Парижа.

Таким образом, все говорило за то, что французская армия не должна была, по сравнению с германской, опоздать с разрешением задачи стратегического сосредоточения и развертывания в полосе укрепленной системы де-Ривьера, которая без тесного взаимодействия с полевой армией, при таком сильном и активном противнике, как германцы, самостоятельно долго бы продержаться не могла.

Прежде чем перейти к декабрьскому (1905 г.) варианту Шлиффена, полезно будет осветить очень интересный период из оперативной работы французского и германского генеральных штабов.

Создав крепостной пояс Верден, Туль, Эпиналь, Бельфор между бельгийской и швейцарской государственными границами, французский генеральный штаб не мог не понимать, что этим самым он в известной мере подчинил своей воле оперативно-стратегическую мысль германского генерального штаба. У последнего оставалось три возможных варианта для сосредоточения и развертывания германских сухопутных сил и средств.

Первый — сосредоточение и развертывание германских армий для лобовой атаки и прорыва укрепленного пояса де-Ривьера [1].

[1] Между прочим, в книге «Feldherr und Kriegstechnik» автор ее Юстров как раз предлагает этот вариант и считает его наиболее целесообразным для 1914 г. в сравнении со всеми вариантами Шлиффена и Мольтке-младшего. Юстров строит четыре германских армии в два эшелона в районе Люксембург, Мец, Страсбург с активными заслонами на флангах от Люксембурга до Аахена и от Страсбурга до швейцарской границы. Эти четыре армии должны произвести прорыв и наступать по кратчайшему направлению Мец, Париж. Юстров планирует операцию таким образом, чтобы захватить порты для высадки английской армии во Францию (Булонь, Кале, Дюнкерк) и затем, после прорыва в районе к западу от Люксембург, Мец, на 40-й день мобилизации построить сплошной фронт от Абевиля на Шалон, Лангр, Безансон, наступая затем на фронт Руан, Париж, Дижон (60-й день мобилизации). У нас

Второй — обход правым флангом стратегического фронта через Бельгию и Люксембург.

Третий — проход через Швейцарию; этот вариант отпал, так как швейцарская милиционная армия и горный театр Швейцарии не давали выгодных шансов к быстрому проходу через эту страну для внезапного обхода с юга крепостного пояса де-Ривьера.

План стратегического развертывания, составленный ген. Бонналем[1], в основном имеет целью не только парировать на восточной границе Франции удары с севера или юга, но и разгромить посредством наполеоновской «армии авангарда» живую силу противника.

На этих принципах был построен французский план стратегического развертывания за № 14, причем в плане № 15 и № 15-бис эта идея остается, но только в последних двух была убрана «армия авангарда».

Оперативно-стратегическая идея Бонналя, заложенная в плане его развертывания на восточной границе Франции между Бельгией и Швейцарией, может быть кратко охарактеризована следующим образом:

Во-первых, ген. Бонналь считал необходимым вести войну перволинейной армией. Резервные формирования у него в самых ничтожных размерах располагаются далеко в тылу, «чтобы приобрести там необходимую спайку». «Их надо сперва хорошенько натаскать и политически обработать, а затем уже можно испробовать в бою», — говорил Бонналь о резервных формированиях.

В своем плане № 14 Бонналь писал[2]: «Действующие войска первой линии образуются исключительно из регулярных формирований, из людей, находящихся под знаменами, и самых молодых

нет места рассмотреть в деталях схему планирования операции Юстровым (это мы сделаем в другом месте), но нетрудно видеть, что он своим вариантом уже с первого момента в августе 1914 г. способствовал бы еще более быстрому установлению позиционного фронта. Схема 3, данная Юстровым в его книге, ясно говорит, насколько сложна и искусственна та операция, которую он в ней изображает. Юстров пытается показать, что он больше ученик Мольтке-старшего, чем Шлиффен, которого считает по меньшей мере беспредметным фантазером. Но Юстров забыл при планировании своей операции основной тезис Мольтке-старшего, который говорил, что хотя Мец, Париж — направление кратчайшее, но «трудное и неудобное», так как преграждается оборонительной завесой (rideau défensif) Вогезского хребта и Маасских высот, защищенных новыми большими крепостями Верден, Туль, Эпиналь и Бельфор и рядом фортов-застав между этими крепостями. Значительное время и не менее значительное количество боевых средств нужно, чтобы прорваться через эту железобетонную стену из крепостей.

[1] Французский генерал Бонналь родился в 1844 г., участвовал в Тонкинской экспедиции, в 1899 г. был профессором военной истории и тактики во французской военной академии, а затем, в 1901 г., ее начальником. Бонналю французское главное командование поручило составить план стратегического развертывания французской армии, который затем получил, после утверждения правительства, название плана войны № 14. Бонналь являлся крупным знатоком военного искусства Наполеона и Мольтке-старшего, операции и учение которых он разобрал в ряде военно-исторических работ: «Маневр С.-Прива», «Виленская операция» и др.

[2] «Les armées françaises dans la grande guerre», t. I, p. 7—8.

классов резервистов. Резервные армейские корпуса и резервные армии упраздняются. Резервисты старых годов комплектуют резервные дивизии, снабженные всеми органами, необходимыми для походной жизни. Подвезенные в тыл армии первой линии, в зону сосредоточения, резервные дивизии смогут завершить там свою организацию и приобрести необходимую спайку».

Во-вторых, ген. Бонналь считает достаточным иметь пять регулярных армий, которые сосредоточиваются и развертываются, принимая форму «ромба», в районе к югу от Вердена, Шомон, Эпи-

Черт. 1. Расположение пяти армий, по Бонналю, в форме «ромба».

наль, в основном оперативно-стратегически нацеливаясь на Лотарингию и северную часть Эльзаса. Сосредоточение и развертывание в районе станций выгрузки пяти армий делалось для того, чтобы с 8-го дня мобилизации главнокомандующий свободно мог, в зависимости от демарша германцев, принять то или иное стратегическое решение о контрнаступлении. Графически этот «ромб» и «армия авангарда» показаны на чертеже 1.

Этот метод построения боевого порядка развертывающихся пяти армий с кавалерией на левом фланге требовал не только, обороняясь, подчинить своей воле наступающего, но и действовать так:

Первое положение (черт. 2).

Как только для французского главнокомандующего, полагал ген. Бонналь, после сосредоточения и развертывания станет ясным маневр противника, ромбообразное расположение пяти французских армий будет давать полную возможность предпринять любой контрманевр. Из чертежа первого положения виден вариант, когда противник направляет свои силы с фланга при поддержке этого охватывающего маневра атакой с фронта. Именно этот маневр германцев с особым вниманием изучал ген. Бонналь и в своем произведении «La manoeuvre de Saint-Privat» он пытался заглянуть в душу германского генерального штаба, с тем чтобы вскрыть стратегический план Шлиффена.

Этот план ген. Бонналю рисовался таким образом:

1. Окружение — это красная нить всей стратегической и тактической доктрины германцев. Осуществление комбинированного удара с фронта и флангов — вот та основная цель, к которой будет стремиться германское командование, наступая на французском фронте.

Черт. 2. Первое положение армий.

2. 12-й день мобилизации для германской армии будет днем перехода после развертывания в наступление.

3. Бонналь представлял себе развитие германского плана операций в следующей последовательности:

а) 7—8 армейских корпусов совместно с 7—8 кавдивизиями развернутся на исходной линии С.-Вит, Трир. Наступая через бельгийский Люксембург, эти войска к 16-му дню мобилизации выходят на фронт Мезьер, Стенэ, а к 20-му дню мобилизации — на фронт Сюип, С. Менегульд, Клермон. При организованной и удачной боевой работе 7—8 германских кавалерийских дивизий можно будет ожидать, что к 16-му дню мобилизации они выйдут в район С. Кетэн, Шалон, а на 18-й день мобилизации захватят район Мо, Куломье (черт. 3);

б) примерно 12 германских армейских корпусов, развернувшись на 60—80-км фронте южнее Меца и севернее Кольмара, должны будут в течение нескольких суток вести фронтальные бои, притягивать на себя противника и тем облегчать правофланговую операцию наступающих 7—8 армейских корпусов.

Самое раннее на 15-й день мобилизации эта центральная масса войск перейдет в энергичное наступление;

в) на левом фланге, на фронте Кольмар, Мюльгаузен, также к 12-му дню мобилизации развернется не менее 3—4 армейских корпусов; они перейдут в наступление в тот момент, когда комбинированный удар фланга и центра достигнет крупного успеха и потребуются силы для завершения окружения французов.

Бонналь считал, что при таком германском варианте французский главком, производя сосредоточение и развертывание по плану № 14,

Черт. 3. Наступательный план германцев в предположении ген. Бонналя (в период 1896—1900 гг.).

сумеет с 8-го дня мобилизации предпринять соответствующий контрманевр; армия авангарда в районе Нанси будет удерживать неприятеля с фронта, в то время как 4 французские армии будут брошены в направление охватывающего германского фланга (черт. 1).

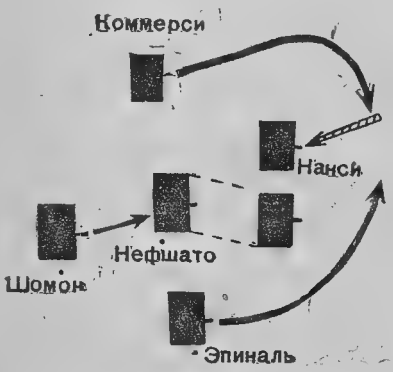
Второе положение.

Это положение будет иметь место, когда главная германская атака производится с фронта в направлении Нанси. В данном случае «армия авангарда» останавливает противника, армия второй линии,

расположенная в районе Нефшато, выдвигается на усиление «армии авангарда», в то время как армии у Коммерси и Эпиналя охватывают фланги противника. Резервная армия у Шомон будет брошена в район решительного удара, с тем чтобы завершить победу (черт. 4).

Таковы оперативно-стратегические идеи, которые были заложены в плане стратегического развертывания ген. Бонналя.

Военное учение ген. Бонналя не могло не вытекать из его политического мировоззрения. Бонналь поддерживал тесную связь с реакционными офицерскими кругами, он был постоянно связан с бонапартистами и аристократией. В силу этого не случайно мы видим у него исключительно отрицательное и враждебное отношение к широким народным массам, из которых преимущественно формируются резервные и территориальные части. Он настойчиво требовал, создать перволинейную армию профессионалов с длинными сроками службы (не менее 5 лет), с тем чтобы иметь вымуштрованных солдат, соответственно политически обработанных и воспитанных и готовых, не задумываясь, беспрекословно выполнять любой приказ, идущий на пользу дела буржуазии. Например, когда в 1907 г. вспыхнул на юге Франции известный «виноградный» бунт, когда мелкий собственник восстал против крупных собственников-эксплоататоров и против правительственных налогов и пошлин и когда войска, которые были двинуты для прекращения оружием волнений, стали переходить на сторону мелких виноградарей (17-й пех. полк и др.), не желая стрелять, а в учебных сборах резервистов вспыхнули волнения и пр.,— ген. Бонналь оказался одним из первых, кто в печати стал усиленно пугать французского рантье призраком якобинизма и революции 1793 г.



Черт. 4. Второе положение армий.

Солдат должен быть оторван от народных масс; для этого существует, говорил ген. Бонналь, казарма с долголетней суровой муштрой, которая вырабатывает из солдата профессионала, автомат, т. е. крепкую вооруженную опору для буржуазного строя.

Эта теория победила в плане развертывания французских армий за № 14, который свел на-нет резервные формирования и в основном был направлен против вооружения значительных народных масс и обучения их военному делу и который оперировал только одними регулярными армиями.

Уничтожая резервные формирования, французский генеральный штаб вместе с Бонналем не хотел видеть реальную действительность, которая в это время развертывалась в Германии, где после утверждения правительством знаменитого закона 1888 г. шло бе-

шеное строительство германских вооруженных сил. Этот закон увеличивал срок воинской повинности вдвое — с 12 до 25 лет.

Закон устанавливал: 3 года действительной службы, 4 года состояния в резерве, 5 лет — в ландвере 1-го призыва (возраст от 27 до 32 лет), 6 лет — в ландвере 2-го призыва (от 32 до 39 лет), 12 лет — в запасе (т. е. не попавшие на военную службу, но годные к ней), ландштурм 1-го призыва (от 17 до 39 лет) и 2-го призыва (от 39 до 45 лет).

Иными словами, этот закон создавал огромную многомиллионную массовую армию из полевых, резервных (территориальных), ландверных, ландштурмных, эрзац-резервных войск, которые должны были решать смелые задачи по шлиффеновским планам стратегического развертывания, построенным в основном на опыте полководческого искусства Наполеона и Мольтке-старшего.

Бонналь также говорил, что его план развертывания за № 14 является перенесением наполеоновского учения в современную Бонналю эпоху. Но так могли думать лишь Бонналь и его школа, исключительно формально воспринявшая многообразный боевой опыт Наполеона и чрезмерно восхищавшаяся идеей «армии авангарда».

В официальном французском издании говорится, что план № 14 является планом «выжидательным» [1], т. е. всецело зависящим от воли и инициативы противника. Только после того как противник перейдет границу и будет решительно действовать в определенном направлении, ясном для французского главного командования, последнее начнет решать, куда бросить армии. Этот план ясно говорит, что автор его хочет очень много знать о противнике (что на войне бывает редко) и затем уже действовать безошибочно. Другими словами, у автора большое желание перехитрить своего противника. Но если мы хорошенько проанализируем боевой опыт Наполеона и Мольтке, то мы наглядно увидим, что наибольшее количество твердых и инициативных решений у них приходится как раз на те случаи, когда они решали на основе скудных и обычно противоречивых сведений о противнике.

Слишком многогранны и многообразны военное искусство и боевой опыт Наполеона и Мольтке, чтобы сводить их, как это сделал Бонналь, в одну форму «всеспасительного ромба» с его «армией авангарда» в первой линии (Нанси), тремя армиями во второй линии (Эпиналь, Мирекур, Нефшато, Коммерси) и одной армией маневренного резерва в третьей линии (Шомон), с основной идеей «выжидания» [2] и с мечтой, что такое построение в глубину годно на все случаи и обещает успех.

Только этим и можно объяснить то обстоятельство, что Бонналь очень смело и свободно оставляет весь район Вердена на собственное попечение его гарнизона. Он не боится его сдать противнику во имя будущих успехов. Такое игнорирование района Вердена резко критикуется почти всеми французскими авторами, ка-

[1] «Les armées françaises dans la grande guerre», t. I, p. 8.
[2] Ibid., 8.

сающимися этого вопроса. Наполеон и его наиболее способный последователь и ученик Мольтке-старший постоянно твердили, что надо навязать свою волю противнику, необходимо посредством внезапного наступления взять инициативу действий в свои руки и ни за что не давать ее у себя вырвать.

Эта основная, центральная мысль в полководческом искусстве Наполеона и Мольтке, как мы видели, очень слабо выражена у Бонналя даже тогда, когда он довольно верно в период 1898—1902 гг. представляет себе германскую наступательную доктрину и возможные варианты действий противника на восточной границе Франции.

Клаузевиц писал, что на войне нельзя терять времени. «Если мы не можем извлечь каких-либо особых выгод из промедления, то важно приступить к делу как можно скорее. Быстротой можно пресечь многие мероприятия противника в самом зародыше и привлечь на свою сторону общественное мнение. Внезапность играет в стратегии гораздо большую роль, чем в тактике; она является наиболее действительным началом победы. Александр, Ганнибал, Цезарь, Густав Адольф, Фридрих II, Наполеон обязаны быстроте действий самыми яркими лучами своей славы»[1]. Как мы видели, у Бонналя в ы ж и д а н и е является основной идеей в плане его стратегического развертывания.

План № 14 ген. Бонналя просуществовал четыре года (с 1898 по 1902 г. включительно) и в 1903 г. был заменен новым планом № 15, который крепко впитал в себя основную «в ы ж и д а т е л ь н у ю» идею ген. Бонналя, но убрал «армию авангарда» из района Нанси.

В период 1893—1905 гг. Шлиффеном был разработан целый ряд планов стратегического развертывания на западном (французском) театре военных действий, который он считал для Германии главным и куда проектировал сосредоточить основную массу германских вооруженных сил.

По плану стратегического развертывания 1893—1894 гг. Шлиффен сосредоточивал против Франции главные силы, а именно: 6 кавалерийских, 32 пехотных, 15 резервных дивизий, оставляя в Восточной Пруссии всего лишь 4 кавалерийских, 8 пехотных, 6 резервных дивизий. Но во всяком случае, как видим, Восточной Пруссии в эти годы он уделяет значительное внимание, неизмеримо большее, чем району Эльзаса (Страсбург, швейцарская граница 100—110 км), куда направляет всего лишь 2 пехотных и 1 резервную дивизию. Главные силы сосредоточиваются в районе Диденгофен, Страсбург (140 км) — 6 кавалерийских, 30 пехотных, 14 резервных дивизий (черт. 5).

Этот вариант развертывания Шлиффен считал невыгодным для германской армии, так как ее основные и главные силы были нацелены прямо на укрепленную полосу Верден, Туль, Эпиналь. Это обстоятельство неизбежно повлекло бы за собой затяжную и тяжелую борьбу с французской армией, которая не только может

---

1 К л а у з е в и ц, О войне, стр. 604.

действовать оборонительно и, весьма возможно, будет наступать в двух направлениях, между Мецем и Саарбургом и севернее Диденгофена через Люксембург. В таком случае, говорит Шлиф-

Черт. 5. План развертывания, составленный Шлиффеном в 1893—1894 гг.

Состав западного (французского) фронта:

1-я армия—	2 кд,	8 пд,	3 рд.
2-я армия—	2 кд,	6 пд,	4 рд.
3-я армия—	1 кд,	6 пд,	3 рд.
4-я армия—	1 кд,	8 пд,	4 рд.
Мец		2 пд,	
Армия прикрытия (Эльзас)		2 пд,	1 рд.
Итого	6 кд,	32 пд,	15 рд.

Состав восточного (русского) фронта:

Итого	4 кд,	8 пд,	6 рд.
Всего	10 кд,	40 пд,	21 рд.

фен, германская армия, собранная на узком пространстве, будет принуждена контратаковать французов по внутренним флангам, но такая атака в условиях ранее потерянной инициативы едва ли мо-

жет быть выгодной для германской армии. Возводимые бельгийцами крупные укрепления (Намюр, Льеж) говорят об уверенности Бельгии в том, что ее нейтралитет будет Германией нарушен. Кроме того, Шлиффен в эти годы считал, что Франция с началом же войны введет свои войска в Бельгию, чтобы охватить своим левым флангом германскую армию, имея центр и правый фланг обеспеченными железобетонным поясом крепостей де-Ривьера.

По этому варианту Шлиффен делал основной вывод, что германской армии необходимо притянуть правый фланг к Люксембургу и Бельгии, с тем чтобы первыми взять инициативу в свои руки и попытаться обойти Верден с севера (черт. 6).

Эта идея Шлиффена была положена в основу разработанного плана стратегического развертывания 1899—1900 гг. По этому плану (черт. 6) силы, намеченные в Восточную Пруссию, были уменьшены на 6 дивизий; кроме того, в Эльзас Шлиффен выделял всего лишь две дивизии из 6-й армии, рассчитывая к тому же от своей союзницы Италии получить 12 дивизий на левый фланг. Имея в виду, что Шлиффен все время считал весьма полезным, если французы вторгнутся глубоко в Эльзас-Лотарингию [1] и тем самым дадут возможность германцам атаковать их с фланга и тыла, следует полагать, что эти 12 итальянских дивизий Шлиффен ставил в качестве гипотезы, в реальность осуществления которой мало верил, хотя бы по одному тому, что Италия едва ли так просто перебросила бы для Германии целых 6 корпусов (или 12 дивизий). План от 1899—1900 гг. направлял через Люксембург и Бельгию (бельгийский Люксембург) в обход укрепленного района Вердена 4 кавалерийских, 16 пехотных, 4 резервных дивизии.

Если правый фланг охвата (1-я и 2-я армии) численно сопоставить с центром и левым флангом (3-я, 4-я, 5-я, 6-я армии), то разница будет всего лишь (без итальянских дивизий) в 10 пехотных и 3 резервных дивизиях в пользу центра и левого фланга (Страсбург).

Как видим, Шлиффен уже смело нарушает этим планом нейтралитет Люксембурга и Бельгии и для охвата на правом фланге ставит наиболее сильные 1-ю и 2-ю армии, которые должны были сочетать свой удар с фронтальным ударом остальных 4 армий, расположенных на линии Диденгофен, Саарбург, Страсбург. Начиная с 1900 г., Шлиффен всецело поглощен вопросом усиления правого фланга и направления его в такой широкий район, где он получил бы соответствующее пространство для маневрирования; и мы видим, что сперва Шлиффена удовлетворяет обход на фронт Верден, Мезьер, а затем он его удлиняет до Лилля.

К периоду 1900—1903 гг. относится вариант, который по своему идейному содержанию приближается к плану 1899—1900 гг., но где правый фланг протянут уже до Аахена. Следует считать, что

---

[1] Например, Шлиффен отвергал предложение ген. фон-дер-Гольца об укреплении района Мец, Саарбург (80 км), так как считал, что такое укрепление было бы помехой для французов при их глубоком вторжении в Лотарингию и Эльзас, где он оставлял лишь две дивизии из 6-й армии.

Черт. 6. План стратегического развертывания, составленный Шлиффеном в 1899—1900 гг.

Состав западного (французского) фронта:

1-я армия—2 кд, 8 пд, 4 рд.
2-я армия—2 кд, 8 пд.
3-я армия—2 кд, 6 пд, 2 рд.
4-я армия—1 кд, 8 пд.
5-я армия—1 кд, 8 пд.
6-я армия— 4 пд, 5 рд.
Итальянская армия 12 дивизий

Итого 8 кд, 42 пд, 11 рд.
+ 12 итал.

Состав восточного (русского) фронта:

Итого 3 кд, 6 пд, 3 рд.

Всего 11 кд, 48 пд, 14 рд.
+ 12 итал.

планы периода 1899—1900—1903 гг. являлись прямыми и логическими предшественниками шлиффеновского варианта 1905—1906 гг. В плане 1900—1903 гг. Шлиффен считал, что главная масса французских армий развернется в районе Верден, Нефшато и южнее Эпиналя. Начиная с 1875 и по 1903 г. включительно

в этом районе у французов шла усиленная постройка железных дорог, выгрузочных платформ и всевозможных оборудований для сосредоточения крупных войсковых масс. В этом же районе, ограниченном с севера линией восточнее Мец, Верден, Шалон, Монмирай и с юга Бельфор, Лангр, Труа, производилась наибольшая часть военных учений и маневров. В основу своих стратегических решений Шлиффен, глубокий поклонник учения Наполеона, клал следующий тезис последнего: «Крепости, как пушки, сами собою дела не делают, а требуют, чтобы ими искусно управляли и их кстати употребляли». Иными словами, размышлял Шлиффен, за Верденом, Тулем, Эпиналем, Бельфором с их многочисленными фортами, т. е. за этим стальным щитом, будет сосредоточиваться французская армия, которая будет производить соответствующие перегруппировки по ходу событий. А поэтому Шлиффен, помня второй тезис Наполеона: «никогда не назначать для сосредоточения своих войск такого района, на котором неприятель может предупредить в значительных силах», и далее: «не атакуйте с фронта таких позиций, которыми можно овладеть путем обхода их»,— решает главный удар вести севернее Вердена через Люксембург и бельгийский Люксембург (черт. 7).

Кроме того, небольшой проход Шарм давал возможность атаковать французскую армию между Тулем и Эпиналем в направлении Нефшато. Шлиффен в идейном отношении строил операцию следующим образом: три армии (1-я, 2-я, 3-я) правого фланга с 8 кавдивизиями, развернувшись на фронте С.-Вит, Трир, Мец, должны были к 20-му дню мобилизации выйти с севера на меридиан Вердена, преодолеть Маас на участке между Мезьером и Верденом, далее наступая в направлении Шалон. Две армии (4-я и 5-я), прорвав фронт противника, должны были вклиниться между Туль, Эпиналь, стремясь овладеть районом Нефшато. Иными словами, эти пять армий, действуя концентрически, предназначались к тому, чтобы охватить большую часть развертывающихся французских сил с запада и дать французам уничтожающее сражение к западу от крепостного пояса де-Ривьера. Две армии (7-я и 6-я с ландверными бригадами) обеспечивают фланги наступающего стратегического фронта германцев. 7-я армия располагается уступом за правым флангом и, вступив на территорию Бельгии, не должна позволить бельгийской армии нарушить фланговую операцию правого фланга 1-й и 2-й германских армий. 6-я армия совместно с ландверными бригадами обеспечивает левый фланг германского фронта и операцию прорыва 4-й и 5-й германских армий.

На восточном (русском) театре военных действий Шлиффен оставлял небольшие силы в Восточной Пруссии, которые в случае необходимости будут отходить за Вислу. Шлиффен уже в этом варианте говорит, что «главный успех должен быть достигнут на французском театре военных действий; этот успех вернет все временные территориальные потери на восточном (русском) фронте». Военно-политический союз с Австро-Венгрией в вариантах до декабря 1905 г. также учитывается, но в том случае, если Германия будет главный удар наносить против России; тогда германские ар-

мии совместно и активно должны наступать с Австро-Венгрией, чтобы концентрическим ударом из Восточной Пруссии и Галиции отторгнуть от России 10 губерний Передового театра.

При главном ударе германских армий на Францию Австро-Венгрия может вести активное наступление в Люблинском и Брест-Литовском направлениях, но в этом случае она должна твердо пом-

Черт. 7. Стратегический план развертывания Шлиффена (1900—1903 гг.).

нить, что ее судьба будет зависеть от военных успехов германского оружия на французском театре военных действий.

Как видим, вариант Шлиффена для действий на французском фронте в основном все же исходил из мольтковского положения, а именно: при наступлении на западе наносить главный удар с е в е р н е е В е р д е н а. Но этот обходный удар «севернее Вердена» Шлиффен повел не только на Стенэ, как это предполагал Мольтке-старший, а сперва поднял его к бельгийскому Люксембургу, а за-

тем, в начале 1905 г., отказавшись от удара (двумя армиями) на Шармском направлении, сделал район Меца осью захождения для ударного правого фланга, который направлялся теперь уже через всю восточную границу Бельгии и Люксембург (черт. 8). По этому варианту шесть армий (с 1-й по 6-ю) развертываются севернее Диденгофена, а две армии (7-я и 8-я) между Мецем и Саарбургом. В Восточной Пруссии не оставлялось германских сил, так как 8-я армия развертывалась в районе Саарбурга, а в Эльзасе сосредоточивалась союзная Германии итальянская армия.

1905 год был весьма продуктивным для германского генерального штаба и германской армии. В этот год было проведено больше, чем в любой из предшествующих годов, военных игр (с розыгрышем вариантов на западе и востоке), полевых поездок и маневров. Нам думается, это можно объяснить тем, что Шлиффен именно в этот год считал наиболее выгодным объявить войну Франции, так как поражение России в русско-японской войне развязывало руки Германии на западе (Франция). Одновременно с этим взаимоотношения между Шлиффеном и группой Вильгельма—Тирпитца настолько обострились, что вопрос об увольнении в отставку Шлиффена был уже решен. Помощником Шлиффена по вопросам ведения фронтовых операций был племянник знаменитого Мольтке-старшего—Мольтке-младший; по словам Вильгельма, одна фамилия последнего могла заменить собой по крайней мере два недостающих армейских корпуса на каком-либо важном направлении. Мольтке-младший был в дружественных отношениях с Вильгельмом,—таким образом, заместитель был налицо.

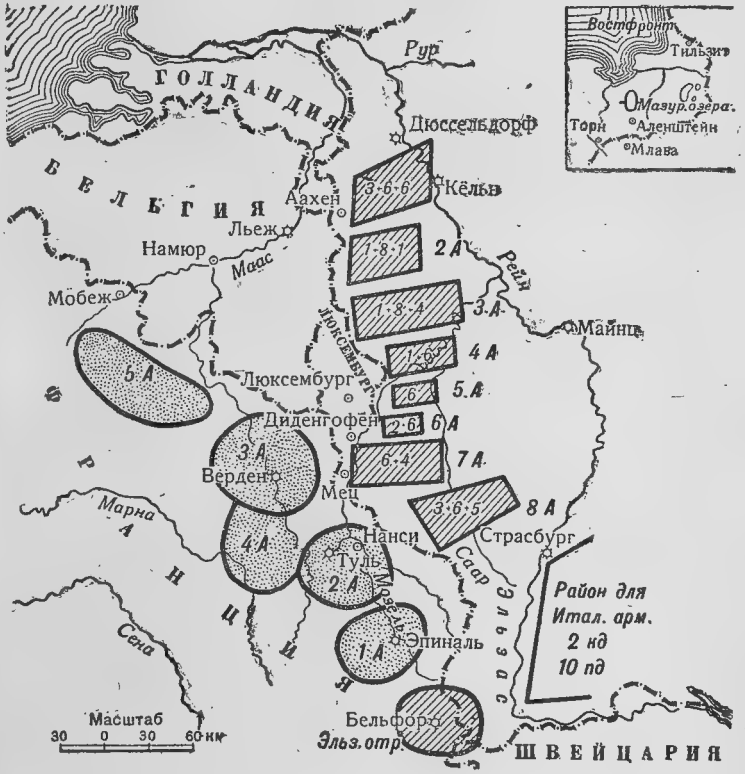
Особенно интересной по своему идейному содержанию была полевая поездка летом 1905 г. Во время этой поездки Шлиффен руководил германской стороной, а за французов играли наиболее видные офицеры германского генерального штаба. Стратегическое развертывание французов было предположено, примерно, таким, каким оно фактически оказалось в 1914 г., а германское развертывание—по варианту 1905—1906 гг. (черт. 8), т. е. главный удар наносился мощным правым флангом через Бельгию. Офицерами, игравшими за французов, было разработано против Шлиффена три варианта; последний все их разыграл и пришел к твердому убеждению в целесообразности варианта развертывания, составленного в начале 1905 г.

По первому ходу этой игры французы повели главный удар своими главными силами между Мецем и Страсбургом против южного фланга германских войск в Лотарингии.

По этому варианту Шлиффен отказался от широкого захождения на Лилль, четыре южных германских армии нацелил против вторжения в Лотарингию французов, оставляя открытым проход Мец, Страсбург и отводя эти четыре армии (5-я, 6-я, 7-я, 8-я) на восток и юго-восток. Французы наступают до р. Саар. Тогда Шлиффен наносит своими четырьмя армиями удар со Страсбургского направления по флангу и тылу вторгнувшихся французов и выигрывает этот вариант. Северный фланг (1-я, 2-я, 3-я, 4-я армии) резко поворачивает на юго-запад, имея осью захождения Люксем-

бург и нанося удар по тылам французских войск между Реймсом и Верденом. Этот вариант выигран в пользу Шлиффена.

По второму ходу игры французская армия наступала по обе стороны Меца. Половина всех французских сил была брошена между Мецем и Страсбургом. Шлиффен отводит назад три армии.



Черт. 8. Вариант плана стратегического развертывания, составленный Шлиффеном на 1905—1906 гг.

Состав западного (французского) фронта:

1-я армия—	3 кд,	6 пд,	6 рд.
2-я армия—	1 кд,	8 пд,	1 рд.
3-я армия—	1 кд,	8 пд.	4 рд.
4-я армия—	1 кд,	6 пд.	
5-я армия—		6 пд.	
6-я армия—	2 кд,	6 пд,	
7-я армия—		6 пд,	4 рд.
8-я армия—	3 кд.	6 пд,	5 рд.
Итал. арм.	2 кд,	10 пд.	
Итого	11 кд,	52 пд,	20 рд.
	+ 2 кд,	+ 10 пд.	

Состав восточного (русского) фронта: ничего не дается.

Всего	11 кд,	52 пд,	20 рд.
	+ 2 кд,	+ 10 пд.	

Он намерен пропустить противника до р. Саар, а затем из района Страсбурга ударяет по флангу и тылу. В этом варианте интересно то, что Шлиффен ищет решение сильным правым флангом разбить левый фланг французов. Для этого он остальные п я т ь армий все больше и больше стягивает к западу, глубоко их эшелонирует и обеспечивает свой правый фланг большими резервами.

П о т р е т ь е м у х о д у и г р ы французы повели наступление совместно с бельгийцами усиленным левым флангом, который был протянут вплоть до района Мобежа.

Для парирования этого маневра французов Шлиффен стягивает почти все силы к правому флангу, и ему удается глубоким захлестыванием оттеснить французскую армию к востоку от Парижа. Шлиффен энергично развивает удары глубоко эшелонированным правым флангом и к 56-му дню мобилизации отбрасывает французов к Швейцарским Альпам.

При разборе этого варианта Шлиффен заметил, что он не намерен проходить правым флангом за Сену и ослаблять себя выделением сил для осады Парижа.

Шлиффен на разборе указал, что осада Парижа могла бы иметь место лишь в том случае, если бы охват не удался на южной, бельгийско-французской границе и если бы противник не был глубоко отброшен на восток. В своей памятной декабрьской записке 1905 г. Шлиффен пишет, что он рассматривает марш правого фланга западнее Парижа только как вспомогательное средство, которое будет уместно лишь по обстановке.

Но если не удастся наступлением против левого фланга французов отбросить их к укрепленным районам на Мозель (Туль и Эпиналь, а затем южнее, Бельфор) и к швейцарской Юре, то тогда обход Парижа становится неизбежным, потому что в противном случае ставится под вопрос весь план и весь замысел уничтожающего сражения. И Шлиффен указывал в своей памятной записке, что от усиления правого фланга зависит успех всей операции; для этого надо использовать и ландвер и ландштурм, и это является вопросом жизни и смерти для Германии («eine Frage auf Leben und Tod für Deutschland»).

Эта полевая поездка летом 1905 г. и ее выводы послужили конкретным материалом для его «памятной записки» («Denkschrift») под заглавием «Война против Франции» («Krieg gegen Frankreich»).

Авторы сборника «От Шарнгорста до Шлиффена» подчеркивают, что эта «памятная записка» является не готовой схемой, а только эскизом работы большого военного деятеля.

В этой записке Шлиффен предлагал ландштурм и ландвер использовать в активной полевой армии, а не только как резерв.

События, которые предшествовали написанию этой записки, были таковы. После летней полевой поездки, которую мы только что изложили выше, в августе Шлиффен очень неудачно упал с лошади и сломал себе ногу. Это обстоятельство вывело его из строя более чем на 2 месяца. Во время этой болезни его замещал Мольткемладший. Последний вместе с Вильгельмом провел сентябрьские маневры германской армии, после которых с утверждения Виль-

гельма издал инструкцию, в корне противоречащую оперативным поучениям Шлиффена. В этой инструкции фронтальные удары и лобовые атаки с двигающимися по ограниченному количеству дорог корпусами (корпус на одной дороге), с сосредоточением больших резервов на узких фронтах (против чего выступал Шлиффен, так как он говорил, что огонь современного оружия есть смерть для этих резервов) — все это было взято за основу в боевой подготовке армии. Фланговые удары и обходы умышленно игнорировались. Вернувшись после болезни в октябре 1905 г., Шлиффен после ознакомления с этой инструкцией ничего не сказал Мольтке-младшему, так как для него было очевидным, что инструкция написана специально для того, чтобы предупредить начальника германского генерального штаба приготовиться к сдаче своих дел. Шлиффен это хорошо понял и приступил к составлению «памятной записки» «Война против Франции», которую он закончил и в декабре 1905 г. передал своему преемнику Мольтке-младшему. Конец составления этой «памятной записки» совпал по времени с рескриптом Вильгельма об увольнении Шлиффена в отставку. Этот декабрьский вариант по мысли Шлиффена должен был быть для германского генерального штаба как бы оперативно-стратегическим завещанием на пути его дальнейших работ.

Итак, перейдем к анализу декабрьского варианта плана стратегического развертывания, составленного Шлиффеном перед увольнением его в отставку.

В период 1904—1905 гг. Шлиффен с особым вниманием следил за темпами мобилизации и сосредоточения французской армии, которые значительно выросли по сравнению с 1870 г. и концом XIX столетия. И когда Шлиффен пришел к заключению, что в отношении быстроты стратегического сосредоточения и развертывания французская армия поравнялась с германской, перед ним встал во весь рост кардинальный вопрос — не губить германскую армию в лобовых атаках французских сплошных укреплений на восточной границе Франции, не терять для этого огромного количества времени, а искать новые пути для наступательных операций.

Приступая к разработке своего декабрьского варианта, Шлиффен из всевозможных разведывательных данных видел, что французские крепости расположены между государственной границей и станциями высадок для отмобилизованной французской армии. Французский генеральный штаб этим самым стремился к тому, чтобы войска прикрытия, опираясь на эти крепости, дали возможность благополучно выполнить план стратегического сосредоточения и развертывания французских армий. Перед Шлиффеном в первую голову вставал вопрос, что́ именно надо делать, чтобы сорвать перевозки по стратегическому сосредоточению французских войск, что́ надо предпринять, чтобы насильно заставить французское командование менять районы высадок, т. е. в корне изменить оперативно-стратегическую группировку армий, ранее намеченную планом войны. Ясно, что, добившись этого, он тем самым выигрывал время для принятия самых решительных действий по отношению к противнику.

Все эти соображения и ряд других вошли составной частью в оперативный вариант развертывания германской армии, составленный Шлиффеном к декабрю 1905 г. Этот вариант представляет собой в истории оперативно-стратегического искусства большой замысел, наполненный до предела желанием с первого же шага вперед господствовать над волей противника и диктовать ему свою волю. Этот вариант стратегического развертывания против Франции фактически является синтезом всех размышлений и оперативных экспериментов, которые были проделаны Шлиффеном с коллективом Большого германского генерального штаба в предыдущие 14 лет до 1905 г.

Десятки и десятки полевых поездок, военных игр, выходов в поле, с учетом новых данных в отношении усовершенствования техники и вооружения, специальные рекогносцировочные работы, железнодорожные экспериментальные работы по сосредоточению, выгрузке и пропускной способности на важнейших направлениях и т. д.— все это было тем богатейшим материалом, который входил конкретными данными в проблему стратегического развертывания по последнему декабрьскому варианту Шлиффена. И надо сказать, что этот вариант является по своему идейному замыслу оригинальным произведением стратегического искусства начала XX столетия.

Стратегическое развертывание германских сил (40 армейских и резервных корпусов, 11 кавдивизий, 20 ландверных бригад) осуществлялось в следующем виде (схема 2).

В промежутке между голландской границей и укрепленным районом Мец, равном 190—195 км, Шлиффен сосредоточивал 23 армейских, 12½ резервных корпусов и 8 кавдивизий.

Основная задача для этих сил — образуя единый оперативно-стратегический фронт и опираясь левым флангом на укрепленный район крепости Мец, энергично наступать через территорию Бельгии на северные департаменты Франции и, все сокрушая на своем пути, произвести глубокий охват укрепленных позиций противника и его живых сил. Правый фланг маневрирующих сил должен был проходить через районы Брюссель, Лилль, Аббенвиль, Амьен, Нижняя Сена и в обход Парижа (схема 2).

Вся эта маневрирующая масса сил делилась на три оперативных группы:

северная (Nördl. Gruppe, Richtung Brüssel, Namur);
средняя (Mittlere Gruppe, Richtung Namur, Mezières);
южная (Südl. Gruppe, Richtung Mezières, Verdun).

Северная группа развертывается на участке от голландской границы до Мальмеди — 35 км, имея 9 арм. корпусов плюс 2 арм. корпуса, которые должны были быть подтянуты к железной дороге из Лотарингии, кроме того еще 7 рез. корпусов и 5 кавдивизий.

Первый этап наступления — выдвижение на фронт Брюссель, Намюр, глубина скачка 100 км.

Средняя группа развертывается на участке Мальмеди (исключительно) восточнее Арлон — 80 км, имея 6 арм. корпусов и 1 резервную дивизию.

Первый этап наступления — выдвижение на фронт Намюр, Мезьер, глубина скачка 90—100 км.

Южная группа развертывается на участке Арлон (исключительно), Мец — 80 км, имея 8 арм. корпусов, 2 кавдивизии.

Первый этап наступления — выдвижение на фронт Мезьер (исключительно), Верден, глубина скачка 60 км.

Эти три группы должны были преследовать основную цель — полный разгром и уничтожение живой силы англо-французской армии. Во всей этой операции правый фланг (северная группа), действуя в полной оперативно-маневренной связи со средней и южной группами, являлся ведущим; он, как гигантский, высоко занесенный молот, должен был непрерывно наносить удары, опрокидывая противника через Бельгию к северным департаментам Франции. Дробя и сокрушая все на своем пути, он должен был гнать остатки неприятельских сил на восток, к районам французских крепостей Туль, Эпиналь, Бельфор. Из Лотарингии и Эльзаса должны были действовать группы прикрывающих германских войск, которые развертывались южнее Меца до швейцарской границы. Силы этой эльзас-лотарингской обеспечивающей группы войск составляли: 3½ арм. корпуса (из этих сил 2 арм. корпуса Шлиффен предполагал в первые же дни наступления перебросить на правый фланг), 1½ рез. корпуса, 3 кавдивизии, 3 эрзац-корпуса, 5 ланд. бригад.

Но уже после успешного овладения линией Брюссель, Намюр, Мезьер, Верден (1-й этап) охватывающие германские войска должны были по мере продвижения в глубь неприятельской страны не таять, как это обычно бывает в плохо организованном наступлении, а укрепляться и увеличиваться.

Оперативно-стратегический вариант плана Шлиффена требовал дополнительной добавки в силах.

Главное командование германской армии обязано было для второго этапа наступления (линия Эн, Уаза, Париж и Ля-Фер, Лион, Ретель) перебросить войска ландштурма и ландвера. Ландштурм и ландвер должны были оккупировать целиком тыл и охранять его, особенно работу железных дорог в тыловом районе. Таким образом, войска первой линии, действующие на правом фланге стратегического фронта, освобождались от этого. Кроме того, сейчас же после мобилизации Шлиффен требовал сформировать 8 новых рез. корпусов. Эти резервные формирования у ряда авторов вызывают сомнение: они говорят, что Шлиффену едва ли удалось бы в 1906 г. их реализовать. Мы считаем, что вариант от декабря 1905 г. являлся планом перспективным с расчетом на ряд лет большой работы по всем направлениям и каналам, и особенно в области железнодорожного строительства и создания погрузочных и выгрузочных станций в районах стратегического сосредоточения. Но несомненно одно: Шлиффен никогда не допустил бы ослабления правого фланга на целых 6 корпусов, как это сделал во время наступления к Марне в августе 1914 г. его заместитель Мольтке-младший.

В решительном сражении на линии Эн, Уаза, Париж Шлиффен рассчитывал сосредоточить и развернуть 25 арм. корпусов и 2½ рез. корпуса, причем из этих сил 7 арм. корпусов должны были глубоко обойти Париж, а 6 эрзац-корпусов осадить Париж с запада и юга. Но этот последний тезис из 2-го периода наступления (после 31-го дня мобилизации) Шлиффен не считал нужным детализировать, так как, по его мнению, все зависело бы от конкретной боевой деятельности, а главное от успеха выполнения основной задачи: быстрого внезапного прохода через Бельгию, Люксембург и мощного удара в левый фланг живой силе противника.

Следует иметь в виду, что, когда Шлиффен составлял этот декабрьский вариант, он это делал под огромным впечатлением и влиянием факта жесточайшего разгрома царской армии и флота в русско-японской войне 1904—1905 гг.

Он считал, что этим самым для Германии теперь руки развязаны и она может всеми силами броситься на Францию, не боясь за свой тыл со стороны царской России, которой надо много лет для залечивания огромных ран, нанесенных ей русско-японской войной и революцией 1905 г.

Англию Шлиффен учитывал на стороне Франции и Бельгии, но считал, что английская армия запоздает со своей высадкой на французской территории или высадится тогда, когда бельгийская армия уже будет разгромлена. Австро-Венгрия принималась Шлиффеном в расчет как союзник, который еще более гарантировал тыл Германии со стороны России, ибо, действуя против ослабленной России, Австрия могла иметь успех на территории русского Передового театра; кроме того, ей будет помогать германская армия из 10 полевых и резервных дивизий и 7 ланд. бригад, которые Шлиффен предполагал оставить на восточном (русском) фронте.

Стремясь с первого же дня войны подчинить себе волю англо-бельгийского и французского командования, с тем чтобы посредством победы на фронте через несколько месяцев (2—3) продиктовать ему условия мира, Шлиффен видел ряд существенных препятствий, которые могли быть в процессе осуществления этого, пока еще только в идейной части намеченного оперативно-стратегического варианта. Это нами подчеркивается в силу того, что нельзя считать декабрьский вариант 1905 г. планом стратегического развертывания, обработанным во всех отношениях и уже полностью имевшим материально-техническую базу к декабрю 1905 г. Это весьма существенное обстоятельство, как правило, игнорируется военными исследователями, и в первую очередь Гренером и Юстровым, которые, не имея конкретного материала, рассуждают об этом варианте Шлиффена так уверенно, как будто перед ними лежит отработанный план стратегического развертывания наподобие плана (мемуара) Мольтке-старшего, составленного им в 1868—1869 гг. и осуществленного в начальный период войны 1870 г. Разница здесь огромная, упускать все это—значит из истории делать мифологию.

Во-первых, Шлиффен считал, что если французское командование упредит германскую армию в мобилизации, сосредоточении и развертывании и французская армия совместно с 100-тысячной армией англичан, высадившихся где-то в районе Лилля, и 160-тысячной армией бельгийцев двинется первой в наступление с тем, чтобы овладеть на территории Бельгии линией Антверпен, Намюр до того момента, как к этой линии подойдут германские войска, то обстановка резко изменится. Этот барьер внес бы весьма существенное изменение в вариант Шлиффена от декабря 1905 г. Во всяком случае, внезапность охвата правым флангом потеряла бы свою силу, да и сам охват становился невозможным. Дальнейшее распространение союзных сил к линии Мааса выдвигало бы на сцену новые оперативные варианты для контрмероприятий против наступающего, создание новой оперативной группировки с тем, чтобы фланговым ударом с линии Мец, Трир, в направлении Намюр, Льеж, приостановить и прекратить дальнейшее продвижение союзных армий.

Это обстоятельство, которое имеет большое значение при исследовании плана стратегического развертывания французского генерала Виктор-Констан-Мишеля (см. главу IV) с первых же дней борьбы при столкновении миллионных масс обеих сторон в Бельгии (Антверпен, Намюр), вызвало бы грандиозное фронтальное столкновение, гигантское встречное сражение и явилось бы прологом к позиционности, но уже на полях не Франции, а скорее Бельгии.

Таким образом, декабрьский вариант Шлиффена в основе своего замысла строился в первую очередь на внезапности удара и на быстроте марш-маневра через территорию Бельгии и Люксембурга и на уверенности, что французы главные свои силы будут развертывать против Эльзас-Лотарингии.

Во-вторых, план Шлиффена считался с возможностью, что французская армия может перейти в большое контрнаступление в Эльзас-Лотарингии в тот момент, когда правый фланг германской армии будет наступать в Бельгии.

Насколько наступление и захват англо-бельгийцами и французами линии Брюссель, Намюр были опасны с точки зрения варианта от декабря 1905 г., настолько всякое продвижение французской армии в глубь Эльзас-Лотарингии Шлиффен считал выгодным для германского командования. Это была бы «любезная услуга», — говорил он. Такое продвижение отвлекло бы значительные силы неприятеля и тем самым облегчило бы процесс наступления германского правого фланга и выхода его в тыл французскому укрепленному поясу де-Ривьера (Верден, Туль, Эпиналь, Бельфор).

В-третьих, во втором этапе наступления, если бы германские войска встретили со стороны союзных армий активную оборону по линии Лаон, Ля-Фер, Уаза, Париж, декабрьский вариант Шлиффена предусматривал энергичное наступление от рубежа к рубежу не менее как 10 арм. корпусами с линии Амьен, Ля-Фер на фронт

Ля-Фер, Париж и осаду и охват 12 корпусами Парижского укрепленного района. Наконец, имея в виду, что Россия выступит на стороне Франции, Шлиффен по декабрьскому варианту оставлял на восточном фронте самые незначительные силы, так как решительная победа на западном (французском) фронте, по его мнению, могла бы быстро восстановить временные потери на востоке. «Можно на некоторое время пожертвовать провинцией Восточной Пруссии во имя главного», — говорил Шлиффен.

Как известно, Шлиффен меньше всего думал о морской гегемонии Германии (в своих вариантах он почти не касается проблем флота) и считал, что надо центр тяжести переносить на создание еще более многочисленной и еще более обильно снабженной технически (особенно тяжелой артиллерией) сухопутной германской армии. Его вариант от декабря 1905 г. в основном и строился на том, что будут созданы новые 8 корпусов, что еще более увеличатся ландверные, ландштурмные и эрзац-резервные формирования, что закон 1888 г. еще более разовьется и расширится, что еще сильнее будет развита и оборудована железнодорожная сеть, ведущая к восточным границам Бельгии, Люксембурга, и пр. Без всего этого декабрьский вариант оставался лишь дерзкой, смелой, красивой графически оперативно-стратегической идеей, материально далеко не подкрепленной и не обеспеченной.

Не было у Шлиффена и особых друзей в союзнице Германии — Австро-Венгрии; австро-венгерский генеральный штаб, ясно, не мог понять шлиффеновскую установку на то, что «судьба Австро-Венгрии будет решена на Сене». Если к тому же прибавить весьма натянутые личные отношения между Вильгельмом и Шлиффеном, станет ясно, что увольнение Шлиффена в отставку рескриптом Вильгельма в декабре 1905 г. явилось логическим результатом всех перечисленных обстоятельств.

Оперативно-стратегический вариант плана развертывания от 1 января 1906 г. был Шлиффеном передан новому начальнику германского генерального штаба, ген. Мольтке-младшему, который должен был планировать строительство германских вооруженных сил таким образом, чтобы между этим планом и дальнейшими мероприятиями по подготовке к войне было полное единство и взаимодействие. Так мечтал Шлиффен; иначе, как увидим дальше, думали Вильгельм, Тирпитц, промышленные короли Эльзас-Лотарингии, юнкера-помещики Восточной Пруссии и их выдвиженец, племянник Мольтке-старшего — ген. Мольтке-младший.

Вариант Шлиффена от декабря 1905 г. явился логическим итогом той огромной работы, которую из года в год проделывали работники Большого германского генерального штаба под руководством Шлиффена. Этот вариант оказался для Шлиффена последним в серии ежегодно составляемых планов стратегического развертывания и проектов первоначальных операций на случай войны для наступающего мобилизационного года.

Разбирая декабрьский вариант развертывания Шлиффена, мы продолжаем его считать эскизным наброском для дальнейших работ на несколько лет. В следующей главе мы попытаемся показать, что надо было бы конкретно сделать, чтобы этот вариант превратился в план, готовый к осуществлению.

Глава II

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ И ТЕХНИКО-БОЕВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВАРИАНТА СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ШЛИФФЕНА ОТ ДЕКАБРЯ 1905 г.

Четырнадцать лет (1891—1905 гг.) Шлиффен возглавлял германский генеральный штаб.

В силу этого идейное оперативно-стратегическое содержание, заложенное в декабрьский вариант Шлиффена, не могло быть случайным: во-первых, этот вариант имел свой генезис в тех планах, которые были до декабря 1905 г.; во-вторых, он опирался на те вооруженные силы и средства, которые уже были в 1905 г. в Германии, и на программу военного строительства в ближайшие годы.

До сих пор как в нашей, так и в иностранной военной литературе при рассмотрении и анализе оперативного плана войны Шлиффена приводятся лишь общие положения, излагающие стратегический замысел с указанием голого количества корпусов, которые в определенной оперативной группировке должны были бы двинуться в таком-то направлении. Такой материал и его критику мы находим в работах рейхсархива (I и II томы, трактующие о планах войны), Куля, Гренера, Ферстера, Буше, Эльце, Юстрова и других и во всех наших советских трудах по этому вопросу.

Мы очень часто встречаем выводы некоторых писателей о том, что будто бы этот «план войны» в целом, как и декабрьский вариант, является продуктом односторонней фантазии Шлиффена с его idée fixe глубокого флангового охвата и пр.

Мы попытались хотя бы кратко рассмотреть этот план в отношении численности живых сил и технико-огневого материала. Это был военный фундамент, на котором строили и не могли не строить свои оперативно-стратегические варианты начальник германского генерального штаба Шлиффен и его ближайшие сотрудники, работая над созданием плана войны против своих вероятных противников (Франция, Англия, Бельгия, царская Россия).

Нам пришлось брать справочные и статистические сборники того времени и постепенно восстанавливать необходимую картину. Не проделав этого, мы пошли бы опять по пути исследователей, которые, не имея конкретных данных и не проработав их, делают весьма смелые и категорические выводы и заключения, основываясь на «общих» рассуждениях и тем самым внося не мало путаницы в вопрос. Потому и получается, что одни считают декабрьский вариант Шлиффена «законченным планом войны», другие —

«планом кампании», третьи — ни тем ни другим, а просто фантазией абстрактного метафизика, каковым будто бы и являлся Шлиффен с его планами войны.

Пока нам удалось на основании имевшегося материала установить следующие данные.

Как в отношении политическом, так и оперативно-стратегическом декабрьский вариант вырос из совершенно конкретного материала, т. е. из тщательно обработанных сведений об иностранных армиях, их силах, устройстве, мобилизации, географических особенностях их приграничной полосы, развитии их железнодорожной сети, их инженерной обороны (крепостные районы, укрепленные полосы по границе и пр.). Эти данные ежегодно обновляли, сопоставляли с политической ситуацией и общим состоянием германских вооруженных сил, прежде чем притти к тому или другому оперативно-стратегическому выводу или итогу. Конечно, это не исключает, что тот или другой оперативный вариант данного плана войны, данной армии совершенно свободен от ошибок. Кто пытается так представить себе дело составления вариантов плана войны, тот просто игнорирует действительную жизнь. И здесь будет не вредно привести мысль одного из известных работников Большого германского генерального штаба, ген. Ганса Куля, который в мирное время проработал в Большом генеральном штабе 18 лет в области оперативной, а всю мировую войну был на высших штабных должностях (армия, фронт). Ганс Куль вполне резонно пишет:

«Раз навсегда надо запомнить, что в мирное время никогда не удается составить полное и точное представление о противнике и картину будущей войны. Неожиданностей никогда не избежать, если даже, по совету Наполеона, менять свою тактику каждые 10 лет [1] и стремиться выполнить новейшие требования техники, военной организации и вооружения. Самое тщательное изучение операции и наилучшие военные упражнения все же недостаточны, так как при этом исключается действие неприятельских орудий и нельзя учесть моральных обстоятельств».

Конечно, если нельзя иметь «полное и точное» представление о всех оперативно-стратегических расчетах и предположениях вероятных противников, то все же постоянное изучение повседневных материалов, которые поступают через официальную и неофициальную печать, через доклады военных представителей (военные атташе и агенты), через военную литературу и пр., могут дать богатейший материал для оперативно-стратегических размышлений и расчетов.

Например, о нарушении бельгийского нейтралитета Германией открыто говорили задолго до войны. Наиболее ярким выступле-

[1] Здесь Ганс Куль, вероятно, имеет в виду мысль, высказанную Наполеоном I, а именно: «Меняйте тактику войны каждые 10 лет, если хотите сохранить хоть сколько-нибудь преимуществ». Как известно, в настоящее время бурный рост технических изобретений заставляет вносить в тактику и оперативное искусство существенные, а подчас и коренные поправки и изменения много быстрее, чем каждые 10 лет.—*Вл. М.*

нием надо считать речь бельгийского министра иностранных дел де-Фаверо при обсуждении в 1909 г. в сенате нового военного закона. Де-Фаверо откровенно заявил, что, кто умеет внимательно следить за событиями, тот придет к твердому заключению, что уже с 1906 г. договор о нейтралитете Бельгии является «клочком бумаги, который не имеет никакой цены». Де-Фаверо советовал открыто заключить военно-политический договор с Францией на случай войны с Германией.

Или такой факт, когда в 1905 г. Франция сократила срок действительной службы в армии с трех до двух лет. Это обстоятельство, совершенно ясно, не могло не иметь большого влияния на численность войсковых частей (как внутри страны, так и в пограничных районах) мирного времени и на качественное состояние армии. Все эти данные, как и многие другие (например разгром царской армии в русско-японской войне 1904—1905 гг.), внесли весьма реальные поправки в оперативно-стратегические варианты плана войны.

Создавая свой оперативно-стратегический вариант, Шлиффен хорошо понимал, что он живет в то время, когда полумиллионная германская армия мирного времени (1905 г.) в первые же дни и недели после объявления войны отмобилизует и выставит миллионные вооруженные силы, оснащенные соответствующим количеством технических средств.

Если по закону от 25 марта 1905 г. численность германской армии была определена цифрой 505 839 рядовых и ефрейторов, то в военное время эта цифра делала значительный скачок вверх благодаря призыву под знамена запаса военнообязанных.

В период разработки плана войны Шлиффеном общая численность запаса людей имела три основных категории:

1) люди вполне обученные, которые прошли через ряды постоянной армии и находились под знаменами в резерве и ландвере;

2) люди слабо обученные — та часть армии (резервисты), которая призывалась в учебные сборы и потом перечислялась в ландвер 2-го призыва;

3) люди совсем не обученные — большая часть эрзац-резервистов, перечисляемая потом в ландштурм 1-го призыва, и, наконец, весь ландштурм 1-го призыва.

По данным «L'armée allemande» Martin et Pont, 1903, p. 101, «Statistische Jahrbuch f. d. Deutsche Reich» (сборник 1902—1903 гг.), запас рядовых германской армии на 1 апреля 1905 г. в возрасте от 21 до 38 лет исчислялся следующими цифрами:

Таблица 1

Возрастной класс	Люди, прошедшие через ряды постоянной армии (вполне обученные)	Люди, поступившие в эрзац-резерв (слабо обученные)	Люди, поступившие в ландштурм 1-го призыва (необученные)
1904—1887 гг.	3 543 508	1 286 413	1 535 850

Таким образом, в случае войны Германия уже в 1905 г. имела 3,5 млн. обученных и 2,8 млн. необученных, причем в ландштурме 2-го призыва имелось около 800 000 обученных и 500 000 необученных. По данным «Veltzes Armee Almanach» 1906 г., стр. 64, в Германии имелась несколько более высокая цифра, а именно 4 350 000 обученных людей.

Вопрос с командным составом разрешался, особенно в части унтер-офицерского состава, напряженно. Германская армия в случае войны требовала для всех категорий войск не менее 500 000 унтер-офицеров, в то время как при мобилизации военное командование могло иметь 85 000 унтер-офицеров (кадры мирного времени, резерв и ландвер). Вопрос разрешался таким образом, что этот огромный недостаток считали возможным пополнить наиболее способными ефрейторами и рядовыми мирного времени. Но это был паллиатив, и на ближайшие годы твердо ставился вопрос о необходимости поднять цифру наличия унтер-офицерского состава до максимума, чтобы не оказаться в кризисном положении во время войны.

Не особенно благоприятная картина была и с наличием офицерского состава. 48 000 офицеров — вот та цифра, которую Германия могла дать при мобилизации, в то время как общая потребность достигала цифры 100 000. Как видим, недостаток целых 50%. Переход же различных категорий унтер-офицеров на офицерские должности разрешить этот недостаток не мог; следовательно, и этот вопрос также требовал принятия энергичных мер с целью скорейшего восполнения указанных пробелов в численности командного состава, без наличия которого самые архисмелые и тщательно продуманные оперативно-стратегические идеи не могут быть во время войны благополучно разрешены.

Вооруженные силы германской армии в основном делились на армию, предназначенную для активных операций (полевая), и войска, предназначенные для службы в гарнизонах и обеспечения тыла действующей армии.

Таблица 2 дает представление о численности германской армии в военное время.

О чем говорит эта таблица? В первую очередь она со всей определенностью отмечает, что вопрос с количеством обученного рядового состава в германской армии в то время обстоял вполне удовлетворительно. Достаточно сравнить данные об обученном запасе возрастных классов 1904—1887 гг., чтобы видеть, что их численность в 3,5 млн. вполне покрывала необходимую потребность для армии военного времени (в первый период), не трогая пока старших возрастных классов.

Другой вид и значение будет иметь содержание варианта Шлиффена, когда мы рассмотрим боевой состав германской армии в период, когда этот план разрабатывался.

Следующие цифры показывают боевой состав войсковых единиц и дают представление о той силе, которую стремился сосредоточить и развернуть против Франции на правом фланге стратегического фронта Шлиффен.

Таблица 2

Численность германской армии военного времени в период разработки декабрьского варианта плана Шлиффена (1905—1906 гг.)

(Составлено по официальным данным)

Наименование войск	Батальонов	Эскадронов	Пулеметов	Орудий	Крепостн. или осадн. арт. бат.	Инженерн. и ж.-д. рот	Офицеров	Нижних чинов	Лошадей	Повозок
А. Полевая действующая армия	666	411	200	3 498 лег. 1 752 тяж.	56	154	40 512	1 180 006	430 169	69 735
а) Резервные войска	318	120	—	990 лег.	—	52	14 286	443 286	117 155	20 270
б) Подвижные ландверные войска	220	28	—	168 „	—	14	6 715	236 720	17 102	2 997
Итого	1 204	559	200	4 656 лег. 1 752 тяж.	56	220	61 513	1 860 012	564 426	93 002
Б. Гарнизонные войска	470	54	—	312	42	54	15 042	501 477	67 062	19 783
а) Запасные войска	454	83	—	1 206	18	65	15 235	774 031	51 698	2 839
б) Ландштурм	370	75	—	360	20	40	8 635	339 025	5 770	240
Итого	1 294	212	—	1 878	80	159	38 912	1 614 533	124 530	22 862
Всего германская армия военного времени	2 498	771	200	8 286	136	379	100 425	3 474 545	688 956	115 864

Таблица 3

Боевой состав германской армии военного времени в период 1905—1906 гг.
(Составлено по официальным данным)

Наименование	Штыков	Сабель	Орудий	Лошадей	Повозок
Бригада (2 полка)	5 880—6 000	—	—	300—314	93
Дивизия полевая (трех родов оружия)	12 250—12 740	450	72 ор.	3 500—3 880	450—520
Кавалерийская дивизия	—	3 600	12 ор. + 12 пул.	5 150—5 300	160—170
Резервная	12 000—12 740	450	36—54 ор.	4 500—5 000	900—950
Ландверная	10 000—12 000	150—300	12—18 ор.	1 000—1 200	200—300
Армейский корпус	25 500—30 400	900	144 ор. + 6 пул.	13 000—13 800	2 200—2 360

Далее мы укажем только самое существенное из организационного состава германской армии.

Всю полевую действующую армию в военное время намечалось подразделить на 5—7 частных армий, причем каждая частная армия имела от 3 до 6 арм. корпусов (большей частью трехдивизионного состава), от 2 до 4 кав. дивизий, несколько рез. дивизий, не вошедших в состав арм. корпусов и пр.

Корпуса должны были иметь такой состав: в пехоте все полки трехбатальонного состава, в кавалерии: 3 эскадрона на пехотную дивизию, в полевой артиллерии все батареи по 6 орудий, в пешей артиллерии около 4 батарей на корпус, в инженерных войсках по одной пионерной роте на дивизию, а иногда сверх того по одному батальону трехротного состава на корпус. Корпус, как правило, имеет 2 дивизии (гвардейский корпус — 3), корпусной понтонный парк (4 козла, 26 понтонов, длина моста 122 м), 9 телеграфных станций, 80 км провода; сверх того, в зависимости от задачи, несколько батарей тяжелой артиллерии, второй пионерный батальон (бис).

Дивизия (полевая) имеет 2 (или 3) пех. бригады по 2 полка, 3 эскадрона дивизионной кав. бригады из 2 полков, пионерроту. Резервная дивизия — 2 рез. пех. бригады, 2—3 эскадрона кавалерии, 1 рез. арт. полк и т. д., пионерроту с дивизионным понтонным парком, телеграфное отделение, 21,5 км провода. Ландверная дивизия (подвижная) — 2 ланд. пех. бригады, 1—2 ланд. эскадрона кавалерии, остальное применительно к резервным дивизиям. Кавалерийская дивизия — 3 кав. бригады по 2 полка, по 4 эскадрона, 2 арт. батарей, 129 км провода.

В то время **вооружение германской армии** (по данным «L'armée allemande», 1903, Martin et Pont; «Veltzes Armee Almanach», 1906; Lehnert's «Handbuch für den Truppenführer», 1906; Wedel's «Offizier Taschenbuch», 1907) было следующее: пехота и кавалерия полевой армии деятельно перевооружались на ружье образца 1898 г. (калибр 7,9 мм, вес 4,5 кг, дистанция по прицелу 2 050 м), с количеством патронов около 400 на каждое ружье.

Пулемет Максима имел калибр, патроны и дальность те же, что и у пехотного ружья, но нормальный огонь считался на 400 м с числом выстрелов от 300 до 500. В среднем на пулемет приходилось 16 000 патронов.

Полевая артиллерия приобрела орудие образца 1896 г., которое показало прекрасные результаты на больших маневрах 1905 г. Эта скорострельная пушка образца 1896 г. имела калибр 7,7 см, наибольшую дальность стрельбы 8 000 м, дистанционная трубка до 5 000 м, скорость стрельбы до 6—8 выстрелов в минуту. В батарее 130 снарядов на орудие, а с возимыми всего около 330 снарядов на орудие.

Полевая гаубица 1898 г.— калибр 10,5 см, дальность стрельбы 6 000—7 000 м, скорость до 7 выстрелов в минуту. В батарее 86 снарядов на орудие, а с возимыми около 225 снарядов на орудие.

Главнейшие данные **тяжелой** артиллерии: 15-см тяжелая гаубица 1902 г.— вес снаряда 93,5 кг, дальность 6 000 м; 21-см стальная мортира — вес снаряда 119 кг, дальность 8 000 м; 10-см стальная пушка — вес снаряда: граната 18 кг, шрапнель 17,9 кг, дальность гранаты 11 000 м, шрапнели 8 500 м.

Как видим, огневое вооружение в германской армии 1905 г. было на довольно высоком уровне. Во всяком случае состояние и развитие основных технических средств борьбы говорило о том, что армия может вести длительный современный бой и что против этой техники армии Франции, Бельгии, Англии и России могли бороться, имея лишь не худшую, а еще лучшую технику.

Теперь несколько слов о развитии и емкости железнодорожного транспорта, который в германской армии сделал огромный шаг вперед по отношению к блестяще проведенному стратегическому сосредоточению в войну 1870—1871 гг. Количественные и качественные показатели были следующие.

Воинский поезд составлялся, как правило, из 50 вагонов (100—110 осей), длиною около 550 м, средняя скорость движения 22—25 км в час.

Для переброски пехотной дивизии (12 батальонов, 3 эскадрона, 12 батарей) нужно было 32 поезда; для ее колонн и обозов еще 15 поездов, т. е. всего 47 поездов.

Для переброски кавдивизии (24 эскадрона, 2 бригады) — 23 поезда.

Для войск арм. корпуса с последовательной отправкой частей требовалось следующее количество поездов: 1) 1 пехотная дивизия—33 поезда, 2) штаб корпуса с полевой хлебопекарней—2 поезда, 3) 2 пех. дивизии—30 поездов; всего без муниционных

колонн и обозов требовалось 65 поездов. Затем, следовали 2 эшелона (1-й и 2-й) муниционных колонн и обозов; для 1-го—18 поездов, для 2-го—16 (15½); сверх того 4 поезда с продовольствием, отправляемых в промежутке перевозимых войск. Всего же на один армейский корпус требовалось 103 поезда.

Стратегическое сосредоточение по декабрьскому варианту развертывания германской армии против Франции, ясно, потребовало бы огромных железнодорожных потоков не только в период развертывания на границе, но и во время наступления по территории Бельгии и Северной Франции, когда надо было бы вслед за войсками двигать железнодорожные эшелоны со всем необходимым для боя и жизни наступающих армий.

Ежегодное увеличение количества стратегических железнодорожных линий, выгрузочных и погрузочных станций на главном направлении (бельгийская граница), многократные экспериментальные работы по производству воинских перевозок, постоянная тренировка на военных учениях и маневрах войск и командного состава, а также обслуживающего персонала железных дорог и т. д.—все это разрешало лишь один вопрос первоначального стратегического сосредоточения армий к границе; второй вопрос был еще более важным, чем первый, это—умелое и целесообразное овладение железнодорожным хозяйством на занятой территории противника в процессе наступления, с тем чтобы бесперебойно питать огнеприпасами и продовольствием наступающие корпуса.

Глава III

ФРАНЦУЗСКИЙ ПЛАН СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ № 15 И ВАРИАНТ ПЛАНА СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ШЛИФФЕНА ОТ ДЕКАБРЯ 1905 г.

Теперь обратимся к сопоставлению варианта стратегического развертывания Шлиффена и его антипода, французского плана № 15 (схема 3), который явился логическим продолжением плана №14 ген. Бонналя.

Анализ планов войны, разработанных со стороны Франции ко времени создания Шлиффеном декабрьского варианта, говорит о том, что все опасения, что бельгийская и французская армии займут линию Антверпен, Намюр раньше, чем немецкие войска, и тем сорвут стратегическое развертывание по варианту Шлиффена,— совершенно отпадали. В период с 1903 и по 1909 г. во Франции действовал оперативный план войны № 15. Этот план по своему идейному содержанию был крайне пассивным, а с точки зрения оперативно-организационной беспринципным планом. Стратегическое развертывание по этому варианту как нельзя лучше способствовало проведению в жизнь оперативно-стратегического замысла шлиффеновского варианта от декабря 1905 г. По плану войны № 15 все пять французских армий были сосредоточены на Эльзас-Лотаринг-

ском направлении за железобетонным поясом французских крепостей. Разбирая детально это стратегическое развертывание, трудно себе представить, что же будут с началом активных операций делать эти пять французских армий, так как ни для наступления, ни для обороны такое расположение частей выгодным быть не могло. Подобная группировка сил скорее говорила о том, что армии будут выжидать и пассивно стоять, наблюдая за действиями германской армии после ее сосредоточения на границе. Если мы нанесем все французские части, предназначенные к развертыванию по плану № 15, на карту большого масштаба, то мы увидим, что французский генеральный штаб проблему стратегического развертывания начала XX в. понимал крайне своеобразно. Создается полное впечатление, что начальник французского генерального штаба, разрабатывая это развертывание, начертил эллипсис по линии французских крепостей, дал 50—60-км районы для сосредоточения каждой армии, в то время как в этих районах сотрудники французского генерального штаба механически расставляли корпуса, входившие в данную армию. На этом работа операторов была закончена, и это произведение получило название французского плана войны № 15.

В недрах французского генерального штаба, вероятно, есть еще более неблагоприятный материал, который не вошел в официальное описание планов войны, которые имела Франция перед мировой войной 1914—1918 гг. Хотя и то, что опубликовано в издании «Ministère de la guerre Etat Major de l'armée (service historique)», в I томе «Les armées françaises dans la grande guerre», вполне подтверждает сказанное нами.

Стратегическое развертывание пяти французских армий по плану № 15 при сопоставлении его с идеей стратегического развертывания по декабрьскому варианту Шлиффена довольно наглядно говорит о том, что французский генеральный штаб своим планом № 15 построил ловушку для французской армии, весьма скученно развертывавшейся на Страсбургском направлении.

Выше мы уже говорили о декабрьском варианте Шлиффена, здесь скажем несколько слов о французском плане № 15[1].

В плане № 15 составители оперируют, как и творец плана № 14 ген. Бонналь (между прочим, планы эти весьма немногим отличаются друг от друга [2]), лишь одними регулярными войсками. По мысли составителей плана № 15 запасные более старших классов должны образовать резервные дивизии, снабженные всем необходимым для действий в бою [3]. Все эти 10 дивизий будут находиться в 80—100—120 км от первой линии и в районах своего сосредоточения будут обучаться и морально укрепляться. Другими

---

[1] См. схемы плана № 15 упомянутого официального издания французского генерального штаба.

[2] По плану № 14 районы развертывания и расположения резервных дивизий те же, что и в плане № 15. Армии располагаются: 1-я авангардом у Нанси, 4-я (Туль), 3-я (Нефшато), 2-я (Эпиналь) во второй линии, 5-я армия в резерве в районе Шомон (см. схему плана № 15).

[3] «Les armées françaises dans la grande guerre», t. I, p. 9.

словами, эти 10 резервных дивизий, благодаря такому расположению и такой организации, были лишены возможности принять участие в первых операциях. Всего должно было развернуться пять армий, причем одна (3-я) сосредоточивалась в центре во второй линии в качестве резерва главнокомандующего, т. е. для маневра в связи с той обстановкой, какая сложится в первые дни наступления противника.

Все пять французских армий развертываются на восточной границе Франции южнее линии Реймс, Верден, Мец. По фронту они должны были занять 170-км участок Верден, Бельфор.

4-я армия в составе 1-го, 3-го, 6-го, 10-го колониального арм. корпусов и 54-й рез. дивизии развертывается в районе Верден, Барле-Дюк.

1-я армия в составе 2-го, 5-го, 8-го, 20-го арм. корпусов — в районе Туль, Нанси.

2-я армия в составе 7-го, 12-го, 13-го, 16-го 17-го арм. корпусов — в районе Мирекур, Эпиналь, С.-Дье, причем 7-й корпус выделяет 14-ю пех. дивизию в район Везуль.

5-я армия в составе 14-го и 15-го арм. корпусов — в районе Везуль.

3-я армия в составе 4-го, 9-го, 11-го, 18-го арм. корпусов—во второй линии в районе Нефшато.

Четыре резервных дивизии — в районе Реймс, Шалон. Две резервных дивизии — Труа. Четыре резервных дивизии — в районе Лангр.

Кавалерийские дивизии были расставлены на границе: 4-я, 5-я, 3-я, 1-я в направлении Люксембург, Мец, 2-я, 7-я, 6-я в направлении Саарбург, 8-я в направлении Мюльгаузен.

Если мы попробуем подсчитать размеры районов, в которых должны были сосредоточиться и развернуться пять французских армий, то получим следующие показательные цифры.

Каждая армия, примерно, должна была занять район 60 км по фронту и 40 км в глубину.

Если мы возьмем весь район развертывания, ограниченный Верденом, Ветри, ле-Франсуа, Нефшато, Везуль, Бельфор, Верден, то увидим, что на 170-км фронте с глубиной в 80 км сгружено целых пять армий, численность которых видна из табл. 4 и 5.

Стратегическая оборона, выжидательное стратегическое развертывание — такова красная нить в плане № 15.

Примерно то же самое было и в плане № 14, но теперь в плане № 15 «армия авангарда» убрана и развертывание должно происходить не в три, а в две линии. Конечно, и здесь можно предположить, что французский генеральный штаб в случае наступления германских армий через Бельгию решил бы ударить в северо-восточном направлении, т. е. во фланг обходящей группировки германцев. Но все это должно было произойти лишь после точного выяснения обстановки, а именно, поведет ли германское командование главный удар через Бельгию или будет главными силами наступать из Эльзас-Лотарингии.

Таблица 4

Численность французской армии военного времени в период разработки плана войны № 15

(Составлено по официальным данным)

Наименование войск	Батальонов	Эскадронов	Батарей	Орудий	Креп. бат.	Инж. бат.	Офицеров	Нижних чинов	Лошадей	Повозок
Военное министерство, высшие управления и военные заведения	—	—	—	—	—	—	6 392	4 319	6 833	—
Действующая армия										
Полевые войска и резервные части . .	982	513	748	4 494	—	25	37 549	1 439 451	430 801	68 355
Крепостные и местные войска	82	4	—	—	224	—	3 444	140 000	13 053	726
Запасные части	—	79	—	—	—	—	4 848	239 718	16 395	376
Итого в действующей армии . .	1 064	596	748	4 494	224	25	45 841	1 819 169	460 249	69 457
Территориальная армия										
Полевые войска	458	148	290	1 740	—	21	16 566	583 205	120 930	17 772
Крепостные и местные войска	38	—	—	—	176	—	1 573	76 146	1 036	—
Запасные войска	—	—	18	108	—	—	779	47 065	3 490	378
Итого в территориальн. армии .	496	148	308	1 848	176	21	18 918	706 416	125 456	18 150
Всего в военное время	1 560	744	1 056	6 342	400	46	71 151	2 529 904	592 538	87 607

Примечание. Здесь укажем численность бельгийской армии военного времени, относящуюся к рассматриваемому периоду (1904—1905 гг.). В полевых войсках: 68 батальонов, 44 эскадрона, 34 пол. батареи, 240 орудий, 6 инж. рот, 2 500 офицеров, 97 500 солдат, 21 500 лошадей, 2 000 повозок. В крепостных войсках: 48 батальонов, 8 эскадронов, 6 батарей, 36 орудий, 78 креп. батарей, 20 инж. рот, 1 500 офицеров, 61 500 солдат, 1 600 лошадей, 2 200 повозок. Всего в военное время: 4 000 офицеров, 160 000 солдат, 240 орудий, 78 крепостных батарей.

Лишь после этого французское главное командование по плану № 15 начнет маневрировать своими пятью армиями, а до этого, сосредоточив их в районах развертывания, французский главком будет выжидать.

Как видим, пассивностью проникнут в основном и этот план; кроме того, имея в виду бурно-наступательную доктрину германской армии и стремительность маршей, которым обучались германские войска, такое «выжидание» могло перерасти в опоздание с предполагаемым контрманевром. Во всяком случае план № 15 с первых же дней мобилизации передавал инициативу в действиях германской армии, думая затем вырвать эту инициативу обратно. История учит, что такие планы обычно ставили их составителей с первого же момента войны в пассивно-оборонительное положение и в полную зависимость от того, что будет делать противник.

Таблица 5

Боевой состав французской армии военного времени в период разработки плана войны № 15

(Составлено по официальным данным)

Наименование	Штыки	Сабли	Орудия	Лошади	Повозки
Бригада (2 полка)	7 920	—	—	194	8
Пехотн. дивизия	15 840	—	24	2 744	635
Кавдивизия	—	3 552	12	4 936	161
Резервная дивизия	7 920	—	24	291	76
Корпус (норм.)	31 680	2 368	34	11 585	2 132

Примечание. Организационный состав высших оперативно-тактических соединений был следующий: полевая армия подразделялась на 5—6 частных армий. В каждую армию входило 3—4—5 арм. корпусов. Пехотная бригада—2 полка или 8 батальонов, кавалерийская бригада—2 полка или 8 эскадронов, 1 конная батарея. Пех. дивизия—2 пех. бригады, 6 арт. батальонов, 1 инж. рота с парком. Кавалерийская дивизия—2 кав. бригады (по 2 полка 4-эскадр. состава), 2 конных батальона. Корпус—2 пех. дивизии, кав. бригада, корп. артиллерия (20 батальонов, в том числе 12 батальонов дивизионной и 8 корпусной артиллерии со 120 орудиями), $2^1/_2$ инж. роты.

Вся линейная пехота имела ружья сист. Лебеля 1886 г. (калибр 8, вес 4,5 кг, дистанция по прицелу 2 000 м), а также Ле-Гра 1874 г. (калибр 11, вес 4,7 кг, дистанция по прицелу 1 800 м). На ружье полагалось 296 патронов.

Артиллерия французской армии была вооружена скорострельными 75-мм орудиями без отката, конные батареи — 80-мм системы Банжа с унитарным патроном; на 75-мм орудия всего полагалось 617 снарядов, на 80-мм — 504 снаряда. Крепостная артиллерия в основном была вооружена 95-, 120-, 150-мм пушками, береговая артиллерия 15-, 24- и 32-см стальными орудиями. Осадная имела 155-, 220-, 270-мм орудия.

Как видим, все пять французских армий направлялись на границу с Эльзас-Лотарингией.

Документального материала, который бы говорил, как решило французское командование маневрировать этими пятью армиями, — нет. Есть лишь указание, что эти армии должны занять в ы ж и д а т е л ь н о е р а с п о л о ж е н и е. Во всяком случае, нет такой директивы, в которой бы твердо говорилось, что по плану № 15 французские армии должны будут вторгнуться в Эльзас-Лотарингию или контратаковать германцев, если они двинутся через Люксембург, Бельгию. Есть лишь общее указание, которое гласит: «В итоге можно видеть, что в плане № 15 нет речи об о б щ е м а в а н г а р д е («армия авангарда»), но что главнокомандующий сохраняет в своем распоряжении при всяком положении дела значительную маневренную массу» [1].

Иными словами, второлинейная армия позади центра (по нумерации 3-я) будет в готовности для маневра по указанию и усмотрению главнокомандующего. Но что могла сделать эта армия (3-я) в составе 4 корпусов даже совместно с верденской 4-й [2] в составе 5 корпусов и 4 кавдивизий против 35½ корпусов и 8 кавдивизий по декабрьскому варианту Шлиффена?

Во всяком случае французские армии столкнулись бы с фактами невыгодного для них соотношения сил и потери инициативы, которую они сами добровольно отдавали с первого же дня начала войны. Расположение французских армий по плану № 15, как видим, опирается главным образом на четыре крепости — Верден, Туль, Эпиналь, Бельфор; расположение корпусов скученное, а отсюда невыгодное с точки зрения гибкости маневрирования. В таком расположении войск не видно, чтобы французский генеральный штаб стремился обеспечить свободу действий своей полевой армии, учитывая взаимодействие ее с крепостями.

И если мы оперативно-стратегически сопоставим идейное содержание декабрьского варианта Шлиффена и французского плана № 15, то все говорит за то, что французская армия с ее 18—20 корпусами должна была бы при таком стратегическом развертывании оказаться в крайне невыгодном положении по отношению к тому, что замыслил делать противник, который, как мы видели, сосредоточивал больше чем вдвое сил, а также более целеустремленно их развертывал (схема 4).

План Шлиффена, глубоко охватывая, затем брал в клещи сгруженные пять французских армий в районе Верден, Бельфор. И если бы французы перешли в наступление на фронт Страсбург, Мюльгаузен, то чем глубже они зашли бы на территорию Эльзас-Лотарингии, тем лучше было бы для германского командования. Как мы видели выше, декабрьский вариант Шлиффена в своей оперативно-стратегической концепции имел в виду организацию боль-

[1] «Les armées françaises dans la grande guerre», t. I, p. 9.

[2] Как известно, по плану Бонналя (№ 14) район Вердена фактически предоставлен был самому себе; в плане № 15 он уже опирался на целую 4-ю армию, которая располагалась в его районе.

шого марша через Бельгию, Люксембург, северные департаменты Франции на Париж и далее на Труа, Нефшато. Но, рассматривая план № 15, мы обязаны задать себе следующий вполне законный вопрос: стал ли бы Шлиффен при наличии у противника такого плана обязательно обходить Париж с запада?

Мы твердо полагаем, что он этого не стал бы делать.

Он говорил, и очень часто, что после прохода территории Бельгии обстановка будет более ясной и тогда будет видно, что именно надо будет решать. А поэтому, если бы он увидел, что в районе Туль, Бельфор группируются главные силы французов, то замах своего правого фланга он, без сомнения, сократил бы.

Шлиффен был последовательным учеником Наполеона и Мольтке-старшего, он постоянно подчеркивал, что за голой территорией гоняться смысла нет, что каждый план может быть в мирное время разработан лишь до момента решительного столкновения с серьезной группировкой противника. А поэтому было бы странно полагать, что Шлиффен, видя главную массу французских армий не на территории Бельгии, не на границе северных департаментов Франции, а в районе Туль, Бельфор, все же стал бы упорно терять время на длительные обходы Парижа с запада.

Это — тактика не шлиффеновского стиля.

Он постоянно учил, что главная масса войск неприятеля и ее разгром есть основное.

В данном случае на Париж он выделил бы небольшую часть сил из своего правого фланга, а свои главные силы бросил бы с линии Гирсон, Мезьер, Живэ, Седан прямо на юг и юго-восток, к району главных сил противника (схема 4).

Во всяком случае, если бы Шлиффену удалось сосредоточить и развернуть силы, которые он намечал, то план № 15 грозил французской армии быть не только отрезанной от своих тылов и от столицы Парижа, но также и вести сражение и бои в невыгодной оперативно-стратегической группировке.

Если бы Большой германский генеральный штаб, помогая Шлиффену в оперативно-стратегической работе по декабрьскому варианту 1905 г., точно знал содержание французского плана № 15, то он бы еще лучше увидел, насколько прав был Шлиффен. И далее, если бы французский генеральный штаб получил декабрьский план Шлиффена, то у нас нет уверенности в том, что авторы французского плана № 15 поверили бы в реальность плана Шлиффена. По всей вероятности, они бы несколько усилили район севернее Вердена,—возможно, подбросили бы на всякий случай в район Мезьера один-другой армейский корпус, и этим бы дело ограничилось. Слишком уже была консервативна и туга на подъем оперативно-стратегическая мысль французского генерального штаба того времени, чтобы его руководители, даже имея перед своими глазами план Шлиффена, рискнули фронт Антверпен, Намюр, Льеж, Монмеди, Лонгви сделать главным, а хорошо оборудованный и укреплен-

ный фронт Бельфор, Эпиналь, Туль, Верден — вспомогательным. Частично это попытался сделать в 1911 г. вице-президент Высшего военного совета французской армии ген. Виктор-Констан-Мишель, но, как говорят ныне опубликованные документы, он сам и оказался жертвой этой попытки.

Следует здесь указать, что дальнейшие французские планы № 15 (бис), а также №№ 16 и 17, разработанные непосредственно перед мировой войной 1914—1918 гг., весьма относительно улучшили разобранный здесь план № 15; во всяком случае довольно беспечное отношение французов к прямой возможности со стороны Германии нарушить бельгийско-люксембургский нейтралитет проходит лейтмотивом через все эти планы, включительно до последнего № 17.

Французам посчастливилось в том, что германцы сами допустили ряд промахов в стратегическом развертывании, и особенно в руководстве операциями в начальный период войны. Ген. Мольтке-младший в этом отношении в августе 1914 г. оказал большую услугу ген. Жоффру и его стратегическому развертыванию по плану № 17.

Что могли противопоставить французы той смелой оперативно-стратегической концепции, которая выражена в плане развертывания Шлиффена?

Если французы ждали со стороны германцев большого фронтального наступления на укрепленную полосу крепостных районов по восточной границе Франции, то это значит, что они плохо следили за германской литературой. А в ней говорилось: «Массирование для фронтального наступления с недостаточными силами приводит к последовательным ударам, постепенно ослабевающим и остающимся почти безрезультатными. Вследствие этого современное сражение сведется еще больше, чем прежде, к борьбе за фланги; победит тот, кто будет иметь последние резервы не за серединой фронта, а на его крайнем фланге. А туда они могут быть подвезены лишь тогда, когда проникновенный взор главнокомандующего в зареве идущей на протяжении многих квадратных миль битвы установит решающий пункт (шверпункт). Они должны быть подвезены туда по железным дорогам согласно заранее назначенному плану перевозок и с пунктов выгрузки походным порядком подведены к полю сражения... Необходимо добиться глубокого выхода на сообщения противника, тогда лишенный своих сообщений неприятель будет уничтожен» (Шлиффен).

Как видим, каждая строчка этого литературного произведения соответствует тому, что заложено в декабрьском варианте Шлиффена, в то время как французский план № 15 является полной противоположностью этим положениям.

Помешать сосредоточению и развертыванию огромной массы германских сил на правом фланге фактически никто не собирался; между прочим, так оно случилось и в августе 1914 г. Современных авиаэскадрилий тогда еще не существовало, а свое развертывание французы производили на 160 км южнее правого обходящего фланга Шлиффена. Организация наступления с указа-

нием, на какой день мобилизации (22-й и 31-й) армии правого фланга должны были достигнуть определенных рубежей, говорит о желании германцев исключить из плана элемент случайности [1].

В то время как кавалерия французов была безыдейно разбросана на огромном участке от Лонгви до Бельфора (250 км), Шлиффен группирует конницу на важнейших направлениях, причем впереди основной ударной северной группы должны были пойти 6 кавдивизий.

В общем, мощному ударному молоту германцев французы противопоставляли численно вдвое слабейшую оперативно-стратегическую группировку, войска которой в бесформенной массе сгрудились, с основной задачей—пассивно наблюдать и ждать, что будет делать противник.

Подведем некоторые итоги.

Критики декабрьского варианта Шлиффена видят следующие политические, оперативно-стратегические и военно-технические пробелы в этом шлиффеновском произведении:

1. Нарушение нейтралитета Бельгии неизбежно вызвало бы недоброжелательное и враждебное отношение со стороны всех главнейших государств, не входивших в военно-политический союз с Германией.

2. Нельзя было механически переносить удачные операции по охвату Ганнибала, Наполеона, Фридриха и Мольтке-старшего, ограниченные небольшими полями сражения с участием небольшого количества войск с обеих сторон, в современные новые условия с огромными полями сражения, миллионными армиями и сложной военной техникой.

Нельзя в XX в. всю войну рассматривать как одну гигантскую стратегическую операцию охвата, так как длительно проводимый на всем театре военных действий охват, естественно, терял идею внезапности.

3. Шлиффен ничего не сказал, как германцам надо организовать командование и управление на западном фронте, кто именно будет руководить операцией ударной правофланговой массы (от района Меца до голландской границы) — фронтовое командование или же каждый командующий будет непосредственно подчинен верховному главнокомандующему.

4. Шлиффен мало считался с тем, что французы обладали весьма широко развитой и прекрасно оборудованной сетью железных дорог, вследствие чего могли очень широко применять маневр и быстро перебрасывать войска в северо-восточном направлении, т. е. во фланг обходящей германской группировке через Люксембург, Бельгию.

---

1 Между прочим, эту особенность плана Шлиффена; т. е. достижение к определенным дням мобилизации определенных рубежей, Мольтке совершенно забыл или, вернее, просто игнорировал, так как совсем нет данных, что его эти дни и рубежи как-то беспокоили. «Вали валом, потом разберем» — таков был характер наступления германских армий в августе—сентябре 1914 г., таково было и управление армиями — до проигрыша сражения на Марне включительно. Эту мысль в полной мере подтверждают послевоенные монографии командующих германскими армиями правого фланга (1-я, 2-я, 3-я германские армии).

Юстров пишет: «Что сделал бы Шлиффен, если бы в 1914 г. он был французским полководцем? Он наверняка позволил бы германцам как можно дальше пробраться на север Франции и затем с юга прижал бы их к каналу. Пренебрегать этой вероятной опасностью не был вправе ни один полководец» [1].

5. Большой успех на войне всегда обещает внезапность удара, выигрыш времени по сравнению с противником, чтобы, упредив противника в действиях, нанести ему решающее поражение еще в период развертывания его сил. Как же можно было использовать это преимущество, если германские армии к 12-му дню мобилизации, а по всей вероятности, и к 50-му и 60-му дням мобилизации продолжали бы маршировать и маршировать, тесня перед собой уклоняющегося противника? Как за это время питать всем необходимым для боя и жизни эти многочисленные наступающие германские корпуса?

6. Юстров пишет, что, согласно данным первого дополнительного тома рейхсархива, разбирающего работу железных дорог (стр. 201), лишь в начале сентября было обеспечено использование одной единственной сквозной железнодорожной линии от Аахена через Льеж, Брюссель, Монс, Камбрэ и к С.-Кантену с ответвлением, отходящим через Перонн, Шольм, Гам. Эта дорога могла быть эксплоатирована лишь до моста через р. Маас (у Намюра), разрушенного противником. Мост этот был восстановлен лишь к 30 сентября, тогда эта линия смогла эксплоатироваться до Шарлеруа, Бюзиньи [2].

7. Вопрос овладения железнодорожным хозяйством на занятой территории противника не был генеральным штабом предусмотрен, что было ясно видно в августе 1914 г. Непрерывный поток поездов очень скоро привел к перегрузке конечных станций, поскольку вокзалы передовых станций не были приспособлены для больших выгрузок, не имели достаточного количества запасных путей, выгрузочных платформ, вследствие чего порожняк не мог быстро подаваться назад.

18 августа 1914 г. германская ставка Мольтке-младшего писала: «Сообщение по бельгийским железным дорогам вследствие полного отсутствия телефонной и телеграфной связи исключительно затруднено. Управление военных сообщений 1-й армии дало приказ отклонять все требования в перевозках, кроме неотложнейших и срочнейших. Следует восстановить сначала планомерное сообщение и затем уже удовлетворять нередко слишком преувеличенные требования этапных инспекций. Иначе будут поставлены под вопрос питание и снабжение всего нашего правого фланга».

Так было в августе 1914 г., когда генералом Мольтке-младшим на правом фланге было сосредоточено значительно меньше германских корпусов, чем намечал Шлиффен. Что же было бы с вопросом использования железных дорог, если бы в Бельгию было введено то количество корпусов, которое намечал вариант Шлиффена?

---

[1] K. Justrow, Feldherr und Kriegstechnik, S. 232—233.
[2] Ibid., S. 248—249.

8. Гренер пишет, что к 42-му дню мобилизации, т. е. если перенести эти дни на 1914 г., то к 12 сентября, — Шлиффен мог сосредоточить в районе нижнего течения рр. Сены и Уазы не менее 24 армейских корпусов.

На это Юстров отвечает: если считать, что до этого момента серьезного сопротивления со стороны противника не было и что он за эти дни германского марша перегруппировывался и пополнялся, то в дальнейшем германское наступление должно было протекать от рубежа к рубежу с упорными боями и большим расходованием огнеприпасов. Желая доказать всю безнадежность марш-маневра через Бельгию и далее, в обход Парижа по декабрьскому варианту Шлиффена, Юстров продолжает убеждать читателя, что если даже предположить, что продовольствование войск было бы обеспечено за счет местных средств, то одни огнеприпасы потребовали бы такого количества поездов в сутки, для которого пропускная способность железных дорог Бельгии и Северной Франции подготовлена не была ни к 1914 г., ни тем более к 1906 г. Он пишет, что ежедневный расход огнеприпасов в корпусе при напряженной боевой обстановке, которая ожидалась именно при подходе к Парижу (с фронта нижней Сены и Уазы), исчислялся бы следующими цифрами:

1 эшелон в составе 4 поездов с пехотными огнеприпасами (по 8 вагонов каждый)	32	вагона
1 эшелон снарядов для полевой артиллерии	28+2	»
1 эшелон снарядов для полевых пушек и гаубиц . .	34+2	»
1 эшелон снарядов для тяжелых полевых гаубиц в составе	32+1	»
Всего	126+5	вагонов

(вагоны товарные, грузоподъемностью в 10 000 кг каждый).

Для 24 корпусов и особых потребностей кавдивизий, саперных частей (взрывчатые вещества) и т. д., для снабжения правого фланга армий только огнеприпасами необходимо 100 поездов. Далее Юстров пишет: «Если мы примем далее (и здесь мы берем наиболее благоприятное для плана Шлиффена предположение), что железная дорога Аахен—Льеж была обрудована тремя конечно-выгрузочными станциями—в Аббенвиле, Амьене, Нуайоне, то все же остается неразрешенным вопрос, как подвезти все эти боеприпасы к войскам, сражавшимся впереди в удалении, примерно, 100 км от этих конечно-выгрузочных станций... Мосты через рр. Сену и Уазу безусловно были бы противником разрушены настолько основательно, что восстановление их потребовало бы, как фактически и восстановление мостов через р. Маас южнее Намюра, нескольких месяцев.

Рейхсархив проводит отчетливое различие между бельгийскими и французскими железными дорогами. Только у бельгийцев вначале повреждения железных дорог были незначительны, потому что бельгийцы были захвачены врасплох быстрым нашим наступлением, французы, напротив, провели серьезную подготовку и серьезно и длительно разрушали железные дороги. Наступление на Париж

столкнулось, следовательно, с величайшими техническими трудностями в организации подвоза войскам всего им необходимого, и преодолеть эти трудности с той быстротой, которая была необходима для удачи операции Шлиффена, было абсолютно невозможно. Французы были бы в благоприятных условиях в отношении подвоза, так как их базы и источники пополнения были близки» [1].

9. Генерал Врисберг пишет, что из огнеприпасов, заготовленных в мирное время, в среднем приходилось на полевую пушку 987 и на полевую гаубицу 973 выстрела,— цифры, явно недостаточные для прожорливого современного боя и скорострельности орудий. Мобилизационная подготовка промышленности не только в странах Антанты, но и в Германии к августу 1914 г. была явно неудовлетворительной и требовала нескольких месяцев для перехода с работы мирного времени на военные рельсы, причем необходимое производство боеприпасов могло быть в Германии налажено лишь через 16 недель [2].

10. Для современного ведения войны недостаточно одного оперативного замысла, нужны и соответствующие материальная и технико-огневая обеспеченность его. Достаточно указать, что в сентябре 1914 г. после Марнского сражения и перехода к позиционной войне в германской армии был запрещен всякий более или менее значительный расход боеприпасов, так как запасы мирного времени были на исходе и промышленность еще не перестроилась с тем, чтобы давать все необходимое в достаточном количестве.

В этих 10 пунктах нами обобщены наиболее существенные возражения и замечания по декабрьскому варианту Шлиффена, которые мы находим в современной военно-научной литературе, главным образом западно-европейской. И надо сказать, что целый ряд из вышеприведенных пунктов безусловно заслуживает большого внимания, особенно те, которые говорят о вопросах материально-технического обеспечения идейных соображений, заложенных в оперативно-стратегический вариант Шлиффена от декабря 1905 г. Они проводят мысль, что любой план стратегического развертывания останется химерой, пустышкой, отвлеченным прожектерством, если его оперативно-стратегические идеи не будут подкреплены хорошо организованным командованием и подготовленной живой силой армии, а также материально-техническими факторами (т. е. железными дорогами с необходимым подвижным составом и оборудованием и всякими другими перевозочными средствами, затем оружием, продовольствием, снаряжением и пр.).

Но из этих 10 пунктов есть ряд неверных, а также много очень важных политических и стратегических вопросов просто упущено и не отмечено. Об этом мы считаем нужным здесь кратко сказать. Например, думать, что нарушение бельгийского нейтралитета Германией было о с н о в н о й п р и ч и н о й вступления в войну Англии на стороне Антанты,— это значит забыть всю ту гигантскую политическую и экономическую борьбу, которую вели Англия и Германия,

[1] K. J u s t r o w, Feldherr und Kriegstechnik, S. 253.
[2] W r i s b e r g, Wehr und Waffen, S. 82—83.

особенно в начале XX столетия. Нарушение бельгийского нейтралитета со стороны Германии не могло быть неожиданным для Англии, так как о возможности, а затем и неизбежности этого нарушения открыто говорилось и в Англии, и в Бельгии, и во Франции, и в самой Германии еще задолго до 1914 г. Правильнее сказать, что Англия с нетерпением ждала этого нарушения, так как ее политики и дипломаты в этом видели «законный» повод вмешаться в войну против ее самого могущественного конкурента, каковым была в последние три десятилетия перед 1914 г. Германия.

Последнее обстоятельство не совсем ясно понимал,—вернее, и не хотел понимать,—начальник германского генерального штаба Шлиффен, в силу чего его стратегические решения были о д н о с т о р о н н и м и, несмотря на всю их исключительную смелость, дерзание, динамичность и экстремизм. Жертвой этой односторонности фактически и оказался он сам: в декабре 1905 г. получил синий конверт, в котором лежал рескрипт Вильгельма об отставке Шлиффена. Для новой империалистической группировки, возглавляемой Круппом, Тирпитцем и Вильгельмом II, основным и решающим лозунгом была «мировая политика». Все же стратегические планы Шлиффена, включая его последний вариант от декабря 1905 г., не являлись твердой опорой и оперативно-стратегическим выражением настойчивых чаяний и стремлений этой руководящей политической группировки германского империализма в начале XX столетия. Мало того, группа Круппа, Тирпитца и Вильгельма уже не могла дольше терпеть начальником генерального штаба германских вооруженных сил того человека, который весьма последовательно и упорно все свое внимание в первую голову уделял франко-бельгийскому театру военных действий и вопросу разгрома Франции, весьма мало обращая внимания, а подчас открыто игнорируя вопрос форсированного развития и строительства германского морского флота и политику интенсивных колониальных завоеваний, т. е. тот вопрос, который Круппом, Вильгельмом и Тирпитцем считался самым важным, кардинальным и ведущим в империалистической политике и экономике Германии.

Шлиффен, наоборот, постоянно требовал форсирования в создании огромной сухопутной армии с огромным развитием военно-технических средств для нее (с тем, чтобы военные запасы мирного времени были как можно больше), он требовал еще большего развития железнодорожной сети, и особенно идущей в направлении бельгийской границы, с тем чтобы безболезненно подвезти и выгрузить массу германских войск между Мецем и Дюссельдорфом.

И надо сказать, что он в этом многого добился, особенно в области постройки железных дорог, необходимых для оперативного направления его плана; так, например, если до 1880 г. постройка новых железнодорожных путей происходит главным образом южнее Люксембурга, то, начиная с 1895 г. и до 1905 г. включительно, идет самое интенсивное строительство высадочных железнодорожных платформ, конечно-выгрузочных станций, новых железнодорожных путей с устройством и открытием пунктов смычки с бельгийскими железными дорогами и пр. именно севернее Меца. С 1906 и по

1914 г. фактически между Дюссельдорфом и Мецем продолжалась достройка намеченных еще Шлиффеном железнодорожных путей.

Хотя все эти мероприятия Шлиффена группа Круппа, Тирпитца и Вильгельма считала важными, но главным для нее было другое. Германский империализм очень ясно видел, что по размерам колониальной экспансии Англии принадлежит первая роль в мире. В период 1874—1906 гг. она увеличила свои колониальные владения более чем на 10 млн. кв. км. Франция стремилась не отставать от Англии, и, примерно, за этот же период 1860—1906 гг. она увеличила свои колониальные владения, главным образом в Индо-Китае и Африке, также почти на 10 млн. кв. км.

Германия перешла на путь интенсивных колониальных завоеваний почти одновременно с Италией с 80-х годов и успела захватить в Африке, Азии и Австралии территорию около 3 млн. кв. км, весьма значительно отстав, таким образом, от Англии и Франции.

Объявив основным путем для Германии «Weltpolitik», группа Вильгельма—Круппа—Тирпитца в начале XX в. перешла к энергичным мероприятиям, с тем чтобы как можно скорее догнать Англию в двух основных вопросах: а) в создании могущественного морского флота и б) в дальнейшем увеличении своей территории за счет нового раздела уже поделенного мира, за счет новых колониальных приобретений и вложения в них новых германских капиталов. Эта политика Германии неизбежно должна была в первую голову столкнуться с английским империализмом, который для Германии с началом нынешнего века, являлся наиболее сильным конкурентом, отсюда и наиболее важным ее врагом. Это обстоятельство не было понято Шлиффеном, который все свои усилия сосредоточивал лишь против Франции, открыто заявляя, что Франция является главным врагом Германии и ее основным конкурентом, в то время как в действительности Франция свои передовые политико-экономические позиции еще за 25 лет до 1 августа 1914 г. передала Англии, оставив себе после Германии лишь третье место.

Это обстоятельство не было в достаточной мере понято и преемником Шлиффена—Мольтке-младшим, но последний оказался более покладистым, ибо Мольтке-младший не мешал дальнейшему развитию экстремистской мировой политики, которую вела основная, главная и руководящая империалистическая группировка Круппа—Вильгельма—Тирпитца.

И надо сказать, что правы те военно-морские исследователи, которые, анализируя все эти факты, говорят, что Германии не удалось составить такого стратегического плана войны, который стройно и целеустремленно объединил бы в себе вопросы политики и экономики.

В работах Шлиффена мы не видим, как он смотрел бы на разрешение проблемы с постройкой так называемой Багдадской железной дороги, идущей через Германию, Австро-Венгрию, Болгарию, Турцию, т. е. через будущую военно-политическую коалицию этих государств, и посредством сухопутного пути соединяющей Северное (Немецкое) море с Персидским заливом. Эта дорога, строившаяся главным образом на германские капиталы, как раз и стремилась

содействовать экономическому объединению тех держав, через которые она проходила. Мало того, эта дорога должна была не только способствовать организации главной продовольственной и хлопковой базы в Турции и Месопотамии на случай войны Германии с Англией, Францией, Россией, но она являлась важным стратегическим путем для различных воинских переброс. Багдадская дорога являлась «пистолетом», направленным прямо в сердце английского империализма, так как она устанавливала для Германии кратчайший путь к «жемчужине британской короны» — Индии. И не случайно в мае 1903 г. английский министр иностранных дел Ленсдоун открыто предупредил Германию, что «если какая-либо держава попытается встать твердой ногой в Персидском заливе, это будет рассматриваться как повод к войне».

Как именно реагировал на все эти вопросы начальник германского генерального штаба Шлиффен, остается совсем неизвестным, во всяком случае в его стратегических вариантах по плану войны эти вопросы «Weltpolitik» (мировой политики) отражения не находят. Конечно, это вовсе не значит, что Шлиффен был совсем оторван от факта бурного развития германского империализма,— скорее надо сказать, что его декабрьский вариант стремился итти в ногу с дальнейшим развитием и успехами германского империализма, но это стремление было одностороннее, сухопутное, без должного учета морской гегемонии Англии, которая являлась главным организатором империалистической коалиции под названием «Антанты» и в то же время главным соперником и конкурентом Германии. Шлиффен недоучел основного факта — что Англия не могла бы допустить вторичной после 1870 г. победы Германии над Францией, так как в таком случае Германия оттеснила бы Англию на второе и третье место в мировой империалистической политике. Поэтому мечты Шлиффена, что посредством быстрого победного марша через Бельгию в обход крепостей пояса де-Ривьера он в полтора-два месяца покончит с Францией, а затем начнет переброску на восточный (русский) фронт против царской России, должны были остаться мечтами, так как Англия не могла остаться нейтральной.

В своей книге «Мировой кризис» Черчилль пытается доказать, что Англия сохранила бы спокойствие и не вступила бы в войну, если бы Германия бросилась только на царскую Россию. Людендорф говорит, что этот вариант отпадал, так как он сильно затягивал бы войну, в то время как все считали, что, начавшись летом, к рождеству война кончится. Но если бы Германия вместе с Австро-Венгрией первый удар нанесли против царской России, то это вовсе не значило бы, что Англия и Франция могли остаться нейтральными. Франция не могла остаться нейтральной не только потому, что уже был военный союз 1893 г. с царской Россией, но главным образом потому, что она твердо знала, что после разгрома России Германия бросится на нее, и тогда Англия оказалась бы в еще более тяжелом положении, так как равновесие сил окончательно было бы утеряно. Английские политики, английские индустриальные и финансовые короли великолепно это понимали и твердо считали, что для того, чтобы не потерять своих сверхприбылей, своих

колоний, своего руководящего и первенствующего положения среди представителей мирового монополистического капитала, они не могли в предстоящей мировой империалистической войне и одного часа остаться нейтральными. Так оно и случилось. И вот этого коалиционного характера будущей мировой войны, которая не могла закончиться одним ударом и одним генеральным сражением, осуществленным лишь на военных запасах мирного времени, Шлиффен не сумел распознать и раскрыть во всей его полноте. Отсюда он не мог и оставить более прочное и не такое эскизное наследство (вариант от декабря 1905 г.) своему заместителю, которого Шлиффен к тому же считал далеко не первоклассным стратегом-полководцем. Мольтке-младший получил от Шлиффена не только богатый оперативный капитал, но и большие долги, и в первую очередь по вопросам не столько смелого, сколько довольно беспечного оставления с первого же дня войны таких огромных и богатейших районов, как Восточная Пруссия и Эльзас-Лотарингия. К тому же оставался совсем не разрешенным вопрос с военно-политическим союзником Германии — Австро-Венгрией и ее армией, так как формула «ждите победы на Сене» была весьма неопределенной. В перспективе открытым оставался и вопрос с Турцией, которая вследствие своей политики неизбежно должна была войти в союз с Германией против держав Антанты. Крупной была ошибка у Шлиффена с недооценкой роли Англии при борьбе Германии на два фронта. Мы подчеркиваем слово «недооценка», так как сказать, что Шлиффен просто игнорировал роль Англии — нельзя, это будет исторически неверным.

Когда в 1905 г. Шлиффен предлагал Вильгельму II объявить войну Франции, он писал: «Мы окружены чудовищной коалицией; мы находимся в таком же положении, как Фридрих Великий перед Семилетней войной. Теперь мы могли бы вырваться из петли. Вся Западная Россия очищена от войск. Россия недееспособна на ряд лет (Шлиффен имеет в виду разгром царской армии в русско-японской войне.—*Вл. М.*). Мы могли бы теперь посчитаться с нашим наиболее заносчивым и опаснейшим врагом — Францией, и к тому же имели бы на то полное право. В подобном случае Франция не упустила бы ни одного мгновения, чтобы броситься на нас, если бы она имела шансы при нападении на нас быть поддержанной и другими державами. Недаром английский король, этот любящий покой человек, разъезжает кругом света. Он лучший коммивояжер своих министров, и ошибочно думать, что Англия стремится разорить нас только экономически: нет, и политически, и в военном отношении. Под давлением хозяйственной и политической необходимости Англия думает, что она должна войти в круг наших врагов; она взяла на себя руководство в облаве и хочет окончательно устранить неудобного экономического конкурента. В этом нет никакого сомнения» [1].

Как видим, главный противник у Шлиффена опять Франция, а не Англия, и здесь он опять исходит из военной стороны вопроса,

[1] См. W. Groener, Das Testament des Grafen Shliffen, S. 6.

считая, что Англия не имеет большой реальной сухопутной армии, а у Франции она налицо. Это явная недооценка, так как Англия могла в огромной доле усилить сопротивление Франции и флотом, и оружием, и деньгами и не допустить и в 1905 г. одним прыжком к Парижу покончить с Францией. Война могла затянуться и в 1905 г. надолго, а не решить вопрос в «шесть недель», как это думал Шлиффен. Повторяем, Шлиффен был против политики Вильгельма—Тирпитца—Круппа, которая добивалась мирового первенства для Германии через морское могущество и новые колониальные захваты, и оставался на точке зрения решения этого вопроса путем победы Германии на полях Бельгии и Франции.

В своей последней «памятной записке», датированной декабрем 1905 г. («Denkschrift vom Dezember 1905»), которую с легкой руки ряда германских писателей, и особенно Куля, Ферстера, Гренера, Юстрова и др., совершенно неосновательно и неправильно характеризовали как «план войны» и «план кампании», Шлиффен пишет:

«Непременно надо попытаться наступлением против левого фланга французов оттеснить их в восточном направлении на их Мозельские крепости, на Юру и Швейцарию. Французская армия должна быть уничтожена. Для проведения всей операции важно создать сильный правый фланг, при посредстве которого выигрывать сражения и постоянно вновь принуждать противника к отходу безостановочным преследованием силами того же правого фланга. В Лотарингии необходимо стремиться к тому, чтобы возможно большие силы французов были скованы возможно меньшими германскими силами. Германцы могут быть уверены, что если они будут упорно проводить свои операции, то французы вскоре повернут, и притом не севернее, а южнее Меца, в том направлении, откуда грозит наибольшая опасность после охвата. Поэтому особенно важно, чтобы германцы были сильны, насколько возможно, на правом крыле, так как именно здесь следует ожидать решающего сражения». Шлиффен предлагал соотношение между правым (севернее Меца) и левым флангами (Эльзас-Лотарингия), как 7 : 1.

На такое соотношение сил его преемник Мольтке-младший не пошел, он дал другую пропорцию флангов, как 3 : 1. Иначе говоря, Мольтке не согласился с «памятной запиской» Шлиффена, где тот писал, что «наступление французов в Эльзас будет большой выгодой» или «Liebesdienst» — «любезной услугой». Мольтке развертывал там 6-ю и 7-ю германские армии кронпринца баварского Руппрехта и ген. Геерингена, а также эльзасский отряд ген. Геде общей численностью 360 000 бойцов.

Глава IV

ПЛАН СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ГЕНЕРАЛА ВИКТОР-КОНСТАН-МИШЕЛЯ[1]

Весьма интересной фигурой в истории французской армии начала нашего столетия оказался начальник генерального штаба,

[1] Схемы 5, 6, 7.

составитель в 1911 г. плана стратегического развертывания французской армии, вице-президент Высшего военного совета Франции ген. Виктор-Мишель [1].

Ген. Виктор-Мишель занял пост вице-президента Высшего военного совета, когда действовал план № 15 (бис), который очень мало чем отличался от рассмотренного уже нами плана № 15.

План ген. Виктор-Мишеля представляет большой оперативно-стратегический интерес не только в военно-техническом отношении, но весьма интересен также еще потому, что как удачно высказал ген. Буше [2]:

«В Германии Шлиффен, благодаря своим стратегическим воззрениям на развертывание сил признавался гением: во Франции главнокомандующий (в данном случае ген. Виктор-Мишель.— *Вл. М.*), который один их угадывал и разделял, считался сумасшедшим».

Но ген. Буше только косвенно касается плана ген. Мишеля, он о нем говорит в нескольких строчках. В современных высших военных школах (академиях) ни в одной армии не разбирают этого плана, без которого не может быть полной картины работы генеральных штабов накануне мировой войны 1914—1918 гг. В лекциях французской высшей военной школы (академии) не мало места уделено плану № 17 Жоффра, разбирается план Шлиффена и — ни слова о ген. Виктор-Мишеле. Как видим, замалчивание продолжается и до настоящего времени.

Марксистско-ленинское положение о том, что капитализм обезличивает людей, что это одна из его разрушительных функций, вполне подтверждается сотнями и тысячами фактов, которые трудно перечесть. Маркс писал, что буржуазия никогда не может осуществить социалистический принцип: «каждый по способностям, каждому по труду», и тем более коммунистический: «каждый по способностям, каждому по потребностям», так как буржуазия превратила личное достоинство человека в меновую стоимость. Маркс говорил, что буржуазия обезличила и рабочего, и инженера, и крестьянина; буржуазия душит всякое проявление инициативы, научную мысль, таланты, личные достоинства и качества трудящихся и даже буржуазных специалистов и ученых, если они не укладываются в рамки средней нормы прибыли. Не уложился в рамки «средней нормы» по политическим мотивам, как увидим ниже, довольно талантливый выходец из средней французской буржуазии ген. Виктор-Мишель с его оперативно-стратегическим творчеством по плану развертывания французской армии.

---

[1] До назначения на эту должность ген. Виктор-Мишель командовал полком, бригадой, дивизией и корпусом. Одно время (в период 1887—1890 гг.) был адъюнкт-профессором во французской военной академии. Виктор-Мишель считался одним из крупных и образованных офицеров французского генерального штаба. Вице-президентом он был назначен в июле 1910 г.

[2] А. Буше, Основы подготовки великой войны, стр. 102.

Ген. Мишель был затерт более сильной военно-политической группировкой буланжистов (Миссими, Кастельно, Фош и др.), которая в основном требовала, как и бывший военный министр ген. Буланже (так называемый «генерал-реванш»), скорейшего обратного отторжения от Германии Эльзас-Лотарингии, потерянной в результате войны 1870 г., для чего необходимо было создать крепкую п е р в о л и н е й н у ю армию, хорошо политически обработанную и готовую до конца защищать интересы капиталистической буржуазии и, конечно, без допущения каких-либо резервных и территориальных формирований. Группа Миссими, Кастельно [1], Фоша и др. была жесточайшим врагом политических требований Жореса [2], особенно его борьбы за сокращение 3-летнего срока военной службы до 2 лет (с приходом к власти Жоффра—Кастельно за год до войны 1914 г. опять был введен 3-летний срок военной службы). Группа Миссими, Кастельно, Фоша и др. была настроена против известной книги Жореса «Новая армия» (написана в 1910 г.), в которой автор очень ярко защищал идею милиционной армии и всеобщего вооружения народа. Следует считать, что идеи этой книги не прошли незаметными для ген. Виктор-Мишеля, так как не мало этих идей, заложенных в книге «Новая армия» Жореса, мы находим в плане стратегического развертывания ген. Виктор-Мишеля.

В истории планов войны и стратегического развертывания, составленных французским генеральным штабом, л и ш ь о д и н в а р и а н т плана ген. Виктор-Мишеля рассматривает территорию Бельгии как театр н а и в е р о я т н ы х действий в первые же дни войны. Ф р а н ц у з с к и е п л а н ы в о й н ы, с о с т а в л е н н ы е в XIX и н а ч а л е XX с т о л е т и я, а именно, планы №№ 13, 14, 15, 16, 17, совершенно и с к л ю ч а ю т эту возможность и с т р а т е г и ч е с к о е р а з в е р т ы в а н и е ф р а н ц у з с к о й а р м и и с т р о я т на в о с т о ч н о й г р а н и ц е к ю г у от района В е р д е н а. В основном эти планы исходят из теории популярного французского министра 90-х годов, известного душителя Парижской коммуны, ген. Буланже, который требовал во что бы то ни стало осуществить поход-реванш и захватить в первую голову обратно Эльзас-Лотарингию. Ген. Буланже был представителем крупной капиталистической буржуазии Франции, но имел огромную поддержку во французском генеральном штабе. Ген. Кастельно и Фош, как увидим ниже, являлись в противовес ген. Виктор-Мишелю наиболее последовательными буланжистами в проведении этой теории скорейшего обратного отторжения Эльзас-Лотарингии

---

[1] К а с т е л ь н о — реакционный французский генерал, по своим политическим убеждениям роялист. После смещения ген. Виктор-Мишеля и назначения на его место ген. Жоффра ген. Кастельно стал его заместителем, соавтором плана войны № 17. В августе 1914 г. ген. Кастельно был назначен командующим 2-й французской армией, которая развертывалась против Эльзас-Лотарингии.

[2] Ж о р е с — виднейший вождь реформистского крыла французской социалистической партии, буржуазный демократ, законченный тип оппортуниста, безотказно веровавший в силу «буржуазной социальной реформы» (Л е н и н, т. VII, стр. 198).

(об этом также см. главу XVIII «Оперативно-стратегическое искусство Фоша и Людендорфа»).

На плане стратегического развертывания ген. Виктор-Мишеля мы остановимся несколько подробнее в силу того, что в деталях этот план в советской литературе совершенно неизвестен. И если мы внимательно рассматриваем и анализируем план Шлиффена, то этого же вполне заслуживает план ген. Виктор-Мишеля, как поистине грозный соперник плана Шлиффена. Ибо то, чего так опасался Шлиффен, а именно, что французские армии могут быстро занять линию Антверпен, Намюр и тогда сорвать всю операцию обходящего правого фланга, как раз и намечал в 1914 г. план стратегического развертывания ген. Мишеля. И если план Шлиффена (декабрьский вариант 1905 г.) был в 1914 г. значительно видоизменен его преемником ген. Мольтке-младшим, то план Мишеля совершенно был похоронен в недрах несгораемых шкафов французского генерального штаба, а французские армии в 1914 г. развертывались по беспринципному плану № 17 ген. Жоффра. Ныне, спустя много лет после мировой войны, французы опубликовали план развертывания ген. Виктор-Мишеля и выписки из протоколов заседания Высшего военного совета французской армии [1].

План войны ген. Виктор-Мишеля изложен в его февральском и июльском докладах 1911 г. на имя военного министра. Этот план представляет собой обширный материал для размышлений. А поэтому ниже мы постараемся рассказать самую сущность стратегического прогноза, который давал план стратегического развертывания, составленный ген. Виктор-Мишелем.

В основных чертах этот план слагался из следующих главных моментов (повторяем, в этом плане мы найдем ряд положений, заимствованных ген. Виктор-Мишелем из книги Жореса «Новая армия», изд. 1910 г.).

1. «Политические и экономические противоречия,—пишет в своем плане ген. Виктор-Мишель, — между Англией и Германией с каждым днем увеличиваются, и это обстоятельство может в любой момент вызвать военные действия, которые неизбежно вовлекут Францию и охватят большую часть европейских государств».

Далее он развивает свою мысль, говоря, что с первых же дней большой европейской войны вся Бельгия будет главным театром военных операций, и не только потому, что Германия издавна идет к завоеванию политико-экономического и торгового района и порта Антверпена, но и потому, что для германских вооруженных сил быстрое и сокрушающее наступление возможно лишь через Бельгию. Свой главный удар Германия никогда не будет направлять через Лотарингию и Эльзас, так как ей хорошо известны мощные укрепления, которые тянутся по восточной границе Франции от Вердена до Бельфора. Об этом имеется достаточный материал в военной литературе и Германии и других европейских стран.

[1] См. официальное издание французского генерального штаба «Les armées françaises dans la grande guerre», т. I, стр. 13 и приложения к этому тому, стр. 7—15.

Территория Бельгии позволяет не только обойти с севера французские укрепления, но и развернуть и двинуть на ее равнине современную массовую армию. Кроме того, исключительно развитая и с каждым годом все более увеличивающаяся железнодорожная сеть нижнего Рейна позволяет Германии быстро сосредоточить и развернуть большие силы. Германия, несомненно, бросит большую часть своих 42 армейских и резервных корпусов именно через Бельгию. Это обстоятельство заставляет внести существенные изменения во французский план войны, который действует в настоящее время. Активно помогая с первого же выстрела Бельгии, мы тем самым обеспечиваем успех Франции, которая в данное время может располагать 40 армейскими и резервными корпусами. Обстановка требует главные силы (две трети) французской армии сосредоточить и развернуть между Мезьер, Дюнкирхен (Дюнкерк) для энергичного наступления в Бельгию, в то время как остальные силы должны нести активную оборону по линии Бельфор, Мезьер. Ген. Виктор-Мишель далее в своем докладе говорит: «Антверпен, Брюссель, Намюр находятся почти на равном расстоянии от французской и германской границ, это и заставляет внести изменения в вопросы мобилизации и развертывания французской армии». Другими словами с момента объявления войны необходимо раньше занять линию Антверпен, Брюссель, Намюр, чем это сделают германские войска. Как видим, то, чего так опасался Шлиффен, как раз разгадал ген. Виктор-Мишель. Одно это проникновение в оперативно-стратегические замыслы противника, а главное, твердое желание активно противодействовать германским планам ставит ген. Виктор-Мишеля головой выше всех «жрецов» и «богов» французского генерального штаба с их оперативно-стратегическими планами, начиная с № 13 и до № 17 включительно.

2. С тем, чтобы поднять еще выше боевую мощь французской армии и увеличить ее численность, ген. Виктор-Мишель предлагал коренным образом реорганизовать систему резервных соединений. Необходимо довести французские войска первой линии до 40 корпусов. Для этого нужно уничтожить организацию резервных дивизий, которые существуют в большей своей части на бумаге, не имея надлежащей спайки и достаточно подготовленного командного состава. Уничтожая организацию резервных дивизий, необходимо при мобилизации формировать регулярные полубригады, составленные путем придачи каждому регулярному полку его соответствующего резервного полка. Сведенные таким образом в одно, два полка будут управляться командиром регулярного (полевого) полка. В силу этого при мобилизации бригада развернется в 4 полка; дивизия будет иметь 8 полков; двухдивизионный корпус — 16 полков; трехдивизионный корпус — 24 полка.

Эту реорганизацию ген. Виктор-Мишель обосновал следующими мотивами. Резервные полки составлены из вполне обученных людей под командой молодых активных командиров, пользующихся достаточным авторитетом у войск. Такой резервный полк рядом с регулярным (полевым) полком, выдвинутый в первую линию, будет доблестно сражаться хотя бы из одного чувства соревнования

и гордости, оттого что он борется наравне с регулярными полевыми войсками. Вот эти-то оба полка и составляют полубригаду под командованием командира регулярного полка в чине полковника, командиры же полков будут в чине подполковников из регулярного полка. При существующем положении (1911 г.) половина командиров резервных полков будет состоять из подполковников регулярных частей, находящихся в отставке не менее 5 лет. Офицеры же, раз выйдя из регулярной армии, быстро теряют физическую гибкость, энергию, которые постоянно развиваются при командовании войсками. Место таким офицерам во второй линии, т. е. во главе территориальных формирований.

Командир регулярного полка, который впоследствии ведет оба полка в бой, еще в мирное время постарается дать личному составу обоих полков приблизительно равное воспитание, закалку и сплоченность. Отсюда полубригада будет состоять из 2 полков трехбатальонного состава каждый, т. е. она не будет отличаться от существующей бригады. При мобилизации все регулярные соединения будут, подобно приведенной реорганизации пехотного полка, у д в о е н ы. Удвоится численный состав, удвоится количество пехотных единиц. Соединения не меняют своих названий, они остаются под командой командиров мирного времени, которые, оставаясь на войне в том же чине, будут нести обязанности на одну категорию выше. Последнее обстоятельство уже в мирное время будет требовать проявления большего внимания при отборе начальников. При мобилизации численный состав корпуса возрастает с 45 000 до 70 000 человек, что значительно расширяет круг деятельности корпуса. Для полной готовности корпуса к выступлению нужно будет лишь на 2—3 дня больше, чем это рассчитано в данное время (1911 г.).

3. Вопрос с артиллерией должен был разрешиться следующим образом: к февралю 1911 г. артиллерия французского армейского корпуса насчитывала 30 батарей, которые при мобилизации должны были развернуть еще 10 батарей поддержки. Таким образом, артиллерия бригады военного времени (с двойным численным составом) должна была насчитывать 9 батарей, артиллерия дивизии — 18 батарей. Дивизионная артиллерия (для 2 дивизий) — 36 батарей. Батареи поддержки, как правило, будут следовать с группами, их создавшими. Артиллерия армейского корпуса будет иметь эти 10 батарей, 4 конные батареи плюс 1 группа тяжелой артиллерии (3 дивизиона по 2 батареи). «В г е р м а н с к о й а р м и и т я ж е л а я а р т и л л е р и я к н а ч а л у 1911 г. я в л я е т с я о р у ж и е м к о р п у с а, т а к ж е д о л ж н о б ы т ь и в о ф р а н ц у з с к и х в о й с к а х»[1]. Насыщенность артиллерией при данной реорганизации будет следующая: корпус при 30 батареях на каждые 1 500 человек будет иметь одну батарею. Корпус с удвоенным

---

[1] Как видим, и в отношении создания тяжелой артиллерии ген. Виктор-Мишель не желал отставать от своего противника — Шлиффена, который первый в германской армии потребовал скорейшего и обильного оснащения ее тяжелой артиллерией.

составом при 40 батареях на 1 750 человек будет иметь также одну батарею.

Перед тем как перейти в наступление на главном направлении, необходимо тщательно продумать вопрос о соответствующем обеспечении своих границ. Нужны специальные мобилизационные мероприятия в пограничных районах, с тем чтобы с первых же дней мобилизации преградить путь для вторжения неприятельских сил. Такие мероприятия должны также обеспечить нормальное проведение мобилизации и сосредоточение армейских корпусов в намеченные планом войны районы. Для этого пограничные районы должны иметь соответствующие силы и средства, чтобы крепко защищать свои границы. «Мобилизация войск пограничных районов будет несколько иной, чем внутри страны. По первому сигналу все имеющиеся силы (регулярные части, резервные, территориальные и резерв территориальников) данного пограничного района берутся за оружие, собираются в соответствующие центры сосредоточения и организуют крепкий отпор». Резервисты территориальных войск, по мнению ген. Мишеля, должны немедленно приняться за охрану путей сообщения; территориальные дивизии, составляющие гарнизоны крепостей, стойко их обороняют.

По северной, северо-восточной границе Франции и в Альпах, т. е. по границе Бельгии, Германии, Швейцарии и Италии, Франция располагает в военно-административном отношении 1-м, 2-м, 6-м, 7-м, 14-м, 15-м и 20-м корпусными округами (см. схему 7). Если для 1-го и 2-го округов корпус будет доведен до состава военного времени — 70 000 человек, а для остальных четырех округов — до 100 000 человек (что нетрудно, так как эти округа имеют в мирное время корпуса по 3 дивизии), то обеспечение стратегического сосредоточения и развертывания по плану войны будет достигнуто. Во всяком случае наличие и умелое использование 140 000 на бельгийской границе, 300 000 против Германии (от Монмеди до Бельфора) и 200 000 против Италии (Альпы) могут сковать более значительные силы врага, пытающегося внезапно вторгнуться в пределы Франции.

Кроме всего указанного, имея в виду, что в первые дни мобилизации Франции придется рассчитывать лишь на свои силы, необходимо принять ряд дополнительных мероприятий. Территориальные дивизии 1-го корпусного округа должны занять Дюнкерк и Мобеж. 1-й корпус, отмобилизовавшись, расположится своими 70 000 между Дюнкерком и Лиллем, часть этих войск в случае необходимости может прикрывать посадку и перевозку по морю английских войск.

Территориальные дивизии 2-го корпусного округа займут Лион и Реймс. 2-й корпус, отмобилизовавшись, займет район между Мезьер, Монмеди, прикрывая левый фланг 6-го корпуса.

Занятие укреплений по побережью океана и Средиземного моря будет проведено и осуществлено колониальными войсками, моби-

лизованными в портах и территориальными дивизиями 3-го, 10-го, 11-го, 18-го и 15-го корпусных округов.

3-й, 4-й, 5-й корпуса, а также колониальная Парижская дивизия, сосредоточатся вокруг столицы (220 000), немедленно приступив к организации укрепленных позиций. Работы должны производиться территориальными дивизиями, сосредоточенными из глубины страны.

Главный резерв сил образуется в районе Парижа из полевых (регулярных) войск, располагаясь вблизи железнодорожных узлов для переброски по железным дорогам в любом направлении по требованию боевой обстановки.

Такое решение было основано еще и на том, что столица Париж очень близко (200—250 км) расположена от северной и восточной государственных границ.

5. Наступление в Бельгию. Все указанные выше войска создают армию обеспечения и прикрытия. Под прикрытием этих сил происходит сосредоточение 8-го, 9-го, 10-го, 11-го, 12-го и 13-го армейских корпусов (420 000 человек). Эти корпуса развернутся от Лилля до Авена, в то время как сосредоточившиеся 16-й, 17-й, 18-й армейские корпуса (220 000 человек) развернутся между Гирсоном и Ретелем.

Таким образом, в энергичном наступлении в Бельгию могли бы принять участие:

а) 1-й корпус + 6 арм. корпусов, расположенных между Лиллем и Авеном — 490 000 человек;

б) 2-й корпус+3 арм. корпуса, расположенных между Гирсоном и Ретелем для наступления справа от первых — 280 000 человек;

в) к этим силам можно придать главный резерв из Парижского района — 220 000 человек.

Итого в наступлении в Бельгию может участвовать 990 000 человек.

6. Активная оборона на восточной границе. Между Монмеди и Бельфором организуется активная оборона. Силы для этого будут состоять:

а) 300 000 человек из регулярных войск 6-го, 20-го и 7-го корпусных округов;

б) смотря по обстоятельствам (т. е. в случае нейтралитета Италии), эти силы могут быть увеличены еще на 200 000 человек за счет переброски на Эльзас-Лотарингском направлении 14-го, 15-го, 21-го и 19-го корпусов;

в) Тогда с этими 500 000, опирающимися на крепостной пояс генерала де-Ривьера, можно будет не только вести активную оборону, но и энергичное наступление вглубь Эльзас-Лотарингии.

Иными словами, ген. Виктор-Мишель намечал развернуть армию в 1 490 000 плюс 220 000 резерва в районе Парижа, т. е. в 1 710 000 человек для наступления в Бельгию и Эльзас-Лотарингию.

г) Английская армия развертывается на линии Ла-Фер, Суассон, правый берег Марны; оперативная задача для нее пока не была указана.

Таков в основных своих чертах план стратегического развертывания, составленный ген. Виктор-Мишелем и переданный им для утверждения военному министру Миссими. Этот крайне интересный в военно-научном отношении вариант стратегического развертывания французских вооруженных сил, как пишут сами французские авторы, произвел очень сильное впечатление в среде руководящих работников генерального штаба и военного министерства того времени. Создатели планов войны за №№ 14, 15, 16 ясно видели, что план стратегического развертывания ген. Виктор-Мишеля является полным и законченным антиподом к их планам войны. Приняв его, надо было буквально все перестраивать заново. Учитывая, что возразить против активного оперативно-стратегического замысла, заложенного в вариант Виктор-Мишеля, было весьма трудно, решили вообще снять его с обсуждения: пусть историки в будущем разберутся в этих стратегических новаторствах генерала, в его «полубригадах», которые к тому же неприятно напоминают «амальгаму» из времен армий буржуазной французской революции!

Был собран Высший военный совет под председательством военного министра Миссими, который и отклонил вопрос реорганизации вооруженных сил, т. е. главное было сделано. Поскольку оперативно-стратегический замысел Виктор-Мишеля был неотделим от его предположений по реорганизации французских вооруженных сил, с отклонением Высшим военным советом вопроса реорганизации механически был снят вопрос о предложенном новом оперативно-стратегическом развертывании.

Военный министр Миссими, а с ним вместе Кастельно, Бонналь, Фош и др. не могли помириться с сущностью плана стратегического развертывания ген. Виктор-Мишеля, исходя из основного принципа буланжизма—вести войну с помощью политически обработанной, вышколенной, классово-преданной до конца буржуазно-капиталистическому правительству регулярной перволинейной армии. Буланжизм требовал постоянного увеличения такой армии в числе из соответственно классово-подобранных элементов. Резервные и территориальные войска, которые впитали бы в себя широкие народные французские массы, по заветам ген. Буланже должны были быть в минимальном количестве, а роль их — второстепенно-обслуживающей. В своих теоретических трудах Бонналь и Фош проповедывали то высокое значение, которое в современном бою и операции имеет солдат-профессионал, готовый по первому зову беззаветно защищать буржуазный порядок против внешних и внутренних (революция) врагов. Бонналь являлся автором плана стратегического развертывания № 14; в этом плане, как мы видели из главы II, он ликвидировал армейские резервные корпуса и резервные армии, а резервные дивизии и территориальные войска свел на совершенно второстепенную роль, оставив их численно в минимальном размере (см. официальную историю мировой войны 1914—1918 гг., издание французского генерального штаба, том I, стр. 7—8). В своем проекте под названием «О полках резерва и их использовании в соединении с регулярной армией» (см. приложение 1)

ген. Виктор-Мишель предлагал каждый регулярный полк слить с резервным полком и образовать из них полубригаду, откровенно указывая, что само название «полубригада» напоминает самую славную эпоху национальной истории (иными словами, эпоху буржуазной французской революции). Ясно, что на заседании Высшего военного совета Франции 19 июля 1911 г., при рассмотрении проекта, это предложение вызвало решительный отпор со стороны буланжистов, из которых в то время в большинстве своем состоял французский генеральный штаб. Новый оригинальный и смелый оперативно-стратегический замысел Виктор-Мишеля о наступлении $^2/_3$ сил в Бельгию и Эльзас-Лотарингию Высшим военным советом был положен в глубину архивов французского генерального штаба, а автор этого плана, Виктор-Мишель, который получил кличку «жоресист», вскоре был принужден уйти в отставку.

Читатель может задать вполне законный вопрос: что случилось бы, если бы план ген. Виктор-Мишеля был утвержден и осуществлен в жизни?

Мы не будем детализировать этот вопрос, но со всей определенностью можно сказать, что в таком случае и при декабрьском варианте Шлиффена и даже при видоизмененном ген. Мольтке-младшим плане Шлиффена германские армии правого крыла фронта встретили бы в Бельгии миллионную французскую армию плюс еще бельгийскую армию.

План Виктор-Мишеля предусматривал наступательные действия в Бельгии, а также и в Эльзас-Лотарингии с подходом 200 000 с итальянской границы, а поэтому он поставил бы германское главное командование с первых же дней войны в напряженное положение на всем франко-бельгийском театре военных действий. Во всяком случае внезапность удара через Бельгию для французов исключалась, и вместо внезапности германские армии правого фланга встретили бы 990 000 французов и 150 000 бельгийцев. Все французские планы развертывания (с № 13 по № 17 включительно) пытались выжидать того момента, когда была бы возможность яснее понять, где именно будет наносить главный удар противник; в плане Виктор-Мишеля мы видим обратное: он стремится предупредить противника наступлением на линию Антверпен, Брюссель, Намюр. Вследствие этого, надо думать, происходившее в сентябре Марнское сражение перекочевало бы еще в августе на поля Бельгии, и еще большой вопрос, сумел ли бы так легко противник добраться до северных департаментов Франции, как это он сделал в августе 1914 г.

Должно было бы получиться гигантское фронтальное столкновение главных сил обоих противников с их миллионными массами на полях Бельгии. В результате этого столкновения, возможно, и не случилось бы Ватерлоо ни для одной из сторон, но возникновение позиционной войны было бы реальным.

Столкнувшись с более чем миллионной франко-бельгийской армией, германцы принуждены были бы перейти к обороне, и позиционный характер войны наступил бы еще раньше, чем это случилось (в октябре 1914 г.) на французском театре военных действий.

Возникает еще также большой вопрос: сумел ли бы Виктор-Констан-Мишель так крепко обучить эту армию по новой организации, чтобы она могла твердо, умело и искусно бороться? Но во всяком случае мы в этом плане ген. Виктор-Мишеля видим активность с первого же момента в Бельгии, а с подходом 14-го, 15-го, 21-го французских корпусов с итальянской границы — и в Эльзас-Лотарингии, где французские войска должны были перейти в наступление. Иными словами, Виктор-Мишель, бросая 990 000 в Бельгию и 500 000 в Эльзас-Лотарингию, заставил бы германское главное командование с первых же дней войны искать какие-то новые пути для достижения успеха в стиле учения Шлиффена, так как для достижения уничтожающего сражения в первую голову было нужно не менее как двойное, а то тройное превосходство в силах.

Приводить дальнейшие детали по этому плану мы считаем излишним; уже сказанное в полной мере говорит о том, что правильно поставленный прогноз о развертывании сил врага имеет исключительное значение. Вскоре по приказанию военного министра Миссими был заготовлен проект о реорганизации Высшего военного совета, согласно которому должность вице-председателя упразднялась. Таким образом, был не только похоронен план войны, который являлся грозным соперником плана Шлиффена, но был изгнан и его автор. Ген. Виктор-Мишель был уволен в отставку «по болезни». На его место пришел новый человек — Жоффр, под руководством которого был разработан план стратегического развертывания, известный под № 17.

При Жоффре длительность обязательной военной службы была увеличена с 2 до 3 лет; этим самым наносился крепкий удар по Жоресу, который в свое время, в 1905 г., добился этого сокращения; резервные и территориальные части были почти сведены к нулю. В августе—сентябре 1914 г. Франция оказалась в тяжелом положении: 14 возрастов с начало м войны ею были использованы далеко не полностью, и если бы не бешеное о г у л ь н о е наступление в Восточную Пруссию царской армии, которая спешила этим ударом отвлечь германские силы на восточный (русский) фронт (Мольтке-младший перебросил из Франции целых два арм. корпуса плюс 1 кавдивизию, столь необходимых для битвы на Марне), то положение на Марне для французов было бы еще более серьезным.

Будет весьма односторонним подходом к изучению вопроса о плане стратегического развертывания — этой сердцевины всякого плана войны, если мы изложим лишь военно-техническую сторону событий и фактов. Не было на свете такого плана войны данного государства, который бы крепко не впитал в себя ту политическую обстановку и то экономическое положение, которые имели место, когда данный план разрабатывался.

Вот почему думать, что планы войны Шлиффена и Виктор-Мишеля являются индивидуальной фантазией данных деятелей, это значит пройти мимо решающих факторов политико-экономического порядка.

«...То обстоятельство, что вот именно этот великий человек появляется в данной стране, в определенное время, конечно, есть чистая случайность. Если мы этого человека вычеркнем, то появляется спрос на то, чтобы заместить его кем-нибудь, и такой заместитель находится, — хорошо или плохо, но с течением времени находится...» [1].

Мы знаем, что и Шлиффен и Виктор-Мишель хотя и видели дальше других, но все же принуждены были уйти в отставку, т. е. были лишены возможности осуществить в жизни свои мысли и замыслы. На место их пришли новые люди, их заместители. Это были Мольтке-младший и Жоффр. И двое последних делали историю, т. е. руководили армиями в первый период империалистической войны 1914—1918 гг. За шесть лет пребывания в отставке Шлиффен (он умер в январе 1913 г.) написал ряд интересных оперативно-стратегических исследований.

Как передают его биографы, последними его словами были: «Не ослабляйте, а усиливайте правый фланг», он предупреждал: «Kleine Ursachen — grosse Wirkungen», т. е. — маленькие причины повлекут за собой большие последствия. В этом — красная нить плана стратегического развертывания Шлиффена [2]. Но, как это часто бывает, на эти слова Шлиффена обратили внимание лишь его биографы [3], а не ген. Мольтке-младший и окружавшие его лица, к которым эти слова относились за два года до мировой войны 1914—1918 гг.

Точно так же и ген. Виктор-Мишель, после ухода из генерального штаба, подавал ряд докладных записок с различными проектами по вопросам улучшения строительства вооруженных сил Франции, но все это был лишь литературный материал.

Планы войны составляли Жоффр и Мольтке-младший; они уже играли роль, они несли юридическую ответственность, так как возглавляли вооруженные силы Франции и Германии.

Мы видели, что гигантский стратегический размах в плане войны Шлиффена (декабрь 1905 г.) не мог не требовать ряда конкретных мероприятий по еще большему усилению тех отраслей и областей, которые поднимают и усиливают вооруженные силы страны и которые реально обеспечивают их всем необходимым на случай войны.

В чем же была сущность политико-экономического положения в Англии, Германии и Франции, когда составлялись и разрабатыва-

---

[1] Маркс, Энгельс, Письма, Соцэкгиз, 1931, стр. 408.

[2] Шлиффен, говоря об этих «больших последствиях», как бы предчувствовал их. И действительно, Мольтке перед решительным сражением ослабил правый фланг на целых 6 корпусов. Гвардейский резерв: корпус 2-й армии плюс 11-й корпус 3-й армии плюс 8-я кавалерийская дивизия направились с 26 августа в Восточную Пруссию; 3-й резервный корпус плюс 9-й резервный корпус отправлены были под Антверпен; 5-й корпус удержан был в тылу, в районе Меца, с предполагаемой задачей также бросить его на восточный (русский) фронт, и затем 7-й корпус получил задачу овладеть Мобежем; итого целых 6 корпусов и 1 кавалерийская дивизия не могли принять участия в битве на Марне в начале сентября 1914 г.

[3] См. Фрейтаг-Лорингофен, Генерал-фельдмаршал Шлиффен, стр. 71.

лись столь смелые и активные оперативно-стратегические планы войны, авторами которых были генералы Шлиффен и Виктор-Мишель?

Глава V

ПЕРИОД 1895—1905 и 1911—1913 гг.

В этот период не только создавались планы стратегического развертывания ген. Шлиффена и ген. Виктор-Констан-Мишеля, но и шла особо интенсивная подготовка к империалистической войне во всех государствах Европы.

К французско-русскому военно-политическому союзу, существовавшему с 1892 г., в период 1904—1907 гг. присоединилась Англия, тем самым образовав Тройственное согласие (Triple Entante). К этому времени военно-политический союз между Германией и Австро-Венгрией, заключенный в 1879 г., все более креп и расширялся политически и экономически, будучи всеми своими помыслами и стремлениями направлен против коалиции держав Тройственного согласия [1]. Союз Англии, Франции и царской России был в политико-экономическом и военном отношении главным образом направлен против их могущественного конкурента — Германии. В этой антигерманской коалиции главную роль играла безусловно Англия, которая ясно видела, что в англо-германском морском соперничестве Германия с начала XX в. начинает быть реальным, могущественным открытым врагом Англии. Эта старая «владычица морей и океанов» великолепно понимала, что владеть морями и океанами — это значит быть хозяином-монополистом на мировом рынке. В 1909 г. английский министр иностранных дел Грей говорил: «Англия не может примириться с господством на континенте одного какого-нибудь государства, которое диктовало бы Англии свою политику». Говоря так, Грей этим самым прямо угрожал Германии. Но этот английский тезис имел германский контртезис, который ясно выражен одним из выдающихся представителей германского империализма, главным организатором и руководителем германского морского флота, адмиралом Тирпитцем, который говорил, что «к мировому могуществу, кроме постройки флота, для нас не существовало иного пути». Из-за морского первенства Германия в Европе спорила лишь с Англией, так как «все остальные народы

---

1 Поведение Италии, находившейся сперва долгое время (с 1882 г.) в военно-политическом союзе с Германией и Австрией (Тройственный союз), непосредственно перед мировой войной 1914—1918 гг. носило характер выжидательный. Здесь надо указать, что после дружественного договора Италии с Францией по вопросу Триполи и Марокко (1900 г.) союз Италии, Германии и Австрии дал сильную трещину, и Италия начинает все более и более отходить от Двойственного союза Германии — Австрии. В 1915 г. союз Италии, Германии, Австрии был ликвидирован, и Италия перешла на сторону Антанты. В мировую войну против Антанты действовал новый военно-политический Четверной союз—Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии, который также образовался не сразу, а имел свою длительную политико-экономическую и военную историю

она уже опередила». Англия ясно понимала, что создание Германией мощного флота есть тот шаг, которого она допустить не может, а поэтому, говорит Тирпитц, Англия, начиная с 1904 г., собирала силы и средства, с тем чтобы «поразить на-смерть своего преуспевающего соперника».

Этого обстоятельства так и не мог ясно понять Шлиффен, который до последнего дня своей жизни (1913 г.) продолжал твердить, что главный враг Германии — Франция, что создание огромной сухопутной вооруженной силы есть единственный путь к мировому могуществу Германии.

Но если еще можно упрекать Шлиффена в том, что он очень смело бросал Восточную Пруссию и Эльзас-Лотарингию на съедение противникам; что он очень храбро считал, что будет довольно одного удара, чтобы покончить с армией Франции; что он игнорировал новую морскую политику Германии, которая начала смертельную схватку с Англией и т. д., — то было бы неправильным думать, что стратегическое развертывание от декабря 1905 г. Шлиффена не имело под собой никакой реальной политико-экономической базы.

Именно в период 1895—1905 гг., когда план развертывания Шлиффена принимал все больший оперативно-стратегический размах и становился с каждой новой полевой поездкой германского генерального штаба все более уверенным в своей жизненности, именно в это же время росла и крепла та решающая политико-экономическая база, которая вдохновляла составителя этого незаурядного оперативно-стратегического плана.

В эти годы рост производительных сил Германии во всех отраслях народного хозяйства достиг огромного уровня. Национальное имущество увеличилось в 1½ раза, т. е. достигло 300 млрд. марок, в то время как национальный доход почти удвоился: с 23—25 млрд. (по данным 1895 г.) до 43 млрд. к 1913 г. В эти годы шел непрерывный подъем хозяйства всей страны, шла переделка всей экономической структуры страны, которая на протяжении короткого времени стала ареной безраздельного господства финансового капитала.

«Гигантское развитие производства во все возрастающей степени вовлекает Германию в систему мирового хозяйства. Иностранное сырье и рынки сбыта становятся для нее вопросами существования. Поскольку Германия в этот период развивается быстрее других капиталистических стран (Англии, Франции и др.), ее рост протекает в условиях резко обостряющихся противоречий, ибо дальнейшие ее успехи связаны для нее с вытеснением более старых конкурентов. Начавшаяся уже ранее внешняя экспансия германского капитализма приобретает теперь откровенно империалистический характер. Она становится величайшей угрозой для великобританского империализма, который создает против нее могущественный военно-дипломатический союз. Разрешение обостряющихся противоречий силой оружия становится в порядок дня» [1].

[1] БСЭ, т. 15, стр. 590—591 (разрядка наша.— *Вл. М.*).

Если мы проанализируем цифры и факты роста горной и горнозаводской продукции, которая является основной артерией для питания соответствующими материалами, вооружающими по-современному армию и флот, если мы остановимся на организации военно-политических союзов и вскроем их роль в подготовке к империалистической войне, то тогда станет совершенно ясно, что при данной конкретной обстановке планы войны ген. Шлиффена и ген. Виктор-Констан-Мишеля могли носить именно тот решительный оперативно-стратегический характер и иметь то содержание, о котором мы говорили выше, т. е. их размах и широкая постановка имели под собой твердый политико-экономический фундамент. Неразрывно связанная с банками черная металлургия, опора финансового капитала с его внешней экспансией, главный рычаг в росте и качестве вооружений, в период 1895—1905—1911—1913 гг. дала в Германии не виданные до этого показатели.

Таблица 6 вполне подтверждает это.

Таблица 6

Годы	Добыча угля	Добыча железной руды	Потребление железной руды	Выплавка чугуна	Выплавка железа и стали
	В миллионах тонн			В тысячах тонн	
1895	104,0	12,3	11,9	5,454	4,780
1905	173,8	23,4	25,8	10,813	10,310
1911	234,5	29,9	38,1	15,477	14,409
1913	277,3	35,9	46,4	19,207	17,370

Эти цифры, при сопоставлении их с данными по экономике Англии, гегемона того времени на европейском континенте, говорят о том, что Германия перед войной обогнала Англию и встала на первое место по отраслям промышленности, питающей соответствующими материалами военные заводы и поднимающей обороноспособность страны. Следующие цифры (табл. 7) характеризуют начало и конец рассматриваемого периода:

Таблица 7

Состояние тяжелой промышленности Германии и Англии

Годы	Германия	Англия	Германия	Англия	Германия	Англия
	Добыча угля		Потребление угля		Добыча железной руды	
1895	104,0	192,6	103,5	158,7	12,3	12,8
1913	277,3	292,0	249,7	213,0	35,9	16,3
	+167%	+58%	+141%	+34%	+192%	+27%

Продолжение таблицы 7

Годы	Германия	Англия	Германия	Англия	Германия	Англия
	Потребление железной руды		Выплавка чугуна		Производство железа и стали	
1895	11,9	17,3	5,5	7,8	4,8	3,9
1913	46,4	23,6	19,2	10,4	17,4	9,0
	+290%	+36%	+249%	+33%	+262%	+131%

Как видим, на протяжении всех этих годов Германия обогнала Англию по самым важнейшим отраслям тяжелой промышленности, питающей империалистическую политику Германии.

Но в эти годы росла не только тяжелая металлургия Германии, наряду с ней шел гигантский расцвет электротехнической промышленности (например, в 1895 г. в этой промышленности было занято всего лишь 17 500 человек, в 1907 г. — уже 98 000, в 1913 г. — 250 000 человек, причем стоимость продукции была в 1898 г. около 229 млн., а в 1913 г. уже 1 млрд. 300 млн. марок). Кроме того, вывоз электропродукции буквально забил крупнейших экспортеров — Англию, Америку, Францию и Швейцарию, так как Германия вывозила электрооборудование в 1913 г. в количестве более половины вывоза указанных четырех стран, взятых вместе.

Не менее мощными темпами шел рост самого разнообразного вида машиностроения. Конечно, генеральный штаб в первую очередь требовал производства достаточного количества паровозов и вагонов. Прогресс электротехники, естественно, заставлял развиваться производство мощных двигателей, как-то: дизелей, паровых турбин и т. д. Можно лишь указать, что если стоимость продукции машиностроительной промышленности в 1907 г. определялась в 2 млрд. марок, то в 1913 г. она выросла уже до 3 млрд. По сравнению с 1895 г. более чем в 3 раза увеличилось количество рабочих, занятых в этой промышленности, достигнув полумиллиона человек. Перед войной 1914—1918 гг. в отношении вывоза продукции машиностроения Германия заняла первое место.

Ту же картину гигантского роста мы имеем и в области химической промышленности; в ней были заняты тысячи людей, причем ежегодный прирост составлял несколько тысяч человек; например, если в 1895 г. в химической промышленности рабочих было 115 000 человек, то в 1907 г. — 206 000 человек; стоимость химической продукции исчислялась миллиардами (около 2 млрд. в год перед войной), по экспорту она стояла даже выше, чем машиностроение. В годы работы Большого генерального штаба под руководством ген. Шлиффена в Германии очень быстро росли не только фабрики и заводы; одновременно с их ростом шел гигантский процесс концентрации производства и банкового дела в мощные монополистические союзы, которые стали господствующей силой в экономике

страны. В начале XX в. Германия превратилась в одну из передовых стран монополистического капитализма; экономику и политику Германии стали определять монополистические союзы, гиганты промышленности — комбинаты, финансируемые крупнейшими акционерными банками, имевшими в своем распоряжении огромные средства. Наиболее близким к германскому генеральному штабу был мировой гигант — комбинат во главе с Круппом. Около 100 000 рабочих и служащих были заняты на огромных предприятиях этого комбината, который не только конструировал и отливал орудия, пулеметы, ружья и другие средства борьбы на суше и на море, но и сам организовал весь процесс производства от начала до конца, т. е. от добычи угля и руды, выплавки чугуна и стали до конструкционной работы и производства того, чего требовали оперативно-стратегические замыслы и планы войны, создаваемые германским империализмом. То же самое было и на других военных фирмах — Штумм, Тиссен, Людвиг Лебе, но в несколько меньшем размахе, чем у Круппа.

Количество путей и качество работ на железнодорожном и водном транспорте, состояние грунтовых и шоссейных дорог и т. д., как известно, играют огромную роль в вопросе стратегического сосредоточения и развертывания вооруженных сил. И надо сказать, что с момента искусно проведенного стратегического сосредоточения в войну 1870—1871 гг. Германия улучшила этот вопрос во много раз. Четкость работы, главным образом германского железнодорожного транспорта, по сосредоточению миллионных армий в 1914 г. достойна самого глубокого анализа и изучения. Методы и приемы, применявшиеся германским и французским командованием в этом вопросе в период войны 1914—1918 гг., не потеряли своего смысла и значения и в настоящее время. Необходимо отметить обстоятельство огромной важности, которое прошло мимо французского генерального штаба во главе с Жоффром, а именно громадное железнодорожное строительство, проводившееся германцами в районах к востоку от границы Бельгии и зафиксированное в докладе военному министру Миссими ген. Виктор-Констан-Мишелем. Последний дословно писал в феврале 1911 г. следующее:

«Железнодорожная сеть нижнего Рейна, очень густая между Бонном и Кельном, Дюссельдорфом и Везелем, дает германцам возможность быстро развернуть свое сосредоточение вплоть до границ Голландии. Прекрасная колея достаточной пропускной способности связывает Везель с Флессингом, огибая на севере укрепления Антверпена, который таким образом будет отрезан от моря. В этом случае нам опять придется пойти на помощь Бельгии, окруженной противником на протяжении всей своей восточной границы. Германия не задумается пустить здесь в дело большую часть своих 42 армейских и резервных корпусов».

Как видим, то, что обдумывал о бельгийской границе, ежегодно проверяя путем полевых поездок, ген. Шлиффен, то прекрасно учел и разгадал ген. Виктор-Констан-Мишель, и,

как увидим ниже, это-то самое совершенно игнорировал Жоффр. Для переброски миллионных армий и их средств ген. Шлиффен категорически настаивал на наличии огромной массы паровозов и вагонов, а также и на соответствующих темпах железнодорожного строительства, которые дали бы необходимую плотность рельсовой сети для оперативно-стратегических переброс и маневрирования. Можно здесь указать, что длина широколинейных путей с 1895 по 1912 г. увеличилась на 34%, т. е. до 60 500 км. Грузооборот железных дорог, который в 1895 г. равнялся 26,5 млрд. т/км, к 1913 г. увеличился до 67,5 млрд. т/км. Те же успехи в водном транспорте: например, грузооборот в 1897 г. составлял 3 070 000 т, в то время как к 1912 г. он поднялся до 7 400 000 т. «Поле моей деятельности — весь мир» была надпись на портале конторы водного транспорта в Гамбурге. К 1913 г. Германия заняла уже 2-е место в мире по торговому флоту, который достиг водоизмещения в 5 млн. т. За ограниченностью места мы не останавливаемся на огромном общем росте и подъеме сельского хозяйства Германии в период 1895—1913 гг. Крупные технические усовершенствования, механизация сельского хозяйства, широкое применение химизации (искусственное удобрение) — все это подняло производительность сельского хозяйства в Германии на огромную высоту.

Выброска огромных капиталов в другие страны, огромный рост внешней торговли, постройка железнодорожных путей в Малой Азии с проектом построить железную дорогу Гамбург — Берлин — Багдад, т. е. связать воедино хозяйство Германии, Австро-Венгрии и Турции, членов будущей военной коалиции, активная колониальная политика и захват ряда опорных и контрольных пунктов и районов на Африканском континенте и островах Тихого океана [1] говорит о том, что Германия сделалась в рассматриваемый период в полном смысле слова передовой страной финансового капитала, стремившейся посредством вывоза капитала, экономической войны за мировое господство и соответствующей монополистическому капиталу империалистической политики окончательно сбить с передовых позиций своих конкурентов — Англию и Францию.

Гениальное марксистско-ленинское положение, говорящее о том, что политика — это сконцентрированная экономика, целиком опрокидывает лживость каутскианства, отрывающего политику империализма от его экономики. Истина ленинизма, что монополизм в политике является концентрированным выражением монополизма в экономике, со всей наглядностью видна из анализа положения

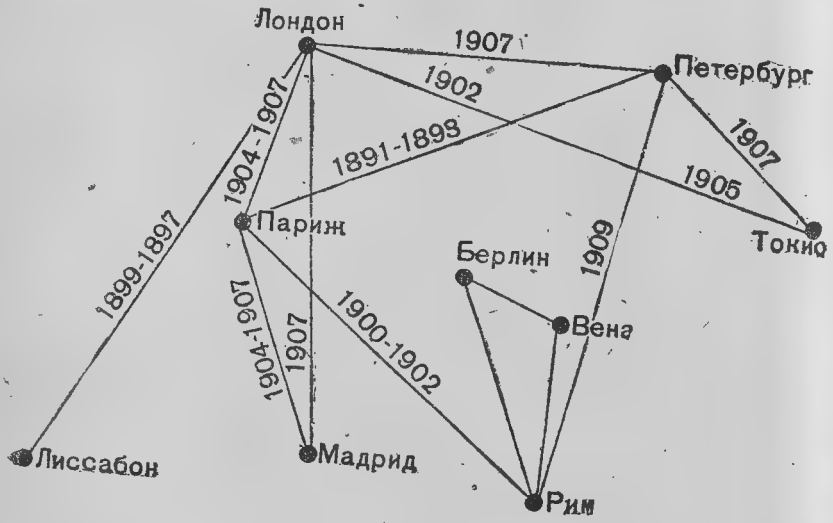
---

1 В 1897 г. министр иностранных дел Бюлов очень ярко выразил дальнейшую внешнеполитическую линию поведения Германии. «Прошли уже времена, — говорил Бюлов в рейхстаге, — когда другие народы делили между собой земли и воды, а мы, немцы, довольствовались лишь голубым небом. Не желая никого отодвигать в тень, мы требуем и для себя места под солнцем». В 1899 г. он добавил к этой формулировке следующее: «Мы не потерпим, чтобы какой-нибудь чужеземный Юпитер сказал нам: «Что делать, мир уже поделен!»». Для старых империалистических хищников — Англии и Франции — эти слова являлись сигналом к новым политическим ходам против молодого, но крайне энергичного соперника, к новым сухопутным и особенно морским вооружениям.

дел в странах, участвовавших в империалистической войне 1914—1918 гг.

Империалистическая политика Англии, Франции и Японии к началу 1910 г. под дирижерскую палочку Англии была направлена главным образом к окружению и изоляции Германии, этого наиболее жизнедеятельного соперника в борьбе за мировую гегемонию. Этому окружению всемерно способствовала Франция, величайший кредитор царской России, постоянно мечтавшая о реванше за войну 1870—1871 гг. и обратном отторжении Эльзас-Лотарингии. Она всемерно готовила себе союзника для удара по Германии с востока, т. е. со стороны царской России.

Здесь мы только в самых сжатых чертах остановимся на той политической обстановке, в которой работали руководители воору-



Черт. 9. Схема-график политических отношений капиталистических государств перед мировой войной 1914—1918 гг.

женных сил Германии и Франции — ген. Шлиффен и ген. Виктор-Констан-Мишель.

Если кратко графически изобразить переплетенность политических интриг, империалистических вожделений и стремлений, так или иначе отобразившихся и запечатлевшихся в различных союзах, договорах, конференциях и пр., то получится схема-график, дающая некоторое представление о том постепенном политическом окружении и изоляции, которой политикой Антанты была подвергнута Германия перед мировой войной 1914—1918 гг. (черт. 9).

Наиболее важные события перед августом 1914 г. заключались в следующем: в январе 1902 г. был заключен англо-японский союз, направленный в первую очередь против царской России, которая была уже политически связана договорами с Францией. Но в то

время царскую Россию поддерживала Германия, так как русская экспансия на Дальнем Востоке была выгодна для Германии, которая тогда протягивала свои империалистические щупальцы в Китай, сталкиваясь тем самым с интересами японской политики в Китае. В 1904 г. политическая изоляция Германии еще более углубляется; в этом году было заключено англо-французское соглашение по вопросам Египта и Марокко, к которому присоединилась и Испания. В 1905 г. последовало новое англо-японское соглашение, согласно которому в случае войны Япония должна была бы помогать Англии в защите Индии.

Поражение царской России в русско-японскую войну 1904—1905 гг. внесло новую политическую струю в европейскую политику так называемых «великих держав». Япония делается мировой державой, ее взаимоотношения по вопросам Китая с Германией еще более обостряются. Надо сказать, что Германия одобрительно относилась к царской России во время ее борьбы с Японией на Дальнем Востоке (Манчжурия) и тем самым обеспечивала царской России ее тыл со стороны Ближнего Востока и на западной границе. В это время активную политику в отношении России начинает вести Англия, которая склоняет царскую Россию подписать ряд соглашений и договорных условий о переносе центра тяжести своей политики на Ближний Восток, на Балканы, к проливам и т. д.; отсюда — начало новых обострений австро-русских и русско-германских отношений. «Точно так же перемена направления русской экспансии должна была неблагоприятно отразиться на немецких планах в Малой Азии, ибо стремление России захватить в свои руки контроль над проливами ставило под угрозу дальнейшее существование Европейской Турции, которая по планам германских империалистов должна была играть роль моста между среднеевропейскими государствами и азиатскими провинциями Турции» [1]. В 1907 г. Англия присоединяется к франко-русскому союзу, который был заключен еще в конце прошлого столетия (1892 г.). Англия заключает соглашение с Россией по совместному выступлению во всех вопросах европейской и азиатской политики. Кроме того, Англия, Франция и Испания заключают соглашение по вопросам, связанным с политикой в Средиземном море.

1907 год явился началом самого деятельного взаимообмена политической и военной информацией между генеральными штабами Франции, Англии, Бельгии, а также усиленной подготовки (разработки) плана войны против Германии. Сазонов пишет, что Пуанкаре в августе 1912 г. ему откровенно заявил, что между Англией и Францией тесный союз, что «как сухопутные, так и морские генеральные штабы обоих государств находятся между собой в тесном общении и непрерывно сообщают друг другу с полной откровенностью все могущие их интересовать сведения. Этот постоянный обмен мыслей имел своим последствием заключение между французским и английским правительствами устного соглашения, в силу которого Англия выразила готовность оказать Франции, в случае

[1] Эпоха расцвета германского империализма 1895—1914 гг., БСЭ, т. 16.

нападения со стороны Германии, помощь как морскими, так и сухопутными силами. На суше Англия обещала поддержать Францию посылкою 100-тысячного отряда на бельгийскую границу для отражения ожидаемого французским генеральным штабом вторжения германской армии во Францию через Бельгию». Эти слова Пуанкаре в полной мере соответствуют действительности, так как вопрос о проходе германских войск через Бельгию обсуждался во Франции на заседании правительства, на котором присутствовал будущий французский главком Жоффр [1], о чем мы будем говорить в главе VIII нашей работы.

Взаимоотношения генеральных штабов Антанты никем не скрывались до августа 1914 г., ибо посещения Фошем и Жоффром царской России [2] и Англии и, обратно, царскими и английскими военными руководителями Франции имели место и открыто публиковались в печати под различными довольно невинными сообщениями: «присутствие на маневрах», «путешествие с целью ознакомления с культурой и бытом», «путешествие для охоты» и пр., за которыми скрывалась выработка единого плана действий во время войны.

Два момента империалистической политики в Марокко говорили Германии о том, что англо-французская политика прямо направлена к ее изоляции и окружению.

В то время как французский капитал и вооруженные силы Франции с каждым годом все более укреплялись и расширяли сферы своего влияния в Марокко, Германия очень косо смотрела на это, страстно желая сама активно участвовать в дележе Марокко. Заключенное в 1904 г. между Францией и Испанией соглашение о «размежевании сфер влияния в Марокко» и полное игнорирование в этом вопросе Германии резко обострило взаимоотношения последней с Францией. В марте 1905 г. Вильгельм II приехал в Танжер (марокканский порт), где произнес очень ядовитую речь, направленную прямо против Франции и Испании. В 1905 г. ген. Шлиффен с особой настойчивостью указывал Вильгельму относительно выгодности положения для объявления войны. Было известно, что Франция не была готова к войне. Ее союзник царская Россия потерпела поражение в русско-японской войне 1904—1905 гг. Но германская политика считала пока еще несвоевременным объявление войны Франции. После этой речи германский капитал через свои банки влил в казну правительства Марокко 10 млн. марок, а германские капиталисты, братья Маннесманы, получили концессию в Марокко. Затем английские, французские, германские, бельгийские, австро-венгерские и т. д. дипломаты открыли конференцию по вопросам Марокко в испанском городке Алжезирасе, в то время как французские и германские капиталы начали свою конкуренцию и хозяйничание в так называемом «независимом» Марокко. Германия осталась очень недовольна работой Алжезирасской конференции. Единый фронт Англии, Франции, Бельгии, Испании и др.

---

[1] «Mémoires du maréchal Joffre», t. I, p. 117—125.
[2] См. Сухомлинов, Воспоминания, стр. 190—214.

против Германии, которую поддерживала только Австро-Венгрия, показали германскому империализму, что он остается изолированным. Положение Франции в Марокко после этой конференции еще более упрочилось, в то время как Германия оказалась в неизмеримо худших условиях.

Второй момент — это так называемый Агадирский инцидент, который по времени совпал с разработкой плана стратегического развертывания французской армии ген. Виктор-Констан-Мишелем. 1 июля 1911 г. германское правительство демонстративно посылает в марокканский порт Агадир военное судно (канонерскую лодку) «Пантеру». Правительства Англии и Франции этот акт стали рассматривать как удар, который направлен к срыву «мира» не только в Марокко, но и в Европе. Вся европейская печать заговорила о неизбежности войны, так как Англия и Франция приняли этот вызов Германии, заявив свой решительный протест. Единый фронт Англии, Франции и ряда государств, которые присоединились к ним, сломил решительность германского империализма, заставив его убрать когти и отозвать обратно «Пантеру». Франция опять оказалась в выигрыше, она получила полную свободу действий в Марокко (юридически французский протекторат был оформлен в 1912 г.), Германия же получила «подачку» — незначительный кусок второстепенных французских владений в Конго. Германия после Агадирского инцидента окончательно убедилась, что она вполне изолирована и что «цепь замкнулась». Ее политическими союзниками оставались Австро-Венгрия, Турция и Болгария, особенно после балканской войны.

Все вышеизложенное являлось прекрасным политическим материалом для оперативно-стратегического размышления ген. Виктор-Констан-Мишеля.

Исключительно резкая речь Ллойд-Джорджа во время Агадирского инцидента, которая прямо угрожала Германии войной, ясно говорила о том, что английская политика, флот и армия всецело на стороне Франции, достаточно ясно освещала ситуацию в Европе. Прыжок германской «Пантеры» еще более объединил Англию и Францию и давал полное право военному стратегу внести ряд существенных коррективов в план войны, сделать его более решительным и отвечающим политической ситуации, которая складывалась в те годы в Европе.

Отсюда мы видим, что план стратегического развертывания ген. Виктор-Констан-Мишеля не есть только фантазия французского генерала, ибо он, как и план Шлиффена, вытекал, да и не мог не вытекать, из конкретной политической и экономической обстановки, которая имела место во время разработки этих планов. В экономическом отношении Франция находилась в Европе на третьем месте после Германии и Англии почти по всем показателям экономической и хозяйственной жизни страны, а это уже ко многому обязывало работников французского генерального штаба. Разве случайностью было то, что в плане стратегического развертывания ген. Мишеля мы видим пункт, говорящий о возможности переброски французских корпусов с Альп (итальянская граница) против Эльзас-Лотарингии? Конечно, нет. Это был политический прогноз,

материалом для которого явился факт поражения германского империализма в 1911 г., когда Италия с помощью Англии и Франции аннексировала турецкие провинции Триполитании и Киренаики. Во всяком случае после 1912 г. Германия уже не надеялась, что к ее союзникам — Австро-Венгрии, Болгарии и Турции (последние две были сильно потрепаны в результате балканской войны в начале XX в.) — прибавится Италия. Скорее все говорило о том, что последняя, в случае европейской войны, или сохранит нейтралитет, или же выступит на стороне Антанты. А это освобождало по плану Виктор-Констан-Мишеля с французской (альпийской) границы по крайней мере 200-тысячную армию, которую ген. Виктор-Мишель рассчитывал бросить в наступление на Эльзас-Лотарингию с 300 000 французов, расположенными от Вердена до Бельфора.

В результате так и случилось. 3 августа 1914 г. Италия объявила нейтралитет: 14-й и 15-й французские армейские корпуса и батальон альпийских стрелков были переброшены в район Эпиналя, к югу от Нанси; но эта переброска не дала реальной пользы, так как план Жоффра был совершенно иной, чем план Виктор-Мишеля.

Теперь несколько слов о морских вооружениях и о соревновании в этом вопросе между Англией и Германией. Вступать в соперничество с Германией по постройке новых единиц морского флота Франция не могла по целому ряду причин политического и финансового характера, да к тому же на морях она надеялась на своего союзника — «владычицу морей и океанов» — Великобританию. Мы здесь не будем рассказывать всех весьма интересных империалистических интриг и словопрений о разоружениях, которые практиковались каждой из сторон с одновременным увеличением своих морских вооружений в последние годы перед мировой войной 1914—1918 гг. Такие заявления, как «для Англии флот — жизненная необходимость, тогда как для Германии он — излишняя роскошь» (Черчилль), не могли убедить никого из лагеря германского империализма; сейчас же следовал на это соответствующий ответ, вроде: «Наше будущее на воде» (Вильгельм II) и т. д. Начиная с 1904—1905 и по 1908—1909 гг., морской бюджет Германии возрос почти на 65%, увеличившись с 10 млн. ф. ст. почти до 17 млн., в то время как расходы на новое судостроение возросли на 80%, выразившись в сумме более 8 млн. ф. ст. «Ежегодно на немецких эллингах закладывалось по 2 линейных корабля, по 1 бронированному и по 2 малых крейсера, по 1 дивизии истребителей».

Если мы сопоставим бюджетные ассигнования на морские силы Великобритании и Германии (в млн. фунтов стерлингов) по интересующим нас годам, то получим картину, изображенную на таблице 8 (стр. 125).

Финансовые затруднения 1908—1909 гг. заставили Англию снизить сметы на морской флот. Этим воспользовалась Германия, сделав дальнейший новый скачок вперед. Видя угрожающий рост, Англия уже в следующие годы ведет самую напряженную борьбу в этом вопросе, отпуская на морской флот огромные суммы из общегосударственного бюджета.

Таблица 8

Годы	Великобритания		Германия	
	Морской бюджет	В том числе на новое судостроение	Морской бюджет	В том числе на новое судостроение
1905—1906	33,3	11,2	11,3	4,9
1908—1909	32,3	7,5	16,6	8,3
1911—1912	44,3	Сведений нет	22,8	Сведений нет
1913—1914	46,3	» »	24,0	» »

Число линейных (спущенных) судов Великобритании и Германии в период с 1905 по 1913 г. было следующее:

Таблица 9

Суда	Великобритания	Германия	Примечание
1905 г.			
Число судов	27	11	Предполагалось построить дредноутов
Тоннаж (в тыс. т)	97,0	38,0	
Лошадиных сил	211,7	157,4	
1912 г.			
Число судов	30	23	
Тоннаж (в тыс. т)	163,8	91,8	
Лошадиных сил	591,9	356,5	
1913 г.			
Число судов	42	19	
Тоннаж (в тыс. т)	185,2	132,2	
Лошадиных сил	1 096,2	327,7	

Год	Великобритания	Германия
1911	4	3
1912	5	2
1913	5	2

Мы видим стремление германского империализма догнать старого морского гегемона Англию в морских вооружениях, т. е. в кратчайшие сроки проделать путь, который Англия осуществляла в течение десятилетий до мировой войны 1914—1918 гг. Но, несмотря на гигантское напряжение, Германия не только не сумела обогнать Англию, но даже поравняться с ней. Перевес по самым решающим показателям оставался на стороне Англии, которая вступила в империалистическую войну, сохранив за собой возможность быть владычицей на морях и океанах. Следующая таблица конкретными цифрами показывает превосходство Англии. Германия занимает в морских силах только второе место (табл. 10).

Таблица 10

Типы судов	Великобритания			Германия		
	1907	1910	1913	1907	1910	1913
Дредноуты и сверхдредноуты	37	50	26	66	35	35	17	37
Линейные суда додредноутного типа	13		40				20	
Крейсера (бронированные)	28	84	123		35	41	9	45
Крейсера (бронепалубные)	54	52					36	
Миноносцы-канонерки	51	135	118		50	47	47	
Эскадренные миноносцы	142	188	228		70	93	152	
Подводные лодки	30	65	85		1	8	26	

Несмотря на непрерывный рост морских сил Германии, Англия продолжала оставаться гегемоном на море. В отношении боевой подготовки великобританский флот до мировой войны вполне заслуженно стоял выше всех существовавших флотов.

В декабре 1912 г. Шлиффен послал Мольтке-младшему набросок плана широкого охвата обоими флангами французской армии, развертывавшейся в полосе своей государственной границы от Седана до Бельфора. Он предлагал увеличить сухопутную армию настолько, чтобы была возможность осуществить главный удар через Бельгию, Люксембург с мощным ударом из Эльзаса и Лотарингии, т. е. осуществить гигантские стратегические «Канны» с французской армией. Как видим, Шлиффен, будучи уже шесть лет в отставке, продолжал игнорировать морскую политику Вильгельма—Тирпитца, которые в феврале 1912 г. составили грандиозную программу строительства морского флота. Черчилль пишет, что морская политика Германии бросила Англию в крепкие объятия Франции; этого не понимали так, как следует, ни Шлиффен, ни Мольтке-младший, этого не понимала и руководящая группа Вильгельма—Тирпитца—Круппа. И прав морской историк Шталь, который пишет: «Дело не в том, что морская политика Тирпитца была плоха, а в том, что у него была своя политика, а у сухопутного германского генерального штаба своя, и каждая из них в своей области была тщательно продумана и энергична. Беда для них была в том, что обе они не были объединены между собою и не были объединены иностранной политикой. Воистину правая рука не знала, что делала левая. Мольтке рассчитывал покончить все дело сам, без помощи флота. Решение спора с Англией откладывалось на вторую очередь. Бетману было поручено усыпить Англию, и он изо всех сил старался уверить ее в своих дружеских чувствах; но «усыпление» Бетмана и «стук молотков» Тирпитца никак не вязались между собою»[1]. После того

[1] А. Шталь, Черчилль — первый лорд адмиралтейства в мировой кризис 1911—1915 гг.

как в середине 1912 г. Германия отвергла морскую строительную формулу Англии «два киля (Англии) против одного (Германии)», а Англия не согласилась на формулу Германии 2 : 3, по словам Грея, наступила для Англии открытая подготовка к войне, с тем чтобы «нанести сильный, чувствительный удар германскому морскому могуществу». В Берлине, особенно в сухопутном генеральном штабе, тогда еще были готовы верить, что Англия не является главным врагом Германии, так как Шлиффен продолжал до последнего момента говорить и писать, что главный враг — это Франция и что наступательные операции нужно будет вести таким образом и рассчитывать так, чтобы война, начавшаяся в июле, «к осеннему листопаду» на западе закончилась, судьба Франции была бы решена, а освободившиеся германские силы направлены (переброшены) против ее союзников — Англии и царской России.

Необходимо здесь же указать, что до мировой войны правительства всех европейских государств, и особенно держав Антанты и Тройственного союза, при каждом удобном и неудобном случае твердили: «Если мы будем хорошо вооружены и сильны на море и на суше, дело мира будет в твердых руках, дело мира будет обеспечено». Именно под этими лозунгами шла бешеная гонка вооружений и с особой силой после гаагских конференций по мирному разрешению международных столкновений. Эти конференции не раз собирались в период 1899—1907 гг. На них были торжественно заключены «великими» и не великими державами письменные декларации о воспрещении «метать бомбы с воздушных шаров и летательных аппаратов, воспрещено употребление снарядов, распространяющих удушливые газы, и применение разрывных пуль». Как известно, эти торжественные конвенции во время мировой империалистической войны были нарушены именно теми «великими» державами, которые первые поставили свою подпись под этими декларациями-конвенциями.

Одновременно с превращением домонополистического капитализма в империализм и с ростом последнего, а также с бурным ростом вооружений в Европе и активной подготовкой буржуазных правительств к империалистической войне, в последние два десятилетия перед августом 1914 г. произошли глубокие изменения в развитии международного рабочего движения.

Раскол рабочего движения на два непримиримых лагеря — революционно-марксистский и буржуазно-ревизионистский, оппортунистический,— стал совершившимся фактом. Чем быстрее рос империализм и чем сильнее углублялись экономические и политические противоречия между основными империалистическими странами мира, тем явственнее происходил процесс превращения мелкобуржуазных партий II Интернационала в буржуазные рабочие партии, процесс превращения оппортунизма в социал-шовинизм, социал-империализм, и тем ярче и резче обозначались разногласия и борьба между основными двумя течениями в международном рабочем движении.

Экономической основой развития международного оппортунизма и превращения его в социал-шовинизм, социал-империализм,

как гениально было вскрыто партией Ленина — Сталина еще задолго до войны, является подкуп буржуазией империалистических стран наиболее квалифицированных и наилучше оплачиваемых слоев рабочего класса, так называемой рабочей аристократии и ее вождей, во всех капиталистических странах за счет сверхприбылей, получаемых от эксплоатации неквалифицированной рабочей силы в метрополии и зверского грабежа трудящихся колониальных и полуколониальных стран.

Одновременно повсюду во всех партиях II Интернационала наметилась отмежевка, выделение революционного марксистского крыла от открыто правого оппортунистического и центристского (каутскианство на Западе, троцкизм в России). Полное завершение этот процесс отделения и очищения революционной партии рабочего класса от оппортунизма и ревизионизма (так называемого легального марксизма, экономизма, меньшевизма и его разновидности — троцкизма) нашел лишь в России в силу ее исторических условий развития, притом задолго до империалистической войны, еще в 1903 г., под руководством гениальных вождей международного пролетариата Ленина и Сталина[1], еще в период назревания буржуазно-демократической революции. В остальных странах мира этот процесс выделения и формирования самостоятельных коммунистических партий затянулся почти вплоть до окончания империалистической войны и пролетарской революции в России. Величайшим препятствием к размежевке революционных элементов от открыто правооппортунистических (Бернштейна, Давида, Герца, Макдональда и др.) в партиях II Интернационала в других странах явился так называемый «ортодоксальный» марксизм, или центризм, в лице каутскианства в Германии и австро-марксизма Адлера и Отто Бауэра в Австрии и др.

Особенно предательской оказалась работа социал-шовинистов в годы непосредственно перед мировой империалистической войной. Ревизионисты, оставаясь в партиях II Интернационала, на словах и в своих напыщенных звонкой фразеологией декларациях постоянно клялись, что с началом империалистической войны они мобилизуют против нее все силы международного пролетариата. Но как только грянула война, вожди II Интернационала превратились в подлинных предателей дела рабочего класса, они превратились в законченных социал-шовинистов, перешли на сторону «своих» буржуазных правительств, голосовали за военные кредиты на империалистическую бойню, стали вводить «социалистов» в буржуазные правительства войны, целиком и полностью служа захватническим целям и стремлениям господствующих буржуазно-капиталистических классов. Последовательную и непримиримую борьбу с этими социал-предателями интересов пролетариата и трудящихся как перед мировой войной, так и во время войны вела л и ш ь о д н а большевистская партия во главе с Лениным и Сталиным.

---

[1] См. фактический материал в работе Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», Партиздат, 1935.

Ленин и Сталин жестоко разоблачали политику международного меньшевизма и его участие в организации империалистической войны в интересах капиталистической буржуазии и особенно упорную борьбу вел против главного вождя и теоретика II Интернационала социал-интервента К. Каутского.

В своей работе «Крах II Интернационала» Ленин писал: «...Каутский проявил себя первоклассным лицемером и виртуозом в деле проституирования марксизма. В миллионной немецкой партии не осталось сколько-нибудь честных и сознательных и революционных социал-демократов, которые бы не отворачивались с негодованием от такого «авторитета», пылко защищаемого Зюдекумами и Шейдеманами» [1]. В другом месте Ленин подчеркивал, что «Величайшее в мире освободительное движение угнетенного класса, самого революционного в истории класса, невозможно без революционной теории. Ее нельзя выдумать, она вырастает из совокупности революционного опыта и революционной мысли всех стран света. И такая теория выросла со 2-й половины XIX века. Она называется марксизмом. Нельзя быть социалистом, нельзя быть революционным социал-демократом, не участвуя по мере сил в разработке и применении этой теории, а в наши дни в беспощадной борьбе против уродования ее Плехановым, Каутским и К°» [2].

«Не менее опасными для дела пролетариата были скрытые социал-шовинисты, так называемые центристы. Центристы — Каутский, Троцкий, Мартов и другие оправдывали и защищали открытых социал-шовинистов, стало быть, изменяли пролетариату вместе с социал-шовинистами, прикрывая свою измену «левыми» фразами о борьбе с войной, рассчитанными на обман рабочего класса... Центрист Троцкий по всем важнейшим вопросам войны и социализма стоял против Ленина, против большевистской партии» [3]. Ленин пророчески указывал уже в 1914 г., что с началом перерастания империалистической войны в гражданскую социал-шовинисты, социал-патриоты, меньшевики-троцкисты первыми встанут на защиту буржуазного строя и направят свои удары вместе с буржуазией против пролетарской революции. Эти предсказания Ленина оправдались полностью. Социал-предатели II Интернационала в августе 1914 г., предварительно звонкими фразами усыпив бдительность пролетариата, первыми бросили рабочий класс в объятия империалистической войны; они же всемерно начали помогать буржуазии, когда революционный пролетариат превратил империалистическую войну в войну гражданскую.

Таким образом, вожди II Интернационала явились активными сообщниками и помощниками капиталистов в развязывании империалистической войны 1914—1918 гг., а во время войны — образцовыми исполнителями воли генеральных штабов воюющих империалистических стран.

Прежде чем перейти к анализу стратегического развертывания на бельгийско-французской границе в августе 1914 г., нам хоте-

[1] Ленин, т. XVIII, стр. 279.
[2] Там же, стр. 286—287.
[3] «История ВКП(б)», стр. 159.

лось бы подвести итоги тому военно-теоретическому наследству, которое получили деятели генеральных штабов европейских армий перед мировой войной.

Глава VI

ОПЕРАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ МОЛЬТКЕ-СТАРШЕГО И ШЛИФФЕНА

Ленин и Сталин не раз с особой силой подчеркивали, что марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение, как идеология революционного пролетариата, тем, что он, марксизм, отнюдь не отбросил ценнейшие завоевания буржуазной эпохи. Ленин и Сталин учат нас не отбрасывать ничего того, что есть ценного у буржуазной культуры и ее представителей — политиков, ученых, теоретиков, а напротив, правильно усваивать это ценное, перерабатывать его, с тем чтобы человеческая мысль и культура, созданная до периода диктатуры пролетариата и в ее эпоху, с помощью марксистской идеологии переработанная по-новому, всемерно работали бы на дело диктатуры пролетариата. Ленин говорил, что для того, чтобы победить, надо понять всю глубочайшую историю старого буржуазного мира. В другом месте он подчеркивал, что: «Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества...», так как «коммунистом» «стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»[1], «чтобы не было верхоглядства, чтобы знали факты, чтобы учились сравнивать старую науку и новую...»[2].

Следуя указаниям гениального учителя рабочего класса, мы не отбрасываем ряд теоретических высказываний по вопросам военного искусства, которые имеются у представителей буржуазии, как-то Клаузевиц, а затем Мольтке-старший, Шлиффен, Конрад, Людендорф, Фош и др. Все ценное по вопросам организации приемов и способов управления войсками мы будем критически перерабатывать с помощью марксистско-ленинской методологии, с тем чтобы лучше, искуснее, прочнее обеспечить победу восходящему рабочему классу, верному и последовательному могильщику буржуазии.

Маркс и Энгельс, беспощадно бичуя в своих трудах бездарность, тупость, неумелость тех или других политических и военных деятелей буржуазии, пробравшихся на высокие руководящие посты, всегда с должным вниманием изучали и выделяли наиболее умных и даровитых представителей из враждебного нам буржуазного лагеря. Они указывали, что пролетариат не должен бояться

---

[1] Ленин, т. XXX, стр. 406 и 407.
[2] Ленин, т. XXIX, стр. 442.

брать наиболее совершенные методы военного руководства и управления у своего более опытного классового врага, чтобы затем, научившись, быстро и хорошо с ним расправиться. Маркс и Энгельс говорили, что хорошо и всесторонне изученный противник уже наполовину бит. И они, как и Ленин и Сталин, постоянно призывают тщательно изучать своих классовых врагов и, не кичась, умно, критически, брать от них все полезное для дела рабочей диктатуры.

Энгельс в своих трудах высоко расценивал военные способности и искусство руководить войсками Фридриха, Наполеона и Мольтке-старшего, не раз напоминая о том, что на их опыте есть чему поучиться. И, подчеркивая, что действительные таланты у полководца проявляются именно в том, как он умеет применить изобретенную новую военную технику и нового бойца на практике военных операций, Энгельс говорил:

«Каждый великий полководец, создавший новую эпоху в военной истории применением новых комбинаций, является либо изобретателем новых материальных сил, либо первый находит правильный способ применения новых сил, изобретенных до него. В промежутке времени между Тюренном и старым Фрицем (Фридрих II.— *Вл. М.)* произошла революция в пехотном деле, вызванная заменой пики штыком и фитильного запала кремневым замком; заслуга Фридриха в военном искусстве заключалась лишь в том, что он в пределах тогдашних военных методов впервые пересоздал и усовершенствовал старую тактику, применительно к новым видам оружия. Подобно этому бессмертная заслуга Наполеона заключается в том, что он нашел единственно правильное тактическое и стратегическое применение колоссальных вооруженных масс, появление которых было возможно лишь благодаря революции; к тому же эту стратегию и тактику он довел до такой степени совершенства, что современные генералы (Энгельс это писал в 1851 г.— *Вл. М.*), в общем и целом, отнюдь не в состоянии превзойти его, а лишь пытаются подражать ему в своих самых блестящих и удачных операциях» [1].

В своих военных работах Энгельс всегда придавал огромное значение изобретению нового огнестрельного оружия и новой военной технике истребления. Он говорил, что новая техника, появляющаяся в результате экономического прогресса, в результате нового развития производительных сил, революционизирующим образом влияет на методы и способы ведения войны. Он говорил, что новая техника настоятельно требует нового типа труда, новых работников с новой, более высокой, чем прежде, культурой, и что это положение относится не только к области промышленности и земледелия, но целиком и к военному делу. «...Колоссальные нововведения Наполеона в военной науке,— говорил Энгельс,— не могут быть преодолены посредством чуда; новая военная наука будет в такой же мере необходимым продуктом новых общественных отношений, в какой методы, созданные революцией и Наполео-

[1] Маркс и Энгельс, т. VIII, стр. 464.

ном, явились неизбежным результатом тех новых отношений, которые даны были революцией. И точно так же, как пролетарская революция в промышленности будет заключаться отнюдь не в упразднении паровых машин, а в увеличении их числа, — и в военном деле задача состоит не в уменьшении массовости армий и их подвижности, а, наоборот, в поднятии и того, и другого на высшую ступень» [1].

Появление постоянных армий, расширение сети железных дорог (по сравнению, скажем, с последней войной 1866 г.); более широкое применение телеграфа и телефона; появление скорострельной, дальнобойной, полевой артиллерии (нарезные пушки заводов Круппа, заряжавшиеся с казны, с дальностью в 3,5 км); изобретение нового французского ружья Шаспо с дальностью огня в 1 200—1 500 шагов (в прусской армии в основном оставалось ружье Дрейзе с дальностью до 500 шагов и модернизированное ружье, которое получили прусские егеря, с дальностью до 1 000 шагов); новые формы и методы комплектования армии, новые способы стратегического сосредоточения больших войсковых масс, вооружения и грузов посредством железных дорог и т. д. — все это, естественно, заставляло изыскивать новые методы в управлении войсками как на театре войны, так и на поле боя [2].

Все это, не в пример французскому главному командованию во главе с Наполеоном III, очень хорошо учел прусский генеральный штаб, руководимый Мольтке-старшим.

Последний с исключительной тщательностью долгие годы работал над проблемой стратегического развертывания современных ему армий и над вопросами операций в начальный период войны. Сохранились десятки оперативно-стратегических вариантов, которые были разработаны под руководством Мольтке-старшего в четырехлетний период п е р е д войной 1870 г.

В этом отношении методы работы Мольтке-старшего по планам стратегического развертывания армий, к слову сказать, широко опубликованные в печати, не потеряли своего интереса и поучительности и до настоящего времени.

Конечно, в научно-теоретических работах Мольтке и Шлиффена, этих военных идеологов буржуазии, есть очень много идеалистической шелухи, устаревшего хлама и пр., но наряду с этим есть то, что сохранило свою ценность и для наших дней. Здесь мы остановимся на деятельности Мольтке-старшего и Шлиффена; не уяснив себе сущность учения этих двух начальников генеральных штабов, фактических руководителей германской армии, нельзя правильно понять сущность тех противоречий, которыми изобилует их научно-теоретическая и практическая работа.

---

[1] М а р к с и Э н г е л ь с, т. VIII, стр. 461.

[2] Например, совершенно ясно, при скорострельном и дальнобойном оружии тактика густых построений времен Наполеона для 1870 г., кроме лишних потерь, дать уже ничего не могла; новое оружие требовало замены батальонных и ротных компактных колонн стрелковой цепью. Это так же понятно, как то обстоятельство, что более дальнобойное оружие заставляло противника в 1870 г. развертываться на более дальних дистанциях, чем во времена Наполеона.

Мольтке и Шлиффен как бы сконденсированно выражали чаяния и стремления своего класса, милитаристической германской буржуазии периода второй половины XIX и начала XX столетий.

За свою долгую жизнь (Мольтке прожил до 91 года, Шлиффен до 80 лет) они запаслись огромной долей знаний, тщательно изучив все лучшее в военном искусстве, существовавшее до них и во время их жизни.

Если Мольтке работал над дальнейшим развитием наполеоновского искусства ведения войны и вождения войск, будучи сам активным участником-организатором ряда войн-кампаний (1859, 1866 и 1870 гг.), то Шлиффен явился наиболее последовательным продолжателем его дела. Каждый из них по-своему внес целый ряд новых данных и положений в основные вопросы стратегических решений, в вопросы управления войсками, их организации, обучения и воспитания.

Каждый активно участвовал в политической жизни германской буржуазии, которая, как мы видели выше, уже при них вышла на мировую арену соревнования капиталистических союзов и коалиций и вела, в подлинном смысле слова, активную мировую империалистическую политику.

В ряде военно-научных исследований мы находим утверждения, что, в отличие от своего учителя Клаузевица, Мольтке-старший и Шлиффен считали вмешательство политики в дела военной стратегии вредным и были против этого вмешательства. Пишущие это, как правило, исходят из следующих фраз Мольтке-старшего, записанных в его «Военных поучениях».

«Война,— по словам ген. Клаузевица,— продолжение политики другими средствами. Итак, политика, к сожалению, не отделима от стратегии: политика пользуется войной для достижения своих целей и имеет решающее влияние на ее начало и конец, причем она оставляет за собою право во все время войны повысить свои требования или довольствоваться меньшим успехом».

Таков первый основной тезис Мольтке-старшего о взаимодействии политики и стратегии. Как видим, содержание этого тезиса гуттаперчевое, эклектичное, с основной мыслью найти примат в пользу военной стратегии: политика располагает своими решающими прерогативами в начале (иными словами, в подготовительный период до войны) и в конце (т. е. тогда, когда военные операции окончены и вступают в силу вопросы перемирия и выработки условий мирного договора). Из этого следует, что в середине, т. е. как раз в период военных действий, решающее значение принадлежит только военно-стратегическим решениям, стратегическому военно-техническому руководству. Но и в этой середине (период ведения операций) политике предоставляется все же право вмешиваться в ход военных операций и повышать даже свои требования в зависимости от обстановки.

Хотя этот тезис Мольтке-старшего и невелик по объему, но он всегда привлекал к себе самое горячее внимание со стороны

старого буржуазного генералитета, да и сейчас он является основной заповедью всех буржуазных армий. И действительно, надо обладать незаурядным талантом, чтобы вложить столько путаницы в столь небольшое количество слов.

Марксистско-ленинское учение о войне и в части вопроса о взаимодействии политики и стратегии говорит и просто и ясно — так, как действительно бывало, бывает и будет в жизни, а именно: война есть насквозь политика, между политикой и стратегией постоянно существует полное взаимопроникновение и взаимосвязь на всех этапах борьбы и операций.

Так было во все периоды войн, включая и те, которые вел сам Мольтке-старший.

Но за первым тезисом следует второй, как развитие и уточнение первого. Мольтке пишет: «Ввиду такой неопределенности (т. е. что решающее право у политики все же остается только в период начала и конца войны. — *Вл. М.*) стратегия может стремиться лишь к высшей цели, которой можно достигнуть предоставленными ей средствами. Таким образом, стратегия будет способствовать успеху политики, имея в виду ее цель, но оставаясь, по возможности, независимой, в отношении военном, в своих действиях. Политика не должна вмешиваться в операции... Как политика воспользуется победами или поражениями, полководца это не касается — это исключительно ее дело». Иными словами, данному полководцу политик может сказать: «Мавр, ты сделал свое дело, теперь можешь убираться, ты должен быть более чем удовлетворен, потому что тебе ведь не мешали, когда ты делал свое дело». Замечательная наивность, так как автор не только не верит сам тому, что пишет, но убежден в том, что так ведь в действительной жизни никогда не бывает! И сам Мольтке в оправдание того, что он никогда не был подобным «полководцем-мавром», мог бы привести десятки и сотни случаев того, как он вел самую активную политическую и военную деятельность именно в период операций на театре военных действий; как он очень много спорил, дебатировал с «политиками», а последние с ним перед войной, в начале войны, в середине ее и в конце; как часто он изумлялся политическому чутью Бисмарка в самый разгар военных операций; как много Бисмарк ему помогал и как Мольтке подчас был доволен, что имеет Бисмарка, с помощью которого военные операции развиваются так целесообразно и продуктивно.

Существование триумвирата Бисмарк — Мольтке — Роон никогда не было бельмом на глазу мольтковской стратегии, будет правильнее сказать, что лишь благодаря в основном слаженной работе этого триумвирата мольтковская стратегия смотрела и зорче и дальше, чем то было в стане ее разнообразных противников.

Вот почему делать только по тезисам мольтковских «Военных поучений» окончательное заключение о том, как он разрешал вопрос о взаимодействии политики и стратегии, будет еще неполным

и недостаточным; надо исходить не только из этих фраз, а главным образом из анализа характера той действительной активной политической и военной деятельности, которую вел Мольтке-старший.

Только такой объективный подход может дать материал для правильного уяснения этого вопроса. И в период политики Бисмарка и после него, наряду с большой военно-стратегической работой, Мольтке всегда очень активно занимался политической деятельностью. Все его многочисленные оперативно-стратегические варианты по планам войны всегда в основном исходили из глубокого политического анализа той обстановки, которая складывалась в Европе к моменту составления им того или иного оперативно-стратегического варианта.

Если Бисмарк, с которым Мольтке пришлось больше всего совместно работать и в период мира (т. е. в период очередной подготовки к войне) и в период войн, являлся политическим вождём буржуазно-дворянского, юнкерского класса, то таковым же был и стратег Мольтке.

А все это Бисмарку (несмотря на мимолетные разногласия с Мольтке) удалось в первую очередь проделать с помощью германских вооруженных сил, организаторами и руководителями которых были и Мольтке-старший и Бисмарк.

Как увидим ниже, начальники генеральных штабов: и австро-венгерского Конрад, и царского ген. Сухомлинов, и германского Мольтке-младший и Людендорф, и французского Жоффр и Фош — все они склоняли и спрягали модную, но насквозь фарисейскую фразу: «армия вне политики», и все они одновременно с этим, как и Мольтке-старший и Шлиффен, в практической жизни вели самую энергичную политическую деятельность и не могли не вести ее, хотя бы исходя из самой сущности их работы.

Примеров сколько угодно, хотя бы возьмем Конрада: он вел самую ожесточенную, непрерывную и долгую политическую борьбу с министром иностранных дел, могущественным некоронованным королем Австро-венгерской монархии — Эренталем. И только смерть последнего закончила этот этап в политической деятельности Конрада, которая продолжалась, но уже с заместителем Эренталя — Бертхольдом. Но когда спрашивали Конрада, как он расценивает смысл этой борьбы, он всегда спокойно отвечал: «Я солдат, и моя стратегия и армия, руководителем которых я являюсь, всегда были и есть вне политики». Отвечая так, он думал: если поверят, тем лучше для моей политической борьбы, так как умно обмануть противника — значит иметь лишний шанс в победе. Точно так же отвечали и думали начальники генеральных штабов буржуазных армий Европы.

Иначе говоря, на словах было одно, на деле совершенно другое, судить же надо по делам, а не только по теоретическим словоизлияниям. Можно ли составить вариант того или иного плана войны, будучи полным невеж-

дой в политических вопросах? Нет, нельзя, так как план войны и его оперативно-стратегические варианты есть насквозь политика, а стратегическое развертывание армий есть проблема прежде всего политическая, ибо без политической цели не может быть произведено никакого развертывания вооруженных сил. Этого не могли не понимать Мольтке-старший, Шлиффен, Конрад, Сухомлинов и др.; они хорошо знали английскую пословицу, что «пробовать пудинг— значит его кушать».

Таким образом, основной смысл вопроса вовсе не в том, что они недоучитывали значения политики и ее взаимодействия с военной стратегией или что они хотели бы даже отбросить политику с пути своих стратегических решений. Этого, повторяем, при всем их желании они сделать фактически не смогли бы, так как без политического анализа они не сумели бы ни составить плана войны и стратегического развертывания армий, ни, тем более, вести этими армиями военные операции. Вопрос же заключается в том, насколько была всесторонней и целесообразной данная политика и какого она была качества для данного оперативно-стратегического решения. Вот в чем соль. А это качество в истории каждого генерального штаба и его руководителя, конечно, было неодинаково. Это подтверждается основанным на фактах опыта войн положением, что плохая по качеству, но упорная в своих стремлениях, политика не может принести необходимой пользы для военной стратегии и, наоборот, плохая и неорганизованная стратегия и армия, ею руководимая, постоянно мешают осуществлению тех основных и важнейших целей, которые ставятся данной политикой.

Взаимосвязь и взаимопроникновение политики и военной стратегии настолько очевидны и реальны, что не было в истории ни одного действительно крупного военного деятеля, который бы этой теснейшей связи не понимал. Большинство крупных полководцев в истории буржуазии стремились не столько порвать эту связь, сколько через пропаганду примата военной стратегии над политикой сосредоточить и политику и стратегию полностью в своих руках. Особенно наглядно это видно из анализа совместной политико-стратегической деятельности Мольтке-старшего с Бисмарком, Шлиффена с Вильгельмом II, Конрада с Эренталем, Жоффра с Мильераном, Фоша с Клемансо. Но это редко кому из них удавалось, так как для этого надо было быть и крупным политическим деятелем и одновременно не менее крупным и всесторонним военным специалистом-практиком. Таких полноценных полководцев, которые сосредоточивали бы в своих руках целиком политику и военную стратегию, вся военная история, история рабовладельческой, феодально-дворянской и буржуазно-капиталистической культуры насчитывает буквально единицами (например, Александр, Цезарь, Наполеон и др.). Да и то они

были далеко не полноценными до конца своей политической и военной деятельности. Эпоха пролетарской диктатуры разрешила целиком и полностью этот вопрос, дав в лице гениальных Ленина, Сталина и их верных учеников Фрунзе, Ворошилова великих полководцев рабочего класса и его Красной Армии.

Борьба за господство примата военной стратегии над политикой, особенно во время процесса военных операций, очень часто имела тот смысл, что военные стратеги и особенно операторы-тактики буржуазии пытались твердить, что политические руководители, как правило, или ровно ничего, или очень мало понимают в специфических вопросах военно-технического руководства войсками на войне. А поэтому их активное вмешательство будет лишь вредить развитию хода военных действий. Вот почему Мольтке-старший, а за ним подавляющее большинство буржуазного генералитета и военных теоретиков ревниво оберегали выдвинутое ими положение: «Политика не должна вмешиваться в операцию и тактику». Бернгарди, Гольц, Фош, Шлихтинг, Михневич, Леер и др. в своих трудах целиком стоят на этой точке зрения и поддерживают ее.

Конечно, если подойти к этому вопросу односторонне, то Бисмарк, Ллойд-Джордж, Мильеран, Клемансо, Миссими и другие политические деятели буржуазии, возможно, и не могли лично организовать технику прорыва на участках корпус — дивизия или командовать полком, батальоном на поле боя, но разве этим можно опровергнуть сущность положения, что политика пронизывает все дело войны сверху донизу?

Вопрос о качественной стороне вмешательства политики в ход боевых операций ни на иоту не опровергает сущности и неизбежности взаимозависимости, взаимосвязи и взаимопроникновения политики и стратегии, а отсюда — той же связи с оперативно-тактическим руководством. Этот вопрос лишь ставит во весь рост необходимость того, чтобы это вмешательство было организовано разумно, целесообразно, целеустремленно и высококачественно.

22 года истории Красной Армии есть наилучший конкретный пример, подтверждающий вышесказанное. Но буржуазно-капиталистическим армиям и их руководству добиться качественных показателей, подобных Красной Армии, не удастся, так как основная масса трудящихся, составляющая ядро капиталистических армий, классово-враждебна этому руководству. Заменить же в современных многомиллионных армиях массу трудящихся только кучкой классово-отобранных малых армий, вооруженных военной техникой, — проблема более чем утопическая.

Мольтке-старший и Шлиффен не только являлись руководителями вооруженных сил германской армии, они были ее военно-теоретическими вождями. Свои научно-теоретические положения они проводили в толщу армии, главным образом через созданный ими многочисленный офицерский корпус генерального штаба, который воспитывался и обучался в соответствующем духе. Их выступления в стенах германской военной академии и в печати

(уставы, наставления, инструкции, теоретические статьи и пр.) постепенно создали новую систему учения о современной войне. И тот и другой были прекрасно осведомлены о многообразном опыте войн, которые велись до них, и о тех военных теориях, которые существовали в большинстве крупных армий Европы. Для того и другого Франция и Россия являлись основными и главными противниками; тщательному изучению этих государств они и уделяли наибольшее внимание.

Мольтке-старший учился в Берлинской военной академии тогда, когда начальником ее был знаменитый профессор стратегии и военной истории, философ войны — идеалист Клаузевиц. Свидетель наполеоновской эпохи, Клаузевиц, будучи начальником академии в продолжение 12 лет, конечно, не только вел административную работу в прусской академии, но и проводил беседы со своими слушателями по военной истории и стратегии. Он внушал питомцам академии, что без анализа опыта войн создать учение по стратегии и тактике невозможно. Он приводил в пример свой научный опыт, говоря, что ему никогда бы не удалось составить свои лекции о войне, если бы его память не была обогащена историческим знанием кампаний Фридриха, Наполеона, войн буржуазной французской революции и пр. [1].

Эти слова глубоко запали в мысли молодого Мольтке, и в дальнейшей своей большой работе по созданию германских вооруженных сил он всегда твердо помнил этот совет своего знаменитого учителя. Биографии Мольтке-старшего и Шлиффена представляют собой поучительный документ, говорящий об исключительном трудолюбии и гигантской работоспособности этих военачальников германской буржуазии. И тот и другой очень часто любили повторять известный наполеоновский афоризм, что «упорным и постоянным трудом можно достигнуть того же, что и гением». В основу своей работы они клали мысль, что «лучшее поучение на будущее время мы должны извлекать из личного опыта, но так как этот опыт крайне ограничен, то мы должны с особенным вниманием и чуткостью воспользоваться опытом других». Шлиффен очень часто повторял свою любимую фразу: «Viel leisten, wenig hervortreten, mehr sein als scheinen» — «Больше делать, меньше выдаваться, быть большим, чем казаться». Быть бо́льшим, чем казаться — такова была линия поведения в жизни Мольтке-старшего и Шлиффена, которые с особенной твердостью требовали ее проведения от лиц, составлявших офицерский корпус германского генерального штаба. Они беспощадно изгоняли из рядов армии всех шумливых и карьеристически настроенных лиц, требуя от офицера генерального штаба больших конкретных знаний и совершенного умения владеть суммой тех элементов, которые составляли тот или иной участок работы, порученной данному офицеру. Мольтке первый ввел в германскую армию в большом объеме военные игры на картах и в поле как обязательную систему в обучении командного состава. Это

[1] Сочинения Клаузевица изданы в 10 томах, из которых 6 томов посвящены анализу войн XVII и XVIII столетий и четыре тома (последних) составляют его учение «О войне».

полезное нововведение его ученик Шлиффен углубил, продолжил и сделал в армии повседневным. Техника проведения военных игр была доведена до большого искусства, эти игры, как правило, всегда были целеустремленны и насыщены поучительным творческим содержанием и замыслом. Каждая организованная военная игра и полевое учение с войсками под руководством Мольтке и Шлиффена являлись подлинным экзаменом для командного состава. В германской армии был весьма популярен знаменитый «синий конверт» (отставка), который вручался вскоре после проведения данного учения тому или другому не подготовленному к вождению войск участнику мольтковско-шлиффеновских генеральных поверок конкретных знаний старшего и высшего командного состава. Исходя из положения, что великие полководцы рождаются и формируются неизмеримо реже, чем возникают войны, Мольтке и Шлиффен стремились к созданию как можно большего количества опытных, знающих, культурных кадров начальствующего состава, конкретно и в совершенстве владеющих той областью и отраслью работы, которая им поручается.

Особенное внимание они обращали на создание многочисленного кадра штабных работников. Они воспитывали каждодневно эти кадры, с тем чтобы выработать из них не только квалифицированнейших знатоков и помощников командованию, но и чутких, дисциплинированных исполнителей воли полководца. Коллективный метод в работе не отвергался ни Мольтке, ни Шлиффеном; и тот и другой держались следующего правила, выведенного ими из тщательного многообразного опыта войн Александра, Цезаря, Фридриха, Суворова, Наполеона и их противников.

Мольтке писал:

«Только великие полководцы не нуждаются в советах. Они сами изучают вопросы и сами их разрешают, окружающим их остается лишь исполнение. Но это — звезды первой величины, появляющиеся раз в столетие. Что же касается огромной массы начальников, то они редко могут обойтись без совета. Возможно, что этот совет будет результатом совещания немногих лиц, способности и опытность которых позволяют им здраво оценить обстановку, но необходимо, чтобы в этом ограниченном числе лиц восторжествовало о д н о чье-либо мнение. Принципиально иерархическая военная организация должна обеспечивать подчинение даже мысли и достигать того, чтобы тот, кто имеет право, предлагал критическому рассмотрению главнокомандующего о д н о т о л ь к о м н е н и е. Это лицо должно быть назначаемо не в силу одного только старшинства в чине, но в силу внушаемого к себе доверия. Конечно, не всегда один этот совет будет наилучшим, тем не менее он даст хорошие результаты, если будет проведен с должной энергией и твердостью.

На д о л ю г л а в н о к о м а н д у ю щ е г о в с е г д а в ы п а д а е т в е л и ч а й ш а я з а с л у г а, в ы с л у ш а в с в о е г о с о в е т ч и к а, п р и н я т ь н а с е б я о т в е т с т в е н н о с т ь з а р е ш е н и е и з а п р о в е д е н и е е г о в ж и з н ь».

В своих военных поучениях Мольтке и Шлиффен этот тезис, особенно его основной вывод, заключающийся в последней, подчеркнутой нами фразе, подтвердили целым рядом конкретных исторических примеров. К слову сказать, исходя из правила, что наши знания получаются опытным путем и вытекают из критики этого опыта, Мольтке и Шлиффен свои военные поучения богато оснастили военно-историческими примерами, которые в этих трудах являются как бы центром тяжести всего их содержания. Мольтке любил повторять своим офицерам генерального штаба мысль, выведенную им из опыта предшествующих полководцев и своего собственного:

«Ясно, как на ладони, — говорил он, — что для достижения победы еще недостаточно одних теоретических знаний; для свободного действия на практике, для творчества в искусстве управления открывается простор для энергии лишь тогда, когда и характер вышколен военной подготовкой и опытом, будь последний почерпнут из военной истории или из самой жизни. Репутацию полководца прежде всего, конечно, устанавливает успех. Но какую роль в нем играют его действительные заслуги — определить необычайно трудно. Перед непреодолимой силой обстоятельств сгибаются даже лучшие люди, и столь же часто обстоятельства возносят и посредственность. Но продолжительное счастье выпадает преимущественно людям усердного труда».

И далее:

«Стратегия—это система подпорок. Стратегия—это больше чем наука: это перенос знания в практическую жизнь, дальнейшее развитие первоначальной руководящей мысли в соответствии с постоянно меняющимися обстоятельствами; стратегия — это искусство действия под гнетом труднейших условий».

В своих многочисленных политико-стратегических вариантах по планам войны, которые Мольтке разрабатывал против Дании, Австрии, Франции и России, он красной нитью проводит мысль, что, по сравнению с наполеоновской эпохой, политико-экономическая обстановка резко изменилась, а отсюда должны были, естественно, измениться и оперативно-стратегические решения. Новое огнестрельное оружие, новая техника связи, новая система комплектования армий и пр., все более развивающаяся система железнодорожного транспорта — все это, как многое другое, создавало совершенно новые условия и методы для подготовки к войне, для стратегического сосредоточения и развертывания значительно увеличившихся численно армий. Он твердо требовал от своих офицеров генерального штаба самого тщательного изучения и знания не только вопросов тактики, вооружения, снабжения армий вероятных противников, но также политико-экономических и промышленно-технических условий, оказывающих решающее влияние на ведение войны и руководство армией, которая в своей боевой численности переросла при Мольтке полмиллиона, а при Шлиффене стала многомиллионной.

С исключительным вниманием Мольтке относился к новому могущественному фактору — железнодорожному транспорту. Он понял лучше кого-либо, что от пунктуальной работы железных дорог будет зависеть успешность мобилизации и стратегическое сосредоточение войск. С особой радостью констатировал он перед войной 1866 и 1870 гг. наблюдавшееся им беспечное отношение австрийцев и французов к железнодорожному строительству. Мольтке твердо потребовал, чтобы германское правительство, в противовес австрийскому и французскому, выкупило все железные дороги у частных коммерческих компаний, говоря, что этим самым обеспечивается половина будущей победы на полях сражений. Все проекты новых построек железнодорожных линий Мольтке сосредоточил в своих руках, и под его непосредственным контролем шло новое железнодорожное строительство Германии. В этом отношении диктатура германского генерального штаба была наиболее беспощадной.

Из года в год, в продолжение целых 30 лет, Мольтке создавал корпус офицеров генерального штаба, формируя из них корпорацию квалифицированных, преимущественно штабных, командиров. Он говорил, что германские генштабисты—не только глаза и уши начальника генерального штаба, но они также и его наиболее доверенные командиры, через которых германская армия усваивает новые взгляды на ведение войны, усваивает ту новую систему обучения, которая была основана на опыте только что прошедших и уже изученных войн [1], и те изменения в военном деле, которые последовали с момента окончания последней войны.

Разработка планов войны и анализ подготовительного к войне периода в работах Мольтке занимали доминирующее положение. Он старательно внушал своим офицерам генерального штаба, что первое сражение есть подлинный экзамен для армии и ее командного состава, экзамен для всех оперативно-стратегических расчетов и соображений мирного времени. Если этот экзамен неудачен, то с ним проваливаются все заранее заготовленные соображения, а также дискредитируется в первую очередь высшее командование армии. Поражение германской армии на Марне в 1914 г. подтверждает мысль Мольтке.

Многочисленные оперативно-стратегические варианты планов войны, ныне изданные германским генеральным штабом [2], воочию убеждают каждого с ним ознакомившегося в тщательности анализа политической и стратегической обстановки и положения своего и противников и в точности расчетов по сосредоточению сил и средств намеченных армий для движения их к границам, после которого они должны приступить через пограничное сражение

---

[1] Ни одна европейская армия не сумела так быстро воспользоваться опытом войн 1859, 1866, 1870 гг., как германская. Под непосредственным руководством самого Мольтке уже спустя год-два после окончания каждой из этих войн офицеры генерального штаба получили обстоятельные военно-исторические исследования, многие главы которых были написаны лично Мольтке, а большинство этих трудов было тщательно им проредактировано.

[2] См. Graf Moltke, Die deutschen Aufmarschpläne, 1871—1890.

к осуществлению марш-маневра. Максимальная ясность и простота оперативно-стратегического замысла и твердая постановка цели кампании (например, захват Парижа) являлись непреложным законом для мольтковских вариантов. Но Мольтке в них никогда не стремится к разработке всех деталей для слишком дальних оперативно-стратегических целей. То, что его в первую очередь интересует и к чему он всемерно готовится — это первое большое сражение с противником, которое должно будет разыграться в пределах полосы государственной границы с основной и главной задачей разгрома живой силы врага.

Все его известные формулировки, как-то: «итти врозь, а драться вместе», «гнусная крайность сосредоточения», «одна ошибка, допущенная в первоначальном сосредоточении армии, едва ли может быть исправлена в течение всей кампании», — целиком и полностью исходили из факта появления нового огнестрельного оружия, технических средств борьбы, изменившихся по сравнению с достаточно примитивным состоянием военной техники в предшествующую ему эпоху наполеоновских войн, из появления нового бойца, новых средств для передвижения и сосредоточения в виде железнодорожного транспорта.

Никогда Мольтке не разрабатывал свои оперативно-стратегические варианты на слишком далекие цели, он всегда учитывал, что не успеют армии подойти к границам, как они встретят волю и контрнамерения, контрмероприятия противника. Хорошо организованная и превосходная в силах и средствах по отношению к противнику армия может небезуспешно сразу же сломить эту волю и захватить инициативу действий в свои руки, а поэтому «ни один оперативный план не может хотя бы с некоторой достоверностью простираться за пределы первого столкновения с главными силами противника». Он жестоко высмеивал методы руководства австрийского гофкригсрата и говорил, что австрийская армия своими поражениями в первую очередь обязана именно этому схоластическому учреждению, которое стремилось все и вся предусмотреть и предвидеть, сковывая по рукам и ногам своих частных начальников.

«Только профан может полагать, что ход кампании представляет логическое осуществление заранее очерченной, детально проработанной и до конца удерживаемой первоначальной идеи», — говорил Мольтке-старший.

Разгром живой силы противника и захват его главного жизненного, торгово-промышленного и культурного центра, — иными словами, столицы, — как известно, были основной и конечной целью во всех больших кампаниях, которые вел Наполеон I. Мольтке считал, что такой способ ведения войны и стратегические поучения в основном не устарели и для его времени. В 1870 г., разгромив французскую армию под Седаном и Мецем, покончив с ее живой силой, как известно, он устремляется к Парижу.

Движение на Париж Мольтке-старшим было организовано со всей тщательностью и предусмотрительностью. Эта всесторонняя организация мероприятий вызвала у известного французского военного писателя ген. Луи-Леваля следующее замечание: «Было бы излишне признавать всю эту работу проявлением гения, но нельзя не согласиться, что подобное обращение войны в простое мастерство и столь глубокая предусмотрительность сильно приближаются к гениальности». Как видим, Леваль играет словом «гениальность», забывая упомянуть более существенную «мелочь». Она заключается в том, что Мольтке не мог не быть архиосторожным и архипредусмотрительным, двигаясь к Парижу, который был накануне восстания парижских коммунаров. И не надо забывать простой вещи, что Бисмарк и Мольтке со своей стороны помогли версальскому правительству Тьера — Галифе, именовавшему себя правительством «порядка и частной собственности», задушить Парижскую коммуну. И это вполне понятно и иначе быть не могло, так как в классовом отношении Парижская коммуна и ее политические цели и стремления были «исчадием ада» не только для Тьера и Галифе, но и для Бисмарка и Мольтке. Все это прекрасно показано в трудах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Когда Ленин после анализа политической деятельности буржуазии и ее наиболее крупных политиков делал вывод, что «...политика больше похожа на алгебру, чем на арифметику, и еще больше на высшую математику, чем на низшую. ...Политика есть наука и искусство, которое с неба не сваливается, даром не дается, и что пролетариат, если он хочет победить буржуазию, должен выработать себе своих, пролетарских, «классовых политиков», и таких, чтобы они были не хуже политиков буржуазных» [1],— то этот вывод целиком и полностью относился и к военной стратегии, к военным стратегам-операторам.

В своих многочисленных вариантах плана войны после 1870 г. Мольтке полагал, что в организации главного удара против Франции Париж должен быть одним из основных объектов для наступающей армии (вариант 1878 г.), но считал необходимым здесь же предупредить, что одним махом достигнуть этой цели не удастся. Как бы ни были благоприятны условия стратегического сосредоточения и развертывания армий в связи с новыми техническими факторами (еще большее усовершенствование железных дорог, средств связи, продолжавшиеся работы по возведению крепостей на французской границе и пр.), уже имеется много препятствий для беспредельного оптимизма. А все усиливавшаяся французская армия и государственная оборона Франции, особенно в ее пограничной полосе (крепостной пояс Серре-де-Ривьера), говорят за то, что нужно еще более тщательно и всесторонне готовиться к будущему испытанию [2].

---

[1] Ленин, т. XXV, стр. 236 и 218 (разрядка наша.—*Вл. М.*).

[2] Например, варианты Мольтке от 1879—1880 гг. предусматривали наступление на русском фронте и оборону на французском, так как французы к этому времени заканчивали мобилизацию и стратегические перевозки к границе к 12-му дню мобилизации, причем Париж и граница были уже сильно укреплены,

Анализируя свой личный опыт и опыт военной истории, Мольтке пришел к выводу: «Полководец никогда не должен упускать из виду своей главной цели (разгром неприятельских сил и захват его столицы.—*Вл. М.*), несмотря на всю изменчивость обстоятельств. Но пути, которыми он надеется ее достигнуть, никогда не могут быть с уверенностью заранее установлены. Полководец обречен в течение всей кампании принимать целый ряд решений, вытекающих из положений, которых нельзя было заранее предвидеть. Таким образом, все следующие друг за другом акты войны не являются выполнением заранее обдуманного, а актами выявления воли, руководимой военным тактом. Дело заключается в том, чтобы в каждом частном случае предвидеть скрытое в тумане неизвестности положение вещей, правильно оценить имеющиеся данные, разгадать неизвестные, быстро принять решение и затем энергично и безошибочно приводить его в исполнение» [1].

Этот тезис-вывод Мольтке-старшего извлечен им из многообразного опыта войн XVIII и XIX столетий. Войны последних десятилетий, например: марш-маневр германских армий на Париж под руководством Мольтке-младшего с финалом Марны 1914 г.; марш русских армий на Берлин по директиве царской ставки с финалом Лодзи 1914 г.; наступательный план кампаний ген. Нивелля и Людендорфа в 1917 и 1918 гг.; марш-маневр армий Колчака на Москву с финалом Бугуруслана, Уфы; «Московская директива» Деникина с финалом в районе Кром, Орла, Воронежа в 1919 г.; марш белопольских армий к Киеву в апреле—мае 1920 г. и отступления их к Варшаве и Львову в августе 1920 г. и ряд других дополняют и расширяют этот вывод.

Хотя во всех этих кампаниях и операциях вопросы политико-экономического и классового характера, вопросы соотношения вооруженных сил и средств, как и организация управления и командования и пр., — все это было различно, но все же общая основная мысль вышеприведенного высказывания Мольтке-старшего о главной цели и способах ее достижения остается верной и на сегодняшний день. Во всех этих кампаниях и операциях к твердо и заранее поставленной дальней главной цели (Париж, Берлин, Москва, Киев) шли без должного учета меняющейся обстановки на основ-

---

а реорганизация армии в большей своей степени осуществлена. Поэтому Мольтке считал, что на быструю победу над Францией рассчитывать было нельзя. Мольтке оставил Шлиффену богатый материал по плану войны (варианты против Франции и России), предоставив Шлиффену полное право, в соответствии с конкретной обстановкой, которая будет его окружать, доработать или изменить эти варианты. Из предыдущих глав мы видели, что и как решил Шлиффен.

[1] Декабрьский вариант Шлиффена надо сопоставлять не с планом № 17 Жоффра, как это делают все исследователи мировой войны, а с французским планом № 15. Тогда картина резко меняется. И, как мы говорили в главе III нашего труда, при наличии французского плана № 15 Шлиффен едва ли стал бы заниматься длительными прогулками по территории Франции, обходить Париж с запада, а затем итти на восток к фронту Эпиналь, Бельфор. Он сократил бы этот замах правого фланга по крайней мере наполовину, ударив с фронта Гиреон, Мезьер, Седан прямо на юг и юго-восток в район Туль, Эпиналь, Бельфор, где была собрана по плану № 15 вся французская армия.

ных фазах и этапах наступления, без ряда таких оперативно-стратегических решений, которые бы говорили, что изменение обстановки командованием постоянно учитывается. И, вместо того чтобы соответствующими зоркими контрмероприятиями и контррешениями все больше и больше развеивать «туман неизвестности», командование, напротив, своей беспредельной уверенностью, что намеченная главная цель должна быть безусловно достигнута, все больше и больше этот туман сгущало. Только формально мыслящий человек не пожелает понять основного смысла в сопоставлении этих различных кампаний и операций, проведенных с военно-стратегической точки зрения по всем правилам и со всей суммой того конкретного, что мы вкладываем в ясное и четкое сталинское определение «огульное наступление».

Основываясь на своем личном опыте кампаний 1854, 1859, 1866 и 1870 гг., Мольтке-старший говорил:

«Ведение войны не находится во власти слепого произвола. Теория вероятности могла бы подсчитать, что, кроме воли нашей и воли противника, в конечном счете все случайности, которые трудно предусмотреть во всех подробностях (погода, болезни, железнодорожные катастрофы, недоразумения и ошибки и пр.), столь же часто идут во вред или на пользу как одной, так и другой стороне, и полководец, который в каждом частном случае отдает если не наилучшее распоряжение, то все же ряд разумных распоряжений, всегда имеет шансы достигнуть цели».

К этому высказыванию мы могли бы также привести ряд конкретных исторических примеров, говорящих о целесообразности и жизненности этого вывода, не потерявшего значения и для наших дней.

За 30 лет своего пребывания на посту начальника германского генерального штаба Мольтке положил основание образованию офицерского корпуса генерального штаба, был его главным организатором. Организаторские способности Мольтке-старшего были весьма велики, он, как никто другой в германской армии, знал качество своих офицеров генерального штаба, и при нем они заняли все важнейшие посты в армии. Он зорко следил, чтобы в объединенной «железом и кровью» Германской империи вопросам создания о д н о о б р а з н ы х по силе и устройству высших военных единиц и подготовки резерва уделялось бы достаточно большое внимание. Все попытки со стороны отдельных союзных государств-королевств, вошедших по конституции 1871 г. в Германскую империю (как-то: Пруссия, Бавария, Вюртемберг, Саксония и др.), нарушить общесоюзную имперскую систему в строительстве германских вооруженных сил и внести свои новшества, идущие вразрез этой системе, энергичной рукой Мольтке пресекались в корне. Германская армия должна быть в мирное время однообразной по силе и устройству своих вооруженных сил, с тем чтобы обеспечить удобство управления и командования ею во время войны — таково было возражение со стороны Мольтке тем, кто, увлекаясь местными интересами, пытался нарушить единую систему в строительстве германских вооруженных сил.

Хорошо помня совет своего предшественника Шарнгорста, который говорил, что «без хорошей военной литературы не может быть ни хорошей армии, ни большого развития военных талантов», Мольтке первый положил в Германии начало созданию целой группы военно-научных исследователей.

Появился целый ряд крупнейших военных писателей, которые обильно снабжали германскую армию своими трудами. Военные писатели Шлихтинг и фон-дер-Гольц говорили, что конкретным содержанием своих трудов они целиком и полностью обязаны тому практическому и научно-теоретическому наследству, которое они получили от войн периода 1859—1870 гг. И те, которые думают, что только вышедшие в отставку офицеры могут создавать научно-исследовательские труды, глубоко ошибаются. Они забывают основное: что, уйдя из армии в отставку, в запас, командир теряет о г р о м н у ю д о л ю связи с практической работой в армии, и его научные труды уже не могут иметь того ценного, конкретного жизненного содержания, как у военных писателей, продолжающих работать в толще армии, живущих ее насущными потребностями и конкретно знающих, что армии нужно на данном этапе в ее развитии вооруженных сил. Это относится еще более к трудам военно-теоретического и исторического характера, ибо ц е н н а лишь та в о е н н а я и с т о р и я, к о т о р а я с м о т р и т н е н а з а д, а в п е р е д, к о т о р а я н а с ы щ е н а с о в р е м е н н о с т ь ю и е е б у д у щ и м.

Когда Мольтке спрашивали о формах построения его наступательных и оборонительных операций, он спокойно отвечал, что главное зависит от соответствующего конкретного содержания, а последнее на войне крайне изменчиво и непостоянно. Он давал понять, что шаблон, схематизм и трафарет в построениях операций — величайшие враги в полководческом искусстве.

«Кто из моих походов и кампаний заключит, что все мои наступательные планы велись по типу, когда в ц е н т р е я ставил сильную армию, а на флангах: на одном — слабую, образующую, скорее, оборонительный уступ, на другом — более сильную, и что моя центральная армия первой вступает в бой с подходом фланговых и т. д., тот глубоко ошибется». Не менее ошибочно думать, что Мольтке все свои оборонительные операции вел из следующей голой и мало что говорящей схемы: «Он (т. е. Мольтке-старший) охотно и даже смело отказывается от сообщений, прибегает к фланговым позициям, желает дать противнику втянуться между собой и б о л ь ш о й р е к о й, чтобы атаковать его затем сзади и сбоку и прижать к реке».

Как видим, кто так поэтически-красочно пишет о построениях оборонительных операций Мольтке-старшего, тот во главу угла этой своей схемы ставит наличие «большой реки». А что будет с мольтковской оборонительной операцией, когда этой реки не будет вовсе, или она окажется небольшой? А ведь в опыте войн, проведенных Мольтке, таких случаев было как раз больше, чем в этой голой схеме, отнюдь не годной на все и всяческие случаи на войне,

которая по своей живой диалектической природе совсем не вяжется с схематизмом. Общей схемы для кампаний и операций таких крупных полководцев, как Суворов, Наполеон, Мольтке, составить нельзя. Не случайно Суворов, когда потребовали от него план кампании в Италии, послал чистый лист бумаги, а Наполеон, когда его спрашивали — каков план операций, благодаря которому он побеждает, иронически отвечал: «Я не имею плана кампании». Тот, кто подумает, что оба полководца просто скрывали свой замысел и не хотели его заранее расшифровать, не поймет основного смысла в ответах Суворова и Наполеона. Отвечая так, они предостерегали тех, кто посредством заранее заготовленных рецептов хочет добиться победы.

Именно против бесполезных измышлений дилетантов и были направлены следующие слова Мольтке в работе прусского генерального штаба о войне 1870 г.: «Главнокомандующий, конечно, будет всегда иметь перед собой свои великие цели, несмотря на все случайности событий, но пути и способы, которыми он надеется их достигнуть, никогда не могут быть с уверенностью установлены далеко вперед».

Поэтому надо изучать конкретное содержание походов и операций крупных полководцев истории, изучать политику того класса, чаяния и стремления которого они выражали и представителями которого они являлись, стремиться понять сущность их оперативно-стратегического творчества и решений. Не следует искать общую, годную для всех многообразных и разнохарактерных операций схему, которую при всем желании составить никому и никогда не удастся, так как каждая кампания, операция, каждое сражение и бой той или другой эпохи имеют свой стиль, свое построение, вытекающее из конкретных условий характера местности, времени, соотношения сил, искусства исполнителей и пр. и пр.

Исходя из опыта своих кампаний, Мольтке считал, что слишком глубокие и длительные по времени и пространству обходы, как это было, например, в некоторых кампаниях Наполеона (Ульмская операция), в его время, в связи с развитием новых технических средств и все увеличивающейся численностью армий, стали менее возможными. Такого вида глубокие марш-маневры могут быть обнаружены противником задолго до их конечного осуществления. Но это, конечно, не исключало возможности охватов, которые в целом ряде своих кампаний Мольтке удачно применял. Этот факт заслуживает самого пристального внимания в связи с стратегическим решением, которое мы находим в декабрьском варианте 1905 г. его ученика Шлиффена.

Расходился ли в основном вариант 1905 г. Шлиффена с военно-стратегическими поучениями Мольтке-старшего? Нет, не расходился. Мы видели, что главный объект, к которому стремился Шлиффен,— это разгром французской армии. Если последняя после проигрыша большого пограничного сражения будет отступать к своей столице Парижу, то это и есть именно тот акт, которого хотел добиться Мольтке-старший. Шлиффен мечтал сосредоточить

огромные превосходные силы на правом фланге своего стратегического фронта, т. е. именно на том направлении, которое обеспечивало выигрыш первого сражения, о чем, как мы видели выше, так беспокоился Мольтке-старший.

Намечал ли Шлиффен вперед во всех деталях те пути и частные цели, которых он надеялся достигнуть, ища главные силы французской армии? Нет, этого он не делал. Шлиффен, следуя завету Мольтке, не упускал в своем варианте 1905 г. из виду своей главной цели (разгром неприятельской армии плюс захват его столицы), причем захват столицы был как бы побочной задачей, которая должна была быть осуществлена мимоходом, если главные силы французской армии не будут в ее районе. Шлиффен полагал, что если неприятельская армия после проигрыша пограничного сражения сконцентрируется в районе Парижа, то, конечно, она будет германской армией атакована там; но если она двинется дальше, то столицу должны взять эрзац-корпуса, а полевые войска будут продолжать преследовать противника, всемерно стремясь отбросить французские войска с севера на восток, к их крепостному поясу, или к Мозелю и здесь с помощью войск левого фланга стратегического фронта их уничтожить. Но все это — лишь наметка путей: они могут в процессе кампании измениться. Шлиффен на своих полевых поездках, военных играх и в литературных трудах постоянно твердо проводил в жизнь мысль Мольтке-старшего, что ряд новых решений после прохода территории Бельгии будет целиком зависеть от конкретной обстановки, причем детали этих решений заранее предвидеть нельзя.

«Дело заключается в том, чтобы в каждом частном случае провидеть скрытое в тумане неизвестности положение вещей, правильно оценить имеющиеся данные, разгадать неизвестные, быстро принять решение и затем энергично и безошибочно проводить его в исполнение»,— так учил Мольтке, это же очень часто напоминал своим ученикам Шлиффен.

Шлиффен с особой силой всегда подчеркивал необходимость для полководцев твердости управления и постоянного наблюдения за биением пульса боевой обстановки, т. е. того, чего как раз и не было в августе—сентябре 1914 г. у его заместителя Мольтке-младшего. Последний выпустил вожжи управления из своих рук и пустил наступающие к Парижу германские армии без руля и без ветрил, по течению.

Шлиффен в решительный момент кампании не стал бы посылать, как это сделал Мольтке-младший, корпуса с главного направления в Восточную Пруссию или выделять с главного правого фланга фронта целые корпуса для блокирования бельгийских и французских крепостей, израсходовав для этого шесть корпусов плюс одну кавдивизию из обходящего правого фланга. Все это в корне расходилось с тем, чему постоянно

учил и о чем изо дня в день говорил Шлиффен в продолжение последних 20 лет своей жизни [1].

Очень странно, что военные писатели и исследователи мировой империалистической войны, фиксируя печальный финал для германской армии битвы на Марне в 1914 г., констатируют: «Этим самым провалился и план Шлиффена». Мы же, исходя из анализа конкретной действительности, говорим, что вариант Шлиффена не мог провалиться уже по одному тому, что в том виде, как он был идейно задуман в декабре 1905 г., он никогда в жизнь не проводился. Был другой план 1913—1914 гг., который если и включал в себя общую идею — главный удар против Франции и отдельные элементы из «Denkschrift» (памятной записки) Шлиффена, то в главном и основном это был другой план и автором его являлся не Шлиффен, а Мольтке-младший.

Если достаточно внимательно во всех деталях анализировать вариант Шлиффена от 1905 г. и план Мольтке от 1913—1914 г., то ясно будет видно, что как идейное, так и фактическое содержание (расстановка сил, техника и пр.) в этих планах различны, не говоря о полной противоположности методов управления у Шлиффена и у Мольтке-младшего. А все это еще раз говорит о том, что эти два плана, как и их составители, являются не близнецами, а полными антиподами (см. главу VIII и схему 11).

За год до смерти, выступая в рейхстаге в мае 1890 г. по вопросу усиления мирного состава германской армии и защищая военный бюджет, Мольтке-старший сделал верный прогноз о длительности будущей европейской войны. В этом отношении он оказался прав и резко разошелся по этому вопросу не только со Шлиффеном, но и с большинством руководителей правительств Европы и их генеральными штабами. Финансовый проект, который защищал в рейхстаге Мольтке-старший, был полностью одобрен большинством голосов рейхстага, да и было бы странно, если бы Мольтке потерпел фиаско с этим проектом. Мольтке выступал как верный служака престола, как монархист, который отдал всего себя на служение делу империи Гогенцоллернов. Этой же речью, как и рядом других, он еще раз показал, что он не только узкий военный специалист и знаток всех премудростей оперативно-стратегического искусства, но и политик класса крупной буржуазии.

Конечно, смешно было бы ожидать, чтобы Мольтке или Шлиффен и им подобные стали произносить такие речи, в которых бы подчеркивали, что главным виновником войны является империа-

---

[1] У некоторых может явиться вопрос: неужели Шлиффен оставил бы без внимания неприятельские крепости вроде Антверпена и Намюра? Этого он, конечно, не сделал бы. Он выделил бы для этой цели второочередные дивизии, но не больше. Но ослаблять свой правый фланг на целых 6 корпусов и одну кавдивизию, т. е. на 13 дивизий, в то время как впереди его ждет генеральное сражение, Шлиффен никогда бы не рискнул. Он постоянно твердил об усилении главного направления, а не об его ослаблении. «In dem wir mit möglichstarken Kraften den Feind in Flanke und Rücken anfallen, — писал в своей «Denkschrift» 1905 г. Шлиффен (т. е. «вести атаку противника с фланга в тыл возможно наибольшими силами»).

лизм; что он без войны существовать не может, что буржуазия является вдохновителем и организатором каждой войны, стремясь ценой крови и беспримерных страданий широких трудящихся масс получить новые прибыли, новые колонии и рынки.

Но вот в отношении прогноза будущей войны правильные мысли Мольтке не разделили ни его ученик Шлиффен, ни Конрад и Мольтке-младший, ни один генеральный штаб Антанты. Если последние утверждали, что будущая мировая война должна длиться не более года, то Мольтке-старший в этой речи говорил иначе.

«Если война,— говорил он в 1890 г.,— которая уже свыше десяти лет висит над нашими головами, как дамоклов меч, если эта война, наконец, вспыхнет, то никто не сможет предугадать ее продолжительность и ее конец. В борьбу друг с другом вступят величайшие европейские державы, вооруженные как никогда. Ни одна из них не может быть сокрушена в один или два похода так, чтобы она признала себя побежденной, чтобы она была вынуждена заключить мир на суровых условиях, чтобы она не могла воспрянуть и возобновить борьбу. Это, может быть, будет семилетняя, а может быть, и тридцатилетняя война» [1].

Вот по этому очень важному вопросу о длительности предстоящей войны Шлиффен разошелся с Мольтке-старшим. В противовес этому тезису Шлиффен выдвинул противоположный, с внешней стороны как будто и возможный, но по своему внутреннему содержанию глубоко ложный. Шлиффен писал:

«Значительный подъем промышленности и торговли в Германии только усилил непримиримое враждебное чувство со стороны Франции. Ненависть к конкуренту, к которому чувствовалось ранее пренебрежение, не может быть ни ослаблена уверениями в истинной дружбе и сердечной симпатии, ни обострена едким словом. Неприятель определяется не побуждениями чувства, но размерами дебета и кредита... Продолжительность войны в современную эпоху тяжко отзывается на всем государственном организме, ибо существование государства зависит от непрерывного развития торговли и промышленности, и быстрое решение борьбы должно вернуть к деятельности фабричные станки: война на

---

1) Как читатель помнит, еще за три года до этого выступления Мольтке-старшего в рейхстаге великий учитель и вождь пролетариата Фридрих Энгельс о грядущей войне писал в германской печати куда более точно и подробно. С исключительной силой гения он научно предвидел за 37 лет до августа 1914 г., что будущая мировая война будет продолжаться три-четыре года, принесет огромные опустошения и откроет путь к победе рабочего класса (см. «Введение» к настоящей работе).

Не исключена возможность, что Мольтке был осведомлен об этом замечательном прогнозе Энгельса, популярность которого, как великого вождя рабочего класса, в то время как в Германии, так и во всем мире была огромной. Кроме того, как известно из переписки Маркса и Энгельса, крупные представители буржуазии и генеральных штабов всегда очень внимательно следили за всей политической деятельностью и литературным творчеством Маркса и Энгельса и особенно за военными работами последнего.

истощение (измор) не может иметь места, когда содержание миллионов солдат требует миллиардных расходов». В другом месте Шлиффен подчеркивал, что, «начавшись весной, война до осеннего листопада должна быть окончена и разрешены все вопросы мирного договора, тяжкого для побежденной стороны».

Между прочим, к внутреннему смыслу этого тезиса присоединились все генеральные штабы европейских армий и все наиболее видные буржуазные политики; в свое время его разделял Бисмарк, его придерживались Ллойд-Джордж, Мильеран и ряд других, твердо считавшие, что генеральный штаб армии существует для интересов политики, а отнюдь не политика для генерального штаба. Все они оказались неподготовленными не только к семилетней, но даже хотя бы к двухлетней войне. И только к концу первого года мировой войны все генеральные штабы обеих воюющих империалистических коалиций ясно поняли свою полную неподготовленность к длительной войне, за исключением английского военного министра Китченера, который уже в начале войны предвидел ее длительность.

Мощность обороноспособности каждого большого капиталистического государства стала огромной после первых поражений в 1914—1915 гг. Воюющие государства нашли в себе новые силы, чтобы возобновить борьбу. Будет справедливым сказать, что этот прогноз о длительности будущей войны весьма резко расходился не только с планами и стратегическими решениями всех европейских армий для войны 1914—1918 гг., но и с сущностью стратегического решения по методам сокрушительной молниеносной войны, заложенного в вариант 1905 г. Альфредом Шлиффеном. Но, говоря так, мы вскрываем лишь одну сторону вопроса, а поэтому нельзя забывать ряд следующих кардинальных фактов. Свою речь о предстоящей длительной большой европейской войне Мольтке произносил в мае 1890 г., план Шлиффена вылился в последний вариант в декабре 1905 г., т. е. через 15 лет. Шлиффен принужден был уйти в отставку в январе 1906 г.; таким образом, мировая война, начавшаяся в 1914 г., возникла лишь через 9 лет после последнего варианта Шлиффена. Отсюда, если за 15 лет после речи Мольтке в политико-экономической и военно-технической области во всех капиталистических государствах произошли существенные изменения, то таковые же не могли не произойти в период с 1905 по 1914 г. Таким образом, если бы Шлиффен остался на посту начальника генерального штаба, то, надо думать, он внес бы целый ряд качественных и количественных изменений в свой вариант 1905 г.

Теперь попытаемся коротко остановиться на сущности учения Шлиффена и на его военно-литературных работах. Не совсем верно будет расценивать оперативно-стратегическое учение Шлиффена как только теорию двойного оперативно-стратегического охвата и окружения сил неприятельской армии. Если Шлиффен в период с 1908 по

1912 г. написал свой научно-теоретический труд под названием «Канны», то из этого вовсе еще не следует, что он везде и всегда стремился воспроизвести в новых условиях Канны Ганнибала. Кто так расценивает все многообразное учение Шлиффена, тот вскрывает лишь одну сторону этого учения, не пытаясь вскрыть всей его сущности. Шлиффен в своих же «Каннах» черным по белому пишет:

«Совершенное воплощение сражения при Каннах лишь очень редко встречается на страницах военной истории. Для него необходим, с одной стороны, Ганнибал, а с другой, Теренций Варрон, которые оба по-своему содействуют достижению великой цели».

Таков первый тезис Шлиффена, который с первых же строчек предостерегает читателя, желая сказать, что не так-то все будет просто на войне. Дальше Шлиффен говорит:

«Ганнибал обязан если не иметь преобладания в силах, то уметь его создать. Для этого желателен полководец, который имеет в себе нечто от:

а) Шарнгорста, Фридриха-Вильгельма или Вильгельма I, располагающих прочной армией;

б) Мольтке-старшего, сосредоточивающего силы исключительно против главного врага;

в) Фридриха Великого, который приводит в действие все орудия и ружья;

г) Фридриха Великого или Наполеона, наносящих главный удар против фланга и тыла;

д) Фридриха Великого и Мольтке-старшего, которые недостающего Гасдрубала заменяют естественным препятствием или границей нейтрального государства.

Наконец, нужны частные начальники, которые были бы дисциплинированы, были бы знатоками своего дела и обладали бы пониманием замыслов полководца».

Таков второй тезис Шлиффена, который поставил ряд таких жестких и необходимых условий для полководца, мечтающего воспроизвести Канны.

Наконец, третий тезис-вывод гласит следующее:

«В результате получилось, что если, исключая Седан, и не было совершенных Канн, то все же можно найти целый ряд сражений, приближающихся по типу к полному разгрому, и таковые находятся как раз на поворотных пунктах истории».

Эти три тезиса являются как бы основой всего оперативно-стратегического учения Шлиффена. И если мы хорошенько проанализируем все его варианты по плану войны, по системе сосредоточения и развертывания современных армий, то увидим, что Шлиффен стремится к осуществлению «стратегии уничтожения» («Vernichtungs-Strategie») не только посредством «двойного охвата»

(«Doppelte Umfassung»). В большинстве своих оперативных поездок и военных игр Шлиффен берет за основание такой оперативно-стратегический замысел и его проработку, который приближал бы этот замысел к возможности скорейшего разгрома живой силы неприятельской армии. Он не проводит теорию сосредоточения главных ударных группировок на двух наступающих флангах, с крепким центром, так как считает, что для этого на большом театре военных действий у стратегии нехватит сил. Он стремится только к приближению к Каннам посредством организации лишь одного сильного фланга, куда и сосредоточивает огромное превосходство сил и средств.

Этот гигантский по силе фланг должен не только сразу же прорвать первоначальное расположение противника, но и дальнейшим движением вперед, обтекая и захлестывая главные силы неприятельской армии, загнать ее в огневую петлю и этой же петлей задушить, если она до этого не положит своего оружия. Все это достаточно ярко выражено в декабрьском варианте 1905 г. Шлиффена.

В основном оперативно-стратегическая теория Шлиффена базировалась именно на создании одного мощного фланга. Эта концепция вытекала из понимания им того факта, что окружить в масштабе театра военных действий всю неприятельскую армию данной страны — такая гигантски трудная и имеющая столько препятствий на своем пути задача, что для осуществления ее необходимо удачное сочетание всех трех вышеупомянутых тезисов. Мало того, нужен «поворотный пункт истории», понимая под этим такое благоприятное политико-экономическое и военно-техническое положение для одной из сторон, чтобы она получила возможность приступить к осуществлению этой гигантской оперативно-стратегической задачи.

При Каннах победитель был численно вдвое слабее побежденного. Но было бы смешно думать, что в XX в. можно выиграть большое сражение, окружить противника, когда последний жизнедеятелен, активен и имеет двойное превосходство в живых силах и технике. Такое «чудо» может совершиться лишь тогда, когда этот вдвое более сильный противник совершенно разложен и потерял всякую способность к сопротивлению и, покорно опустив голову, заглушив свои моторы, убрав шашки в ножны, разрядив ружья, пулеметы и орудия, ждет, когда его армию возьмут в плен. Поистине такие чудеса бывают на «поворотных пунктах истории», и тот полководец, который будет беспечно ждать подобного положения, может его и не дождаться, а армию свою погубить. Это мы говорим потому, что, увлекаясь анализом событий при Каннах, Шлиффен допустил, наряду с рядом верных и интересных рассуждений, целый ряд путаных, эклектических, неверных установок, в корне противоречащих современному военному искусству. Но нам думается, что Шлиффен сделал это не без задней мысли, о чем мы и будем говорить ниже. Шлиффен подошел к анализу Канн Ганнибала крайне своеобразно. Он очень красочно подал финал битвы при Каннах с определенной мыслью, чтобы этот

финал настолько покорил ум и сердце читателя, что последний слепо последовал бы выводу на будущее, который сделал Шлиффен. Как известно, при Каннах 50-тысячная армия Ганнибала окружила и уничтожила 80 000 (по другим данным, 100 000) римлян под командой Эмилия Павла и Теренция Варрона. Это произошло 2 000 лет назад, т. е. в такое давнее время, что восстановить действительное положение при Каннах — дело весьма и весьма трудное. Каждый историк фантазировал на Каннах по-своему, пользуясь тем, что опровергнуть приводимые им соображения никому не удастся, так как ни Ганнибал, ни Варрон не оставили после себя хотя бы приблизительного описания, что у них произошло на самом деле при Каннах.

В числе таких историков оказался и Шлиффен. После разбора всего накопившегося малодоброкачественного материала по этому событию Шлиффен все же под конец своего описания битвы при Каннах решил твердо установить, что «массивный продолговатый четырехугольник римлян имел четыре фронта; он атаковался со всех сторон пехотой с короткими мечами и густой массой кавалерии; этот четырехугольник вынужден был остановиться; дротики, стрелы и камни из пращей летят без промаха в римскую пехоту. Римляне теснятся назад и оказываются все более и более сдавленными. Беспомощно, не имея возможности действовать оружием, они ожидают смерти. С сердцем, полным ненависти, разъезжает Ганнибал по полю кровавой работы, поощряя ревностных и стыдя бездеятельных. Только несколько часов спустя прекращают солдаты сечу. Устав от убийства, они берут в плен оставшихся три тысячи человек, остальные или были убиты, или в преследовании докончены».

Таково «поэтическое» описание финала Канн Шлиффеном. Далее следует такой вывод на будущее, который смело ставит на колени перед Каннами Клаузевица и Наполеона.

«Было дано сражение на уничтожение,— пишет далее Шлиффен, — и притом наперекор всем теориям победа была одержана меньшими силами. «Концентрические действия против неприятеля не годятся для слабейшего», — говорит Клаузевиц. «Слабейший не должен делать одновременно обход обоих флангов», — говорит Наполеон. — Но обладавший меньшей численностью Ганнибал действовал в некоторой степени концентрически и не только обходил оба фланга, но одновременно заходил и с тыла».

Было бы странно, если бы мы поверили, что все это Шлиффен написал серьезно. Этого не могло случиться уже потому, что он, во-первых, был начальником генерального штаба; во-вторых, сам Шлиффен в своей практической работе и в своих оперативно-стратегических поучениях никогда и нигде не стремился доказать, что вдвое меньшими силами можно уничтожить современную неприятельскую армию. На полевых поездках, на военных играх и в своих вариантах плана войны он всегда делал противоположное. Так в чем же дело? Для чего понадобилась Шлиффену эта бесподобная экскурсия в самые отдаленные дебри истории? Мы полагаем, что он рассуждал так:

то, что я пишу о Каннах Ганнибала, проверить все равно никому не удастся. Но этот фокус дает мне в руки лишний шанс убедить моих современников, что «неприятельский фронт не является целью важнейшей атаки. Существенно не сосредоточение главных сил и резервов против неприятельского фронта, существен нажим на фланги. Фланговая атака не должна коснуться только одной крайней точки на конечности фронта, а должна захватить в глубину все расположение противника. Законченным уничтожение может быть лишь после атаки неприятельского тыла. Для этого, в первую очередь привлекается конница. Коннице не требуется сразу атаковать «нерасстроенную» пехоту, но она может, пользуясь дальнобойным оружием, нанести ущерб неприятельским массам». Так писал Шлиффен в конце изложения своей фантазии о битве при Каннах.

История может привести не одну сотню фактов, когда видные политические и военные деятели буржуазии посредством выдуманных ими же деталей данного исторического явления пытались провести в жизнь свои определенные положения, которые они считали назревшими. Такое мошенничество мы можем иллюстрировать десятками примеров.

В этой же работе о Каннах Шлиффен пишет:

«За 2 000 лет оружие и тактика боя совершенно изменились. Уже не идут врукопашную, с короткими мечами, а стреляют друг в друга с расстояния в тысячи метров. Лук заменила скорострельная пушка, вместо пращи — теперь пулемет. Добивание неприятеля заменила капитуляция». И затем вдруг такой вывод: «Но в основных чертах боевые условия остались без изменения. Бой на уничтожение может быть дан и ныне по плану Ганнибала, составленному в незапамятные времена». В чем дело? Откуда это чудовищное противоречие? Исходит ли оно только из уверенности Шлиффена в теории «вечности и неизменности принципов военного искусства»? Да, это, конечно, играло свою не малую роль, но это еще не все, так как Шлиффен хорошо понимал, что раз изменилась техника, то изменились и боевые порядки, а поскольку изменились последние, то не могли не измениться приемы и способы управления войсками. Что это он хорошо понимал, мы наглядно увидим ниже. Основное заключается в том, что это утверждение Шлиффена — будто бы, действуя точно так же, как Ганнибал, можно выиграть большое сражение, — целиком и полностью расходится с его конкретными делами. Этот оригинальный военный писатель в своем труде «Канны» пользовался фактами военной истории, как фокусник предметами своего ремесла. И нельзя не признать, что такой своеобразный способ использования истории не увенчался для него успехом.

Но это случилось потому, что «Канны» он писал в период с 1908 по 1912 г., а практическим деятелем, руководителем германских вооруженных сил он был с 1895 по 1906 г. В вынужденной отставке Шлиффен под конец своей жизни всемерно пытался посредством своей литературной работы укрепить в кругах армии те оперативно-стратегические идеи, которые пропагандировал и проводил

в германском генеральном штабе в продолжение 15 лет. Выше мы говорили, как он смело поставил на колени Клаузевица и Наполеона перед своими выводами о сражении при Каннах; точно так же он не церемонился с разбором войн Фридриха, Наполеона и Мольтке-старшего в своем труде «Канны». Письменная конкретная документация, оставшаяся от Наполеона и Мольтке-старшего, его мало трогает, подчас он притягивает буквально за уши свою теорию фланговых ударов даже к тем отдельным операциям, которые вели Мольтке-старший и Наполеон и в которых они действовали совершенно иначе.

Этим самым Шлиффен хотел сказать: «Смотрите, раз великие полководцы Ганнибал, Фридрих, Наполеон, Мольтке действовали, как при Каннах, то, если мы хотим победить, мы должны брать с них пример». В этом отношении военный историк Шлиффен представляет собой совершенно исключительный и своеобразный тип исследователя, к военно-историческому материалу которого надо подходить осторожно, причем критический анализ необходимо вести, постоянно изучая ряд других трудов, которые описывают данное военно-историческое событие. Только такая перекрестная проверка материала может дать правильное представление о событии.

Для историков-марксистов здесь гигантское поле деятельности и непочатый край работы, так как, по словам Энгельса, историю надо писать всю заново.

Итак, Шлиффен пришел к выводу, что современное большое сражение можно выиграть лишь посредством организации такого удара одним из мощных флангов стратегического фронта, чтобы после прорыва расположения противника из этого удара, к моменту уничтожающей битвы на поле сражения, образовалась оперативно-стратегическая петля, которая бы захлестывала в ловушку армию противника. Графически это может быть выражено так, как это показано на схемах 2 и 4.

Эта теория наиболее конкретно обоснована личными разборами Шлиффена в его полевых поездках и военных играх, которые он организовывал для своего генерального штаба, и наиболее ярко выражена в декабрьском варианте плана войны 1905 г.

Сущность этой теории, ее обоснование, способы проведения ее в жизнь мы находим не только в военно-историческом труде Шлиффена «Канны», но также и в заново им отредактированном официальном наставлении для германской армии — «Основные принципы высшего командования войсками», которое в свое время составил Мольтке-старший, затем в очень интересном и содержательном оперативно-стратегическом этюде «Будущая война» и, наконец, в небольшом очерке «Полководец». Две последние работы написаны вскоре после вынужденного выхода в отставку. Он хорошо знал Мольтке-младшего, который работал у него в генеральном штабе начальником оперативного управления (генерал-квартирмейстер). По словам Шлиффена, это был человек, обладавший средними способностями техника-исполнителя, но лишенный способностей полководца, а поэтому пост начальника генерального штаба ему был явно не по плечу.

Мы считаем необходимым коротко остановиться на этих работах Шлиффена.

Глава об управлении в «Основных принципах высшего командования войсками» начинается словами, которые показывают, что учение Клаузевица германским генеральным штабом в основном было воспринято не плохо. В параграфе 11 этого наставления говорится: «Цель войны — проведение политики оружием и завоевание мира на соответствующих этой политике условиях. Задача управления войсками — уничтожение вооруженных сил противника. Бой олицетворяет собой сильную волю и огромные средства, чтобы сломить сопротивляющуюся волю противника. Все остальные более или менее значительные действия являются лишь средством, чтобы создать такое положение, которое нашло бы развязку в решительном сражении».

Мы считаем, что этот параграф правильно ставит вопрос взаимозависимости политики и стратегии, так как он говорит, что политика фактически проникает во все дела войны. Кроме того, не плохо сформулирован вопрос, что завоевание мира на тех условиях, которые отвечали бы политическим целям войны, может быть достигнуто лишь через решительный разгром вооруженных сил и средств неприятеля, так как, говоря иными словами, недорубленный лес опять вырастает. И если вооруженная сила неприятеля осталась существовать и остались тенденции к ее новым пополнениям за счет еще не израсходованных ресурсов страны, то война будет продолжаться и ни о каком тяжелом для противника мире не может быть и речи.

В параграфе 4 мы находим очень интересные положения, которые не потеряли своего смысла и для нашего времени.

«Управление большими войсковыми единицами не может быть полностью практически изучено в мирное время. Для этого приходится ограничиваться лишь изучением отдельных фактов и опытом прежних войн. Но прогресс техники, усовершенствованные пути сообщения, новое вооружение, — короче, совершенно изменившаяся обстановка, — часто делают неприменимыми в настоящее время как средства, которыми раньше велись войны и одерживались победы, так и установленные величайшими полководцами принципы».

Последние слова ясно говорят, что Шлиффен, редактируя этот параграф, не особенно-то верил, что «бой на уничтожение может быть дан и ныне по плану Ганнибала», как это он писал в своих «Каннах», конечно, понимая план Ганнибала во всей совокупности событий и решений, которые в нем имелись. Ибо, раз совершенно изменилась обстановка, то планы с их давностью в две тысячи лет не могли ныне остаться неизменными. Новые события и обстановка вызывали и вызывают новые средства, новых людей и новые методы и способы управления; это достаточно понимал Шлиффен, ибо в противном случае он не пропитывал бы этими мыслями свои работы «Будущая война» и «Полководец».

В отношении организации маневров, полевых поездок и военных игр, которых при Шлиффене было проделано больше, чем за всю

последнюю историю (до войны 1914—1918 гг.) всех генеральных штабов европейских армий, взятых вместе, наставление указывало, что хотя все эти учения весьма полезны и необходимы командованию и войскам, так как лучше всего позволяют дать представление о действительной войне, все же они имеют целый ряд неизбежных условностей. Тяжесть ответственности начальников, существующая на войне, отсутствует, так как на этих учениях фактически не бывает ни победителей, ни побежденных. Вопросы решительного действия оружием заменены холостыми выстрелами.

Громоздкость современной организации тыла также принимает условное, искусственное оформление и пр. Но все это, конечно, отнюдь не компрометирует этого общепринятого обучения армии в мирное время, без которого она превратится в отвлеченную схоластическую организацию.

Штат посредников впервые в широком размере был применен именно при Шлиффене. Работе посредников он приписывал исключительно важное значение. Он говорил, что они не только глаза и уши организатора учения, но и его самые ответственные и деятельные помощники.

«Принципы стратегии мало превосходят первоначальные понятия здравомыслящего человека»,— так начинается параграф 5 наставления, дословно взятый из военных поучений Мольтке-старшего. Этим самым как бы подчеркивается, что ясность и простота решения и распоряжений на войне с обязательным постоянным учетом «меняющейся каждый момент боевой обстановки» необходимы для начальника, который всегда должен стремиться «простое и естественное решение с должной твердостью и предусмотрительностью осуществлять в жизни». Против «мандарината» и «богов» и «полубогов» генерального штаба с их мнимой непогрешимостью и оракульством направлена сущность этого параграфа.

«Война является искусством и, как таковое, опирается, конечно, на многие науки. Одни науки не создадут, однако, еще полководца, но там, где их ему недостает, они должны быть заменены знаниями других лиц». Против универсального дилетантизма и беспредметного всезнайства направлены эти мысли наставления. Требованием конкретных знаний, выдержки, четкости командного языка, ясности и точности формулировок оперативно-боевых распоряжений, с указанием, что «простое решение, последовательно приводимое в исполнение, вернее всего ведет к цели», требованием быстро решать вопросы, никогда не отдавать половинчатых туманных распоряжений, — всем этим и пропитано наставление.

Особенно сильно борется наставление с готовыми рецептами, схематизмом, с любителями геометризировать формы операций. Наставление указывает, что «при разнообразной и быстро меняющейся обстановке на войне нельзя дать каких-либо с к о в ы в а ю щ и х правил, а лишь основные принципы и общие отправные точки могут в этом отношении служить опорой. От с х е м н а д л е ж и т о т к а з а т ь с я... тщательное изучение обстановки может дать верные пути для действий».

Наставление особенно подчеркивает значение в современной войне среднего и младшего начсостава. От их качеств зависит, чтобы оперативно-стратегические решения не оставались на бумаге, а были твердо проведены в жизнь.

«Сила армии покоится на командирах взводов, рот и батальонов, на коих устремлены все взоры»,— говорилось в этом наставлении.

Разумная инициатива, опирающаяся на конкретные знания у командного состава, решает очень многое в современной войне. Наставление говорит:

«Там, где младшие начальники постоянно ожидают приказаний, никогда не будет использована благоприятная обстановка. Только право и готовность начальников всех степеней к самостоятельным действиям дают возможность даже при тяжелых условиях двигать большие массы войск и действовать ими единодушно».

Нигде мы не найдем в официальной военной литературе германской армии (уставы, инструкции, наставления и пр.), чтобы «окружение» было возведено в непреложный принцип, в правило, которое только и обеспечивает достижение важнейшей цели всякой военной операции — уничтожения противника. Мало того, разбираемое наставление черным по белому подчеркивает, что хотя «окружение, а при особых условиях охват, может иметь последствием победы уничтожение противника, но добиться этой самой важной цели можно будет далеко не всегда». Этим самым как бы вносится разъяснение для тех, кто пытался германскую военную доктрину представить лишь как постоянное и слепое ее стремление к одному способу действий — «окружению», и только.

Но, основываясь на опыте последних войн перед мировой войной 1914—1918 гг., наставление указывало, что «разбитый во фронтальном сражении противник почти всегда, спустя более или менее продолжительный промежуток времени, вновь появляется перед нами», а поэтому, для того чтобы добиться серьезных успехов и результатов, необходимо стремиться преградить противнику путь к отступлению через перехват и отрезание его сообщения с тылом. Хотя наступательными тенденциями наставление пропитано сверху донизу, но и обороне оно уделяет не малое место. Оно требует при оборонительных операциях не только отражать атаки, но и переходить к активным действиям. Для этого организации построения боевого расположения должно быть уделено большое внимание.

Особенно надлежит при обороне эшелонировать войска в глубину, чтобы быть в состоянии встретить неприятельский охват. Хорошо укрытые и свежие резервы принесут при активной обороне огромную пользу, подчеркивает наставление.

Мы не можем здесь останавливаться подробно на всех отделах (разведка, марш, связь и пр.) наставления, но должны сказать, что, сравнивая его с подобными наставлениями или инструкциями других армий перед империалистической войной 1914—1918 гг., следует признать, что оно наиболее верно и полно отразило все то

новое, с чем вступили европейские буржуазные армии в мировую войну. Во всяком случае новый этап в развитии современного военного искусства наставление представило в достаточно развернутом виде. Оно подчеркнуло, что главная суть искусства управления войсками в бою заключается в правильном распределении боевых сил в соответствии с данными им задачами. Искусство выбрать главное направление для основного удара весьма велико.

Тот, кто сумел это правильно сделать и сосредоточить сюда главную массу сил и средств, тот окажется на пути к успеху. Но, как увидим, ни в первый год мировой войны, ни в последний ее год это искусство со стороны даже наиболее выдающихся полководцев 1914—1918 гг. проявлено в должной мере не было.

Казалось бы, к 1918 г. накопилось уже по этому вопросу достаточно разнообразного опыта, а между прочим, даже вопреки благоприятно складывавшейся обстановке, сперва Людендорф, а потом Фош допустили наиболее тяжелые промахи и ошибки на этих решающих участках современного военного искусства.

Шлиффен очень высоко расценивал полководческое искусство Наполеона, и особенно его обычный прием, заключавшийся в том, что после определения неприятельского расположения Наполеон стремился обойти противника с фланга и принудить его к сражению с перевернутым фронтом. Фактически согласно этой идее и построен план стратегического развертывания от 1905 г. Шлиффена, который форму маневра заимствовал из Ульмской операции Наполеона.

«Чтобы уничтожить противника, — говорит Шлиффен, — надо прежде всего знать, где он находится. Разузнать это обыкновенно удается, в особенности теперь, когда развертывание, в сущности, уже предопределено сетью железных дорог. Гораздо труднее выяснить, куда устремится противник из своего района развертывания».

Но в этом случае, полагал Шлиффен, целесообразная деятельность конницы, а также правильная разведка с воздуха (во время Шлиффена развитие авиации было еще в зачаточном состоянии, а поэтому он возлагал значительные надежды на работу воздушных шаров) должны помочь полководцу в принятии соответствующего своевременного решения.

Работы Шлиффена «Будущая война» и «Полководец» по своему идейному замыслу и конкретному содержанию стремятся приподнять завесу будущего, с тем чтобы определить характер решений и действий в предстоящей ближайшей войне.

Если у Мольтке-старшего, как мы видели выше, в его теоретических высказываниях были по вопросу взаимодействия политики и стратегии значительные расхождения с Клаузевицем, то таковых мы не находим у Шлиффена. В своей статье «Полководец», направленной против Вильгельма II, Шлиффен писал: «Война является лишь средством (инструментом) политики. Чтобы это средство оказалось действительным, нужна подготовительная работа государственного человека... полководец должен быть и выдающимся государственным человеком и дипломатом». Этим са-

мым Шлиффен не только хотел показать себя более последовательным учеником Клаузевица, но ударил также по Вильгельму II, который для него не являлся ни в какой мере «выдающимся государственным человеком», и Мольтке-младшему, к т о м у ж е, не обладавшему, по мнению Шлиффена, и полководческими способностями.

Таким образом, по мнению Шлиффена, политика и стратегия в Германии к 1908 г. находилась в руках людей, которые даже если бы и пожелали пойти по пути, указанному Клаузевицем, то не могли бы этого сделать, так как качественно к этому не были подготовлены. Что касается Антанты, то по самой ее природе в ней, как полагал Шлиффен, заложена настолько сильная тенденция противоречий, что едва ли будет много пользы от ее «внешнего сердечного согласия». Шлиффен прямо говорит, что в «коалиции государств, которая образовала Антанту, каждый отдельный член этой коалиции стремится переложить на другого л ь в и н у ю д о л ю работы, но оставить за собой т а к о в у ю ж е при дележе».

Отсюда, по Шлиффену, следует, что для военной стратегии такое политико-стратегическое положение в обоих лагерях противников должно сильно осложнять вопросы принятия твердых стратегических и оперативных решений.

В своей работе 1909 г. «Будущая война» Шлиффен прямо указывал, что оперативно-тактическое искусство под влиянием гигантского развития технических средств истребления «радикально изменилось». Сопоставляя технику вооружений в прежних войнах включительно до русско-японской войны 1904—1905 гг., Шлиффен настолько был этим увлечен и потрясен, что даже выдвинул ошибочно мысль, что дальнейшие усовершенствования в технике истребления вряд ли будут иметь место.

Опыт мировой войны воочию убеждает, что Шлиффен в этом вопросе оказался близоруким и допустил крупнейшую ошибку.

Военная техника шагнула после 1914 г. значительно вперед: она выдвинула на арену борьбы боевую авиацию различных типов (разведывательную, истребительную, бомбардировочную, штурмовую), новое танковое и химическое оружие, еще более усовершенствовала артиллерию и связь, гигантски развила автомобильный транспорт.

И когда читаешь Шлиффена, где он говорит: «Б е с п р е р ы в н о е с т р е м л е н и е о п е р е д и т ь д р у г д р у г а д а л о, в к о н ц е к о н ц о в, о б е и м с т о р о н а м о р у ж и е, е д в а л и д о с т у п н о е д а л ь н е й ш е м у у с о в е р ш е н с т в о в а н и ю», что в этом отношении «м ы с л и м о е д о с т и г н у т о», то ставишь перед собой вопрос: если такой крупный военный деятель буржуазии не сумел предвидеть ни дальнейшего развития технических средств истребления, ни длительности войны, то как же обстояло дело с другими «богами» и «полубогами» генеральных штабов европейских буржуазных армий?

Шлиффен как бы с особой радостью констатирует, что оперативно-тактическое искусство не могло не измениться, так как коренным образом изменились все его боевые элементы.

«Как орудия, так и ружья стали легкими и удобными в обращении [1], быстро заряжающимися и скорострельными, дальнобойными и меткими. Бездымный порох не выдает ни стрелка, ни орудий. Патрон минимального калибра и вида дает возможность возить с собой большое количество огнестрельных припасов и допускает использовать скорострельность. Как будто стало лишним повышать дальнейшие требования и ставить изобретателям новые задачи. Мыслимое достигнуто».

Далее он указывает, что стальной дождь повлек за собой изменение боевых порядков, ибо какой же «мудрец» теперь рискнет обмениваться залпами на близком расстоянии, как это было в XVIII, XIX и в начале XX в., или строить для атаки квадратные наполеоновские колонны! Все это было бы сметено очень быстро с лица земли новым скорострельным и дальнобойным оружием.

Шлиффен приводит примеры того, что отставание в радикальном изменении боевых порядков всегда несло за собой ужасающие потери и дезорганизацию войск. Эта непредусмотрительность руководителей армии «уже при Марс-ля-Туре заставила прусский пехотный полк, атаковавший в сомкнутом строю, потерять в течение получаса от огня несовершенного и теперь устаревшего оружия 68% своих солдат. Три года назад японская бригада Намбу заплатила за свое смелое наступление в еще меньший промежуток времени 90% своего состава. В Южной Африке укрыто расположенный стрелок с легкостью поражал 14 человек на него наступающих».

Говоря так, Шлиффен требует радикального изменения боевых порядков.

«Пехота должна наступать не в сомкнутом строю, а в прерывчатом, считая, примерно, по 1 м на человека, и не в нескольких густых, следующих одна за другой линиях, но лишь в одну. Сзади идущие линии движутся не в слишком близком расстоянии... в передовые линии должны влиться резервы, постоянно следующие сзади». Далее Шлиффен требует тщательного применения к местности, перебежек, не забывая лопаты и пр.

«Продолжительны и утомительны будут наступательные бои от закрытия к закрытию, подползание к противнику, напряженность днем и ночью и постоянная готовность отбить контратаку».

По этим высказываниям Шлиффена германская армия действовала в мировой войне, и, развивая их дальше, она постоянно являлась в ее процессе законодательницей в оперативно-тактическом искусстве. По ней равнялись все другие воюющие армии.

---

1 Читатель не должен подумать, что, рассуждая так, Шлиффен упустил из виду тяжелую артиллерию и пулеметы; он этого сделать не мог уже потому, что самым активным образом проводил в германскую армию эти виды вооружения и фактически лишь при нем она стала ими оснащаться в должной степени.

Далее Шлиффен ставит прогноз, что «поля сражений будущего примут и должны принять совершенно другое протяжение, чем нам это известно из прошлого. Армии, равные бывшим под Кениггрецем, Гравелотом и С.-Прива, займут пространство в четыре раза больше, чем тогда. Но что представляют 220 000 человек, бывших под Кениггрецем, и 186 000 человек под Гравелотом в сравнении с массами, которые выступят в будущей войне!» Шлиффен этим самым ориентировал читателя в 1909 г. на миллионные армии будущего. В полном собрании сочинений Шлиффена есть его небольшая статья, где он как раз говорит об этих миллионных армиях, которые в предстоящей войне будут выставлены воюющими коалициями.

Далее он высказывает интересную мысль, что так как скорострельное и дальнобойное оружие создано и для того, чтобы заменить много ружей, то не лучше ли вместо накопления за фронтом резервов, которые бездействуют, запастись большим количеством огнеприпасов? Читатель, верно, догадывается, куда клонит Шлиффен. Он постоянно бьет в одну точку, а именно:

«Войска, необходимые для обхода флангов, можно получить лишь соответствующим ослаблением войск, ведущих фронтальное наступление... Подвезенные сюда на грузовых автомобилях патроны составят лучшие и надежнейшие резервы. Все войска, находившиеся прежде позади и предназначенные для нанесения окончательного удара, должны быть теперь с места выдвинуты против фланга. Чем больше сил будет привлечено для флангового удара, тем решительнее он закончится».

Эта мысль преследовала Шлиффена неотступно в продолжение всей его жизни, она же вырвалась в последних его словах перед смертью: «Усиливайте правый фланг».

Как видим, новая военная техника истребления, шагнувшая значительно вперед со времен наполеоновских войн и войн 1866 и 1870 гг., которые провел учитель Шлиффена Мольтке-старший, заставила его ученика Шлиффена высказать ряд новых положений по вопросам тактического искусства. Совершенно ясно, что новая военная техника, властно меняя формы боевых порядков и управления ими в тактике; то же самое заставляла делать и в области оперативно-стратегического руководства и вождения войск на всем театре военных действий.

Миллионные армии потребовали более новых методов и способов комплектования, мобилизации, сосредоточения и развертывания, чем во времена Наполеона и Мольтке-старшего, численность армий которых в отдельных операциях и кампаниях не превышала 180—200—300—500 тысяч. Все увеличивающаяся численность армий была учтена уже Мольтке-старшим, который на своем опыте кампании 1870—1871 гг. видел, как война, начавшись с 450—500-тысячной армией, закончилась призывом под знамена более чем миллионной (1 100 000). Кроме того, появление у французов второго эшелона войск в виде армий Гамбетты указало Мольтке-старшему на тот факт, что разгромить одним молниеносным ударом современное

большое государство — дело весьма проблематичное и трудно осуществимое. И не случайно Мольтке в своих новых вариантах планов войны после 1870 г., а также в своем выступлении в рейхстаге в 1890 г., говоря о предстоящей новой войне, указывал, что «в борьбу друг с другом вступят величайшие европейские державы, вооруженные как никогда. Ни одна из них не может быть сокрушена в один или два похода так, чтобы она признала себя побежденной, чтобы она была вынуждена заключить мир на суровых условиях, чтобы она не могла воспрянуть и возобновить борьбу».

Этот тезис Мольтке-старшего все же не сумел понять его ученик Шлиффен, полагавший, что, действуя молниеносно по внутренним операционным линиям, он в несколько месяцев расправится с Францией, а затем с помощью железных дорог перебросит освободившиеся немецкие армии на восток против царской России, союзницы Франции. Шлиффен полагал, что посредством искусно проведенных операций против Франции он сократит продолжительность будущей войны, то же самое сделав с царской Россией, если она к моменту разгрома Франции сама не откажется от продолжения войны. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; в этом случае Шлиффен, пытавшийся продолжать и еще более углублять оставленный ему совет Мольтке-старшего, в вопросе длительности предстоящей войны допустил крупную ошибку.

Дальнобойное оружие, новые средства связи в виде телеграфа и телефона, дальнейшее быстрое развитие железнодорожного транспорта — все это, говорил Шлиффен, внесло новые коренные изменения в проблему стратегического развертывания. Он решительно пересматривает тот капитал, который ему оставили и Мольтке-старший и Вальдерзее в виде ряда вариантов плана войны. Шлиффен воочию убеждался в том факте, что Франция с каждым днем усиливалась экономически, в военном отношении, в деле дальнейшего совершенствования и роста укреплений по восточной ее границе. Он видел, что идея буланжистов об обратном отторжении Эльзас-Лотарингии все более укреплялась. Он видел, что мобилизация и сосредоточение французской армии почти сравнялись с германской; в силу всего этого Франция явилась для Шлиффена тем основным и главным врагом, с которым надо было расправляться быстро, решительно и в первую очередь.

«Кто желает сохранить все, не достигнет ничего», — говорил Шлиффен, а поэтому в своем плане он готов был временно потерять и Восточную Пруссию и допустить успех французов в Эльзас-Лотарингии, если они туда двинутся. Шлиффен был уверен в том, что высокая подготовка германской армии и ее частных начальников, правильное использование всех возможностей железнодорожного маневра и новых технических средств связи должны будут обеспечить успешные решительные действия и непрерывность управления операциями.

Чтобы избежать «гнусной крайности сосредоточения» и найти свободное пространство для широкого маневра, Шлиффен решает произвести стратегическое развертывание главных сил своей армии

на участке Аахен — Мец, концентрируя основную массу войск к крайнему правому флангу своего стратегического фронта и оставляя незначительные силы на левом в Эльзас-Лотарингии.

Правый фланг, как молот, наносит первый удар по Бельгии и затем, выходя к северной границе Франции, пойдет или к Парижу и в обход его, или будет сужен, смотря по обстановке, имея основную и главную цель найти живую силу французской армии, обойти ее с фланга, заставить ее вести операцию с перевернутым фронтом и отрезанным тылом и истребить ее живые силы через генеральное сражение.

В этой своей статье «Будущая война» Шлиффен анализирует укрепления, созданные в приграничной полосе Франции, Бельгии, Италии, Швейцарии, говоря совершенно откровенно и открыто о возможности и необходимости прохода через Бельгию или Швейцарию. Эта статья, как известно, была напечатана в январской книжке «Германского обозрения» 1909 г., а поэтому болтовня о том, что нарушение нейтралитета Бельгии явилось якобы неожиданностью для генеральных штабов Антанты, ясно, не имеет под собой никакой реальной почвы, что подтверждает в этой статье и сам Шлиффен.

«Германия, — пишет он, — беспрестанно мечтает о победоносном вторжении в цветущие равнины Сены и Луары; это всеми принимается как нечто вполне определенное. Так как прямая дорога ей была закрыта, то считают, что она постарается обойти неприятную ей преграду через Швейцарию или Бельгию. Чтобы предупредить подобное наступление на свой правый фланг, Франция своевременно закрыла все проходы через Юру фортами (т. е. Бельфор, Туль и пр. — *Вл. М.*). Слева пришла ей на помощь Бельгия (т. е. укрепления Льежа и Намюра. — *Вл. М.*)».

Так писал Шлиффен за 5 лет до мировой войны в широко распространенном сборнике «Германское обозрение». Поэтому совершенно отпадает версия, что главное командование союзников было застигнуто врасплох, когда германские армии появились на территории Бельгии. Жоффр не рассчитывал, что германские армии так быстро пройдут Бельгию; он думал, что к моменту их подхода к северной границе Франции он уже будет иметь решительный успех в Эльзас-Лотарингии. Но Жоффр просчитался. Да к тому же его план войны за № 17 был слишком несовершенным, чтобы иметь шансы на первоначальный успех. В отношении Бельгии французский генерал Виктор-Мишель оказался стратегически более прозорливым, чем до 1914 г. Жоффр и Фош.

В этой же работе Шлиффен еще раз подчеркивал, что обширные поля сражения должны внести коренные изменения в методы управления войсками. «Ни на одной из высот не появится новый Наполеон, окруженный свитой. Его белый конь сделался бы легкой целью многочисленных дальнобойных батарей. Полководец находится далеко позади, в доме с обширным штабом, куда проведены проволочный и искровой телеграф и телефон, где всегда готово для дальних поездок множество автомобилей. Там, на удобном стуле, за большим столом, сидит современный Александр, имея перед со-

бой карту всего поля сражения (или театра военных действий), откуда он передает по телефону свои распоряжения и получает донесения от командармов и комкоров и с привязных и управляемых воздушных постов, наблюдающих вдоль всего фронта за передвижением противника» [1].

Читатель не должен думать, что содержание этой фразы Шлиффена направлено против личного общения главнокомандующего с частными начальниками. Напротив, Шлиффен как раз усиленно пропагандировал необходимость личного общения между главнокомандующим и командующими группой армий и отдельными армиями. В приведенной выкладке Шлиффен хочет показать, что современный полководец управляет не только через ординарцев, как это делал Наполеон здесь же, на поле решительного сражения, но он должен научиться целесообразно управлять, используя новые технические средства связи.

Шлиффеновские методы управления и руководства войсками не допускали, чтобы к моменту завязки крупной операции и сражения полководец находился в таком удалении от огневой линии, чтобы он терял постоянную связь с войсками (например, как это случилось с Мольтке-младшим, который сидел в Люксембурге без связи с армиями правого фланга, в то время как решительные бои шли южнее Марны).

Наряду с основными и решающими обстоятельствами (резкое расхождение с группой Вильгельма—Тирпитца—Круппа по вопросам морского строительства и колониальной политики, а также по вопросам Эльзас-Лотарингии, Восточной Пруссии, которые Шлиффен был готов без обороны оставить противнику, для того чтобы за их счет получить дополнительные силы на правый фланг; см. главы II и III), благодаря которым Шлиффен был довольно неожиданно для себя уволен в отставку, имели место и побочные, в виде резкого личного антагонизма между Шлиффеном и Вильгельмом II.

Вильгельм II считал себя и делал все, чтобы и все окружающие считали его, как пишет Эмиль Людвиг, «великим полководцем», полагая, что в будущей войне это подтвердится целиком и полностью. Он часто говорил в кругу своих приближенных, что «Фридрих Великий с укором смотрит на него с неба, что он свою власть полководца делит с другими», намекая тем самым прямо на Шлиффена.

Вскоре Вильгельм поступил со Шлиффеном так же, как с Бисмарком. И когда в 1908 г. Шлиффен напечатал в военной энциклопедии Альтена свою статью «Полководец», то Вильгельм открыто сказал, что этот памфлет обиженного старца направлен против него. Но если бы Вильгельм и промолчал, то и без него все ясно понимали, куда бьет Шлиффен, так как эта полная острого сарказма

---

[1] Эти мысли в более сухих и конкретных формулировках нашли свое место в параграфе 17 немецкого наставления — «Основные принципы высшего командования войсками».

статья неприкрыто издевается над Вильгельмом II и Мольтке-младшим, которые встали во главе вооруженных сил германской армии, не имея никаких для этого данных.

«Полководцем нельзя быть назначенным, полководцем надо родиться и быть предопределенным», — пишет Шлиффен.

И далее:

«Но если начинающий свою карьеру полководец полагается единственно на свое божественное предназначение, на свой гений, на поддержку и покровительство высшей силы, то его победа будет плохо обеспечена. Напряженной работой подготовляется полководец к своему высокому призванию, его духовные и умственные силы должны возвыситься до полной ясности».

Развивая военные поучения Мольтке-старшего о полководческом искусстве, соглашаясь с ним, что современный полководец не должен сторониться методов коллективной работы, Шлиффен все же указал, что если «в 1866 и 1870 гг. полководец был представлен в виде триумвирата (Вильгельм, Бисмарк, Мольтке-старший) и этот опыт удался, то это вовсе не значит, что ему всегда надлежит удаться».

Шлиффен оказался прав: дуумвират (Вильгельм II и Мольтке-младший) в сентябре 1914 г. принес германской армии Марнскую катастрофу. Лишь после этого Вильгельм II отошел в сторону от оперативно-стратегических вопросов, передав это дело в руки Фалькенгайна, а затем Гинденбурга и Людендорфа.

В заключение Шлиффен выдвинул следующее требование:

«Задачей полководца является уничтожить или полностью сокрушить даже более сильного противника, о котором он не знает, где тот находится, куда направляется и что намеревается предпринять; чтобы достигнуть этой цели, полководец должен упорно преследовать избранный им путь, энергично преодолевая все встречающиеся затруднения, быстро находя выход при неожиданностях, до крайности развивая достигнутый успех и мужественно претерпевая удары судьбы... Но как много знаний требуется от полководца! Он должен не только уметь привести войско к победе, он должен его создать, вооружить, снарядить, обучить, обмундировать и прокормить. Возможно, конечно, что найдутся и другие лица, которые возьмут на себя эти задачи, но едва ли им удастся полностью угодить полководцу».

Таковы интересные мысли, оставленные Шлиффеном, которому, как мы знаем, не пришлось принять участия в мировой войне 1914—1918 гг., так как он умер за год до нее.

Итак, Шлиффен, как мы видели, разошелся с Мольтке-старшим по двум основным вопросам: по вопросу взаимодействия политики и военной стратегии, идя в этом случае по пути Клаузевица, и по вопросу о длительности предстоящей мировой войны. В последнем случае Шлиффен делал все, чтобы сжать сроки продолжительности будущей войны. Но он подошел к этому кардинальному вопросу односторонне, как военный специалист, не

вскрыв всей политико-экономической и народнохозяйственной стороны современных крупных капиталистических государств, очень мощных и гибких в отношении возможности длительной обороны страны. Хотя он и исходил именно из политико-экономической необходимости стремиться быстрее закончить раз начавшуюся войну, но этот подход был формальным и односторонним.

Он говорил, что «несколько десятков лет германо-французского соревнования по усовершенствованию техники привели к тому, что почти все армии не только Европы, но и Дальнего Востока и Запада владеют довольно равноценным оружием. Но, распространяя свои драгоценные дары равномерно и справедливо между всеми, военная техника на всех наложила большие тягости и всем принесла громадные убытки. Нетрудно было указать, как следовало поражать и уничтожать противника этим усовершенствованным оружием. Но как одновременно избежать собственного уничтожения — составило не легко разрешимую задачу» («Будущая война»).

Но, говоря так, Шлиффен не вскрыл основного, а именно, насколько германский капитализм и империализм в самые последние годы перед мировой войной (1909—1913) обогнал Францию и Англию, как своих наиболее вероятных противников и соперников в отдельности, и в каком соотношении сил и средств окажутся Германия и Австро-Венгрия с мощной коалицией Англии, Франции, Италии и царской России. Шлиффен искал путей, чтобы «избежать собственного уничтожения» через молниеносную и стремительно-наступательную войну по методам наполеоновской стратегии, т. е. сперва броситься и разгромить одного противника (французская армия), а затем перебросить освободившиеся силы на другого (русский фронт). Но Шлиффен сделал просчет в основном — в политико-экономической мощи сопротивления таких капиталистических государств его времени, как Англия, Франция, Италия, не учтя и того, что первая из них являлась главным врагом Германии.

Германская армия могла и захватить Париж и разгромить почти целиком полевую армию союзников в сентябре 1914 г., но никто в этом месяце не думал бы о заключении мира. Коалиция Антанты была слишком могущественна, она выставила бы новые и новые силы, как это и делала, и кровавое соревнование продолжалось бы дальше. Конечно, если бы Германия сумела в 1914 г. нанести такой удар по всем жизненным артериям Антанты, который был бы равноценен поражению самой Германии к середине 1918 г., вопрос стоял бы иначе, но эта гипотеза для того времени была бы явно несостоятельной. Этим и объясняется, что остался только на бумаге написанный Шлиффеном для германской армии параграф 8 официального наставления «Основные принципы высшего командования войсками», где говорилось:

«Характер современного ведения войны отличается стремлением к более полному и быстрому решению вопросов, с ней связанных:

призыв всех способных носить оружие, массы современных вооруженных сил, трудности продовольствования их, расходы, сопряженные с военным положением, перерыв в торговле и сношениях, промышленности и земледелии, и при этом готовая к бою организация армии и быстрота, с которой она сосредоточивается,— все это заставляет б ы с т р о кончить войну».

В этом случае победила не точка зрения Альфреда Шлиффена и других генеральных штабов капиталистических армий, которые также уверовали в сущность содержания этого параграфа, а гениальный и всесторонний прогноз Фридриха Энгельса, данный им за 37 лет до начала мировой империалистической войны 1914—1918 гг.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава VII

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ В ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ ВОЙНУ 1914—1918 гг.

1918 год, в течение которого были введены в боевые действия огромные по своей численности живые силы и гигантская техника истребления, крайне показателен в том отношении, что он является как бы закономерным прологом дальнейшего развития современной боевой техники, потребовавшей изменения боевых порядков и управления ими; на фоне этого года становится ясным и то изменение в системе обороны, которое мы наблюдаем в мировую войну и в настоящее время. Мы увидим, как железный пояс Серре-де-Ривьера перерос в укрепленные полосы Вотана, Зигфрида, Германа, Гундинга, Брунгильды, а последние — уже после войны в ту систему пограничных оборонительных полос Бельгии — Франции, которые не могут не заставить франко-бельгийское командование в предстоящей новой войне применить иные методы в стратегическом развертывании своих армий. Если к настоящему времени мы имеем достаточно богатый, но не синтезированный фактический материал — так сказать, голую историю вопроса — о планах войны и развертывания армий, то нет у нас трудов по планам стратегического развертывания, которые обобщили бы этот богатейший опыт империалистической войны и сделали бы из него соответствующие выводы. А это было бы крайне полезно уже потому, что методы, способы и приемы, которые применялись в вопросе стратегического развертывания в империалистическую войну 1914—1918 гг., к настоящему времени резко изменились. Теперь в предстоящей большой войне нельзя уже будет сосредоточить и развертывать силы и средства точно так, как это делалось в 1914—1918 гг. Состояние и дальнейшее развитие технических средств борьбы требует новых методов и приемов для производства стратегического развертывания.

Анализ богатейшего опыта войн последних двух десятилетий в достаточно полном виде дает представление о том, «как было и почему именно так было». Внимательное изучение современного военного дела и современных средств борьбы в свете опыта недавнего прошлого может дать ценнейшие указания на то, «как будет и почему должно быть именно так».

Проблема стратегического развертывания в предстоящей большой войне крайне усложнилась по сравнению с проблемой развертывания сил и средств в мировой войне и поднялась в последние два десятилетия на неизмеримо высшую ступень. Вот почему под-

ведение итогов опыта мировой и гражданской войн является совершенно необходимым этапом, для того чтобы конкретно говорить о современной высшей стадии в развитии этой проблемы, когда стратегическое развертывание и стратегический маневр, опираясь на новых людей, новую политико-экономическую обстановку и военно-техническую базу и правильно ее используя, может дать не виданные до сих пор образцы подвижности и гибкости. Конечно, надо добиться, чтобы это искусство в первую очередь принадлежало новому восходящему классу — пролетариату, который во всемирно-исторической борьбе с капиталистической буржуазией будет окончательным победителем.

Ниже нам придется опять встретиться с целым рядом личностей, которые, занимая высокие посты в правительстве и армии, играли выдающуюся роль в событиях первого года мировой войны. Мы должны помнить, что планы войны и планы стратегического развертывания армий создавались и создаются генеральными штабами во главе с их начальниками. Последние хотя и не играли доминирующей и решающей роли в исторических событиях военного порядка, но всегда были тесно связаны с этими событиями, а поэтому нельзя игнорировать их работу, их практическую и теоретическую деятельность, их принадлежность к тому или иному господствующему классу данного государства.

Отвечая на вопрос германского писателя Эмиля Людвига о значении личности в истории, товарищ Сталин в популярной форме не только разъяснил, что марксизм и ленинизм не отрицают определенной роли крупной личности в исторических событиях, но и указал, что ведь люди делают историю. Маркс очень ярко говорит об этом: «...Не история, а именно человек, действительный, живой человек,— вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека...» [1].

Развивая это положение Маркса, Ленин писал: «...Ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им...» [2].

Нам предстоит показать на политических и оперативно-стратегических примерах ту значительную роль, которую играет личность в вопросах подготовки и организации вооруженных сил данного государства, и какие последствия могут быть после того, когда данная личность, как организатор определенного коллектива, утверждает и санкционирует для проведения в жизнь тот или иной план войны, план стратегического развертывания, которые не могут не иметь огромного государственного значения.

Перед нами две личности — Жоффр и Мольтке-младший, как создатели планов войны, по которым развернулись вооруженные силы Франции и Германии в августе 1914 г. Каждый из них получил богатое оперативно-стратегическое наследство от своих пред-

[1] Маркс и Энгельс, т. III, стр. 118.
[2] Ленин, т. IV, стр. 58 (разрядка наша—*Вл. М.*).

шественников, бывших начальников генеральных штабов. О Сухомлинове, Ю. Данилове, Янушкевиче и Конраде, под руководством которых разрабатывались планы стратегического развертывания русских и австро-венгерских сил, мы будем говорить позже.

Перед Жоффром лежали планы войны №№ 13, 14, 15, 16, а также знаменитый план стратегического развертывания французских вооруженных сил, составленный ген. Виктор-Констан-Мишелем.

Перед ген. Мольтке — богатое оперативно-стратегическое наследство от его дяди Мольтке-старшего (варианты войны на два фронта: против Франции и России и пр.), от Вальдерзее (варианты развертывания против России), и, наконец, как синтез предшествующей многолетней работы коллектива Большого германского генерального штаба, планы развертывания Шлиффена.

Кроме того, Мольтке-младшего и Жоффра окружала новая политическая обстановка, новое экономическое и хозяйственное положение страны, новое состояние технических средств борьбы, новые данные об организации вооруженных сил вероятных противников и т. д. и пр., — другими словами, были новые данные, которые требовали теоретического обобщения и нахождения новых путей для разрешения стратегических и тактических задач, диктуемых изменившимися обстоятельствами и дальнейшим развитием буржуазной теории. Но так не было в данном случае на практике: конкретное содержание планов войны, составленных Жоффром и Мольтке-младшим, говорит о несколько ином.

Если нельзя сказать, что Жоффр и Мольтке являются главными и основными фигурами во всех событиях июля и августа 1914 г., то будет все же правильно и справедливо указать, что планы стратегического развертывания в августе 1914 г. были их прямым детищем. Они создавали их, под их непосредственным руководством вносились в эти планы соответствующие оперативно-стратегические и военно-технические изменения, по этим планам с первых дней мобилизации французские и германские армии стали сосредоточиваться в тех районах, которые для них были установлены.

Только так и можно рассматривать и расценивать это имеющее большое принципиальное значение событие, благодаря которому факты в жизни стали осуществляться именно в данном направлении, а не в ином. Само собой ясно, что эти планы являлись прямым выражением той политико-экономической обстановки, в которой они разрабатывались.

Глава VIII

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ ПО ФРАНЦУЗСКОМУ ПЛАНУ № 17 и ПО ГЕРМАНСКОМУ ПЛАНУ ОТ 1913—1914 гг.

В своей работе «Подготовка войны и ведение операций», на стр. 6, начальник французского генерального штаба ген. Жоффр (бывший во время войны верховным главнокомандующим французских армий) пишет:

«В плане № 17 центр тяжести сил северо-восточного театра был перенесен значительно севернее, чем в предыдущих планах, из-за все более и более вероятного нарушения бельгийского нейтралитета германскими силами. Я могу добавить, что до плана № 16 сосредоточение происходило к югу от Вердена. В плане № 16 поднялись немного севернее и в плане № 17 пошли еще гораздо севернее». Это правильно. В четырех армиях, расположенных в первой линии между Бельфором и Гирсоном [1], по этому плану должно было сосредоточиться 18 армейских корпусов и 8 резервных дивизий и во второй линии еще одна армия из 3 армейских корпусов в районе С.-Дизье и Бар-ле-Дюк. Дальше Жоффр пишет:

«С конца марта 1914 г. главной квартирой был выработан план добывания сведений для северо-восточной группы армий, дабы точно установить те сведения, которые являлись необходимыми, и средства их получения. В этом плане было обращено особенное внимание на очень вероятную возможность нарушения неприкосновенности бельгийской территории германскими силами и предусматривались меры, которые необходимо принять, чтобы, в случае если это произойдет, следить шаг за шагом за развитием и объемом этого нарушения».

Мы намеренно подчеркнули в этих выкладках ряд мыслей Жоффра, которые со всей ясностью говорят, что французский генеральный штаб вместо активного наступательного образа действий за захват инициативы будет действовать оборонительно, подчиняя свою оперативно-стратегическую мысль и волю замыслу противника. Этот замысел к марту 1914 г. Жоффру был хорошо известен хотя бы из купленной в 1909 г. «полевой поездки 1905 г. Шлиффена», в которой проверялся и прорабатывался план стратегического развертывания германских армий на 1905—1906 гг. [2], и из целого ряда других данных (военная литература, разведывательные данные, донесения военных атташе и пр.), и, несмотря на все это, основные идеи (выжидательные) планов развертывания №№ 14 и 15 продолжают иметь прочное место и в новом плане № 17.

Французская военная литература, особенно периода 1903—1914 гг., включая и официальные наставления и уставы, в основном требовала на стремительную, глубокую, наступательную доктрину германской армии ответить быстрыми и решительными контрмероприятиями, и именно ранее того, чем германцы вторгнутся в пределы Франции [3]. Иначе говоря, с момента объявления войны вопрос быстрого ввода французских войск в Люксембург и Бельгию ставился прямо и открыто в военной печати [4]. Между прочим, это об-

---

[1] В плане развертывания № 14 Бонналя — южнее Вердена, в плане № 15 — то же, в плане № 16 — уже несколько севернее Вердена, в № 16 (бис) — у Мезьера.

[2] Об этом см. указание быв. начальника 2-го бюро французского генерального штаба ген. Дюпона в его книге «Высшее германское командование», с предисловием Жоффра, стр. 12.

[3] См. об этом главу XVIII «Оперативно-стратегическое искусство Фоша и Людендорфа».

[4] См. работы Буше, Местро, Бюа, Мордака, Ланглуа и Лакруа, Фалькенгаузена, Бенгарди, Бриальмона, Дюкарна и др.

стоятельство давало повод Шлиффену, как мы видели в главе I, на своих полевых поездках и военных играх заявлять, что французы первыми нарушат нейтралитет Бельгии, с тем чтобы ударить по флангу германских армий, наступающих к восточной границе Франции. Были и такие произведения, которые ориентировали читателя на оборонительный способ действий с широким развитием борьбы войсками прикрытия (1-й, 6-й, 20-й, 7-й корпуса [1]) и войсками гарнизонов укрепленных районов (Туль, Эпиналь, Бельфор, Верден и др.), чтобы, возможно, проиграть часть территории, но зато выиграть время. Выигрыш времени нужен был для того, чтобы окончательно распознать, куда бросает главные силы противник, для того чтобы сосредоточить и в благоприятных условиях развернуть свои армии и затем совместно с прибывшей английской армией и африканскими войсками перейти к решительным действиям. Такой образ действий «маневрирования из глубины» проповедывали все последователи Бонналя.

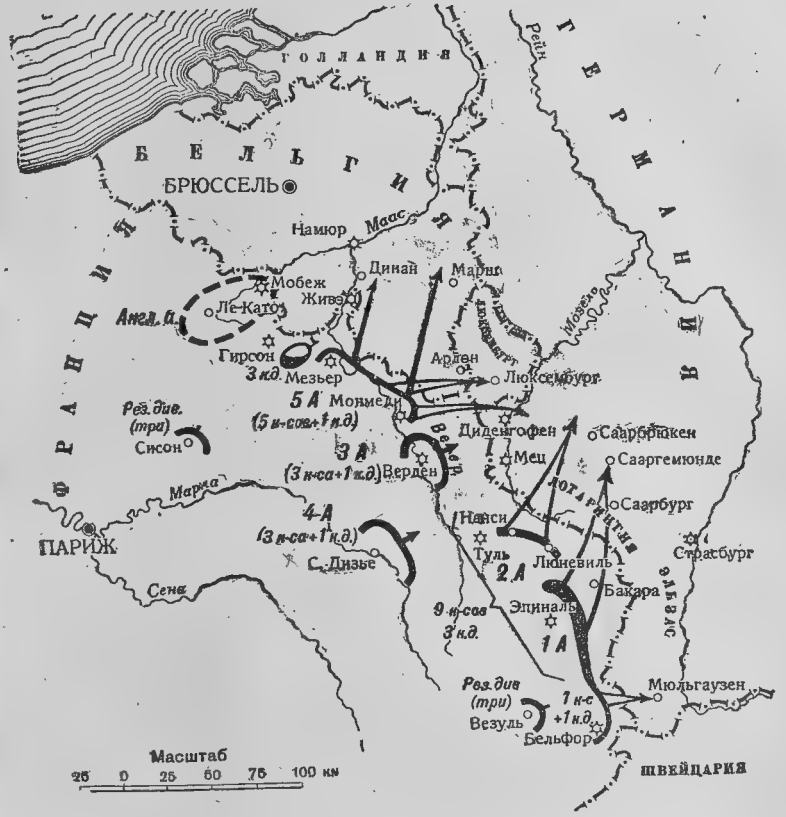
С каждым новым днем в дальнейшем развитии железных дорог писатели, считавшие, что «лучше выждать, когда обстановка выяснится, и действовать наверняка», старались убедить, что широкое маневрирование по железным дорогам восполнит сторицей время, потерянное «на выжидание», и даст возможность «разумно, правильно и выгодно» создать основную стратегическую группировку для мощного контрудара. Между прочим, как видно из работы ген. Фоша («Ведение войны. Маневр для боя»), Фош не только очень мало верил, что немцы поведут свой главный удар через Бельгию, но и питал огромную надежду, что скученное сосредоточение в кулаке французских армий против Эльзас-Лотарингии, опираясь на большое количество железнодорожных узлов в этом районе и широко развитую железнодорожную сеть, создаст возможность для маневра из глубины в нужном по обстановке направлении. В основном же побеждала мысль, что крепкий удар в Эльзас-Лотарингию по левому флангу германцев не только вернет потерянное в 1870 г., но и поставит в исключительно тяжелое положение германские армии, если они будут главными силами наступать севернее Меца через Люксембург, Бельгию. Французская армия громит левый фланг германцев и выходит в глубокий тыл их наступающим армиям севернее Меца — фактически эта гипотеза была господствующей. Между прочим, она нашла свое выражение в директиве № 1 к плану № 17, говорящей о замысле стратегического развертывания у французского генерального штаба. Графически этот оперативно-стратегический замысел по директиве № 1 выражен на черт. 10.

Иначе говоря, план № 17 на 12-й день мобилизации развертывает 5 армий на фронте Мезьер, Бельфор, причем наибольший сгусток сил концентрирует на правом фланге ($9 + 1 = 10$ корпусов и $3 + 1 = 4$ кавдивизии). На 4-й день мобилизации из 1-й армии выделяется 1 корпус и 1 кавдивизия для наступления в Эльзас.

Задачи 1-й и 2-й армий после развертывания на линии Нанси, Люневиль, Бакара — наступать в Лотарингию на Саарбрюкен, Са-

[1] Схема 7.

аргемюнде. 5-я армия развертывается на линии Мезьер, Монмеди с двойной задачей: если германцы будут наступать в Бельгию, то 5-я армия и кавалерия (3 кавдивизии), образуя отдельный кавалерийский корпус, группируя резервы к своему левому флангу, вторгаются в бельгийский Люксембург; если этого не будет, то корпуса 5-й армии наступают на Люксембург, Диденгофен. 3-я армия служит связующим звеном между наступающими двумя группами



Черт. 10. Наступательный замысел по французскому плану развертывания № 17.

(5-я армия плюс кавалерия и 1-я и 2-я армии); задачей ей ставилась в основном оборона района Вевр со стороны Меца и Диденгофена. В случае же особо благоприятных условий 3-я армия могла перейти в наступление с целью обложения района крепости Мец. 4-я армия развертывается во второй линии; ее задача заключается в том, чтобы, смотря по обстановке, быть готовой поддержать и первую и вторую наступающие группы, в случае же вы-

движения 5-й армии в направлении Динана, 4-я армия должна наступать на Арлон, развернувшись в промежутке между 5-й и 3-й армиями.

В отношении английской армии в особом приложении к плану № 17 под заголовком «армия W» было сказано, что англичане в составе 6 пехотных и 1 кавалерийской дивизий после высадки во Францию сосредоточатся на левом фланге французской армии в районе Ле-Като, Мобеж. Кроме того, было подчеркнуто, что ввод французских войск в Бельгию может быть осуществлен лишь с прямого указания французского главкома; в его же распоряжении остаются все резервные дивизии, африканские колониальные войска и корпуса, оставленные на итальянской границе. Необходимо иметь в виду, что эти оперативно-стратегические идеи, заложенные в план № 17 Жоффра, имели тесную связь с работами царского генерального штаба по плану стратегического развертывания русских армий против Германии и Австро-Венгрии.

Связь в стратегической работе между французским и царским генеральными штабами стала особенно тесной в последние годы перед мировой войной, когда наблюдались почти ежегодные посещения и совместные совещания начальников главного и генерального штабов генералов царской армии Сахарова, Палицына, Гернгросса и Жилинского с начальниками генеральных штабов французской армии ген. Деляном, Пендзеком, Брэном, Ладеба, Дюбайлем, Жоффром. Основным вопросом, постоянно стоявшим на повестке дня, был вопрос отвлечения как можно больше германских сил с западного (французского) фронта на восточный (русский), чтобы тем самым облегчить положение Франции, которая должна будет принять первый главный удар со стороны германцев. Царская армия по военно-политической конвенции с Францией обязалась всемерно помочь последней путем организации мощного удара по Восточной Пруссии. Когда царская армия окрепла после неудачной для нее русско-японской войны, французский генеральный штаб стал очень активно и настойчиво требовать обязательства царской России выставить против Германии на 15-й день мобилизации до 800 000 человек, начав тотчас же наступление в пределы Восточной Пруссии и тем самым отвлекая внимание и силы главного германского командования с запада на восток. Н. Валентинов в своей работе «Военные соглашения России с иностранными государствами до войны» указывает, что на совещании в 1910 г. французы говорили царскому генеральному штабу: «Вы не можете себе вообразить, какое впечатление произведет у нас известие, что русская армия перешла в наступление и что первая английская рота высадилась в Калэ». После русско-японской войны и революции 1905 г. Франция обильно финансировала царское правительство, требуя за свои займы через Дюбайля и Жоффра постройки стратегических дорог на границе с Восточной Пруссией, соответствующих мер по ускорению мобилизации и быстрейшего сосредоточения к 15-му дню против Германии такого количества войск, которое царская Россия, благодаря своим огромным пространствам и слабо развитой железнодорожной сети, явно не могла сосредоточить.

Хотя в предвоенной литературе и обсуждался план взаимодействия между армиями Бельгии, Франции и Англии, по которому бельгийцы развертываются на Маасе между Льежем и Намюром, англичане в районе Льежа, а французы протягивают свой левый фланг до района Намюра, но, как показали августовские дни 1914 г., четко выработанного плана взаимодействия между этими армиями не было.

Бельгийцы, получив первый удар, были очень скоро отброшены к Антверпену, англичане не имели большого желания действовать в тесной связи с французами, и потребовалось не мало усилий, чтобы убедить их на согласованные действия.

Во всяком случае и в Бельгии, и на северной границе Франции правофланговые германские армии били эти армии союзников по частям. Хотя у французов и было желание 5-й армией наступать в бельгийский Люксембург (направление Динан, Марш), но одновременно она должна была быть готовой наступать в направлении Люксембург, Диденгофен, если германцы не пойдут главными силами в Бельгию. Вот эта концепция и нашла свое отражение в основной директиве плана № 17, где были сказаны исключительно важные слова, в которых мы видим зерна, посеянные трудами Бонналя, Фоша и их школой. Эта директива к плану № 17, говорящая о сосредоточении французских армий в районы стратегического развертывания, почему-то очень часто упускается военными историками. В ней говорилось:

«Из собранных сведений и предшествующего сравнительного исследования (анализа) вытекает, что большая часть германских сил будет, вероятно, сосредоточена на общей границе. Возможно, что в некоторых пунктах они перейдут границу раньше, чем может произойти наше общее наступление в пределах Германии» (подчеркнуто нами.— *Вл. М.*)[1].

Как видим, коротко, но крайне показательно. О чем же говорит этот оперативно-стратегический прогноз французского генерального штаба? А о том, что главные силы германской армии развертываются на восточной границе Франции, южнее меридиана Лонгви, Диденгофен, т. е. там, где начинается «общая граница» между Германией и Францией. А поскольку это так, то и французские армии будут развертываться своей главной массой против Эльзас-Лотарингии, т. е. на той же линии, на которой должны были развертываться согласно разобранным нами французским планам войны №№ 14, 15[2].

Кроме того, эта директива к плану войны № 17 совершенно игнорирует тот огромный материал о бельгийском театре военных действий, который хранился в папках первого, второго и третьего бюро французского генерального штаба и которым, как мы видели, так неплохо уже в 1911 г. воспользовался ген. Виктор-Мишель, больше поверивший сведениям о полевой поездке Шлиффена 1905 г., приобретенным французами в 1909 г.[3].

---

[1] «Les armées françaises dans la grande guerre», t. I, p. 54.
[2] Ibid., p. 51—53.
[3] Дюпон, Высшее германское командование, стр. 12.

К моменту утверждения плана № 17 (20 мая 1913 г.) этот материал значительно увеличился и принял еще более конкретные формы. Во всяком случае уже никто не сомневался в нарушении Германией бельгийского нейтралитета; об этом открыто говорили везде и всюду, но все это тихо, как тень, скользнуло мимо творцов плана № 17, мимо страниц этого объемистого стратегического фолианта [1].

В недавно опубликованных мемуарах Жоффр [2] пытается свою ошибку с вопросом бельгийского театра военных действий переложить на председателя совета министров Пуанкаре, который будто бы на секретном совещании 21 февраля 1912 г. высказался против ввода французских войск до нарушения германцами бельгийского нейтралитета. Но этот довод Жоффра так неудачен, что историк ни в коей мере не может стать на его сторону и снять с него этой ошибки. Жоффр пишет, что он еще в 1911 г. поставил своим сотрудникам по генеральному штабу задачу переработать стратегический план № 17 таким образом, чтобы помешать германской армии нарушить бельгийский нейтралитет. Но от того, что Жоффр только поставил этот вопрос, а не твердо его решал, как, скажем, ген. Виктор-Мишель, дело, конечно, не изменилось ни на иоту.

Что же пишет Жоффр в своих мемуарах? Он говорит, что 9 января 1912 г. на заседании Высшего совета национальной обороны, которое происходило под председательством президента республики Фальера, он (Жоффр) следующим образом сформулировал свои вопросы к французскому правительству.

«1. Могут ли наши армии вступить в Бельгию при первом же сообщении о нарушении германцами нейтралитета бельгийской территории?

2. Могут ли наши армии не обращать внимания на нейтралитет Люксембурга?»

Как видим, такие вопросы начальника французского генерального штаба Жоффра правительству были вполне резонны после того, как тихо похоронили стратегический план развертывания ген. Виктор-Мишеля. И что же ответило правительство Жоффру?

Ответ был краток:

«Совет единогласно,— пишет далее Жоффр,— постановил, что французские армии будут вправе действовать, как найдут лучшим».

Но вот через месяц, 21 февраля 1912 г., состоялось второе совещание, на котором присутствовали председатель совета министров Пуанкаре, члены правительства Мильеран, Делькассе, Палеолог, Жоффр и начальник морского штаба Обер. Жоффр повторил, примерно, то же самое, что он говорил правительству 9 января, указывая на необходимость войти в соглашение с бельгийским правительством относительно ввода французских войск на территорию Бельгии.

«В результате моего доклада,— пишет Жоффр,— я изложил свое заключение в том смысле, что высший интерес требует от нас

[1] «Les armées françaises dans la grande guerre», t. I, p. 18—67.
[2] «Mémoires du maréchal Joffre», t. I, p. 117—125.

введения наших армий на бельгийскую территорию, и не только тогда, когда германцы нарушат неприкосновенность. Я прибавил, что, быть может, возможно дипломатическим путем приобщить британское и бельгийское правительства к этой точке зрения. Военный министр Мильеран полностью присоединился к моей точке зрения относительно выгод, которые обещал мой план. Морской министр Делькассе также твердо высказался в пользу моего мнения. Но председатель совета министров Пуанкаре заметил, что проход французских армий через Бельгию рискует вызвать недоброжелательность Европы и даже самих бельгийцев. При этих условиях представляется необходимым, чтобы наше вступление на территорию Бельгии было, по крайней мере, оправдано угрозой германского нашествия. Нужно добиться хотя бы того, чтобы наш стратегический план, основанный на нашем вступлении в Бельгию, не повлек за собой недовольства Англии и не вынудил ее отказать нам в помощи». Так пишет Жоффр.

Является вопрос: следует ли заключить из того, что говорил на этом совещании Пуанкаре, что он был принципиально против ввода французских армий в Бельгию? Этого нисколько не видно; мало того, сам Пуанкаре как раз тоже ратует за это, но он только пытается дать ряд политических моментов, которые будто бы Франции необходимо разрешить, с тем чтобы в дипломатическом отношении дело прошло более обдуманно и гладко. Сам же Жоффр пишет дальше, что и Англия и Бельгия в принципе не возражали против ввода французских армий в Бельгию, как это требовал Жоффр. Мало того, бельгийское правительство заключило вскоре после этого заседания соглашение, в котором черным по белому было написано: «Французские армии имеют право вступить в Бельгию, в случае если нейтралитет Бельгии будет нарушен германцами».

Чего же большего надо было автору плана войны № 17 Жоффру? Следовало бы соответствующим образом переработать план № 17, но этого как раз и не было сделано. В этом плане продолжала торжествовать выдвинутая Буланже идея реванша, отторжения в первую очередь Эльзас-Лотарингии. На этот участок, на это операционное направление и группировал основные силы своих армий Жоффр в августе 1914 г.

Ген. Гренер в своей работе «Завещание Шлиффена» пишет: «Стратегическая внезапность вполне удалась. Французы совершенно не были знакомы с основной идеей плана Шлиффена». Это, конечно, неверно. Во-первых, французы были хорошо осведомлены о плане нарушения германской армией бельгийского нейтралитета и необходимости ее прохода через Бельгию. Во-вторых, как видим из мемуаров Жоффра, последний вместе с английским генеральным штабом хорошо учитывал этот вопрос еще за 2 года до войны [1].

---

[1] Бешеная конкуренция в морских вооружениях, по словам английского министра иностранных дел Эдуарда Грея (его послевоенные мемуары), делала Англию непримиримым врагом Германии. Английский генеральный штаб еще задолго до мировой войны получил директиву о выработке англо-франко-русской военной конвенции, направленной против Германии. Было твердо устано-

В-третьих, достаточно ознакомиться с планом предшественника Жоффра—ген. Виктор-Мишеля, чтобы видеть, что французский генеральный штаб был знаком с основной идеей Шлиффена (удар правым флангом и проход этого фланга через Бельгию). Но предвзятая мысль, что главным театром для Франции является именно ее восточная граница (Верден, Бельфор), осталась господствующей. Мало того, эта предвзятость торжествовала и в тот момент, когда в августе 1914 г. Жоффр узнал, что германские армии вторглись в Бельгию; он все же думал иметь успех именно в Эльзас-Лотарингии, а затем уже на северной границе Франции. И Шлиффен жестоко ошибся, когда он перед войной говорил своим офицерам генерального штаба:

«Ширина северной Бельгии столь значительна, марш через нее будет столь продолжительным, что французы найдут время для осуществления всевозможных мероприятий для противодействия нам; о внезапности не может быть и речи».

Верно, о внезапности не было речи, но вот именно время-то для осуществления соответствующих контрмероприятий Жоффр так и не сумел целесообразно использовать: он был всецело занят вопросом Эльзас-Лотарингии, вопросом реванша и за это получил в наказание факт отступления бельгийской армии к Антверпену, английской армии Френча и всех французских армий левого фланга и центра — к Марне.

Один из почитателей стратегических талантов Жоффра — французский военный писатель Энгеранд — в работе «Драма у Шарлеруа» (большое пограничное сражение было у Монса, Шарлеруа, Динана, на р. Самуа, у Лонгви и т. д.) пишет следующее:

«Теперь можно смело сказать, что еще никогда так сильно не ошибались. Заблуждение было полное и, что поражает, добровольное, потому что никогда неприятельское наступление не было так ясно предусмотрено и предсказано, как наступление германцев в августе 1914 г.; стратеги старой школы не только предсказали

влено, что с первым шагом германских армий по территории Бельгии (т. е. с нарушением бельгийского нейтралитета Германией) Англия сейчас же объявляет войну Германии и высаживает свою экспедиционную армию во Францию. Таким образом, для английской дипломатии нужен был лишь предлог к активному вмешательству в мировую войну, в подготовке которой она задолго до ее начала принимала самое горячее участие. А потому сплошным фарисейством звучат те тирады из вышедших недавно мемуаров Ллойд-Джорджа, где он, потеряв всякий стыд, пытается убедить читателя, что «Англия вступила в войну исключительно в результате «неожиданного» нарушения Германией нейтралитета маленькой Бельгии, благородно защищая поруганную невинность!» Ллойд-Джордж «забыл» речь Эдуарда Грея в палате общин от 3 августа 1914 г., в которой Эдуард Грей со всей ясностью продемонстрировал конкретные результаты подготовительных работ французского и английского генеральных штабов за последнее пятилетие перед мировой войной 1914—1918 гг. Но все это, конечно, не исключает того факта, что к августу 1914 г. англичанам, французам и бельгийцам не удалось установить полного боевого взаимодействия между армиями, так как командование каждой из этих армий выжидало, стремясь уклониться за счет соседа от первого поражения. Но случилось так, что каждая из этих армий союзников в августе получила по крепкому удару со стороны германского правофлангового кулака.

его за 40 лет, но даже указали нам способы противодействовать ему; однако их идеи осмеивали, их труды оставляли в пренебрежении».

Эта выкладка из труда Энгеранда комментариев не требует.

В чем основная стратегическая цель в плане № 17? Если исходить из анализа общих положений, то мы найдем в нем очень много фраз об активном, широко наступательном образе действий, которые должны сейчас же после стратегического развертывания армий начаться со стороны Франции. Кроме того, все уставы и инструкции французской армии, официальные выступления представителей французского генерального штаба (Гранмезон и др.)— все это говорило о том же, что «дух наступления неделим». Когда же мы анализируем идею стратегического развертывания французских армий и те задачи, которые они получают с первого же момента после развертывания, то видим совершенно другое. Французские армии должны были не наступать, а выжидать, т. е. в основе плана развертывания лежала оборонительно-выжидательная концепция, которая пронизывает план № 17 от начала до конца.

Вполне реален рассказ ген. Буше, относящийся к 3 августа 1914 г., когда война была уже объявлена и Жоффр собрал у себя всех командующих армиями. Хотя последние и знали крылатую фразу Жоффра, что «план операций — это идея, которую полководец держит в своей голове, но не доверяет бумаге», однако все же ожидали ясных директив в отношении операций в начальный период войны.

Все командующие армиями, пишет ген. Буше, считали, что они собраны для того, чтобы Жоффр, по примеру Бонапарта, изложил им свои взгляды о направлении, которое он намеревался придать операциям. Они надеялись выйти от него полные уверенности в исходе войны, уверенности, которую они не преминули бы сообщить своим войскам. Ничего подобного не было. Беседа коснулась только банальностей. Когда один командующий попытался поднять вопрос о плане, то Жоффр ответил: «Это ваш план, но не мой». И все удалились, исполненные беспокойства, которое высказал один из них: «Имеет ли главнокомандующий план? Есть ли у него идея?».

Таково было поведение французского главнокомандующего Жоффра, которого за его молчаливость называли «крепостью, замкнутой со всех сторон», но который в данном случае со своими непосредственными частными начальниками мог бы быть более откровенным.

В еще более оригинальном положении оказался в первый день общей мобилизации (т. е. в момент объявления войны) ген. Мольтке-младший. По плану войны 1913—1914 гг. в силе оставалась шлиффеновская идея о сосредоточении главной массы сил против Франции на фронте к северу от Меца, в то время как против России должна была быть организована оборона незначительными силами. Хотя план Мольтке имеет значительное отличие в целом от плана Шлиффена, о чем мы скажем ниже, но основная идея

борьбы на два фронта с переносом центра тяжести на запад оставалась в силе и по варианту 1913—1914 гг.

Но вот 1 августа, когда Германией была объявлена война России, с Мольтке произошел весьма показательный инцидент. Мы его приводим как важный момент в истории стратегического развертывания германской армии, как факт, который говорит, что долголетняя работа мирного времени по вопросам стратегического развертывания не может быть коренным образом изменена, так чтобы подготовленные годами стратегические потоки перевозок с войсками сразу же могли двинуться совершенно в другом направлении, чем то было намечено планом.

1 августа, в 5 часов вечера, Вильгельм подписал приказ о мобилизации армии. Вариант 1913—1914 гг. плана войны оставался в силе. Имея на руках этот приказ, Мольтке отправился обратно в генеральный штаб. Дальше предоставим слово самому ген. Мольтке [1].

«Я находился, — пишет в своих воспоминаниях Мольтке, — на обратном пути из дворца в генеральный штаб, когда получил приказание немедленно вернуться во дворец, куда поступили очень важные известия. Я тотчас же вернулся».

Эти известия заключались в том, что английский статс-секретарь (министр иностранных дел) Грей будто бы передал германскому послу в Лондоне Лихновскому намерение Англии взять на себя обязательство удержать Францию от объявления войны Германии, если Германия первой не начнет враждебные действия. Другими словами, пусть Германия, объявившая 1 августа войну России, и воюет с последней.

Как потом оказалось, это было какое-то недоразумение с Лихновским, который перепутал то, что ему говорил Грей, или же сам Грей не так выразился, как хотел. Во всяком случае этот трюк английской дипломатии Лихновский в шифрованной телеграмме передал Вильгельму как раз в то время, когда Мольтке находился в пути в генеральный штаб с подписанным приказом об общей мобилизации.

Вошедшему Мольтке Вильгельм сказал:

«Мы должны вести войну только с Россией. Итак, мы наступаем всеми армиями на восток». «Я возразил его величеству, — пишет Мольтке, — что это было бы невозможно. Стратегическое развертывание миллионных армий не может быть импровизировано, оно является результатом упорной многолетней работы и, однажды установленное, не меняется. Если его величество настаивает все армии направить на восток, то они не явились бы готовыми к бою, а представляли бы собой хаотические толпы неорганизованных вооруженных людей без снабжения. Кайзер настаивал на своем и был очень возбужден, сказав мне, между прочим: «Ваш дядя (Мольтке-старший) дал бы мне другой ответ!» Для меня это было очень больно. Я никогда не претендовал

[1] Helmuth von Moltke, Erinnerungen, Briefe, Dokumente 1877—1916, S. 18—20.

быть подобным фельдмаршалу. Что для нас наступила бы катастрофа, если бы со всеми армиями начали наступление против России, имея в тылу мобилизованную Францию, в этом никакого не было сомнения. Как могла Англия гарантировать Германии, что Франция не нападет с тыла? Мое возражение, что Франция уже мобилизовалась и невозможно, чтобы оба мобилизовавшиеся государства оставались долго без столкновений, было напрасно. Настроение было приподнятое, и я оказался совершенно одиноким... Я сказал кайзеру, что по окончании сосредоточения возможно любую сильную часть армии перебросить на восток, но в самом плане сосредоточения ничего не может быть изменено, ибо в противном случае я снимаю с себя всякую ответственность... В продолжение всей этой сцены я был в полном отчаянии... По нашему мобилизационному плану было предусмотрено занятие Люксембурга 16-й дивизией уже в первый день мобилизации. Мы должны были немедленно обеспечить люксембургские железные дороги от французских покушений, так как они предназначались для нашего сосредоточения. Тем более для меня было тяжело, когда канцлер Бетман-Гольвег заявил, что занятие Люксембурга не может быть осуществлено ни под каким видом, ибо оно было бы прямой угрозой Франции и свело бы на-нет сделанные Англией предложения. В то время как я настаивал на своем, кайзер, не спрашивая меня, обратился к дежурному флигель-адъютанту и приказал ему тотчас же послать телеграфный приказ в Трир 16-й дивизии, чтобы она не вступала в Люксембург; я чувствовал, что как будто бы мне должны разбить сердце. Вторично возникла опасность, что наше сосредоточение будет смято. Понять это, конечно, мог только тот, кто в целом и до самых мельчайших подробностей изучил работу по стратегическому сосредоточению, где каждый поезд рассчитан по минутам и где каждое изменение могло оказать самые тяжелые последствия. Напрасно я старался убедить его величество, что мы должны использовать и обеспечить железные дороги в Люксембурге, я был остановлен замечанием, что вместо этих дорог я могу использовать другие. Приказ остается в силе».

«С этим я ушел», — говорит дальше Мольтке. В таком тяжелом положении оказался Мольтке, к слову сказать,— как из всего изложенного видно,— крайне односторонне разбиравшийся в общей политической обстановке и не умевший с помощью политических факторов распознать создавшуюся путаницу с Лихновским или Греем и тем самым показать и с политической точки зрения всю несуразность предложения Вильгельма и тех реплик, которые вставлял в процессе разговора германский канцлер Бетман-Гольвег.

До 11 часов вечера Мольтке находился в том же положении, как вдруг он опять был вызван к Вильгельму, который ему указал: «Вы можете делать, что хотите», так как выяснилась путаница с информацией Лихновского и английским предложением. Мольтке сейчас же отдал приказ 16-й дивизии занять Люксембург, причем в приказе была добавлена фраза: «Так как ныне стало известно, что во Франции объявлена мобилизация».

Мы намеренно привели эту выписку из воспоминаний Мольтке-младшего, как в полной мере характеризующую чудовищную стратегическую беспринципность и безграмотность, в которой пребывали германская политика и ее руководители.

Мы не будем останавливаться на имевших место до 1 августа и в дни 1—2 августа различных политических и дипломатических переживаниях государственных деятелей Антанты и Четверного союза, особенно в вопросе объявления войны, так как все это представляет лишь исторический интерес. Теперь каждому известно, что до 1 августа все генеральные штабы воевавших держав (Англии, Франции, Бельгии и т. д.) приняли ряд мер, которые говорили о том, что война уже до 1 августа вступила в свои права (см. табл. 11).

Кроме того, самый акт объявления войны в наши дни потерял всякий смысл, так как несомненно, что мы теперь не будем свидетелями факта объявления войны, а затем уже широких мобилизационных мероприятий. Это будет делать лишь тот, как открыто говорит западно-европейская печать, кто желает потерять внезапность удара и запоздать со стратегическим развертыванием своих сил.

Первые сведения о сильной бомбардировке железнодорожных узлов и важных оперативно-стратегических пунктов в приграничной полосе (глубиной не менее 300 км), внушительные внезапные удары мотомеханизированных частей и кавалерии по заранее расписанным районам (приграничной полосы) по ту сторону государственной границы в наши дни будут восполнять и дополнять телеграммы об объявлении общей мобилизации и объявлении войны. Об этом пишет большинство наиболее авторитетных военных писателей буржуазии.

Как мы уже говорили выше, общая мобилизация армии и сосредоточение к границам войск прикрытия являются первыми боевыми аккордами, говорящими о том, что потоки эшелонов с войсками данной армии двинулись в районы стратегического развертывания, заранее намеченные планом войны.

Таблицы 11 и 12 в кратких чертах дают представление о том, как в основном протекала мобилизация в армиях Германии, Франции, Бельгии и Англии и какие силы были перевезены к границам для обеспечения прикрытия мобилизации и стратегического развертывания.

О чем говорят эти таблицы? Они говорят, во-первых, о том, что за несколько дней до официального объявления войны каждый из противников принял ряд таких мероприятий, в силу которых их армии ко дню 1 августа оказались уже мобилизованными. Во-вторых, фактически и Франция и Германия закончили свою мобилизацию одновременно.

Необходимо далее отметить, что французское командование предприняло один из шагов, который является показательным политико-стратегическим актом, весьма четко характеризующим ту растерянность, в которой пребывало оно в первые дни мобилизации. Вместо твердой политики отвечать на удар ударом, оно

Таблица хода мобилизации постоянной армии в Германии, Франции, Бельгии и Англии

Наименование армий	Сбор войск в пункты постоянного расквартирования из лагерей, частичный призыв резервистов, охрана железных дорог	Прекращение отпусков, усиление охраны гос. границы, ж.-д. узлов и путей жел. дорог, сбор перевозочных средств	Мобилизационные работы в крепостях, призыв резервистов в пограничной полосе	Дальнейший призыв резервистов в пограничной полосе, перевозка в пограничные районы войск, назначенных для прикрытия мобилизации и сосредоточения	Объявление общей мобилизации (объявление войны)	1-й день мобилизации	Окончание мобилизации постоянной армии
Германская	28 июля	29 июля	29—30 июля	30—31 июля	1 августа объявление войны России и 3 августа Франции	2 августа	5 августа
Французская	26—27 июля	28 июля	29—30 июля	31 июля	1 августа	2 августа	5 августа

Примечание. Бельгийская армия: усиление боевой готовности началось с 24 июля, 28 июля было призвано 3 возрастных класса резервистов, 31 июля объявлена мобилизация.

Английская армия и флот: 27 июля — приказ о сосредоточении флота в Портланде, 27 июля — начало мобилизационных работ, 31 июля — окончание мобилизации флота, в период с 4 по 7 августа закончилась мобилизация экспедиционной армии.

Таблица 12

Переброска войск прикрытия

Наименование армии	Усиление охраны границ и выдвижение войск прикрытия к границе	Переброшенные части прикрытия до 1 августа	Район развертывания	Части, расположенные в мирное время на границе
Германская . .	30 июля	1-й кав. корпус (гвард. и 5-я кавдив.) плюс шесть бригад из разных корпусов 4-й кав. корпус (3-я и 6-я кавдивизии) 3-й кав. корпус (бавар., 7-я и 8-я кавдивизии)	Бельгийская граница Люксембургская граница Лотарингская граница	8-й корпус (Аахен, Трир), 16-й корпус (Диденгофен, Мец), 21-й корпус (Саарбрюкен, Саарбург), 15-й корпус (Страсбург, Нейбризах), 14-й корпус (Мюльгаузен)
Французская .	31 июля	2-й, 6-й, 7-й, 20-й и 21-й арм. корпуса, 2-я, 4-я, 6-я, 8-я кавдивизии, кав. полки 2-го, 5-го и 8-го арм. корпусов, 3-я, 9-я, пех. дивизии, 84-я пех. бригада	Развернулись по границе от Монмеди до Бельфора	2-й корпус с 4-й кавдивизией (Монмеди, Спинкур), 6-й корпус (Конфлан, Муссон), 20-й корпус со второй кавдивизией (Номени, Шампенуа, Эмберминиль)
	3 августа	Закончена переброска африканских частей	В районе Бельфора	21-й корпус с 6-й кавдивизией (Мантиньи, С. Дие-Фрез), 7-й корпус с 8-й кавдивизией (Жерард, Мер-ле-Тиле) и укрепленный район Бельфора
Бельгийская .	24—28 июля	3-я и 4-я дивизии	Льеж, Намюр, Тонгр, Гюи	Войска крепостного района Льежа

приказало войскам прикрытия не приближаться к границе ближе, чем на 10 км. Такое установление «нейтральной зоны» перед активным решительным врагом французское правительство и командование объясняют желанием не быть обвиненными в том, что Франция начала войну первой.

И этот акт французов является тем менее убедительным, что он последовал за несколько часов до объявления войны, да и, насколько известно, в эти часы события с обеих сторон были настолько быстротечными, что этот никому не нужный акт фактически никем из войск прикрытия не выполнялся. Если мы сравним задачи войскам прикрытия, которые ставил план развертывания ген. Виктор-Мишеля с этим актом французского главного командования во главе с Жоффром, то станет еще более понятным, что в эти кризисные дни французское главное командование еще не знало, чего оно хочет.

Ход сосредоточения главной массы сил сторон виден из таблицы 13. Кроме того, мы даем две подлинные карты стратегического развертывания французских армий, составленные французским генеральным штабом (см. схемы 8 и 9). Схема 8 есть точное отображение стратегического развертывания по плану № 17, схема 9 говорит о расположении французских армий согласно приказу от 2 августа. Как видим, здесь разница весьма незначительная, и касается она главным образом 4-й армии. Согласно приказу Жоффра от 2 августа, который последовал после того, как французским главным командованием были получены сведения о вступлении германских частей в Люксембург, 4-я армия стала подниматься несколько к северу. Из тесного района Бар-ле-Дюк она продвинулась к северу, к району Шалон. Новые передвижения французов для развертывания последовали несколько позже, когда стало известно, что германские войска, захватив Льеж, двинулись массой через Бельгию к северной границе Франции.

Итак, на фронте Гирсон, Бельфор, протяженностью в 345 км, французы развернули 5 армий, состоявших из 21 арм. корпуса, 10 кавдивизий, 24 резервных и 4 территориальных дивизий, общей численностью 1 325 000 человек, 4 052 легких орудия, 107 батарей (кроме крепостных) тяжелых орудий и 1 314 пулеметов.

Главную массу войск составляли:

1-я армия — 5 арм. корпусов, 2 кавдивизии, 1-я группа резервных дивизий (3 дивизии) и по 1 резервной дивизии в гарнизонах крепостей Бельфор и Эпиналь. Всего 320 000 человек, 850 орудий.

2-я армия — 5 арм. корпусов, 2 кавдивизии, 2-я группа резервных дивизий (3 дивизии), 1 дивизия в гарнизоне крепости Туль. Всего 300 000 человек, 800 орудий.

3-я армия — 3 арм. корпуса (6-й корпус трехдивизионного состава), 1 кавдивизия, 3-я группа резервных дивизий (3 дивизии), 1 резервная дивизия в гарнизоне крепости Вердена. Всего 200 000 человек, 750 орудий.

5-я армия — 5 арм. корпусов, 1 кавдивизия, 2 резервных дивизии. Всего 250 000 человек, 650 орудий.

Таблица 13

Сроки сосредоточения главной массы войск к границам в районы развертывания

Наименование армий	Переброска главной массы войск в районы сосредоточения (до этого также шли переброски отдельн. частей)	Прибытие главной массы в районы сосредоточения	Полное сосредоточение всех армий	Окончание перевозок в армейские районы второлинейных войск для тыловой службы	Примечание
Германская . . .	7 августа	10—11 августа	17 августа	20 августа	[1] Объявление 3 августа нейтралитета Италией дало возможность Франции в период с 5 по 13 августа перебросить войска 14-го и 15-го корпусов и альпийских стрелков с итальянской границы в Эльзас-Лотарингию. Кроме того, в период с 5 по 13 августа были переброшены в район Аррас, Лилль 3 территориальные дивизии и $4^1/_2$ территориальные дивизии в парижский гарнизон. [2] Такая задержка произошла в силу новых перевозок, которые необходимо было делать по новому плану развертывания и поднимания французских частей к северу.
Французская .	6 августа	12—13 августа[1]	19 августа[2]	—	
Бельгийская . . .	—	—	6 августа	Сосредоточение английских частей в районе Мобеж, Ландресси 20 августа	
Английская . . .	—	—	—		

На левом фланге этой армии: 4-я группа резервных дивизий (3 дивизии — 60 000 человек) и перед фронтом 1 кав. корпус (3 кавдивизии — 10 000 человек).

4-я армия (резерв главного командования, во второй линии) — 3 арм. корпуса, 1 кавдивизия. Всего 125 000 человек, 450 орудий.

В районе Аррас, Лилль, Дуэ группа в 3 территориальные дивизии. Всего 60 000 человек, 250 орудий.

Таким образом, против Эльзас-Лотарингии развернулись 4 армии (945 000 человек), на бельгийской границе — 1 армия плюс 4 группы резервных дивизий, кав. корпус, группа территориальных дивизий (380 000 человек).

Ширина фронта 1-й армии — 120 км; глубина—80 км; удаление штарма от боевой линии Эпиналь—45 км.

Ширина фронта 2-й армии — 40 км; глубина — 80 км; удаление штарма от боевой линии Нефшато — 80 км.

Ширина фронта 3-й армии — 70 км; глубина — 60 км; удаление штарма от боевой линии Верден — 50 км.

Ширина фронта 5-й армии — 120 км; глубина — 80 км; удаление штарма от боевой линии Реттель — 50 км.

4-я армия во второй линии, штаб армии С.-Дезье — 120 км. Главная квартира — Витри-ле-Франсуа, 120 км от фронта.

На левом фланге стратегического фронта французов только к 20 августа развернулась английская экспедиционная армия в составе 2 корпусов и 5 кавбригад — 70 000 человек. Эта армия на протяжении августа и сентября принесла весьма мало пользы, так как совершенно не была подготовлена к ведению операций в современной войне. Да, кроме того, ее командующий, специалист по колониальным боям, Френч, получил перед отъездом на французский фронт такую инструкцию от специалиста по тем же боям английского военного министра Китченера, что, кроме отступлений и маневрирований с основной целью благополучного выхода из боя, эта армия и ее командование ни к чему не были расположены. Эта инструкция была составлена в весьма решительных тонах. Она гласила:

«Главнокомандующий экспедиционной английской армией генерал Френч вполне самостоятелен и ни в коем случае и ни в каком отношении не будет подчинен никакому союзному генералу». И затем, как бы вспомнив, что все-таки эта армия является союзной, автор инструкции продолжал: «Хотя и необходимо итти с полной охотой навстречу предположениям и желаниям нашего союзника, тем не менее генерал Френч должен самым серьезным образом обдумать возможность своего участия в таких наступательных движениях, в которых не участвуют крупные силы французов и где английская армия может быть подвержена нападению в неблагоприятной обстановке; и если такой случай будет предполагаться, то вам следует сообщить мне об этом настолько заблаговременно, чтобы я мог успеть уведомить вас о реше-

нии, принятом по этому вопросу правительством»[1]. Содержание этой инструкции в полной мере говорит о том, насколько была подготовлена английская армия к ведению современной войны и как она понимала взаимодействие между политикой и стратегией. На протяжении всех событий в августе — сентябре 1914 г. Френч дословно выполнял эту инструкцию, а после общего отступления французских армий к Марне вообще чуть не эвакуировал английскую армию обратно на родной остров. Пуанкаре, Ллойд-Джордж, Жоффр и др. предписали Френчу этого не делать.

Бельгийская армия развернулась в районе Брюссель, Намюр, Льеж в составе 6 дивизий пехоты и 1 кавдивизии, общей численностью 175 000 человек, из которых полевых войск насчитывалось 117 000 человек, 650 орудий, 85 батарей (кроме крепостных), 150 пулеметов.

По бельгийскому плану войны бельгийская армия должна была крепко оборонять р. Маас, опираясь на крепости Льежа и Намюра, и войти в связь в районе Динана с левым флангом французской 5-й армии. В случае же сильного напора превосходных сил германцев и падения Льежа и Намюра полевая бельгийская армия будет с боями по рубежам отходить в направлении Антверпена. По мысли бельгийского генерального штаба крепостной район Антверпена должен был сыграть роль дамоклова меча, который бы висел над флангом и тылом проходящих по территории Бельгии германских армий. Не совсем так получилось в жизни: бельгийцы, отходя с линии р. Маас, не пошли сразу на соединение со своими союзниками, а двинулись через столицу Брюссель на Антверпен, где и были блокированы. На этом примере еще раз можно видеть, что общие интересы в коалиционной войне у союзных армий не были должным образом осознаны, так как совершенно ясно, что, отступая на соединение с англо-французами, бельгийская армия принесла бы больше пользы для союзников в районе Монс, Шарлеруа, чем одиноко отсиживаясь в Антверпене. В августе у союзников каждая армия вела бой сама по себе и за себя, вместо твердого взаимодействия друг с другом.

Если мы всю бельгийско-французскую границу разобьем на два участка: северный—Аахен, Мец (исключительно) и южный—Мец (исключительно), Бельфор, и посмотрим, как развернулись германские войска, то мы увидим, что главные массы обеих сторон расположились на противоположных участках бельгийско-французской границы.

Стратегическое развертывание германской армии видно из подлинной карты, составленной рейхсархивом (см. схему 10).

Поскольку 1-я германская армия, с тем чтобы не нарушать нейтралитета Голландии, принуждена была подняться от Аахена к северу, линия от Крефельда до Мюльгаузена, идущая по бельгийской, люксембургской и французской государственным границам, была равна 380 км.

---

[1] Эдмонд, Операции в Бельгии и Франции в 1914 г., стр. 442—443.

На этой линии и развернулись 7 германских армий плюс эльзасский сводный отряд.

Эти 7 армий имели 22 полевых, 12 резервных, 4 кавалерийских корпуса, 3 резервных и 6½ эрзац-резервных дивизий, 17½ ландверных бригад плюс несколько мелких частей с общей численностью в 1 600 000 человек при 4 800 легких и 1 688 тяжелых орудиях и 1 840 пулеметах.

Состав армии виден из схемы 10.

1-я армия — 3 арм. и 2 рез. корпуса. Всего 210 000 человек, 750 орудий.

2-я армия — 4 арм. и 3 рез. корпуса плюс 1 кав. корпус (2-й[1]). Всего 260 000 человек, 850 орудий.

3-я армия — 3 арм. и 1 рез. корпус плюс 1 кав. корпус (1-й). Всего 160 000 человек, 600 орудий.

4-я армия — 3 арм. и 2 рез. корпуса. Всего 180 000 человек.

5-я армия — 3 арм. и 2 рез. корпуса, 33-я рез. дивизия и рез. дивизия в крепости Мец; кав. корпус (4-й). Всего 230 000 человек, 650 орудий.

6-я армия — 4 арм. и 1 рез. корпус плюс кав. корпус (3-й). Всего 200 000 человек, 1 070 орудий.

7-я армия — 2 арм. и 1 рез. корпус плюс одна рез. дивизия в крепости Страсбург. Всего 140 000 человек, 700 орудий.

Эльзасский сводный отряд — 3 ланд. бригады плюс 1 ланд. полк. Всего 20 000 человек.

Ширина фронта 1-й армии — 25—30 км; глубина — 45 км; удаление штарма от боевой линии (Гравенбронх) — 40 км.

Ширина фронта 2-й армии — 50 км; глубина — 60 км; удаление штарма от боевой линии (Монжуа) — 20 км.

Ширина фронта 3-й армии — 40 км; глубина — 80 км; удаление штарма от боевой линии (Прюм) — 25 км.

Ширина фронта 4-й армии — 60 км; глубина — 80 км; удаление штарма от боевой линии (Трир) — 50 км.

Ширина фронта 5-й армии — 60 км; глубина — 90 км; удаление штарма от боевой линии (Саарбрюкен) — 80 км.

Ширина фронта 6-й армии — 80 км; глубина — 70 км; удаление штарма от боевой линии (С.-Аболь) — 40 км.

Ширина фронта 7-й армии плюс Эльзасский отряд — 120 км; глубина — 40 км; удаление штарма от боевой линии (Страсбург)—50 км.

Главная квартира—Кобленц, удаление от боевой линии—120 км.

Выше мы говорили, что эрзац-резервные части, как и ландверные бригады, Шлиффен намечал на участок севернее крепости Мец, с тем чтобы еще более усилить главные направления. Иначе эти части распределяет Мольтке.

К 20 августа в тыловых районах германских армий были сосредоточены 6½ эрзац-резервных дивизий, но они были переданы на левый фланг в 6-ю и 7-ю германские армии; кроме того, 14 ландверных бригад, которые были сосредоточены следующим образом:

---

[1] После вступления в Бельгию 2-й кав. корпус ген. Марвица перешел в оперативное подчинение 1-й германской армии.

в 1-ю армию — 3 бригады,
» 2-ю » — 2 »
» 3-ю » — 1 »
» 4-ю » — 1 »
» 5-ю » — 5 »
» 6-ю » — 1 »
» 7-ю » — 1 »

Далее, 4 ландверных плюс 7 пионерных ландверных полков и несколько тяжелых ландверных батарей (для всех армий); численность всех этих войск была около 200 000 человек.

Таким образом, эти 200 000 человек, вместо того чтобы усилить главное направление (правый фланг стратегического фронта), были почти равномерно распределены по всему 380-км фронту германских армий.

Как видим (и что необходимо особенно подчеркнуть), самое основное отличие в плане Шлиффена от плана Мольтке-младшего заключается не в общем количестве сил, сосредоточенных на франко-бельгийском театре военных действий, которое очень мало разнилось в этих планах, а в том, что распределение сил по разным операционным направлениям было совершенно иное. Распределение сил, по Шлиффену и по Мольтке-младшему, заставляет признать, что мы имеем здесь дело с двумя различными планами, которые считали нужным решать стратегическую задачу разгрома франко-бельгийских и английских армий каждый по-своему. Внешняя формальная общность в этих планах осталась[1], но конкретное содержание их было глубоко различным. И это было не случайно.

«Графа Шлиффена, — пишет Гренер, — очень тяготило полное отсутствие духовной связи со своим преемником, младшим Мольтке; 1906—1913 годы могли бы принести неизмеримую пользу, если бы между этими двумя личностями не пролегала глубокая духовная пропасть» [2].

Во время полевой поездки в 1904 г. сам Мольтке писал своей жене, что его взгляды почти никогда не совпадают со взглядами Шлиффена, и подчеркивал, что «невозможно представить себе большего разногласия, чем в наших взглядах» [3]. Это высказывание Мольтке от 18 апреля 1904 г. очень показательно.

Приведем количественное распределение сил по обоим планам, которое таило в себе и различное качественное содержание. Исходя из фактических данных работ рейхсархива, работ Гренера: «Завещание Шлиффена», «Полководец против воли», Ферстера и др., получаем цифры, приводимые в таблице 14.

О чем говорит такое распределение сил по плану Мольтке-младшего?

---

[1] Например, установка плана на то, что главный удар германская армия наносит против Франции и Бельгии, а не против царской России, в огромном территориальном пространстве которой можно было завязнуть и потерять возможность быстро закончить войну, имея к тому же в тылу на западе сильную Францию с Англией и Бельгией.

[2] Groener, Der Feldherr wider Willen, S. XIII.

[3] H. Moltke, Erinnerungen, Briefe, Dokumente, S. 292.

Таблица 14

Участки фронта и войсковые соединения	План Шлиффена 1905 г.	План Мольтке 1913—1914 гг.	Разница: со знаками (—) уменьшение сил, (+) увеличение сил
Брюссель, Намюр (в 1914 г. 1-я и 2-я германские армии)			
Активных корпусов	9	8	— 1
Резервных „	7	5	— 2
Кавалерийских дивизий	5	3	— 2
Ландверных бригад	10	5	— 5
Эрзац-резервных дивизий	12	нет	—12
Намюр, Мезьер (в 1914 г. 3-я и 4-я германские армии)			
Активных корпусов	6	6	То же самое
Резервных „	1/2	3	+ 2 1/2
Кавалерийских дивизий	1	2	+ 1
Ландверных бригад	6	2	— 4
Мезьер, Верден (в 1914 г. 5-я германская армия)			
Активных корпусов	8	3	— 5
Резервных „	5	2	— 3
Кавалерийских дивизий	3	3	То же самое
Ландверных бригад	4 1/2	5 1/2	+ 1
Эрзац-резервных дивизий	4	6 1/2	+ 2 1/2
Всего весь западный фронт			
Активных корпусов	26 1/2	23	— 3 1/2
Резервных „	14	12	— 2
Кавалерийских дивизий	11	10	— 1
Ландверных бригад	26 1/2	17 1/2	— 9
Эрзац-резервных дивизий	16	6 1/2	— 9 1/2

В о-п е р в ы х, об усилении левого фланга стратегического фронта, т. е. оставлении в Эльзас-Лотарингии 6-й и 7-й германских армий, численность которых увеличивалась за счет правого фланга,

в о-в т о р ы х, о более равномерной расстановке этих сил на протяжении всего франко-бельгийского фронта,

в-т р е т ь и х, о том, что кавалерийские дивизии были у Шлиффена главным образом сгруппированы на крайнем правом фланге, а у Мольтке-младшего они, как известно, в августе 1914 г. были равномерно рассредоточены по всему франко-бельгийскому фронту.

Из всего этого ясно, что здесь мы имеем дело с двумя различными планами стратегического развертывания. А поэтому нельзя говорить, что план Шлиффена не удался в 1914 г., что он провалился; он не мог быть проведен в жизнь уже потому, что к 1914 г. оказался лишь историческим документом, который никто и не собирался проводить в жизнь, ибо от п о д р а ж а н и я до о р и г и н а л а — расстояние значительное. А в августе 1914 г. мы наблюдали именно лишь «подражание» шлиффеновскому плану со стороны руководителей германских армий, а не осуществление в целом оперативно-стратегического замысла Шлиффена.

Надо постоянно иметь в виду, что если бы Шлиффен остался начальником германского генерального штаба до 1913 г., то он, конечно, внёс бы в свой вариант 1905 г. ряд новых поправок, исходящих из новой обстановки, которая за этот период значительно изменилась. Но эти изменения были бы безусловно отличны от той линии стратегического поведения, которую мы наблюдаем за эти годы в работе Мольтке-младшего, как руководителя германских вооруженных сил. Достаточно просмотреть и изучить теоретические работы Шлиффена с 1905 по 1913 г., чтобы убедиться в том, что он продолжал оставаться на той же точке зрения в отношении идейного содержания своего варианта 1905 г. И не случайно, а вполне закономерно, что последние слова перед смертью у Шлиффена были: «Усиливайте правый фланг, ибо даже маленькие поводы («kleine Ursachen») к его ослаблению приведут к большим последствиям («grosse Wirkungen») [1]; в этих словах Шлиффена заложен основной смысл оперативно-стратегической работы на протяжении всей его жизни совместно с коллективом Большого германского генерального штаба. Он остался верен своей оперативно-стратегической идее, выведенной им из анализа опыта ряда войн и конкретной обстановки, которая его окружала.

«Полководец, — говорил Шлиффен, — должен с настойчивостью следовать по пути, который он избрал, чтобы достигнуть этой цели, преодолевать с величайшей энергией все затруднения, которые он встречает, быстро находить все средства, чтобы противодействовать случайностям, стараться до конца достигнуть успеха и стоически переносить удары в неудаче». И мы видим, что в новом оперативно-стратегическом этюде, который был как бы развитием его памятной записки «Война против Франции» от декабря 1905 г.[2], Шлиффен

[1] См. Ф е р с т е р, Шлиффен и мировая война, изд. 1924 г., а также двухтомник собрания сочинений Шлиффена.

[2] D e n k s c h r i f t — «Krieg gegen Frankreich».

за месяц до смерти, в декабре 1912 г., не изменяет тому, что он оставил Мольтке-младшему к январю 1906 г. (год выхода Шлиффена в отставку), а еще более уточняет и в оперативном отношении углубляет основные положения своего декабрьского варианта 1905 г., исходя из новой политико-экономической обстановки в Европе.

Но Мольтке имел уже свой план войны, в который вошли лишь отдельные элементы шлиффеновского плана и его учения о ведении современной войны. Однако и эти элементы носили скорее не шлиффеновский образ мышления, исполненного бурной, сокрушительной волей и энергией, а характер Мольтке-младшего, который не скрывал своих больших разногласий в вопросе ведения войны и операций со Шлиффеном, когда работал вместе с ним, а тем более после его отставки.

В памятной записке, составленной Шлиффеном в декабре 1912 г., т. е. за месяц до смерти, мы имеем дело с новым вариантом: Англия и Франция — главные враги Германии; против них, как считает Шлиффен, и необходимо направить первый сокрушительный удар. По сравнению с 1905 г. обстановка стала иной: с Англией отношения ухудшились, теперь она фактически руководит Антантой; Россия окрепла после русско-японской войны, царизм подавил революцию 1905 г.; армии Франции и Англии еще более усилились; территория Франции более удобна для быстрой и сокрушительной войны, чем территория царской России. Разгромив французскую армию и ее союзников англичан и бельгийцев в полевой войне, можно думать об активных операциях против России. Так рассуждал Шлиффен в 1912 г., за месяц до смерти. Он теперь на франко-бельгийском фронте предлагал Мольтке действовать несколько иначе. По плану 1905 г. Шлиффен считал вступление французов в Эльзас за «любезную услугу»; здесь он оставлял, как мы видели, самое минимальное количество войск с пассивной задачей прикрытия, а все стягивал к северу от Диденгофена (Тионвиля). Теперь, в декабре 1912 г., Шлиффен рекомендует Мольтке-младшему: во-первых, против России не оставлять никаких полевых войск (Шлиффен, в противовес Мольтке, не боялся временной потери Восточной Пруссии), а все сосредоточить на правом фланге западного фронта против Бельгии, Франции и тех английских войск, которые будут высажены во Франции; во-вторых, «атаковать на франко-бельгийском фронте и со стороны Эльзас-Лотарингии», но если, таким образом, «противник должен быть атакован по всему фронту», то главный удар с гигантским насыщением правого фланга остается попрежнему в силе. На правом фланге «германские армии должны двигаться как батальоны».

«Проходя через Бельгию и Северную Францию, как громадный вал, правый фланг будет охватывать все французские позиции, которые встретятся. Надо как можно дальше распространяться на запад, чтобы выиграть пространство, необходимое для свободы движения и оперативно-стратегических решений». Необходимы еще большие средства, и их надо найти; например, на один лишь участок Аббенвиль, С.-Кентен, в 120 км на правом фланге наступающего

фронта, нужно направить не менее 21 арм. корпуса. Но Шлиффен опять и опять повторяет мысль, что ни в коем случае идея наступления со стороны Эльзаса не может быть осуществлена за счет ослабления сил на правом фланге. Таким образом, эскиз-набросок от 1912 г. хотя и предлагает решительные действия и со стороны левого фланга германского стратегического фронта, с тем чтобы устроить «Канны» противнику, но ¾ сил все же рекомендует концентрировать на правом фланге. «Атаковать повсюду, — говорит Шлиффен, — это способ, которым выигрываются в настоящее время сражения», но это вовсе не значит вести наступление с равномерным распределением сил по всему стратегическому фронту. Атаковать по всему фронту — это значит сковать силы противника, истощить его волю и решительным ударом огромных сил в выгодном направлении (Бельгия) прорвать фронт, найти главные силы врага и дать ему уничтожающее сражение. Мольтке-младший поступил иначе: он фактически кордоном разместил все свои семь армий на франко-бельгийском фронте. А так как против слабой бельгийской армии пришлись при этом распределении почти три многочисленные и обученные германские армии, то они, конечно, не могли не иметь первоначального успеха в Бельгии. Но, сопоставляя характер полосы стратегического развертывания по плану Шлиффена и по плану Мольтке-младшего, мы увидим, что они совершенно отличны друг от друга и имеют совершенно разное оперативно-стратегическое содержание.

Схема 11 дает полное представление об этой разнице. Она говорит о том, что основной совет Шлиффена об усилении заходящего правого фланга Мольтке-младшим не был осуществлен. Получилось как раз наоборот: правый фланг — этот мощный ударный кулак — растаял и почти превратился в линию. Чем объяснить это изменение плана стратегического развертывания? Появлением мощного воздушного флота, который мог бы наброситься на это огромное скопление сил и средств и тем нарушить их сосредоточение и развертывание? Нет, такого воздушного флота к августу 1914 г. еще не было. Количественно и качественно он был у всех воюющих государств весьма слабым и малочисленным. Может быть, необорудованность в железнодорожном отношении района на правом фланге, куда должны были бы собраться эти силы, не позволяла осуществить эту оперативную группировку? Опять же имеющиеся данные как раз говорят о противоположном. Благодаря постоянным заботам германского штаба, в период с декабря 1905 г. (время составления плана стратегического развертывания Шлиффеном) и по август 1914 г. сеть железных дорог в Рейнской провинции была значительно усилена. Новые рельсовые линии и подъездные пути особенно обогатили район Кельн, Аахен, Мальмеди, Кобленц. Значительное усиление получили в отношении оборудования и пропускной способности железные дороги Люксембурга. Кроме того, на фронте Аахен, Мальмеди, С.-Вит, Трир были сооружены специальные платформы для быстрой выгрузки войсковых частей. Все выгрузочные станции к августу 1914 г. были оборудованы по последнему слову техники того времени. Таким образом, и этот момент

надо снять со счетов, так как он не мешал Мольтке-младшему создать соответствующую оперативно-стратегическую группировку на правом фланге.

Сопоставление планов стратегического развертывания Шлиффена и Мольтке говорит еще о неудачном распределении, вернее распылении, по всему фронту конных масс. Вместо шлиффеновского массирования конницы на правом фланге, мы видим равномерное распределение конницы на огромном пространстве от голландской границы до Меца. Эта группировка конницы совершенно непонятна еще и в том отношении, что вся германская и иностранная военно-теоретическая мысль по использованию конных масс проповедывала перед войной именно такую оперативную группировку, которую мы видим в плане Шлиффена, т. е. массирование, а не распыление.

В период развертывания все кавалерийские корпуса были подчинены непосредственно главному командованию, но это продолжалось весьма недолго, так как разбросанные на огромном пространстве и имея слабую связь со ставкой германского главного командования, эти кавалерийские корпуса обрекались на бездействие; с началом военных действий они были равномерно распределены, как мы видели выше, по армиям. 1-я, 3-я, 5-я и 6-я германские армии получили по одному кавалерийскому корпусу.

Стратегическое развертывание сторон в августе 1914 г. на западном фронте являлось не виданным до того сосредоточением сил и технических средств к государственным границам.

79½ пехотных и 10 кавалерийских дивизий германской армии имели против себя на западном фронте 89 пехотных и 13 кавалерийских дивизий противника, но, что замечательно, очень скоро эти большие цифры войсковых единиц стали стремительно расти, и к 1918 г. мы видим уже 300 дивизий у каждой воюющей коалиции.

Таким образом, миллионные армии с тысячами орудий обеих воюющих коалиций должны были в августе 1914 г. вступить в жестокое единоборство. Каждая из сторон стремилась закончить войну в течение короткого времени. 3—6 месяцев, вот те сроки, которые считались вероятными и возможными для того, чтобы решить, кто будет победителем и кто побежденным в этой грандиозной маневренной войне. Во всяком случае все очень хорошо помнили совет Шлиффена. «Если нам не удастся во вспыхнувшей войне, — говорил Шлиффен, — разбить и уничтожить нашего врага на западе в первых же боях, то затянувшаяся вследствие этого на многие годы война может легко привести ко второй Иене»[1]. А поэтому как в ставке германского главного командования, так и в штабах армий можно было часто слышать фразу: «Bis Weihnachten ist Friede» («К рождеству — мир»),— говорит генерал Гренер[2].

Особой энергией и стремительностью были пропитаны все действия германской армии в августе 1914 г., жаждавшей с «осенним

[1] W. Groener, Der Feldherr wider Willen, S. 2.
[2] Ibid., S. 3.

листопадом» покончить с армиями союзников и заключить мир с Францией, для того чтобы бросить все силы против царской России, если последняя будет продолжать борьбу.

Полной противоположностью этим действиям в первый месяц войны была линия поведения французского главного командования во главе с Жоффром.

Стратегическое развертывание французских армий является одной из поучительнейших страниц истории первых месяцев империалистической войны 1914—1918 гг.

Оно совершенно закономерно вытекало из тех политико-экономических противоречий и военно-стратегических решений, которые имели место у держав Антанты как в годы перед мировой войной, так и в первые три недели после объявления войны. В первых главах нашей работы мы уже об этом говорили, здесь остается отметить еще следующее.

Долгие месяцы до 1 августа 1914 г. французский генеральный штаб во главе с Жоффром вел бурную агитацию за энергичную наступательную доктрину всеми силами французской армии. Все уставы, инструкции и наставления, все статьи в журналах и военных газетах, большинство французских трудов научно-исследовательского порядка были пропитаны проповедью стремительного наступления в глубь Германии, реванша за войну 1870 г. и обратного отторжения Эльзас-Лотарингии.

Вот в эти-то месяцы и был создан план войны № 17, этот стратегический «двуликий Янус», между прочим, резко осужденный почти всей военно-политической литературой современной Франции.

Содержание плана № 17 отнюдь не соответствует тем бурно-наступательным теориям, которые проповедывались французским генеральным штабом. Это скорее классический образец для оборонительно-выжидательного образа действий.

Почему же так случилось? Ответ может быть лишь один. Французский генеральный штаб, как вооруженный орган французской капиталистической буржуазии, во главе с Кастельно и Жоффром, хотя и был за наступательную доктрину по плану «генерал-реванша» Буланже, с немедленным вторжением в Эльзас-Лотарингию с целью ее захвата [1], но в основном не верил в быстрый успех этого дела. Французский империализм и французская буржуазия, внима-

[1] Надо постоянно иметь в виду, что Эльзас-лотарингская провинция была очень лакомым кусочком для французских промышленных магнатов. В экономическом отношении она представляла собой очень важный объект, так как помимо крупных районов текстильной промышленности с центрами Мюльгаузен, Кольмар, Страсбург, в Эльзас-Лотарингии имеются богатейшие районы металлообрабатывающей промышленности, как то: железнодорожный район Бриэ, Тионвиль, Мец, каменноугольный район Саарской области, калийные соли в районе Мюльгаузена и небольшой пешенбронский нефтеносный район. Исходя из этого, еще в 1891 г. Фридрих Энгельс четко указал, что «насильственная аннексия Эльзас-Лотарингии Германией на долгие годы сделала невозможным всякое соглашение между германским правительством и Францией». Иными словами, вопрос об Эльзас-Лотарингии в условиях капитализма мог быть разрешен лишь силой оружия.

тельно следя за успехами соперника — Германии, были постоянно под гипнозом непобедимости германской армии и могущества германского империализма. Работники французского генерального штаба вроде полковника Гранмезона могли постоянно кричать о бурном наступлении, но не имели твердой веры в крупный первоначальный успех даже в том случае, если Англия станет на стороне Франции и России. Это обстоятельство и наложило свой отпечаток как на план № 17, так и на первоначальный образ действий французских армий, обстановка для которых в июле и начале августа 1914 г. была довольно благоприятной.

Мобилизация и сосредоточение французских армий проходили с точностью часового механизма (в этом отношении был сделан огромный шаг вперед по сравнению с опытом войны 1870 г.). Полки, дивизии и корпуса при минимальном количестве трений и безукоризненной работе железных дорог были доставлены в районы сосредоточения в точно намеченные по мобилизационному расписанию сроки.

Шовинистическая политика делала свое дело: войска были готовы броситься в бой; германские армии имели во главе не Шлиффена, а довольно бесцветного Мольтке-младшего. Германские войска почти ничем не нарушали работы по сосредоточению французских армий в первоначальный период войны, так как они были заняты той же работой, и главным образом на севере, против бельгийской границы, т. е. там, где французских армий не было. И все же большое наступление в Эльзас-Лотарингию после полного сосредоточения основной массы сил (13 августа) по плану № 17 изо дня в день откладывалось. Это, повторяем, происходило оттого, что сейчас же после объявления всеобщей мобилизации у французского командования сильно ослабела воля к победе. И хотя еще в мирное время по разработанным маршрутам сотнями змеек бежали эшелоны с войсками к восточной границе, но их не направляла твердая, уверенная рука полководца, крепко знающего, чего он хочет, и имеющего стратегическую перспективу.

Полное отсутствие твердого стратегического прогноза по вопросу о Бельгии, как театре наиболее вероятных военных действий, довольно смутные и противоречивые психологические переживания за судьбу бельгийской армии, против которой собирались огромные массы германских сил, — все это продолжалось в главной французской квартире со 2 по 20 августа.

18 дней безрезультатных желаний направить главный удар в Эльзас-Лотарингию, 18 дней тревожного наблюдения за событиями в Бельгии! Такая линия стратегического поведения у французского главного командования в ответственнейший период развертывания его армии на границе естественно вызывала целый ряд оперативных перегруппировок, целый ряд мотаний для войск в сильную августовскую жару 1914 г.; например, корпуса 5-й армии (3-й и 10-й) сделали по 120 км из района Седан, Мезьер до нижней Самбры.

Непрерывные передвижения в полосе стратегического развертывания и перегруппировки как целых французских армий, так и ди-

визий и корпусов внутри армий к 20 августа съели все те выгоды военно-технического порядка, которые были у французов за период мобилизации и стратегического сосредоточения.

Директива, данная Жоффром в 8 часов 18 августа, являлась как бы итоговой перед большим пограничным сражением, она же ориентировала и вводила союзные армии в это сражение. Приведем эту директиву № 13:

«1. 3-я, 4-я и 5-я французские армии, действуя согласованно (agissant de concert) с армиями английской и бельгийской, имеют объектом своих действий немецкие силы, сосредоточенные в районе Тионвиль (по-немецки Диденгофен.— *Вл. М.*), в Люксембурге и в Бельгии.

Эти последние, повидимому, включают в себя в общем от 13 до 15 корпусов. Можно предполагать, что они образуют две основные группы: северная правофланговая группа, повидимому, состоит из 7—8 корпусов и 4 кавдивизий; южнее ее — центральная группа между Бастонь и Тионвиль (Диденгофен.— *Вл. М.*), состав которой можно принять в 6—7 корпусов и 2—3 кавдивизии.

2. Что касается 5-й французской армии, английской и бельгийской армий, то нужно предвидеть два основных возможных варианта:

а) Северная группа противника, двигаясь по обоим берегам Мааса, может стремиться пройти между Живе и Брюссель и даже подать свое движение к северу.

В этом случае 5-я французская армия и кавалерийский корпус, приданный ей, действуя в полной связи с армиями бельгийской и английской, должны непосредственно воспрепятствовать этому движению, стараясь обойти противника с севера. Бельгийская армия и кавалерийский корпус могли бы выполнить этот охватывающий маневр.

В это самое время наши армии центра (3-я и 4-я) атакуют сначала центральную группу противника с тем, чтобы разгромить ее.

По достижении такого результата большая часть 4-й армии наступает немедленно против левого фланга северной группы противника.

б) Противник может только часть своей правофланговой группировки направить севернее Мааса.

В этом случае противник, атаковав центральной группой наши 3-ю и 4-ю армии, мог бы южной частью своей северной группы, оставленной к югу от Мааса, стараться атаковать левый фланг нашей 4-й армии. Тогда 5-я армия, предоставляя английской и бельгийской армиям ведение боя с немецкими силами к северу от рр. Самбра и Маас, наступает через Намюр и Живе в общем направлении (dans la direction générale) на Марш или Сент-Юбер.

Группа резервных дивизий 5-й армии полностью или частично могла бы действовать с английской армией к северу от Мааса»[1].

Эта директива была отдана 18 августа. В это время шли безуспешные бои в Эльзасе и Лотарингии, и огромные силы французов втянулись в эти бои без перспектив к победе. Эта директива яв-

[1] «Les armées françaises dans la grande guerre», t. I, Annexe n° 450, p. 424.

ляется как бы первым шагом главной французской квартиры к осуществлению прорыва фронта на линии Люксембург, Арлон, Нефшато. Иными словами, теряя все более и более веру в успех в Эльзас-Лотарингии, Жоффр пытается иметь успех на своем левом фланге. Но в этом стремлении есть одно весьма существенное обстоятельство, которое является рецидивом старого неверия в то, что главные силы германцев будут двинуты через Бельгию и Люксембург. Жоффр в первом же параграфе своей директивы определяет количество германских сил на фронте Диденгофен, Брюссель вдвое меньшей цифрой, чем их было в действительности, считая 13—15 корпусов, в то время как там было их 27½. Жоффр не верит даже в цифру 20 корпусов, которую давали ему сотрудники 2-го бюро главной французской квартиры; он сокращает эти данные на 7—5 корпусов, оставляя вероятной цифру 13—15.

Указанная директива Жоффра говорит об очень слабой разведывательной деятельности французской конницы, так как бельгийцы в это время отходили к Брюсселю, а не находились к востоку от Мааса. Кроме того, 5-я армия уже развернулась фронтом на север, имея уступный порядок на правом фланге. Этой директивой Жоффр предполагал сразу повернуть 13 дивизий 5-й армии на восток. Во всяком случае эта директива не является документом, который бы говорил о наличии у Жоффра ясной оперативно-стратегической концепции и твердого желания осуществить определенную задачу.

И в то время как германские войска форсировали Маас, захватили Льеж и Брюссель, обложили Намюр, французские войска медленно тянулись к северной границе Франции, сдвигая развертывание своих войск влево. Только к 23 августа развернулась английская армия, без особого желания активно участвовать в первом большом пограничном сражении. Главком английской армии Френч беспрестанно указывал французскому главному командованию на то, что английская армия слаба, еще не устроена и что лучше было бы ей отойти к югу. Неоднократные просьбы Жоффра убедили все-таки Френча оставить свою армию в районе Мобежа.

Как видим, и на 20-й день после объявления войны из головы французского главкома еще не выветрилась мысль, заложенная в первой директиве к плану № 17. Фраза, что «б о л ь ш а я ч а с т ь г е р м а н с к и х с и л б у д е т, в е р о я т н о, с о с р е д о т о ч е н а н а о б щ е й г р а н и ц е», т. е. в Эльзас-Лотарингии, попрежнему определяла стратегические установки французского командования. Такое исключительно неподвижное и не в меру упорное оперативно-стратегическое мышление вызвало и будет вызывать много лишних движений и передвижений у войск, напрасно изматывая их перед большим пограничным сражением.

Оперативно-стратегическая группировка французских армий перед пограничным сражением к 20—22 августа сложилась следующим образом:

1-я и 2-я а р м и и, ослабленные на два корпуса, которые ушли к северной границе Франции, продвинулись с большими и упорными боями на 10—15 км в Эльзас-Лотарингию; против них наступали 7-я и 6-я германские армии. Соотношение сил было таково: общее

превосходство было на стороне французов (29½ пехотных и 4 кавалерийских дивизии против 26 пехотных и 3 кавалерийских дивизий германцев), но на главном направлении Саарбург, Моранж германцы ввели ⅔ своих сил (18 пехотных и 3 кавалерийских дивизии), а французы всего лишь ⅓ (9 пехотных и 3 кавалерийских дивизии), остальные были разбросаны по второстепенным направлениям. Поэтому общая победа в Эльзас-Лотарингии осталась на стороне германцев [1].

3-я и 4-я армии растянулись от Вердена до Мезьера, против них наступали 5-я, 4-я и 3-я германские армии.

5-я французская армия и английская армия заканчивали свое сосредоточение на линии Живе, Шарлеруа, Мобеж; против них, пройдя уже Бельгию, наступали 2-я и 1-я германские армии.

Затем три территориальных дивизии были растянуты от Валансьен до Дюнкерк. Как видим, в отношении численности (14 корпусов и 5 кавдивизий против 18 корпусов и 7 кавдивизий германцев) и оперативной группировки германские армии везде находились в более выгодном положении.

Так заплатила действительность за полное игнорирование бельгийского театра военных действий, за полную безыдейность, негибкость и вялость плана стратегического развертывания французских армий, которые вступили в большое пограничное сражение в явно невыгодной оперативной группировке и с войсками, ослабевшими от непрерывных мотаний в полосе стратегического развертывания.

Прошло всего лишь два дня — и пограничное сражение англо-французами было проиграно. Началось бурное отступление их к Парижу; за ними на юг, к Марне, покатился и двуликий план № 17 с его «наступлением всеми силами во что бы то ни стало» и одновременно «оборонительно-выжидательным образом действий в период развертывания французских армий».

При изучении развертывания сторон в 1914 г. невольно возникает вопрос, в какой мере оправдалась известная формула Мольтке-старшего, выведенная им из опыта австро-прусской войны 1866 г. и франко-германской 1870 г. о том, что «одна ошибка, допущенная в первоначальном сосредоточении армий, едва ли может быть исправлена в течение всей кампании».

Мы считаем, что за время с 13 по 20 августа, т. е. когда главная масса французских сил была сосредоточена непосредственно у государственной границы, у французского главного командования были все данные для того, чтобы резко изменить первоначальное стратегическое развертывание.

Обстановка была крайне благоприятной, противник не опередил французскую армию ни в мобилизации, ни в сосредоточении, оперативно-стратегическая инициатива еще не была целиком в руках германского командования.

Состояние железнодорожного транспорта у французов было таково, что можно было быстро перебросить не только стратегический

---

[1] По данным германского рейхсархива, т. I, стр. 646, 6-я и 7-я германские армии имели 328 бат., 143 эск., 1766 орудий, 1-я и 2-я французские армии имели 420 бат., 161 эск., 1 648 орудий.

резерв — 4-ю армию, но и 2-ю армию на бельгийский театр военных действий, оставив за укрепленным крепостным поясом (Верден, Туль, Эпиналь, Бельфор) 1-ю французскую армию. Нам могут возразить, что Жоффром был отдан в середине августа приказ о наступлении из района Вердена в направлении С.-Вит, Прюм, т. е. во фланг наступающему правому флангу германского фронта. Это верно, но, как известно, этот приказ остался неосуществленным в жизни, так как за ним последовал ряд распоряжений, которые свели на-нет этот временный наступательный проблеск в стратегии главного французского командования.

Таким образом, в 1914 г. Жоффр с помощью богатой сети железных дорог мог исправить ошибки в стратегическом сосредоточении по плану № 17 в первый же месяц от начала кампании, а не только «в течение всей кампании», как это думал Мольтке-старший в 1871 г., когда писал вышеуказанную формулу в своей известной статье «О стратегии». С дальнейшим развитием к 1918 г. и в последующие после мировой войны годы автотранспорта, при умелом сочетании его работы с работой железных дорог современное высшее командование получило еще больший простор для внесения изменений в первоначальное стратегическое сосредоточение армий в начале той или иной кампании. Таково решающее значение развития техники вообще и военной техники в частности, которая является могущественным фактором в руках современного командования.

Глава IX

ПРЕДВОЕННЫЙ «ПРОГНОЗ» ГЕНЕРАЛА ФОША

В период 1903—1913 гг. наиболее популярным трудом во французском генеральном штабе был труд Фоша «Ведение войны. Маневр для боя». Оперативно-стратегические рассуждения автора, его прогнозы и выводы в этой работе были построены главным образом на опыте франко-германской войны (1870—1871 гг.). Весь труд «Ведение войны» был направлен к развенчанию стратегии Мольтке-старшего и являлся резкой ее критикой. Попутно автор давал ряд своих мыслей о будущей войне и о том, в каком виде будет проходить для обеих сторон (Германия и Франция) начальный период войны. События августа 1914 г. со всей очевидностью показали, что те предположения, которые строил Фош в главе «Планы войны» о стратегическом развертывании германских вооруженных сил в предстоящую войну (т. е. на 1914 г.), оказались неверными.

Перейдем к фактам. После анализа операций в Эльзас-Лотарингии в 1870—1871 гг. Фош пишет:

«От этого прошлого обратимся с вопросом к будущему: применимы ли принципы Мольтке к сосредоточению завтрашнего дня? Увидим ли мы две одновременно подготовляемые операции — одну в Эльзас-Лотарингии, а другую на Нижнем Рейне (т. е. в районе Рейнской провинции Дюссельдорф, Кобленц, Трир, Гладбах, где в 1914 г. как раз развернулись 1-я, 2-я, 3-я германские армии. —

Вл. М.)? Это было бы два наступления вместо одного, к тому же особых, вследствие разделяющего их пространства. Об этом нельзя и мечтать. Но могут сказать, эта операция, оставаясь единой, чтобы избежать преграды, образуемой нашими крепостями, может достичь известных выгод, развиваясь преимущественно не в Эльзас-Лотарингии, а на Нижнем Рейне и в Бельгии, а следовательно, и будет иметь место в действительности. Предусматривать это едва ли стоит, так как сосредоточение прежде всего будет преследовать цель соединения всех сил в возможно кратчайшее время, что́ требует самого широкого использования железнодорожных линий, высадочных платформ и т. д. (т. е. что было четко организовано германцами в период 1906—1914 гг. как раз на Нижнем Рейне, о чем Фош должен был бы знать и поэтому внести соответствующие изменения в одно из своих изданий «Ведения войны», хотя бы 1907 г. — *Вл. М.*). Следовательно, сосредоточение, безусловно, будет происходить исключительно в наиболее оборудованном районе. В этом отношении район Нижнего Рейна нельзя сравнивать с Эльзас-Лотарингией. Будущее сосредоточение будет происходить на местности с достаточным количеством и густотой высадочных платформ. Они находятся в Эльзас-Лотарингии. В дальнейшем мы увидим, что в пользу Эльзас-Лотарингии, как района сосредоточения, гласят и другие обстоятельства. Во всяком случае, если теперь германцы, ошибаясь в понимании своих интересов или руководствуясь какими-либо ускользающими от нашего внимания соображениями, нарушат нейтралитет Бельгии или Швейцарии, то в этом можно усмотреть только выгодную сторону для нас.

1. Независимо от преград, которые германцам пришлось бы преодолеть по пути, в связи с противодействием этих малых государств (Бельгия и Люксембург. — *Вл. М.*), им пришлось бы ослабить свои силы, оставив отряды перед Антверпеном или в Брюсселе.

2. Они предоставили бы нам случай атаковать их во фланг всеми нашими соединенными силами, — конечно, при условии, чтобы мы в свою очередь последовательно придерживались следующих принципов:

а) сбор всех наших сил в одну массу, без выделения отрядов,

б) в одном районе, наилучше оборудованном железными дорогами и высадочными платформами, — единственное средство для быстрейшего окончания сосредоточения,

в) при условии придания сосредоточению такой формы, которая бы по своей глубине давала возможность, в случае необходимости, обратиться фронтом на северо-восток или юг.

Перед этим господствующим правилом должны исчезнуть все вопросы об угрожаемых границах, как бы по внешности они ни казались интересными... Ввиду этого во Франции район сосредоточения, повидимому, должен ныне находиться где-то на линии Шато, Сален, Клермон, Ферран. Насколько сосредоточение на этом направлении будет выдвинуто вперед или подано назад, определяется сроками готовности».

Дальше Фош проводил план создания против Эльзас-Лотарингии оперативной группировки из четырех армий и резерва, заканчивая свою мысль таким образом: «Таковы требования, из которых прежде всего должны исходить работы генерального штаба» (разрядка наша.— *Вл. М.*).

Мы уже достаточно подробно знаем план № 17, и когда сравниваем то, что говорил в своих трудах Фош, с содержанием, которое имеет этот план, то видим, что авторы плана № 17 не мало позаимствовали у Фоша. В приведенной выше выдержке из Фоша мы находим прямое игнорирование бельгийского театра военных действий и требование сосредоточения главной массы в одном районе, находящемся против Эльзас-Лотарингии, чтобы эта масса была подразделена на четыре армии с одной в резерве и т. д. Иными словами, то же самое, что было в планах №№ 15 и 17.

Указание Фоша сосредоточить армии поглубже, с тем чтобы лучше в нужный момент сманеврировать, смотря по обстановке, в необходимом направлении, как известно, в период с 13 августа и до конца большого пограничного сражения (у Монса, Шарлеруа, Динана и р. Самуа), кроме непрерывных движений, передвижений, выделений корпусов, перетасовок частей для создания новых двух армейских групп — амьенской и лотарингской, — ничего не принесло. Армии были обременены большим количеством соединений и трудно управляемы. Сутолока и сумятица господствовали в полосе французского стратегического развертывания после блестяще проведенной мобилизации и сосредоточения; здесь плюсы обратились в минусы, а идейное оперативно-стратегическое содержание плана № 17 было тому первопричиной.

Из всего сказанного мы делаем тот вывод, что и Фош и Жоффр оба не учитывали действительной актуальности для французской армии бельгийского театра военных действий. Фош и Жоффр перед 1914 г. не осознали так, как следовало бы, доктрину германской армии и целиком покоившийся на этой доктрине план развертывания Шлиффена, конкретные данные о котором еще до войны имелись как в литературе, так и в документах, приобретенных французским генеральным штабом еще в 1909 г.[1]

Глава X

ВАРИАНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ПО ПЛАНАМ ВОЙНЫ 1908—1910 гг. ЦАРСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА[2]

Если из анализа германского и французского стратегического развертывания в августе 1914 г. на западно-европейском театре военных действий мы получили очень много данных, весьма по-

---

[1] См. работу ген. Дюпона «Высшее германское командование», стр. 12, с предисловием Жоффра.

[2] При чтении этой главы желательно пользоваться 25- и 40-верст. картой.

лезных для военной теории, то не меньше поучительного мы увидим также и в стратегическом развертывании русских и австро-германских армий.

Выше мы наглядно видели, что стратегическое развертывание армий является одним из основных звеньев плана войны и оно находится на грани между оперативно-стратегическими замыслами плана войны, разрабатываемого в мирное время, и первым большим пограничным сражением. В действительной жизни между планами мобилизации, сосредоточения и развертывания армий данной страны нет перегородок и заборов, а существует диалектическое единство. Стратегическое развертывание находится в полной взаимозависимости с планами мобилизации и стратегического сосредоточения, т. е. это есть последний и самый ответственный этап, после которого войска в определенных оперативных группировках вступают в бой с противником.

Отсюда ясно, что, какова политика господствующего класса, таково будет и стратегическое развертывание армий, и далее, каково по цели и направлению стратегическое развертывание армий, таков будет и характер первого большого пограничного сражения.

Будет совершенно неправильным рассматривать всю работу русского генерального штаба по вопросам создания плана стратегического развертывания армий в конце XIX и в начале XX столетий вне зависимости от тех политико-экономических и военных отношений и обязательств, которые имели между собой Франция и Россия. Нельзя правильно понять характер работы царского генерального штаба без соответствующего анализа развития экономики капитализма в России в последние два-три десятилетия перед мировой войной 1914—1918 гг. В данной главе, как и в последующих, мы не имеем возможности исследовать все изменения всех многочисленных планов войны, которые были в царской России, так как для этого потребовалась бы целая книга. При анализе работы французского и германского генеральных штабов перед мировой войной 1914—1918 гг. мы вскрыли лишь последние варианты плана войны; так же мы сделаем и здесь, ибо подвергнуть анализу все 20 вариантов, которые накопились перед империалистической войной у царского генерального штаба, не входит в нашу задачу.

Более 20 лет (1892—1914 гг.) между царской Россией и Францией действовала военно-политическая конвенция, четко определявшая те обязательства, которые должны были выполнить оба союзника в отношении как подготовки к войне, так и мероприятий, необходимых в первый период войны.

Периодические свидания и совещания, которые имели место между ответственными представителями генеральных штабов обеих стран, еще более детализировали, углубляли и видоизменяли в связи с политической обстановкой отдельные моменты заключенной военно-политической конвенции.

После своего назначения начальником французского генерального штаба Жоффр, приступив к разработке плана войны № 17, дважды имел личное свидание (в 1912 и 1913 гг.) с тогдашним начальником русского генерального штаба ген. Жилинским.

Сохранились весьма интересные материалы, говорящие о том, что ген. Жоффр весьма тщательно вникал в дела стратегического сосредоточения и развертывания царских армий. Эти материалы и та масса справок по планам войны, которые требовали к совещанию Жилинский и Жоффр,—все это весьма наглядно в виде выводов отразилось на содержании последней редакции военно-политической конвенции.

Сущность ее заключалась в следующем:

1. Россия и Франция должны немедленно мобилизовать свои силы, как только будут получены первые сведения о мобилизации в Германии.

2. Главный враг обоих союзников — Германия, а поэтому поражение германской армии является первой и основной целью операций союзников.

3. Жилинский и Жоффр, не зная в деталях германского плана войны, правильно определяли, что «Германия направит большую часть своих сил против Франции, ограничившись минимумом против России», а потому они делали вывод, что союзники должны начать энергичное наступление одновременно с двух сторон.

4. Дальше следовали конкретные обязательства, которые царская Россия, хотя они и были подписаны ген. Жилинским, выполнить не могла в силу исключительной отсталости своих железных дорог.

Конвенция устанавливала:

«Франция выставляет на 10-й день мобилизации на своем северо-восточном фронте 1 500 000 человек, причем операции начнутся на 10-й день. Россия выставит против Германии до 800 000 человек на 15-й день мобилизации, причем наступление начнется тотчас после 15-го дня».

Ниже мы увидим, как осуществились в жизни эти конкретные сроки и цифры, но во всяком случае на всю стратегическую работу генеральных штабов обоих союзников это соглашение не могло не наложить своей печати.

5. Наконец, конвенция в общих чертах наметила направление для стратегического сосредоточения и развертывания русских армий, причем каждый ее пункт был направлен к тому, что царская Россия должна энергично облегчать положение Франции, на которую обрушиваются главные силы Германии.

Конвенция твердо указывала царской армии, что «наступление будет наиболее выгодным с юга, т. е. от Нарева на Алленштейн, в случае сосредоточения германцев в Восточной Пруссии, или прямо на Берлин, если бы германцы сосредоточили свои главные силы восточного фронта в районе Торн, Познань». Во всяком случае вся группировка царских армий должна была иметь такой характер, при котором:

а) для германцев была бы затруднена переброска с одного фронта на другой;

б) Германия вынуждена была бы оставить на своем восточном фронте как можно больше сил, и

в) группировка сил в районе Варшавы имела бы для Германии угрожающий характер.

Имея в виду, что уставы, инструкции, наставления и пр. у обеих армий были пропитаны наступательными тенденциями, конвенция сочла нужным еще раз оговорить и напомнить, что термин «оборонительная война» нельзя понимать буквально. Напротив, безусловно необходимы со стороны русской и французской армий наступательные действия, «энергичные и по возможности одновременные». Мы уже знаем, что «энергичное наступление» по плану № 17 выразилось в бурном отступлении французских армий к Парижу, а по плану войны царского генерального штаба этот пункт конвенции об «энергичном наступлении» закончился Самсоновской катастрофой и полным провалом Лодзинской операции. Постараемся и для русского фронта разобраться в причинах этого интересного явления.

Главными противниками на западноевропейском театре военных действий для царской России являлись Германия и Австро-Венгрия.

Конфигурация государственной границы была весьма своеобразной, так как огромный мешок Осовец, Калиш, Томашев, который представлял собой так называемый Передовой театр, в оперативно-стратегическом отношении имел свои выгоды и недостатки. Русский генеральный штаб больше ориентировал своих работников на то, что при данном начертании государственной границы активный удар противника со стороны Германии (Восточная Пруссия) и от Кракова, Ярослава (Австро-Венгрия) в общем направлении на Седлец должен будет совершенно срезать Передовой театр. Этот удар сразу отберет Польшу и выравняет государственную границу из полукруга в прямую линию. Русский генеральный штаб, пропитывая свои уставы наступательной доктриной, одновременно избегал детализации вариантов активного удара к северо-западу от Варшавы, с целью отрезать Восточную Пруссию, или удара из района Ивангород, Люблин в направлении Будапешт, хотя в тех 20 оперативно-стратегических фолиантах, которые остались от царского генерального штаба, такие активные варианты также имели свое место (например, планы развертывания ген. Милютина).

Но в основном будет правильным сделать вывод, что как французский, так и русский планы войны перед империалистической войной 1914—1918 гг. находились в резком противоречии с содержанием той решительной наступательной доктрины, по которой учились войска (уставы, наставления, инструкции, полевые поездки, военные игры и пр.).

Совершенно естественно, что, имея перед собой на западе двух серьезных противников, царский генеральный штаб должен был иметь два варианта в плане войны, построенные с учетом требований русско-французской военной конвенции. Это были варианты «Г» (Германия) и «А» (Австро-Венгрия).

Варианты «А» и «Г», по которым развернулись вооруженные силы царизма в 1914 г., были созданы не сразу, а в результате длительного периода времени.

В тот момент, когда Мольтке-старший решал активно действовать на восточном (русском) театре и, обороняясь на западе (против Франции), совместно с австрийцами «последовательно бить медленно собирающиеся русские войска», в это время царский генеральный штаб изыскивал различные способы увеличить готовность армии и добиться скорейшего стратегического сосредоточения войск в пограничные Неманские, Привислинские и Волынские районы.

Уступное положение вперед Восточной Пруссии и Галиции очень выгодно захватывало в клещи весь русский Передовой театр (Осовец, Калиш, Томашев), но, с другой стороны, и царские армии, сосредоточившись в Передовом театре, ударом в северо-западном и юго-западном направлениях могли охватывать районы Восточной Пруссии и Галиции (действуя по внутренним операционным линиям). Стратегическое развертывание царских армий на левом берегу Вислы требовало обеспечения флангов,— иными словами, нужны были дополнительные силы. Последний момент опять упирался в основной вопрос быстроты мобилизации и сосредоточения при огромных территориальных размерах царской России. При отнесении стратегического развертывания назад, на линию Неман, Шара, Стырь, царские армии, естественно, теряли Передовой театр и давали возможность быстро соединиться в нем германским и австрийским армиям. Но это развертывание назад давало в руки царского командования такое положение, когда армия оказывалась вне клещей со стороны Восточной Пруссии и Галиции.

Но для того, чтобы не осуществлять развертывания назад, необходимо было соответствующим образом организовать железнодорожную сеть, крепостную систему, ускорить быстроту мобилизации и стратегического сосредоточения, организовать соответствующую дислокацию мирного времени, с тем чтобы большая часть полевой армии находилась в пограничной полосе. До военно-политической конвенции между царской Россией и Францией в вариантах стратегического развертывания проходит основная мысль — активно действовать против Австро-Венгрии, с желанием через успешную войну с ней распространить свою экспансию на Балканах, и обороняться против Германии. Но после франко-русской конвенции распределение сил на западном театре военных действий становится равномерным, а в некоторых вариантах даже невыгодным для южного участка (Австро-Венгрия). Во всех же оперативно-стратегических предположениях проходит красной нитью факт медленного русского сосредоточения; так, в планах, составленных до русско-японской войны 1904—1905 гг., это отставание по сравнению с германцами было на 22 дня, а с австрийцами на 18 дней. Постройка железных дорог и крепостей требовала много средств и времени, а разница в быстроте стратегического сосредоточения и развертывания оставалась до 1905 г. весьма большой и крайне невыгодной для царской армии. Например, германская армия на восточном (русском) фронте заканчивала стратегическое развертывание на 12-й день мобилизации, австро-венгерская — на 15-й, а царская армия — на 32-й день.

Учитывая сказанное, царский генеральный штаб, не желая добровольно оставлять Передовой театр, решил как можно более усилить войска, прикрывающие развертывание. Делалось это для того, чтобы эти войска прикрытия, ведя длительные самостоятельные операции, задерживали вторжение противника и тем самым облегчали процесс сосредоточения на театр военных действий основной массы войск из глубины страны. Поэтому еще в мирное время, в 1902 г., из имевшихся 25 корпусов царское командование в трех западных пограничных округах — Виленском, Варшавском и Казанском — имело 16.

Среди планов стратегического развертывания царской армии есть ряд интересных по своему идейному содержанию и целеустремленности образцов, например планы Милютина и Драгомирова. План развертывания ген. Драгомирова от 1900 г. представлял собой целеустремленный активный план, направленный к сосредоточению в Передовом театре основной массы сил для решительных операций против главного противника — Германии. Этот план впитал в себя все наиболее сильные стороны оперативно-стратегических вариантов предшествующих разработок, а поэтому мы кратко остановимся на нем, чтобы затем перейти к новому плану (после русско-японской войны, периода 1909—1914 гг.)

Генерал М. И. Драгомиров был самым страстным поклонником полководческого искусства Суворова. В области же стратегии и учения о войне он считал себя учеником Клаузевица, которого Драгомиров с 80-х годов старался широко популяризировать в России.

В противовес бонналевской «муштровке», направленной к тому, чтобы создать «солдата-автомат», Драгомиров говорил, что «солдата надо не муштровать, а воспитывать и специализировать, не ломая в нем человека». За широкое развитие моральных качеств, за крепкую физическую культуру бойцов постоянно ратовал в своих трудах Драгомиров, пытаясь сам осуществлять эти идеи в тех войсках, которыми он командовал. Следует заметить, что за эти идеи Драгомиров имел неприятности от николаевских плац-парадников: последние умышленно сгущали краски, и даже там, где Драгомиров был прав. Когда он говорил, что с изобретением нарезного оружия «пуля и штык не исключают, а дополняют друг друга», плац-парадники делались ярыми «огнепоклонниками». Они писали, что Драгомиров противопоставляет «штык пуле, ратуя за штык и не веря в действие современного скорострельного огня». Надо иметь в виду, что Драгомиров, как военный писатель, отличался не только большой парадоксальностью, но и эклектизмом. Например, в ряде своих работ (см. сборник «14 лет. 1881—1895 гг.», «11 лет. 1895—1905 гг.», также учебники по тактике) Драгомиров говорит, что штык еще не потерял своего «решающего значения» в современном огневом бою и что надо стремиться воспитывать солдат и младших командиров таким образом, чтобы они всегда стремились в бою как можно ближе подходить к противнику и р е ш а т ь у ч а с т ь б о я у д а р о м в ш т ы к и. Учитывая развитие техники и тактики 90-х и 900-х годов, ничего «несуразного» в такой постановке вопроса Драгомировым мы не видим, так как он эти

мысли базировал на «развитии высокой моральной и физической силы бойца». Другой, конечно, вопрос, что, пытаясь оказать большую услугу своему классу, генерал Драгомиров не видел того, что все более и более расшатываемый революционными взрывами царский режим уже не мог дать такого бойца, какого требовал генерал Драгомиров.

Суворовское правило «глазомер, быстрота, натиск» Драгомиров широко пропагандировал в печати, на полевых поездках, учениях и маневрах. Это суворовское правило он понимал так, что глазомер—это значит правильно оценить данную боевую обстановку; быстрота — обеспечить для своих действий внезапность удара; натиск — сосредоточить возможно большее количество сил в решительное место, где намечен по плану операции удар.

Читая в 1903 г. «Des principes de la guerre» Фоша [1] Драгомиров правильно расшифровал, что Фош, выдвигая для современного военного искусства три принципа: 1) подготовка, 2) масса и 3) стремительность, фактически повторяет суворовский «глазомер», заменяя его словом «подготовка», понятие «быстроты» заменяет «стремительностью», и, наконец, понятие «натиск» у Фоша выражено словом «масса».

Но наряду с этими интересными и верными мыслями, что солдата надо «не муштровать, а воспитывать», с тем чтобы «солдат сознательно понимал свой маневр»; что «учить войска в мирное время» нужно «только тому, что им придется делать на войне», которые он высказывал и писал тогда, когда в царской России очень мало кто об этом думал,— наряду с этим Драгомиров часто впадает в эклектизм и высказывает совершенно неверные и вредные мысли по использованию военной техники и в особенности в отношении ее дальнейшего усовершенствования и развития.

Например, в 1891 г. он писал: «Я считаю пулеметы нелепостью в полевой армии нормального состава». Это была уже реакционность. Таким образом, наряду с отдельными верными идеями в деле тактической подготовки и воспитания бойцов у Драгомирова очень часто имело место пренебрежительное отношение к военной технике и особенно к магазинным ружьям, пулеметам, щитам для орудий, увеличению артиллерии, стрельбе с закрытых позиций и т. д. Чрезмерно увлекаясь суворовской ударной тактикой и подчас фетишизируя штыковой удар, Драгомиров упускал и игнорировал важнейший фактор в виде значительного роста и развития военной техники, которые в то время наблюдались за границей. С этим недоучетом и недопониманием дела дальнейшего развития военной техники и ее теснейшей взаимозависимости и взаимодействия с тактикой и операцией и умер Драгомиров в 1905 г.

За время командования войсками Киевского военного округа Драгомирову удалось составить вариант стратегического развертывания против Германии, который заслуживает внимания. Этот вариант явился как бы развитием, дополнением плана развертывания царского генерального штаба от 1900 г. Из главы I нашего труда

[1] Foch, Des principes de la guerre, Paris, 1903, p. 42—45.

мы знаем варианты развертывания, которые проектировал в эти годы начальник германского генерального штаба Шлиффен, оставляя в Восточной Пруссии 3 кав., 6 пех., 3 рез. дивизии и сосредоточивая против Франции 8 кав., 42 пех., 11 рез. дивизий, т. е. $^4/_5$ всех германских вооруженных сил. Посмотрим, как предлагал Драгомиров развернуть русские армии на германо-австрийской границе, когда 95% своих сил Шлиффен направлял на Францию. Предварительно коротко остановимся на плане 1900 г. Этот план фактически был одним из последних перед русско-японской войной, когда главное внимание царского генерального штаба было перенесено на события Дальнего Востока (японо-китайская война, захват Порт-Артура русскими войсками, Киао-Чао германцами, боксерское движение, борьба за южную Манчжурию и Корею и т. д.). Составители плана 1900 г. предполагали, что главные силы австро-венгерской армии будут развернуты против России в Галиции, а германские — в Восточной Пруссии. Предполагалось, что на фронте Каменка, Струмилова, Тарнополь австрийцы развернут в 1900 г. 4 корпуса, а в районе Львов, Соколов — 9 корпусов, оставляя один корпус в Кракове; о германском развертывании было известно, что при направлении главных сил против Франции в Восточной Пруссии будет оставлено 5 корпусов, но возможен и другой вариант, когда на восточном (русском) фронте германское командование развернет 18 корпусов. По плану 1900 г. генеральный штаб на северном фронте против Германии развертывал 1-ю и 2-ю армии от Липска до Пултуска, имея 6-ю армию в районе Вильна как резерв главкома.

На южном фронте против Австро-Венгрии 3-я армия развертывалась в районе Люблин, Ковель, 4-я—впереди Дубно, 5-я—в районе Проскурова; с Кавказа в район Проскурова подвозилась группа в составе 72 батальонов, 44 эскадронов, 244 орудий. Общий резерв — в трех группах: Казатин, Брест, Минск.

По этому плану предполагалось развернуть:

Русские силы		Австро-германские силы
1 524 бат.	против	от 926 до 1 327 бат.
1 078 эск.	»	» 487 » 682 эск.
4 802 орудия	»	» 2 972 » 5 092 орудий

в зависимости от того, направит ли Германия на восточный (русский) фронт 5 или 18 корпусов. В этом развертывании царские армии отставали от германских на 22 дня, от австрийских на 18 дней.

Замечания ген. Драгомирова по этому плану выразились в следующих предложениях:

1. Дислокация царской армии в 1900 г. была такова, что все армейские корпуса были сосредоточены в пограничных округах не далее линии Петербург, Москва, Харьков, Севастополь. Это значительно ускоряло сосредоточение.

2. Красная нить в развертывании ген. Драгомирова — стремительные активные действия с первого же дня войны; он — за втор-

жение в Германию, которую считает главным врагом, а также и за наступательные действия против Австро-Венгрии. Для этого на обоих направлениях он предлагает сосредоточить превосходные силы; против 14 австрийских корпусов Драгомиров собирает три армии в составе 15 арм. корпусов, 12 кав. дивизий и 1 рез. дивизии; против 5 германских корпусов — 3 армии в составе: 10 арм. корпусов, 2 кав. корпусов, 5 кав. дивизий, 4½ пех. дивизий плюс 8 пех. и 3 кав. дивизии 6-й армии. Такое сосредоточение превосходных сил с компактным их расположением давало возможность Драгомирову строить план активной операции на австро-германской границе.

3. Драгомиров полагал, что его план дает прочное основание для совместного удара с восточного (русского) фронта и западного (французского) по Германии, ставя последнюю в крайне тяжелое положение, так как Германия не могла рассчитывать на поддержку Австрии, которая имела против себя также превосходные силы русских.

Драгомиров требовал: а) всемерного усиления левого берега Вислы, как плацдарма для глубокого скачка в пределы Германии, б) скорейшего расширения железнодорожного строительства на варшавском театре военных действий с целью быстрейшего сосредоточения войск к границам, в) постройки нескольких мостов через Вислу для маневрирования войсками с одного берега на другой, г) сосредоточения в районе Лович, Скерновицы не менее 2 арм. корпусов в противовес тенденции оголять левый берег Вислы и, наконец, д) полного взаимодействия в начальный период многочисленной конницы с полевой армией, которая будет также стремительно наступать.

Развертывание по варианту Драгомирова показано на чертеже 11.

1-я армия: 5 стр. бригада — в Сувалках, 3 кав. дивизии — по границе от Августово до Кольно, 3-й корпус — в Гродно, 4-й и 18-й — в Белостоке, 2-й, 20-й и казачья дивизия — в Ломже.

2-я армия: 1-й кав. корпус (две дивизии) — в Конине, 14-я кав. дивизия — в Ченстохове, 1-я стр. бригада — в Кутно, 5-й и 15-й корпуса и 3-я гвардейская пех. дивизия — в Лович, Скерновицы, 2-й кав., 6-й и 16-й арм. корпуса и 3 рез. дивизии — в районе Варшавы.

6-я армия и 3 кав. дивизии подвозятся непосредственно к Варшаве.

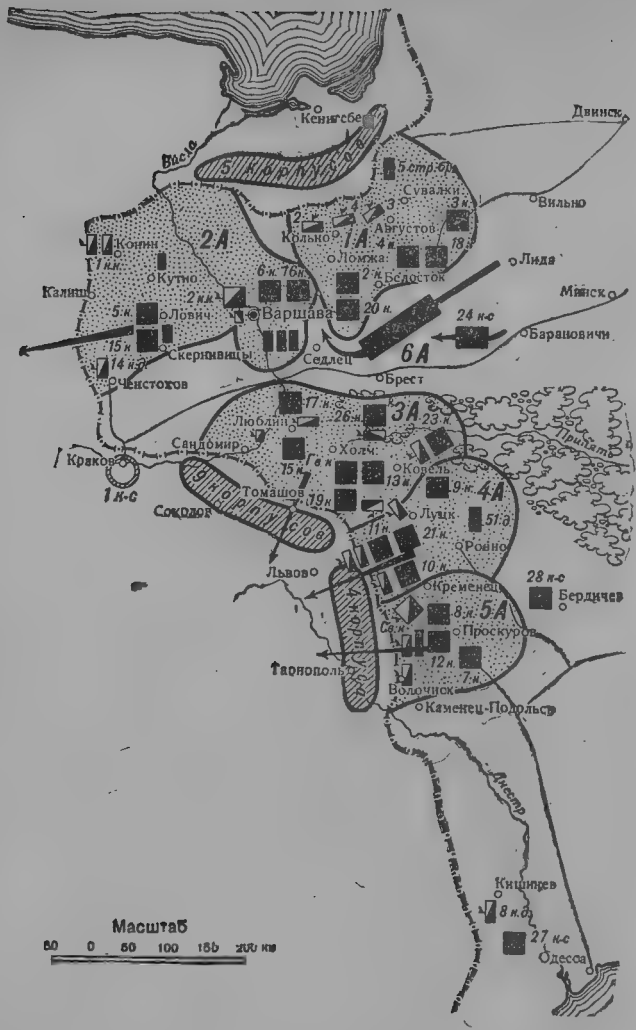
3-я армия — в районе Люблин, Томашев, Холм, 23-й корпус с казачьей дивизией — в Ковеле.

4-я армия — в районе Луцк, Кременец, рез. дивизия — в Ровно.

5-я армия — в районе Кременец (искл.), Старо-Константинов, Волочиск, Проскуров.

В районе Кишинев, Одесса — 27-й корпус и 8-я кав. дивизия, 28-й корпус — в Бердичеве, 24-й корпус от Барановичей сосредоточивается в районе Варшавы.

Этот план Драгомирова не получил своего дальнейшего развития, так как генеральный штаб не разделял его идею более чем двукратного сосредоточения сил и средств для первоначального стреми-



Черт. 11. План стратегического развертывания, составленный командующим Киевским военным округом ген. М. И. Драгомировым в 1900 г.

Боевой состав армий:

1-я армия—5-я стр. бригада, три кавдивизии, 2-й, 3-й, 4-й, 18-й, 20-й корпуса, казачья кавдивизия.

2-я армия—1-й кав. корпус, 14-я кавдивизия, 1-я стр. бригада, 3 гв. пех. дивизии, 2-й кав. корпус, 5-й, 6-й, 15-й, 16-й корпуса, три рез. дивизии. (Варшавский район).

3-я армия—гренад. 14-й, 13-й, 17-й, 19-й, 25-й корпуса, три кавдивизии, 23-й корпус + каз. дивизия (Ковель).

4-я армия—9-й, 10-й, 11-й, 21-й, четыре кавдивизии + рез. дивизия.

5-я армия—7-й, 8-й, 12-й корпуса, две бригады (3 и 4) и четыре кавдивизии, из них две сведены в корпус.

6-я армия—восемь дивизий пехоты и три кав. дивизии.

тельного удара и наступления в пределы Германии. С приходом после русско-японской войны Сухомлинова и Данилова эти идеи Драгомирова совсем были забыты, так как в области развертывания делалось все им противоположное.

Для исследователя мировой войны этот вариант Драгомирова интересен тем, что он со всей ясностью говорит, что царскому командованию в августе 1914 г. было выгоднее осуществить вариант Драгомирова, чем пытаться делать в октябре—ноябре 1914 г., когда соотношение сил было не в пользу России, примерно, то же, что предлагал за 14 лет до этого ген. Драгомиров.

На этом в рамках нашего исследования мы считаем возможным закончить разбор плана развертывания Драгомирова и перейти к периоду Сухомлинова и Данилова.

Сухомлиновско-даниловский период по времени относится к 1909—1914 гг. и в основном является пассивно-оборонительным; он впитал в себя варианты так называемого переломного периода 1902—1909 гг. с основной идеей развертывания назад и отрицательного взгляда на Передовой театр (польский мешок). Мало того, если милютинская система требовала еще большего развития крепостей Варшавско-Новогеоргиевского района, включая Зегрж, Ивангород, Ломжу, то Сухомлинов фактически уничтожил все крепости Передового театра, оставив как будто для курьеза лишь Новогеоргиевск, называвшийся в шутку «вторым Порт-Артуром».

Сухомлиновский вариант стратегического развертывания требовал не эшелонирования на основных направлениях в глубину с наличием удобно расположенных резервов для маневрирования, а, напротив, фронтального развертывания всех армий царизма на линии Вильна, Белосток, Брест, Ровно, Каменец-Подольск, разделенной почти на два равных участка благодаря огромному лесисто-болотистому району Полесья. И вместо крепостей Передового театра Сухомлинов строил и укреплял крепости в районах Ковно, Гродно, Осовец, Брест. Но, как известно, царская армия выступила на войну совсем без крепостей (если не считать Новогеоргиевска), так как старые были заброшены, а новые еще не были построены и достроены.

Пассивно-оборонительный план работ по подготовке к войне периода Сухомлинова — Данилова становился в резкое противоречие с тем, что было написано в франко-русской военной конвенции.

Сущность всех вариантов стратегического развертывания периода Сухомлинова сводится к тому, что они составлены по основной оперативно-стратегической концепции: «А что же должен делать противник и что он будет обязан делать?». Отсюда, как же успеть сосредоточить свои вооруженные силы так, чтобы этому делу не помешали ни германцы, ни австрийцы? Куда отнести развертывание из польского мешка, чтобы не быть обойденным с флангов? Где окончательно наметить линию, с которой в будущем, но опять же в «зависимости от обстановки», перейти в наступление? Содержание же конвенции как раз требовало обратного, а именно: царская армия должна наступать и сразу же навязывать свою волю против-

нику. Царский генеральный штаб совершенно не был уверен в том, что война начнется именно в 1914 г., скорее он ориентировался на лучшее: по его предположениям война должна была начаться в 1917 г., когда закончится осуществление большой военной программы. В силу этого свои расчеты и подсчеты по стратегическому развертыванию, сообразно с пунктами конвенции в обновленной редакции 1912—1913 г., он целиком не сумел подготовить. Но зато все варианты перед империалистической войной полны желанием не только забраться в оперативно-стратегические думы противника, но и думать именно за него.

Это же желание слишком много думать и решать за противника, в ущерб стремлению посредством своей активности навязать ему свою волю, не могло не привести к тому, что, как правило, во всех последних вариантах доминировала мысль о необходимости прикрыть хорошенько все направления, идущие от государственной границы, и везде иметь достаточное количество войск. А поскольку протяжение государственной границы измерялось в 2 600 км, желание везде ее прикрыть и везде иметь войска приводило к стратегическому развертыванию по принципу кордона, т. е. в длинную линию, с войсками, растянутыми в нитку по всей государственной границе.

Исходя из положения, что каждый новый проект является в известной степени производной от старого, мы должны рассматривать их в связи друг с другом. У царского генерального штаба проектов развертывания было очень много, более 20, мы кратко остановимся только на самых характерных.

Перед нами вариант стратегического развертывания русских армий 1908 г., т. е. того времени, когда в Германии еще действовали планы Шлиффена, а во Франции — план № 15. Прогноз русского генерального штаба о реальном противодействии плану Шлиффена и рассуждения о группировке германских сил мы находим в варианте развертывания 1908 г. В нем мы видим следующие положения.

Для борьбы на всем восточном (русском) театре сосредоточивается 8 армий, которые должны иметь общую численность в 1 357 батальонов, 1 038 эскадронов и 4 390 орудий.

Главный противник — Германия. Силу германской армии этот вариант определяет в 46 корпусов (из них 23 резервных) и 19 кавдивизий (из них 8 резервных).

Главный составитель этого варианта ген. Данилов считал, что главный удар Германия будет наносить Франции, но одновременно оставит против России сильный заслон, не менее как в 18—20 корпусов, т. е. «заслон» на второстепенном направлении почти в половину всех сил (?!). Так понял доктрину германской армии царский русский генеральный штаб, имевший обильный материал о противнике.

Итак, из 46 корпусов целых 18—20 корпусов — против России! Как же они должны были развернуться, с тем чтобы «прикрыть» и затем «наступать» против русской армии? Составители варианта 1908 г. полагали, что не менее 10—13 корпусов будет сосредото-

чено между Млавой и юго-восточным выступом Мазурских озер, 1½ корпуса — к северу, т. е. против среднего Немана, остальные будут рассредоточены по линии Бромберг, Познань, Бреславль. Австро-венгерскую армию почти не брали во внимание, она как будто ускользнула из поля зрения составителей варианта 1908 г. Имевшиеся в распоряжении царского генерального штаба документы говорили о том, что 4 корпуса австро-венгерского фронта будут развернуты на фронте Тарнополь, Красне и 9 корпусов на фронте Львов, Соколов. Готовность к наступлению германской армии определялась к 12-му дню мобилизации, полная готовность—к 18—19-му и 21—22-му дню мобилизации, но собственно войска могли быть готовы через 15 дней после объявления мобилизации.

Определив и расположив так силы противников, царский генеральный штаб 8 своих армий развертывал в том порядке, как указано на таблице 15 и схеме 12.

Что же можно сказать о стратегическом развертывании 1908 г., по мобилизационному расписанию № 18?

Во-первых, оно было неправильно в самой основе, так как предвзятое мнение о 18—20 германских корпусах в Восточной Пруссии совершенно не соответствовало действительности. Такой прогноз скорее говорит о полном незнании стратегической доктрины германской армии, несмотря на то, что русский генеральный штаб изучал огромное количество материалов. Совершенно непонятно, как мог Данилов, автор этого варианта, предполагать, что германцы для прикрытия второстепенного направления бросят целых 18—20 корпусов, а на главное и важнейшее направление направят всего лишь 26 корпусов.

Во-вторых, боевой порядок развертывания 1908 г. крайне причудлив, фактически он равномерно прикрывает все направления и все участки границ. Он готов к наступлению и на Восточную Пруссию и в Галицию, в то время как в основе варианта лежит мысль, что главная борьба предстоит именно с Германией, которая, как казалось русскому генеральному штабу, сосредоточивает против России до 20 корпусов. Согласно варианту авангард в одиннадцать дивизий выдвинут вперед на 150 км, более 6 переходов от линии Белосток, Холм, куда сосредоточивались двадцать четыре дивизии главных сил.

Если мы сравним сроки готовности обеих сторон, определявшиеся самими работниками царского генерального штаба, то увидим, что они заведомо хотели вести операцию против превосходного по их же расчетам противника, не окончив стратегического сосредоточения армий. При более тщательном учете всего этого они не допустили бы грубейшей ошибки с 20 корпусами, а также поняли бы, что главная масса сил должна была направляться германцами против наиболее сильного противника, оставляя против другого заслон, равный не половине этой главной массы, а максимум 5% из 100, т. е. то, что и делали германцы, предназначая для Восточной Пруссии 4—5 корпусов. Как помнит читатель, одно время Шлиффен

вообще считал возможным оставить совершенно ничтожные второочередные силы для Восточной Пруссии, сосредоточивая все свое внимание против франко-бельгийского фронта и развертывая 90% сил на своем правом фланге (бельгийско-люксембургская граница).

План развертывания по варианту 1908 г. по своему идейному содержанию (кордонообразность оперативных группировок в силу равномерного распределения сил и отсутствия уплотнения для удара, исключительное тяготение к насыщению всего пространства войсками, преувеличение сил противника до 18—20 корпусов, когда в это время германцы оставляли в Восточной Пруссии 4—5 корпусов) родственен французскому стратегическому развертыванию по плану № 15. И, как увидим ниже, план развертывания царских армий к 1914 г. будет по своему внутреннему содержанию родственен французскому плану № 17 с его красной нитью: «наступать в зависимости от обстановки».

Вариант развертывания 1910 г. является также весьма оригинальным оперативно-стратегическим произведением царского генерального штаба.

В это время во главе военного министерства стоял ген. Сухомлинов; при нем сменилось три основных начальника генерального штаба — Гернгросс, Жилинский и Янушкевич.

Уже во время войны раскрылась измена царского военного министра Сухомлинова, оказавшегося связанным с германскими шпионами. Сухомлинов выполнял задание германской разведки — сорвать снабжение фронта снарядами, не давать фронту пушек, не давать винтовок. Некоторые царские министры и генералы сами втихомолку содействовали успехам германской армии: вместе с царицей, связанной с немцами, они выдавали немцам военные тайны. Неудивительно, что царская армия терпела поражение и вынуждена была отступать[1].

Автором большинства вариантов стратегического развертывания был начальник оперативного управления (генерал-квартирмейстер) Ю. Н. Данилов. Он в продолжение целых шести лет перед 1914 г. работал над вопросом оперативно-стратегической подготовки царской России к войне. Данилов являлся самым ближайшим сотрудником и помощником Сухомлинова.

В последние годы перед мировой войной инициативная группа во главе с ген. Даниловым стала с особой настойчивостью проводить мысль о полной самостоятельности начальника генерального штаба и его ближайшего помощника (ген. Данилова) во всех вопросах оперативно-стратегического порядка, разрешение которых требуется в работах по созданию плана войны. Военный министр ген. Сухомлинов целиком поддержал эти предложения работников своего генерального штаба, которые были сформулированы, примерно, так:

«Установление строгой плановости в ведении стратегических работ. В силу этого принципа план войны (развертывание армий и

---

[1] См. «История ВКП(б)». Краткий курс под редакцией комиссии ЦК ВКП(б), стр. 166—167.

Таблица 15

	Армия	Состав: Батальонов	Состав: Эскадронов, сотен	Состав: Дивизий	Район сосредоточения	Готовность в днях мобилизации: Главной массы	Готовность в днях мобилизации: Окончательная (полная) готовность
Северо-западный фронт севернее Полесья	Балтийская плюс Рижский отдельный корпус	203	71	Показаны на схеме 12	Петербург и побережье Балтийского моря	16	29
	1-я	188	122		Вильна, Ораны, Олита, Ковно	15	25
	2-я	118	110½		Гродно, Белосток	11	13
	3-я	211	178		Бельск, Брест, Холм, Ковель	14	33
	Висленская	172	76		Под прикрытием крепостей Новогеоргиевска, Зегржа, Варшавы, Ивангорода	12	20
	Центральная	96	135		Лида, Волковыск, Барановичи	17	35
					Для всего сев.-зап. фронта	11—17	20—35
Армии южнее Полесья	Киевская	272	273		Ровно, Дубенский и Проскуровский	19	35
	Киевская	97	72		Бендеры, Тирасполь	19	30
					Для армий южного Полесья	19	30—35

тылов) должен разрабатываться и проводиться лицами, непосредственно стоящими у этого дела и отвечающими за него в целом. Коллегиальный же способ разработки должен быть оставлен, как вносящий в дело слишком много соображений местного (имеется в виду мнение по сосредоточению и развертыванию армий со стороны командования округов. — *Вл. М.*), а следовательно, частного характера и, в общем, несомненно нарушающий цельность работы и вложенную в нее единую идею».

Автором стратегического развертывания 1910 г. был ген. Ю. Н. Данилов, которого всецело поддерживал начальник генерального штаба ген. Гернгросс. Материал по этому развертыванию очень обширен, а поэтому мы постараемся здесь дать лишь синтез из этих многочисленных подсчетов, расчетов, отдельных предложений, записок, докладов, дополнительных соображений, резкой полемики с командованием округов, которые подняли большой шум, продолжавшийся более года после получения этого варианта развертывания.

Первые слова директивы по плану стратегического развертывания начальника генерального штаба, написанные рукою ген. Данилова (см. дела военно-ученого архива за № 175710 и № 175953), весьма пессимистичны.

Директива сразу же начиналась с преувеличения сил, средств и возможностей Германии, Австро-Венгрии и Румынии как главных противников царской России. Все эти государства по директиве находились в неизменно лучшем положении в основных вопросах, т. е. по быстроте мобилизации и сосредоточения, вооружению и пр.

«Пользуясь этим обстоятельством, они, вероятно, начнут войну быстрым вторжением в пределы нашего отечества. Такой способ действий для них возможен даже в случае, если Германия разделит свои силы для одновременной борьбы с нашей союзницей Францией» гласила директива Гернгросса—Данилова.

Вследствие этого обстоятельства, рассуждали авторы плана 1910 года, надо отходить назад, надо забыть об удержании Передового театра с его оборонительной линией по Висле и Бугу, Нареву, как опоры, как трамплина для дальнейшего наступления в глубь территории противника. Все это — оперативно-стратегическая фантастика, обстановка, мол, требует немедленно подготовить вопрос сдачи десяти губерний Передового театра, «уничтожив все, что может принести пользу противнику», и отнести стратегическое развертывание армий назад.

Первоначальную задачу для всех армий директива формулировала следующим образом:

«Сосредоточиться в избранных районах с целью задержать наступление австрийцев активными действиями войск, собранных к югу от Полесья, и создать к северу от Полесья возможно более благоприятную обстановку для перехода совокупными силами в общее наступление по указанию главнокомандующего.

Дальше следовали указания о сосредоточении и развертывании для армий, причем к указаниям для каждой армии прибавлялось мало к чему обязывающее напоминание: «Подготовка к ре-

шительному наступлению в зависимости от обстановки». Сам же ген. Данилов так определял этот план развертывания:

«Форма сосредоточения армий в две линии вызывалась желанием придержать часть сил в тылу впредь до выяснения обстановки».

Однако при развертывании он придерживал в тылу не часть, а почти все армии.

Ввиду исключительного интереса, который представляет собой это произведение, весьма остро характеризующее оперативно-стратегическое мышление главных представителей русского генерального штаба и понимание ими современной большой войны, постараемся дать сводную таблицу по стратегическому развертыванию 1910 г. по мобилизационному плану № 19 (см. табл. 16 и схему 13).

Схема 13 и таблица 16 дают достаточное представление о плане развертывания 1910 г.; здесь же мы лишь укажем, что оригинальнее всего в этом так называемом «стратегическом развертывании назад» заключалась задача, которую поставили Гернгросс—Данилов единственной крепости, Новогеоргиевску, отстоявшей более чем на 200 км от главных сил. Эта крепость, имея в своем гарнизоне 2 полевых дивизии, должна была одна защищать Передовой театр. «Залогом нашего возвращения в этот район,— читаем в директиве,— является крепость Новогеоргиевск, которая должна держаться до последнего патрона и сухаря».

Если развертывание 1908 г. предполагало ведение операций против превосходного противника, не закончив сосредоточения армий, то вариант стратегического развертывания Гернгросса — Данилова от 1910 г. был ему полной противоположностью, так как стремился достигнуть наибольшей безопасности в стратегическом сосредоточении и развертывании своих армий.

Этот вариант является также «образцом» по оттягиванию своих сил подальше от государственной границы с целью посмотреть и выждать, прежде чем думать об активных действиях. Авторы этого произведения хорошо понимали, что в дальнейшем будет небезопасно проявлять инициативу в действиях, так как с уходом русских войск с Передового театра (Осовец, Калиш, Томашев) противник получал полную возможность объединить германские войска из Восточной Пруссии с австрийскими войсками из Галиции. Что будет делать после развертывания этих сил будущий главком — дело его опыта, таланта и знаний; факт тот, что на небольшом пространстве вариант собирал огромные силы в кулак. А поэтому долг главкома — направить эти силы или в Восточную Пруссию, или в Галицию, или разорвать где-то в центре объединенные силы австро-германцев, если это объединение произойдет, и затем итти от Седлеца на Варшаву, Берлин. Таблица 16 говорит, что к 20-му дню мобилизации вариант может дать 32 дивизии против Германии и 26 против Австрии, т. е. налицо будет возможность равными силами наступать против главных сил противника и прикрываться против второстепенных. Иначе говоря, везде стараться быть сильным, а фактически в перспективе нигде не иметь успеха.

Вариант стратегического развертывания 1910 г. шел вразрез с политикой буржуазно-помещичьей России в первое десятилетие XX столетия.

Для того чтобы иметь более полное представление об оперативно-стратегическом творчестве царского генерального штаба, необходимо проследить ту политическую и экономическую обстановку, в которой находилась царская Россия и ее генеральный штаб — основной руководитель вооруженных сил, как в период создания вышеуказанных планов войны 1908 и 1910 гг., так и непосредственно перед империалистической войной.

К началу XX столетия политическая обстановка в Европе с каждым годом все более накалялась, шла бешеная гонка вооружений морских и сухопутных сил, на Балканах крепко завязывался узел политико-экономических противоречий, в который втягивались Австро-Венгрия, Турция и Болгария. Австро-Венгрия открыто стремилась к колонизации Балкан. Она заявляла в своей печати: «Балканы нам нужны, и мы их возьмем». Это стремление постоянно встречало самое энергичное противодействие со стороны самодержавной России. Последняя после своего жестокого поражения на Дальнем Востоке (русско-японская война) с помощью Франции залечивала раны, нанесенные ей Портсмутским миром [1] и революцией 1905 г. Подхлестываемый французской буржуазией, царский империализм хотя и был слаб экономически по сравнению с Англией, Германией и своим союзником Францией, все же стремился к скорейшему захвату в первую очередь восточных рынков (турецкого, персидского, китайского, монгольского), а также к овладению Босфором и Дарданеллами. Но на этих путях империализм царской России сталкивался и входил в политический конфликт не только с германским и английским империализмом. Аннексирование Австро-Венгрией бывших турецких провинций Боснии и Герцеговины в 1908 г. было одним из сильных ударов по балканской политике царизма, нанесенных ему германским империализмом через своего вассала — Австро-Венгрию. После русско-японской войны и разгрома революции 1905 г. царизм приступил к энергичному восстановлению своего сильно потрепанного государственного организма и своих вооруженных сил. Одновременно с этим в России начинается полоса самой реакционной внутренней политики, направленной к вытравливанию и удушению остатков того революционного подъема, который был в 1905 г. В июле 1906 г. помещичье-кадетская II Дума была распущена; царизм издает свирепое положение о военно-полевых судах и приступает к дикой расправе с революционерами; так называемые «столыпинские галстуки» (виселица) замучили по далеко не полным цифрам 5 000 революционеров: шла беспощадная кровавая борьба с национальным движением на окраинах России. Товарищ Сталин пи-

[1] Договор, подписанный Россией и Японией в Портсмуте (США) 23 августа 1905 г., закончил русско-японскую войну 1904—1905 гг. Россия: 1) уступила Японии права на Ляодунский полуостров с крепостью Порт-Артуром и Дальним, южную половину острова Сахалина и южную часть КВЖД; 2) отказалась от притязаний на Манчжурию; 3) признала фактически протекторат Японии над Кореей.

шет: «...Царская Россия была очагом всякого рода гнета — и капиталистического, и колониального, и военного, — взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме. Кому не известно, что в России всесилие капитала сливалось с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма — с палачеством царизма в отношении нерусских народов, эксплоатация целых районов—Турции, Персии, Китая — с захватом этих районов царизмом, с войной за захват? Ленин был прав, говоря, что царизм есть «военно-феодальный империализм». Царизм был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат» [1].

Одновременно внутри страны шло интенсивное создание крепкого кулацкого хозяйства в деревне, выделение крестьян на отруба и хутора с наделением их лучшей землей, т. е. создание крепких хозяйственных мужиков-кулаков, как классовой опоры феодально-дворянской реакции, каковой являлась столыпинщина. «Столыпинщина еще более ухудшила положение малоземельных крестьян и деревенской бедноты. Расслоение крестьянства усилилось. Начались столкновения крестьян с кулаками-хуторянами.

Вместе с тем крестьянство начинало понимать, что ему не получить помещичьей земли, пока существует царское правительство и помещичье-кадетская Государственная дума» [2]. Собирается новая, III Дума, в которой начинает господствовать реакционный блок крупных помещиков-крепостников и крупной финансовой буржуазии. Царизм внутри страны открывает широкие двери для иностранного капитала с целью поднять свою промышленность. Русская промышленная и банковая буржуазия, заключив союз с самодержавием, пытается с помощью иностранного финансового капитала также найти свое место под солнцем. 69% иностранных капиталов, брошенных в русскую промышленность, принадлежало державам Антанты, из которых французские капиталы занимали первое место — 32,6%, английские— 22,6%, бельгийское — 14,3%; на долю германо-австрийского капитала приходилось только 20%. Роль иностранного капитала в русской промышленности к началу империалистической войны была весьма значительной; так, например, в горном деле ему принадлежало 90%, в химической промышленности —50%, в металлургии и металлообрабатывающей промышленности —42%, в текстильной —28%.

Товарищ Сталин пишет: «...Царская Россия была величайшим резервом западного империализма не только в том смысле, что она давала свободный доступ заграничному капиталу, державшему в руках такие решающие отрасли народного хозяйства России, как топливо и металлургию, но и в том смысле, что она могла поставить в пользу западных империалистов миллионы солдат. Вспомните 12-миллионную русскую армию, проливавшую кровь на империалистских фронтах для обеспечения бешеных прибылей англо-французских капиталистов.

Дальше. «...Царизм был не только сторожевым псом империализма на востоке Европы, но он был еще агентурой западного

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 4.
[2] «История ВКП(б)», стр. 94.

Армии	Округ формирования	Состав (с округлением)					
		Пех. дивизий	Кавалерийских	Штыков (в тыс.)	Сабель (в тыс.)	Орудий	Пулеметов
1-я	Виленский	18	5,5	435,5	22	1 056	648
2-я	Варшавский	14	8,5	410	36,5	918	576
3-я	Киевский	19	9	451	38	1 244	720
4-я	Казанский	9	2,5	200	10,5	528	288
5-я	Московский	12	2,5	256,5	10,5	684	384
6-я	Петербургский	8	1,5	160	ок. 7	540	384
7-я	Одесский	6	1,5	96	5	324	200

Таблица 16

Район сосредоточения	Задача армиям	Готовность в днях мобилизации	
	Всем армиям прикрытие мобилизации и сосредоточения	главной массы войск	окончательная
Главными силами в районе Ораны, Олита, Гродно, отдельный отряд) 3 внеочередных дивизии плюс кав. бр.) в Ринг-Шавельском районе	1. Разведка противника в пределах от Палангена до Лыка и наблюдение за Балтийским побережьем 2. Упорно оборонять пограничный район	20	35
Армия сосредоточивается в двух группах в районе Белостока и Брест-Литовска	1. Разведка противника к западу от Лыка (в Восточной Пруссии) и в Галиции к западу от Дружкополя, Каменки (Струмилова) и Львова 2. Удержание Белостока, Бреста, Кобрина	11	27
Армия сосредоточивается в Дубно-Ровненском и Проскуровском районах	Приковать к себе возможно больше сил австрийцев	18	40
Свенцяны, Вильна, Молодечно	Быть готовым поддержать первую линию армий	30	41
Лида, Волковыск, Барановичи	Быть готовым поддержать первую линию армий	20	31
Главные силы в районе Петербурга	Обеспечение столицы	16	5
Главные силы в районе Бендер	Прикрытие левого фланга 3-й армии со стороны Румынии. Наблюдение за морским побережьем	15	29
	Всего — 1 449 батальонов и 1 098 эскадронов и сотен	11—30	27—41

империализма для выколачивания с населения сотен миллионов процентов на займы, отпускавшиеся ему в Париже и Лондоне, в Берлине и Брюсселе»[1].

В первом десятилетии XX в. наблюдается сильный рост крупных промышленных предприятий. Если в своей классической работе «Развитие капитализма в России» Ленин, подводя итоги роста промышленности в России к концу XIX столетия, указывал, что к 1890 г. по сравнению с 1879 г. число фабрик возросло на 100 (852—951 соответственно годам), число рабочих возросло на 73 963 (390 374—464 337 также соответственно годам) при общей сумме производства в 587 965 000 рублей к 1890 г., то все эти цифры в начале XX столетия сделали дальнейший скачок вверх.

Только за одно десятилетие 1898—1908 гг. общее число фабрик и заводов увеличилось на 2%, тогда как количество рабочих возросло на 28%, а сумма производства на 73%. Промышленность России превращалась в крупнокапиталистическую; так, например, в 1902 г. было выплавлено чугуна 158,6 млн. пуд., добыто каменного угля 1 005,2 млн. пудов, нефти — 637,7 млн. пудов. Прирост продукции по главнейшим отраслям в период 1909—1913 гг. еще более увеличился. Он выражался в следующих цифрах:

Годы	Чугун	Сталь и железо	Каменный уголь	Переработка хлопка
		В тысячах тонн		
1909	2 867	2 670	26 061	348,9
1913	4 635	4 029	36 266	527,0

После 1905 г. финансовый капитал в России продолжает развиваться, примерно, по тем же путям, по которым шли могущественные империалистические державы — Англия, Германия, Франция. Во всех отраслях тяжелой промышленности образуются монопольные организации (синдикаты, тресты) «Продмет», «Трубопродажа», «Продуголь», «Продвагон» и т. д., которые начинают диктаторствовать в промышленной жизни царской России. Банки становятся полными руководителями промышленности, концентрируя перед войной в своих руках 82% основных капиталов акционерных обществ тяжелой промышленности в России. Рост промышленной жизни в России (которая в последние годы перед войной с помощью иностранных капиталистов постепенно превращалась в колонию международных капиталистических хищников) заставляет царизм прибегнуть к ряду реформ и в области сельского хозяйства, находившегося на крайне низком уровне своего развития. Именно в это время начинает усиленно проводиться в деревне ставка на кулацкое крестьянское хозяйство, создание хуторского хозяйства (столыпинщина), на дальнейшее закабаление огромной массы малоземельных крестьян и деревенской бедноты.

В этой политико-экономической обстановке в царской России создается так называемая «большая четырехлетняя военная программа по усилению армии», осуществление

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 5.

которой должно было закончиться в 1917 г. Согласно этой программе (см. дело № 183536 по описи военно-ученого архива) вооруженные силы царизма должны были увеличиться в мирное время на ½ миллиона, т. е. почти на 40% существующего штата, причем из числа добавляемых на долю пехоты приходилось 60%, на артиллерию 29%, кавалерию 8% и технические войска 3%. Царское самодержавие, опиравшееся на дворянско-помещичьи круги и на финансовую буржуазию, ассигновало на осуществление этой программы ½ миллиарда рублей золотом. Программа преследовала основную цель — создание сильной армии мирного времени, которая должна выполнить задачу «молниеносно» закончить войну. О возможности затяжной войны никто не хотел думать, ибо рассчитывали, как и во Франции, вести войну за счет мобилизационных запасов мирного времени. Большая военная программа являлась естественным развитием тех договорных условий, которые имелись в военно-политической конвенции Франции с царской Россией, так как в дальнейшем росте вооружений в России была, в первую очередь, заинтересована Франция. Французские капиталисты не жалели денег, они давали царскому правительству огромные займы. К 1910 г. долг царской России равнялся 9 млрд. золотых рублей, из которых около 6 млрд. было размещено во Франции.

Большевистская партия, тщательно анализируя политику крупных капиталистических держав, не только определила характер предстоящей мировой войны, но задолго до 1914 г. указывала, что эта политика стремительно приближает к мировой бойне 1914 г. ЦК большевистской партии, не зная еще содержания секретных дипломатических документов (которые были опубликованы и публикуются советским правительством с момента Октябрьской революции), в своем «Манифесте» писал:

«Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачивание рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата — таково единственное содержание, значение и смысл современной войны».

Как видим, анализированный выше план войны 1910 г. составлялся в крайне сложной политической и экономической обстановке. Гернгросс и Ю. Данилов, передав этот план для проведения его в жизнь в военные округа, промахнулись. Этот план, естественно, явился непонятным для округов оперативно-стратегическим документом, противоречившим общей политико-экономической обстановке царской России, в которой он создавался.

И действительно, в то время, когда уже назревала подготовка к осуществлению «большой военной программы», о которой поговаривали задолго до ее утверждения; в то время, когда дипломатия царизма вела бумажное наступление на Константинополь, на проливы Мраморного моря, через которые шло ¾ хлебного экспорта русских помещиков и буржуазии на Балканы, где, как она

считала, царскую армию ждут не дождутся забытые «братья славяне»; в то время, когда финансовая буржуазия кричала о своих успехах в области промышленности и вела бешеную агитацию за еще более тесный «братский» военно-политический союз с Францией и за «дружбу» с Англией; в то время, когда гогенцоллернская Германия «посмела» в сотнях тысяч экземпляров распространить по Европе карту будущей Германии, в которой Курляндия, Литва, русская Польша и ряд областей Франции и Бельгии были окрашены под цвет германской территории, и т. д.,— в это время Гернгросс — Данилов составили капитулянтский план войны со стратегическим развертыванием царских армий назад, с оставлением Передового театра. Это мы говорим для того, чтобы понять следующий казус с планом 1910 г. Получив этот план, все военные округа забили тревогу, заговорили о политическом неблагополучии в генеральном штабе, который как бы подготавливал этим планом удар в спину «сердечному союзу» с Францией, и пр. и пр.

Весь 1911 г. ушел на бумажную войну между генеральным штабом и военными округами. В 1912 г. последние оказались победителями. Гернгросс ушел в отставку. Новый начальник царского генерального штаба ген. Жилинский был одним из тех, кто подписал вместе с Жоффром военно-политическую конвенцию между Францией и Россией.

Глава XI

ПЛАНЫ ВОЙНЫ ЦАРСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА НЕПОСРЕДСТВЕННО ПЕРЕД ВОЙНОЙ 1914—1918 гг.[1]

На анализе планов Шлиффена и ген. Виктор-Мишеля, планов стратегического развертывания №№ 15—17 (французских) и 1908 и 1910 гг. (русских) мы останавливались для того, чтобы еще раз оттенить мысль, что в мирное время генеральный штаб, как общевойсковой орган управления и командования, играет огромную роль.

Из всего вышесказанного видно, что основная задача генерального штаба заключается в том, чтобы будущему главнокомандующему, которого нет в мирное время, передать такой материал в виде плана войны, который не заставлял бы его сразу же ставить недоуменный вопрос: «что же я буду делать?», а, напротив, который с первого же дня войны ставил бы главнокомандующего в четкие и конкретные условия, оставляя ему в то же время простор для оперативно-стратегического творчества.

План стратегического развертывания 1910 г., составленный ген. Даниловым, может служить примером, когда главнокомандующий с первого же момента своей деятельности попадает в трудные условия работы.

---

1 Схема 14.

Глубокое понимание политико-экономической обстановки, классового соотношения сил и общих условий борьбы, знание основ современного военного искусства, постоянное стремление не только итти нога в ногу, но и заглядывать в будущее в отношении новых форм и методов управления войсками — вот основные спутники тех, кто призван работать над сложным делом стратегического развертывания современных армий.

Политическая обстановка меняется постоянно, техника меняется быстро, в наши дни исключительно быстро; она не может не менять боевые порядки современной армии. А с изменением последних меняются формы и приемы руководства и управления войсками; меняется и театр военных действий, особенно в части его железнодорожной сети и инженерной подготовки. Вот отсюда и надо исходить, продумывая варианты развертывания, с тем чтобы в будущем не связать по рукам и ногам тех, кто будет призван руководить и управлять войсками.

Вариант 1910 г. просуществовал недолго. Все военные округа царской России высказались против этого детища Гернгросса — Данилова. Появился новый вариант стратегического развертывания, утвержденный 1 мая 1912 г. Этот последний был составлен в результате большой коллективной работы начальников штабов округов, т. е. будущих начальников штабов фронтов и армий.

Если по варианту 1910 г. после развертывания русские армии останавливались в своей основной массе на линии Ковно, Брест и здесь оставались в выжидательном положении до выяснения обстановки, то иначе было с планом развертывания 1912 г. План делился на два варианта — «А» (Австро-Венгрия) и «Г» (Германия), давая главнокомандующему возможность не позже 10—11-го дня мобилизации решить, по какому из вариантов надо действовать и куда направить главные силы — против Австро-Венгрии или Германии. И правильно замечает Зайончковский, что «полководцу при подвозе главных масс войск к театру войны легко было комбинировать в деталях ту или иную группировку по фронтам в зависимости от его оперативной идеи. Развертывание войск на широком фронте с охватом флангов двух вдававшихся в русскую территорию неприятельских клинов (автор имеет в виду Восточную Пруссию и Галицию.— *Вл. М.*) не только еще более облегчало перегруппировку войск в смысле лучшего использования рельсовой сети, но и давало в руки полководцу более широкие возможности в смысле разнообразного применения его оперативных идей».

И это естественно, так как творцом плана 1912 г. была коллективная работа людей, которые не только не упускали основной стратегической цели, но и были хорошо осведомлены о местных особенностях, которых, как мы видели выше, так боялись Гернгросс и Данилов, энергично требуя единоличного составления плана войны.

План развертывания 1912 г. по своему содержанию в основном отличается в лучшую сторону во всех отношениях от русских планов, разобранных ранее. Если вариант 1910 г., требуя отнесения

Фронт	Наименование армии	Округ формирования	Состав пех. дивизий	Состав каз. дивизий	Наименование частей	Состав Батальоны	Эскадроны и сотни	Орудия	Пулеметы	Инж. роты и саперные роты	Район сосредоточения	Оперативная задача фронтам	Первоначальная задача армий	Быстрота сосредоточ. на всем театре к западной границе: Свыше 50% всей пех. и кав. Пех.	Кав.	Свыше 75% всей пех. и кав. Пех.	Кав.	Полн. сосред. 100% сил
Германский	1-я	Виленский	15½	5½	Гвардр., 1-й, 3-й и 4-й арм. корпуса, 53-я, 54-я, 56-я, 57-я, 68-я, 72-я, 73-я пех. дивизии, 1-я тяж. арт. пол. бригада, 1-я, 2-я гвардр., 1-я, 2-я и 3-я кав. дивизии и 1-я отд. кав. бригада	248	170½	900	552	44	Главными силами / на средн. Немане, между Ковно и Друскениками	Поражение герм. войск, оставленных в В. Пруссии, и овладение последней с целью создания выгодного исходного положения для дальнейших действий	Разведка от Паланген до Лыка. Прикрытие мобилизации и сосредоточения. Наблюдение за Балтийским побережьем. Подготовиться к наступлению, для обхода Мазурских озер с севера	К 15-му дню	До 10 дней	20 дней	10 дней	36 дней
	2-я	Варшавский	14½	4	2-й, 6-й, 13-й, 15-й, 23-й арм. корпуса, 1-я стр. бр., 59-я, 76-я, 77-я, 79-я пех. дивизии, 2-я пол. тяж. арт. бр., 4-я, 5-я, 6-я, 15-я кавдивизии, Кубан. каз. дивизия, креп. Новогеоргиевск и Осовец	233	145½	840	512	45	Главными силами в районе Гродно, Белосток, Ломжа		Разведка к западу от Лыка, прикрытие мобилизации и сосредоточения, подготовиться к наступлению для обхода Мазурских оз. с зап. Р-н Белосток, Гродно сохраняется при всякой обстановке	20 дней	До 10 дней	20 дней	15 дней	40 дней
Австрийский	4-я	Казанский	11½	4½	Гренад., 11-й, 16-й и 20-й арм. корпуса, 80-я, 82-я и 83-я пех. дивизии, 3-я пол. тяж. арт. бригада, 13-я, 14-я каз., 3-я Донск. и Урал. каз. дивизии	184	162½	690	400	5 бат. и 32 роты	Р-н Рейовец, Люблин, Ивангород, Холм	Поражение австро-венг. армий, имея в виду воспрепятствовать отходу значительных сил пр-ка на ю — зап. Днестр и на запад — к Кракову	Разведка к зап. от линии Томашев, Перемышль, прикрытие моб. и соср., подгот. к наступлению на Перемышль	20 дней		27 дней	30 дней	41 день
	5-я	Московский	13	4½	5-й, 17-й, 25-й и 19-й арм. корпуса, 55-я, 61-я, 70-я, 75-я и 81-я пех. дивизии, 5-я пол. тяж. арт. бригада, 7-я кав., 1-я, 4-я и 5-я Донск. каз. дивизии, 2-я и 3-я отд. кав. бригады и креп. Брест-Литовск	208	158½	768	432	42	Главными силами в районе Ковель, Холм, Брест-Литовск		Разведка к зап. от линии Дружкополь, Каменка (Струмилова), Львов до линии Томашев, Перемышль (вкл.). Подготовка к наступл. на фр. Перемышль, Львов. Р-н Брест, Кобрин армия должна сохранить во что бы то ни стало	20 дней		20 дней	27 дней	36 дней

Фронт	Наименование армии	Округ формирования	Состав: пех. дивизий	Состав: кав. дивизий	Наименование частей	Состав: Батальоны	Эскадроны сотни	Орудия	Пулеметы	Инж. роты и батальоны
Австрийский	3-я	Киевский	21½	9	7-я, 9-я, 10-я, 11-я, 12-я, 21-я, 24-я арм. и 3-й кав. корпуса, 58-я, 60-я, 65-я, 69-я, 78-я пех. дивизии, 4-я пол. тяж. арт. бригады, 9-я, 10-я, 11-я, 12-я кав., 2-я св. каз., 3-я кав. каз., 1-я и 2-я Куб. каз., Терск. каз. дивизии	352	273	1340	784	5 бат. и 57 рот
	6-й	Петербургский	6+4 стр. бр.	1½	18-я, 22-й арм. корпуса, гв. стр. бригада, 67-я, 74-я, 84-я пех. дивизии, 3-я бригада, 1-я гв. каз. дивизия, Оренб. каз. дивизия, креп. Свеаборг, Кронштадт, Выборг.	128	62	432	320	26
	7-я	Одесский	6	1½	8-й арм. корпус, 62-я, 63-я, 64-я, 71-я пех. дивизии, 8-я кавдивизия, Крымский конный полк, 7-й Донской каз. полк, креп. Очаков, Севастополь	96	52	324	200	53

Продолжение таблицы 17

Район сосредоточения	Оперативная задача фронтам	Первоначальная задача армий	Быстрота сосредоточ. на всем театре к западной границе: Свыше 50% всей пех. и кав. — Пех.	Свыше 50% всей пех. и кав. — Кав.	Свыше 75% всей пех. и кав. — Пех.	Свыше 75% всей пех. и кав. — Кав.	Полн. сосред. 100% сил
В 2 группах в р-нах Дубно, Ровненск» и Проскуровском. Непосредн. начальствование последней группой объединяется в руках особого генерала		Разведка к югу и ю.-в. от линии Дружкополь, Каменка (Струмилова), Львов (искл.), подготовка в общем направлении на Львов	15 дней	20 дней	20 дней	27 дней	40 дней
Главными силами в районе Петербурга		Обеспечение столицы, наблюдение за Балтийским побережьем в районе армии	20 дней		27 дней		36 дней
Главными силами в районе Бендер		Прикрытие левого фланга 3-й армии со стороны Румынии, наблюдение за морским побережьем в р-не армии и содействие флоту при обороне	10 дней		15 дней		20 дней

развертывания армий назад, шел по линии наименьшего сопротивления, отражал целиком безвольную стратегию, то план 1912 г. ставил общей задачей стратегического развертывания «переход в наступление против вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии с целью перенесения войны в их пределы».

Как видим, несмотря на превосходство в быстроте мобилизации и сосредоточения, которое имелось у Германии, Австро-Венгрии и Румынии по сравнению с армиями царской России, авторы плана 1912 г. все же решили поставить сразу активную задачу всем вооруженным силам царизма. Имея в виду, что стратегическое развертывание русских армий в августе 1914 г. хотя полностью осуществлено не было, но прямо вытекало из плана 1912 г., постараемся вариант «А» этого плана изобразить в виде суммарной таблицы (табл. 17, стр. 230—233).

Здесь мы в деталях не разбираем варианта «Г», но считаем нужным оговорить, что в отношении состава армий, районов и времени сосредоточения, в отношении первоначальных оперативных задач вариант 1912 г. требовал, чтобы 3-я, 6-я и 7 я армии имели одинаковые задачи с вариантом «А».

Вариант «Г» требовал так же, как и вариант «А», овладения Восточной Пруссией с целью создания выгодного исходного положения для дальнейших действий, но группировка армий против Восточной Пруссии была несколько иной.

Германские войска по варианту «Г» являлись главным противником, а поэтому вариант требовал организации перехода в главное наступление против них с парализованием действий противника на остальных фронтах. В силу этого 4-я армия должна была сосредоточиться не в районе Люблин, Ивангород, Холм, а в Риго-Шавельском районе для наступления на фронт Тильзит, Инстербург. 1-я и 2-я армии получили те же районы и почти те же задачи. 5-я армия, как и 3-я армия, получила основную задачу приковать возможно большее количество сил австрийцев.

По варианту 1912 г. авторы не безвольно передают инициативу в действиях своему противнику, а пытаются сразу захватить ее в свои руки. Это явилось уже весьма положительным фактором в дальнейшей работе по вариантам развертывания царского генерального штаба.

При всестороннем и тщательном продумывании общего положения и состояния вероятного противника (одного, двух и т. д. — безразлично) в долгий период мирного времени есть возможность составить себе достаточное представление, что он намерен и будет делать в первый месяц войны. Важно здесь не подчинять свою волю гипнозу какой-то особой силы вероятного противника, а рассматривать, изучать, анализировать всевозможные сведения о нем только с той точки зрения, насколько его замыслы могут помешать осуществлению плана стратегического развертывания соб-

ственных вооруженных сил. Только при соблюдении этого основного правила военного искусства, которое мы почти всегда наблюдаем у крупных мастеров военного дела, не будет такого положения, в которое попали авторы плана развертывания войск царской России по плану 1908 г., когда 20 германских армейских корпусов, по их расчетам и предположениям, оказались в Восточной Пруссии и несколько больше корпусов — против главного для Германии противника — Франции.

Из всего этого со всей ясностью вытекает, насколько важно знать опыт прошлого, ибо тот, кто хорошо продумал его закономерное развитие, всегда будет в более выигрышном положении, так как будет стараться и в новых условиях не оказаться в том невыгодном положении, в каком оказались его исторические предшественники.

Умение взять все хорошее от старой буржуазно-капиталистической культуры, ее опыта, ее знаний, ее навыков и с особым вниманием анализировать все отрицательное и невыгодное в ней, т. е. критически, по-ленинско-сталински все это переработать, должно быть естественным путем в дальнейшем самоусовершенствовании борца за коммунизм. «...Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»,— неоднократно говорил Ленин[1].

Из тех материалов, которые к данному времени уже широко опубликованы, видно, что царский генеральный штаб к началу мировой войны (1914 г.) в достаточной мере правильно предугадывал возможное развертывание сил противника. Директива к плану 1 мая 1912 г., а также другой проект развертывания от 1913 г. по мобилизационному расписанию № 20 (мало чем в основном отличающийся от первого)[2] в рубриках «вероятные силы, расположение и готовность противника» достаточно верно определяли численную группировку сил противника как в Восточной Пруссии, так и в Галиции.

Достаточно правильно, как это видно из ныне опубликованных материалов и работ рейхсархива, Куля и т. д., определял развертывание армий царизма и германский генеральный штаб. Разница была лишь в том, что одна сторона умела делать соответствующие выводы для действий в дальнейшем, а другая их также делала, но не в пользу себе, а во вред. Например, заведомое запугивание себя действиями противника по варианту 1910 г. видно и в дальнейшем из ряда контрпредложений, которые были сделаны ген. Ю. Даниловым и Жилинским (новый начальник генерального штаба, подпавший под полное влияние Ю. Данилова) по поводу плана развертывания 1912 г. Мы имеем здесь в виду новый проект раз-

---

[1] Ленин, т. XXX, стр. 407 (разрядка наша. — *Вл. М.*).

[2] Автор его, тот же Данилов, потерпев неудачу с проектом 1910 г., и в варианте 1913 г. постепенно пытался восстановить вариант 1910 г., но теперь он шел другими путями: через уменьшение численности войск Передового театра и разрешение армиям отходить на восток на линию Вильна, Белосток, Брест и пр.

вертывания 1913 г. по мобилизационному расписанию № 20, который остался историку-стратегу как материал для размышлений.

Медлительность и вялость в принятии решений со стороны работников царского генерального штаба германским командованием хорошо учитывались,— мало того, оно считало это органическим недостатком армии царизма в целом.

«Русские медленно запрягают и еще медленнее едут», — говорили германцы, давая характеристику высшему командному составу царской армии.

Накануне мировой войны (1913 г.) германский штаб, до этого прекрасно изучивший опыт русско-японской войны [1], дал следующую оценку царскому генеральному штабу. «Передвижения русских войск совершаются теперь, как и раньше, крайне медленно. Быстрого использования благоприятного положения ожидать от русского командования так же трудно, как и быстрого и точного выполнения войсками предписанного приказом маневра. Для этого слишком велики препятствия со всех сторон при издании, передаче и выполнении приказов. Поэтому германское командование при столкновении с русскими будет иметь возможность осуществлять такие маневры, которых оно не позволило бы себе с другим, равным себе, противником».

Неплохо был осведомлен германский генеральный штаб и относительно подготовки высшего командного состава, и особенно в вопросе взаимоотношений его главных представителей. Например, о личной неприязни и вражде между Ренненкампфом и Самсоновым германцам было хорошо известно еще до 1914 г., и они были весьма рады, когда узнали, что эти оба начальника будут действовать против Восточной Пруссии с основной оперативной задачей— «тесно взаимодействовать» друг с другом. Не приходится доказывать, что и русский, и французский генеральные штабы не только не знали, например, о взаимоотношениях Клука и Бюлова, но и фамилии этих генералов впервые услышали лишь во второй половине войны 1914—1918 гг. Шлиффен уделял огромное внимание вопросу организации командования, оставив по этому вопросу целый ряд своих суждений, и, несмотря на это, Мольтке-младший уже в августе допустил большую ошибку в регулировании взаимоотношений Клука с Бюловым, а затем посылкой Хенча.

Итак, рассмотрев оперативно-стратегическую деятельность русского генерального штаба в последние годы перед империалистической войной, мы теперь постараемся анализировать те итоги общей подготовки армии царизма, с которыми она приступила в августе к сосредоточению и развертыванию своих вооруженных сил на западной границе.

---

[1] Достаточно сказать, что по этой войне в Германии было издано 32 очень важных и интересных исследования. В Австро-Венгрии также было издано 12 исследований. Часть этих оперативно-тактических работ была переведена еще до войны издательством Березовского. См. выпуски «Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев».

В период времени между русско-японской и мировой войной царский генеральный штаб как бы очнулся от сна и стал в период 1908—1914 гг. вести весьма активную деятельность. Мы видим, что за этот небольшой промежуток времени русским генеральным штабом была составлена большая военная программа, а также более пяти вариантов планов развертывания вооруженных сил. А что значит составить план стратегического развертывания армии данного государства на случай войны? Это значит — надо рассчитать, подсчитать, взвесить, проверить большую сумму данных в отношении политико-экономической конъюнктуры, вооружения, снаряжения, людского запаса, провозоспособности железных дорог, транспортных и перевозочных средств, инженерной подготовки театра военных действий и т. д. и пр., как у себя, так и у противника. Ибо без этой работы можно лишь расставить на картах красно-синим карандашом кружки и кружочки различных диаметров, которые ни уму, ни сердцу ничего говорить не будут.

Какое же наследство получил 26 июля 1914 г. главнокомандующий и его штаб, когда начальником генерального штаба ген. Янушкевичем (ген. Жилинский был назначен командующим северо-западным фронтом) было объявлено начало подготовительного периода к войне? С чем конкретно мог с первых же шагов своей оперативно-стратегической работы встретиться главком царской армии, первый раз подходя к столу, на котором лежала карта военных действий и ряд справочных данных? Мы ставим этот вопрос так потому, что, повторяем, в мирное время главкома нет и не обязательно начальник генерального штаба мирного времени, как это имело место во Франции в 1914 г., превратится в первый день войны в главнокомандующего.

Читателю, уже изучившему характер и содержание планов развертывания Шлиффена, ген. Виктор-Мишеля, германского варианта 1913—1914 гг., будет нетрудно определить, что четкая, массированная оперативная группировка сил в последнем плане царского генерального штаба, несмотря на коллективную помощь со стороны военных округов, выражена неясно.

Особенно это будет заметно, если мы сопоставим в цифровом (процентном) отношении указанные выше планы с русским планом от 1 мая 1912 г. Процентное отношение сил на главном и вспомогательном направлениях в этих планах было таково:

1. Вариант Шлиффена (декабрь 1905 г.):

95% — главное направление (правый фланг фронта);

5% — вспомогательное (район Меца и Эльзас-Лотарингии);

0% — в Восточной Пруссии.

2. Вариант Виктор-Мишеля (1911 г.):

85% — главное направление (наступление в Бельгию);

15% — вспомогательное (в Эльзас-Лотарингии и на итальянской границе).

3. По плану развертывания германской армии в 1914 г.:

70% — главное направление — правый фланг и центр (от района Аахена до Меца);

30% — вспомогательное (Эльзас-Лотарингия и Восточная Пруссия).

4. По плану развертывания армии царизма от 1 мая 1912 г.:

52% — главное направление (удар по Австро-Венгрии) и на вспомогательном:

33% — прикрытие против Германии;

15% — Балтийское побережье и румынская граница.

Итак, вновь, назначенный главнокомандующий получал 52% на главное направление и целых 48% на вспомогательное. О чем говорят эти цифры? Они говорят о том, что желание прикрыть все направления[1] повело к растягиванию прибывающих в районы сосредоточения и развертывания войск равномерным и почти равночисленным кордоном по западной границе, имевшей протяженность в 2 600 км.

Если сравнить линию развертывания армий юго-западного и северо-западного фронтов и численность противника, противостоявшего каждому из этих фронтов, то получится, что вспомогательный второстепенный северо-западный фронт развертывался на много меньшей территории и имел больше сил против германцев, чем то было на юго-западном фронте, который наносил главный удар. Это случилось потому, что стратегия царского генерального штаба,— добавим, и французского,— хотя и была весьма шумливой и архинаступательной на бумаге (уставы, наставления, теоретические труды и пр.), но в действительности была вялой, осторожной. А поскольку стратегическое развертывание есть конкретнейшая действительность, то и случилось так, что какова была стратегия царской армии, таково было и стратегическое развертывание как по плану 1912 г., так особенно и в действительности, т. е. в 1914 г. Это последнее мы подчеркиваем потому, что, как выше говорили, начиная с 10—11-го дня мобилизации, главнокомандующий мог направить потоки эшелонов по тем направлениям и в те районы, которые он считал наиболее целесообразными и соответствующими его оперативно-стратегическим замыслам. Но в действительности получилось, что в полосе развертывания царских армий происходила сумятица, путаница, неразбериха, дерганье с места на место частей, которые не знали, где их тылы и обозы, т. е. почти то же самое, что и у французского главного командования в период с 10 по 23 августа.

Теперь посмотрим, насколько столь интенсивная в количественном отношении разработка оперативных вариантов царским генеральным штабом влияла на качество оборудования районов стратегического развертывания и быстроту сосредоточения.

Мы видели, что германский генеральный штаб в период с 1900 по 1914 г. из года в год непрерывно улучшал районы, в которых должны были развернуться его армии. Росло оборудование желез-

---

[1] Неманская группа — 248 батальонов, наревская — 232 батальона, ивангородско-брестская — 392 батальона и ровно-проскуровская — 352 батальона.

нодорожной сети с конечно-выгрузочными станциями, соответствующими платформами для погрузок и выгрузок войск и военного имущества, непрерывно совершенствовалась инженерная подготовка полосы стратегического развертывания армий, а мобилизационное расписание проектировалось так, чтобы достигнуть максимального эффекта в отношении быстроты сосредоточения основной массы в районах развертывания. И надо сказать, что во всем этом германцы сильно продвинулись вперед по сравнению с любой из европейских армий.

Посмотрим, что же за этот период было сделано русским генеральным штабом, разработавшим с 1900 по 1914 г. более десяти оперативно-стратегических вариантов по плану войны.

Имеющиеся цифры говорят, что за эти 14 лет в отношении численности армии и быстроты ее сосредоточения результаты были малоутешительны.

По варианту 1900 г. генеральный штаб рассчитывал выставить:

1 524 батальона, 1 078 эскадронов и сотен при 4 802 орудиях.

По варианту 1912 г.:

1 456 батальонов, 1 094 эскадрона и сотен при 5 294 орудиях.

Общее сосредоточение, выдвинутое к Висле:

к 1900 г. —32-й день мобилизации,

к 1912 г. —40-й день мобилизации.

Как видим, об улучшении говорить не приходится. В отношении инженерной подготовки генеральный штаб, решив отнести развертывание армий царизма в глубь страны, только спроектировал новую линию инженерного барьера Ковно, Гродно, Осовец, Брест, но зато привел в последние годы до мировой войны в запустение привислинскую и наревскую оборонительные линии (крепости Варшавского района, Новогеоргиевск, Ивангород, Зегрж и 4 укрепления — Ломжа, Остроленка, Рожаны, Пултуск). Лишь одна крепость Новогеоргиевск в качестве курьеза укреплялась, будучи оборонительным базисом на огромной территории и отстоя на 200 км от новой проектируемой оборонительной линии. Если предположить, что эта крепость оставалась из соображений внутреннеполитического характера, как опора царизма против внутренних восстаний и пр., то с точки зрения военного искусства такое оставление одной крепости на 200 км впереди развернувшейся армии является совершенно бесполезным делом.

Такую инженерную подготовку получал в свои руки новый главнокомандующий. Если Милютин и Драгомиров стремились из Передового театра создать сильный плацдарм, как огневой клин, врезающийся в территорию противника, и тем самым способствовать русским армиям развить наступление в глубь Германии или Австрии, то Сухомлинов новому главкому оставил разбросанные на огромной территории лишь три укрепленных района: Новогеоргиевск, Брест-Литовск и Осовец.

Железнодорожная сеть. Огромная отсталость царской России в отношении оборудованности и количества рельсовой сети

по сравнению с Германией и Австро-Венгрией весьма отрицательно влияла на быстроту мобилизации и сосредоточения. Но, несмотря на брошенный русским генеральным штабом лозунг: «Усиленная постройка и развитие путей должны итти с востока на запад», дело подвигалось весьма медленно.

Кроме того, усиливались именно те направления, которые давали лобовые удары: Вильна—Белосток (на Германию), Ровно—Проскуров (Восточная Галиция), а, напротив, такие районы, где проходила линия Ивангород, Холм или Варшава, Дейч-Эйлау, совсем игнорировались.

На огромный фронт развертывания от устья Немана и до Дуная общим протяжением 2 600 км выходило всего лишь 13 линий, имевших 21 колею, т. е. почти одну колею на 130 км границы, в то время как у противника на этот же фронт выходило 32 линии с 36 колеями, т. е. почти в 2 раза больше.

К австро-германской границе подходило 23 колеи, из которых:

	У русских	У австрийцев
К Восточной Галиции	Волочиск (2) и Радзивиллов—3 колеи	4 колеи
На фронте Луцк, Ивангород	Луцк, Владимир-Волынский, Холм (2), Люблин (2) и Ивангород—7 кол.	4 колеи
К Кракову	От Ченстохова (2) и от Кельцы (2)—4 колеи	7—8 колей

	У германцев	
К германской границе западнее Вислы	Ченстохов, Калиш, Александрово — 3 колеи	10 колей
От Торна до Августова	Млава, Граево, Августово и Ломжа—4 колеи	14 колей
От Августова до моря	Сувалки, Вержболово — 3 колеи	

Рокадных линий русский генеральный штаб имел на левом берегу Вислы — одну сплошную от Кракова до Александрова и две между Краковым и Варшавой. В правобережном Привислинском районе (Передовой театр) пять колей: Люблин—Млава, Люблин—Малкин, Люблин—Ломжа и две Холм—Белосток.

Далее к востоку от Днепра только две колеи: Зболдуново—Вильна и Волочиск—Киев—Витебск—Двинск—Радзивилишки. Восточнее Днепра имелись две крупные рокадные линии: Жмеринка—Киев—Брянск—Смоленск—Витебск и Кременчуг — Харьков — Москва—Рига [1].

В Германии к 1914 г. было достигнуто такое положение, что по всем железнодорожным линиям была установлена однообразная воинская пропускная способность. В царской России каждая линия имела свою пропускную способность, а это создавало большое неудобство и было очень невыгодно: например, на всех железнодорожных линиях Европейской России пропускная способность колебалась от 9 до 84 пар поездов в сутки, а на

[1] Зайончковский, Подготовка России к мировой войне, стр. 135. То же самое автор повторяет в книге «Маневренный период мировой войны», стр. 13.

Петербургско-Варшавской от 23 до 84 пар поездов в сутки. Эта пестрота пропускной способности, естественно, крайне усложняла вопрос с быстротой мобилизации и сосредоточения.

Весьма слабо было с организацией быстрой выгрузки эшелонов в соответствии с быстротой подачи их, а также наличием подвижного состава. Здесь мы не будем останавливаться на разборе состояния шоссейных дорог, лишь укажем, что денег на это дело почти не отпускалось, и стратегические шоссейные линии и в количественном и в качественном отношениях находились в самом неудовлетворительном и зачаточном состоянии как на северо-западном (3 шоссе), так и на юго-западном фронтах. Состояние железнодорожной сети и шоссейных дорог в Восточной Пруссии находилось на уровне европейских достижений XX столетия; то же можно было сказать и об Австро-Венгрии (Восточная Галиция), хотя, конечно, с меньшими количественными и качественными показателями.

Царская Россия и ее генеральный штаб к 1914 г. в отношении строительства дорог и их состояния отстали от своих вероятных противников по крайней мере на полстолетия, если не больше.

Маневрирование, которое мы видим у Людендорфа в Восточной Пруссии перед разгромом самсоновской армии, могло быть произведено лишь благодаря исключительной развитости железнодорожной сети с огромной пропускной способностью поездов в сутки и многочисленной сети шоссейных и водных путей.

Кроме этих вышеуказанных данных, перед главковерхом лежала таблица вооруженных сил сторон с предположительной схемой развертывания этих сил. Таблица была составлена работниками генерального штаба в последние месяцы перед мировой войной. Они же теперь в большинстве своем перешли на работу в ставку главковерха (см. табл. 18).

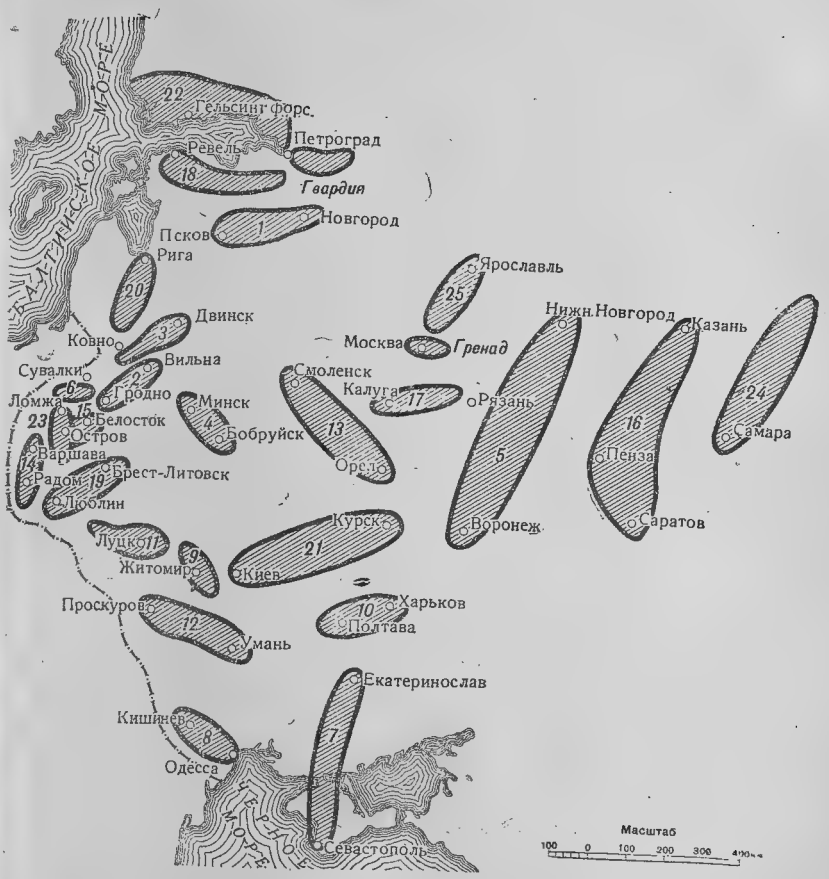
Но уже с первых же дней войны главковерху пришлось внести в эту таблицу существенные изменения и тем исправить ошибки в политическом прогнозе своего генерального штаба. Надо было выкинуть Швецию, которая осталась нейтральной, так как было ясно каждому, что, выступив с Германией, она была бы сейчас же блокирована английским флотом. Пришлось выкинуть Румынию и включить Бельгию, а затем и Турцию. Это несколько видоизменило соотношение сил и средств, а новые разведывательные данные еще более уточнили общую картину состава и численности сторон, о чем скажем ниже. Во всяком случае, при взгляде на цифры, которые определяли вооруженные силы царской России, становилось ясным, что при целесообразном развертывании этих сил и средств и при правильном их нацеливании можно было бы иметь значительные результаты, так как огромный перевес в силах и средствах был на стороне России как в отношении Германии, так и в отношении Австро-Венгрии. Это обстоятельство с особой остротой выдвигает на первый план искусство умелого и твердого управления в современной войне, так как можно сгрудить и огромные живые силы и технические средства и все же не иметь

Таблица 18

Государства	Корпуса	Пехот. дивизии	Кав. дивизии	Батальоны	Эскадроны	Батареи	Штыки	Сабли	Орудия
Россия	37	122½ [1]	28 [2]	1 830	732	792	1 830 000	109 000	ок. 6 720
Франция	21	86	10	1 049	588	1 054	1 050 000	78 200	4 248
Англия	—	6	1	73	44	84	73 000	6 500	492
Сербия	—	11	1	160	42	116	160 000	8 500	558
Итого у Антанты	58	225½	40	3 112	1 406	2 046	3 113 000	202 200	12 018
Германия	25	102	11	1 260	608	1 045	1 260 000	91 200	6 004
Австрия	16	55½	11	820	377	569	820 000	56 550	3 090
Румыния	5	20	2	225	88	192	251 200	13 000	768
Швеция	—	6	1	96	40	78	96 000	4 800	312
Итого у Тройственного союза	46	183½	25	2 401	1 113	1 884	2 427 200	165 550	10 174

Примечания: 1. Считая за дивизии те 18 стрелковых бригад, которые имелись, и принимая 2 бригады за 1 дивизию.
2. Имевшиеся 8 отдельных бригад равнялись 4 дивизиям. Второочередные в расчет не входили.

успеха, если оперативно-стратегическая группировка их неудовлетворительна, если высший командный состав не подготовлен к вождению многомиллионных современных масс. А без умения управлять говорить о твердости управления не приходится, так как веч-

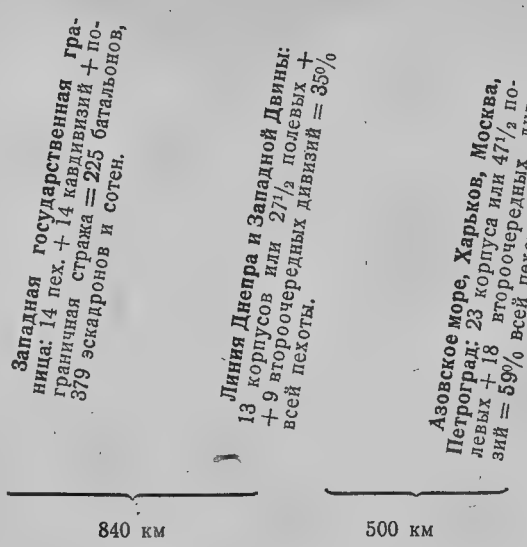


Черт. 12. Дислокация корпусов в Европейской России перед войной 1914 г.

ным спутником неумения управлять является хаос и импровизация — так всегда было и будет.

Дислокация армии была составлена таким образом, что 60% вооруженных сил можно было сосредоточить в сроки, которые бы сходились с Германией и Австро-Венгрией. (См. черт. 12 и черт. 12а, составленные по данным работ Головина, Борисова, Зайончковского, Сухомлинова, Данилова.)

Графически дислокация расчленялась таким образом:

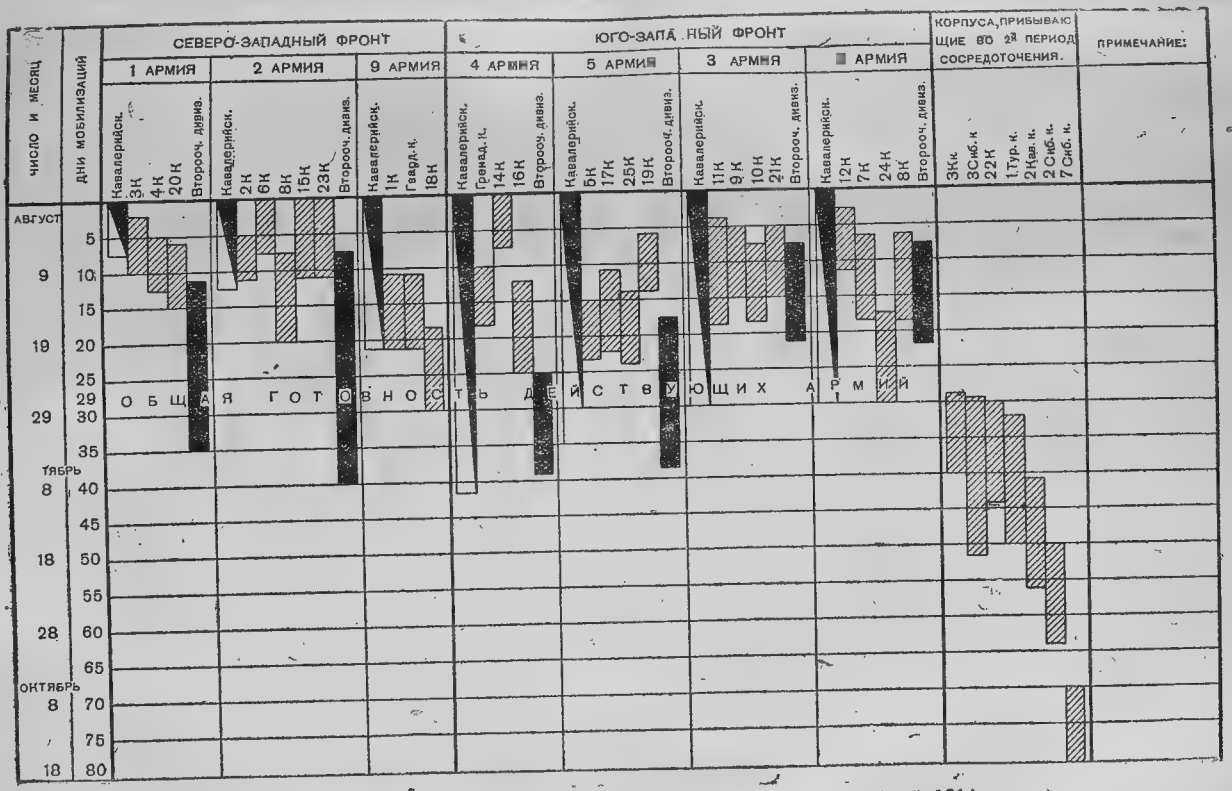


840+500=1340 км

В отношении мобилизации царская армия также почти уравнялась с Австро-Венгрией и Германией, у которых мобилизовались:

Германия	Полевые резервы плюс обозы	7— 9 дней
	Резервные дивизии	9—11 »
Австро-Венгрия	Полевые дивизии	6— 8 »
	Ландверные дивизии	9—10 »
	Маршевые бригады	14 »
Россия:		
Пограничные округа	— пехота плюс артиллерия	4— 6 дней
	парки плюс хлебопекарни	6—10 »
Внутренние округа	— пехота плюс артиллерия	5— 8 »
	парки плюс хлебопекарни	8—10 »
Дальние округа	— пехота плюс артиллерия	6—21 »
	парки плюс хлебопекарни	16—36 »
1-я половина второочередных дивизий		до 14 »
2-я половина второочередных дивизий		до 28 »

Если в отношении количества батальонов, как видим из таблицы 18, царская Россия превосходила любую армию Европы и выставила их больше, чем какая-либо из воюющих держав, то по



Черт. 12а. Дислокация корпусов и сосредоточение перед войной 1914 г.

вооружению она значительно уступала им, особенно в тяжелой артиллерии, которой в 1914 г. почти совсем не имела.

	Дивизия		Корпус (2-дивизионный)
	штыки	орудия	орудия
Россия	15 000	48 легк.	96 легк. + 12 пол. гауб.
Германия . . .	12—13 000	54 лег. + 18 гауб.	108 лег. + 52 гауб.
Австрия	11—18 000	54 легк.	108 легк. + 12 гауб.

Огромные силы и средства были предназначены для сосредоточения и развертывания на русском и австро-германском фронтах.

Россия	1 830 тыс. штыков,	109 тыс. сабель и	6 720 орудий
Австро-Венгрия	820 » »	56 » »	3 096 »
Германия (Вост. Пруссия) .	196 » »	13 » »	1 044 »

Но здесь необходимо указать, что материальная обеспеченность в царской армии была хуже, чем в австрийской. Необеспеченность обувью и вещевым довольствием соответственно достигла:

в первоочередных войсках	7%
во второочередных	49—65%
для запасных	46—97%

Всего имелось лишь 740 000 винтовок, в то время как людей развертывалось в 2½—3 раза больше. В отношении артиллерийского снабжения, как увидим ниже, дело обстояло прямо катастрофически. И уже в первых приказах и директивах почти каждодневно упоминалось: «беречь патроны».

Например, нормы на винтовку — 1 000 патронов, на пулемет — 75 000, на легкое орудие — 1 000 патронов и на гаубицу — 1 200 снарядов — не выдерживались даже и наполовину. Недостающее было решено помесячно давать небольшими порциями (вроде: на легкое орудие 27 патронов, на винтовку 37 патронов, на пулемет 1 800 патронов), с тем чтобы за год покрыть 50% задолженности. Но это было меньше чем полумера, так как на войне расходы огнеприпасов, как правило, превышают установленные нормы.

К 21-му дню мобилизации имелось	на винтовку	511 патронов
	на орудие	450—600 снарядов
К 78-му дню мобилизации имелось	на винтовку	575 патронов
	на орудие	500—700 снарядов
К концу 1-го года войны имелось	на винтовку	950 патронов
	на орудие	900 снарядов

Голодная ежемесячная норма с первых же боев оставляла войска без огнеприпасов. Так фактически оно и было. Мы здесь не будем

приводить цифры о продовольствии и фураже, его нехватало сотнями тысяч и миллионами пудов.

Если ко всему этому мы прибавим, что высший командный состав, генералитет, на 90% был не подготовлен к вождению и командованию войсками, ибо в большинстве корпусами, дивизиями командовали люди, плохо понимавшие современное военное искусство, занимавшие должности главным образом по протекции и связям, а фронтами и армиями управляли люди случайные, как правило — высокие военные вельможи и сановники, самовлюбленные военные бюрократы, совершенно не интересовавшиеся характером современного военного искусства в последние годы перед мировой войной, — то станет понятно, как должны были протекать стратегическое развертывание и первые серьезные операции и бои.

Выше мы говорили о том, как Мольтке-старший и Шлиффен тренировали и совершенствовали свой высший командный состав посредством полевых поездок, военных игр и пр. Мы не ошибемся, если скажем, что в учебно-воспитательной работе Большого германского генерального штаба делалось в отношении подготовки личного состава генералитета больше, чем в какой-либо другой армии Европы перед мировой войной. У русского генерального штаба, включая сюда и период, когда начальником генерального штаба был Палицын (перед Гернгроссом), с его особой любовью к полевым выходам, полевых поездок и военных игр было меньше. Хороший солдатский состав с неплохим младшим и средним командным составом, конечно, не мог заполнить всех тех прорех и прорывов, которые имела армия царизма к августу 1914 г. Лучшим подтверждением сказанного будет анализ оперативно-стратегической военной игры в Киеве, которую руководители русского генерального штаба организовали в апреле 1914 г. и которая явилась как бы оперативно-стратегическим экзаменом для царского генералитета.

Глава XII

ОПЕРАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ИГРА В КИЕВЕ В АПРЕЛЕ 1914 г.[1]

За три месяца до начала войны царской России с Германией и Австро-Венгрией в Киеве произошло событие, мимо которого исследователь мировой войны на восточно-европейском театре военных действий пройти не может.

К сожалению, в наших военно-исторических трудах, исследующих подготовительный период к мировой войне, анализ киевской военной игры высших военачальников царской армии, как правило, отсутствует.

Между тем это событие оказалось настолько знаменательным, что достаточно было рассмотреть процесс этой большой оперативно-

[1] При чтении этой главы нужно пользоваться картой 40 верст в дюйме.

стратегической игры, чтобы понять всю безотрадную картину подготовки высшего начальствующего состава царской армии в вопросах вождения современных миллионных масс войск и приданных им технических средств борьбы.

Из этой игры, которая являлась фактической проверкой оперативного плана войны, можно было бы сделать ряд практических выводов не только в отношении той или иной персоны высшей военной бюрократии, но также в отношении оперативно-мобилизационных предположений, составленных царским генеральным штабом перед мировой войной 1914—1918 гг.

Несмотря на свою большую поучительность, эта военная игра была тщательно похоронена в папках русского генерального штаба, а ее выводы затушеваны, согласно римской пословице: «manus manum lavat» («рука руку моет»). Но боевая обстановка первых месяцев войны не только напомнила о поучительных выводах этой игры, но и подвела итог, дав ряд жестоких поражений русскому генералитету в Восточной Пруссии, в районе Передового театра и в Галиции.

Один из лучших учеников Шлиффена, проработавший много лет под его руководством — ген. Куль в своем известном труде о германском генеральном штабе рассказывает, что различного рода проверочные, зачетные оперативные работы, военные игры и полевые поездки под руководством Шлиффена были настолько часты, что являлись как бы совершенно естественным, повседневным занятием для работников германского генерального штаба. Причем в германском официальном руководстве, изданном непосредственно перед мировой войной, «Германские основные принципы высшего командования», следующим образом было охарактеризовано значение маневров, оперативно-тактических игр и полевых поездок, как системы подготовки в мирное время: «...Из всех занятий мирного времени маневры и большие тактические упражнения ближе всего подходят к войне и лучше всего позволяют дать начальнику и войскам представление о ней. Военные игры и полевые поездки представляют драгоценный способ обучения».

Шлиффен не только в служебные дни тренировал на картах и в поле высший начсостав своей армии, но подчас делал это даже и в неслужебное время.

«От своих подчиненных он требовал очень многого, соответственно своей собственной необычайной работоспособности», — пишет ген. Куль.

«В течение нескольких лет под рождество в моей квартире раздавался звонок. Специальный курьер приносил мне рождественский подарок от фон-Шлиффена — большой набросок военной обстановки с задачей составить проект операции. Он был бы очень удивлен, если бы оконченная работа не была вручена ему вечером в первый день праздника. На второй день праздника присылалось продолжение задачи. Воскресные и праздничные дни, по его мнению, были предназначены для таких работ, которые можно исполнить, не отрываясь на текущие дела. Его память была необычайна. Насколько он сам был в курсе всех отраслей работы, настолько же он требо-

вал от начальников отделений точной осведомленности во всякое время. Противоречия с предыдущими докладами от него никогда не ускользали. В таких случаях даже через год он возражал: «Вы же мне говорили то-то и то-то». Таким образом, каждый из нас приучился быть весьма и весьма на-чеку».

Так воспитывал Шлиффен командный состав своей армии, и то, что у германцев в отношении военных игр и полевых поездок считалось естественным и повседневным, то, как сейчас увидим, в царской армии было явлением экстраординарным, необычайным, а если намечалась большая оперативно-стратегическая игра, то это было целым событием, довольно неприятным, нежелательным. Эти большие военные игры рассматривались высшей военной бюрократией как явление оскорбительное, так как никто не расценивал эти игры с точки зрения учебы, — напротив, все это рассматривалось как «недопустимый экзамен высшего генералитета», который, раз дослужился до высших чинов и орденов, значит дело понимает и знает без всяких «затей» вроде «беспредметной письменности и рассуждений» на картах.

Например, когда военный министр Сухомлинов в 1911 г. задумал, как он пишет, «собрать в Петербурге на стратегические занятия всех предполагаемых командующих армиями и в виде военной игры решить ряд задач на западном фронте» и когда он получил полное согласие на это Николая II, то были нажаты буквально все пружины военной и дворцовой иерархии, вплоть до великого князя Николая Николаевича, с тем чтобы сорвать это дело.

В своем докладе Николаю II Сухомлинов писал, что всевозможные данные оперативного, стратегического и политического характера, которые имелись в 1911 г. в Главном управлении генерального штаба, давали полную возможность создать интересную оперативную обстановку с большой долей вероятности в отношении характера военных действий со стороны иностранных армий.

«Имея в виду, — пишет Сухомлинов, — что государь всегда говорил о том, что во главе действующей армии, если бы вспыхнула война, он станет обязательно сам..., то эти занятия для государя имели то значение, что таким способом он мог ознакомиться с теми генералами, которым предстоит стать во главе армий, и тех из них, которые окажутся несоответствующими предстоящим им ролям, заменить заблаговременно другими, более подходящими. Мысль эта очень понравилась государю, а когда с его одобрения были разработаны детали этой игры, то он повелел предоставить запасную часть Зимнего дворца для этих занятий... Командующие войсками съехались, все было готово, но за час до начала игры государь прислал мне записку, что занятия отменяются. Затем выяснилось, что Николай Николаевич был против «этой затеи», в которой «военный министр хочет делать экзамен командующим войсками». Всех приехавших командующих из провинций он пригласил к себе на обед, не пригласив меня».

Как видим, обстановка для высших начальников царской армии в 1911 г. была настолько серьезной, что из опасения почти неиз-

бежной оперативно-стратегической игры пришлось прибегнуть к помощи великого князя Николая Николаевича, который и убедил своего племянника Николая II в никчемности этой «затеи» военного министра, которая, как дамоклов меч, повисла над головами генералов царской армии. Побежденным оказался инициатор военной игры ген. Сухомлинов, который после этого конфуза убедительно просил Николая II отпустить его в отставку. Эту сцену, исключительную по своей наивности и тупой беспросветности, следующим образом рисует в своих воспоминаниях сам ген. Сухомлинов.

«Подобный исход съезда командующих войсками являлся чем-то бестолковым, и через день я был с докладом у государя с просьбой уволить меня от должности. Это был один из самых тяжелых дней моей службы... Приготовления, самые широкие, делались несколько месяцев, и, когда настолько все было готово, что в Зимнем дворце собраны были все чины главного управления генерального штаба со всеми материалами, — не приехали лишь командующие войсками, очевидно, осведомленные раньше меня об отмене занятий, — военный министр узнает об этом позже всех.

Государь слушал меня, опустив голову, и не произносил ни слова. Несколько минут мы сидели молча. Пришлось мне прервать это молчание—казалось, что государь ждет продолжения моих объяснений—и я доложил, что всем случившимся мой авторитет, главы ведомства, подорван настолько, что оставаться в этой должности далее мне немыслимо. Какой я могу быть руководитель в таком громадном и сложном деле, раз у моих сотрудников и подчиненных не будет доверия к целесообразности моих начинаний и распоряжений? Невольно получается впечатление, что я подвел своего государя какими-то несуразными фантазиями. Поэтому я прошу об одном—отпустить меня и повелеть сдать должность другому лицу».

Итак, что в германской армии являлось совершенно законным и естественным методом совершенствования высших военачальников, то в царской армии оказалось «несуразной фантазией». В конце концов царь убедил Сухомлинова не уходить с поста военного министра, и неприятное событие 1911 г. было тихо замято и окончилось организацией больших маневров, которые, как и всегда, носили характер безобидной, но дорого стоящей бутафории.

Но то, чего удалось избежать в 1911 г., в связи с резко обострившейся военно-политической обстановкой, пришлось осуществить в жизни за несколько месяцев до войны в 1914 г. Апрельская военно-стратегическая игра командующих округами, их начальников штабов и начальников центральных и окружных управлений и учреждений состоялась в Киеве. Она продолжалась четыре дня (с 20 по 24 апреля) и дала богатейший поучительный материал во многих отношениях. Как пишет Сухомлинов, столица Петербург была после печального опыта 1911 г. опасной для сбора командующих для игры, и с тем, «чтобы избежать опять какой-либо интриги», игра должна была состояться в Киеве.

Военная игра в Киеве под руководством военного министра Сухомлинова явилась прелюдией к августу 1914 г. Инициаторы и составители этой игры и не предполагали, насколько хорошо можно проверить посредством удовлетворительно составленной игры не только вариант оперативного плана войны, но и тех лиц, которые были предназначены осуществлять этот план в жизни.

Для генеральных штабов европейских армий мировая война 1914—1918 гг., т. е. ее неизбежность, не являлась неожиданной. В неизбежность возникновения в ближайшее же время войны в 1913—1914 гг. верили все, ошиблись лишь в ее длительности и масштабах. Генеральные штабы вели усиленную подготовку, особенно в 1913 г. и в первой половине 1914 г. Как будто все ждали сигнала; в июле он последовал — это был выстрел Принципа.

На фоне общей усиленной подготовки к войне царского генерального штаба в 1913—1914 гг. (проверка мобилизационной готовности, обучение молодых солдат по сокращенным программам, усиленные заказы за границей на военное имущество, снаряжение и вооружение, имея в виду, что отечественная промышленность была развита крайне низко и пр.) киевская оперативно-стратегическая игра являлась одной из кардинальнейших работ русского генерального штаба в отношении проверки оперативного плана войны царской армии. Мы не можем здесь целиком воспроизводить все материалы этой игры, ибо для этого потребовалось бы слишком много места. Мы остановимся лишь на самых характерных и поучительных примерах киевской игры, с тем чтобы показать, что в отношении методов и способов стратегического развертывания на этой игре были сделаны буквально все те тяжкие оперативно-стратегические ошибки, что и в действительной жизни в августе 1914 г.

Как будто бы эта военная игра была генеральной репетицией военно-технических промахов и ошибок первого периода начавшейся большой войны! Заоблачная стратегия с ее постоянным спутником — беспредметным фантазированием на картах и, конечно, безвсякого реального учета «скучных» вопросов материального обеспечения операций были господствующими в полководческом творчестве собравшихся на экзамен-репетицию высших начальников, из которых 90% заняло в августе 1914 г. именно те должности, которые они исполняли на этой игре. С тем чтобы вообще избегнуть сложных вопросов организации и управления современным войсковым и армейским тылом, руководство игрой использовало самую удобную и гуттаперчевую формулировку для играющих, а именно: «перевозки и весь тыл фронтов и армий работают без задержек и перебоев».

На докладные записки отдельных участников игры (Драгомиров, Алексеев) о том, что необходимо сообразовать темп наступления с вопросами работы тыла, что если в русско-японской войне 400 снарядов кое-как хватало на орудие, то нельзя в 1914 г. ограничиваться этим «опытом», что в задании на санитарное оборудование дан слишком малый процент (3%) средней убыли, что современный бой требует повысить этот процент по крайней мере

в 6—7 раз и т. д., — на все это не было обращено никакого внимания.

Военный министр Сухомлинов, начальник генерального штаба Янушкевич и начальник оперативного управления Данилов составили штаб руководства военной игрой.

Достаточно нам уже известный по предыдущему изложению оператор-стратег Данилов был главной фигурой в штабе руководства: он разрабатывал директивы, различные оперативные указания по ходам игры, вводные данные по фронтам и армиям и пр., давая их на безмолвное утверждение и скрепление Сухомлинову и Янушкевичу.

Военная игра была односторонней, с основной задачей проверить оперативные и мобилизационные соображения и расчеты по плану развертывания армии царизма от 1 мая 1912 г. с теми поправками, которые были разработаны в 1913 г. и утверждены 25 сентября этого же года. На этой военной игре приняли участие:

Северо-западный фронт:
Главкомсевзап — Жилинский (командвойск Варшавского военного округа).
Наштасевзап — Орановский (начштаба Варшавского в. округа).
Командарм 1 — Ренненкампф (командвойск Виленского в. округа).
Наштарм 1 — Милеант (начштаба Виленского в. округа).
Командарм 2 — Рауш-фон-Траубенберг (помкомвойск Варшавского в. округа).
Наштарм 2 — Леонтьев (ген.-кварт. Варшавского в. округа).
Юго-западный фронт:
Главкомандюгозап — Иванов (командвойск Киевского в. округа).
Наштаюгозап — Алексеев (комкор 8 армейского).
Командарм 4 — барон Залыц (командвойск Казанского в. округа).
Наштарм 4 — Гутор (начштаба Казанского в. округа).
Командарм 5 — Плеве (командвойск Московского в. округа).
Наштарм 5 — Миллер (начштаба Московского в. округа).
Командарм 3 — Чурин (комкор 21 армейского).
Наштарм 3 — В. М. Драгомиров (начштаба Киевского в. округа).
Командарм 8 — Рузский (помкомвойск Киевского в. округа).
Наштарм 8 — Ламновский (ген.-кварт. Киевского в. округа).

Таким образом, на военной игре было представлено командование Варшавского, Виленского, Киевского, Московского и Казанского округов, т. е. тех основных округов, которые с объявлением подготовительного периода к войне развертывались во фронтовые и армейские организации.

За небольшим исключением персонально этот же генералитет мы находим на тех же должностях в августе 1914 г. (Жилинский, Ренненкампф, Орановский, Иванов, Алексеев, Рузский и т. д.), т. е. роли, выполнявшиеся на игре, большинству пришлось уже выполнять с объявлением войны.

Кроме того, к игре привлечены были в качестве безмолвных наблюдателей (ибо никаких следов от их работы на игре не осталось) главный интендант ген. Шуваев, нач. Управления военных сообщений ген. Добрышин и главный военно-санитарный инспектор ген. Евдокимов, плюс ко всему этому необходимое количество офицеров генерального штаба для исполнения разного рода оперативных работ по ходу военной игры.

Основными противниками, как видно из общей вводной обстановки игры, были Германия, Австро-Венгрия и Румыния, причем

главные силы Германия направляет против долголетнего союзника царской России—Франции, а Румыния, хотя и может развернуть на русском фронте более трех армейских корпусов с соответствующим количеством резервных частей, но активно в первое время, по имеющимся политическим и разведывательным данным, действовать не будет.

Таким образом, руководство игрой основными противниками на западной границе считало Германию с развертыванием ее сил в Восточной Пруссии, а также и против варшавского направления, и Австро-Венгрию с развертыванием ее сил от Ярослава до Чертков. На этих главных противниках и было сосредоточено все внимание играющих.

Руководство игрой (Сухомлинов, Янушкевич, Данилов) хорошо помнило свои обещания, которые оно твердо дало ген. Жоффру, когда он приезжал в 1913 г. в Петербург для обсуждения целого ряда политических и оперативно-стратегических вопросов, связанных с военным союзом между Россией и Францией. В силу этого уже с проигрыша 1-го хода игры обстановка требовала организации крепкого удара со стороны России. Участники игры старались молниеносно захватить Восточную Пруссию, несмотря на то, что весь комплекс политических и оперативно-стратегических данных заставлял главное внимание, силы и средства как раз сосредоточивать против Австро-Венгрии.

Как в августе 1914 г., так и на игре русский генеральный штаб совсем не страшило осуществление плана удара по расходящимся направлениям на Восточную Пруссию и Галицию, даже при крайне невыгодных для русской армии сроках готовности к переходу в общее наступление.

Руководство этой игрой считало, что на русском западном фронте противники могут выставить:

	Батал.	Эскадр.	Орудий
Германия			
Восточная Пруссия	194—308	126—159	876—1 464
Австро-Венгрия			
Восточная Галиция	674—714	373—380	2 514—2 652
Румыния			
Средняя и Северная Румыния . . .	132	67	557

Организационно эти силы могли составить:

	Корпусов	Отд. кав. див.	Пехотных дивизий	
			полевых	резервных
Германия	3—6	3	6—12	10—13
Австро-Венгрия	12—13	11	38—41	6
Румыния	3	2	7	20—23

Все эти силы после своего сосредоточения и развертывания могли перейти в решительное наступление: Германия на 13-й, Австро-Венгрия на 16-й и Румыния на 15—18-й день мобилизации. Против этих сил русский генеральный штаб из войск Европейской России и части кавказских мог выставить на западном фронте 1 288 батальонов, 945 эскадронов, 4 712 орудий[1], т. е. иметь крайне незначительное превосходство сил и артиллерийских средств. Россия могла получить большее превосходство, если бы сняла силы со своих восточных окраин, доведя эти силы и артсредства до 1 566 батальонов, 1 063 эскадронов (сотен), 5 708 орудий. В таком случае, как видим, получается довольно значительный перевес сил.

Но эти силы и средства можно было бы целесообразно использовать лишь тогда, когда они были бы своевременно сосредоточены в районах стратегического развертывания, но с этим-то основным и важнейшим фактором современной стратегии у русского генерального штаба обстояло как раз очень плохо. Железнодорожные возможности для переброски и сосредоточения сил были крайне ограничены и в высокой степени неблагоприятны для царского генерального штаба в сравнении с теми возможностями, каковые были у Австро-Венгрии и Германии. Например, при всех благоприятных условиях к моменту перехода австро-венгерской армии в наступление, т. е. на 16-й день мобилизации (в то время как Германия в Восточной Пруссии была готова на 13-й день), царские армии могли сосредоточить 50% своих вооруженных сил. Сбор сил без корпусов с юго-восточных и восточных окраин Сухомлинов, Янушкевич, Данилов устанавливали к 26-му дню. В период же с 26-го по 41-й день мобилизации все силы с отдаленных окраин, подойдя к линии Смоленск, Брянск, Никитовка, могли быть брошены в любой район сосредоточения по требованию обстановки.

Отсюда ясно, что, несмотря на то, что руководство игрой взяло сентябрьские (1913 г.) расчетные поправки к плану развертывания от 1 мая 1912 г., в которых намечалось значительное сокращение сроков сосредоточения армий, действующих против Германии и Австро-Венгрии[2],— все же нельзя было избежать большой разницы в готовности к переходу в наступление обеих сторон. Этим

---

[1] Кроме того, для охраны района Петрограда и Черноморского побережья оставлялись 68 батальонов, 74 эскадрона, 582 орудия.

[2] Отличие стратегического развертывания по мобилизационному плану № 20, утвержденному 25 сентября 1913 г., от мобилизационного расписания 1910 г. и оперативного плана от 1 мая 1912 г. было по существу весьма незначительным. Вопрос главным образом касался значительного сокращения сроков сосредоточения армий, но не за счет улучшения техники железных дорог и строительства новых путей для стратегического сосредоточения, а за счет уменьшения количества второочередных дивизий, назначенных в состав армий для действий главным образом против Австро-Венгрии. Кроме того, 7 второочередных дивизий, которые дольше мобилизовались, исключались из состава армий и передавались в распоряжение верховного командования. Этот фокус со сроками сосредоточения, совершенно ясно, вопроса по существу не решал, но Данилов мог гордо заявить, что по этому проекту 1-я армия сосредоточивалась вместо 36 дней в 26, вторая — вместо 40 дней в 33, третья — ровненская

самым Сухомлинов, Янушкевич и Данилов уже в апреле 1914 г. расписались в полной своей неспособности выполнять обещания, которые сам Сухомлинов выражал следующими громкими фразами: «С 1903—1909, а тем более 1912 г. я убедился, что в случае столкновения Германия станет на сторону Габсбургов. Таким образом, при полнейшей моей аполитичности (такое фарисейское указание и подчеркивание со стороны генералитета в буржуазных армиях считалось и считается признаком хорошего тона.—*Вл. М.)* передо мною ясно обрисовалась вероятность, с которой надо было считаться поддержанием нашей боевой готовности. Следовательно, масштаб для оборудования наших вооруженных сил должен был отвечать боевой готовности не австро-венгерской армии, а германской. Поэтому исходным пунктом всех моих мероприятий была цель—добиться создания русской армии, равносильной германской.

На практике достижение этой моей цели сводилось к следующим главным задачам:

1) устранить преимущество германской армии в быстроте готовности к выступлению в поход, каковая в нашей армии оставалась еще в 1905 г. в три недели;

2) использовать все успехи техники для армии;

3) восстановить воинский дух армии, потерянный на манчжурских полях сражения, и

4) установить прочные начала довольствия армии и снабжения ее затем в походе».

В свете вышеприведенных расчетов эти соображения ген. Сухомлинова со всей наглядностью говорят, что от благих пожеланий до практического их осуществления—большое расстояние. Что касается 2-го и 3-го пунктов, то в августе 1914 г., действительно, шовинистическая агитация имела значительный успех у царских войск, но уже в сентябре — октябре настроение в войсках значительно упало. Бестолковые марши вконец изматывали части, разгром 2-й Самсоновской армии, весьма подозрительные неудачи командарма 1-й Ренненкампфа, поражения в Галиции, под Лодзью и пр., хронический недостаток огнеприпасов, регулярное недоедание войск благодаря хаотическому снабжению, уничтожение в боях половины кадров царской армии и пр. — все это уже в первые месяцы войны было аттестационным материалом военному министру Сухомлинову и ближайшим его помощникам.

В первом ходе игры северо-западный и юго-западный фронты получили обстановку, из которой было видно, что Германия направила главные силы против Франции. Румыния выжидает. К 9-му дню мобилизации в Восточной Пруссии, сосредоточив и развернув 10 полевых и 11 резервных дивизий, германское командование стремится нарушить сосредоточение и развертывание русской армии на среднем

группа — в 23 (на 13 дней раньше) и проскуровская — в 17 дней (на 6 дней раньше), 4-я армия — в 26 дней (на 12 дней раньше) и 5-я — в 24 дня (на 8 дней раньше). Но, как известно, оперативные соображения 1913 г. (мобилизационное расписание № 20) остались на бумаге, так как вся подготовка к войне велась согласно мобилизационному плану от 1910 г.

Немане. Основная цель—привлечь как можно больше сил царской армии к Восточной Пруссии, с тем чтобы облегчить удар Конраду в общем направлении Седлец, Брест-Литовск, Кобрин. Эти германские силы, демонстрируя к линии Остроленка, Осовец, основной удар наносят в направлении районов сосредоточения русских на фронт Гродно, Олита.

Располагая купленным у полковника Редля планом стратегического развертывания австро-венгерской армии и, повидимому, веря, что он остался у Конрада без изменений, Сухомлинов и Данилов дали играющим наиболее полную обстановку удара против юго-западного фронта. Заслонившись с киевского направления, австро-венгерское командование наносит свой главный удар в северном направлении, причем к вечеру 17-го дня мобилизации из развернувшихся на фронте от Ярослава до Черткова 40 пехотных и 10 кавалерийских дивизий Конрад 21 дивизию направляет для энергичного наступления на фронт Седлец, Брест-Литовск, Кобрин, т. е. давая для каждой наступающей дивизии фронт, примерно, 7—8 км.

Таким образом, между готовностью к выступлению германской и австро-венгерской армий разница была в 8 дней в пользу Германии (17—9=8); в силу этого царское верховное командование уже до 9-го дня мобилизации должно было твердо решить, против кого собирать главную массу русских сил, т. е. южнее Полесья (Австро-Венгрия) или севернее Полесья (Германия). Верховное командование (руководство игрой) дало к 9-му дню мобилизации северо-западному фронту (1-я, 2-я армии) в в о д н у ю, из которой было видно, что германские силы начали свое наступление на фронт Гродно, Олита. Верховное командование указывает северо-западному фронту на необходимость остановить наступающие германские армии.

Австро-венгерская армия на 8 дней опаздывает с готовностью к переходу в наступление по отношению к германской армии, а поэтому царское верховное командование предложило юго-западному фронту (4-я, 5-я, 3-я, 8-я армии) решить, когда его армии могут перейти в наступление, нанося главный удар со стороны южного фронта Варшавского военного округа и активно наступая со стороны Киева.

Как видим, уже к самому началу игры сложившаяся для северо-западного и юго-западного фронтов оперативно-стратегическая обстановка требовала от командования последних самого деятельного анализа, а главное, четких расчетов и сопоставлений сроков стратегического развертывания для обеих сторон. Нам неизвестно, знало ли командование фронтами формулировку Мольтке о том, что «ошибка, допущенная в первоначальном развертывании сил, едва ли может быть исправлена за всю кампанию»; в условиях железнодорожной техники и наличия железных дорог к 1914 г. для России этот афоризм Мольтке имел свой особый смысл. Но получилось так, что командование северо-западным фронтом главное внимание сосредоточило на рассмотрении направлений для удара по германским силам, а не на расчетах, когда именно могут собраться

в районах развертывания корпуса 1-й и 2-й русских армий с их тылами. Организация эффектного, стремительного (это было самое «модное», самое почетное слово в уставах, наставлениях, инструкциях русской и особенно французской армий) первого контрудара со стороны северо-западного фронта поглотила все внимание командования фронтом, отодвинув сухие, «скучные» расчеты по сосредоточению и развертыванию собственных сил фронта на задний план. Разница между сроками готовности к переходу в наступление Германии и России, с учетом, что руководство игрой с 13 дней для Германии их уменьшило до 9 дней, не изменяя того же для русской армии, очевидна. Таким образом, к 9-му дню мобилизации на северо-западном фронте обстановка складывалась не для перехода в наступление (так как корпуса и тылы были еще в основном в движении на колесах), а для организации сосредоточения сил, для организации такого целесообразного развертывания их, чтобы они могли нанести действительно сильный сконцентрированный удар. Что же решил ген. Жилинский? В его директиве 1-й и 2-й армиям коротко, но смело говорилось:

«Не ожидая окончания нашего развертывания на среднем Немане, немедленно перейти в наступление обеими армиями одновременно, нанося главный удар 1-й армией в направлении Гумбинен в обход Мазурских озер с севера; 2-й армией в направлении на г. Лык с охватом правого фланга германцев».

Иначе говоря, воспроизвести исторические «Канны» Ганнибала в обстановке апреля 1914 г. в Киеве. В этом решении сконденсированно выражено слабое знание основ современной стратегии. К чему вело такое решение? Во-первых, 1-я армия ген. Ренненкампфа уже на 12-й день, не окончив своего развертывания на указанном ей фронте Ковно, Друскеники, боролась бы отдельными своими частями с превосходными силами германцев (не менее 3 корпусов) впереди фронта Гродно, Олита; во-вторых, 2-я армия к 12-му дню мобилизации также не могла еще собрать свои силы на указанный ей фронт Гродно, Ломжа, а поэтому говорить о нанесении ею главного удара не приходилось. И вместо того, чтобы дать соответствующую вводную по игре, которая бы заставила ген. Жилинского произвести соответствующие расчеты по сосредоточению и развертыванию, руководство военной игрой как бы присоединяется к этой беспредметной активности ген. Жилинского и на второй ход дает обстановку к 12-му дню мобилизации.

К этому времени, как и следовало ожидать, обстановка была для северо-западного фронта крайне тяжелой. 1-я армия, развернувшись частью сил на фронте Ковно, Друскеники, вступила в упорный бой, в то время как 2-я армия еще не вышла в район своего развертывания (Гродно, Ломжа), с тем чтобы наступать на г. Лык и в обход правого фланга германцев. 2-я армия это могла сделать не ранее 14—15-го дня мобилизации. По оперативному замыслу ген. Жилинского армии должны были начать решительное наступление одновременно, но, как видим, сразу же получилось опоздание со 2-й армией. Тогда во втором ходе ген. Жилинский решает остановить наступление 1-й армии до подхода

к г. Лыку 2-й армии, с тем чтобы затем они одновременно начали глубокий охват с двух сторон германских сил, выдвинувшихся к Неману. Командующие 1-й и 2-й армиями к этому оперативному творчеству ген. Жилинского полностью присоединились. Но по ходу игры сразу остановить наступление 1-й армии было не так-то легко, так как германские силы вели ожесточенные встречные бои. Нависла угроза отдельного поражения для 1-й армии, против которой у германцев было превосходство не менее как на дивизию.

Это поражение явилось бы тем более скандальным, что общее-то превосходство против Восточной Пруссии было на стороне северо-западного фронта (147—159 батальонов германцев против 196—204 русских). Но выход был найден: ген. Сухомлинов, Янушкевич и Данилов, постоянно заботясь о «соответствующем моральном» состоянии высшего генералитета, дают такую вводную, которая сразу же передает победу на сторону русского оружия: английский десант уже на территории Франции, обстановка для Германии усложняется, соотношение сил на французском фронте резко меняется в неблагоприятную для нее сторону. Кроме того, 2-я армия, идущая к г. Лыку, отрежет выдвинувшиеся к Неману германские дивизии. Германское верховное командование в тревоге и бьет отбой. Оно приказывает перебросить не менее 3 корпусов из района Восточной Пруссии на французский фронт, т. е. фактически оголить фронт, а остальным отходить за р. Ангерап. Командование северо-западным фронтом торжествует, русско-французская конвенция выполнена, Франция спасена, ген. Жилинский глубоко уверен, что его смелая активность была основной причиной посыпавшихся на него со всех сторон успехов.

Руководство сразу дает скачок во времени: вечер 21-го дня мобилизации. Ген. Жилинский к этому дню уже может одновременно перейти в общее наступление и осуществить «Канны» для оставшихся германских сил ударом с севера и юго-запада от Мазурских озер. Но, имея в виду, что силы противника ослаблены, эти «Канны» возможно совершить и без двух корпусов, которые выделяются по требованию руководства по одному из 1-й и 2-й армий для юго-западного фронта, где к тому времени назревали серьезные события.

Руководство игрой правильно сделало, что остановило эти «успехи» северо-западного фронта именно на этом третьем ходе и не стало разыгрывать «Канны». Но и без этого достаточно показательна смелая работа за противника, т. е. та знаменитая «кофейная гуща», сердцевина оперативно-наступательной «во что бы то ни стало» доктрины царского командования.

Нам остается теперь коротко рассказать, что же происходило на юго-западном фронте в эти дни «решительных» действий на картах ген. Жилинского против германцев.

Командюгозап ген. Иванов оказался более вдумчивым и менее бурно-наступательным, чем ген. Жилинский. Подсчеты и расчеты, проделанные ген. Алексеевым, показали ген. Иванову, что его армии могут начать наступление — 4-я армия на 21-й день мобилизации, 3-я, 5-я и 8-я армии на 20-й день мобилизации. Но, как мы видели выше, австрийцы предупреждали наступление юго-западного

фронта на несколько дней, они заканчивали свое стратегическое развертывание на 16-й день. Документы, купленные русским генеральным штабом у австрийского полковника Редля, говорили, что после развертывания на линии от Ярослава до Черткова главный удар Конрад намерен нанести центром (т. е. 4-й и 3-й армиями), в то время как фланги австрийского фронта обеспечивались 1-й армией у Ярослава и 2-й армией у Трембовля. Этому плану Конрада противопоставлялся весьма замысловатый оперативный план командования юго-западного фронта. Последнее решило с полного одобрения руководства игрой построить план по суворовскому правилу «заманивай» в открытые ворота в более чем 120 км шириной (Ковель, Дубно) для свободного вторжения не менее как 9 дивизий 4-й и 3-й австрийских армий (в то время как это направление прикрывалось лишь одним 17-м русским корпусом). Противник должен будет двинуться в эти почти свободные ворота. К вечеру 21-го дня мобилизации 4-я и 5-я армии, собрав на южном фронте Варшавского военного округа (Люблин, Ковель) 280 батальонов против 283 батальонов австрийцев, наносят главный удар на фронт Тарнов, Львов, а 3-я и 8-я армии, собрав на киевском направлении 296 батальонов против 274 батальонов австрийцев с линии Дубно, Проскуров, начнут наступать в львовском направлении.

Проигрыш операций юго-западного фронта на игре был очень скомкан, вял и бесцветен. Фактически руководство игрой было целиком поглощено развитием операций на северо-западном фронте. Поэтому получается впечатление, что, несмотря на то, что главным фронтом для царской России в 1914 г. являлся именно юго-западный фронт, который должен был бороться с вооруженными силами Австро-Венгрии, этого-то как раз в игре и не было. Как будто по этому фронту для руководства игрой все уже было понятным и ясным. Мы полагаем, что в этом деле немаловажную роль играл факт покупки у полковника Редля плана стратегического развертывания австро-венгерской армии, твердая вера в его незыблемость и действительность. Это обстоятельство настраивало Сухомлинова, Янушкевича и Данилова на мысль, что, зная и имея план стратегического развертывания Австро-Венгрии, будет нетрудно с ней разделаться; к тому же русский генеральный штаб вообще не слишком уж высоко расценивал австро-венгерскую армию как серьезного противника. Но, как известно, план стратегического развертывания австро-венгерской армии был коренным образом переделан Конрадом, который через свою агентуру узнал, что копия этого плана хранится в стальном сейфе в Петербурге. И в конце августа 1914 г. Данилов в этом убедился, горько сетуя, что он напрасно слишком уж крепко верил в то, чему долго верить, как учит опыт истории, не полагается.

В первом ходе игры, когда северо-западный фронт принимал решение к переходу в бурное наступление, командование юго-западного фронта дало свои расчеты по готовности его армии к наступлению, о которых мы говорили выше. Во втором ходе ген. Иванов и Алексеев после запросов от руководства игрой с требованием сократить сроки готовности твердо заявили, что командование юго-

западного фронта признает возможным ускорить наступление лишь для 4-й армии на один день, не более, оставляя в силе оперативный замысел главного удара со стороны 4-й и 5-й армий на фронте Перемышль, Львов. Тогда руководство игрой дало для юго-западного фронта оперативное время — 19-й день мобилизации. В этот день обозначилось по всему фронту наступление австро-венгерских армий, предупреждающих русских в своем развертывании. Розыгрыша отдельных оперативных эпизодов не было и сразу дан был 22-й день мобилизации. К этому времени главные силы австрийцев, ведя наступление на Ровно, обрушились на 3-ю русскую армию: ее положение признается тяжелым, но ей на помощь приходит 8-я русская армия, которая с рассветом 22-го дня мобилизации перешла в решительное наступление из района Проскурова во фланг выдвигавшимся в ровненском направлении австрийским дивизиям. На фронте 4-й и 5-й русских армий наступало 9 австрийских дивизий. Их движение в северном и северо-восточном направлении шло восточнее линии Западный Буг. Командарм 5 ген. Плеве решает оставить против этих сил на правом берегу Западного Буга только три дивизии, остальные же силы армии предназначаются ген. Плеве для совместных действий с 4-й армией на левом берегу Зап. Буга. В общем командармы 4 и 5 решили организовать главный удар с охватом левого фланга стратегического фронта австрийцев. Они только что приступили к расчетам по организации этого маневра, как был дан отбой. Таким образом, появившаяся на мгновение опасность для 3-й русской армии была своевременно локализирована стремительным наступлением 8-й армии во фланг наступающим на Ровно австрийцам, а розыгрыш маневра 4-й и 5-й армий вообще не получил никакого оперативного выражения. Иначе говоря, игра для юго-западного фронта была руководством фактически сорвана.

Так «поучительно» закончилась киевская военная игра, к которой, так же как и в 1911 г., готовились, по словам агента германской разведки ген. Сухомлинова [1], не менее года. Разбора игры решили не производить, обещав округам письменно сообщить обширные выводы по игре. Руководство и участники разъехались, первое — с конкретным материалом об оперативно-стратегической подготовке высшего генералитета царской армии, а вторые — с наивным облегчением, что разбор был отменен и тем самым стирался вопрос, что высший генералитет в 1914 г. не только не понимал элементарных основ современного оперативно-стратегического искусства и вождения масс на войне, но даже не умел как следует составить и отдать письменные оперативные документы по ходам игры. И вместо того, чтобы взять пример с методов обучения посредством тренировочных оперативно-тактических военных игр и полевых поездок, которые применялись в западно-европейских армиях (французской, германской) — русский генеральный штаб увлекался плацпарадностью, организацией дорого стоящих бутафорских маневров, которые постепенно, из года в год, вырабатывали из старшего и высшего комсостава классические типы «ловких людей» и различных персонажей для талантливого пера Салтыкова-Щедрина.

[1] «История ВКП(б)», стр. 166—167.

В своем майском докладе Сухомлинов и Данилов писали царю: «Игра дала весьма богатый материал по проверке правильности намеченного развертывания и плана ближайших наших действий в случае войны на западной границе...».

Как видим, этим самым была твердо установлена линия поведения, которую возьмет руководство русского генерального штаба в первые месяцы мировой войны. Так оно и случилось. В апреле 1914 г. в Киеве верховному командованию (руководство игрой — Сухомлинов, Янушкевич и Данилов) умышленно подтасованной вводной данной [1] легко и безболезненно удалось предотвратить катастрофу северо-западного фронта, угрожавшую благодаря тому, что ген. Жилинский, на две трети не закончив стратегическое развертывание армий фронта, вводил подходящие войсковые соединения в бой пачками, по частям. В августе 1914 г. произошло несколько иначе. Ген. Жилинский повторил буквально те же ошибки, что и на игре, и в этом ему всемерно помогал ген. Ренненкампф. Результат — полный разгром 2-й армии ген. Самсонова, полная потеря руководства со стороны Ренненкампфа — командарма 1 и комфронта Жилинского и целый ряд неудач на правом фланге юго-западного фронта. И тогда верховное командование принуждено было свое благодушное киевское настроение переменить на панику и вопли. В августе 1914 г. главковерх Николай Николаевич писал царю: «...Ген. Жилинский потерял голову и вообще неспособен руководить операциями... Я совершенно сознаю, что не умел настоять на исполнении моих требований, посему слагаю перед вашим величеством повинную голову».

Наштаверх ген. Янушкевич докладывал о работе командования северо-западного фронта в целом:

«Фронт в смысле управления отсутствует, оставлен в этом виде быть не может. Нужны радикальные меры в смысле личного состава. Считаю этот вопрос первостепенной особо государственной важности».

И в тот момент, когда происходила эта переоценка ценностей и замена Жилинского ген. Рузским, в Восточной Пруссии гибли окруженные корпуса 2-й армии, а корпуса 5-й армии юго-западного фронта с трудом выходили из того катастрофического положения, в которое их загнало русское высшее командование.

Глава XIII

АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЙ ПЛАН СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ [2]

Ленин говорит, что «империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался

[1] Английский десант во Франции, переброска германцами корпусов на западный фронт, бегство оставшихся в Восточной Пруссии германских дивизий за реку Ангерап и пр.

[2] Схемы 15 и 16.

раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами [1]».

История современного империализма, как новой, высшей стадии капитализма, неопровержимо говорит, что без насильственного захвата чужих территорий, без присвоения чужих богатств, без вооруженных интервенций, без угнетения и порабощения слабых отсталых народов и государств, существование империализма немыслимо.

Таким образом, каждое капиталистическое государство, будь то Германия, Австро-Венгрия, Франция, Англия, царская Россия и пр., считает войну естественным и необходимым условием для своего дальнейшего существования, продолжением политики своего господствующего класса. Такова красная нить до мировой империалистической войны 1914—1918 гг. в развитии и образовании Австро-Венгрии, этого классического типа «лоскутной» монархии.

Австро-венгерский империализм из года в год насильственным путем политически и экономически порабощал целый ряд народов различных национальностей, душил их независимость, заставляя русинов, мадьяр, сербов, хорватов, словенов, австрийцев, венгров, чехов, поляков, итальянцев и пр. всецело подчиняться тем условиям и требованиям, которые диктовал им австро-венгерский царистско-помещичий режим и его империалистическая политика.

Но беспощадно подавляя национально-революционное движение внутри страны, беспощадно эксплоатируя все народности, входившие в австро-венгерское государство, буржуазно-помещичья диктатура сама находилась в лапах финансового капитала германского империализма и тем самым еще более усиливала гнет трудящихся масс Австро-Венгрии. Уже в 1900 г. германский империализм поглотил все основные области и отрасли австро-венгерской промышленности и сельского хозяйства.

Австро-германский союз существовал на основе заключенного в октябре 1879 г. договора. Этот договор обязывал в случае нападения России на одну из договаривающихся сторон всемерно помогать друг другу всеми своими вооруженными силами. «Сердечный союз» Германии и Австро-Венгрии (в вопросе союза с Италией и Румынией всегда было много трений, противоречий, окончившихся, как известно, уходом их в лагерь Антанты), в противовес «сердечному согласию» Франции и России, особенно ярко стал демонстрироваться в период с 1906 г. после позорного разгрома царской армии на полях Манчжурии. С этого же времени господство военщины и крупной буржуазии превращает Австро-Венгрию в полного вассала германского империализма. Точно так же наиболее вероятный противник Австро-Венгрии — царская Россия с 1906 г., окончательно расстроив свои государственные финансы в связи с русско-японской войной и последовавшей революцией 1905 г., принуждена была пойти в финансовую кабалу французского капитала, получая от него за высокие проценты ежегод-

[1] Ленин, т. XIX, стр. 143.

ные займы в размере полумиллиарда франков. Но огромные суммы из этих миллионов франков займа французский генеральный штаб обязывал своего вассала — русское верховное командование — расходовать не на хозяйственные и культурные нужды, а на увеличение численности царской армии, на постройку железных дорог, имеющих военное значение, и пр.

Австро-венгерская монархия по состоянию промышленности и торговли [1] к 1912—1914 гг. могла вступить в конкуренцию и вести экономическую борьбу лишь на рынках небольших государств, главным образом Балканского полуострова. Будучи преимущественно страной аграрной, где до 70% рабочих было занято в сельском хозяйстве и лесоводстве, Австро-Венгрия в промышленном отношении всецело зависела от своего могущественного индустриального сюзерена — Германии. Сравнивая, например, выплавку стали в 1913 г. в Германии и Австро-Венгрии, мы видим, что для первой она составляла 16,9 млн. т, для второй только 2,6 млн. т.

Слабая государственная промышленность имела и очень слабую частную военную промышленность.

Непрерывная политическая, экономическая и национальная вражда между Австрией и Венгрией с постоянным нежеланием Венгрии делиться вооружением и продовольственным снабжением с Австрией с первых же месяцев войны стала совершенно нетерпимой и очень сильно отражалась на успешности борьбы с царской Россией. Лишь твердые окрики германского империализма из Берлина заставляли утихать не в меру расходившиеся враждебные силы двуединой монархии, которая этим самым начинала нарушать равновесие на фронте не в пользу германского оружия.

Из вышеизложенных глав на ряде фактических материалов мы убедились в том, что политика — это «сконцентрированная экономика», а все подготовительные мероприятия к войне и сама война в целом — насквозь политика. Поэтому мы и видим, как политико-экономические сети, которые были раскинуты германским империализмом вокруг своего вассала — «лоскутной монархии» Габсбургов, все туже затягивались, а диктатура финансового капитала Германии начинала властно диктовать своему соседу с юга выгодные для капитала германской империи политические, экономические и военные условия и требования.

Военно-экономические авторитеты Австро-Венгрии, так же как и большинство видных политиков, экономистов, военных стратегов крупных европейских государств, твердо считали, что война будет кратковременной и затронет лишь верхний слой экономической и хозяйственной мощи воюющих государств.

Мобилизационные запасы и продукция военной промышленности мирного времени вполне обеспечат армии всем необходимым для победоносного завершения молниеносной 4—6-месячной предстоящей войны.

В силу этого нормы обеспеченности снабжения боевыми припа-

[1] Например, доля участия в мировой торговле Австро-Венгрии в 1912 г. определялась по отношению Германии и Франции соответственно, как $3^1/_2 : 13 : 9$.

сами исходили в Австро-Венгрии не из тщательного анализа современного сложного длительного боя с его многообразными техническими средствами, а из опыта, главным образом, балканских войн. Например, нормы огнеприпасов, установленные к августу 1914 г. в австро-венгерской армии из расчета, что носимый и возимый запас огнеприпасов в войсках и в дивизионных парках равняется: на винтовку 340, на пулемет 10 850 патронов, на полевую пушку 492, на полевую гаубицу 366 и на тяжелую гаубицу 360 снарядов, с первыми же выстрелами в пограничных боях показали, что эти расчеты устарели. Еще в более трагическом положении, чем Австро-Венгрия, оказалась царская Россия, не имевшая такого промышленного соседа, как Германия [1]; русское командование установило несколько бо́льшие нормы, чем это мы видим в австрийской армии, но, во-первых, эти нормы в большинстве случаев оказались теоретическими, а во-вторых, вследствие хаотического сосредоточения и развертывания сил и средств в августе 1914 г. без учета тылов (например, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я армии), уже в сентябре командование было вынуждено посылать самые тревожные запросы и телеграммы с просьбой о скорейшей высылке огнеприпасов. Известные исследователи боевого снабжения царской армии Маниковский и Барсуков говорят, что обеспеченность огнеприпасами выражалась на пехотную винтовку — 1 000 патронов, на пулемет — 75 000, на 76-мм легкое орудие — 1 000 выстрелов, на 122-мм полевую легкую гаубицу — 1 000 выстрелов, на 107-мм тяжелую пушку и 152-мм тяжелую гаубицу — 610 выстрелов. При этом из указанного количества носимый и возимый войсковой запас был просто мизерным, так как эта норма целиком исходила из опыта русско-японской войны (что очень метко было указано на апрельской оперативно-стратегической военной игре в Киеве, см. главу XII); она выражалась в следующих цифрах: на винтовку — 200, на пулемет — 25 000, на легкое орудие — 370, на легкую гаубицу — 125 патронов. Первые же бои в Восточной Пруссии и Галиции заставили войска быстро израсходовать эти голодные нормы, и был остро поставлен вопрос о коренной реорганизации дела артиллерийского снабжения действующей армии. Но, как известно, пока происходила эта длительная реорганизация, царская армия докатилась в 1915 и частично в 1916 г. до катастрофического положения с огнеприпасами. То же самое было и в австро-венгерской армии.

Уже к началу 1915 г. еще острее встал вопрос с наличием винтовок, пулеметов, легких и тяжелых орудий у обоих противников. Но опять же, если время от времени в австро-венгерской армии тяжелые прорывы в деле боевого снабжения ликвидировались при помощи ее могучего индустриального соседа — Германии, то у царской армии положение было иное, так как реальная помощь со стороны Франции началась значительно позднее, чем разразился острый кризис с боевым снабжением на русском фронте.

---

[1] Уже в первый месяц мобилизации Германия принуждена была поставить австро-венгерской армии 60 000 ружей и 8 млн. патронов.

Армии обеих сторон уже в августе—сентябре 1914 г. встали перед дилеммой или совсем остаться без огнеприпасов, или же сократить ежедневные расходы до нескольких выстрелов на винтовку (до 20—25) и на орудие (до 5), т. е. до таких норм, которые совершенно не соответствовали огневой потребности современного боя с его автоматическим оружием.

Все это наглядно говорит, что государства, входившие в две враждовавшие коалиции (Антанта и Центральный союз), к началу мировой войны совершенно не разработали экономической мобилизации сил и средств данного государства и быстрого перевода всех и всяких составных его частей в нужный момент на военные рельсы. В настоящее время этот огромный промах первого периода мировой войны хорошо учтен всеми современными государствами, которые строят оборону своей страны совершенно иначе, в основном, конечно, опираясь на богатейший опыт мировой и нашей гражданской войны.

Уже к 1914 г. могущественный германский империализм забрал в свои руки всю политическую, экономическую и военно-стратегическую жизнь Австро-Венгрии. Но не только до мировой войны Австро-Венгрия была полуколонией германского империализма, она оставалась таковой на протяжении всей войны 1914—1918 гг. С поражением Германии в мировую войну, с гибелью ее империалистических сетей, которыми она держала своих союзников, рассыпалось на части искусственно сшитое австро-венгерское государство.

Если в планах Шлиффена и Виктор-Мишеля видна основная твердая стержневая оперативно-стратегическая идея — главный удар против Франции, главная масса сил в обход крепостного пояса Серре-де-Ривьера через Бельгию на Париж и т. д. (Шлиффен) или другой главный удар против Германии, главная масса сил для захвата линии Антверпен, Брюссель (Виктор-Мишель) с четким положением «я знаю, что хочу», — то этого никак нельзя сказать про австро-венгерские планы войны.

Отсутствие четкости в отношении оперативно-стратегической идеи естественно влекло за собой крайне сложное построение организационно-численного развертывания сил и средств.

Простота же плана войны и его отдельных вариантов с доведенной до предела ясностью в отношении организационно-численного распределения сил и средств по отдельным оперативным направлениям, как диктует поучительный опыт недавнего прошлого, в современной войне дело совершенно обязательное.

Этой простоты и ясности в первую очередь властно требуют новые разнообразные технические средства и массовый характер современных армий.

План войны, как говорит опыт последних войн, должен быть составлен так, чтобы он был совершенно ясен и понятен в первую очередь тем, кто будет его осуществлять и проводить в жизнь. Предельная четкость и ясность оперативно-стратегической мысли и расчета сил и средств — первые условия для плана войны, ибо тот (те), кто допускает (ют) схематизм в плане войны и его вариан-

тах, тот (те) жестоко расплатится (ятся) уже в период стратегического развертывания своих сил. Так было и так будет. Могут привести довольно распространенное мнение, что как в 1914 г., так особенно теперь «вообще нельзя добиться р е ш е н и я в о й н ы на основе оперативных планов, разработанных в мирное время». Эта мысль верна лишь в одном, что нельзя составить такой план войны, который предусматривал бы все детали, все ходы на протяжении, скажем, одного-полутора лет войны. Такой план, как говорит богатейший опыт последних войн, составить нельзя. Замечательный план Шлиффена был рассчитан для тех условий (1905—1912 гг.) максимум на 4—6 месяцев операций и боев, включая в этот срок операции сперва против Франции—$2^1/_2$—3 месяца и остальное время против России. Но совершенно необходимо иметь план войны, который бы был настолько гибок, подвижен, продуман материально, чтобы конкретно обеспечивать наиболее тяжелый, наиболее важный период мобилизации, сосредоточения и развертывания сил, а также маневрирование этими силами и средствами во время большого пограничного сражения.

Мы не намерены здесь разбирать историю планов войны австро-венгерского генерального штаба в период 1907—1914 гг., когда его начальником был Конрад [1]. Мы остановимся лишь на последнем этапе работ австро-венгерского генерального штаба по плану войны, с тем чтобы показать, что отсутствие четкости и твердой стратегической линии поведения в планах Конрада повлекло сразу же целый ряд резких неполадок в стратегическом развертывании австро-венгерских вооруженных сил.

Коллектив австро-венгерского генерального штаба не сумел поставить дело с обработкой нужных материалов, которые в виде отдельных элементов входят в варианты плана войны и под искусной рукой начальника генерального штаба создают естественное осмысленное целое.

Осмысленного целого не видно в вариантах планов войны австро-венгерского генерального штаба, нет в нем твердого стратегического пути, а это обстоятельство, естественно, повлекло за собой организационно-численное напластывание с перемешиванием частей, а отсюда неизбежную расплату в начальный период войны, когда, например, целая 2-я армия была брошена Конрадом против Сербии, а затем, с объявлением войны России, ее сейчас же было приказано перебрасывать обратно против России в Галицию.

Во всей Европе Австро-Венгрия являлась по своему национальному составу наиболее пестрой. В этом отношении царская Россия с ее национальной политикой мрачного средневековья мало чем отличалась от «лоскутной» монархии Габсбургов. Во всяком случае, Австро-Венгрия и царская Россия являлись государствами, где полное национальное бесправие и гнет были наиболее ярко представлены.

---

[1] Из этого периода надо исключить 1913 г., т. е. годовую отставку Конрада, но, как подтверждает сам Конрад, за этот год в планы войны изменений внесено не было.

Конечно, ни о каком политико-экономическом самоопределении той или иной национальности в условиях ее жизни в системе империалистического государства речи быть не может. Но разношерстность национального состава Габсбургской монархии не могла не отразиться в сильной степени и на армии Австро-Венгрии.

Если мы, кроме Боснии и Герцоговины (которые были оккупированы в 1878 г. и еще более разнообразили национальный состав Австро-Венгрии, так как из 1 737 000 жителей оккупированной территории было 630 000 сербов, 350 000 кроатов, 8 200 евреев и 689 000 других национальностей), сведем национальности населения Австро-Венгрии в таблицу, то получим следующую картину [1].

Таблица 19

Национальности	В Австрии		В Венгрии	
	абсолютное число	%	абсолютное число	%
Немцев	9 171 000	36	2 135 181	11,1
Венгров	—	—	8 742 301	45,4
Чехов	5 955 000	23	—	—
Поляков	4 259 000	16	—	—
Русин	3 376 000	15	429 447	2,2
Словаков	1 193 000	3	2 019 641	10,5
Итальянцев	727 000	3	—	—
Сербов и кроатов	711 000	3	2 720 749	14,2
Румын	231 000	1	2 799 479	14,5
Прочих	519 000	—	397 761	2,1
Всего	26 151 000	100	19 254 559	100

Разнообразный состав австро-венгерской армии с непрерывным внутренним национальным антагонизмом, ссорами в офицерском корпусе, случаями прямого неповиновения, скрытым саботажем и пр. постоянно требовал быть на-чеку и уметь в нужный момент принять соответствующее решение с новым комбинированием сил и средств. Например, необходимо было постоянно учитывать национальный состав полков и настроение в них. Командный язык в отдельных войсковых частях был неодинаковым, как не было одинаковым боевое настроение отдельных национальностей; чехи, например, не особенно-то хотели драться с сербами, и в силу этого надо было участок 8-го и 9-го чешских корпусов усилить и дополнить 3-м корпусом, который состоял из германцев, и т. д.

[1] Эту таблицу мы берем из работы Б. Шапошникова, Мозг армии, кн. I, стр. 23.

Поскольку австрийское командование исходило из положения, что 50% данной национальности дают право на командный язык в данной части, уже в мирное время получилось следующее характерное соотношение в пехотных полках австро-венгерской армии: 19 венгерских, 16 немецких, 15 чешских, 9 польских, 9 русинских, 9 сербо-кроатских, 7 румынских, 4 словацких, 2 словенских, — всего 90 полков. В остальных 12 полках было по нескольку различных национальностей. При мобилизации все это осталось без внимания.

Или например, если мы возьмем 4-ю австро-венгерскую армию, то она имела: 100 000 чехов и словаков, 50 000 немцев, 40 000 венгров, 20 000 поляков, сербо-хорватов, итальянцев.

Все это будет нами учитываться при анализе и критике вариантов австро-венгерского плана войны.

То, что произошло с австро-венгерским планом стратегического развертывания в августе 1914 г., говорит о тяжелой ошибке, допущенной Конрадом и его ближайшими соратниками по генеральному штабу. Конрад любил при каждом удобном и неудобном случае указать, что он очень высоко ценит учение Клаузевица, что он его ученик в вопросах стратегии и пр., но вот он (Конрад) никак не может согласиться с тем, что война — насквозь политика, что политика продолжается во время войны. Он не отрицает, что политика играет огромную роль в деле войны, но на войне решающее слово остается за вооруженной силой. Конрад делал вид, что он не пытается глубже вникать в эти вопросы и тем более спорить по ним, так как он солдат прежде всего, а армия должна быть вне политики. Таковы с л о в а, при помощи которых Конрад пытался затушевать свою политическую борьбу с Эренталем и др. Д е л а ж е Конрада совершенно иные. Его многотомные воспоминания со всей наглядностью говорят как раз об этом. Они четко поясняют устами самого же Конрада, что он постоянно воевал со всеми политиками австро-венгерской монархии, что он из всей своей деятельности начальника генерального штаба постоянно уделял огромное время и внимание, огромные силы и энергию политической борьбе. Достаточно проследить тонкую политическую игру [1], которую вел Конрад против всесильного и могущественного министра иностранных дел Габсбургов — Эренталя, чтобы притти к заключению, что всяческие фразы об аполитичности Конрада не имеют под собой почвы. «Аполитичный солдат» сломал бы себе карьеру (даже несмотря на всемерную поддержку Франца-Фердинанда) и поставил бы себя в смешное положение при первом же шахматном ходе против высокоопытного и талантливого политика Эренталя, очень не любившего Конрада. Между тем постоянная борьба Конрада с Эренталем по всем вопросам обороны монархии и в строительстве вооруженных сил продолжалась с переменным успехом очень долгое время, вплоть до смерти Эренталя. Таким образом, слова были одни, а дела дру-

[1] Об этом см. подробнее в работе т. Ш а п о ш н и к о в а, Мозг армии, кн. 2.

гие. В этом случае Конрад заставляет нас вспомнить о Мольтке-старшем, на словах отрицавшем взаимозависимость политики и войны, а на деле принимавшем огромное участие в политической жизни, хотя бы на совместной работе с Бисмарком.

Как известно, в августе 1914 г. Конрад допустил большой политический просчет с Россией и тем самым сделал и огромную стратегическую ошибку с развертыванием вооруженных сил, загнав целую армию вместо Галиции на Балканы. Это только еще и еще раз подчеркивает, что армия вне политики существовать не может, а ее стратеги и операторы должны быть и вдумчивыми политиками. Итак, Конрад очень много политически боролся, одновременно подчеркивая постоянно, что он абсолютно аполитичен и что он только «чистый» стратег, «чистый солдат». Но просчет с Россией говорит, что в политической борьбе он мало чему научился,— отнюдь, конечно, не потому, что не мог постигнуть процесса политической борьбы и обстановки в Европе, а благодаря тому, что постоянно пытался отрывать строительство вооруженных сил от международной и внутренней политики габсбургской монархии.

За эту формальную близорукую линию политического поведения жестоко отплатил август 1914 г., ибо нельзя было рассчитывать, что царская Россия своевременно не окажет поддержки Сербии.

После войны Конрад в воспоминаниях, желая свалить вину своего просчета со 2-й армией на кого-либо другого, жалуется, что он не был в достаточной мере политически информирован министерством иностранных дел Берхтольда и что вообще у Австро-Венгрии «при начале войны дипломатическая подготовка была недостаточной». Мы считаем, что Конрад здесь напрасно в обиде на преемника Эренталя на посту министра иностранных дел Берхтольда, который почти ежедневно давал Конраду самую широкую политическую информацию, и особенно в последние недели перед войной.

В воспоминаниях Конрада по этому вопросу приведено так много политического материала, который он имел в июне — июле 1914 г., что этим самым Конрад сам себя ставит прямо-таки в фальшивое положение.

Мы несколько заглянем вперед, с тем чтобы лучше комментировать вышеизложенное.

После убийства Франца-Фердинанда в Сараеве «11 июля в министерстве иностранных дел приступили к составлению ноты к Сербии, которая должна была обсуждаться на совете министров, на который Берхтольд пригласил и начальника генерального штаба. Последний тем временем почти ежедневно обсуждал с начальником оперативного бюро план войны с Сербией, а также и другие варианты, особенно на случай выступления России. Конрад был серьезен и задумчив. Обстановка была тяжелой для монархии. «В 1908—1909 гг. была игра с открытыми картами, — говорил сво-

ему другу Конрад, — в 1912—1913 гг. еще игра с шансами на выигрыш, а теперь предстоит игра ва-банк»[1].

Как видим, Конрад ожидал эту игру ва-банк не благодаря отсутствию материалов политической информации, которая, повторяем, была у него обильной, разносторонней и ежедневной, в этом отношении Бехтольд вне всяких упреков, а благодаря тому, что Конраду приходилось работать в Габсбургской монархии. Последняя продолжала от своего внутреннего разложения разваливаться на части, несмотря на постоянную, всестороннюю финансовую и экономическую поддержку могучего германского империализма, который стремился заставить в начале войны Австро-венгерскую монархию притянуть на себя как можно больше вооруженных сил России, чтобы быть еще более освобожденным в борьбе со своим главным противником — Францией и Бельгией и вероятным их союзником—Англией. И если Конрад был не в меру пессимистически настроен в кризисные дни июля 1914 г., то в эти дни в Петербурге со стороны его русского коллеги военного министра Сухомлинова, который до этого, как мы уже знаем, был начальником русского генерального штаба[2], проявлялся безудержный и мало на чем основанный оптимизм. Если Конрад жалуется на недостаточную политическую информацию, то Сухомлинов вообще не желает (конечно, для видимости) иметь что-либо общего с политикой.

25 июля на заседании совета министров в Красном Селе в присутствии царя, после доклада министра иностранных дел Сазонова об австро-сербском конфликте и отношении к нему России, было решено с 26 июля объявить начало подготовительного к войне периода, а затем, если обстановка начнет ухудшаться, объявить и частичную мобилизацию.

«Моя роль при этом постановлении, — пишет Сухомлинов, — была... весьма скромная. Как военный министр, против такого решения, бывшего ходом на шахматной доске большого политика, я не имел права протестовать, хотя бы он и угрожал войной, и б о п о л и т и к а м е н я н е к а с а л а с ь. Я был солдат и должен был повиноваться, раз армия призывается для обороны отечества, а не вдаваться в рассуждения. Имели бы право обвинить меня в трусости, если бы я после того, как в роли военного министра в мирное время пользовался всеми преимуществами моего высокого положения, предостерегал от войны, и притом в то время, когда вся вероятность и мое личное убеждение были за то, чтобы русская дипломатия не отступала перед притязаниями австро-венгерской, как это имело место еще в 1909 г... Было бы другое дело, повторяю, если бы я в 1914 г. оказался в положении Редигера (тоже военного министра.—*Вл. М.*) в 1909 г. В 1914 г. а р м и я б ы л а

---

[1] Б. Ш а п о ш н и к о в, Мозг армии, кн. 3, стр. 63.

[2] В этот период пост начальника генерального штаба только что занял ген. Янушкевич, который на протяжении своей службы мало соприкасался с оперативно-стратегическими вопросами и тогда фактически только еще входил в курс дела.

настолько подготовлена, что, казалось, Россия имеет право спокойно принять вызов. Никогда Россия не была так хорошо подготовлена к войне, как в 1914 г.».

Насколько «хорошо» была царская Россия подготовлена, мы еще будем говорить ниже, но что касается постановки вопроса о взаимозависимости политики и военной стратегии, то Сухомлинов, как мы видим, побил рекорд в умении фарисейски затушевывать свою политическую заинтересованность и причастность ко всем решениям по вопросам войны 1914—1918 гг. Конечно, ни Конрад, ни Сухомлинов, когда писали свои мемуары-воспоминания, не были настолько наивными, чтобы могли думать, что будут верить их громкой фразеологии о «солдатской аполитичности».

Долго беспокоившее Конрада неудовлетворительное политическое положение с Италией и Румынией наконец разрешилось в пользу Австро-Венгрии, которая к 1914 г. заключила соглашение с обоими этими государствами. Это обстоятельство давало возможность Конраду заняться вопросами исключительно распределения вооруженных сил на случай войны против России и Сербии.

Главным врагом была Россия. Казалось бы, раз так, то сюда и следовало бы направить всю энергию, все оперативно-стратегические помыслы, все расчеты.

С 1905 по 1912 г. русский генеральный штаб сделал значительные успехи в области расчетов по фактическому осуществлению мобилизации и быстроте сосредоточения вооруженных сил. Поэтому германский генеральный штаб в лице Мольтке-младшего в начале 1914 г. поставил в известность своего союзника Конрада о необходимости иметь в виду при расчетах мобилизационной готовности и возможностей сосредоточения, что на 18-й день мобилизации Россия может сосредоточить на своей западной границе внушительные силы в виде 63 полевых и резервных дивизий и 22 кавалерийских дивизий.

Кроме того, Мольтке предупредил Конрада, что план основного и главного удара германских армий заключается в первоначальном разгроме французской армии, а поэтому против Франции будут направлены германским генеральным штабом все основные силы и средства. В течение 1½ месяцев с 1-го дня мобилизации, указывал Мольтке, Австро-Венгрия должна будет самостоятельно вести активные операции против России. Имея в виду, что «через шесть недель после начала операции германский генеральный штаб твердо рассчитывал разгромить основные вооруженные силы Франции», активная помощь Австро-Венгрии могла быть оказана Германией только на 60-й день мобилизации.

Казалось бы, эти данные и должны были быть твердо положены в основу австро-венгерского плана войны с его вариантами против России и балканских государств (Сербия, Черногория).

До 1913 г. Конрадом был разработан вариант против России, по которому сосредоточение и развертывание австро-венгерских армий должно было произойти почти непосред-

ственно вблизи галицийской границы. Само же разделение и распределение всех вооруженных сил Австро-Венгрии при учете, что последней придется воевать не только против России, но и против Сербии и Черногории, носили по плану войны крайне сложный характер.

В этом плане развертывания отсутствует четкость и ясность оперативно-стратегической идеи, отсутствует стержневой замысел и твердый стратегический путь, которому должно подчиняться все и вся и согласно которому намечается четкое, ясное и до предела простое организационно-численное построение, а не такое сложное и запутанное, как в этом плане.

Все вооруженные силы Австро-Венгрии при мобилизации разделялись на 3 группы[1]:

1. «Группа А» — из 9 корпусов со всеми их резервными формированиями и 10 кавалерийских дивизий.

2. «Минимальная группа Б»—из 3 корпусов, 2 пехотных дивизий, одной маршевой бригады, 4 ландштурменных бригад и 4 гонведных маршевых полков.

3. «Группа Б» — из 4 корпусов, 4 пехотных дивизий, 1 кавалерийской дивизии и 1 ландштурменной бригады.

Сосредоточение этих мобилизованных сил должно было происходить так:

1. «Сосредоточение Р» (война против России) — главные силы сосредоточиваются и развертываются в Галиции.

а) «Группа А» — 9 корпусов (1-й, 2-й, 3-й, 5-й, 6-й, 10-й, 11-й, 12-й, 14-й со всеми ландверными, ландштурменными и маршевыми формированиями соответствующих корпусных округов) плюс 1-я, 9-я и 11-я кавалерийские дивизии.

б) «Минимальная группа Б» (война на Балканах с Сербией, Черногорией) —3 корпуса (15-й, 16-й, 13-й с 42-й пехотной дивизией и 13-маршевой бригадой) плюс 20 пехотных дивизий, 36-я, 104-я, 107-я, 109-я ландштурменные бригады и четыре гонведных маршевых полка.

в) «Группа просто Б» — из 4 корпусов (6-й, 7-й, 8-й, 9-й и 21-я, 26-я, 23-я и 40-я пехотные дивизии) плюс 10-я кавалерийская дивизия и 102-я ландштурменная бригада.

При проведении в жизнь «сосредоточения Р» эта «группа Б» должна была развернуться также в Галиции и порядок ее сосредоточения должен был производиться вслед за войсками «группы А».

2. «Сосредоточение Б» (война на Балканах против Сербии и Черногории).

«Максимальная группа Б». Эта группа должна была сложиться из вышеуказанных нами двух групп: «минимальной группы Б» и «группы просто Б».

Мы не будем перечислять организационно-численный состав этих групп, так как он уже указан выше, но здесь напоминаем читателю, что хотя больше всего внимания в работах австро-венгерского генерального штаба всегда уделялось именно варианту «сосредото-

[1] Конрад. Из моей службы, т. 4, стр. 281.

чения Р», но в действительности 25 июля 1914 г. Конрад после выстрела в Сараеве неожиданно приказал осуществить вариант «сосредоточения Б». Эшелоны побежали на юг, к сербской границе. Но как только последовала мобилизация в России и затем 5 августа объявление Австро-Венгрией войны России, то опять надо было тянуть эшелоны 4-го, 7-го, 9-го корпусов, 10-й кавалерийской дивизии и др. в Галицию. Однако это не так-то легко было сделать, ибо построение и система графика стратегического сосредоточения кое-чем отличается от обыкновенных счетов бухгалтера.

Это, как видим, крайне сложное организационно-численное развертывание австро-венгерских вооруженных сил со всеми его «минимальными», «максимальными» «группами», «группками», «подгруппками» исходило из следующего.

Все эти группы должны были влиться в шесть армейских соединений, причем на русском фронте было предположено выставить четыре армии в составе 13 армейских корпусов. Эти силы должны были развернуться на фронте Синява, Немиров, Каменка, Козова, Бучач, Езержаны, имея впереди себя 9 кавалерийских дивизий с задачей действовать к востоку от полосы стратегического развертывания.

На сербском фронте предполагалось развернуть две армии (5-ю и 6-ю в составе 13-го, 15-го, 16-го корпусов) в районе северо-западного угла сербской границы с намерением вторгнуться в Сербию со стороны рр. Савы и Дрины.

Оперативно-стратегические задачи после развертывания для австро-венгерских армий были поставлены в Галиции следующие:

а) 1-й и 4-й армиям стремительным ударом между Вислой и Зап. Бугом опрокинуть встречающиеся русские войска и, действуя в направлении Люблин, Холм, Ковель, овладеть последним районом (как первоначальная задача).

На левом фланге этих двух армий развернет свои действия группа, сформированная в районе Кракова, которая совместно с германскими ландверными войсками из прусской Силезии ударом в направлении Ивангорода будет обеспечивать наступление 1-й австро-венгерской армии.

б) На правом фланге стратегического фронта должны были активно действовать 2-я и 3-я армии, в задачу которых входило овладеть железнодорожным сектором Дубно, Ровно, Луцк, ведя активные действия в проскуровском направлении.

в) То обстоятельство, что развернувшиеся германские войска в составе 7—11 дивизий будут вести наступательную операцию из Восточной Пруссии в направлении Седлец, должно было в полной мере обеспечить успех общего концентрического удара и тем самым отрезать Передовой театр от России.

Таков оперативно-стратегический замысел, который был вложен в австро-венгерский план войны.

Полоса стратегического развертывания по этому плану проходит в непосредственной близости от государственной границы, которую на всем ее протяжении в Галиции должны были сразу же

перейти австро-венгерские войска после своего сосредоточения в указанных выше районах развертывания.

План войны доотказа насыщен активными наступательными действиями, причем по сосредоточении и развертывании на сербской границе 5-й и 6-й армий последние также должны были захватить Белград и концентрическим ударом со стороны рр. Савы и Дрины разгромить сербские войска, собравшиеся на границе.

В организационно-численном отношении австро-венгерский план войны базировался на такие силы и технические средства, которые ни в какой мере не давали ему данных для столь широкой оперативно-стратегической концепции вроде наступления сразу на русском и сербском фронте, даже при оставлении против Сербии двух армий. Ген. Куль в своем труде «Германский генеральный штаб» очень невысоко расценивает свою союзницу Австро-Венгрию, которая должна была при войне Германии на два фронта (Франция и Россия) сыграть выдающуюся роль. Она должна была бы быть активным щитом, который бы развязал целиком руки германской армии против основного противника — Франции. Во всяком случае, Австро-Венгрия ранее, чем через $1^1/_2$—2 месяца, активной помощи со стороны Германии ожидать не могла. «Судьба Австро-Венгрии будет решаться не на Буге, а на Сене», — говорил Шлиффен.

Поэтому Куль и пишет, что оперативно-стратегические замыслы Конрада должны были бы быть весьма умеренными, так как «если бы австро-венгерская армия была одновременно занята борьбой на два фронта (на восточной и южной границах), то она не могла бы освободить германские силы, собранные на русской границе, что являлось настоятельно необходимым» [1].

В 1914 г. численность армии мирного времени достигла 27 000 офицеров и 442 000 солдат. В военное время Австро-Венгрия выставляла 2 300 000 человек [2], причем эта цифра расчленялась на 1 400 000 полевых войск, 350 000 резервных и 550 000 ландштурма. В качественном отношении германский генеральный штаб оценивал эти войска следующим образом:

«Принципы, положенные в основание уставов, вполне отвечают времени. Но обучение хромало, и в особенности в пехоте, в течение целого ряда лет. Незначительное количество маневров (добавим, полевых поездок и военных игр. — *Вл. М.*) из всех родов оружия по той же причине не давало войсковым начальникам достаточно опыта в управлении войсками».

Если после 1912 г. ландверные (гонведные) части и получили кое-какую артиллерию, то все равно следовало считать это дело совершенно необеспеченным. Один лишь факт, что новобранцы разделялись по языкам на 10 различных народностей, говорил, что дело с обучением находилось в невероятно сложных условиях.

«Численный состав,—констатировал германский генеральный штаб, — степень обучения, организация и отчасти вооружение австро-венгерской армии оставляют желать многого».

---

[1] Куль, Германский генеральный штаб, стр. 100.

[2] Запас обученных и малообученных в 1913 г. ген. Редигер определил цифрой 2 200 000—2 800 000 человек. См. «Комплектование и устройство вооруженной силы», ч. 1, стр. 98.

Австро-Венгрия имела целых три военных министерства, каждое из которых управляло самостоятельно одной из трех следующих армий: а) общеимперская армия, б) австрийский ландвер и в) венгерский гонвед. Финансовые ассигнования на войска всегда находились в самом запутанном состоянии. И Австрия и Венгрия с огромной неохотой и под постоянным нажимом выделяли средства на общеимперскую армию, зато каждое из этих государств двуединой монархии охотно отпускало средства на содержание своей армии, особенно Венгрия на венгерский гонвед (гонвед — это то же самое, что и ландвер). В организационно-численном отношении австро-венгерская армия имела следующий вид:

Таблица 20

	Корпуса	Пех. дивизии			Кавдивизии	Кав. бригады			Примечание
		имперские	ландверные	гонведные		отдельные	ландверные	гонведные	
В мирное время . .	16	32	8	8	8	2	3	4	Кроме того, по окончании мобилизации развертывалось 12 марш. бригад, 15 марш. полков венг. гонведа, 20 ландштурменных (ополченских) бригад.
В военное время . . .	16	48			11	3 отдельн.			

В организационно-численном отношении армейский корпус состоял из двух общеармейских и одной ландверной (гонведной) дивизии. Кроме того, каждый корпус в своем ближайшем тылу имел для быстрого пополнения в бою 1 маршевую бригаду в составе до 11 батальонов, 1 эскадрона и 1 батареи. Артиллерийскими средствами усиления в армейском корпусе являлся тяжелый гаубичный дивизион в составе 2 батарей 15-см гаубиц; кроме того, придавались саперный батальон, корпусное телеграфное отделение, колонна с шанцевым инструментом, полковой госпиталь, корпусная хлебопекарня, корпусной обозный транспорт и обозный эскадрон.

Состав пехотных и кавалерийских дивизий был следующим:

Таблица 21

	Пех. полки	Батальоны	Пулем. отделения	Эскадроны	Артполк	Гаубичн. дивизион	Бойцов	Пулеметов	Сабель	Орудий	Человек
Пехотная дивизия	4	12—14	1	2—3	Один из 5 батар.	Один из 2 батар.	12—16 тысяч	24—28	300—450	42	18 200

	Кав. бригад	Кав. полков	Пулемет. отделен.	Конный артдив.	Эскадронов	Саперный взвод	Телефон. отделен.	Сабель	Пулеметов	Орудий
Кавдивизия	2	4	1	1	24	1	1	3 600	4—8	12

Вся мобилизованная австро-венгерская армия, по данным Конрада, состояла в 1914 г. из 1 568 000 человек, или 989 батальонов, 415 эскадронов, 470 батарей (2 712 орудий).

Авиация, тяжелая артиллерия и автотранспорт, столь быстро развившиеся в грандиозных размерах в период 1914—1918 гг., были самым слабым местом в организации как австро-венгерской, так и русской армий. К 1914 г. и авиация и тяжелая артиллерия только что начинали развертываться и увеличиваться количественно. В августе 1914 г. австро-венгерская армия имела несколько более 100 самолетов и 2 дирижабля. Имевшиеся 132 батареи 10-см полевых гаубиц были приданы дивизиям, а 42 батареи 15-см тяжелых гаубиц (и 10,4-см тяжелых пушек) были приданы в качестве артиллерийских средств усиления корпусам. Автомобильный транспорт для более чем $1^1/_2$ млн. мобилизованной австро-венгерской армии насчитывал до 6 000 машин, т. е. почти в 6 раз больше, чем у численно более сильной царской армии, имевшей только около 1 000 легковых и грузовых машин.

Как видим, сложный конгломерат оперативных групп и группок в не менее сложном организационно-численном развертывании спокойно уживался a priori с бурно наступательным планом войны.

Слабость обучения и общей боевой подготовки армии, исключительная пестрота национального состава, непрерывные политико-экономические конфликты между Австрией и Венгрией, борьба многочисленного чиновничества [1] с регулярной армией и т. д. — все это мало тревожило творцов австро-венгерского плана войны, которые мечтали сразу иметь успех и на русском и на сербском фронте, ведя активные операции одновременно на обоих фронтах. Этот план с одновременным ударом на север, восток и юг требовал несколько иной армии, чем австро-венгерская, и несколько иной материально-технической базы, чем это было в Австро-Венгрии. В противном случае такое развертывание сил приводило к веерообразному кордону на всех направлениях; для того чтобы наступать, надо иметь превосходство в силах, этого же превосходства одновременно по отношению России и Сербии Австро-Венгрия не имела.

[1] «На содержание колоссального чиновничьего аппарата тратятся громадные суммы; достаточно указать, что численность чиновников в обеих половинах монархии достигает 536 000, превосходя, таким образом, армию мирного времени — 415 300 человек; обе половины монархии с большей охотой шли на развитие ландверов, нежели общеимперской армии, видя в ней оплот режима Габсбургов» (Б. Шапошников, Мозг армии, т. I, стр. 226).

Рассчитывать же на медленность мобилизации и запаздывание России с развертыванием вследствие огромных пространств и слабой сети железных дорог к 1912—1914 гг. было крайне неблагоразумно, так как все данные говорили о том, что в этом деле в последующие годы после позорного разгрома в Манчжурии царская Россия сделала ряд значительных шагов вперед.

В период до 1910 г. царская Россия фактически была небоеспособна. Это целиком подтверждает начальник оперативного управления русского генерального штаба Ю. Данилов, который пишет: «Я не могу охарактеризовать иначе период времени с 1905 по 1910 г. включительно, может быть даже и более продолжительный, как назвав его периодом полной военной беспомощности. В эти годы Россия была вполне бессильна оказать какое-либо противодействие натиску германцев на Балканах; равным образом она должна была бы проявить сверхчеловеческие усилия, если бы потребовалось оказание военной помощи ее союзнице — Франции» [1].

Но в последние 2—3 года перед августом 1914 г. боевая подготовка царской армии двинулась резко вперед, о чем предупреждал не раз Конрад германский генеральный штаб. Таким образом, все говорило за то, что надо было сосредоточить все силы против России, оставив активный заслон против Сербии, т. е. сделать то же, что Германия по отношению к Франции и России.

Похищение австро-германского плана развертывания. Случилось так, что план войны Австро-Венгрии хранился не только в стальных шкафах австро-венгерского генерального штаба, но вскоре перекочевал в сейфы русского генерального штаба. Имея в виду, что ряд исследователей по мировой войне и ее подготовке или обходят этот факт, говоря, что были «кое-какие документы», или же совершенно не касаются этого важного момента, имевшего в августе 1914 г. весьма серьезные последствия именно для тех, кто купил этот план стратегического развертывания австро-венгерских армий,—мы считаем необходимым остановиться на этом вопросе. Все исследователи австро-венгерского плана войны изменения в плане развертывания к августу 1914 г. (а именно отнесение линии развертывания на запад от границы) объясняют тем, что австрийцы не сумели так организовать сосредоточение, чтобы оно обеспечивало план стратегического развертывания в районах непосредственной близости к государственной границе. Кроме того, упомянутые исследователи видят отступление от этого плана в факте переброски целой 2-й армии вместо Галиции на сербский фронт. Фактически же обстановка складывалась следующим образом.

В 1912 г. австро-венгерского генерального штаба австрийский полковник Редль [2], войдя в сеть агентурной разведки русского генерального штаба, продал последнему за 50 000 крон план страте-

[1] Данилов, Россия в мировой войне 1914—1918 гг.

[2] Полковник Редль сперва занимал должность начальника разведывательного отдела австро-венгерского генерального штаба, затем был назначен начальником штаба корпуса в Праге.

гического развертывания австро-венгерской армии. Это случилось как раз в тот период времени, когда Конрад находился в годовой отставке.

Стратегическое развертывание австро-венгерских армий, проданное Редлем русскому генеральному штабу, видно из схемы 15.

Мы здесь не будем описывать все подробности этого дела; интересующихся этим мы отсылаем к книге Эгона Киша — «Падение полковника австрийского генерального штаба Редля», но считаем необходимым указать, что эта продажа плана стратегического развертывания была вскоре обнаружена австро-венгерской контрразведкой. В 1913 г. полковник Редль, перейдя на новую службу, работал в Праге на должности начальника штаба армейского корпуса. В одну из почтовых контор на его имя поступали значительные денежные суммы. Это обстоятельство оказалось роковым для полковника Редля, который еще до того был взят под подозрение. Он был арестован и вскоре сознался в своем шпионаже в пользу России. Полковнику Редлю предложено было застрелиться, что он и сделал.

Ясно, что все это заставило Конрада и его сотрудников внести ряд изменений в план стратегического развертывания. Шума с историей полковника Редля было приказано не создавать, с тем чтобы окончательно спутать карты русского генерального штаба, чтобы заставить последний верить в незыблемость старого плана стратегического развертывания австро-венгерских армий. Это было сделано по совету германского генерального штаба, начальник которого Мольтке-младший писал Конраду: «Мои думы часто направлялись к вам, и я остро почувствовал всю тяжесть того несчастного случая, который произошел у вас». Совет и сочувствие были приняты к сведению и исполнению, и дело было замято в надежде как можно лучше наказать покупателей плана стратегического развертывания австро-венгерских вооруженных сил. Так оно и было. Русский генеральный штаб хранил купленный у полковника Редля план как зеницу ока, как верный путь к победе над Австро-Венгрией и вплоть до конца августа 1914 г. продолжал твердо верить, что с будущим его юго-западным фронтом дело обстоит не так уж плохо, так как он обладает действительным планом стратегического развертывания австро-венгерской армии. Но действительность зло посмеялась над этой беспримерной и схоластической предвзятостью работников русского генерального штаба, полагавших, что план стратегического развертывания (не в пример самому русскому генеральному штабу, у которого каждый год коренным образом переделывался план), будучи в Австро-Венгрии раз составлен, уже изменен быть не может. В 1913 г. Конрад составил новый вариант и отнес полосу стратегического развертывания от государственной границы на 100—200 км к западу, перегруппировав и удлинив левый фланг своего стратегического фронта. Таким образом, беспримерная по своей наивности уверенность русского генерального штаба в том, что царской армии, знающей план Конрада, удастся вести операции против Австро-Венгрии с открытыми картами, с треском провалилась. В августе 1914 г., как и на оперативно-стра-

тегической игре в апреле 1914 г. в Киеве, царские армии юго-западного фронта двигались в пограничной полосе буквально сломя голову, без тылов, которые еще только подходили, и ударили со всего размаха по пустому месту, вызвав у начальника оперативного управления царской ставки ген. Данилова следующее горькое признание.

«Однако, к этому времени (23 августа 1914 г.) выяснилось, что наши сведения мирного времени, касавшиеся формы стратегического плана австро-венгерских армий, оказались неточными и что развертывание австрийцев в действительности произошло значительно западнее, чем мы ожидали»[1].

---

[1] Данилов, Россия в мировой войне 1914—1918 гг.

Мы считаем небесполезным привести еще один факт не менее курьезного положения, в котором оказались работники царского генерального штаба, когда за значительные деньги они приобрели не настоящий план развертывания, как это было с полк. Редлем, а фальшивку, умышленно сфабрикованную для них разведывательными органами германского генерального штаба. Эту фальшивку, с тем чтобы ей поверили, лично подписали Вильгельм II и его начальник генерального штаба Мольтке-младший. Документ назывался «Записка о распределении германских вооруженных сил в случае войны № 269 1908 г.»; по сличении подписей в русском министерстве иностранных дел оказалось, что они оригинальны, но вот стиль этого документа очень многим показался странным и не похожим на стиль, которым пишутся официальные государственные документы. Вводная часть этого документа была написана в высоких тонах с агитационным содержанием. Но целый ряд фактических данных заставил поверить работников русского генерального штаба в серьезность этой «записки». Особенно «душой болел» за это дело небезызвестный ген. Борисов (тогда 2-й обер-генерал-квартирмейстер генштаба). Он писал ген. Палицыну: «документ очень интересен для нас. За подлинность его, по моему мнению, можно ручаться. Составлен он очень серьезно и с истинным воинским взглядом и воодушевлением, к сожалению, не принятым в наших сухих, формальных, официальных распоряжениях». Этот план развертывания представлял все действительное шиворот-навыворот. По этому плану против России Германия направляла вместо одной целых три армии (Одерскую, Виленскую и Мемельскую). Против Франции четыре армии вместо семи (с 1-й по 7-ю) по действительному плану, причем все эти четыре армии (Рейнская, Мозельская, Саарская, Рурская) равномерно распределялись на фронте Мюльгаузен, Аахен. Рейнская армия занимала район Мюльгаузен, Страсбург; Мозельская армия — Саарбург, Мец, Диденгофен; Саарская армия — Мерциг, С.-Вит (исключительно) и, наконец, Рурская армия — С.-Вит, Аахен, Берггейм. Главная квартира с началом войны показана не в Кобленце, а в Страсбурге, как бы желая намекнуть, что главный удар будет левым флангом стратегического фронта. Но особенно германский генеральный штаб стремился спутать карты русскому генеральному штабу, а отсюда и французскому (так как германцы были уверены, что русские после соответствующих проверок покажут этот план своим союзникам французам), в отношении цифрового материала. Он дал в записке почти правильную общую цифру сил, выставляемых Германией против России и Франции. Подлинные подписи этого документа, а также эти цифры окончательно перепутали карты и русским и французам. Согласно ложному плану на правом фланге развертываются две армии (43%), в действительности было четыре (57%). На французской границе по ложному плану развертывали две армии (53%), фактически было три (43%). При этом общая численность развертываемых Германией по ложному плану войск была увеличена на 285 000. Таким образом, «Записка» хотела убедить и русский и французский генеральные штабы, что германская армия главное свое наступление поведет к французской границе,

Царская армия уже в августе, надо думать, потерпела бы сильное поражение на своем юго-западном фронте, если бы на помощь ей не пришли тяжелые ошибки в стратегическом развертывании, допущенные Конрадом со 2-й армией благодаря излишней поспешности в принятии нового решения. При наличии нескольких лишних дивизий на левом фланге у австрийцев мог бы завершиться разгром частей 4-й и 5-й русских армий, но эти австрийские дивизии, войдя во 2-ю армию, направленную на Сербию, бесцельно катались по стране с севера на юг и затем с юга на северо-восток. Стратегическое развертывание австро-венгерской армии происходило в довольно хаотическом виде. Немалую роль здесь сыграло то обстоятельство, что две армии, входившие в одну военно-политическую коалицию, все же действовали на самостоятельных началах в оперативно-стратегическом отношении, имея вместо единого общего командования лишь договоренность по вопросам общего политико-стратегического характера. В настоящее время этот опыт и эти недостатки в организации командования и управления особенно тщательно учитываются современными генеральными штабами буржуазных армий.

В своих воспоминаниях бывший премьер-министр Австро-Венгрии граф Чернин пишет: «Огонь выстрелов в Сараеве, точно молния в темную ночь, на мгновение осветил грядущий путь. Стало ясно, что дан сигнал к распадению монархии». Конечно, трудно поверить, что именно так «ясно» думал в те дни граф Чернин: правильнее сказать, что эту потерю веры в победу Германии, а отсюда и Австро-Венгрии, как ее союзницы, он приписал себе, находясь в состоянии того безвыходного пессимизма, в который он впал уже после войны. Но вот эти выстрелы Принципа не только внесли замешательство в политику графа Чернина, но они перевернули вверх дном план стратегического развертывания, составленный начальником австро-венгерского генерального штаба Конрадом. Конрад потерял сразу же волю полководца, он мгновенно забыл все встречи и беседы со своим коллегой — начальником германского генерального штаба Мольтке-младшим. Выстрелы Принципа разрушили твердый стратегический путь Конрада в вопросе развертывания австро-венгерских вооруженных сил.

Конрад мгновенно забыл, что главный его противник — Россия, он забыл указания Мольтке-младшего, что лишь после разгрома Франции австро-венгерская армия может ожидать помощи войскам от Германии, он забыл слова Мольтке о разгроме России и об основных направлениях главного удара. Конрад приказал начать выполнение сосредоточения по плану «Б» (война против Сербии—Черногории), т. е. развертывание основных австро-венгерских сил на Балканах.

а в случае если нейтралитет Бельгии будет нарушен Англией или Францией, то она двинет свои силы и через Бельгию. Мы не имеем данных для того, чтобы твердо сказать, что эта «Записка» значительно повлияла на планы развертывания французского и русского генерального штабов, но что она удачно внесла некоторую долю тревоги и путаницы в их повседневную работу — это несомненно. Кроме того, эти два случая (шпионаж полковника Редля и данная «Записка») в полной мере говорят о крайне примитивной организации разведывательной службы в русском генеральном штабе.

Конрад в своих воспоминаниях пишет, что свою ошибку он резко почувствовал уже к 1 августа, когда узнал о начале всеобщей мобилизации в России. Австро-венгерский начальник генерального штаба заметался.

«...Возникли крупные технические затруднения, так как эшелоны в данное время бегут уже на юг (т. е. к границам Сербии.—*Вл. М.*), два дня раньше это еще можно было исправить» [1], — замечает с горькой досадой Конрад. Железнодорожный подвижной состав необходимо было перераспределить, проблема транспорта стала безжалостно предъявлять свои твердые условия проблеме стратегической. Только 4 августа мог быть объявлен 1-й день мобилизации против России.

Переброска по варианту «Б» началась вечером 29 августа; эшелоны с четырьмя корпусами покатились на юг, к сербской границе. Об этом II том рейхсархива пишет следующее:

«Конрад решил задержать хотя бы катящийся по железной дороге «эшелон Б» и перебросить его до начала остальных перевозок в Галицию. Дело дошло до крупного разговора с начальником военных сообщений, который твердо заявил, что такая попытка приведет к полному хаосу. Не оставалось ничего другого, как дать планомерно завершиться уже начатым железнодорожным перевозкам, за исключением немногих соединений, которые еще не успели погрузиться. «Эшелон Б» должен был сначала перевозиться к сербской границе, откуда он мог, примерно с 18 августа, вновь катиться на север, став в хвост производящимся уже перевозкам войск в Галицию».

Такое оперативно-стратегическое мотание войск из стороны в сторону не говорит о наличии твердой линии в стратегическом руководстве.

Глава XIV

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ РУССКИХ И АВСТРО-ГЕРМАНСКИХ АРМИЙ В АВГУСТЕ 1914 г. [2]

Стратегическое сосредоточение армий к государственной границе и развертывание их в заранее намеченной планом войны приграничной полосе и районах, как говорит опыт войны, есть самый ответственный период в работе высшего командования и его генерального штаба. Эти дни являются лучшей проверкой той подготовки вооруженных сил к войне, которую проделал и осуществил в период мирного времени командный состав всех степеней и рангов.

Это есть первый решительный шаг, после которого армии противников вступают в огневое кровавое соревнование большого пограничного сражения.

---

[1] Конрад. Из моей жизни, т. IV, стр. 192.
[2] Схема 16.

Вот почему стратегическое сосредоточение, развертывание и пограничное сражение являются теми кардинальными проблемами современного стратегического и оперативного искусства, которые накладывали свой отпечаток на весь ход войны в период 1866, 1870, 1877, 1904—1905, 1912 гг.

К началу мировой империалистической войны 1914—1918 гг. все эти войны оставили богатейший поучительный материал, и тот генеральный штаб, который внимательно и вдумчиво его проработал, оказывался в неизмеримо более выгодных условиях.

В 1918 г., когда железнодорожный и автомобильный транспорт, развившись до огромных размеров, мог перебрасывать в одни сутки с одного оперативного направления на другое сразу десятки дивизий, естественно несостоятельной, нежизненной оказывалась известная формула Мольтке-старшего, выведенная им из опыта войн 1864, 1866 и 1870 гг., что «одна ошибка, сделанная при первоначальном сосредоточении, едва ли может быть исправлена в течение всей кампании»[1].

Но в августе 1914 г. эта формула еще в определенной степени оставалась верной, так как развитие технических средств еще не давало в руки командованию возможность посредством маневра из глубины свободно исправить проблему стратегическую проблемой транспортной.

Еще за много лет до войны 1914—1918 гг. ответственные представители генеральных штабов имели полную возможность знакомиться с целым рядом мыслей Мольтке-старшего по вопросам составления оперативного плана войны. Все свои стратегические и оперативные поучения Мольтке-старший строил и высказывал в печати и устно на основе тщательного изучения опыта войны и той конкретной обстановки, в которой он жил. Мольтке писал:

«Нельзя приступать к стратегическому развертыванию армии — подготовлять средства для ведения войны, — не выяснив себе предварительно плана операции, хотя бы в самых общих чертах. Прежде всего необходимо обдумать, что оборонять, что атаковать, ибо первоначальное стратегическое развертывание армии нераздельно связано с самими операциями. При этом принимаются во внимание многосторонние географические и политические соображения. Крепости, выгодные участки местности, железнодорожные сообщения, средства, находящиеся в распоряжении, время для сосредоточения войск — все эти величины даны, но в это вычисление с некоторой долей вероятности вводится политика в качестве изменяемого множителя[2], чрезвычайно важного для окончательного результата и поэтому не поддающегося устранению.

Если соображения, принятые за основание, оказываются неверными, то вся работа пропала: «одна ошибка, сделанная при пер-

---

[1] Мольтке, Военные поучения, стр. 77.

[2] Ограничение влияния политики на ход военных операций проходит через все теоретические и исторические работы Мольтке-старшего, который, как мы уже говорили выше, никогда не желал считать, что война есть насквозь политика и что последняя пронизывает собой все дело войны.—*Вл. М.*

воначальном сосредоточении, едва ли может быть исправлена в течение всей кампании. Но все эти соображения могут быть сделаны задолго до войны и основанные на них распоряжения — при правильно организованной мобилизации и перевозке войск — должны привести к желательному результату» [1].

Но будет совершенно неверно считать, что Мольтке-старший выдвигает мысль создания такого совершенного, всеобъемлющего, на долгие времена действующего плана войны, который от мобилизации и стратегического сосредоточения через развертывание вооруженных сил и пограничное сражение вел бы дальше к детальному указанию путей для полного разгрома неприятельской армии и выигрышу войны.

Создание такого плана войны до войны — дело немыслимое и совершенно метафизическое.

Подчеркивая необходимость наличия плана и строгого планирования процесса стратегического развертывания с ударением на то, что нельзя допустить даже одной ошибки в этом сложном и большом деле, Мольтке великолепно понимал военно-техническую сущность вопроса. Он по опыту проведенных им же операций с успешным окончанием трех войн (1864, 1866, 1870 гг.) видел, что такого совершенного и на все случаи и времена подходящего плана войны создать нельзя. В своих военных поучениях он писал:

«Только профан может думать, что весь поход ведется по предначертанному плану, без отступления и что этот первоначальный план может быть выдержан до конца во всех его подробностях».

В каждом этом слове прежде всего чувствуется человек большого опыта, который лично сам в действительной жизни, на практике видел, что ни плана войны, ни плана операции нельзя создать настолько совершенно и заблаговременно обдуманно, чтобы в процессе его осуществления лишь спокойно сидеть и ждать, когда он придет к своему последнему этапу. История таких полководцев знает не мало. И Мак под Ульмом, и Вейройтер под Аустерлицем, и Куропаткин в Манчжурии, и Жилинский — Ренненкампф в Восточной Пруссии, и Жоффр в августе 1914 г., и Колчак в походе к Волге, и Деникин в походе на Москву, и Пилсудский в походе к Киеву, и многие другие действовали именно так, как не советовал умудренный опытом Мольтке-старший, видевший на примере своих противников, к чему приводит предвзятость на войне.

Можно составить самые смелые и могущественные по своему оперативно-стратегическому замыслу планы, можно развить невероятно быстрые темпы в подготовке к войне, но необходимо постоянно иметь в виду, что если уровень подготовки к войне во всех отношениях стоит ниже уровня твоих вероятных противников, то необходимо в первую очередь догонять врагов, ликвидировать отсталость и перегнать их в отношении общего уровня состояния вооруженных сил. Начальник оперативного управления (генерал-квартирмейстер) русского генерального штаба Данилов писал, что царская армия в период времени с 1905

[1] Мольтке, Военные поучения, стр. 77.

по 1910 гг. представляла собой полную военную беспомощность, она была бессильной по сравнению с Германией. Как мы видели выше, уровень подготовки германской армии был неизмеримо выше русской, австро-венгерской и французской армий. А поэтому если Сухомлинов высокомерно и хвастливо заявляет в своих «Воспоминаниях», что в период с 1912 по 1914 г. он развил огромные темпы, с тем чтобы добиться создания такой русской армии, которая стала бы равносильна германской, то это было хвастовство. Ибо, если германская армия и добилась высокого уровня в подготовке своих вооруженных сил, то она достигла этого напряженной работой не в период с 1912 по 1914 г., а в период с 1866 по 1914 г., вырастив и выработав за это время целый ряд квалифицированных операторов, тактиков и техников для своей армии. Всего этого Германия добилась на базе высокого технико-экономического уровня своей страны, т. е. на той основе, которая у царской России по сравнению с Англией, Германией, Францией была слабой и отсталой.

«...Эта отсталость (т. е. технико-экономическая.— *Вл. М.*) есть вековая отсталость, переданная нам в наследство всей историей нашей страны. Она, эта отсталость, чувствовалась как зло и раньше, в период дореволюционный (разрядка наша.— *Вл. М.*), и после, в период пореволюционный...» [1]. Ведь благодаря именно этой общей технико-экономической отсталости царская Россия и ее армия вышли на войну с примитивной военной промышленностью, с малыми запасами вооружения, с неспособностью быстро перестроиться в технико-боевом отношении с мирных на военные рельсы.

Можно гладко и своевременно провести сосредоточение и развертывание вооруженных сил, но если этим силам нечем будет стрелять и подавлять огневое—техническое сопротивление противника в пограничном сражении, то развернувшиеся части окажутся в ловушке у врага. Что получилось с царской армией? Когда ее железнодорожные эшелоны тронулись в районы стратегического сосредоточения и развертывания, оказалось, что ни винтовками, ни пулеметами, ни орудиями, ни достаточным для современного боя количеством огнеприпасов царская армия не была обеспечена.

А если к этому прибавить поспешность сосредоточения и развертывания корпусов и дивизий с их тылами, которые остались где-то позади, то картина будет полной [2]. Поэтому, прежде чем приступить к анализу фактического развертывания, мы не можем не рас-

---

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 359.

[2] К началу Крымской кампании царская армия считалась самой отставшей армией в Европе. В этой кампании у противника были уже нарезные ружья-штуцера, дававшие при общей дальности 1 200 м хороший меткий огонь с 800 м. Царская армия была на 95% вооружена гладкоствольным ружьем, которое могло дать меткий огонь с 300 м. Таким образом, еще до подхода к неприятелю царские войска несли огромные потери. Русско-японская война полна эпизодами, когда недостаток пулеметов и горной артиллерии, помимо бездарного оперативно-тактического руководства войсками, ставил последние часто просто в безвыходное положение. Первый период мировой войны наполнен одним общим лейтмотивом, несущимся с фронта: «Нет винтовок, пулеметов, снаря-

смотреть состояния вооружения царской армии к началу войны. Не будучи в августе 1914 г. снабженной достаточным количеством винтовок, царская армия, по данным А. Маниковского и Е. Барсукова [1], в отношении винтовок уже к августу 1915 г. была просто в катастрофическом положении.

Для того чтобы понять причину крайнего недостатка винтовок в 1914—1915 гг., когда получилось так, что полки имели к осени 1915 г. всего лишь 25% положенного им по штату оружия, необходимо помнить следующие факты в вопросе снабжения винтовками. Ко 2 августа 1914 г. в войсках и в запасах было 4 652 000 винтовок и 424 000 штук револьверов. С окончанием мобилизации в августе 1914 г. состав действующей армии был около 5 млн. человек, на вооружение которых и пошло это оружие. После окончания мобилизации были новые наборы по призывам, давшие в течение первого же года войны около 5,5 млн. человек. Для пополнения потерь этого оружия, считая 200 000 ежемесячно, в течение трех лет войны требовалось около 7,2 млн. винтовок. Мобилизационное задание 1910 г. перед войной требовало наличия к началу войны в войсках и запасах 4 600 000 винтовок. Отсюда ошибка, сделанная генеральным штабом в определении скоротечности войны (максимум 4—6 месяцев), не могла не повлечь за собой ряд ошибок и в мобилизационных расчетах, ибо запасы винтовок и револьверов надо было иметь неизмеримо бо́льшие, чем то оказалось в первый год войны. Оружейные заводы в первый год войны дали 480 000 новых винтовок, 230 000 капитально отремонтированных, т. е. всего лишь 710 000 винтовок, что ни в какой степени не восполняло потребности боевого фронта.

Доставка из-за границы при отдаленности союзных государств и закрытии портов Черного и Балтийского морей была для первого года войны весьма затруднительной, но затем царская армия получила 1 800 000 винтовок из Франции, Италии, Англии, Японии и 650 000 винтовок было в 1917 г. получено из Америки. Это внесло большое разнообразие в образцы винтовок, которых в русской армии оказалось целых десять (два русских: 3-лин. и Бердана; шесть союзных: Арисака, Винчестера, Веттерли, Лебеля, Гра и Гра-Кропачека; два германских и австрийских, поступавших из трофейного имущества). Но, несмотря на все эти подачки из-за границы, при крайне слабо развитой отечественной промышленности, царская армия терпела почти все время винтовочный голод, так как потери этого оружия были огромные; например, за 2½ года войны (1914—1916 гг.) потери в винтовках выразились в цифре около 7 млн. штук.

Эта колоссальная цифра получилась в результате следующих подсчетов.

В августе 1914 г. было 4 620 000 винтовок.

дов». Это обстоятельство не могло не создать обстановки для полного истребления обученного кадрового состава царской армии, каковое получилось к концу 1915 г.

[1] «Боевое снабжение русской армии в мировую войну», т. I, стр. 119—168.

К январю 1917 г. поступило (из-за границы, со своих заводов и взято как трофеи) около 5 000 000 винтовок.

Итого — 9 620 000 винтовок.

По сведениям же ставки (Упарта) к 1 января 1917 г. в царской армии было 2 715 000 винтовок. Таким образом, к этому времени убыло около 6 905 000 винтовок.

С пулеметами обстояло еще хуже, так как царская промышленность перед войной давала лишь 48 пулеметов в месяц (326 пулеметов в 7 месяцев), а ежемесячная полуголодная потребность в первый год войны оказалась в 2 100 пулеметов.

Что касается автоматических винтовок и ружей-пулеметов, то этот вопрос просто до войны никого не интересовал и никто не считал нужным, чтобы армия была вооружена этим оружием. В 1914—1915 гг. многомиллионная царская армия имела всего лишь 5 308 пулеметов, что было явно недостаточно. Мобилизационные предположения ГУГШ до мировой войны считали цифру в 5 000 вполне достаточной, в действительности же война потребовала около 76 000, т. е. в 15 раз больше. Убыль пулеметов была огромной и исчислялась за 2½ года войны в 15 000 пулеметов.

Царская армия в отношении артиллерии перед войной не имела особых успехов, ни качественных, ни количественных. Она вышла на войну, имея четыре основных калибра орудий:

пушек:

3-дм (76-мм) с наибольшей дальностью гранатой 8 км, шрапнелью 5,2—8 км;

42-лин. (107-мм) обр. 1910 г. с наибольшей дальностью бомбой 11 км, шрапнелью 10 км;

гаубиц:

48-лин. (122-мм) легких гаубиц 1909—1910 гг. с наибольшей дальностью бомбой 7,2 км, шрапнелью 7,2 км;

6-дм (152-мм) обр. 1912 г. (Шнейдер) с наибольшей дальностью бомбой 11,6 км, шрапнелью 10,5 км;

шесть разных систем орудий: полевая 3-дм. пушка обр. 1902 г., горная 3-дм. пушка обр. 1909 г., полевая тяжелая 42-лин. пушка обр. 1910 г., полевая 48-лин. гаубица обр. 1909 и 1910 гг., полевая тяжелая 6-дм. гаубица обр. 1910 г.

Война внесла еще большее разнообразие в вооружение артиллерии полевых армий, появились новые заграничные марки с включением захваченных в плен у армий Четверного союза, а все это внесло самые разнообразные и многочисленные калибры и системы орудий.

В августе 1914 г. царская армия была недостаточно обеспечена полевой артиллерией по сравнению с артиллерией Германии. В то время как Германия располагала 1 432 батареями при 8 392 орудиях, царская Россия имела только 959 батарей при 7 088 орудиях, т. е. меньше на 473 батареи и 1 304 орудия; во время войны в германской и австро-венгерской армиях шли усиленные новые формирования артиллерийских частей. Уже к маю 1915 г. в австро-венгерской армии было вновь сформировано 173 батареи

с 970 орудиями; общая численность артиллерии с этими формированиями (которые были рассчитаны при составлении боевого расписания на 1914 г.) в австро-венгерской армии составляла: 958 батарей при 5 058 орудиях. Если мы сопоставим число батарей и орудий, которое приходилось в 1914 г. на пехотную дивизию (при 2-дивизионном корпусе) в царской армии и армиях ее противников на западе, то получим следующее соотношение:

царская армия — 1 артиллерийская бригада — 6 легких батарей, 48 орудий, 1 мортирная батарея, 6 легких гаубиц — $\frac{7 \text{ батарей}}{54 \text{ орудия}}$;

германская армия — 1 артиллерийская бригада — 12 легких батарей (из них 1½ легких гаубичных батареи), 72 орудия, 2 полевых тяжелых гаубичных батареи, 8 орудий — $\frac{14 \text{ батарей}}{80 \text{ орудий}}$;

австро-венгерская — 6 пушечных батарей, 36 орудий, 2 гаубичных батареи, 12 орудий, 1 батарея из 4 тяжелых гаубиц и ½ горной батареи при 2 орудиях — $\frac{9^1/_2 \text{ батарей}}{54 \text{ орудия}}$.

Как видим, разница заключалась в том, что германская пехотная дивизия превосходила царскую на 26 орудий [1], а в австро-венгерской дивизии были тяжелые гаубицы, которых не было в царской пехотной дивизии; кроме того, большое количество батарей при одинаковом количестве орудий при хорошем применении артиллерии в бою усиливало огневую мощь австро-венгерской артиллерии. Отсутствие в царской дивизии полевой тяжелой артиллерии, в то время как в германской было 8 тяжелых гаубиц, а в австро-венгерской — 4, ставило царскую пехотную дивизию в невыгодные условия в бою. Если же мы возьмем число батарей и орудий в августе 1914 г. у обоих союзников, которые могли оказывать помощь друг другу, то получим:

Франция и Россия — 2 034 батареи при 11 388 орудиях;

Германия и Австро-Венгрия — 2 498 батарей при 13 476 орудиях [2]. Как видим, налицо разница в пользу Германии и Австро-Венгрии.

Кроме того, германская орудийная промышленность по своей гибкости и мощности была в Европе наиболее сильной, поэтому мы видим, что Германия, приступив к новым формированиям артиллерийских частей, уже в 1915 г. поставила себя в отношении количества и качества артиллерии в лучшие условия, чем то было

---

[1] Накануне войны ГУГШ была разработана большая программа усиления армии вооружением; согласно этой программе к 1 апреля 1917 г. пехотная дивизия царской армии должна была иметь одну артиллерийскую бригаду в составе 9 батарей полевых легких по 6 орудий в батарее (54 пушки), 2 мортирных батареи по 6 орудий в батарее (12 легких гаубиц) и 1½ батареи полевой тяжелой артиллерии при 6 орудиях, всего 12½ батарей при 72 орудиях. Эта реорганизация главным образом основывалась на желании сравняться с артсредствами германской пехотной дивизии, которая с 1909 г. уже перевооружилась. Но, как видим, и к апрелю 1917 г. пехотная дивизия царской армии имела бы на 8 орудий меньше, чем германская дивизия.

[2] Е. Барсуков, Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении, стр. 114—115.

у Англии, Франции и России, к тому же всемерно помогая своим союзникам — Австро-Венгрии и затем Турции и Болгарии.

Итак, в той или иной мере все генеральные штабы европейских армий не предвидели «огромного масштаба технического характера и значительной длительности войны» и «глубоко ошибочно» считали, что «большую современную войну можно вести только на запасы мирного времени» (Е. Барсуков).

Но надо иметь в виду, что Германия быстро исправила эту ошибку главным образом благодаря мощности своей артиллерийской промышленности и наличию огромного количества механических и металлургических заводов, которые еще до 1914 г. снабжали орудиями войны весь мир. В царской России таких заводов почти совсем не было, а Франция в их количестве сильно уступала Германии.

Из всех воевавших государств Германия к августу 1914 г. имела самую лучшую и мощную военную промышленность с огромным готовым кадром инженеров, техников, мастеров и рабочих, которые, работая целый ряд лет на военных заводах и фабриках, высоко специализировались на военно-промышленной работе.

Плохо учтенный и продуманный опыт русско-японской войны 1904—1905 гг. имел свои вредные последствия в том отношении, что русский генеральный штаб замерз на ошибках этой войны и очень мало учел те организационно-боевые изменения, которые произошли за десятилетний период после окончания последней войны.

Будет правильно сказать, что детальное изучение германским генеральным штабом опыта русско-японской войны 1904—1905 гг. принесло Германии и строительству ее вооруженных сил во всех отношениях неизмеримо больше пользы, чем царской России. Между прочим, в истории вооруженных сил царской России за период XVIII — начало XX столетия красной нитью проходит небрежное, вялое и примитивное отношение к анализу тех многочисленных войн, которые Россия вела за это время. Таким образом, мы и видим, что из каждой войны в другую закономерно переходят одни и те же ошибки, но с определенным отягчением вследствие продолжавшегося роста и развития технических средств борьбы, увеличившейся силы государственной обороны соседей и все большей трудности и сложности управления армиями на войне.

В отношении своего вооружения царская Россия, имевшая огромные ресурсы и армию, не сумела даже опередить австро-венгерскую «лоскутную» монархию и ее армию, которая, начиная с Максимилиана I и до конца империалистической войны, не имела фактически ни одной значительной победы.

При анализе оперативно-стратегической военной игры, происходившей в апреле 1914 г. в Киеве, мы говорили, что генералы Алексеев и Драгомиров совершенно резонно указывали, что расчет норм огнеприпасов, основанный на опыте русско-японской войны, к 1914 г. бесконечно устарел, что современный длительный, слож-

ный бой автоматического оружия требует огромного расхода огнеприпасов и что без достаточного количества огнеприпасов в войсках никакие, даже самые талантливые, планы осуществлены быть не могут.

Но маниловское отношение к ошибкам своего прошлого являлось наиболее характерной чертой в работе русского генерального штаба. В силу этого обстоятельства царская армия вышла на войну с большим некомплектом снарядов и совершенно без должного учета расхода ружейно-пулеметных патронов в современном бою.

Если бы на апрельской военной игре кто-либо попытался заявить руководству игрой (Сухомлинов, Янушкевич, Ю. Данилов), что в предстоящей войне только за два года войны царская армия может израсходовать 5 млрд. патронов, то эти расчеты могли бы очень резко сказаться на военной карьере данного «провидца». А ведь в действительности так и случилось. К началу войны царская армия в войсках, запасах и из поступлений от отечественных заводов имела около 3 млрд. патронов; к 1917 г. с дальнейшим поступлением с заводов и из-за границы эта цифра увеличилась до 6 483 млн. ружейных и пулеметных патронов, а если мы учтем, что к 1 января 1917 г. количество патронов исчислялось в царской армии в 1 136 млн., то и получится, что за период 1914—1916 гг. было израсходовано 5 млрд. патронов.

Царская армия вышла на войну в 1914 г. с некомплектом в 300 млн. ружейно-пулеметных патронов от общей, совершенно недостаточной для современной многомиллионной армии нормы — 2 746 млн., которую установило мобилизационное задание 1907—1908 гг., т. е. имея всего лишь в войсках и запасах 2 446 млн. патронов. Такой просчет был вполне естественным для русского генерального штаба, так как последний совершенно не учитывал масштаба предстоящей войны. Достаточно указать, что норму в 550 млн. патронов в год ГУГШ считал предельной, а когда живая действительность современной войны потребовала от заводов 300 млн. патронов ежемесячно, то заводы с этой работой, ясно, справиться не могли. Поэтому 1915 г. был годом, когда войска забрасывали командование постоянными жалобами на недостаток патронов, особенно для пулеметов.

Со снарядами дело обстояло еще сложнее. Царская армия фактически вышла на мировую войну с нормами расхода снарядов по опыту русско-японской войны [1]. Поэтому 1914—1915 гг., т. е. весь

[1] В этой войне было израсходовано по 720 снарядов на орудие; наибольший расход был в боях под Ляояном — 190 снарядов и Мукденом — 390 снарядов. По имевшимся в русском генеральном штабе сведениям, главнейшие западно-европейские армии не имели большого запаса артиллерийских патронов. Ввиду этого было решено для будущей мировой войны увеличить нормы русско-японской войны вдвое. И действительно, во всех крупных армиях запаса выстрелов на орудие в среднем хватило лишь на два первых месяца войны; но разница между царской и западно-европейской промышленностью была огромная, поэтому царская армия, выйдя на войну с 1 000 выстрелами на полевое орудие, вскоре осталась без снарядов; французская и германская армии, выйдя на войну соответственно с 1 000 и 1 200 выстрелами, благодаря своей высоко развитой индустрии, вскоре восполнили прорывы, которые образовались вследствие неучета огромной прожорливости современного боя.

маневренный период мировой войны, на восточно-европейском театре военных действий явился периодом катастрофического положения в отношении снабжения артиллерийскими снарядами. Случилось так, что в месяц-полтора войны расход снарядов пожрал норму запаса, заготовленную для ведения всей войны, причем совершенно катастрофическим оказался вопрос со снарядами для тяжелой артиллерии, которая только перед войной вводилась на вооружение.

Полный неучет размаха предстоящей мировой войны, главным образом благодаря примитивному анализу развития современных технических средств истребления, привел к тому, что кризисное положение со снарядами обнаружилось с первых же недель войны.

Необходимо к тому же постоянно иметь в виду, что крайне неудовлетворительное, а подчас и просто хаотическое осуществление процесса стратегического сосредоточения и развертывания царских армий не могло не отягчать еще более вопрос с огнеприпасами, без достаточного количества которых современный бой совершенно немыслим.

«Едва начались боевые действия, — пишут А. Маниковский и Е. Барсуков, — как с обоих фронтов и из ставки верховного главнокомандующего буквально градом посыпались на ГАУ требования, одно другого настойчивее и тревожнее, на снаряды и патроны».

На военной игре в апреле 1914 г. Сухомлинов, Янушкевич, Данилов просто отмахнулись от рассмотрения выдвинутого участниками игры предложения о пересмотре норм снабжения огнеприпасами. За эту близорукость боевая действительность жестоко отплатила, и тот, кто в апреле 1914 г. считал этот вопрос, а тем более вопрос переоценки уже установленных норм запаса патронов-снарядов, не заслуживающим большого внимания, тот в августе — сентябре 1914 г. в панике просил найти выход из создающегося положения. 28 августа 1914 г. Янушкевич писал военному министру Сухомлинову: «Расход патронов, особенно пушечных, чрезвычайно громадный, необходима экстренная подача юго-западному фронту местных легких винтовочных, мортирных, горных парков, не стесняясь номерами. Во избежание роковых последствий прошу решительного содействия. № 577».

На другой день Янушкевич, имевший уже перед собой груду телеграмм с фронтов, еще обширнее, высоким стилем писал Сухомлинову:

«Положение снабжения пушечными патронами положительно критическое. Вся тяжесть современных боев — на артиллерии. Она одна сметает смертоносные пулеметы противника и уничтожает его артиллерию. Пехота не нахвалится артиллерией, однако последняя достигает этого чрезмерным расходом патронов. Непрерывные пятидневные и более бои нарушают все теоретические расчеты. Питание юго-западного фронта уже идет за счет Северного и Одесского округов. Безотлагательная помощь необходима... № 652».

Наштаверху Янушкевичу вторили главкомюгозап Иванов и начальники снабжения фронтов. Первый писал: «Отпуская последние легкие полевые патроны местных парков, убедительно прошу выслать экстренно хотя бы 150 000 легких пушечных и 25 000 полевых гаубичных патронов, в противном случае придется остановить операции по недостатку боевых припасов артиллерии. № 1041».

10 августа 1914 г. начальник снабжения северо-западного фронта сообщал Сухомлинову:

«Крайне упорные бои 1-й армии потребовали огромного расхода 3-линейных патронов. Ген. Ренненкампф требует подачи 108 000 шрапнелей, 17 000 гранат и 56 млн. винтовочных патронов. Могу дать ему и даю последний запас: 2 000 гранат, 9 000 шрапнелей и 7 млн. винтовочных патронов... № 409. Данилов».

28 августа начальник снабжения юго-западного фронта писал военному министру:

«Бой напряженный идет по всему фронту — расход патронов чрезвычайный, резерв патронов совершенно истощается. Безотлагательное пополнение необходимо, положение критическое. Прошу экстренной высылки пушечных отправкой хотя бы и не целыми парками, а отдельными вагонами, направляя их в Брест — Здолбуново. Необходимо отправление их ускоренными поездами. № 272. Забелин».

Такое положение с огнеприпасами было на русском фронте уже в первый месяц мировой войны. Очевидно, агента германской разведки, ген. Сухомлинова, такое положение радовало. Плоды своей предательской работы он видел налицо. Внутренние производительные силы царской России были крайне низко и примитивно развиты по сравнению с Францией, Германией и Англией, и такое положение с огнеприпасами дорого оплачивалось русской армией на полях Восточной Пруссии, под Лодзью, в Галиции и на кавказском фронте.

На восточно-европейском фронте, так же как и на французском, еще до официального объявления войны шла самая интенсивная подготовка к боевым действиям.

Убийство австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда произошло 28 июня 1914 г. Фактически уже с этого момента все генеральные штабы главнейших европейских стран принялись за всестороннюю проверку оперативно-мобилизационного материала, составленного в долгие месяцы мирного времени. Эта проверка почти ежедневно подхлестывалась развертывавшимися политическими событиями, которые с каждым часом в Европе становились напряженней и катастрофичней. И будет весьма наивным думать, что политика и дипломатия империалистических стран стремилась к урегулированию возникающих каждый день новых конфликтов мирным путем; напротив, каждый их шаг, каждое их действие было направлено к еще большему обострению положения в Европе, с тем чтобы война стала неизбежной.

Это так же естественно, как естественно, что в эпоху империализма и пролетарских революций политика, дипломатия, экономика буржуазии — это та же война, но только другими средствами. В июле

1914 г. эти средства, дойдя до своего предела, трансформировались в пулеметный и артиллерийский огонь первых боевых столкновений давно во всех отношениях оформившихся враждебных политико-военных коалиций. В 1914 г. уже мало кто думал, что война произойдет лишь между Сербией и Австро-Венгрией, что история запишет ее как очередную балканскую войну и тем дело закончится до нового конфликта, который было бы выгодно приурочить к окончанию работ по осуществлению программ больших военных строительств (большая военная программа в России к 1917 г., то же самое в Германии к 1919 г. и пр.). Но едва ли выгодно ждать, когда сосед закончит программу своих вооружений, с тем чтобы посредством этих новых средств и сил нанести сокрушительный удар отстающему. Каждый генеральный штаб больших европейских государств считал себя в достаточной мере подготовленным, чтобы спокойно принять вызов, в то же время тщательно следя посредством агентурной разведки, как развивались события в июне и июле 1914 г. А события развивались с огромным напряжением. Во всех армиях, как мы уже говорили, шла проверка мобилизационной готовности, обучение молодых солдат по сокращенным программам, усиленные занятия с командным составом и пр.

25 июля была объявлена всеобщая мобилизация в Сербии, и в этот же день Конрадом было приказано начать частичную мобилизацию армии и флота Австро-Венгрии и приведение в боевую готовность пограничных войск против Сербии и Черногории.

26 июля, в связи с частичной мобилизацией Австро-Венгрии, начальник русского генерального штаба ген. Янушкевич объявил о начале подготовительного к войне периода. С этого же дня во всех военных округах начались еще более деятельные работы и приготовления к войне. К 27—28 июля войска из лагерей были собраны на зимних квартирах, усилена охрана железных дорог, мостов и важнейших государственных и оперативно-стратегических пунктов, было затребовано войсками все недостающее по табели.

28 июля Австро-Венгрия объявила мобилизацию (1-й день) и в тот же день — войну Сербии.

29 июля была объявлена частичная мобилизация в России и приведены в боевую готовность пограничные части, стоявшие против Австро-Венгрии.

31 июля в России был объявлен 1-й день мобилизации.

1 августа Германия объявила войну России, а Франция — 1-й день мобилизации.

2 августа главковерхом был назначен великий князь Николай Николаевич, начальником штаба к нему ген. Янушкевич. Последний уже получил уведомление из Парижа начать осуществление военной конвенции, причем царский посол в Париже Извольский писал Янушкевичу, что Миссими и Жоффр выражают желание:

1) чтобы царская Россия повлияла на Сербию в отношении скорейшего перехода последней в наступление,

2) чтобы главный удар царская армия наносила в направлении Варшава, Познань.

3 августа Германия объявила войну Франции, а 5 августа предъявила Бельгии ультиматум о пропуске германских войск через бельгийскую территорию.

6 августа, когда уже гремела германская тяжелая артиллерия под Льежем и шел общий его штурм, совершив промах с посылкой 2-й австро-венгерской армии к сербской границе, Австро-Венгрия объявляет войну России. Этой оттяжкой объявления войны Конрад думал выиграть время, но в то время, когда были дороги минуты и часы, Конрадом были потеряны целые дни.

С объявлением 31 июля в России 1-го дня мобилизации, которая проходила по мобилизационному расписанию 1910 г., с начала стратегических перевозок по плану развертывания 1912 г. до отдачи главковерхом двух основных директив от 10 и 12 августа, на северо-западном и юго-западном фронтах происходили события, которые имеют большое принципиальное значение для современной стратегии.

Нас интересуют два вопроса.

Во-первых, является ли период от 1-го дня мобилизации до начала большого пограничного сражения наиболее кризисным периодом для плана войны, составленного в мирное время.

Во-вторых, какими основными факторами должен определяться момент отдачи 1-й директивы главного командования о выполнении того или иного варианта в плане войны, учитывая, что противник упреждает нас с развертыванием.

Мы говорили, что провести водоразделы между мобилизацией, стратегическим сосредоточением, стратегическим развертыванием и началом большого пограничного сражения — дело невозможное. Здесь одно дополняет другое, одно является зародышем другого, одно тесно переплетается с другим. По крайней мере, как твердо подсказывает опыт мировой войны 1914—1918 гг., и на восточном и на западном фронтах уже с первых дней мобилизации начались на государственной границе пограничные столкновения и бои, с основным желанием прикрыть мобилизацию и стратегическое сосредоточение и проверить разведывательные агентурные данные о противнике, которые имелись за последний период мирного времени.

Период первых пограничных столкновений является очень важным для главного командования, которое строго следит за ними и регулирует стратегическое сосредоточение и развертывание фронтов и отдельных армий. В телеграмме царского военного агента в Париже от 1 августа указывалось, что «по сведениям из Дании против нас будут назначены шесть германских корпусов (1-й, 12-й, 20-й, 6-й, гвардейский и 2-й)». Надо было разведкой, агентурой, боем проверить как данные мирного времени, так и эти данные и особенно тщательно сделать эту проверку еще до отдачи первой директивы царской ставки. Период пограничных столкновений оказался для Янушкевича — Данилова мало показательным. И несмотря на то, что германское командование, зная о сосредоточении огромных сил конницы, ждало большого кавалерийского набега, русская конница ответила нерешительными, робкими, плохо орга-

низованными поисками, которые со всей ясностью говорили о крайнем неумении использовать так, как следует, конные массы. И здесь хочется попутно остановиться на использовании русской конницы в первые недели мировой войны. Несмотря на то, что во всех учебных инструкциях, уставах и наставлениях и научно-исследовательских работах можно было найти очень верные мысли по вопросу использования конницы, все это безмятежно было забыто с первым же выстрелом на границе.

Во всех этих работах перед 1914 г. мы могли прочитать, что конница, «пользуясь своим исключительным свойством — подвижностью и искусно применяя все имеющиеся у нее средства поражения (конь, холодное оружие, огонь), ...содействует другим родам войск в бою в достижении общей цели. Прочими видами деятельности являются: разведка, устройство завесы, набеги и другие предприятия малой войны. Находясь в мирное время почти в полной боевой мобилизационной готовности, конница с объявлением войны должна прикрывать мобилизацию своего государства, а вторжением в неприятельскую страну мешать мобилизации противника. Во время развития военных действий конница прикрывает развертывание армии, ведет разведку, препятствует разведке противника, прикрывает передвижения; во время боя содействует общему успеху широкой боевой работой; после боя преследует противника, а при отступлении принимает на себя прикрытие армии. Усложнившаяся с усовершенствованием огнестрельного оружия обстановка не исключает работы конницы, а лишь видоизменяет формы ее боевого употребления».

И будет неправильным думать, что эти мысли не были известны, с ними знакомились, их изучали, а как только началась война — все их забыли и вместо правильного использования конницы началась импровизация.

О массировании конницы с целью решительного удара говорилось накануне войны 1914—1918 гг. очень много, но, как только началась война, все воюющие государства распылили свою конницу по различным направлениям не для массированного удара, а для затыкания дыр по огромному фронту, на котором развертывались бои первого большого пограничного сражения. Огромные конные массы, которые имелись с началом войны у воюющих стран (в царской России — 1 500, Франции — 587, Германии — 528, Австро-Венгрии — 395 кавалерийских эскадронов и сотен), были использованы нецелесообразно, разбросанно и без сколько-нибудь значительного оперативно-стратегического успеха. Достаточно изучить действия конницы, которой командовали Нахичеванский, Раухе, Леонтович, Казнаков, Марвиц, Сорде, Канно и др., чтобы притти к твердому убеждению, что как русская, так германская и французская конница была скверно использована, не дав нужных результатов, которые она вполне могла бы дать. В чем же основная причина этой закономерности в неумении применить на практике войны то, что делали в мирное время? Ответ может быть лишь один: в мирное время надо учить именно так и тому, что

нужно делать на войне. А в первый период войны твердо проследить и заставить делать именно то, что диктует обстановка. Всего этого не было сделано ни до 1914 г., ни в августе 1914 г. Плацпарадность, ненужная на войне, искусственная виртуозность езды, мертвые шаблонные боевые порядки вырабатывали из кавалерийских начальников жалких ремесленников, ловких людей, умевших блеснуть перед начальством на параде, а не мастеров своего дела. Увлечение эффектными зрелищами на плацу не является средством, которое вырабатывает конкретно знающих дело кавалерийских начальников. А раз так, то последние и не могли научить конницу тому, с чем с первого же выстрела придется на границе столкнуться. Потому во всех почти армиях мы видим, что конница жмется к пехоте, спешивается при всяком удобном и неудобном случае, путается на пересеченной местности, боится ходить в конные атаки (например, в большинстве конных атак казаков было больше шума и хаоса, чем реальной пользы, и сплошь да рядом эти атаки больше носили характер театральности, чем давали существенный боевой результат) и редко принимает их. И не случайно, что многотысячная конница вместе с ее начальниками на боевом экзамене первой мировой войны провалилась с треском.

Огромные силы русской конницы ставка, а за ней и фронты в период перед стратегическим развертыванием использовали совершенно неудовлетворительно. Но «стратеги» и «операторы» царской ставки не особенно беспокоились об этом деле, они стремились лишь к одному — как можно скорее собрать хотя бы и разрозненные корпуса и дивизии и перейти в решительное наступление, которого так ждут в Париже. Особенно в этом отношении старался ген. Жилинский, подпись которого стояла под военной конвенцией. Например, он после столь «удачных» и стремительных операций на киевской военной игре (в апреле 1914 г.) 10 августа 1914 г. решил предложить ставке выбросить 15 августа в Восточную Пруссию лишь один 3-й корпус, который был готов к этой операции. В своем предложении ген. Жилинский «глубокомысленно» писал, что, выкидывая целый армейский корпус на территорию Восточной Пруссии, «мы хоть отчасти выполняем наши обязательства по отношению Франции, потому что одновременный переход всех корпусов не может быть произведен скоро». Ставка все же не рискнула санкционировать эту бесподобную инициативу Жилинского и не разрешила 3-му армейскому корпусу действовать одному в Восточной Пруссии, так как верно понимала, что разгром ему был бы там обеспечен еще до подхода других в это время сосредоточивавшихся корпусов.

То обстоятельство, что противник и на северо-западном и на юго-западном фронте упреждал царскую армию с развертыванием, накладывало особо важные задачи на войска, прикрывающие мобилизацию, сосредоточение и развертывание.

В августе 1914 г. развитие авиаразведки было крайне незначительным в силу слабости и малочисленности авиации у всех воюющих государств.

За четырехлетнюю войну, начав с десятков аппаратов, авиация

и в качественном и в количественном отношении к 1918 г. по сравнению с 1914 г. сделала гигантский скачок, о чем речь будет ниже. Но все армии к августу 1914 г. имели достаточное количество конницы. Наличие этого значительного количества конницы, особенно у царской и австро-венгерской армий, давало командованию возможность при правильном и искусном ее применении и использовании получить ценные данные о противнике, а также его хорошо потрепать.

На северо-западном фронте во главе фронта и армий стояли лица, которые по роду оружия были кавалеристами. Бо́льшая часть русской конницы сосредоточивалась именно на северо-западном фронте, во главе которого стояли старые кавалеристы генералы Жилинский (комфронт), Ренненкампф (командарм 1), Самсонов (командарм 2) и, наконец, Орановский (наштафронт) — конный артиллерист. Но, вероятно, в царской армии можно было быть специалистом данного рода оружия и в то же время не знать его и не уметь его целесообразно использовать. Так оно и случилось.

Исходя из оперативного плана войны от 1912 г., к 10-му дню мобилизации главковерх должен был получить от политики, агентуры и прикрывающих частей ряд данных, которые бы давали ему право приступить к осуществлению варианта «А» или «Г». Уже к 7-му дню мобилизации в царской ставке было известно, что главные силы Германия бросила против Франции; казалось бы, этот момент сразу же давал право главковерху принять вариант «А» и сосредоточить все свое стратегическое целеустремление в сторону разгрома Австро-Венгрии, учитывая, что сам Конрад как бы облегчал обстановку для царского командования, направив на юг целую 2-ю армию и тем самым значительно ослабив галицийский театр военных действий.

Огромное превосходство конницы, которое имел северо-западный фронт (9 кавалерийских дивизий и около 12 полков войсковой конницы против 1 кавалерийской дивизии германцев), давало в руки русскому командованию большие возможности для широкой стратегической разведки. Но эти десятки тысяч бойцов кавалерии были так примитивно, боязливо и вяло использованы, что дали только к 5-му дню мобилизации сведения о том, что три германских корпуса (1-й, 20-й, 17-й) находятся соответственно в районах Эйдкунена, Лык, Нейденбурга. Далее были даны неверные данные о передвижении с фронта Калиш, Венден 5-го и 6-го германских корпусов в неизвестном направлении, в то время как оба эти корпуса были сразу направлены на французский фронт и, кроме того, были получены довольно верные данные о характере укреплений в районе Мазурских озер.

Но весьма слабые данные были получены от прикрывающих частей юго-западного фронта; они зафиксировали до 15 августа (16-й день мобилизации) два армейских корпуса (10-й и 11-й), затем ряд кавалерийских дивизий (1-ю, 9-ю, 8-ю, 4-ю, 7-ю и еще 2—3 кавалерийские дивизии) непосредственно у государственной границы, тем самым совершенно не раскрыв царскому командованию глаза на то, что стратегическое развертывание отнесено Конрадом глу-

боко назад. Мало того, эти данные убедили ставку и командование юго-западным фронтом, что австро-венгерский генеральный штаб развертывает свои армии по купленному у полковника Редля варианту.

Когда тщательно проанализируешь все распоряжения русской ставки в начальный период войны, то со всей ясностью видишь, что она совершенно не учитывала колоссальное значение, которое имеет период прикрытия мобилизации и сосредоточения. Ее очень мало интересовали эти данные, полученные от прикрывающих частей. Ее очень мало интересовал вопрос, принимать ли вариант «А» или «Г», а значительно больше тревожил вопрос — собрать как можно скорее и как можно больше войсковых частей, даже без обозов и тылов, и двинуть их в бой, чтобы выиграть первое большое пограничное сражение и тем самым выполнить обязательства по военной конвенции и просьбу французского генерального штаба от 1 августа о наступлении в направлении Варшава, Познань.

Если мы сравним оперативный план стратегического развертывания 1912 г. с содержанием первых двух директив ставки от 10 и 12 августа, которые даем ниже, то увидим, что ставка решила осуществить и вариант «А», и в значительной степени вариант «Г», и, наконец, просьбу французов наступать в направлении Варшава, Познань, а далее и на Берлин, для чего начинала формироваться новая 9-я армия, а в дальнейшем и 10-я армия из выделенных корпусов 1-й армии Ренненкампфа.

Но такой широкий стратегический размах творчества с развертыванием требовал основного, т. е. наличия собранных в район развертывания корпусов и дивизий с их тылами.

Но если мы посмотрим на график перевозки корпусов и дивизий, то увидим, что для такого широкого оперативно-стратегического замысла не было никаких благоприятных и выгодных по отношению к противнику военно-технических данных.

А если мы в этот график добавим те изменения, которые внесены в майский план развертывания 1912 г. о сформировании новой 9-й армии в районе Варшавы, то этим самым общая полоса стратегического развертывания еще более растянется, вытянувшись в тонкую линию по государственной границе.

Желание везде наступать и все прикрыть привело к тому, что получился кордон, завеса, без всякой идеи где-либо собрать оперативную группировку в виде кулака из нескольких армий.

Итак, в каком же отношении важен для главного командования период от 1-го дня мобилизации до момента отдачи первой директивы, которая определяет собой идею операции для пограничного сражения?

В этот период, как известно, идут пограничные столкновения частей, находящихся в приграничной полосе еще в мирное время, а также действия конницы с широкими разведывательными целями. Этот период очень важен в том отношении, что он является как бы поверкой плана стратегического развертывания. И чем больше ра-

ботал начальник генерального штаба вместе со своими помощниками над планом стратегического развертывания в долгий период мирного времени, чем тщательнее был анализ данных, которые складываются из разнообразных материалов о вероятных противниках и своей армии, тем меньше может быть импровизаций и изменений, вносимых в план стратегического развертывания.

Всестороннее и вдумчивое исследование опыта войн второй половины XIX и XX вв. со всей ясностью показывает, что самый страшный враг для плана стратегического развертывания в процессе его фактического осуществления — это импровизация. Но как раз импровизация, как результат отсутствия твердой веры в свою работу мирного времени, и имела место во всех главнейших европейских армиях и у их начальников генеральных штабов. Мольтке-младший, Жоффр, Конрад, Янушкевич, Данилов являются живыми и яркими примерами в этом отношении.

План стратегического развертывания современных многомиллионных армий с особой силой требует наличия твердой линии стратегического поведения. В противном случае, как это было в Австро-Венгрии и России, целые корпуса будут двигаться не в том направлении, в каком это нужно, и начнется спешное формирование новых армейских организмов на тех направлениях, где они в первые дни не так уже необходимы. Импровизация с планом стратегического развертывания у Жоффра, благодаря недооценке им бельгийского театра военных действий, или Мольтке-младшего не менее показательна, чем у Конрада и Янушкевича.

Огромная ошибка в период первых пограничных столкновений (т. е. когда шло выдвижение войск от мест выгрузки до сближения на границе) во всех европейских армиях в 1914 г. заключалась в недооценке ими того величайшего факта, что в эти немногие дни и часы окончательно созревал стратегический замысел для соответствующего ввода армий в большое пограничное сражение. Именно в эти дни и часы, когда происходило состязание передовых частей враждовавших сторон, их боевое ознакомление друг с другом, и можно было внести те или иные поправки в план стратегического развертывания на основании конкретных данных, которые получаются в этот момент о силах и намерениях противника. Главное командование сторон считало, что раз машина стратегического сосредоточения и развертывания пошла в ход, то пусть будет так, как все намечено и расставлено в последнем по счету варианте плана развертывания. Так думал Мольтке-младший; у его союзника Конрада начиналась поспешная импровизация с внесением конкретных изменений в план стратегического развертывания. То же самое было у Янушкевича — Данилова совместно с главковерхом Николаем Николаевичем.

Разве уже с первых дней пограничных столкновений и боев для царской ставки не было ясно, что Германия бросила главные силы против Франции, а потому надо было твердо выполнить план развертывания и главного удара против Австро-Венгрии? Разве Жоффр не видел, что основной удар германцев направлен через Бельгию, а

поэтому не следует терять драгоценное время на размышления, куда именно бросить 4-ю армию — к северной границе Франции, или же оставить ее на месте, или же направить ее в Эльзас-Лотарингию (ведь и такая мысль была)? Разве Конрад имел мало данных[1] о том, что царская Россия не будет сидеть сложа руки, поскольку в ее руках военная конвенция, а бросится на Австро-Венгрию в тот момент, когда Германия бросится на Францию, а поэтому едва ли удастся сперва разгромить Сербию, а затем перебросить все силы против России? Отсутствие должного внимания к периоду пограничных столкновений, которые происходили от 1-го дня мобилизации до отдачи первой общей директивы для больших военных действий, для большого пограничного сражения, красной нитью проходит сквозь решения главного командования Франции, царской России и Австро-Венгрии.

Выше мы видели, что плодовитость русского генерального штаба по составлению различных планов стратегического развертывания не способствовала тому, чтобы с разработкой каждого нового плана-варианта они улучшались или же устоялись настолько, чтобы можно было думать, что последний по счету, 20-й, действительно твердо осуществится в жизни.

Перед мировой войной в руках царской ставки было два утвержденных плана: от 1 мая 1912 г. и он же, несколько видоизмененный, отнюдь не в лучшую сторону, датированный утверждением от 25 сентября 1913 г., где авторы (начальник генерального штаба Янушкевич и его помощник по оперативным вопросам Данилов) с санкции Сухомлинова пытались постепенно восстановить провалившийся план 1910 г. Например, план от 25 сентября 1913 г. имел только две поправки, но крайне характерные: в о п е р в ы х, войска, предназначенные для развертывания в Передовом театре, были уменьшены на 144 батальона по сравнению с планом 1 мая 1912 г. и, в о-в т о р ы х, командованию фронтов разрешалось, если только появится опасность, не дожидаясь указания сверху, самостоятельно оттянуть развертывание на восток, на линию развертывания по плану 1910 г., который мы разобрали в главе X. Но случилось так, что фактически развертывание армий царизма в августе протекало не по плану 1912 г. и не по плану 1913 г. Действительная жизнь внесла свою решающую поправку во все казуистические проекты и замыслы русского генерального штаба; он не имел устойчивого оперативно-стратегического замысла для плана развертывания, не имел твердого стратегического нацеливания и беспомощно шатался, как маятник у полуиспорченных часов, между Берлином, Будапештом и Веной. Все это привело к тому, что стратегическое развертывание в августе не получило определенной группировки, которая бы говорила о главном ударе на данном направлении, а представляло собой растянутые кордоном вдоль границы войска, собранные сюда с немалой долей импровизации.

---

[1] Из его воспоминаний вполне видно, что данных у него было более чем достаточно. Но вот нехватало твердости воли в расчете со 2-й армией.

Две нижеприводимые директивы ставки являются фактическим подтверждением сказанного.

Эти две директивы главковерха от 10 и 12 августа[1] (11-й и 13-й дни мобилизации) за № 345 и № 3321, адресованные командующим северо-западным и юго-западным фронтами, были основанием для стратегического развертывания. Так как эти директивы являются важнейшими оперативно-стратегическими документами, по которым произошло стратегическое развертывание царских армий в августе 1914 г., мы приведем их полностью.

10 августа, т. е. на 11-й день мобилизации, ставка отдает свою первую директиву северо-западному фронту.

«Главкосевзапу (штаб фронта Лида) 10 августа № 345.

По имеющимся вполне достоверным данным, Германия направила свои главные силы на западную свою границу против Франции, оставив против нас меньшую часть своих сил. Хотя эти силы с полной достоверностью еще не выяснены, но можно предполагать, что в Восточной Пруссии германцами оставлены четыре корпуса (1-й, 20-й, 17-й и 5-й) с несколькими резервными дивизиями и ландверными бригадами; сверх того гарнизон Кенигсберга из частей неполевых войск.

С нашей стороны к вечеру 12-го дня мобилизации (т. е. 11 августа; даты везде приводим по новому стилю.— *Вл. М.*) в 1-й армии будут собраны полностью вся кавалерия (5½ кавдивизий), 3-й и 4-й корпуса, 5-я стрелковая бригада, 28-я пехотная дивизия (20-й корпус), к которой можно было бы еще притянуть два полка 29-й пехотной дивизии. Всего 96 батальонов, 132 эскадрона. С 12-го же дня мобилизации начинают прибывать в Ковно второочередные дивизии, которые, следовательно, освобождают из Ковно части 28-й пехотной дивизии.

Имея в виду, что из состава 1-й армии исключены гвардейский и 1-й армейский корпуса[2], следует признать, что войска 1-й армии к вечеру 12-го дня мобилизации закончат свое сосредоточение, так как большая часть второочередных дивизий, включенных в состав 1-й армии, направляется в Риго-Шавельский район, потерявший при нынешней обстановке свое значение.

Что касается 2-й армии, то, за исключением 13-го корпуса, она заканчивает свое сосредоточение еще ранее срока, указанного для 1-й армии; в составе ее к вечеру 12-го дня мобилизации (т. е. 11 августа.— *Вл. М.*) будут находиться 4-я кавалерийская дивизия, 2-й, 15-й, 6-й, 23-й корпуса, а равно 1-я стрелковая бригада. Всего 136 батальонов, 96 эскадронов.

---

[1] Как видим, сроки здесь выдержаны, ибо в эти дни главковерху представлялось возможным по варианту 1912 г. направить войска в ранее выбранном направлении.

[2] Эти корпуса были направлены в район Варшавы, где формировалась новая 9-я армия для наступления в сердце Германии Познань, Берлин.—*Вл. М.*

Если даже исключить из этого числа 2-ю пехотную дивизию, которую, быть может, придется оставить в Новогеоргиевске, а также 1-ю стрелковую бригаду, отходящую к Варшаве (мосты в Варшаве должны строго охраняться), то все-таки численность 2-й армии будет определяться в 112 батальонов, 96 эскадронов и сотен.

В общей сложности армии северо-западного фронта к вечеру 12-го дня мобилизации будут иметь готовыми к наступлению 208 батальонов, 228 эскадронов и сотен полевых только войск, в то время как германцы, повидимому, будут в состоянии противопоставить нам 4 полевых корпуса (100 батальонов) с резервными и ландверными частями.

Принимая во внимание, что война в Германии была объявлена сначала нам и что Франция, как союзница наша, считала своим долгом немедленно же поддержать нас и выступить против Германии, естественно, необходимо и нам в силу тех же союзнических обязательств поддержать французов в виду готовящегося против них главного удара германцев.

Поддержка эта должна выразиться в возможно скорейшем нашем наступлении против оставленных в Восточной Пруссии германских сил.

На основании изложенной обстановки верховный главнокомандующий полагает, что армиям северо-западного фронта необходимо теперь же подготовиться к тому, чтобы в ближайшее время, «осенив себя крестным знамением» перейти в спокойное и планомерное наступление, положив в основу плана наступления нижеследующие общие руководящие соображения.

Наступление могла бы начать 1-я армия, которая должна притянуть на себя возможно большие силы германцев; наступление должно вестись севернее Мазурских озер с охватом левого фланга противника.

2-я армия могла бы наступать в обход Мазурских озер с запада, имея задачей разбить германские корпуса, развернувшиеся между Вислой и Мазурскими озерами, и тем воспрепятствовать отходу германцев за Вислу. Между 1-й и 2-й армиями должна быть установлена тесная связь путем выставления против фронта Мазурских озер достаточно прочного заслона.

Таким образом, общая идея операции могла бы заключаться в охвате противника с обоих его флангов.

Обеспечение операции с его левого фланга достигается р. Вислой с крепостью Новогеоргиевск и перевозимыми к Варшаве частями гвардейского и 1-го армейского корпусов, первые эшелоны коих начнут прибывать в Варшаву с 12-го дня мобилизации.

По мнению верховного главнокомандующего наступление армий северо-западного фронта могло бы уже начаться с 14-го дня мобилизации (т. е. 13 августа.—*Вл. М.*).

Выражая глубокую уверенность в том, что войска армий северо-западного фронта исполнят свой долг, памятуя, как необходима России первая же победа, верховный главнокомандующий ожидает представления вами соображений о времени и порядке выполнения приказаний его императорского высочества».

Как видим, с точки зрения оперативно-стратегической идеи содержание этой директивы требует от северо-западного фронта скорейшего перехода в наступление, с тем чтобы осуществить «Канны» с германскими войсками, развертывавшимися в Восточной Пруссии.

Как и на киевской военной игре, расчеты по сосредоточению корпусов и дивизий были сделаны без малейшего учета сосредоточения их тылов и с уверенностью, что они все полностью сосредоточатся и развернутся именно так, как пишут Янушкевич и Данилов в этой директиве. Точно так же они писали на военной игре в Киеве тремя месяцами раньше.

Должно быть совершенно ясным, что и для командующего северо-западным фронтом Жилинского и для командарма 1-й Ренненкампфа содержание этой директивы было после Киева не чем-то новым, а скорее повторением уже пройденного, а поэтому, получив ее, они сейчас же приступили к текстуальному, дословному ее выполнению с глубокой и твердой уверенностью, что «Канны» будут осуществлены так же просто и легко, как это почти уже получилось в апреле в Киеве, если бы только руководство игрой (Сухомлинов, Янушкевич и Данилов) разрешило оперативно-тактический розыгрыш двойного охвата германских сил в районе Мазурских озер.

В этой директиве господствующая мысль заключается в том, что авторы ее, будучи осведомлены, что главные германские силы развернулись на французском фронте, были уверены, что посредством численного превосходства они добьются полного разгрома четырех германских корпусов, развернувшихся в Восточной Пруссии. Янушкевича и Данилова очень мало беспокоил тот факт, что при подсчете соотношения сил сторон из директивы механически выпали для германцев численный состав резервных и ландверных частей, гарнизоны крепостей и их артиллерия, укрепленные позиции в районе Мазурских озер и исключительно развитая железнодорожная сеть восточно-прусского плацдарма, благодаря которой германское командование могло успешно осуществлять борьбу по внутренним операционным линиям.

Ставка, ослабив на два корпуса 1-ю армию, получила в директиве двойное превосходство над противником для производства «Канн» посредством простого арифметического расчета. К 11 августа, т. е. к 12-му дню мобилизации, у противника всего лишь 100 батальонов, а в 1-й и 2-й армиях — 208 батальонов и 228 эскадронов, т. е. двойное число батальонов и огромное превосходство в коннице. Отсюда, думали царские генералы, ясно — победа обес-

печена. Но оказалось, что оперативно-стратегическое искусство — не только простая арифметика, это что-то большее, где одного знания сложения и вычитания еще далеко не достаточно.

Директива рассчитывала, что 13 августа северо-западный фронт уже может перейти в решительное наступление, но авторы директивы не подсчитали «мелочь», а именно, успеют ли сосредоточиться обозы и тылы наступающих войск, это во-первых, и, во-вторых, правилен ли расчет, что части 2-й армии тоже сосредоточатся во-время и одновременно с 1-й армией перейдут в наступление. Все эти соображения и расчеты были совершенно необходимы, прежде чем начинать сложную операцию двойного охвата, да еще с таким противником, доктрина которого была пропитана многолетней, знаменитой теорией «стратегии уничтожения» («Vernichtungs-Strategie), стремящейся к цели посредством или мощного флангового удара, или «двойного охвата» (Doppelte Umfassung).

И, как увидим ниже, двойной охват действительно был осуществлен и именно по отношению к тем, кто вместо тщательного анализа общей стратегической обстановки, расчета и подсчета сил и средств обеих сторон, «осенив себя крестным знамением», перешел в «спокойное и планомерное наступление».

Директива главковерха для армий юго-западного фронта была также составлена ген. Даниловым; ее текст был целиком рассчитан на то, что австро-венгерские армии развернутся именно по тому плану, который был куплен царским генеральным штабом у австрийских шпионов в 1912 г. Кроме того, первые пограничные бои не раскрыли для царского командования, где именно развертываются основные силы австро-венгерских корпусов. В силу этого автору директивы, как и всей ставке, готовился со стороны противника никем из них не ожидавшийся сюрприз.

Директива главковерха гласила следующее:

«Главкоюзу (штаб фронта Бердичев), 12 августа. № 3321.

Генерал Алексеев (начальник штаба юго-западного фронта. — *Вл. М.*) уже поставлен генерал-квартирмейстером (т. е. ген. Даниловым.— *Вл. М.*) в известность о стратегических предположениях на северо-западном фронте. Верховный главнокомандующий признал необходимым, чтобы и армии юго-западного фронта деятельно заканчивали подготовку к исполнению поставленных им высочайшими указаниями 1912 г. наступательных задач (глава XI).

3-я и 8-я армии должны перейти в наступление, не дожидаясь 3-го кавалерийского и 24-го корпусов, дабы в связи с намеченным наступлением наших 1-й и 2-й армий приковать к себе вторжением в Галицию возможно большие силы австрийцев и тем самым воспрепятствовать им развить наступательные действия по левому берегу Вислы и против запаздывающих в своем развертывании 4-й и 5-й армий.

Надлежит теперь же подготовить возможность вынесения при благоприятном ходе наступления пунктов высадки 3-го кавалерийского и 24-го корпусов ближе к границе.

Повидимому, общее наступление 3-й и 8-й армий могло бы начаться с 19-го дня мобилизации (т. е. 18 августа. — *Вл. М.*).

Ввиду изложенного августейший верховный главнокомандующий повелел вам заканчивать вашу подготовку, дабы, осенив себя крестным знамением, перейти в спокойное, но решительное наступление. Великий князь выражает полную уверенность, что славные войска наши исполнят свой долг, чего бы это им ни стоило» [1].

Бывают документы, после анализа и ознакомления с которыми сразу же открывается полная картина того или другого явления, состояния, положения. К такого сорта документам целиком и полностью относятся эти две первые директивы русского верховного главнокомандования, данные в начале войны. В них, как в зеркале, отразился весь уровень подготовки высшего генералитета царской армии. И в отношении оперативного замысла наступления, и в отношении стиля (терминологии) оба эти документа крайне характерны. Попробуем коротко подвести итоги:

1. Определение, что Германия направила главные силы против Франции, — правильно.

2. Фактически главное командование, направляя 1-ю и 2-ю армии, стремилось к полному окружению противника в Восточной Пруссии («Канны»), но только непонятно, как можно проделать «Канны», когда наступление будет вестись «спокойно и планомерно», при такой формулировке задачи в действительной обстановке противник уйдет. Ибо окружение производится лишь благодаря особой быстроте, внезапности и энергии в действиях.

Действиями по методу «спокойно и планомерно» нельзя было окружить 8-ю германскую армию.

3. Обе директивы требуют организации и достижения «первой победы», но, не собрав войск в районы развертывания и действуя пачками, такой победы достигнуть не представляется возможным.

4. «Тревожная обстановка» на французском фронте оказалась после того, как германская армия, быстрым маневром опрокинув бельгийцев, маршировала к северным департаментам Франции. Французы стали требовать выполнения военной конвенции. Вот здесь-то и сказалось, что Жилинский подписал условия, которые фактически армия царизма выполнить не могла. 800 000 человек на 15-й день против Германии требовала конвенция. Целых 8 корпусов

---

[1] Кроме того, главковерх 13 августа послал в Сербию телеграмму, в которой просил, чтобы сербская армия теперь же перешла в решительное наступление, на что был получен ответ, что сербская армия будет продолжать активно начатое наступление против австрийской армии.

на 14 день мобилизации требовала собрать первая директива главковерха (т. е. в два раза больше, чем у германцев). Но пришлось оттянуть начало наступления, в силу неготовности северо-западного фронта и его запаздывания с развертыванием, на 5—6 дней. Однако и по истечении этих дней многое не было готово, между тем как надо было активно действовать.

Прошло немного более недели, как фразы директив «спокойное и планомерное наступление» и ряд новых оперативных указаний ставки трансформировались в нечто иное.

Процесс развертывания сторон на северо-западном и юго-западном фронтах

Во всех армиях Антанты и Тройственного союза в первые два месяца войны стремление к бурно-активным операциям было господствующим. Каждое главное командование в своих оперативно-стратегических распоряжениях стремилось разгромить противников по-своему.

Мольтке-младший смело бросил корпуса 1-й, 2-й и 3-й германских армий через Бельгию и Люксембург к северной границе Франции, наивно думая, что история оценит его, как наиболее последовательного ученика Шлиффена [1].

Жоффр приказал стремительным ударом захватить обратно Эльзас-Лотарингию, потерянную в 1870—1871 гг., и контрударом с линии Монмеди, Мец в направлении Льеж, Люксембург отрезать германские армии, которые начали обходить левый фланг развертывающихся французских армий.

Конрад одновременно наступал и на Сербию и на царскую Россию.

Царская ставка, как видно из только что приведенных двух ее директив, решила почти одновременно обрушиться и на Германию и на Австро-Венгрию.

Таким образом, в стремительных, активных по содержанию распоряжениях у главного командования основных воюющих европейских армий недостатка не было. Вопрос иной, что никому не удалось осуществить те планы, которые вынашивались генеральными штабами Антанты и Центрального союза в долгие годы мирного времени.

Во всяком случае, все штабы очень торопились выиграть первое большое пограничное сражение, разбить живые силы противника, захватить его технические средства и в ближайшие месяцы до «осеннего листопада» эффектно, победоносно закончить войну. Но характер и условия войны XX столетия оказались иные, и вою-

---

[1] Как мы видели в своем месте, Мольтке, развертывая армии по плану 1913 г., осуществлял новый план стратегического развертывания, который с шлиффеновским вариантом 1905 г. и дополнительными соображениями Шлиффена 1912 г. ничего общего (кроме лишь факта движения через Бельгию) не имел, так как оперативное нацеливание армий (особенно боевого фланга) и численное распределение в этих армиях, и методы их вождения были совсем не те, которые советовал Шлиффен.

ющим армиям пришлось «осенний листопад» пережить не один, а три-четыре раза.

Перебросив свои главные силы против Франции, германское командование оставило для развертывания в Восточной Пруссии и Познани незначительные силы с основной задачей не допустить русские войска вторгнуться в район Восточной Пруссии, население которой соответствующей агитацией мирного времени было подготовлено к тому, что германские войска не допустят ни одного неприятельского солдата на территорию «священного фатерлянда». Этот агитационный аванс политики германского империализма имел свои последствия для Мольтке-младшего. Царское воинство, вступив на территорию Восточной Пруссии с далеко отстоящими базами питания и не успевшими подтянуться обозами, сейчас же приступило к широкой реквизиции продовольствия и другого имущества восточно-прусского юнкерства и помещиков. Последние твердо потребовали от германского командования поддержки. Мольтке-младший приказал снять с главного направления (правый фланг германских армий, двигавшихся к Парижу) два корпуса и перебросить их на восточный фронт. Эта слабость в стратегической целеустремленности имела свои тяжелые последствия для германских армий, так как этих корпусов, столь нужных в сражении на Марне, там уже не оказалось, они добрались до центра Германии тогда, когда опасность для 8-й германской армии в Восточной Пруссии Гинденбургом — Людендорфом была уже ликвидирована.

Стратегическое развертывание германской армии в Восточной Пруссии по последнему варианту плана войны 1913 г., как мы уже знаем из вышеизложенного, имело основной задачей прочно оборонять Восточную Пруссию до тех пор, пока германские армии на бельгийско-французском фронте не достигнут решительной победы. С достижением последней германские армии предполагалось перебросить против царской России.

Территория Восточной Пруссии еще в мирное время была тщательно подготовлена для этой оперативной задачи, в основу которой была положена активная оборона всего района к востоку от Вислы. Сильно развитая железнодорожная сеть, которая давала полную и широкую возможность действовать по внутренним операционным линиям, при сочетании ее с укрепленными районами — крепостями Торн, Грауденец, Данциг, Кенигсберг и фортификационными укреплениями в районе Мазурских озер, давала в руки германского командования возможность при наличии небольших сил крепко удержать восточно-прусскую провинцию от неприятельского вторжения до 40-го дня мобилизации, т. е. когда участь Франции по плану Мольтке-младшего должна была бы быть решена. В эти дни на восточном фронте Австро-Венгрия должна была обрушиться на царскую Россию главной массой своих сил и тем самым не дать возможности России связывать широту операций германской армии против Франции. Связующим звеном между активной о б о р о н о й в Восточной Пруссии и австро-венгерской армией должна была быть группа германских дивизий, расположенная в Силезии для наступления на фронт Ивангород, Сандомир.

Сперва Мольтке-младший выделил для этой задачи до пяти дивизий, но затем, ввиду нейтралитета Италии, сократил их до двух, из которых образовался корпус ген. Войерша.

Широко развитая железнодорожная сеть Восточной Пруссии позволяла держать корпуса на железнодорожных узлах, с тем чтобы по обстановке перегруппировать их в нужном направлении. Германское командование не исключало того момента, что царский генеральный штаб поведет концентрическое наступление от Немана (с фронта Ковно, Гродно) и Нарева (с фронта Ломжа, Остроленка). В случае огромного превосходства царских сил по германскому плану войны было решено даже оставить с упорными боями территории к востоку от Вислы, лишь бы выиграть время для решения основной задачи разгрома французской армии. Мы видим, что здесь лозунг многолетней политической агитации «ни одного неприятельского солдата на территории Восточной Пруссии» приносился в жертву основной цели — скорейшему разгрому главного врага — Франции.

Во всяком случае, уже 6 августа командующий 8-й армией ген. Притвиц получил директиву Мольтке-младшего прочно удерживать Вислу как базу, поддержать корпусом Войерша австрийское наступление, с основной задачей — до 40-го дня мобилизации рассчитывать только на те силы, которые выделены в 8-ю армию к 1-му дню мобилизации. Притвиц располагал без корпуса Войерша [1] 13 пехотными и 1 кавалерийской дивизиями при 1 044 орудиях — из них 39 тяжелых. Организационно эти силы образовали четыре армейских корпуса (1-й, 17-й, 20-й и 1-й резервный) с одной кавалерийской дивизией, 3-й резервный с тремя ландверными дивизиями и двумя ландверными бригадами; кроме того, были оставлены силы резерва и ландвера в крепостных районах Торна, Кенигсберга, Грауденца, Кульма, Мариенбурга.

В отношении стратегической разведки в период стратегического сосредоточения и развертывания германских вооруженных сил в Восточной Пруссии дело обстояло весьма примитивно. Фактически до первого крупного пограничного столкновения сторон командование германской армии ничего существенного о развертывании русских корпусов не знало. Притвицу буквально не повезло и до первых пограничных столкновений и в период их. Насколько в дальнейшем Гинденбург был счастлив, почти ежедневно получая перехваченные по радио приказы Ренненкампфа, Самсонова, Жилинского (Гинденбург бывал даже очень недоволен, если к его утреннему завтраку не докладывались очередные перехваченные приказы) [2], настолько Притвиц оказался неудачником в отношении действий с открытыми картами.

Незначительное количество конницы, конечно, играло свою роль, но и та разведывательная боевая рекогносцировка, которую в млавском направлении произвел командир 17-го корпуса Макензен,

[1] В оперативном отношении ген. Войерш был подчинен 8-й армии.

[2] Об этом совершенно откровенно пишет рейхсархив — см. II том, в котором приводится ряд случаев перехвата важнейших оперативных приказов царского командования, наступавшего на Восточную Пруссию.

фактически ничего не установила, кроме русской конницы, которая боязливо прогуливалась в приграничной полосе. Командир 1-го корпуса ген. Франсуа, действовавший архиинициативно и совершенно не признававший авторитета командования 8-й армии [1], просто не считал нужным заниматься боевой рекогносцировкой, он жаждал сразу большого боя, вероятно полагая, что его одного корпуса достаточно, чтобы обеспечить победу германскому оружию в Восточной Пруссии.

В общем вяло и бесцветно прошла боевая разведывательная деятельность 8-й германской армии. Ответственнейший период от момента выгрузки войск до сближения их на границе с противником оказался холостым для командования 8-й германской армии. Как будто забыли очень ценные поучения по этому вопросу Мольтке-старшего (по указанию последнего ген. Кардиналь-фон-Виддерн произвел подробный анализ этого периода во время стратегического развертывания по опыту кампании 1870 г.) и Шлиффена, с особой силой подчеркивавших в своих работах огромное значение глубокой боевой разведки до момента первого большого пограничного сражения.

Таким образом, не зная, как в действительности развертывается противник, Притвиц принужден был ждать, когда произойдет первое крупное столкновение в пограничной полосе. 14 августа, окрыленный успехами против слабой бельгийской армии, Мольтке-младший приказывает систему активной обороны Восточной Пруссии организовать так, чтобы при вторжении русских последние получили мощный контрудар, заключив его переходом в наступление.

И надо было иметь именно такого противника, как царское командование, чтобы совершаемые германской стороной промахи проходили почти безнаказанно.

Северо-западный фронт против 8-й германской армии имел полуторное превосходство, и только вследствие бесталанного управления, близорукого и разнобойного введения сил в бой пачками, по частям это превосходство не дало никакого положительного результата.

Мало того, получилось так, что менее сильный противник в нужный момент оказывался на нужных направлениях сильнее армий северо-западного фронта.

Не получив разрешения о выброске в Восточную Пруссию, если так можно выразиться, «в рейд» одного 3-го армейского корпуса до тех пор, пока другие части 1-й армии будут сосредоточиваться и развертываться, Жилинский 13 августа приказал в развитие директивы главковерха:

1. 1-й армии 17 августа начать наступление с линии Вержболово, Сувалки на фронт Инстербург, Ангербург в обход линии Мазурских озер с севера.

---

[1] Действия Франсуа очень показательны с отрицательной точки зрения. Рейхсархив дает богатый фактический материал, но избегает критики самостийных действий этого «сверхинициативного» германского генерала, который не погубил свои войска лишь потому, что царское командование не умело воспользоваться в Восточной Пруссии грубыми ошибками германцев.

2. 2-й армии 19 августа наступать с линии Августово, Харжеле на фронт Летцен, Арие, Ортельсбург, направляя главные силы на фронт Растенбург, Зеербург во фланг и тыл озер.

Такова была директива Жилинского, требовавшая выполнения и осуществления армиями северо-западного фронта «Канн» для 8-й германской армии в районе Мазурских озер. Если сравнить эту директиву с оперативным замыслом ген. Жилинского, который он осуществлял на киевской военной игре, то разницы нет никакой, кроме того лишь, что там все прошло тихо и безнаказанно, даже с похвалой со стороны главного руководства игрой (Сухомлинов, Янушкевич, Данилов), а здесь эта «затея» окончилась полной катастрофой.

Если мы сравним сроки перехода в наступление, которые требовались по первой директиве ставки, со сроками сосредоточения 1-й и 2-й армий, то получим следующие просчеты Янушкевича — Данилова.

Как помнит читатель, директива считала, что северо-западный фронт может перейти в общее наступление 13 августа, полагая, что к 11 августа будут собраны для 1-й армии 96 батальонов, 132 эскадрона; но эти цифры были основаны на теоретических расчетах и подсчетах, так как по данным управления военных сообщений к вечеру 10 августа 1-я армия имела лишь 67 батальонов, 129 эскадронов и 288 орудий, из которых только 12 гаубиц; как видим, разница существенная. Жилинский готов был текстуально выполнить 1-ю директиву, несмотря на то, что его войска были еще в процессе сосредоточения. Раз ставка говорит, полагал Жилинский, что противник слабее нас и имеет только 100 батальонов (см. 1-ю директиву), значит так оно и есть; ставке виднее. Но в действительности оказалось несколько больше, а именно — 196 батальонов и 89 эскадронов. Таким образом, ставка огульно форсировала переход в наступление армий северо-западного фронта.

По директиве Жилинского выходило так, что от пунктов сосредоточения (линия Неман) до исходной линии наступления (Вержболово, Сувалки) надо было корпусам 1-й армии пройти 60—70—80 км. Если конница уже к моменту отдачи ставкой директивы сосредоточилась в пограничной полосе, то к Неману корпуса 1-й армии со своими тылами сосредоточивались лишь к 17 августа, а второочередные части — к 19—20 августа; но от Немана до Вержболово, Сувалки 80 км; отсюда ясно, что лишь посредством форсированных маршей можно было выполнить последнюю директиву Жилинского, в то время как сроки перехода в общее наступление 13 августа, установленные ставкой, были совершенно невыполнимы, так как нормы суточного перехода оставались для 1914 г. в силе; они (и нормальные и усиленные) исходили из физических свойств и возможностей бойца. Жилинский с этими нормами не посчитался, назначая наступление 17 августа с линии Вержболово, Сувалки. В силу отсталости тылов уже после первых боев пограничного сражения русские войска остались без огнеприпасов. Командование начало бить тревогу. Иначе говоря, к об-

щей неподготовленности в отношении вооружения и огнеприпасов, о которой мы говорили выше, прибавилась полная неорганизованность в отношении использования работы тыловых учреждений наступающих войск.

В еще более тяжелом положении оказывалась 2-я армия, не имевшая достаточной сети железных дорог, как это хотя бы было в 1-й армии, и принужденная выдвигаться к линии наступления — Августов, Хоржеле по местности крайне пересеченной, с песчаными и болотистыми дорогами. По директиве Жилинского она должна была развернуться на фронте в 120—140 км. К этому фронту шли только две железнодорожные колеи: Белосток, Граево и затем Новогеоргиевск, Млава, отстоящие друг от друга на 160 км; этим самым весьма затруднялся вопрос с подвозом. Корпуса 2-й армии, опираясь на мощную железнодорожную магистраль Гродно, Варшава, уже к 11 августа сосредоточивались (без 2-го корпуса) на линии Белосток, Малкин.

Для того чтобы выдвинуться на исходную линию Августов, Хоржеле, наиболее удаленным частям нужно было проделать марш до 90 км по району, где расчет на довольствие местными средствами был ограничен.

Итак, 1-я армия в составе 3-го, 4-го, 20-го армейских корпусов, 5 стр. бригад и 5½ кавалерийских дивизий со своими 104 батальонами, 124 эскадронами при 492 орудиях должна была развернуться на фронте 60 км.

2-я армия в составе 2-го, 6-го, 13-го, 15-го, 23-го, 1-го армейских корпусов со своими 200 батальонами, 72 эскадронами, 702 орудиями — на фронте 160 км.

Таким образом, вытянутые кордоном корпуса северо-западного фронта на 220 км фронта выставляли 304 батальона, 196 эскадронов, 1 040 орудий легких, 108 орудий легких гаубиц и только 12 орудий тяжелых.

Но этот кордон не мог быть равномерным на 220-км фронте, так как «войска, и в особенности 2-я армия, направлялись для выполнения первой и весьма сложной операции не успевшими еще сосредоточиться, с неподтянутыми тылами и без учета времени. Погоня за скоростью шла за счет форсирования сил войск и расстройства их тылов, что не могло не отразиться печально и на их боевых качествах; это особенно касалось 2-й армии, которой к тому же предстояло наступать по району, бедному местными средствами» [1]. Но Жилинский думал иначе, а Ренненкампф и Самсонов вообще мало думали, причем Ренненкампф стремился действовать как можно менее согласованно с 2-й армией, а Самсонов просто построил в отличие от директивы Жилинского свою операцию для корпусов 2-й армии.

Если Жилинский приказывал наступать с линии Августов, Хоржеле на фронт Руджаны, Пассенгейм и далее в северном направлении во фланг и тыл Мазурских озер, группируя главный удар к своему левому флангу, с тем чтобы он пошел на Растенбург,

[1] Зайончковский, Мировая война (маневренный период 1914—1915 гг.), стр. 55.

Зеербург, то совсем другое в развитие этой директивы приказывал Самсонов.

Во-первых, корпуса, собиравшиеся по директиве главковерха в районе Варшавы (1-й и гвардейский), он объединил с теми корпусами, которые входили в его армию.

Во-вторых, он дал задачу наступать на Летцен, Пассенгейм, с тем чтобы отрезать противника от Вислы, т. е. 2-я армия развертывалась на линии Августов, Новогеоргиевск (240 км), с тем чтобы наступать на фронт Летцен, Пассенгейм (60 км). А вследствие трудных дорог, по которым наступали войска, а также разновременности их выхода без тылов на исходную линию получилось, что корпуса 2-й армии, действуя на огромном фронте, должны были вступать в бой по частям.

Так как 1-я армия начала свой марш-маневр в Восточную Пруссию как по тревоге, войска подводились к границе усиленными переходами и прямо с похода 17 августа вступили в бой при полной неподготовленности тыла, а 2-я армия вторгалась в Восточную Пруссию тремя-четырьмя днями позднее, без малейшей оперативной увязки со своим соседом, — то немудрено, что линия стратегического развертывания армий северо-западного фронта представляла собой к началу первого большого пограничного сражения крайне причудливый вид кордона с частыми разрывами, причем одни части выдвинулись вперед, другие остались позади и без намека сосредоточения сил на каком-либо из направлений. Вследствие этого полуторное превосходство сил армий северо-западного фронта дало очень мало пользы, а разновременно вторгнувшиеся по частям 13-й, 15-й и часть 23-го корпуса 2-й армии в районе Нейденбург, Гогенштейн, Ортельбург, Вилленберг были пленены 8-й германской армией Гинденбурга, который после разгрома 2-й армии, опираясь на прекрасно развитую сеть дорог и действуя по принципу борьбы по внутренним операционным направлениям, набросился на 1-ю армию, успевшую с большими потерями отступить от Гумбинена обратно к Неману. Преступное руководство операцией в Восточной Пруссии со стороны царского генералитета погубило не мало русских войск, выдающихся по своим боевым качествам, что открыто признают сами германцы (см. том II рейхсархива)

Развертывание юго-западного фронта

Таким образом, в действиях на северо-западном фронте красной нитью проходит полное неумение со стороны командования фронта организовать стратегическое развертывание. В каждом мероприятии командования фронта был заложен зародыш для разрозненных действий со стороны армий. Несколько иначе обстояло дело на юго-западном фронте; конечно, это вовсе не значит, что развертывание армий юго-западного фронта было на высоте. Положительным было лишь одно — это не слепое стремление текстуально выполнить первую директиву ставки, а желание прежде ее выполнения сделать расчеты и подсчеты в вопросах стратегического сосредоточения и развертывания. В этом отношении командование юго-западного фронта осталось верно линии своего пове-

дения, которую мы видели на апрельской военной игре в Киеве. Но от желания до умения все же есть определенная доля расстояния, которую так и не сумело преодолеть с пользой для себя командование юго-западного фронта, чтобы твердой поступью вступить в первые бои большого пограничного сражения.

Основной ошибкой царского командования в первые дни мобилизации было то, что оно не сумело распознать, что тот план стратегического развертывания австрийских армий, который имелся в стальном шкафу в Петрограде и который был известен командованию Киевского военного округа [1], был уже резко изменен. Четко продуманная и деятельная работа стратегической конницы и авиации (даже несмотря на малочисленность последней) в первой половине августа до первой директивы ставки (12 августа) должна была раскрыть, что полоса стратегического развертывания австро-венгерских армий теперь уже иная, чем по данным полковника Редля, что она от государственной границы отнесена глубоко назад, на 120 км и более к западу.

Надо иметь в виду, что импровизированные отряды ландштурмистов численностью 100—200 человек, разбросанные группами по линии Сандомир, Стоянов, Тарнополь, р. Збруч до р. Днестра, в этом деле сыграли огромную роль. К сожалению, военные историки империалистической войны или совсем упускают этот момент, или же только фиксируют, что такие ландштурмисты действительно были, не говоря ни слова о той действительной роли, которую они в первые дни мобилизации сыграли. Эти ландштурмисты из местных приграничных деревушек уже к 1-му дню мобилизации заняли все важнейшие направления и пункты на границе, и все речные и железнодорожные мосты оказались в руках этих вооруженных групп, которые прикрывали мобилизацию и стратегическое сосредоточение. Они служили чрезвычайно ценным дополнением к жандармским постам и кавалерийским дивизиям, выдвинутым к границе [2]. Эти австро-венгерские ландштурмисты сыграли для царской ставки и командования юго-западным фронтом роковую роль, так как, когда русская конница пыталась проникнуть в глубь австро-венгерской территории, она встретила огонь этих ландштурмистов и жандармских постов, дополненный огнем кавалерийских дивизий, выдвинутых кордоном к границе, с основной задачей прикрыть и охранять районы стратегического сосредоточения армий. Из разведывательных донесений конницы юго-западного фронта во второй половине августа видно, что по приближении ее к пограничным пунктам для их занятия со стороны противника наблюдался усиленный ружейный, а в некоторых направлениях пулеметный и даже артиллерийский огонь (последние два вида относились уже к огню австро-венгерских кавдивизий).

---

[1] Командование Киевского военного округа с 1-го дня мобилизации превратилось в командование юго-западного фронта.

[2] Как указывалось выше, в оперативном плане ген. Виктор-Мишеля, эта идея широкого использования местного населения пограничной полосы для целей обеспечения и прикрытия мобилизации и стратегического сосредоточения также служила одним из очень важных и серьезных факторов.

Этот ландштурмистский «забор», построенный на государственной границе, в царской ставке и у командования юго-западным фронтом, трансформировался в твердое убеждение, что австрийцы осуществляют свое стратегическое развертывание по плану 1912 г., т. е. по тому плану, который царский генеральный штаб купил у австрийского полковника Редля. И если бы Конрад не допустил огромной ошибки с переброской 2-й армии на сербскую границу, а имел бы эти лишние корпуса в первом большом пограничном сражении, то, по всей вероятности, полуокруженная 5-я русская армия в районе Красностав, Замостье оказалась бы в еще более тяжелом положении.

Если мы зададим себе вопрос — какие же сведения получили царская ставка и командование юго-западным фронтом от действия передовых частей во время мобилизации и сосредоточения, то получится крайне интересная картина. После суммирования всех сведений от разведывательных частей к 15 августа получилось впечатление, что 1-я австрийская кавалерийская дивизия действует восточнее Черткова, 9-я кавалерийская дивизия — в районе Збараж, большая часть 8-й кавалерийской дивизии — в районе Тарнополь, 4-я кавалерийская дивизия — юго-западнее Броды, две-три кавалерийских дивизии — на фронте Сокаль, Нароль, р. Сан, 7-я кавалерийская дивизия — на левом берегу Вислы, части 1-го корпуса — в районе Красник, 11-й корпус — от устья Збруча до Сокаль, а на участке Рава Русская до устья Сана—10-й корпус противника; вот те данные, которые имело царское командование в начальный период войны и перед переходом в решительное наступление по 1-й директиве ставки, которую мы приводили выше. Царское командование полагало, что за этой кавалерийской завесой собираются корпуса противника по плану 1912 г.

То обстоятельство, что стратегическая разведка юго-западного фронта с активными действиями конницы от момента выгрузки частей развертывавшихся армий до сближения и вступления их в большое пограничное сражение проходила, как и на северо-западном фронте, крайне вяло и примитивно, способствовало еще большему укреплению веры русского генерального штаба в купленный план развертывания армий Конрада.

Итак, царское командование, после развертывания своих армий, в первое пограничное сражение вступило с крайне скудными данными,— вернее, с данными, которые делали его просто слепым. Авиация, ввиду ее крайней малочисленности и общей технической слабости, никаких существенных сведений не собрала, хотя при умелом ее использовании она могла бы дать больше.

Форма сосредоточения четырех русских армий юго-западного фронта имеет в основном тот же замысел концентрического удара с двух направлений, что и на северо-западном фронте.

В первом случае удары в Восточную Пруссию направлялись с линии Ковно, Гродно на фронт Инстербург, Ангенбург (1-я армия) и с линии Осовец, Хоржеле на фронт Зеебург, Растенбург (2-я армия); во втором случае удары в Галицию направлялись с линии Люблин, Холм на фронт Тарнов, Перемышль (4-я и 5-я армии)

и с линии Ровно, Проскуров на фронт Львов, Станиславов (3-я и 8-я армии). А поскольку царская ставка рассчитывала встретить развернувшегося в Галиции противника непосредственно в приграничной полосе, этот замысел концентрического удара двумя группами, северной и восточной, имел в виду, не доходя Карпатских гор, ликвидировать живую силу австро-венгерских армий.

Действительная жизнь с ее реальной боевой обстановкой прошла мимо этих смелых оперативно-стратегических замыслов царской ставки и командования юго-западного фронта, как это она сделала с командованием северо-западного фронта.

Сосредоточение и развертывание армий юго-западного фронта происходило под прикрытием четырех пограничных корпусов (14-го, 19-го, 11-го, 12-го) и шести кавалерийских дивизий (14-й, 1-й Донской, 7-й, 11-й, 12-й и 2-й сводной казачьей), раскинувшихся в приграничной полосе от Радома до Каменец-Подольска.

Выше мы уже говорили о тех мизерных результатах, которые были получены в период пограничных столкновений царским командованием, не сумевшим организовать эти столкновения так, чтобы они в основном раскрыли первоначальную стратегическую группировку противника.

Армии юго-западного фронта, производя стратегическое сосредоточение, выполняли директиву ставки от 12 августа (ее полное содержание см. выше), в которой было указано 3-й и 8-й армиям, не дожидаясь 3-го кавалерийского и 24-го корпусов, перейти в общее наступление с 19-го дня мобилизации (т. е. 18 августа), так как 4-я и 5-я армии запаздывают с развертыванием. Оперативные задачи армиям были поставлены в плане 1912 г. (табл. 17).

К 18 августа, т. е. спустя шесть дней после отдачи юго-западному фронту ставкой первой директивы, армии развернулись на фронте Люблин, Холм, Кременец, Проскуров протяжением в 400 км с неравномерной глубиной полосы стратегического развертывания, доходившей до 80—100 км.

4-я, 5-я, 3-я, 8-я армии в свой состав включили 33 пехотных дивизии, 3 стр. бригады и 12½ кавалерийских дивизий. Кроме того, в ближайшие 20 дней, т. е. к 30-му дню мобилизации, юго-западный фронт должен был получить 10 пехотных и 6 кавалерийских дивизий.

Организационно-численный состав армий фронта к 18 августа выражался в следующем виде (табл. 22).

К этому времени австро-венгерские армии развернулись под прикрытием 3 корпусов (1-й, 10-й, 11-й) и 5 кавалерийских дивизий, которые раскинулись впереди линии Краков, Ярослав, Львов, Станиславов, Черновицы. Действуя вместе с ландштурмистскими отрядами и постами жандармерии, они, как мы уже указывали выше, очень удачно сохранили у русского командования веру в то, что Конрад развертывает свои силы непосредственно у государственной границы. А потому концентрические удары со стороны 4-й и 5-й армий с севера и 3-й и 8-й русских армий с востока по замыслу Янушкевича, Данилова, Иванова, Алексеева должны были охватить с флангов полосу стратегического развертывания армий

Таблица 22

Армии	Корпуса	Дивизии		Фронт	Численность					Примечания
		Пех.	Кав.		Км	Батальонов	Эскадронов	Орудий	Штыков и сабель	
4-я [1] ген. Зальца	14-й, 16-й гренад.	6½	3,5	Люблин, Холм	60	104	84	426	196 000	[1] К этой армии должны были прибыть 3-й кав. корпус, 3 пех. дивизии и одна кав. дивизия — 85 тыс. бойцов.
5-я [2] ген. Плеве	25-й, 19-й, 5-й, 17-й	8	3	Холм, Ковель, Влад.-Волынск.	100	144	100	516	147 000	[2] Прибывали еще две пех. и две кавдивизии + тяж. арт. — 45 000 бойцов.
3-я [3] ген. Рузского	21-й, 11-й, 9-й, 10-й	12	3	Луцк, Дубно, Кременец	80	192	84	685	215 000	[3] Прибывали 1 кавдивизия + тяж. арт. — 6 000 бойцов.
8-я [4] ген. Брусилова	7-й, 16-й, 8-й	8	3	Проскуровский район	60	136	56	472	139 000	[4] Ожидался 24-й корпус, 1 пех. и 2 кав. дивизии — 62 000 бойцов.

Тяжелой артиллерии в царской армии к началу войны было очень мало. На юго-западный фронт к концу августа 1914 г. прибывала тяжелая и гаубичная:
в 4-ю и 5-ю армию — 36 орудий,
в 3-ю армию — 24 орудия,
в 8-ю армию — 12 орудий.

Австро-Венгрии. Но в действительности эти армии ударили не по флангам, а по изготовившемуся принять атаку огневому фронту, так как линия стратегического развертывания была Конрадом отнесена на 100—150 км назад.

Организационно-численный состав австро-венгерских армий и занимаемый ими фронт развертывания выражался, как это показано в таблице 23.

Таким образом, если мы сопоставим две развернувшиеся стороны, то можно притти к следующим основным выводам, говорящим нам, с какими плюсами и минусами вступали обе стороны в большое пограничное сражение.

Основные и наиболее численно сильные группировки обоих противников были на противоположных флангах стратегического фронта (см. табл. 22 и 23).

Так, например, холмо-люблинская группа состояла из 13 пехотных и 6½ кавалерийских дивизий, разместившихся на фронте в 160 км, в то время как образовавшая главную группировку ровно-проскуровская состояла из 20 пехотных и 6 кавалерийских дивизий на фронте в 120 км.

Против этих групп соответственно собрались две группы австро-венгерских армий.

Первая группа в составе войск Куммера, 1-й, 4-й, 3-й армий из 25 пехотных и 8 кавалерийских дивизий — на фронте 180 км и вторая группа в составе армейской группы Кевеса с постепенно прибывавшими обратно с сербской границы частями 2-й армии Бем-Ермоли в составе 8 пехотных и 3 кавалерийских дивизий — на фронте в 200 км. Такая оперативная группировка сил сторон давала возможность австрийцам иметь успех между Бугом и Вислой в люблинском направлении, а русским вторгнуться в Галицию в общем направлении Самбор, Станиславов.

Здесь необходимо лишь подчеркнуть, что хотя 3-я и 8-я русские армии несколько ближе сосредоточивались к государственной границе, чем 4-я и 5-я армии, однако эта разница не могла иметь большого значения, так как в связи с отнесением австрийцами своего развертывания на запад от границы, 3-я и 8-я армии, не зная этого отнесения, в первые дни принуждены были ударить по пустому месту. Печальный результат этого удара и вызвал горькое признание Данилова, что «23 августа выяснилось, что наши сведения мирного времени, касавшиеся формы плана стратегического развертывания австро-венгерских армий, оказались неточными и что развертывание австрийцев произошло в действительности значительно западнее, чем мы ожидали». Все это верно, но Данилов ни слова не говорит о том, что эту «неточность» можно было бы компенсировать за счет хорошо организованного периода первоначальных пограничных разведывательных боев, и тогда эти «неточность» и «неясность» с развертыванием армий противника были бы в значительной степени устранены.

Положение 4-й и 5-й русских армий было с первого же дня вступления в бои пограничного сражения крайне невыгодным, так как, будучи слабее австрийцев, они попадали в охватывающее

Таблица 23

Армии	Корпуса	Дивизии: пех.	Дивизии: кав.	Фронт	Км	Батальонов	Эскадронов	Батарей / Орудий	Бойцов (в тыс.)	Примечания
1-я армия ген. Данкля	1-й, 5-й, 10-й	9	2	От устья Сана до Синявы	80	180	77	82 / 468	228	*1.* К Львову были выдвинуты части 11-го корпуса.
4-я армия ген. Ауффенберга	2-й, 6-й, 9-й, 17-й	8	2	От Ярослава до Перемышля	40	147	71	76 / 438	208	*2.* Кроме этих развернувшихся к 20 августа армий прибывали новые части: в 1-ю арм.—14 бат. и 12 ор.—15 000 чел., в 4-ю арм.—39 бат., 25 эск., 60 ор.—51 000 чел., в 3-ю арм.—57 бат., 8 эск., 48 ор.—68 000 чел.
3-я армия ген. Брудермана	11-й, 14-й	6	3	Перемышль, Самбор	40	102	92	56 / 336	139	
Арм. группа Кевеса; в эту группу прибывали части 2-й армии с сербской границы	3-й, 12-й, 7-й, 4-й, ландштурм. части	8	3	Самбор, Станиславов, Черновицы	200	143	94	81 / 486	158	Армейская группа Кевеса, части из 2-й армии с сербской границы (7-й, 4-й корпуса, марш. и ландштурм. бригады и т. д.) —130 000 чел.
		—	—		—	92	14	34 / 204	130	
Арм. группа ген. Куммера и германск. корпус Войерша	—	2½	1	Район Кракова	20	45	27	23 / 138	60	
	—	2	—	Калиш, Бендин	160	34	12	12 / 72	38	

положение со стороны армейской группы Куммера при взаимодействии ее с корпусом Войерша, 1-й и 4-й армиями.

Но эта главная операция австрийцев не была обеспечена справа, так как 3-я армия должна была неизбежно втянуться в бой к северо-востоку от Львова, а армейская группа Кевеса была очень малочисленной. 2-я же армия, которая по новому плану стратегического развертывания 1913 г. должна была действовать вместе с 3-й армией, была, как мы уже знаем, загнана к сербской границе и ее возвращения целиком можно было ожидать лишь во второй половине сентября.

И пока происходила расстановка сил в стратегическом развертывании, обе стороны окончательно решили действовать самым активным образом. Мало того, царская ставка требовала от юго-западного фронта, несмотря на неполное сосредоточение 4-й и 5-й армий, как можно скорее переходить не только в «стремительное наступление», но даже в «непреклонное ураганное наступление». Конрад, выполняя требования германского командования о скорейшем вторжении в Польшу, решает, не ожидая сосредоточения 2-й армии, перейти в наступление (26-го) 1-й и 4-й армиями при деятельной поддержке со стороны Войерша и Куммера в люблинском направлении и для лучшего обеспечения этой операции передает корпуса Кевеса в 3-ю армию. Но, конечно, от факта этой передачи на правом фланге австрийского стратегического фронта корпусов не прибавилось и отсутствие в Галиции корпусов 2-й армии этим не могло быть восполнено.

Таким образом, первое большое пограничное сражение должно было после первых серьезных встречных боев дать свои результаты в двух оперативных группировках сторон. Совершенно естественно, в силу даже численного соотношения сторон на отдельных направлениях, уже в первых боях у Красника и Томашева русские войска, собранные в 4-й и 5-й армиях, не могли рассчитывать на успех, так как им, как и австрийцам с их плохо обеспеченным львовско-станиславовским фронтом, трудно было устоять перед противником, который имел более чем двойное превосходство сил.

Большое пограничное сражение, начавшись 23 августа на левом фланге австро-венгерского стратегического фронта, через три дня перекинулось и к правому флангу. После нескольких переходов по фактически пустому от войск пространству к западу от государственной границы 3-я и 8-я армии наконец также столкнулись на фронте р. Золотая Липа с австрийскими корпусами 3-й армии, усиленной армейской группой Кевеса.

И, наконец, встает основной вопрос: насколько пограничное сражение для обеих сторон вытекало из плана стратегического развертывания, составленного задолго до этого сражения? Могло ли при такой оперативно-стратегической группировке и численном соотношении быть достигнуто для русских концентрическое наступление в Галиции, а для австрийцев — разгром 4-й и 5-й русских армий и захват передового театра совместно с 8-й германской армией?

На эти два вопроса приходится ответить отрицательно. Анализ вышеизложенного определенно говорит, что характер такого стратегического развертывания сторон должен был привести к простому фронтальному столкновению как в Восточной Пруссии, так и в Галиции. Конечно, это не исключало того обстоятельства, что на отдельных направлениях, в зависимости от искусства той или другой стороны, могли иметь место такие факты, как оперативный успех гинденбурговских клещей в отношении 2-й армии Самсонова (Самсонов вместе с Жилинским и Ренненкампфом оказались лучшими помощниками Гинденбургу, помогая ему взять в плен корпуса 2-й русской армии), а также успех русских 3-й и 8-й армий на львовско-станиславовском направлении в силу их подавляющего численного превосходства. Но все же ни Конраду, ни Янушкевичу, Данилову не удалось осуществить те стратегические замыслы, которые были вложены в план стратегического развертывания. Первое большое пограничное сражение как на французском, так особенно на русском фронте со всей ясностью говорило, что кончить начавшуюся мировую войну до осеннего листопада ни одной из воюющих группировок не удастся, несмотря на исключительную торопливость в действиях каждой из сторон.

В свете событий августа и сентября 1914 г. спешка и торопливость в наступательных планах и действиях на восточно-европейском театре войны особенно показательна именно в том отношении, что фактически никто не понял изменившегося характера современной войны с ее крайне сложной политической и социально-экономической обстановкой, с ее крайне усложнившейся техникой, которая стала не только более удобной, но и стала диктаторствовать над средствами наступления, придав и передав огромную силу энергии средствам обороны.

Мы видели, что и до 17—18 августа, т. е. до момента стратегического развертывания северо-западного и юго-западного фронтов, со стороны ставки шло непрерывное подхлестывание фронтов к усилению активных действий.

22 августа последовал опять ряд телеграмм, в которых ставка требовала от северо-западного фронта «энергичного и безостановочного наступления», с тем чтобы «покончить поскорее с Восточной Пруссией»; также и юго-западному фронту указывалось о «скорейшем вторжении 3-й и 8-й армий в Галицию». Напоминания такого характера повторялись фронтам несколько раз. Эта торопливость с наступлением пачками, по частям, ввиду незаконченного сосредоточения корпусов, исходила не только из твердого требования и нажима со стороны Франции, не только из боязни, что германцы в помощь австрийцам перебросят на русский фронт свои силы, но главным образом из простого непонимания характера современной войны. И, как мы видели, это подхлестывание и импровизация в развертывании армий даром не прошли. Неготовые, несобранные войска были двинуты отдельными частями в форсированные марши. Тылы этих армий находились в нескольких переходах от войск, и вскоре последовали соответствую-

щие результаты. 2-я армия была разгромлена, и две трети сил ее были захвачены 8-й германской армией в плен; 4-я и 5-я армии, брошенные неготовыми в район Красника, потерпели поражение. Успех со взятием Львова не был развит, так как уже в конце августа и в начале сентября стал ощущаться резкий недостаток огнеприпасов. Например, 21 сентября юго-западный фронт просто приостановил наступление на Перемышль и все боевые действия по фронту, прося ставку «местные парки довести до 100 патронов на орудие», так как с 15 сентября их имелось «всего лишь 25».

Как и всегда бывает в таких случаях, все эти неудачи повели к организационным мероприятиям и перегруппировкам в личном составе. Главковерх телеграфировал царю, что «склоняет перед ним повинную голову» за поражение армии Самсонова и неудачи у Ренненкампфа. Он писал, что «ген. Жилинский потерял голову и вообще не способен руководить операциями», а поэтому просил поскорее его убрать с должности главкосевзапфронта. Ренненкампф уехал от армии в Вильковишки, он также «потерял голову», как писал главковерх. То же самое в конце августа происходило и у французов. После большого пограничного сражения армии стремительно отступали к Марне, а главное командование приказывало расстреливать бегущих солдат, снимало десятки генералов с корпусов и дивизий, отстраняло командармов, т. е. своеобразно стремилось исправить вопросы подготовки мирного времени и ошибки своей стратегии и развертывания своих армий. Так же поступило сейчас же после Марнского сражения и главное германское командование, уволив в отставку генерала Мольтке-младшего и произведя целый ряд перестановок в личном составе.

Зловещие телеграммы, которые уже в августе и сентябре 1914 г. потекли обильным потоком из всех без исключения армий воюющих коалиций с категорическим требованием о скорейшей присылке на фронт огнеприпасов и нового вооружения, особенно тяжелой артиллерии, ясно говорили о том, что война затянется на долгие месяцы, а более прозорливые люди уже в сентябре говорили, что дело войны растянется не на год и не на два. Поучительный опыт августа 1914 г. показал, что характер современной войны с ее сложной техникой, с ее миллионными армиями и качественно и количественно во всех буквально отношениях отличается от войн наполеоновско-мольтковской эпохи. Живучесть современных армий и увеличившаяся обороноспособность государств уже в августе—сентябре 1914 г. со всей ясностью подтвердили, что современную большую коалиционную войну в несколько первых месяцев окончить нельзя, так как силы и средства в той или иной степени имеются и у противников. И вступив в войну, которая вызывает на арену борьбы десятки миллионов людей с огромными техническими средствами истребления, из нее выйти можно лишь после огромного напряжения всех сил страны, входящей в ту или иную вооруженную коалицию.

Эффективные стремительные удары в наполеоновском или мольтковском стиле в современных условиях, если они всесто-

ронне продуманы и хорошо организованы, могут дать лишь оперативный успех на том или другом направлении. Но один или два таких больших успеха с разгромом одной, другой армии, действующей в составе фронта, в современной войне еще не дают такого результата, который бы привел к быстрому окончанию войны в целом.

Здесь читатель в праве спросить: а тогда как же обстоит дело с декабрьским вариантом плана войны 1905 г. Шлиффена, а также его стратегической концепцией, которая была заложена в это исключительное по своей творческой силе оперативно-стратегическое произведение?

Трудно говорить о том, что было составлено лишь на бумаге, но не проводилось в действительной боевой жизни, ибо еще раз повторяем, что тот план, который осуществлялся германскими армиями в августе — сентябре 1914 г., был произведением Мольтке-младшего, но никак не Шлиффена.

Во всяком случае, если форма и напоминает собой декабрьский вариант стратегического развертывания Шлиффена, то содержание этого развертывания было совершенно другим, как и сам руководитель этого развертывания при осуществлении его в боевой жизни был во всех отношениях совершенно иной. Для нас несомненным остается то положение, что если бы Шлиффен был в августе 1914 г. на месте Мольтке-младшего, то, во-первых, его декабрьский вариант был бы дополнен целым рядом новых конкретных данных, вытекающих из той совершенно новой политико-экономической обстановки, которая сложилась к 1914 г., из новых военно-технических факторов, появившихся за период с 1905 по 1913 г. (некоторым отражением которых может служить статья Шлиффена «Будущая война» в 1909 г., а также его набросок варианта 1912 г.). И, во-вторых, мы очень сильно сомневаемся, удалось ли бы французам во главе с Жоффром при Шлиффене сохранить Париж, как это они сумели сделать при Мольтке-младшем, ибо мы считаем, что Шлиффен никогда бы не стал ослаблять в процессе наступления правое ударное крыло на целых 13 дивизий, как это сделал Мольтке-младший в августе 1914 г. Но падение Парижа не означало бы конца войны в сентябре 1914 г.; несомненно одно — при увеличившейся в огромных размерах обороноспособности современных больших государств война продолжалась бы на новом этапе, в новых политических и стратегических условиях.

Глава XV

РАЗВИТИЕ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ЖИВЫХ СИЛ ЗА ПЕРИОД с 1914 по 1918 г.

Если проанализировать структуру государственного аппарата в целом и в его отдельных частях у всех воюющих государств, то мы наглядно увидим резкое, коренное изменение, подчас полную

перестройку того, что было к началу войны 1914 г., в конце этого года и к началу решительного финального периода мировой войны — к 1918 г. (включая сюда и Россию до ее выхода из войны).

Все без исключения воюющие государства на опыте 1914 и 1915 гг. убедились, что их предположения о сроках длительности мировой войны и расчет вести войну в основном на запасах, заготовленных в мирное время, были ошибочны. Чрезвычайно быстрое, примерно к ноябрю 1914 г., израсходование всех этих мобилизационных запасов потребовало коренного переустройства и изменения всей системы народного хозяйства и промышленности, подчинив их целиком интересам и нуждам войны с ее разнохарактерным снабжением.

И уже к началу 1915 г. почти все генеральные штабы заговорили, что надо было строить все государство в мирное время так, чтобы не подвергать всю его многообразную структуру такой спешной коренной переделке и переустройству для целей войны. Конечно, эти «плановые» мысли мало трогали многочисленных капиталистических биржевых маклеров и спекулянтов [1]. В поставках для войны они попрежнему спешили нажить и наживали невиданные прибыли. Они спешили это сделать еще и потому, что многие ученые экономисты уже в начале войны предсказывали, что война прекратится скоро сама собой в результате народнохозяйственной разрухи. Но это «скоро» продолжалось 4 года.

Исключительно быстрое расходование мобилизационных запасов в первые же два месяца войны без какого-либо решительного стратегического успеха на театре военных действий, естественно, сразу же вызвало у более дальновидных деятелей буржуазии скептицизм и сомнение в возможности быстрого окончания начавшейся мировой войны. Отсюда не случайным был ответ в марте 1915 г. английского военного министра Китченера. На вопрос ему: «Когда окончится война?» он спокойно ответил: «Я не знаю, когда она окончится, но начнется она летом 1916 г.», — иными словами, тогда, когда непрерывно увеличивающийся рост количества дивизий будет военной промышленностью обеспечен необходимым вооружением и снаряжением.

Грандиозный масштаб войны потребовал колоссального, невиданного до этого, количества на боевые фронты военного оружия и снаряжения, которые в процессе самой войны резко видоизменились; возник целый ряд совершенно новых видов оружия и вооружения. Военная промышленность оказалась величайшим фактором: от качества и количества ее работы и продукции в полной мере зависели оперативно-стратегические замыслы и варианты военного командования.

---

[1] Уже с ноября 1914 г. во всех воюющих государствах правительства принуждены были беспрерывно подхлестывать работу для нужд войны, давая огромные заказы как казенным, так и мобилизованным частновладельческим фабрикам и заводам. Наиболее организованно это происходило в Англии, Германии и Франции, наименее организованно в царской России и лоскутной монархии Австро-Венгрии, несмотря даже на то, что германские капиталисты фактически диктаторствовали в промышленности и сельскохозяйственной жизни последней.

Жизнь с презрительной усмешкой проходила мимо тех генеральных штабов, у которых полет оперативно-стратегической фантазии с ее вариантами, красиво разрисованными на картах и схемах, не был твердо согласован с решающим фактором военной промышленности, впитавшей в себя все соки народного хозяйства в целом. А таких генеральных штабов было большинство. Это обстоятельство замечательно метко охарактеризовал товарищ Сталин, который сказал: «К сожалению, хорошие военные специалисты не всегда хорошие экономисты, и не всегда они различают между силой оружия и силой законов экономики»[1]. Уже в 1915—1916 гг. каждому стало ясно, что система деления на «фронт» и «тыл» метафизична, искусственна, нереальна, что театр военных действий — это не только там, где стреляют. Так могли думать лишь старушки из слишком удаленных от железной дороги деревушек в глубине большой страны. Но большинству было ясно, что вся страна в целом (вне зависимости от того, хотят или не хотят этого биржевые спекулянты) является театром военных действий. Иными словами, каждая страна, входившая в ту или иную воюющую коалицию, оказалась целиком в кровавых лапах империалистической войны.

Гинденбурговский лозунг, брошенный на рубеже 1915 и 1916 гг., «Победит лишь тот, у кого выдержат дух и нервы» — оказался однобоким, немощным, пустой фразой, ибо победить мог лишь тот, кто и материально и морально оказался более сильным. И если бы США в решительный 1918 г. выступили на стороне Четверного союза, а не Антанты, то совершенно еще неизвестно, кончилась ли бы война в 1918 г. Также никто не может уверенно сказать, что победила бы все равно именно Антанта. Ясно одно, что вне зависимости от того, кто победил бы, на свете не мог не существовать капиталистический кабальный Версальский или ему подобный мир, как пролог, как база для новой империалистической войны.

Если бы мы взяли только две цифры[2] для царской России, а именно 65 000 пострадавших за 1914—1916 гг. от ядовитых газов и 3 млн. получивших увечья и ранения в бою, то увидели бы, что в этих цифрах процент потерь от недоброкачественности противогазов и их количественного недостатка, а также от недостатка огнеприпасов был очень значителен.

55 лет тому назад в своем бессмертном произведении «Анти-Дюринг» Энгельс писал:

«...Мы уже видели влияние технического прогресса в его применении к военному делу и проследили, как введение технических усовершенствований каждый раз почти насильно вело за собою изменения и даже целые перевороты в способе ведения войны, часто к тому же против воли военного начальства. А в какой сильной зависимости находятся военные действия сверх того от производительных сил и средств сообщения тыла армии, равно как и театра

[1] См. беседу товарища Сталина с Дюранти. «Правда», 4 января 1934 г. разрядка наша.—*Вл. М.).*

[2] Данные по сведениям главного военно-санитарного инспектора и Народного комиссариата здравоохранения.

военных действий, это теперь может объяснить господину Дюрингу каждый старательный унтер-офицер. Одним словом, «сила» всегда и везде одерживала победы не иначе, как при помощи экономических условий и средств, без которых она перестает быть силой, и тот, кто вздумает, следуя Дюрингу, преобразовывать военное дело с противоположного конца, не пожнет ничего, кроме тумаков» [1].

На многообразном и богатейшем примере мировой войны 1914—1918 гг. эти мысли великого Энгельса целиком и полностью оправдались.

Мировая империалистическая война выдвинула на арену борьбы четыре новых технических фактора: авиацию, химию, автобронетанковые силы и автотранспорт, развив количественно и качественно артиллерийские средства подавления до невиданных до этого размеров. Эти новые технические факторы, всецело зависящие от производительных сил воюющих коалиций, буквально изменили общий вид современных полей сражения, естественно потребовав совершенно новых способов и приемов в управлении миллионными армиями, насыщенными техническими средствами истребления.

История никогда еще на своих страницах не фиксировала такой невиданной плотности фронтов с колоссальным насыщением их живыми силами и техническими средствами, как это имело место в последний год мировой войны на западном фронте.

Чтобы иллюстрировать эти мысли, мы возьмем три основных наступательных операции германской армии в 1918 г.: в марте в Пикардии, в мае на Шмен-де-Дам и к Шато-Тьерри и, наконец, так называемую вторую Марну в июле.

Во всех этих трех наступлениях мы видим неслыханную насыщенность фронтов бойцами и техникой. Так, например, во время 1-го мартовского наступления на 70-км фронте прорыва против укрепленного фронта союзников германцами было сосредоточено на каждый 1 км фронта: 1 пехотная дивизия, 120 орудий и 15 самолетов [2]. Во 2-м майском наступлении на 38-км фронте прорыва на каждые 1½ км приходилось: 1 пехотная дивизия, 120 орудий и 20 самолетов. В 3-м июльском наступлении на 80-км (два направления 46 км плюс 34 км) фронте прорыва на каждые 1½ км было сосредоточено по 1 пехотной дивизии, 100 орудий и 15 самолетов.

Такое массирование техники не могло не выдвинуть на первое место вопрос планирования взаимодействия родов войск и впервые ребром не поставить вопрос, чтобы план операции на земле разрабатывался при теснейшем и активнейшем сотрудничестве с действиями воздушных сил.

В свете этих факторов и цифр каждому должно быть ясно, что стратегические и оперативно-тактические формы действий и упра-

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936 г., стр. 122.

[2] На этом фронте, где действовали 2-я, 17-я и 18-я германские армии, были впервые сосредоточены огромные силы авиации. Эти массированные авиасилы включали в себя 300 самолетов разведчиков, 400 истребителей, 245 штурмовиков и 72 бомбардировщика, для которых было подготовлено 120 аэродромов. Но уже на 6-й день развития операции эти силы встретили не менее мощный контрудар с воздуха со стороны контратакующих союзных армий.

вление этими действиями должны были получить совершенно иные приемы и способы.

Наполеоновские методы действий, которыми были насыщены планы полководцев, прошедших через школу многочисленных войн за столетний период, с 1814 по 1914 г., с основной мыслью посредством одного решительного удара сокрушить врага и закончить целую войну, оказались в период 1914—1918 гг. неприемлемыми, невозможными. Опыт мировой войны наглядно показал, что прорывы с колоссальным насыщением бойцами и техникой продавливали лишь стратегический фронт на одном из его участков, отнюдь не потрясая и не ломая его целиком, что в лучшем случае посредством одного решительного и хорошо организованного удара можно разгромить отдельную армию, участвующую в составе фронта, и не больше. Но и это не приносило должного эффекта, так как на месте этих разгромленных корпусов и дивизий появлялись новые силы и средства и борьба опять продолжалась с огромной энергией и упорством. Это кровавое и техническое соревнование продолжалось вплоть до момента, когда одна из коалиций в решительный момент получила нового богатейшего союзника в лице Америки с ее армией. Лишь только тогда чаша весов оказалась перетянутой на сторону Антанты, ибо на другой стороне, где находилась коалиция держав Четверного союза, живые силы и технические средства в 1918 г. были уже на пределе, на исходе и без особых перспектив получить новые.

До мировой войны опыт использования а в и а ц и и в боевых операциях был крайне ограниченным и случайным. Малочисленная и еще слабая по своим летно-конструкторским и техническим возможностям, с крайне малочисленным кадром летного состава во всех армиях Европы, авиация была далеко не на переднем плане и если все же состояла на вооружении европейских армий, то не как решающее средство борьбы, а как потенциальная сила с колоссальными перспективами в будущем.

Лучшим показателем прямого неучета этого нового величайшего фактора в современных операциях может служить тот факт, что в 1914 г. основные европейские державы располагали лишь двумятремя сотнями самолетов; Россия имела 263, Германия — 232, Франция — 156 и Англия — 30.

В ответственнейший период мобилизации, стратегического сосредоточения и развертывания в 1914 г., как мы видели выше, авиация не сыграла сколько-нибудь заметной роли. Она вылетала по отдельным направлениям с разведывательной целью, но эти воздушные прогулки мало кого интересовали. И даже тогда, когда в августе 1914 г. русская авиация в Восточной Пруссии определила группировку противника, то ей просто не поверили, или когда французские летчики донесли, что армия Клука скользнула на юг от Парижа, то эти важнейшие оперативно-стратегические данные не произвели должного впечатления во французской главной квартире ген. Жоффра. Лишь военный губернатор Парижа ген. Галлиени понял, что это дает возможность сосредоточить кулак на левом фланге стратегического фронта союзников. Ген. Галлиени до самой смерти

(1916 г.) так и не мог уяснить себе [1], что он являлся одним из первых генералов мировой войны, который поверил в разведывательную силу авиации, поверил в те сведения, которые она принесла о ген. Клуке. И что замечательно, ведь благодаря этому обстоятельству впервые был вызван на сцену первый автомобильный марш-маневр в мировой войне в виде переброски на парижских такси и грузовиках пехотных полков на левый фланг к р. Урк. Так, постепенно отвоевывая себе место под солнцем, авиация дала толчок и потянула за собой на сцену вооруженной борьбы новый могущественный фактор в лице использования автотранспорта для оперативно-стратегических целей. В дальнейшем использование автотранспорта развилось до огромных размеров.

В истории авиации есть кое-что общее с судьбой конницы, но с той лишь разницей, что в маневренный период 1914—1915 гг. многочисленная конница была бесталанно и примитивно использована командованием воюющих коалиций и к 1917—1918 гг. совершенно бессмысленно сошла с полей сражения, не сумев использовать в своих целях новую технику, в то время как малочисленная авиация 1914—1915 гг., несмотря на далеко не правильное использование ее командованием, все же к 1917—1918 гг. нашла свое место на поле сражения и превратилась в решительный и величайший фактор войны.

И в то время как конница, постепенно теряя свою подвижность, обращалась при прямой помощи и содействии своего же командования в ездящую пехоту, в 1915 г. авиация, постепенно завоевывая свое место на современных полях сражения, развилась уже в три основных вида — разведывательную, истребительную и бомбардировочную. Но это, конечно, вовсе еще не значило, что уже в 1915 г. все эти три рода авиации давали полноценную работу. Будет правильно сказать, что за всю мировую войну лишь разведывательная и истребительная авиация развилась должным образом, указав широкую дорогу и блестящие возможности (Верден, Сомма) для развития бомбардировочной и штурмовой авиации.

Созданная на основе опыта последнего периода мировой войны, бомбардировочная и штурмовая авиация за 15-летний промежуток времени превратилась в мощное средство борьбы, имеющее постоянную тенденцию к своему дальнейшему развитию и качественному и количественному росту.

Уже за период мировой войны темп количественного роста авиации был довольно значителен и удельный вес ее в боевом вооружении воюющих армий постоянно возрастал. 500—700 новых боевых самолетов для работы на фронте — вот та годовая норма, которую мы наблюдаем в армиях Франции, Германии и Англии [2].

---

[1] Это в полной мере подтверждают написанные им в 1915 г. мемуары «Оборона Парижа».

[2] Продукция же авиапромышленности в период 1914—1918 гг. росла с огромной быстротой, делая следующие скачки в производстве самолетов и моторов: в 1914 г. во Франции, Англии, Италии, США, Германии было произведено 2 134 самолета и 2 012 моторов; в 1916 г.—уже 21 880 самолетов и 29 970 моторов; в 1918 г. эти цифры поднялись до 84 100 самолетов и 124 407 моторов. За

В этих нормах была уже заложена тенденция к дальнейшему количественному и качественному росту авиации, давшая на сегодняшний день Франции и ее промышленности возможность за год выставить около 10 000 самолетов, т. е. количество, равное общей численности самолетов у всех воюющих армий к концу мировой войны [1].

Темп роста боевых самолетов в войсковых частях в период 1914—1918 гг. был следующий:

Таблица 24

Годы	Франция	Германия	Англия	Россия	Австро-Венгрия
1914	156 (в запасе 400)	232	30	263 (по другим данным 190)	55
1915	300	476	53 (январь)	Свед. нет	Свед. нет
1916	783	1 604	522	360	240
1917	1 446	2 000	Свед. нет	700	437
1918	2 446 (январь) 3 321 (ноябрь)	2 730 (август)	1 758 (ноябрь)	Вышла из мировой войны	622

Таким образом, несмотря на огромные, тысячные потери в летном составе [2], пополнение которого представляло особые трудности во всех армиях, рост боевых самолетов для операций с воздуха из года в год непрерывно увеличивался.

Непрерывно улучшались и летно-тактические свойства самолетов: каждый год войны приносил все новые и новые достижения. Боевая действительность заставляла непрерывно совершенствовать полетные качества самолетов. И если мы сопоставим качества самолетов, с которыми они вступили в мировую войну, с теми данными, которые были достигнуты к ее концу, то картина будет весьма показательной. Горизонтальная скорость полета исчислялась к 1914 г. в среднем 80 км/час.; скороподъемность на 2 000 м от 30 мин. до 1 часа; потолок 2 500—3 000 м; продолжительность полета 2—3 часа; полная нагрузка 300 кг; боевая нагрузка 0; мощность мотора 60—80 лошадиных сил. Эти летно-тактические свойства, пройдя горнило мировой войны, в ее последний, заключительный

весь же период мировой войны продукция авиапромышленности выразилась в весьма внушительных цифрах: 180 800 самолетов и 240 000 моторов.

[1] По данным английской печати, современная Германия ежемесячно выпускает по 450—500 самолетов.

[2] Например, потери убитыми и ранеными в Англии за 1914—1918 гг. выразились в цифре 7 589, во Франции — 6 158, в Германии — 11 373.

1918 г. дали следующие качественные показатели для различных видов самолетов:

Таблица 25

Боевое назначение	Гориз. скорость (максим. в км/ч)	Подъем на 300 м в минуту	Потолок в м	Продолжительность полета в час	Полная нагрузка в кг	Боевая нагрузка бомбы в кг	Мощность мотора в лошадиных силах
Разведчики	180	25	5 500	4	500	100	260—300
Истребители	220	12	7 000	2	350	—	200
Легкие бомбардировщики (штурмовики)	180	30	5 500	4	750	300	260—300
Тяжелые бомбардировщики .	130	45	4 500	7	3 000	1 000	1 040

Вот те огромные достижения в летно-тактических свойствах самолетов, которые были достигнуты за четырехлетний период мировой империалистической войны. А эти качественные показатели, улучшаясь и совершенствуясь под огнем боевого фронта, давали уже в период «второй Марны» в июле 1918 г.[1] возможность вести воздушный бой в трех этажах. 400[2] французских самолетов, выполняя приказ Манжена «очистить небо от противника», повели борьбу в трех этажах атмосферы.

1-й этаж — борьба с германскими истребителями (выше 2 000 м);

2-й этаж — борьба с разведчиками (2 000 м);

3-й этаж — обстрел земных целей и противодействие этому обстрелу с воздуха (ниже 1 000 м).

Как увидим ниже, при анализе стратегического развертывания сторон в 1918 г., массирование авиации к началу решительного наступательного удара с придачей ударным армиям, участвующим в прорыве, сотен авиаединиц (до 400 и более самолетов на армию), создание воздушной завесы из истребителей от проникновения неприятельских разведчиков перед организацией внезапного наступления-прорыва, бомбардировочная деятельность против войск и глубоких тылов — все это нашло свое значительное выражение, особенно в финальном 1918 г. мировой войны.

Все это мы говорим для того, чтобы была ясной картина закономерного развития авиации, чтобы было нагляднее видно, как явле-

[1] Вл. Меликов, Вторая Марна 1918 г., «Война и Революция», кн. 5, 1931 г., стр. 1—33.

[2] Качественное и количественное развитие авиации вызывало свои организационные формы; так, например, в мае 1918 г., наряду с существованием отрядов, эскадр, бригад, французское главное командование сформировало воздушную дивизию в составе 2 авиабригад почти из всех видов самолетов, общей численностью в 600 боевых самолетов.

ние возникло, какие этапы оно проходило и чем данная вещь стала на современном этапе своего развития, о котором мы будем говорить в последних главах нашей работы.

Химическое оружие, как средство нападения, было применено впервые в мировой войне. И надо считать, что в ней оно получило лишь свое начальное развитие. Будущее химических средств нападения — в новой большой мировой войне. Сейчас можно лишь приблизительно наметить дальнейшее развитие этого могущественного средства истребления. В химических лабораториях империалистических государств, в строжайшей тайне, с тем чтобы достигнуть наибольшего эффекта внезапности, буржуазия и ее химики-профессора сейчас усиленно работают над изобретением новых боевых газов. Успех первых газобаллонных атак в апреле (Ипр) и мае (Болимов) в 1915 г. дал германцам большой моральный эффект, так как эти две первые газовые атаки на англо-французском и русском фронтах обрушились на войска, которые совершенно не имели средств противохимической обороны.

Первая атака велась на 6-км участке фронта и быстро вывела 15 000 человек французской колониальной дивизии, вторая на участке в 12 км и вывела из строя 9 000 человек Сибирской дивизии. После этих газобаллонных хлорных атак германские войска не переходили в наступление, очевидно сами используя эти атаки как эксперимент. И надо сказать, этот эксперимент германцам вполне удался, так как произвел на противника буквально потрясающее, паническое воздействие. С осени 1915 г. германцы для газобаллонных атак стали применять уже смесь хлора с фосгеном [1], значительно более ядовитую, чем чистый хлор.

Но на войне каждое действие обычно вызывает противодействие, и мы видим, что уже в конце сентября 1915 г. англичане, в феврале 1916 г. французы, а в июле 1916 г. русские также начинают производить газобаллонные атаки. Англичанам и французам они удаются, но без должного эффекта, так как германские войска были в противогазах; у царского командования эта газовая атака была сорвана ураганным артиллерийским огнем, заставившим русские войска отойти с занимаемых позиций и разрушившим все их баллоны с газами. Одновременно с примитивным способом применения боевых газов на небольших участках фронта до 8—12 км посредством газобаллонов, которые требуют попутного ветра и большой по времени подготовки (несколько суток), шло испробование артиллерийской стрельбы химическими снарядами. Последние очень скоро завоевали первенство и стали широко применяться воюющими странами.

В ночь на 23 июля 1916 г. на р. Маас 40 германских батарей легких полевых гаубиц и 16 батарей пушек в течение 8 часов выпу-

[1] Фосген действует как вещество, сильно раздражающее легкие, вызывает быстрое повреждение слизистой оболочки дыхательных путей. Даже в минимальном количестве он вызывает чувство невыносимого жжения в носу, глотке и легких. При передвижении у поражаемого этим газом отек легких возрастает с большей быстротой и дает смертельное удушье. В большинстве случаев люди со слабым сердцем при отравлении фосгеном умирают быстро, так как действие этого газа ослабляет работу легких и сердечную деятельность.

стили 110 000 снарядов. Была заполнена газом площадь по фронту 1 км и в глубину 5 км. Потери французов — 1 600 газоотравленных (около 30% общего количества войск, находившихся на этой площади), из которых смертельно отравленных только 90 человек. Пониженный процент смертельных поражений по сравнению с первыми атаками (когда из 15 000 умерло 5 000, а из 9 000 умерло 6 000) объясняется в первую очередь широким развитием противохимических средств, которыми были к этому времени обеспечены войска.

Применение боевых газов — хлора, фосгена, иприта[1] — было широко развито в период 1915—1918 гг. на всех фронтах мировой войны. Отравляющие вещества по далеко не полным данным вызвали потери во всех армиях около 1 млн. человек.

Непрерывно увеличивающийся размах применения химического оружия потребовал увеличения химической промышленной продукции до десятков тысяч тонн боевых газов, которыми снаряжались миллионы снарядов. Для того, чтобы представить себе современное состояние химической промышленности в капиталистических странах, достаточно сказать, что сейчас одно крупное капиталистическое государство в состоянии в один год дать в несколько раз большее количество боевых газов, чем те 13 000 т иприта, 40 000 т фосгена и 20 000 т дифосгена, которые были приготовлены за три года войны. Лишь наивные люди могут верить в различные женевские договоры о запрещении применения боевых газов на войне. До мировой войны в Женеве хранилось очень много различных договоров по вопросам химического оружия, разрывных пуль, бомбометания с воздуха и прочих средств истребления, но боевая действительность в 1914—1918 гг. целиком и полностью ликвидировала все эти гуманные договоры. Если полиция капиталистических стран сейчас, в мирное время, широко применяет различные газовые атаки против рабочих демонстраций, если в застенках боевыми газами травят коммунистов, а в Абиссинии итальянцы очень широко применяли иприт, то надо быть безнадежным слепцом, чтобы хоть на секунду верить, что будущая война будет проходить без химического оружия.

Мы могли бы привести сотни высказываний крупных профессоров-химиков и военных деятелей капиталистических стран, которые говорят не о том, что боевые газы не будут применены в новой войне, а о том, что сейчас во всех крупных капиталистических государствах имеются несравненно более сильные боевые газы и что выработаны несравненно лучшие и более совершенные способы

[1] Иприт (горчичный газ) был впервые применен германцами в сражении при Ипре 12 июля 1917 г. и вывел из строя в течение 6 недель более 20 000 англичан. Этот газ обладает высокой точкой кипения и большой устойчивостью. Обжигая кожу, он вызывает нарывное действие. Люди, на которых он падает в виде мелких брызг, получают тяжелые ожоги, залечиваемые очень трудно и медленно. Рана, полученная от иприта, похожа на рану, полученную от действия соляной кислоты. Обыкновенная одежда не предохраняет от иприта. К концу войны был найден новый боевой газ, люизит, который, попадая на кожу, покрывает последнюю болезненными нарывами и вызывает серьезные заболевания гортани и легких.

применения химического оружия в невиданных, грандиозных размерах.

Авиация и артиллерийские средства нападения при сочетании их с химическим оружием и электронными бомбами будут основными и могущественными факторами в предстоящей войне. И если при стратегическом развертывании сторон в 1918 г. химическое оружие постепенно завоевывало себе «место под солнцем», то во второй империалистической войне это средство борьбы будет распространено и расширено на всю страну в целом.

Третьим, сильнейшим фактором современных полей сражения мировая война выдвинула б р о н е т а н к о в о е о р у ж и е. Это оружие молодо так же, как и его собратья — авиация и химическое оружие; его дальнейший рост и действительное применение и использование еще впереди.

Когда правофланговые германские армии в августе 1914 г. двигались к Парижу, делая 40—50 км в сутки, то, скажем, т а н к «Марка-1», весивший 27 и 28 т, вооруженный 2 орудиями в бортовых спонсонах и 3 пулеметами (танки-«самцы») или 5 пулеметами (танки-«самки») и обладавший скоростью движения в 6—8 км в час, едва ли принес бы хоть минимальную пользу этому германскому марш-маневру к столице Франции. Этот танк плелся бы в тылу наступающих войск, безнадежно затерявшись в глубоких тыловых учреждениях маршрующих армий. Или же, если бы эти танки «Марка-1» участвовали на стороне англо-французов в большом пограничном сражении на линии Монс, Шарлеруа, Динан, Лонгви, р. Самуа, то после проигрыша последнего союзниками, которые затем начали свое стремительное отступление к Марне, эти танки «Марка-1», оказавшись в арьергарде, остались бы в руках противника.

Таким образом, эта сильная махина, неуклюжая и малоподвижная, могла быть подвезена по железной дороге к моменту пограничного сражения на французском фронте лишь для того, чтобы вызвать удивление и насмешку бойцов. Но что было бы смешным и нелепым в августе 1914 г., то в условиях борьбы второй половины 1916 г. оказалось приемлемым, целесообразным и даже эффективным, несмотря на свою примитивную и несуразную техническую конструкцию.

Как видим, броня, гусеница, мотор внутреннего сгорания должны были сделать ряд скачков, пройти ряд качественных и количественных изменений в своем закономерном развитии, с тем чтобы найти свое место для соответствующего использования как в позиционный (1916—1917 гг.), так и затем в полуманевренный (1918 г.) периоды первой империалистической войны.

Совершенно ясно, что если бы современные быстроходные с большой маневренной способностью высококачественные танки появились уже в августе 1914 г., то они приняли бы самое действительное, самое решительное участие в марш-маневре германцев к Парижу. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; этому новому оружию необходимо было пройти в своем развитии ряд этапов, и отнюдь не случайных, а вполне закономерных.

Когда маневренный период мировой войны уступил место периоду позиционному, то поля сражения резко изменили свой вид: окопы

с проволокой, сложные фортификационные постройки и железобетонные сооружения тянулись у обеих враждовавших коалиций на десятки сотен километров в длину, имея от переднего края этой оборонительной линии развитые укрепления в глубину, с хорошо организованной системой огневого взаимодействия пулеметов и артиллерии.

Позиционная война с ее минимальным успехом продвижения пехоты в глубь обороны противника, с «успехом» атаки, дававшей за сутки продвижение в сотню-другую метров при огромных потерях в живой силе, потребовала новой техники. Оперативно-тактическая действительность потребовала нового технического оружия прорыва, которое бы обеспечило более эффективные действия для живой силы. Вот в этой-то обстановке позиционной действительности в конце 1916 г. английский генеральный штаб дал своей армии первый танк мировой войны, танк типа «Марка-1»; впервые 15 сентября 1916 г. в сражении на р. Сомме 49 этих сухопутных броненосцев с ограниченным запасом горючего англичане подвезли к месту действия по железной дороге и двинули в бой; до 17 танков испортилось и вышло из строя, 32 танка доползли до проволоки и оборонительной полосы противника и захватили в плен 2½—3 сотни перепуганных германцев, впервые увидевших это новое оружие. Эти танки уничтожили 1 орудие и сами в этом бою потеряли от артиллерии 14 единиц. Таким образом, первое боевое крещение обошлось английским танкам в 21 единицу из 49.

К моменту стратегического развертывания сторон на французском фронте в 1918 г. воюющие армии располагали следующими типами танков с их технико-боевыми свойствами:

Таблица 26

Танки	Преодолевание окопа в метрах	Вес в тоннах	Мощность мотора в лошадиных силах	Скорость в км/ч		Вооружение	
				максимальная	средняя	пушек	пулеметов
Легкий							
3-т Форд	1,5	3,5	22	12,5	6	1 или	1
6-т амер. А	1,85	6,6	40	10,6	6	1 или	1
Средний							
Марка-В (англ.)	2,5	18	100	9,6	5,5	1	2
Тяжелый							
Франц. С2	4,5	68,5	500	9,6	5,5	2	4
Герм. А-7V	3,5	30	200	12	6,5	1	6
Марка-1 (англ.)	4	27 и 28	180	8	5	2	3

Несмотря на свою исключительную уязвимость при сближении с противником, который мог эти огромные слеповатые стальные коробки расстреливать огнем артиллерии, все же танк явился тем новым оружием, которое могло, как ничто до этого, итти «напролом» на окопы укрепленной позиции, сокрушать на своем пути всякого рода препятствия (деревья, проволочные сети, брустверы и пр.) и прокладывать путь наступающей за ним пехоте. Неудовлетворительная техническая конструкция танков периода мировой войны, при незначительной помощи танков наступающей пехоте, влекла за собой огромные потери в танковых частях. Артиллерийский огонь противника и вновь изобретенные специальные противотанковые орудия и пулеметы в боях 1917 и 1918 гг. выводили сотни танков из строя.

Но эта гибель, повторяем, приносила и огромную пользу: она экономила живую силу наступающему. Так, например, в сражениях в районе Виллер-Коттере в июле, когда участвовало 250 танков и затем 8 августа 1918 г.—500 танков, союзники воочию убедились, что без массы этих танков они не достигли бы тех решительных успехов, которые им удалось получить, одновременно введя в бой по нескольку сотен единиц этого нового оружия. И уже к концу мировой войны появились один-два типа новых танков, более быстроходных, с большим радиусом действия, — правда, с меньшей пробивной способностью, но с гусеничным ходом, дававшим возможность таким танкам (в отличие от броневых машин, движение которых зависит от состояния грунта) двигаться без дорог.

Как видим, танк родился в позиционный период мировой войны, в ней он получил свое первое боевое крещение; несмотря на свою техническую немощь, он прилагал все усилия, чтобы помочь пехоте выйти на маневренное поле, он толкал своей тяжелой броней совместно с авиацией, химическим оружием и артиллерией позиционную войну к тому, чтобы она скорее переросла в маневренную; после первого же боевого опыта он непрерывно стал технически развиваться и совершенствоваться и на этом пути добился огромных успехов. Современные типы танков 1933—1937 гг. во всех отношениях отличаются от своих собратьев по мировой войне, так же как наполеоновская пушка — от современной скорострельной гаубицы, а раз так, то и методы использования и боевого применения этого нового могущественного средства истребления в будущей войне будут не те, какие мы видели в период 1916—1918 гг.

Итак, в эпоху империалистической войны танк появился на полях боя как оружие прорыва, как ударная сила пехоты против инженерной и огневой силы обороны, имея в себе уже зерно, для того чтобы перерасти посредством своей подвижности, вооружения и брони в оружие наступления.

В период с 1914 по 1918 г. включительно развитие автомобильного транспорта, т. е. оперативных перевозок войск и грузов посредством автомобиля, происходило в невиданных до мировой войны размерах. Первый опыт ген. Галлиени с переброской на автомобилях дивизий в сентябре 1914 г. из района Парижа к р. Урк, с тем чтобы обеспечить выполнение флангового маневра

союзников на Марне, как известно, удался блестяще. И с этого момента развитие применения автотранспорта для целей войны пошло вперед гигантскими шагами. Любители афоризмов говорили, что «победа союзников в 1918 г. была достигнута на волнах бензина — нефти». Если этот афоризм и страдает своей угловатостью и односторонностью, то нельзя упускать из виду, что, обладая неизмеримо большими ресурсами для питания моторов внутреннего сгорания, союзные армии оказывались в несравненно лучших условиях, чем армии держав Четверного союза. Кроме того, сильно развитая американская автомобильная промышленность с выступлением Соединенных Штатов Америки на стороне держав Антанты не могла не сыграть большой роли; при этом надо учитывать еще и тот факт, что на протяжении 1916—1918 гг. американская машиностроительная промышленность поставляла армиям союзников моторы, шасси, кузова, запасные части, инструмент для ремонта, резину, шины и пр. в сотнях тысяч и миллионах единиц.

Мировая война 1914—1918 гг. имеет богатейший опыт в области осуществления оперативно-стратегического маневра посредством автотранспорта, она же может дать сотни случаев тактических перевозок небольших частей (полк и бригада с артиллерией) пехоты для выигрыша времени и сохранения сил бойцов в предстоящем бою. Обладая свойством быстрой переброски войск и грузов на расстояния в 100—150—200 км, автотранспорт являлся и является наиболее продуктивным средством для сообщения войск с конечными железнодорожными станциями. Помимо этого, не будучи связан с рельсовой колеей, он более гибок для движения и во всех отношениях неизмеримо производительнее конного транспорта, который совместно с железными дорогами был основным видом перевозок в войнах XIX и первого десятилетия XX столетия.

Если мы сравним производительность конного и автомобильного транспорта, то получим следующие показательные цифры: производительность работы 1½-тонного автомобиля в 6, а 3-тонного в 12 раз больше парной повозки. Автоколонна из 3-тонных грузовиков в 2½ раза короче колонны конного обоза той же грузоподъемности.

Таким образом, автотранспорт в мировую войну не мог не явиться решительным и могущественным дополнением к железнодорожному транспорту [1]. И на примере первой мировой империалистической войны мы видим, как эти оба вида транспорта, работая в полном взаимодействии, в невиданных до того масштабах выполняли задания командования для переброски войск с фронта на

---

[1] Для того, чтобы наглядно представить ту существенную помощь, которую принес автомобильный безрельсовый транспорт своему могущественному собрату — железнодорожному транспорту, достаточно сказать, что за период с августа 1914 по ноябрь 1918 г. автотранспорт по далеко не полным данным перевез 23 млн. войск, 10 млн. раненых, 26 млн. пудов различного груза, 1½ млн. пудов мяса, что при переводе на тонны даст 30 млн. т.

фронт, по осуществлению ликвидации различных оперативно-тактических прорывов противника, по переброске массы артиллерийских, химических, инженерных, авиационных и продовольственных грузов, тем самым совершенно видоизменяя методы и приемы управления войсками на театре военных действий.

Уже во время операций под Верденом в 1916 г. автотранспорт, выполняя директивы командования, посредством автомобилей доставил десятки тысяч французских войск из резерва и с других операционных направлений, дав рекордные цифры в отношении времени прохождения автомобилей. Во время боев под Верденом через каждые 14 секунд, а в некоторые дни и через 5 секунд приходил автомобиль с войсками, артиллерией, огнеприпасами и другими боевыми грузами. Все это оставило большой конкретный материал исследователям для анализа организации массовых переброс посредством автотранспорта в современной войне.

Замечателен опыт организации 100-километровой переброски трех полных дивизий из района Шато-Тьерри в район Перрон 20 ноября 1917 г.

В 1917 г. терпевшая серьезные неудачи итальянская армия получила существенную поддержку от Франции главным образом посредством автотранспорта.

1918 г. является рекордным в отношении применения в массовых масштабах автотранспорта для оперативно-стратегических целей войны. К этому времени у обеих воюющих коалиций работало более 300 000 автомобилей, причем все фронтовые и армейские резервы были оснащены автотранспортом, готовым каждый час подать десятки дивизий на атакованные участки фронта.

Итак, уже многообразный и разнохарактерный опыт мировой войны, всемерно использовавшей автомашины, привел к общему выводу, что посредством только автотранспорта или при комбинации его с железнодорожным транспортом можно широко осуществлять различного рода оперативно-стратегический маневр. Этот новый вид перевозки войсковых частей, технических средств и грузов дает возможность быстро парировать удары противника, создавать для него оперативные группировки на различных направлениях с целью удара и контрудара; при преследовании противника обходными путями перехватить в его тылу выгодные рубежи и переправы, с тем чтобы заставить его сражаться с перевернутым фронтом и зажать врага в тиски с фронта и тыла; создать такую оперативную группировку, которая после ее перехода в наступление будет внезапной для противника и по мощности и по количеству появившихся новых частей, которые до этого противник посредством разведки фиксировал на других оперативных направлениях или в армейских и фронтовых резервах и пр. И если все это уже можно было осуществлять в той или иной степени, когда главные державы воюющих коалиций располагали к 1918 г. 80—100—150—180 тысячами автомашин, то в настоящих условиях, в связи с широкой моторизацией современных армий, когда автопромышленность дает более технически совершенные типы машин (вездеходные, более мощные по быстроте и грузоподъемности), мы

будем наблюдать неизмеримо больший и количественный и качественный размах в применении автотранспорта.

Выше мы уже говорили о тех просчетах, которые были допущены большинством генеральных штабов европейских армий в отношении боевого использования современной артиллерии. Все те просчеты, которые были допущены с вопросом насыщения дивизий и корпусов артиллерийскими средствами, а также просчеты с нормами насыщения современной артиллерии огнеприпасами, с недооценкой большинством армий (кроме германской, см. табл. 27) тяжелой артиллерии — приходилось исправлять уже в процессе самой войны.

Таблица 27

Страны	Дивизионная			Корпусная		Количество тяжелых орудий в процентном отношении к количеству легких орудий	
	75-77-мм пушка	100—122-мм гаубица	Всего орудий	75-мм пушка	155-мм гаубица		
					в России 122-мм	в войск. артиллерии	во всей полевой артиллерии
Франция	36	1	36	48	—	0	7,4
Германия	54	18	72	—	16	10	33,3
Австро-Венгрия	36	12	48	—	8	7,7	5,5
Россия	48	—	48	—	12	0	3,5

Почти все армии вышли на войну, опираясь на чрезвычайно недостаточный опыт русско-японской войны в отношении боевого использования артиллерийских средств подавления. Но если можно было предвидеть, что мировая война не окончится в 2—3 месяца после ее начала, а отсюда сделать соответствующие выводы в области насыщения современных армий тяжелой артиллерией, соответствующим количеством огнеприпасов и не рассчитывать вести войну лишь с одними мобилизационными запасами, то, конечно, было трудно предвидеть, что уже через год война совершенно изменит свой общий вид, коренным образом изменятся боевые порядки войсковых частей, а отсюда и методы и способы управления войсками.

Если бы мы в августе 1914 г., после того как уже определился характер боев и огневой атаки в операциях под Льежом, Мезьером, Намюром, после большого пограничного сражения в районах Монса, Шарлеруа, Динана, Лонгви и на Самуа, спросили германского артиллериста Брухмюллера о возможности такого развития артиллерийских средств, что через год-другой войны ему придется группировать их совершенно иначе, мы более чем уверены, что Брухмюллер не согласился бы с возможностью того развития и использования артиллерийских средств, автором которого он сам явился уже в 1916 г. Он не согласился бы с тем, что для преодоления обороны противника нужны будут на участках дивизий специальные артиллерийские группы разрушения и поддержки пехоты (ИКА), на участках корпусов — артиллерийские группы для борьбы с артилле-

рией противника (АКА), кроме того, на участках корпусов специальные дальнобойные артиллерийские группы для дальнего боя и фланкирующие группы (ФЭКА) или тяжелые группы большой дальнобойности на фронте армии (ШВЭФЛА). Брухмюллер был верным учеником Шлиффена, и он твердо верил, что английский военный министр Китченер глубоко ошибается, говоря, что возникшая в августе 1914 г. мировая война по-настоящему разовьеться лишь летом 1916 г. Не для того германский империализм 40 лет готовился к войне, чтобы растянуть ее на годы. Брухмюллер твердо верил, что Германская империя через год будет уже подписывать в одной из столиц Европы победный для себя мирный договор, а поэтому такое нагромождение артиллерийских средств может быть лишь фантазией досужих людей, еще плохо разобравшихся в сущности современной войны.

Или кто мог даже в 1915 г. предвидеть, что перед атакой пехоты артиллерийская подготовка потребует неслыханно большого количества времени? Ни одно командование европейских армий, ни один специалист в вопросах артиллерии не предвидели перед войной и в начале ее, что артиллерийская подготовка будет продолжаться несколько дней.

Ни в 1914 ни в 1915 гг. никто не мог поверить, что, например, артиллерийская подготовка на Сомме в июле 1916 г. у французов перед атакой пехоты будет продолжаться 7 дней. Но уже после результатов этой артиллерийской подготовки и атаки для многих стало ясно, что тенденция к дальнейшей, еще большей длительности будет еще более развиваться. И если бы мы после этой атаки спросили французское командование, возможно ли, что через год в апреле 1917г. на р. Эн артиллерийская подготовка будет продолжаться не 7, а целых 10 дней,—то, как это явствует из многочисленной литературы по артиллерийским вопросам, последовал бы утвердительный ответ.

Большинство артиллеристов в апреле 1917 г., исходя из всестороннего изучения опыта боев на Эне, считало, что 10 дней—это еще не предел. И действительно, через три месяца, в июле 1917 г., во Фландрии артиллерийская подготовка продолжалась уже 15 дней. И когда подсчитали, что за эти дни артиллерийской подготовки на фландрские поля сражения на каждый погонный метр фронта уложили 1 000 снарядов, а за 15 дней было израсходовано 14 млн. снарядов, при наличии чрезвычайно незначительного общего оперативного успеха атаки-наступления, то всем стало ясно, что позиционная война зашла в тупик.

Атакующие войска оказались в безвыходном, тяжелом положении, а сама артиллерия начинала терять веру в свое могущество, в свои технические свойства. И действительно, стали поступать катастрофические данные о порче материальной части артиллерии. Во французскую ставку главного командования в начале 1917 г. поступали тревожные цифры, что от длительной ураганной стрельбы 2 100 орудий разорвались, 2 300 орудий испортились настолько, что стрельба из них уже стала невозможной и бесцельной, что около 3 000 орудий требуют полной своей замены, так как они

пришли в негодность и пр. Не лучше были сведения о состоянии материальной части и у других армий.

Таким образом, люди гибли сотнями тысяч, артиллерия расходовала десятки миллионов снарядов, тысячи орудий выбывали из строя, и все это давало мизерные оперативно-тактические результаты в бою. Все в один голос стали говорить о необходимости форсирования производства новой техники — танков, химического оружия, тяжелой авиации, с тем чтобы посредством комбинированного использования этих средств истребления достигнуть более конкретных перспектив в преодолении оборонительных полос противника, с тем чтобы выйти на маневренное поле. И вот когда появились сотни танков, сотни самолетов, когда использование химического оружия стало более эффективным (посредством не газобалонных атак, а посредством артиллерии и авиации), у артиллерии открылись новые возможности. При наличии этих средств во время организации прорыва открылась возможность 10—15-дневную артиллерийскую подготовку свести буквально к минутам, а то и совсем не производить, а этим самым достигалась внезапность атаки на том или другом участке фронта.

Опыт длительной многодневной артиллерийской подготовки воочию всех убедил, что артиллерийская подготовка является самым верным сигналом для противника о начале контрнаступления. В силу этого он принимал различные контрмероприятия. И в те дни, когда сотни тысяч снарядов громили оборонительную полосу противника, в его тылу шла деятельная подготовка, с тем чтобы во всеоружии встретить атакующие пехотные части. И когда после многодневной артиллерийской подготовки поднимались в атаку пехотные дивизии, то они встречали самое жестокое сопротивление. В большинстве случаев атака терпела неудачу, захлебывалась в своей крови или давала мизерное продвижение от исходной линии наступления.

Введение в дело массового количества танков (100—180—250—450) принесло огромное облегчение артиллерии; последняя уже в боях 1918 г. сосредоточивала свои усилия главным образом на подавлении артиллерии противника и на уничтожении его различных противотанковых огневых средств. Бои на французском фронте в 1918 г. дают богатый материал эффективной работы артиллерии, когда она, по-новому используя все виды и типы орудий, свое огневое содействие оказывала танкам и пехоте, боровшимся в глубине неприятельской оборонительной полосы. Скачки в количественном и качественном состоянии вооружения у воюющих государств с каждым новым месяцем войны увеличивались. Если бы мы взяли цифры за 1916 и 1917 гг., то получили бы следующие артиллерийские нормы на 1 000 штыков в главнейших армиях (см. табл. 28).

Такое насыщение техникой воюющих армий дало возможность значительно насытить вооруженные фронты орудиями и пулеметами. Если бы мы взяли данные к началу 1917 г. на главнейших фронтах мировой войны, то получили бы следующую плотность орудий и пулеметов на 1 км фронта (см. табл. 29).

Таблица 28

	Легких пушек	Тяжелых орудий	Пулеметов	Ружей-пулеметов
Германия	3	3,9	6,5	$\frac{1}{8}$
Франция	$\frac{4}{4,5}$	$\frac{2,9}{3,5}$	$\frac{8,7}{9,3}$	$\frac{20}{62}$
Англия	$\frac{3,8}{4,2}$	$\frac{2,4}{2,7}$	$\frac{4,7}{5,1}$	$\frac{11}{16}$
Италия	$\frac{3,7}{3,9}$	$\frac{3,7}{5,2}$	$\frac{5,3}{6,3}$	—
Россия	$\frac{3}{3,1}$	$\frac{1,0}{1,1}$	6,2	4,5 (в 1917 г.)
Австро-Венгрия	4,2	1,9	5,1	—

Примечание. Числитель относится к 1 ноября 1916 г., знаменатель — к 1 апреля 1917 г.

Таблица 29

Фронт	Протяж. в км	Легкие орудия	Тяжелые орудия	Пулеметы
Западный (англо-французский и германский)	650	14,1	9,8	26
Итальянский	250	5,1	5,3	7,5
Русский (восточный)	1 800	3,0	1,1	6

Как увидим ниже, огневая насыщенность еще более увеличилась в финальный, 1918 г. на западном фронте, достигнув своей предельной величины, когда на 1 км фронта прорыва сосредоточивалось 120 орудий, 500 и более пулеметов [1].

В силу этого обстоятельства 1918 г. по праву является родоначальником современной глубокой тактики и операции.

До массового применения танков никто бы не решился пророчествовать и утверждать,— скажем, в апреле 1917 г., что многодневная артиллерийская подготовка в мае — июле 1918 г. сведется или к минутам, или к короткому огневому валу, под прикрытием кото-

[1] Насыщенность армий пулеметами к концу империалистической войны приняла огромные размеры. Если взять четыре армии, то эта насыщенность выражалась в следующих цифрах: германская армия имела около 27 000 станковых пулеметов и 45 000 ручных и легких пулеметов; французская армия — около 16 000 станковых и 44 000 ручных и легких пулеметов; английская армия — 4 500 станковых и 20 000 ручных и легких пулеметов; американская — 5 500 станковых и 16 000 ручных и легких пулеметов.

рого сейчас же пойдет в атаку пехота. Таким образом, всякое научное предвидение имеет свою закономерность.

Настоящая же наука без опыта и без конкретных живых фактов существовать не может. И если мы в богатейшем опыте сражений 1918 г. уже видим зерно, зародыш современного боя и операции, то это также было предвидено Энгельсом задолго, за 37 лет до мировой войны, когда он писал в своем великом произведении «Анти-Дюринг» о значении техники в армиях будущего. Уже из опыта империалистической войны каждому среднему уму было ясно, что победа насилия зиждется на производстве оружия, а последнее, в свою очередь, на производстве вообще, т. е. на экономической мощи, что победа и поражение зависят от материальных факторов, т. е. от количества и качества населения и от уровня развития техники. И если у читателя явится мысль, почему же то, что было Энгельсу ясно за 37 лет до первой мировой войны, не было ясно в период империалистической войны за год — за два до 1917—1918 гг., на это можно коротко сказать, что большинство и буржуазных политиков и высшего командования в империалистическую войну очень поздно уяснили себе, что развитие производительных сил страны и общее состояние народного хозяйства будут решающими факторами в мировой войне.

До мировой войны вопросами военной экономики интересовались буквально единицы, в большинстве своем имевшие очень мало отношения к конкретному руководству подготовкой государства к войне. Считалось просто вульгарным касаться, а тем более производить перспективные расчеты и подсчеты того, сколько может будущая европейская, а отсюда и мировая война вовлечь в сферу своего влияния и действий рабочей силы, сколько ей нужно будет сырья и промышленных изделий, транспортных средств и пр. хотя бы в первый период больших боев. Этими элементами военной экономики генеральные штабы почти не интересовались, они были заняты большими вопросами чисто оперативно-стратегического порядка (т. е. военно-технической стороной), мало задумываясь о всестороннем материальном обеспечении своих оперативно-стратегических замыслов, без чего никакой победы достигнуть нельзя.

Командование и штабы мировой войны, особенно в период 1914—1915—1916 гг. были загипнотизированы наполеоновской формулой, что победа на войне зависит на три четверти от моральных и лишь на одну четверть от материальных факторов, и упорно рассчитывали на победу, строя на этих трех четвертях свои оперативно-стратегические замыслы, т. е. занимаясь «чудесным пророчеством», а не научным предвидением, которое ни в какой степени не согласовывалось с этой безнадежно устаревшей пропорцией. Как мы видели выше, конкретная обстановка боев в 1917 и 1918 гг. и особенно на французском фронте воочию всех убедила, что этой наполеоновской формулой преодолеть укрепленные полосы противника невозможно и что нужно срочно создавать в массовых размерах новую технику, новые средства боя, которые соответствовали бы новым особенностям позиционного периода войны.

И надо отдать должное конструкторским изысканиям союзников, которые первые создали новое танковое оружие. Германское командование почти до второй половины августа 1918 г. очень спокойно, а подчас и скептически относилось к этому оружию. Но когда за 4 часа боя 8 августа 1918 г. в районе Амьен оно потеряло сразу около семи дивизий от внезапной массовой танковой атаки англичан, то был, во-первых, объявлен «черный день», день национального траура, во-вторых, были выкинуты лозунги о скорейшем массовом создании танковых и противотанковых средств. Но было уже поздно, так как война шла к своему благоприятному концу для могущественной коалиции держав Антанты, к которой прибавились новые огромные технические ресурсы США и новые сотни тысяч молодых американских солдат.

Гигантский размах технического насыщения огневыми средствами воюющих коалиций произвел целый переворот в вопросе соотношения численности важнейших родов войск. «Царица полей сражения» — пехота, а за ней и конница (которая совершенно не сумела использовать с пользой для себя новую технику [1]) в процентном отношении к последнему году войны значительно сократили свой численный состав по сравнению с августом 1914 г.

Следующая таблица процентного соотношения численности важнейших родов войск к 1914—1918 гг. дает наглядную картину, во-первых, появления новых технических средств борьбы (авиация, танки), во-вторых, огромного увеличения удельного веса артиллерии, как рода войск.

Таблица 30

Род войск	Германия		Франция		Англия	
	1914	1918	1914	1918	1914	1918
Пехота	60,6	39,3	71,8	50,4	53,9	31,9
Кавалерия	4,7	1,6	4,8	4,0	7,7	1,0
Артиллерия	17,0	23,0 (с минометами)	18,1	35,7	16,3	27,6
Авиация	0,3	2,3	0,4	3,0	0,5	2,0
Танковые части	0,0	—	0,0	1,0	0,0	1,0

Если бы мы попытались проследить численный состав воюющих коалиций по годам войны, то увидели бы, что, несмотря на огромные потери в личном составе, которые несли обе стороны в больших операциях и сражениях [2], все же численность армии

[1] Так, например, если во французской армии в 1914—1915 гг. было 10 кавдивизий, то в 1917 г. лишь 6, а в 1918 г. конница почти сошла со сцены, превратившись в ездящую пехоту. В германской армии кавалерийские дивизии в 1917—1918 гг. были совсем сняты с французского фронта и переведены на русский фронт и в колонии.

[2] См. приложение 2.

(в отношении количества дивизий) в 1916—1917 гг. продолжала расти.

На примере французской и германской армий мы видим следующий показательный рост количества дивизий по годам войны:

Таблица 31

Государства	Август 1914 г.		Декабрь 1915 г.		Декабрь 1916 г.		Декабрь 1917 г.		Июнь 1918 г.	
Франция (количество дивизий) . .	93		119		124		119		119	
	Зап.	Вост.	Зап.	Вост.	Зап.	Вост.	Зап.	Вост.	Зап.	Вост.
Германия (количество дивизий) . .	76	19	105	54	124	76	172	62	149	36
	95		159		200		234		135	

Но за эти годы, если не особенно сильно изменилась общая численность живой силы дивизии, то вооружение дивизии стало иным.

Следующая таблица дает общее представление о степени изменения численного состава и вооружения пехотной дивизии в первом и последнем годах мировой войны:

Таблица 32

Страны	Общая численность людей	Лошадей	Пулеметов		Минометов		Орудий			Повозок	Пехотн. пушек 37-мм
			легких	станковых	тяж. и средних	легких	пушек легких	гаубиц	тяжелых		
Германия 1914 г. .	17 300	2 800	нет	24	нет	нет	54 (77)	18 (16,5)	нет	670	нет
1918 г. .	15 750	4 300	216	108	9	18	24 (77)	12 (10,5)	12— 16+ 2 зен.	1 355	1 бат. и 38 див.
Франция 1914 г. .	15 870	2 600	нет	24	нет	нет	36 (75)	нет	нет	520	нет
1918 г. .	12 880	4 200	576	108	3	—	36 (75)	12	—	1 000	3

Если бы мы попробовали подсчитать к началу решительных операций в 1918 г. соотношение обеих воюющих коалиций, то получили бы весьма показательную картину, говорящую о грандиозном размахе мировой империалистической войны с ее огромным количеством втянутых в дело дивизий, с ее миллионами бойцов, с колоссальным, невиданным до этого количеством легкой и тяжелой артиллерии и количеством танков, перевалившим за цифру в 1 500, с 10 000 боевых самолетов и пр.

При этом если мы всмотримся в количественный процент тяжелой артиллерии по отношению к легкой и другим средствам современного сложного боя, то этот процент исчисляется у союзников и центральных держав в подавляющих цифрах.

Следующая общая сводная таблица наглядно показывает соотношение сил обеих коалиций к середине 1918 г.

Таблица 33

	Пехотные и смешанные дивизии	Кавалерийские дивизии	Орудий полевой легкой артиллерии	Орудий тяжелой артиллерии	Общая численность
Союзники					
Западный фронт	200	10	11 481	8 323	3 592 242
Итальянский фронт	57	—	3 876	3 112	1 449 000
Балканский фронт	26	1	1 052	429	430 0 0
Азиатский фронт	10	3	?	?	125 000
Итого	293	14	16 409	11 864	5 596 242
Центральные державы					
Западный фронт	209	—	10 800	7 300	3 273 000
Итальянский фронт	63	1	4 400	1 600	1 198 000
Балканский фронт	17	1	1 052	189	400 0 0
Азиатский фронт	17	2	—	—	100 000
Итого	306	4	16 252	9 089	4 971 000
Русско-румынский фронт	54	6	—	—	—

О чем в основном могут говорить все эти вышеприведенные цифры и факты? Они твердо показывают, что при таком огромном развитии технических средств истребления (авиация, танки, артиллерия, химическое оружие с его боевыми газами, дымовыми завесами, огнеметами, фосфорными бомбами, дававшими всепожирающее пламя, маскирующий дым и пр.) и многомиллионной численности ар-

мий в методах и способах управления современной войной не могли не произойти серьезные изменения. И не случайно, а вполне закономерно, в связи с дальнейшим развитием политико-социальных и военно-технических факторов, высшее командование обеих воюющих коалиций приходило к той или другой перемене, к тому или другому изменению приемов и способов управления операциями как в стратегическом, так и в оперативно-тактическом отношении.

Уже в конце 1914 г. и в 1915 г. на всех европейских фронтах мировой войны оборонительные линии обеих сторон потянулись от моря до моря или до нейтральной границы того или другого государства (Швейцария, до 1916 г. Румыния и пр.).

Обе воюющие коалиции стремились опередить друг друга в количественном и качественном развитии технических средств истребления, доведя до огромных размеров производство тяжелых орудий, пулеметов, огнеприпасов, с основным желанием опрокинуть обороняющиеся войска и выгнать их из окопов и крепких убежищ на маневренное поле. В этот период стрелковая цепь, поддержанная артиллерией и контратакующими резервами, из чего в основном строилась линия обороны в маневренный период последних месяцев 1914 г., под влиянием новых технических средств стала расти в глубину. Одна первая линия обороны, которая уже не могла обеспечить удержание занимаемого расположения, получила в глубине еще вторую и третью на расстоянии друг от друга в 4—6 км. Таким образом, первые попытки прорваться по всему фронту сейчас же встречали со стороны обороняющегося новые преграды, новые «заборы», обеспеченные проволокой и фортификационными сооружениями с железом и бетоном.

Появление в широких размерах авиации, вооруженной фотоаппаратами, заставило срочно развить контрмероприятия, с тем чтобы посредством маскировки и применения зенитной артиллерии затруднить противнику воздушные наблюдения. Длительная по времени артиллерийская подготовка заставила прибегнуть к новой хитрости, сперва к созданию так называемого передового поля, а затем умышленному оставлению перед атакой первой линии, с тем чтобы на заранее подготовленной второй линии встретить атакующего мощным контрударом.

Появление химического оружия после первых значительных потерь заставило обороняющегося, во-первых, срочно создать противогазы, а во-вторых, возвести в огромном количестве в глубине оборонительных полос газонепроницаемые убежища.

Массовое применение танков вызвало к жизни артиллерийскую стрельбу прямой наводкой, противотанковые орудия и противотанковые пулеметы и применение различного рода завалов, ловушек, устройство минных полей. Огромное развитие пулеметного оружия разного вида (легкие, тяжелые, ручные) и обильное снабжение им пехоты расчленило длинные наступающие цепи 1914—1918 гг., которые легко косил полуметный огонь противника, в небольшие группы. Эти группы, вооруженные пулеметами, легко маскировались, несли меньше потерь, а по силе огня и в наступлении и в обороне были весьма эффективны. Широкое применение автотранспорта дало

в руки командования сильнейшее средство в виде быстрого маневрирования пехотными, бронетанковыми и артиллерийскими резервами для контрудара.

Получив в свое распоряжение мощные средства подавления (артиллерию усиления, авиацию, танки, химическое оружие), атакующие войска тем самым получили ударную силу для прорыва оборонительных полос противника. Эти средства подавления и характер обороны противника совершенно изменили способы осуществления атаки, как самого решительного этапа боя. Удар в штыки со стремительной скоротечной схваткой теперь уступил место более длительной борьбе. Пехота, расчлененная на боевые группы, при поддержке пулеметного и артиллерийского огня и танков пробивала себе дорогу гранатой. Она боролась не только на переднем крае обороны противника, но и в ее глубине, рукопашные скоротечные схватки стали редки, так как борьба значительно растянулась во времени и пространстве. Боевые группы бойцов, вооруженных в основном тяжелым и легким пулеметом, а также ружейной и ручной гранатой, применяясь к местности, маскируясь в тысячах воронок от артиллерийской стрельбы, густо разбросанных по полю боя, обтекая огневые точки противника или беря их во фланг, довольно медленно, шаг за шагом преодолевая упорное сопротивление обороняющегося, продвигались вперед.

Уже в 1917—1918 гг. во весь рост встали перед наступающим два основных вопроса: 1) четкое взаимодействие всех родов войск с одновременным ударом всех средств нападения по огневым точкам, богато разбросанным противником и на переднем крае обороны и в глубине оборонительных полос, удар по артиллерии и резервам обороняющегося и 2) четкая боевая и политическая подготовка одиночного бойца, который должен быть прекрасным стрелком (винтовка, ружье-граната, метание гранаты, легкий и тяжелый пулемет); исключительно поднялась роль младшего командира, политическая и тактическая подготовка которого должна была быть безукоризненной.

Эти требования к отдельному бойцу и младшему командиру и к вопросу взаимодействия родов войск в новых условиях боя и с новыми техническими средствами в 1918 г. получили лишь свое первоначальное развитие. Но характер боев 1914—1918 гг. безусловно показал пути, по которым в дальнейшем пойдет развитие вопросов наступления и обороны в современной войне. Как видим, уже к началу решительных операций 1918 г. каждое новое действие одной стороны вызывало быстрое противодействие другой. И опыт боев под Верденом, на Сомме и ряд наступательных и оборонительных операций в 1918 г. со всей твердостью показали, что неимоверно трудно преодолеть современную оборону противника и заставить последнего сражаться, как это было в августе, сентябре и октябре 1914 г., в условиях широкой маневренной войны. Сперва командование обеих сторон думало, что оно допускает грубую ошибку, атакуя в 1915 г. на узком фронте (Шампань, Артуа, прорывы на фронте 4—8—10 км), но затем, со значительным увеличением в 1916—1917 гг. артиллерийских средств подавления, атаки

на более широком фронте до 20—25—30 км, также в силу хорошо организованной обороны, давали крайне мизерные результаты в продвижении вперед от исходной линии атаки.

Появление нового танкового оружия внесло некоторое разнообразие в успех атакующего, но еще далеко не решало основной задачи — настолько сломать фронт широкой и глубокой обороны, чтобы противник уже не мог к ней быстро вернуться. Первые большие наступательные операции 1918 г. с их прорывами на 70—80-км фронте, с их массовым применением авиации, танков и артиллерии, кроме неглубокого продавливания оборонительной полосы на том или другом оперативном направлении, ничего большего не дали.

Военное искусство позиционного периода, зайдя в тупик, страстно желало посредством внезапных артиллерийских подготовок, массового применения авиации и танков, невиданного оснащения пехоты пулеметами и пр. разрушить этот тупик, но все эти условия фактически оказались тщетными. Тогда оборона противника в 1917—1918 гг. не была настолько оперативно-тактически успешно потрясена, чтобы этот успех наступающего перерос в широкую стратегическую победу. Оперативно-тактические прорывы создавали мешки на том или другом направлении в оборонительной линии противника. Но эти мешки посредством широкого применения фронтовых резервов из глубины и других участков б р а л и с ь в о ф л а н г о в ы е к л е щ и у с в о е г о о с н о в а н и я и через месяц-другой ликвидировались, сводя на-нет недавний призрачный успех наступающего.

Борьба двух воюющих коалиций в 1917—1918 гг. похожа на соревнование двух богатырей, равных по своей общей силе, но стремящихся посредством разного рода хитростей нанести друг другу смертельный удар. Борьба продолжалась безуспешно, нужна была новая могущественная реальная сила одному из этих богатырей. Вот почему не военное искусство командования, а политико-экономическое и военно-техническое истощение одной коалиции и усиление в решающий момент за счет Америки другой привели империалистическую войну к версальской развязке, которая, туго стянув петлю на шее побежденного, открыла страницу новых войн и революций.

Для того чтобы яснее воспринять методы и приемы стратегического развертывания сил в 1918 г., главным образом на западном (французском) фронте, необходимо не только помнить вышеприведенные цифры и факты тех изменений, которые произошли в технической реконструкции армий и численности живой силы, но совершенно необходимо знать и те изменения, которые произошли в политическом состоянии массовых армий мировой империалистической войны. Война есть насквозь политика, а политика есть сконцентрированная экономика; в силу этого обстоятельства нельзя правильно понять основной смысл в изменениях роста численности и силы вооружения и развития техники, упуская из виду эти решающие политические, социальные и национальные факторы.

Война не отделима от капитализма, империализм же, как высшая стадия капитализма, есть насквозь реакционная война. Вот почему,

капиталистический «мир» всегда являлся и является лишь передышкой для новых войн.

Капиталистические классы в августе 1914 г. посредством шовинистического угара сумели поднять и двинуть в объятия империалистической войны миллионные массы; одна лишь царская Россия за войну мобилизовала свыше 18 млн. человек, а в армиях союзников в 1918 г. находилось 25 млн. человек, включая в эту цифру военнослужащих в тылах.

Но было бы примитивным думать, что политическое состояние империалистических армий на протяжении 1914—1918 гг. осталось одинаковым. Вернее, каждый новый день, неделя, месяц войны под влиянием целого ряда политико-экономических, классовых и военно-технических причин резко отличались друг от друга.

И несмотря на то, что политическая пропаганда в империалистических армиях в процессе мировой войны доходила в своих методах и способах «уговаривания» народных масс до виртуозности, несмотря на то, что капиталистическая буржуазия, борясь за власть, беспощадно и жестоко расправлялась и на фронте и в тылу с теми, кто пытался помешать ей вести войну до победного конца, несмотря на все это, боевая дисциплина в армиях воюющих коалиций с каждым новым месяцем войны становилась все слабее.

Царская армия после непрерывных поражений, понесенных ею на всех боевых фронтах, в 1917 г. совершенно развалилась.

Прогнозы партии Ленина — Сталина, что современные массовые армии империализма полны глубокими внутренними противоречиями, что классовая борьба, несмотря на жестокие политические репрессии, постоянно раздирала и будет раздирать массовые армии капитализма, вполне оправдались.

Армии Антанты и Центрального союза после выхода царской армии из войны еще продолжали свое кровавое соревнование. Но в конце 1917 г. политики буржуазии и высшее командование обеих империалистических коалиций на примере царской армии ясно поняли, что неудачи вроде германского наступления под Верденом в 1916 г., после которого во многих десятках германских войсковых частей началось брожение, случаи невыполнения боевых приказов, отказ итти в наступление, факты убийств офицеров, которые жестоко расправлялись с «бунтовщиками и мятежниками», — скрыть от широких масс уже было нельзя.

Но у союзников был свой «Верден»; например, после провала весеннего наступления ген. Нивелля[1] в 1917 г. более чем в 150 войсковых частях французской армии началось брожение, и эти войска оказались в состоянии полной небоеспособности.

---

[1] Ген. Нивелль прославился в 1916 г. как лучший организатор обороны Вердена, в декабре 1916 г. он заменил Жоффра в качестве главкома армий «севера и северо-востока». Наступление Нивелля, к которому очень долго готовились англо-французы, провалилось, так как германцы внезапно отошли на линию Гинденбурга. Но ген. Нивелль все же начал наступление в Артуа и Шампани. Прорыв не удался, англо-французы понесли большие потери. 17 мая 1917 г. Нивелля отстранили от должности главкома, вместо него был назначен ген. Петэн.

Многочисленные факты арестов солдатами офицеров и их избиение в бунтующих частях стали повседневными, и лишь беспощадные расстрелы сотен и тысяч неповинующихся ген. Петэном, а также агитация за скорое окончание войны, введение целого ряда «льгот» и подброска ряда материальных подачек солдатской массе сделали свое дело, и мировая война вступила в свой финальный, 1918 г.

Октябрьская революция в России, установление советской власти, которая с первого же часа своего существования приступила к реальному осуществлению выхода из империалистической войны, передала буржуазно-помещичью землю, заводы, фабрики, банки, рудники и пр. в руки рабочих и беднейших крестьян, — все это, как подтверждают в своих мемуарах Пуанкаре, Клемансо, Жоффр, Фош, Людендорф, Черчилль и др., имело горячий отклик и сочувствие в широкой солдатской массе, боровшейся на западно-европейском фронте империалистической войны.

Людендорф и Черчилль заявляют, что войсковые части, которые в 1917 и 1918 гг. были посланы в период начинавшейся интервенции на русский фронт, были уже сняты со счетов, так как те из них, которые возвращались на западный фронт, были настолько «большевизированы», что вносили лишь смуту и разложение в дивизии, продолжавшие борьбу на французских и других фронтах империалистической войны.

Таким образом, не только организационно-численный состав и техника изменились в 1918 г.,—коренным образом изменилось, по сравнению с 1914 г., все политическое и классовое бытие империалистических армий. А бытие определяет сознание, в силу этого мы и видим, что в 1918 г. обе воюющие коалиции напрягали все усилия к тому, чтобы скорее победно закончить войну. И опять же решающим фактором в победе Антанты, повторяем, было не военное искусство ее командования, а фактор политико-экономический — в виде выступления на стороне Антанты богатейшей и могущественной империалистической державы — США, которые в соединении с державами Антанты оказались настолько экономически и военно-технически сильнее, что не прошло и года, как германский империализм и его соратники (Австро-Венгрия, Турция и Болгария) были окончательно сломлены и поставлены на колени перед Парижем, Лондоном, Римом и Нью-Йорком. А все вышеизложенное еще раз целиком и полностью подтвердило то, что писал Энгельс еще в 1876 г.:

«...Ничто не зависит до такой степени от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия находятся в прямой зависимости от данной степени развития производства и средств сообщения. Не «свободное творчество ума» гениальных полководцев совершало перевороты в этой области, а изобретение лучшего оружия и изменение в составе армий; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивалось лишь приспособлением способа войны к новому оружию и новым бойцам» [1].

1 Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936 г., стр. 119.

Развивая и обобщая эти мысли Энгельса, Ленин писал в период мировой войны 1914—1918 гг.:

«...Война есть продолжение средствами насилия той политики, которую вели господствующие классы воюющих держав задолго до войны. Мир есть продолжение т о й ж е политики, с з а п и с ь ю тех изменений в отношении между силами противников, которые созданы военными действиями. Война сама по себе не изменяет того направления, в котором развивалась политика до войны, а лишь у с к о р я е т это развитие» [1]. И в другом месте: «...Для марксиста важно, и з - з а ч е г о ведется д а н н а я война, во время которой могут быть победителями то одни, то другие войска.

Из-за чего ведется данная война? Это указано в нашей резолюции [2] (основывающейся на политике воюющих держав, которую они вели десятилетия до войны). Англия, Франция и Россия воюют за сохранение награбленных колоний и за грабеж Турции и пр. Германия за то, чтобы отнять себе колонии и самой ограбить Турцию и пр. Допустим, немцы возьмут даже Париж и Петербург. Изменится от этого характер данной войны? Нисколько. Целью немцев и — это еще важнее: осуществимой политикой при победе немцев — будет тогда отнятие колоний, господство в Турции, отнятие чужеродных областей, напр., Польши и т. п., но вовсе не установление чужеродного гнета над французами или русскими. Д е й с т в и т е л ь н а я с у щ н о с т ь д а н н о й в о й н ы н е н а ц и о н а л ь н а я, а и м п е р и а л и с т с к а я (разрядка наша.—*Вл. М.*). Другими словами: война идет не из-за того, что одна сторона свергает национальный гнет, другая защищает его. Война идет между двумя группами угнетателей, между двумя разбойниками из-за того, как поделить добычу, кому грабить Турцию и колонии.

Коротко: война м е ж д у империалистскими (т.-е. угнетающими целый ряд чужих народов, опутывающими их сетями зависимости от финансового капитала и пр.) великими державами или в союзе с ними есть империалистская война. Такова война 1914—16 гг. «Защита отечества» есть обман в э т о й войне, есть оправдание ее» [3].

Ф и н а л ь н ы й, 1918 г. и м п е р и а л и с т и ч е с к о й в о й н ы и В е р с а л ь с к и й д о г о в о р, как увидим ниже, ц е л и к о м и п о л н о с т ь ю п о д т в е р д и л и э т о т а н а л и з и в ы в о д ы в е л и к о г о Л е н и н а, с д е л а н н ы е и м в. 1916 г., т. е. за два года до р а з г р о м а о д н о й из и м п е р и а л и с т и ч е с к и х к о а л и ц и й — к а п и т а л и с т и ч е с к и х д е р ж а в Ц е н т р а л ь н о г о с о ю з а.

---

[1] Ленин, т. XIX, стр. 50, статья «О программе мира».

[2] Резолюция конференции заграничных секций РСДРП (большевиков), происходившей 27 февраля — 4 марта 1915 г. в Берне (Швейцария) — *Вл. М.*

[3] Ленин, т. XIX, стр. 199, 200, статья «О карикатуре на марксизм».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава XVI

ПЛАН КАМПАНИЙ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ СТОРОН НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ В 1918 г.

«...Марксизм требует безусловно и с т о р и ч е с к о г о рассмотрения вопроса о формах борьбы. Ставить этот вопрос вне исторически-конкретной обстановки значит не понимать азбуки диалектического материализма. Пытаться ответить да или нет на вопрос об определенном средстве борьбы, не рассматривая детально конкретной обстановки данного движения на данной ступени его развития — значит покидать совершенно почву марксизма» [1].

Если в 1914 г., имея огромный многообразный опыт предшествующих войн различного масштаба и опыт длительной подготовки мирного времени (после войны 1870 г. прошло 44 года) в вопросах стратегического развертывания, обе воюющие коалиции, наряду с целым рядом новых положительных фактов, как мы видели выше, все же допустили и ряд существенных ошибок, то в 1918 г. оперативно-стратегическое развертывание сторон носило совершенно иной характер и имело иное политическое и военно-техническое содержание.

Стратегическое развертывание сил и технических средств как сконденсированное выражение и реальное претворение идейного содержания данного плана войны или данной кампании в 1918 г. для обеих воюющих коалиций явилось закономерным развитием накопленного за период 1914—1917 гг. опыта. Иначе говоря, 1918 г., особенно на западном театре военных действий, был гигантским собирателем опыта, в котором можно видеть не только большие политико-стратегические проблемы в новом свете, но где ясно видны различные детали этой сложной войны с ее новыми методами управления и организацией командования, с ее новой живой силой, с ее новыми техническими средствами. Поскольку мы не имеем к настоящему времени научно-обобщенного анализа по этому крайне поучительному и интересному вопросу, в данной главе попытаемся проделать эту работу.

Первая империалистическая война 1914—1918 гг., вобрав в себя многообразный опыт предшествующих войн, развив этот опыт дальше, с особой силой выразила в 1918 г. все это многообразие и все, что накопилось за все годы самой мировой войны. Стратегиче-

[1] Ленин, т. X, стр. 81.

ское развертывание многомиллионных сил и гигантских технических средств воюющими сторонами в 1918 г. является подлинным диалектическим собирателем всего предшествующего этому году в развитии военного искусства в целом. Например, отдельные вспомогательные роды оружия и элементы военной техники, бывшие еще в зародышевом состоянии к началу 1914 г. (авиация, танки, боевое химическое оружие, автотранспорт и пр.), в процессе самой войны 1914—1918 гг. или развились до полной самостоятельности, или же начали своеобразно развиваться, имея в перспективе свое большое будущее (например, мотомехсоединения); другие, уступив место новым средствам истребления, отпали.

И на примере мировой войны, ее политики, экономики, оперативно-тактического и стратегического искусства, ее многообразной военной техники мы видим яркое подтверждение диалектического характера ее развития, как общественного явления, и диалектического противоречивого характера развития военной стратегии. В. И. Ленин учил, что «...в любом предложении можно (и должно), как в «ячейке» («клеточке»), вскрыть зачатки всех элементов диалектики, показав таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика»[1].

Но мы знаем, что познание человека не есть прямая, не есть «круг», а бесконечно приближается к ряду кругов, к спирали; точно так же и все происшедшие изменения в способах управления, организации командования, в развитии технических средств борьбы отнюдь не протекали просто, схематично, эволюционно-прямолинейно, а напротив, развитие шло скачкообразно, динамично, революционно.

Ибо всякая прямолинейность, односторонность, однобокое отождествление, деревянность, схематизм, окостенелость, любовь к аналогиям, к тому, что уже бесконечно изменилось во всех своих стадиях и отношениях, — все это совершенно не вяжется с таким насквозь диалектичным, действенным, живым делом, каким является война и военное дело в целом и, в частности, кардинальные вопросы управления многомиллионными массами живых сил и массовой боевой техникой в современной сложной войне.

В операциях 1918 г. мы на конкретных примерах видим, как три наступления-прорыва германцев, так же как и контрнаступление союзников, начавшись в июле действиями 10-й армии ген. Манжена, затем массовой танковой атакой англичан в районе Камбре 8 августа и пр., оказались внезапными для обороняющегося. А это явление более чем замечательное.

Если хорошенько вникнуть в динамику событий и перенестись в конкретную обстановку операций 1918 г., в которых приняли участие с обеих сторон многомиллионные массы, то можно притти к убеждению, что группировка и перегруппировка этих масс должны были бы быть вскрыты без особых трудностей, учитывая наличие к тому времени сотен и тысяч самолетов; и все же, повторяем, эта идея внезапности перед каждым большим наступлением той или другой стороны была в основном выполнимой.

[1] Ленин, т. XIII, стр. 303 (разрядка в последних двух строках цитаты наша. — *Вл. М.*).

Основные условия для оперативно-стратегического развертывания, как-то: 1) безопасность, 2) превосходство в силах, быстрота сосредоточения и целесообразное расположение перед наступлением, 3) угроза сообщениям противника и тщательно продуманное обеспечение своих сообщений и, наконец, 4) захват инициативы в действиях — все это приняло свои своеобразные формы и получило новое содержание. Но опять же все это, несмотря на огромную сумму различных противодействий со стороны противника, в основном оказалось достижимым и закономерным.

Необходимо также здесь подчеркнуть, что хотя все эти основные элементы оперативно-стратегического развертывания сил и технических средств достигались, однако процесс их осуществления не давал того качественного и количественного эффекта, какой получался в войнах, предшествовавших мировой войне, в августе 1914 г. и в наступательных операциях 1914—1918 гг. Не случайно, как это думают некоторые военные исследователи, а вполне закономерно и в полном соответствии с конкретной действительностью шлиффеновские идеи мощных фланговых ударов трансформировались у ученика Шлиффена Людендорфа в 1918 г. в тяжеловесные мощные тараны для прорыва, в «стратегию буйвола».

Если в августе 1914 г. в Восточной Пруссии Гинденбургу — Людендорфу удалось уничтожить слепо шедшую в кольцо окружения армию Самсонова, то в последующие месяцы мировой войны попытки окружить 5-ю и 10-ю русские армии не удались. «Канны» не удавались в армейском и фронтовом масштабе театра войны, они везде встречали прямо непреодолимые трудности.

Скорость движения ударных фланговых группировок в конкретных условиях войны 1914—1918 гг. была таковой, что с началом наступления для противника становилось ясным, что с ним хотят сделать. И если наступающий перед атакой сохранял идею внезапности, то затем, после первых же шагов движения вперед, сразу же терял внезапность, а противник, оставляя заслоны, теряя пространство, ускользал задолго до того времени, когда ударные фланговые группировки в каком-то районе — пункте должны были сомкнуться. Так было в операциях 1914—1916 гг., и тем более «Канны» оказались невозможными в конкретных условиях операций 1917—1918 гг., хотя отдельные элементы «Канн» и их осуществление мы находим во многих операциях и боях как в первые два, так и в последние годы мировой войны. Читатель, тщательно изучив операции 1917—1918 гг., должен задуматься над вопросом, в силу каких основных причин хорошо и всесторонне подготовленные наступательные операции Людендорфа, а затем контрнаступление Фоша, не приносили желательных результатов. В первом случае их результатом было лишь незначительное по фронту и в глубину продвижение, во втором случае 160-км пространство преодолевалось в целых 90 дней, т. е. наступление давало союзным армиям менее 2 км в сутки. Играла ли здесь основную роль разновременность ударов-прорывов Людендорфа? Да и мог ли он организовать одновременный удар по всему фронту или на большем участке (как это сделал в сентябре 1918 г. Фош и

также не добился желаемых результатов), чем то было в мартовском, майском, июньском наступлениях, не рискуя получить контрудар в том направлении, которое оказалось наименее защищенным благодаря тому, что было оголено по отношению к фронту главного удара? Или, возможно, главную роль играло здесь то обстоятельство, что действия одной стороны с началом наступления сейчас же встречали сумму мощных противодействий с другой? Или были иные причины, в силу которых военное искусство периода позиционной войны, зайдя в тупик, так и не сумело выйти из него на маневренный простор?

В этой главе мы не можем во всех подробностях разбирать оперативно-стратегические операции и бои 1918 г. В нашу задачу не входит исследование 235-дневной кампании (119 дней наступления германцев и 116 дней контрнаступления союзников) 1918 г. Мы хотим лишь показать те основные и характерные черты, которые имеются в вопросе составления планов оперативно-стратегического развертывания грандиозных сил и технических средств, методы и способы управления этой многомиллионной массой в последний год империалистической войны 1914—1918 гг.

Для этого мы считаем полезным анализировать стратегическое развертывание сил и средств в марте (германцы) и сентябре (союзники) 1918 г. на западном фронте, не упуская из виду событий и на других фронтах мировой войны, которые не могли не влиять на характер планов стратегического развертывания обеих коалиций на западном (англо-французском) театре военных действий.

Как известно, на западно-европейском театре военных действий центр тяжести боев в 1916 г. переместился в район Вердена. Защитив Верден, англо-французское командование в 1917 г. усиленно готовилось к большому весеннему наступлению ген. Нивелля.

На восточно-европейском театре военных действий боевые события в мае 1916 г. развернулись главным образом на фронте южнее Полесья. Удачный майский прорыв царскими армиями юго-западного фронта (520 тыс. против 440 тыс. австрийцев) под управлением Брусилова очень скоро, за недостатком сил и технических средств, приостановился, а к осени 1916 г. совершенно выдохся и прекратился. Несмотря на двойное превосходство сил, которое имело царское командование севернее Полесья (1 220 000 против 620 000 германцев), в июньском наступлении 1916 г. это превосходство не дало царской ставке никакого оперативно-стратегического преимущества. Одновременно с наступлением Брусилова на Луцк западный фронт под управлением ген. Эверта должен был нанести главный удар на Вильну. Но когда обозначился первоначальный успех у Брусилова, Эверт долго не решался перейти в наступление, четыре раза его откладывал, и, наконец, только в июне, когда юго-западный фронт уже захлебнулся в своей крови и начинал выдыхаться, Эверт повел наступление не на Вильну, а на Барановичи, совершенно не выполнив тем самым задачи по содействию брусиловскому прорыву. Этим воспользовалось австро-германское командование; оно сосредоточило против юго-западного фронта необходимые силы, совершенно остановив русское наступление в Галиции и Буковине.

Вступив в период февральской буржуазно-демократической революции и керенщины, царский генералитет, как это видно из документов ставки и ряда совещаний командующих фронтами и армиями в 1917 г., крепко надеялся поднять старую армию при помощи кадетско-меньшевистско-эсеровских лозунгов в новое наступление. Но февральская революция 1917 г. явилась началом конца для царской армии, как боевой силы.

Если хорошенько проанализировать всю мемуарно-политическую и военную литературу, вышедшую из-под пера ответственных политических и военных деятелей держав Антанты и Четверного союза, то станет совершенно ясным, что последние с каждым днем развертывания революционных событий в России воочию убеждались, что основной лозунг, выброшенный кадетско-меньшевистско-эсеровскими лидерами «война до победного конца» не найдет положительного отклика в голодной, измученной и терпевшей непрерывные поражения в период 1914—1918 гг. царской армии.

И действительно, все потуги буржуазно-помещичьего класса России в 1917 г. организовать вооруженные силы и двинуть их в большие наступательные операции на восточно-европейском театре военных действий с треском провалились. Особенно жестоко посмеялась история над капиталистической буржуазией в период так называемого июньского наступления, печальный финал которого был тяжелым ударом для союзных армий, только что потерпевших сильное поражение в грандиозном весеннем наступлении ген. Нивелля.

5 апреля 1917 г. Соединенные Штаты Америки объявили войну державам Четверного союза, для которых этот факт был крайне тревожным [1]. Но пока довольно медленно развертывалась американская армия, пока она начала переплывать через океан во Францию, старая русская армия уже окончательно развалилась, а большевистская Октябрьская революция с первого же дня своей победы заявила всему миру, что Советская Россия в империалистической войне не будет участвовать ни одной минуты. С точки зрения военно-стратегической развал восточно-европейского фронта был значительным ударом по империалистической коалиции Антанты, хотя бы в силу того, что освобождал австро-германские корпуса и дивизии с этого фронта для переброски их на западно-европейский театр военных действий; в то же время и турки с кавказского

1 Вступление США в войну на стороне Антанты было осуществлено по прямому требованию американских капиталистических кругов и биржи. В этом деле не малую роль сыграла беспощадная подводная война, которую объявила Германия 1 февраля 1917 г. Германские подводные лодки стали сотнями топить американские суда с продовольствием и боевыми грузами, шедшие из Америки в Европу. Это был сильный удар по торгово-коммерческим сделкам американских капиталистов, терпевших огромные убытки от потопления торговых судов. Достаточно указать, что германские подводные лодки за первые 3 месяца «неограниченной блокады» потопили 1 500 судов водоизмещением 2 800 000 т. Но, как известно, эта подводная война не дала тех результатов, которых от нее ожидало германское правительство и главное командование. Могущественные флоты Англии, Франции, Японии и Америки приняли решительные меры защиты и контрмероприятия, и очень скоро разрушительная деятельность германских подводных лодок была сведена почти к нулю. Во всяком случае, к моменту массовых перебросок американцев в Европу германские подводные лодки почти прекратили свою боевую деятельность.

фронта перебросили часть своих дивизий против англичан в Палестину и Месопотамию. Развалом восточно-европейского фронта энергично воспользовалось австро-германское командование. Оно приказывает 14-й армии ген. Белова в составе 8 ударных дивизий перейти в решительное наступление на р. Изонцо у Каппоретто. Этот внезапный удар 24 октября 1917 г. был настолько хорошо организован, что заставил итальянцев не только бросить свои укрепленные линии, но повлек за собой почти полное крушение итальянского фронта. Итальянцы за эту операцию потеряли около ½ млн. человек. Англо-французское командование срочно принимает контрмеры, оно, главным образом посредством автотранспорта, перебрасывает 6 французских дивизий под руководством ген. Фоша и еще 5 английских дивизий к р. Пиаве и тем самым к 9 ноября спасает итальянцев от полного разгрома. Но уход 11 дивизий 10-й армии ген. Файоля в Ломбардию был тяжелой жертвой для англо-французского фронта. Поступавшие сведения о том, что германские армии двинулись на Украину, откуда они могли выкачать хлебофуражные и другие продовольственные ресурсы и тем самым облегчить свое тяжелое хозяйственное положение, не на шутку встревожили союзное командование [1].

Итак, разгром Румынии, Италии, развал русского фронта, усиленное развитие подводной войны и ее первоначальный успех — все это, как и полный провал англо-французского наступления ген. Нивелля, вселяло в империалистическую коалицию держав Центрального союза уверенность, что 1918 г. явится годом решительных побед на западном фронте, где германское командование спешно сосредоточивало все свободные силы. Людендорф рассчитывал, что американская армия не ранее как через год-полтора сумеет перебросить и сосредоточить такие силы во Франции, которые составят реальную угрозу для Германии, а поэтому он решает еще до этого момента нанести сокрушительный удар вооруженным силам Антанты на западноевропейском театре военных действий.

Как видим, несмотря на то, что в августе 1914 г. все попытки воюющих коалиций одним решительным ударом покончить с противником не удались, а обе враждующие стороны увязли в операциях длительной войны, германское командование все же решает повторить тот же «тяжеловесный удар», но в новой его организации, в новой боевой обстановке и с новыми средствами и силами,

---

[1] Германские и австрийские корпуса и дивизии, двинувшиеся за продовольствием и трофеями в Румынию и Украину, принесли значительное облегчение истощенной экономике держав Четверного союза. Так, например, 300-тысячная (29 пех. и 4½ кавдивизий) масса, брошенная на оккупацию советской Украины, фактически не только прокормила самое себя, но также вывезла в Германию огромные запасы продовольствия и топлива, о чем откровенно пишет ген. Людендорф. Ленин оказался абсолютно прав, когда он предсказывал, что от соприкосновения германской оккупационной армии с Советской Россией первая безусловно потеряет свою боеспособность и ее трудящиеся массы скорее осознают свои классовые интересы. Эти мысли Ленина в полной мере подтвердились дальнейшими фактами, а Людендорф в своих воспоминаниях с горечью констатирует, что все дивизии, брошенные на Украину, очень скоро «заразились большевизмом и его пропагандой» и оказались совершенно негодными для боевых операций на западном — англо-французском фронте.

чем это было в августе 1914 г. И действительно, боевая обстановка для обеих сторон была крайне сложной, противоречивой и дающей очень мало надежды на быстрый успех. Командование и войска обеих воюющих коалиций уже имели в своем кровавом бюджете большое количество безрезультатных и безуспешных наступлений.

Коротко мы их напомним читателю. «Верденская мельница» без существенных оперативно-тактических результатов, по далеко не полным подсчетам самих же германцев, перемолола 400 000 германских солдат. Июльские бои на Сомме в 1916 г., когда 39 англо-французских дивизий при 1 450 орудиях атаковали 40-км участок германского фронта, за 4 месяца операции унесли полмиллиона убитых и раненых англичан и 250 000 французов и опять же не дали решающего успеха. Весеннее наступление ген. Нивелля в 1917 г. в районе Арраса при атаке на 44-км фронте унесло 200 000 англичан, а атака французов после 9-дневной артиллерийской подготовки на 40-км фронте в районе Артуа и на р. Эн, где было сосредоточено 140 орудий на 1 км фронта, при потерях в 120 000 человек, также захлебнулась, не дав никакого результата. Так обстояло дело с большими оперативными усилиями; не менее катастрофично кончались атаки в армейском масштабе. Например, атака 2-й английской армии ген. Плюмера в июне и июле 1916 г. на 16-км фронте при поддержке 2 400 орудий (т. е. 156 орудий на 1 км фронта) совместно с 1-й французской армией, также выставившей 153 орудия на 1 км фронта, дала всего лишь (Ипр и направление на Остенде) 3 км продвижения во Фландрии, вскоре опять потерянных. 10-я французская армия в составе 12 дивизий, после шестидневной артиллерийской подготовки 1 860 орудиями (150 орудий на 1 км фронта атаки), в операции по овладению выступом у Мальмезона не достигла успеха; она продвинулась лишь на 2—3 км и атака захлебнулась. Такими примерами полны 1916 и 1917 гг., но, несмотря на это, весь последующий 1918 г. был наполнен боевым напряжением с обеих сторон.

Итак, во всех оперативно-стратегических планах Людендорфа в 1918 г. проходит основная мысль: на главном англо-французском фронте разгромить союзные армии Антанты, положение которых после провала всех наступательных операций 1917 г., выхода России и Румынии из войны и огромного поражения Италии было в оперативно-стратегическом отношении крайне тяжелым и напряженным.

Германский план кампании 1918 г.

В основу германского плана кампании 1918 г., как мы уже говорили, была положена мысль разгромить живую силу англо-французов до подхода американской армии, так как прибытие последней с ее техническими средствами создало бы Антанте общее превосходство сил, непреодолимое для Германии.

Таким образом, Людендорф решает основной удар нанести на главном театре военных действий, каковым для Германии был именно англо-французский фронт общим протяжением до 625 км с наибо-

лее решающим жизненным участком в 400 км (от моря до района С.-Михель, Туль).

Людендорф в апреле 1917 г. считал, что американская армия раньше лета 1918 г. во Францию прибыть не сможет, так как переброска массовой армии на расстояние в 5 000 км—дело сложное и длительное. Кроме того, германскому главному командованию было известно, что американские дивизии по высадке на территории Франции, с тем чтобы получить необходимый минимум боевой готовности, должны были пройти в тылу фронта еще соответствующий курс обучения, прежде чем занять боевые позиции на фронте. Во всяком случае, германское командование к началу 1918 г. не столько беспокоил вопрос о живой силе американской армии, которая, по его мнению, была в боевом отношении еще достаточно сырой, сколько то технико-боевое насыщение, которое имели американские войска и которое посредством своей богато развитой промышленности могла изготовить и перебросить Америка союзным армиям. По данным начальника штаба американской армии, к июлю 1918 г. англо-французский фронт мог получить лишь пять готовых к бою американских дивизий, затем еще четыре не ранее октября и, наконец, до двадцати дивизий, включая и упомянутые, только к апрелю 1919 г.

Таким образом, расчеты Людендорфа, что реальная боевая сила американской армии появится на западном фронте лишь через год, оказались правильными. Но Людендорф рассчитывал в первой половине 1918 г. иметь такой решительный успех, который ускорил бы момент подписания почетного мирного договора. С огромной уверенностью в большой оперативно-стратегической победе вступил Людендорф в финальный год империалистической войны. И действительно, решительная победа была Германии в 1918 г. необходима как никогда, так как весь государственный и армейский организм ее дошел уже до предела. Германское главное командование и правительство ясно понимали, что 1918 г. должен принести или победу, или тяжелое поражение. Но насколько сильна была уверенность в победном окончании мировой войны, настолько мало кто думал, что после столь огромных трехлетних успехов на всех фронтах дело может окончиться полной катастрофой и капитуляцией.

Приступая к детализации плана кампании на 1918 г., Людендорф считал, что общее «соотношение сил было благоприятно как никогда»[1]. Румыния и Россия скинуты со счетов войны, Австро-Венгрия окрепла после разгрома итальянской армии на р. Изонцо, Болгария крепко держит салоникский фронт, Турция с освобождением сил на Кавказе теперь могла более упрочить свое положение в Месопотамии и Палестине. Все эти факты были выгодны для автора германского плана кампании 1918 г. на англо-французском фронте.

Возникал основной вопрос, могла ли германская армия *одним ударом* покончить с союзниками или необходим был ряд последовательных ударов на разных участках, с тем чтобы весь неприятельский фронт сперва дрогнул, затем закачался и, наконец, рухнул,

[1] *Людендорф.* Воспоминания, т. II, стр. 114.

похоронив под своими обломками англо-французские армии. Людендорф твердо считал, что германское наступление в 1918 г. по своему характеру будет резко отличаться от наступления на галицийском и итальянском фронтах. В своем плане он прямо указывал, что на западном фронте «будет страшная борьба, которая начнется на одном участке, продолжится на других, потребует много времени и будет очень тяжелой, но закончится победоносно» [1].

Основываясь на опыте боев 1916—1917 гг., Людендорф хорошо понимал, что легко победить англо-французов не удастся, а нужно огромное напряжение всех и всяческих сил.

«Нанесение решительного удара на западе, — говорит он в своем плане 1918 г. — представляется самой огромной военной задачей, которая когда-либо была поставлена какой-нибудь армии...» И, как увидим ниже, это именно и было так. Людендорф требовал полной политической и стратегической свободы действий, указывая, что «эта задача будет разрешена успешно лишь в том случае, если военное руководство будет освобождено от всех невыносимо связывающих его оков [2], если к решительному моменту на запад будут подвезены все до единого бойца, которыми мы можем располагать, и если войска будут воодушевлены». Людендорф говорил, что боевая техника будет сосредоточена в не виданных до того размерах, но что одна боевая техника еще далеко не решает вопроса, так как «значение духовных факторов не следует недооценивать, ибо они являются основанием величия всех подвигов».

Но здесь же Людендорф сделал большую стратегическую ошибку, и в этом ему помогало министерство иностранных дел фон-Кюльмана, так как они оба полагали, что «толчком к подъему духовных факторов должна быть энергия действий на востоке». Иными словами, и тот и другой считали, что Курляндия, Литва, Польша, Украина, их прочная оккупация германскими войсками будут моральным толчком с материальными выгодами, которые послужат основанием для постройки здания побед на англо-французском фронте. Ошибка заключалась в том, что «энергия действий на востоке» не могла не требовать соответствующего количества конкретных сил, а это обстоятельство противоречило основному положению плана Людендорфа, что «к решительному моменту на запад будут подвезены все до единого бойца, которыми мы можем располагать».

За этим первым противоречием следовало второе: Людендорф считал необходимым, чтобы «борьба, начавшись на одном участке, продолжалась на других»: иными словами, за прорывом на Амьен последует прорыв на Газебрук, Кале, а затем на Шмен-де-Дам и

[1] Людендорф, Воспоминания, т. II, стр. 114.

[2] Этими словами Людендорф иносказательно имел в виду некоторых германских политиков, которые в рейхстаге в 1917 г. под давлением общего политико-экономического положения страны высказывались за принятие условий мира Вудро Вильсона. Людендорф же требовал открытой военной диктатуры, еще большего размаха в вооружениях, новых людских пополнений и сильной прямой агрессии против западных окраин царской России (Польша, Украина, Прибалтика и пр.).

Шато-Тьерри. Но, как мы видели выше, организация и проведение каждого прорыва в условиях борьбы на англо-французском фронте требовали огромных сил и жертв; является вопрос, мог ли Людендорф твердо рассчитывать на то, что сил хватит и победа будет обеспеченной? Читатель в праве сказать, что раз он так писал в своем плане кампании, значит полагал, что сил и средств хватит. Но это правильно лишь a priori (до опыта); как показали события, для такого размаха операций и на востоке и на западе (с серией разновременных ударов-прорывов) у Германии и германской армии сил и средств нехватило, так как эти силы и средства оказались распыленными, а стратегическая целеустремленность расщепленной. И когда прорывы на англо-французском фронте не достигли намеченных целей, а силы и средства были истощены, наступило полное военное поражение.

Если бы мы попытались анализировать экономику и хозяйственную жизнь Германии в 1917—1918 гг., то увидели бы, что в них с особой силой выступают на передний план два основных фактора: во-первых, гигантское развитие военной промышленности и, во-вторых, крайне тяжелое положение сельского хозяйства и промышленности, обслуживавших армию и население Германии. Военная промышленность буквально поглощала все соки страны, а продукция сельского хозяйства почти целиком шла на нужды воюющих армий, оставляя в тылу жалкие крохи. Резкий продовольственный кризис из года в год стал безраздельно диктаторствовать не только в тылу, но и во многих войсковых частях фронта.

Если буржуазно-капиталистические круги продолжали выдвигать лозунги с основным лейтмотивом «война до победного конца», то широкие пролетарские массы были настолько истощены голодом (смертность в тылу увеличилась на 87% по сравнению с 1913 г.) и нуждой, настолько озлоблены тяжело давящим прессом беспощадной многолетней капиталистической эксплоатации, что многотысячные забастовки, массовые стачки с каждым новым месяцем готовы были вылиться в открытое революционное восстание (120-тысячная берлинская забастовка снарядных мастерских, 18-тысячная лейпцигская летом 1917 г.). Огромный и все продолжавшийся рост дезертирства с фронта стал явлением совершенно обыденным, восстания в войсковых частях и во флоте (в Киле и Вильгельмсгафене летом 1917 г.) с частыми случаями избиения офицерского состава также были явлением, которое уже никого не удивляло. И если военная промышленность с ее месячной продукцией 15 легких орудий в 1914 г. — к 1918 г. свободно давала 3 000 орудий в месяц, если суточное производство для этой артиллерии снарядов за 3 года войны увеличилось в 15 раз (26 000 и 400 000); если за 3 года войны эта промышленность дала фронту 40 000 легких и 12 000 тяжелых орудий с сотнями миллионов снарядов, 47 700 самолетов, сотни тысяч пулеметов (максимальная ежемесячная продукция доходила до 14 500 пулеметов) с сотнями и тысячами миллиардов патронов, то совершенно иначе обстояло дело с вопросом хлебофуражной и пищевой промышленности. Минимальные дозы маргарина и хлебо-картофельного суррогата с примесью репы и дре-

весины были основными и единственными видами питания многомиллионного трудящегося населения Германии. Оккупация Румынии и Украины дала самые мизерные результаты, совершенно не оправдав чаяния германских империалистических кругов.

Во всяком случае, внутреннее политико-экономическое положение Германии перед кампанией 1918 г. было таково, что каждому было ясно, что повторение на фронте неудачи, подобной «верденовской мельнице», неизбежно приведет страну к революции.

Невероятно тяжелое экономическое, а отсюда и напряженное политическое положение страны весьма бедно отразилось в плане кампании 1918 г., составленном Людендорфом. Но если разрыв между политикой и экономикой, с одной стороны, и военной стратегией — с другой, может временно существовать на бумаге, где отображен план кампании, и на военных картах, то такого разрыва и отрыва никогда не может быть в действительной жизни. Действительная жизнь, как подсказывает многообразный опыт войн, особенно XIX и XX столетий, с исключительной жестокостью платит за этот разрыв и отрыв. Германская армия по своей военно-технической подготовленности к началу 1918 г. была очень сильной армией. Но организм этой армии также начинал подтачиваться непрерывными лишениями, недоеданием [1], колоссальными людскими жертвами и элементами недовольства чрезмерно затянувшейся войной.

Таким образом, мысль Людендорфа — победно закончить войну именно до подхода американской армии на европейский континент — была наиболее реальной, ибо этот план целиком отвечал общему положению армии и государства, но вот способы выполнения этого плана должны были вызывать сомнения. При таком положении тыла мечтать, что разброска сил на запад и восток с разновременностью в серии ударов-прорывов на франко-британском фронте пройдет безнаказанно, было нельзя. Слишком уж силен был противник, слишком уж была у него прочна и эластична оборона (учитывая исключительную подвижность маневрирования резервами посредством железнодорожного и автомобильного транспорта), чтобы можно было полагать, что германские прорывы не призовут к жизни быстрые энергичные контрмероприятия со стороны англо-французского командования. Хотя операции в условиях западноевропейского театра военных действий и были несравненно более тягучими и длительными по времени, но все же от работы железнодорожного транспорта требовалась исключительно большая эффективность и быстрота оперативных перебросок. Но к 1918 г. изношенность автомобильного и железнодорожного транспорта в Германии была уже весьма значительной; например, если в 1914 г. на переброску с восточного (русского) фронта одного эшелона с войсками и тех-

---

[1] Если в лучшие дни калорийность пайка в германской армии всеми правдами и неправдами доходила до 2 500 калорий, то в англо-французской армии паек обычно был около 4 000 и более калорий, американский же был еще более сытным и питательным, доходя до 5 000 калорий.

ническими средствами нужно было всего 2—3 дня, то эта переброска в конце 1917 г. продолжалась 10—12 и более дней.

Поэтому слишком уже односторонне-оптимистически думал Людендорф, считая, что в нужный момент восточные корпуса и дивизии окажутся на французском (западном) фронте. Кроме того, Людендорф недоучел той революционно-классовой обстановки, в которой должны были действовать германские дивизии в 1917 г. и первых месяцах 1918 г. на Украине, где эти дивизии увязли и полностью потеряли вследствие их «обольшевизирования» свою боеспособность. Этот недоучет, как известно, вызвал затем горькое признание со стороны германского командования во главе с Гинденбургом и Людендорфом.

Таким образом, грандиозный по своей наступательной оперативно-стратегической концепции план кампании 1918 г. страдал у Людендорфа целым рядом внутренних недостатков и противоречий. Слишком уж беспредельная уверенность в победе и в успешности предстоящего наступления в 1918 г. затушевала очень важный политический и стратегический фактор — учет реального соотношения сил. Отсутствие чувства реальной действительности и чрезмерная переоценка военных и экономических ресурсов Германии в 1918 г., а также ее трех слабых союзников, которые фактически ничем не могли ей помочь, ставили боевую работу германского командования и его армии перед началом гигантской наступательной операции в условия плохо обеспеченного предприятия.

Оперативно-стратегический план Людендорфа, несмотря на его конкретное боевое, техническое и материальное насыщение, таил в себе очень много элементов неприкрытой авантюристичности. Составляя свой план, Людендорф забыл простую вещь, а именно — реальную, конкретную боевую и политическую обстановку, в которой он творил. Ибо то, что могло более или менее счастливо сойти для плана Мольтке-младшего в 1914 г. с его финалом — Марной или для плана Фалькенгайна, который считал, что уже в 1916 г. Франция в военном и хозяйственном отношении дошла до предела своего напряжения и что достаточно устроить ей длительную верденскую мельницу, чтобы она пошла на мир,—то было уже совершенно иным в условиях борьбы 1918 г. Многомесячная (с 21 февраля по осень 1916 г.) работа верденского «насоса по выкачиванию французской крови» по методам фалькенгайновской стратегии с ограниченными целями (Strategie mit beschränkter Zielen) как известно, не только истощила французов, но и выкачала около полумиллиона жизней германских солдат. Крылья верденской мельницы не только в пух и прах разметали план Фалькенгайна, но и сбросили этого известного генерала Германии с поста главнокомандующего. Примерно то же сделала реальная боевая действительность с планом войны 1918 г. Людендорфа, с той лишь разницей, что за провалом этого плана последовал окончательный разгром германской армии, бегство из войны ее союзников, революция и падение гогенцоллерновского царствовавшего дома. Кроме того, Людендорф недоучел еще один величайший политический фак-

тор, что события на боевом фронте в 1918 г. будут проходить в период «триумфального шествия» Октябрьской революции по 1/6 земного шара, в период начинавшейся ожесточенной революционно-классовой войны, победные отзвуки которых, хотя и медленно, но будут просачиваться в окопы империалистического фронта, заражая новыми мыслями и чаяниями измученную душу солдата капиталистических армий. Вот этой-то особенности обстановки, в которой он создавал свой план, недоучел Людендорф — этот верный слуга гогенцоллерновского трона. Лучший друг своего буржуазно-юнкерского класса, Людендорф превращался в его злейшего врага.

На примере кампании 1918 г. во Франции, как пролога к гибели германской империи, еще и еще раз оправдались вещие слова гениального Маркса, что «великие всемирно-исторические события и личности, так сказать, появляются дважды... первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса» [1]. Не чем иным, как фарсом, оказался грандиозный германский план кампании 1918 г. с его внешней наполеоновско-шлиффеновской наступательной концепцией.

Прежде чем перейти к анализу деталей наступательного плана Людендорфа, мы считаем необходимым подчеркнуть, что если уж его творец, верный ученик Наполеона — Шлиффена, хотел добиться реальных результатов на французском фронте в 1918 г., то он должен был принять иное решение. Этого требовала вся обстановка. Решение должно было быть целеустремленным до предела; для главного удара на наиболее жизненном для противника направлении надо было собрать отовсюду действительно все, до последнего солдата, орудия, пулемета, и так организовать «тяжеловесный удар», чтобы он в своем поступательном движении вперед преодолевал все контрмероприятия союзного командования.

Очень распространено мнение, что Людендорф был совершенно аполитичен, что он только оператор-стратег и не более. Это неверно. Людендорф был не только военным деятелем, но и активным политиком. Об этом мы будем говорить в следующей главе. Он был выразителем интересов германского империализма и политиком своего буржуазно-помещичьего класса, думы и чаяния которого защищал силою оружия.

Встает кардинальный вопрос: во-первых, могло ли германское главное командование к началу решительного наступления на западном (англо-французском) фронте сосредоточить большее количество дивизий, чем это было у союзников к марту 1918 г., и, во-вторых, каковы были планы союзного командования до влития американской армии в боевую линию фронта?

На первый вопрос мы отвечаем вполне утвердительно: да, германское главное командование могло не только иметь большее количество дивизий на фронте прорыва, но и создать сильные свежие резервы.

---

[1] К. Маркс, Избранные произведения, т. II, стр. 250, Партиздат ЦК ВКП(б), 1935 г.

На второй вопрос мы можем ответить, что общего главного командования у союзных армий к 1 января 1918 г. еще создано не было [1], а после больших неудач в 1917 г. (провал наступления ген. Нивелля) до подхода американских сил англо-французское командование вопроса об организации нового наступления совершенно не поднимало. Прочное удержание занимаемой линии обороны являлось в оперативно-стратегическом решении союзников господствующим. На весь период первой половины 1918 г. англо-французское командование в основном решило ждать новых людских ресурсов в виде свежих полнокровных американских дивизий; оно сильно рассчитывало на боевое техническое оснащение своих армий со стороны Америки и страстно стремилось всемерно использовать и выкачать силы и технические средства из гигантски разбогатевших на трехлетней империалистической войне США.

Отвечая на первый вопрос о наличии сил, которые Людендорф мог собрать для осуществления своего наступательного плана кампании 1918 г., мы должны указать следующее. В конце 1917 г. на французском фронте германская армия имела 147 пехотных дивизий. К этим силам германское главное командование свободно могло присоединить 40 пехотных дивизий с восточного (русского) фронта и еще 8 дивизий с итальянского фронта. Таким образом, общее количество дивизий без всякого напряжения могло быть Людендорфом доведено к началу наступления на западном фронте до 195. Что касается артиллерийского обеспечения этих дивизий, то из общего количества имевшихся в германской армии 18 200 орудий Людендорф мог иметь на французском фронте не менее 16 000 орудий.

Итак, 195 пехотных дивизий, 16 000 (из которых 6 000—6 500 тяжелых) орудий и 3 000 боевых самолетов плюс несколько кавалерийских дивизий — вот та гигантская сила, которой свободно мог располагать Людендорф к 21 марта 1918 г., т. е. к первому дню своего наступления.

Против этих сил и технических средств к началу 1918 г. союзные армии на западном фронте имели 99 французских плюс 58 английских плюс 12 бельгийских плюс 2 португальских плюс 1 амери-

---

[1] Вопрос об организации общего союзного командования — это целая большая тема. Надо постоянно иметь в виду, что отсутствие единого командования было огромным недостатком у союзников на протяжении всех трех лет войны. Вечные трения, ссоры, местничество, отсутствие должного чувства доверия друг к другу, сепаратизм отдельных главкомов и премьер-министров держав Антанты постоянно создавали невероятно трудные условия для боевой работы войск и управления ими.

Например, французский премьер-министр Клемансо в январе 1918 г. на конференции военных и политических деятелей в Париже открыто заявил, что «после того, что пережили союзники в 1917 г., о новых наступлениях речи быть не может. Надо весь 1918 г. употребить на основательную подготовку к дальнейшим испытаниям, в конце этого года прибудут американские дивизии, им также необходимо время, чтобы приготовиться к большой операции, а все это говорит за то, что победа может быть достигнута не ранее осени 1919 г.». Как видим, Клемансо, игравший исключительно выдающуюся роль в последний период мировой войны, отсрочивал активные операции со стороны союзников на целый год.

канскую дивизию [1], т. е. всего 172 союзных дивизии при 15 751 орудии (9 378 легких и 6 373 тяжелых), 3 784 боевых самолетах, 9 кавалерийских дивизиях (входивших в общее число 172) и 500 танках.

Иными словами, Людендорф мог достигнуть значительного превосходства в числе дивизий, иметь небольшое превосходство в числе орудий и не мог быть сильнее союзников в отношении боевой авиации. Танками германская армия только начинала оснащаться, она их имела не более сотни. Несовершенная техническая конструкция танков и их большие потери от артиллерийского огня за время боев в 1917—1918 гг. не вызывали особой любви к этому новому боевому оружию со стороны германского командования. Если союзное командование имело 9 кавалерийских дивизий, но превратило их в «ездящую пехоту», то германцы на французском фронте в 1917 г. не имели ни одной кавалерийской дивизии, так как они были в 1915—1916 гг. переброшены на восточный (русский) фронт.

Решение Людендорфа не иметь ни одной кавалерийской дивизии к моменту своего нового большого наступления на западном фронте нельзя считать правильным. Надо было иметь не менее 10 кавалерийских дивизий, но не превращать их по французскому образцу в «ездящую пехоту», а, оснастив их новыми техническими средствами, постараться использовать по-новому. Такое решение было бы более целесообразным, а наличие в первом мартовском прорыве на Амьен подвижного рода войск в виде конницы, соответственно оснащенной технически, как подтверждают исследователи мировой войны (Куль [2], Сект [3], Брандт [4] и др.), имело бы огромное значение для германцев. Брошенная в прорыв, преследуя отходящего противника, конница захватила бы железнодорожный узел Амьена, в 15 км от которого залегла выдохшаяся германская пехота. Повторяем, эта операция могла быть осуществлена лишь в том случае, если бы германская конница была правильно, по-новому, организована и технически оснащена соответственно условиям борьбы в 1918 г. на французском фронте.

Итак, союзные армии имели: 172 дивизии, 15 751 орудие, 3 784 самолета и 500 танков, германские армии могли сосредоточить 195 дивизий, 16 000 орудий, 3 000 самолетов и 100 танков. Эти союзные армии были размещены на 625-км фронте, из которых фронт в 400 км был наиболее важным, так как удар на этом фронте выводил наступающие армии к столице Франции — Парижу и затем к побережью, т. е. к портам Кале, Дюнкирхен, Брест, Нант, через которые шли различные пополнения для союзников во Францию.

---

[1] На итальянском фронте, как мы говорили выше, оставались переброшенные туда на автотранспорте к моменту боев на р. Изонцо 6 французских и 5 английских дивизий. Сильная моральная депрессия разгромленной итальянской армии без риска нового наступления австро-германцев не позволяла вернуть эти 11 дивизий в марте — апреле 1918 г. из Италии.

[2] Куль, Мировая война в решениях наших противников.

[3] Сект, Мысли солдата.

[4] Брандт, Современная конница.

Таким образом, если бы Людендорф сосредоточил указанные силы, то он имел бы возможность, выбрав решающее направление для главного удара, собрать сюда такую массу живой силы и техники, что получил бы подавляющее превосходство для глубокого вторжения на территорию противника. Начиная выполнение своего плана, Людендорф обладал обученными и опытными войсками.

В то время как германская армия была однородна и по своему национальному составу и по единству высшего командования, союзные армии не имели ни того ни другого. В жесточайших муках рождалось у союзного командования решение объединения руководства всеми армиями (английской, французской, итальянской, португальской, американской) [1] в одних руках. Каждое правительство Антанты не хотело выпустить из своих рук возможность самостоятельно распоряжаться своей армией. И будет правильно сказать, что если бы не было крайне тревожного положения на западном театре военных действий в связи с разгромом итальянской армии и тяжелым поражением англо-французской армии в 1917 г., если бы союзники не встали перед фактом, что после заключения Бухарестского и Брест-Литовского мира десятки германских дивизий уже двинулись на западный фронт — вопрос с объединением в одних руках командования армиями Антанты к началу 1918 г. оставался бы попрежнему неразрешенным.

Два фактора сдвинули с места это дело: во-первых, союзному командованию к началу 1918 г. стало совершенно ясно, что германцы готовят большое наступление на Францию; во-вторых, надо было во всеоружии встретить это наступление, чтобы не повторить огромных оперативно-стратегических ошибок 1917 г. За объединение командования с особой силой ратовала Франция, которая на пост главковерха выдвигала кандидатуру Фоша.

Поводом к скорейшему осуществлению этого вопроса был случай с образованием общесоюзного резерва, инициатором которого был Фош. Последний считал, что встретить новое наступление Людендорфа без наличия резерва для парирования прорыва германцев — это значит поставить себя на путь к катастрофе. Фош требовал создания общесоюзного резерва численностью не менее как в 26 дивизий (12 французских, 8 английских и 6 итальянских). Он думал расположить их на трех направлениях: Амьен (стык между англичанами и французами), Париж (столица Франции), Дофине (центр стратегического фронта союзников). Фош предполагал иметь 10 дивизий в районе Парижа и, примерно, по 8 в районе Амьена и Дофине.

Английский главком ген. Хэг был категорически против этой «затеи» Фоша. Началась длительная тяжба, во время которой продолжали поступать разведывательные данные о том, что германское командование осуществляет интенсивную переброску дивизий на французский фронт.

[1] В отношении бельгийской армии вопрос снимался по другим причинам, так как фактически ее главком был бельгийский король Альберт, но в мае месяце бельгийская армия тоже стала подчиняться Фошу, как союзному главковерху.

И лишь с назначением Фоша в апреле 1918 г. верховным главнокомандующим всех армий Антанты разрешился затянувшийся вопрос с общесоюзным резервом. Это назначение положило начало более согласованному и целеустремленному управлению союзными войсками и установлению более однородной системы и организации вооружения и снабжения союзных армий.

Таким образом, Людендорф, начиная осуществление своего плана кампании 1918 г., нашел в лице Фоша наиболее сильного волей и наиболее подготовленного к вождению многомиллионных масс противника. Получив в свои руки управление всеми армиями, Фош со свойственным ему спокойствием и твердостью всесторонне готовился принять сокрушающий удар Людендорфа. Он, как и прежде, считал, что активная оборона до полной реорганизации дела управления армиями Антанты и подхода американцев—единственно правильная линия поведения. В этом случае, как видим, он целиком сходился в мнении с премьером Клемансо [1].

Развитие наступательного плана Людендорфа

Получив в ноябре 1917 г. согласие верховного командования на организацию решительного наступления на западном фронте на весну 1918 г., Людендорф сейчас же приступил к тщательному изучению накопившегося опыта, фактов, цифр, различных данных и материалов, с тем чтобы во всех деталях разработать наступательный план кампании.

Одновременно с этим была составлена для войск и командования обширная инструкция «Наступательное сражение в позиционной войне». И пока постепенно вырисовывались контуры и детали оперативно-стратегического плана кампании, войска и командование деятельно готовились к наступлению, проходя курс обучения по вышеуказанной инструкции.

Людендорф об этом подготовительном периоде пишет следующее:

«Обучение войск для наступления также требовало огромной работы. Для этого была использована зима 1917—1918 гг., как предыдущая — для подготовки войск к обороне. Как тогда все тактическое поучение было объединено в инструкции «Оборонительное сражение», так теперь было издано «Наступательное сражение в позиционной войне».

«Мы должны были вновь воскресить в мышлении армии все те прекрасные начала наступательных действий, которыми были проникнуты наши уставы перед войной, их надлежало дополнить в соответствии с новейшим боевым опытом. Не создавая тормозов

[1] Из мемуаров Клемансо видно, что он согласился на кандидатуру Фоша исключительно потому, что Фош обладал значительными способностями вести дипломатическую игру. Клемансо несравненно более ценил ген. Петэна, в то время главкома французских армий севера и северо-востока. Но Петэн был слишком прямолинеен и не справился бы с координированием действий по отношению к отдельным главкомам союзных армий. Кроме крупного боевого авторитета, Фош пользовался большой популярностью, как самый образованный, выдающийся военно-научный деятель среди высшего командования держав Антанты.

для наступательного порыва, нужно было озаботиться сокращением потерь до минимума. Все мышление армии надо было перестроить с окопной войны на наступление» [1].

В свете той грандиозной задачи, которую поставило себе германское главное командование на 1918 г., мы в полной мере считаем правильным откровенное признание самого Людендорфа, что «нелегко было решить, где начать наступление, но это решение приходилось принимать заблаговременно» [2].

Составляя инструкцию «Наступательное сражение в позиционной войне», Людендорф прекрасно понимал, как видно из ее содержания, ту новизну в способах действий, на которую надо было решиться.

Характеризуя трудности стратегического развертывания в условиях кампании 1918 г., он пишет:

«Содержание войск на тесном пространстве, подвоз по железной дороге огромного количества боевых припасов и всевозможного другого снаряжения, работы самих войск по казематированию позиций для батарей, маскировке дорог, изготовлению укрытий от аэропланов и приспособлений для перехода через системы окопов и, наконец, развертывание для сражения требовали нескольких недель; требовалось предусмотреть все — до деталей подготовительных работ включительно. Естественно, это обусловливало опасность преждевременного раскрытия наших намерений противнику. Ввиду этого на тех участках, где мы не предполагали наступать, также производились демонстративные работы, которые одновременно являлись основой подготовки последующих атак. Но большая часть имевшихся в нашем распоряжении рабочих отрядов была заблаговременно передана на ударный участок. Подготовительные работы в других районах не могли получить обширного развития, но все-таки они допускали известную возможность введения противника в заблуждение; осмотрительно руководимая контрразведка содействовала этому отвлечением внимания противника. По вопросу о выборе ударного участка я беседовал с начальниками штабов фронтов и с сотрудниками моего штаба и выслушал их мнения. Выбор приходилось делать между тремя участками: во Фландрии, от Ипра до Ленса, между Аррасом и Сен-Кантеном или Ля-Фером и по обе стороны Вердена, за исключением самой крепости. Как всегда бывает в таких случаях, все три направления имели много данных и за и против» [3].

О чем говорят эти соображения Людендорфа? В основном о том, что он, имея для нанесения удара три направления, удар наносит на одном, демонстрируя на других. Это очень важный момент, так как в новых условиях борьбы необходимо было сосредоточить к намеченному участку прорыва такую массу сил и средств, чтобы после перехода в наступление добиться, наконец, решительного результата по разгрому живой силы противника и, прорвав укрепленные полосы на большом участке фронта, глубоко вторгнуться

[1] Людендорф, Воспоминания, т. II, стр. 144.
[2] Там же, стр. 159.
[3] Там же.

на его территорию. Необходимо было наносить удар с максимальной целеустремленностью, не допуская ни в коем случае, чтобы он захлебнулся в своей крови и выдохся ранее захвата намеченной цели. Ибо в условиях борьбы, когда противник весьма силен и деятелен, рассчитывать на то, что неуспех на одном направлении можно восполнить наступлением-прорывом на другом участке, как подсказывал опыт позиционной войны за 1916—1917 гг., было безнадежным делом.

Людендорф наметил три участка и, как увидим ниже, полагал, что разновременными ударами-прорывами на каждом из этих трех, не доводя их до логического конца, т. е. до выхода к побережью на участке Булонь, Кале, Дюнкирхен (глубина 100 км), до захвата Амьена с перерезанием железной дороги Булонь, Париж (глубина 80 км), до прорыва центра стратегического фронта союзников и выхода к Труа, Парижу (глубина 160—200 км), он сумеет потрясти всю оборону стратегического фронта англо-французов.

Такой метод ведения операции обрекал весь план кампании с первого же не доведенного до конца прорыва на полный провал и неудачу. Наступать на всех трех участках сразу (т. е. на 400 км) у Людендорфа нехватило бы сил; поэтому оставался единственный выход: выбрать наиболее жизненное для противника направление и, сосредоточив сюда подавляющее количество сил, средств и резервов, вести операцию глубокого вторжения включительно до цели. Таким направлением было направление парижское, а поэтому сосредоточение сил надо было организовать на одном основном участке между Камбре — Реймс (130 км) с глубиною вторжения на 110 км, т. е. до столицы Франции — Парижа включительно. Кроме того, одновременно с этим основным ударом надо было организовать один-два вспомогательные.

При совместном обсуждении деталей плана кампании такой вариант фигурировал и у Людендорфа и у его командующих фронтами. Но этот вариант отпал, и восторжествовало первоначальное основное построение оперативно-стратегического плана, а именно: «Борьба начнется на одном участке англо-французского фронта, продолжится на других, потребует много времени», не оставлялась мысль об энергичных действиях и на восточном фронте (Украина, Польша, Прибалтика).

Участок, на котором начнется первый наступательный прорыв, был предложен начальником штаба фронта Рупрехта ген. Кулем. Этот участок — Аррас, Ля-Фер с выходом в район Амьена, т. е. по стыку англичан и французов. За этот вариант и ухватился Людендорф, всецело поддержавший расчеты ген. Куля.

Конечно, и Людендорф и Куль были более чем уверены, что германские войска захватят Амьен, для этого они делали все возможное. Но отсутствие в плане кампании верховного главного командования твердого стратегического пути оказалось роковым для Людендорфа. Получилось в действительности так, что, прорвав оборону противника на 70-км фронте, германские войска стали распространяться в глубину и, не доходя 15 км до

Амьена, выдохлись и остановились обескровленные. Людендорфа это не смутило, и он прерывает Амьенскую операцию и соответственно с построением общей идеи своего стратегического плана кампании начинает организацию прорыва-наступления на других участках, подчас с полумесячными промежутками от одного прорыва до другого. Что в конечном итоге было достигнуто главным германским командованием от такого своеобразного метода проведения стратегического плана наступления? Очень немногое.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению событий, нам хочется упомянуть здесь об одном моменте.

11 ноября 1917 г. в штабе фронта кронпринца Рупрехта Людендорф совершенно ясно выразил идею своего наступательного плана. Он сказал:

«Решительный удар на западном фронте может быть произведен лишь в одном месте, так как западный фронт можно усилить лишь 35 дивизиями и 1 000 орудиями, перебрасываемыми с других театров. Таким участком для удара является район Аррас, С.-Кантен».

Но затем 4 месяца продолжалось у Людендорфа вынашивание деталей плана кампании; он очень много раз выезжал в штабы фронтов, подолгу беседовал с их командующими и начальниками штабов и затем принял такое решение, которое погубило все дело.

Как будто 11 ноября 1917 г. было кульминационным пунктом в развитии оперативно-стратегического замысла Людендорфа с ясной установкой на то, что удар будет организован лишь в одном месте. После этого последовал долгий период сомнений, размышлений, бесед, согласований и пр. И конечно, когда Людендорф приезжал в штаб фронта к Рупрехту, или кронпринцу германскому, или Гальвицу, то каждый из них доказывал, что именно на его фронте наиболее целесообразно произвести главный удар.

Стратегическая целеустремленность у Людендорфа, запутавшись в цифрах, фактах, доказательствах, выгодах и невыгодах, затерялась, стала бесформенной, расщепилась на несколько направлений. В конце концов, Людендорф обещал всем угодить и все фронты осчастливить поровну решительными ударами. И, как увидим ниже, уже первый удар на Амьен был расщеплен на два фронта — кронпринца Рупрехта и кронпринца германского.

Угодить командующим фронтом и не портить с этими большими царственными вельможами личных отношений для Людендорфа имело огромное значение. Этого он не скрывает в своих воспоминаниях, и, как верный слуга коронованных особ, он откровенно пишет:

«Генерал-фельдмаршалу Гинденбургу и мне, разумеется, было приятно, в связи с требованием стратегической обстановки, чтобы кронпринц германский также принял участие в первом большом наступательном сражении на западе» [1].

[1] Людендорф, Воспоминания, т. II, стр. 162.

Уже с конца ноября 1917 г., чтобы успокоить честолюбие наследных принцев, стоявших во главе фронтов, им было указано начать предварительные подготовительные мероприятия для прорыва-наступления. Мало того, к началу операции 18-я армия с фронта кронпринца Рупрехта была передана кронпринцу германскому, в то время как главный удар должен был наноситься 17-й и 2-й армиями фронта кронпринца Рупрехта. Иначе говоря, на Амьенском направлении должны были наступать левый фланг Рупрехта (17-я и 2-я армии) и правый фланг кронпринца германского (18-я армия). Так и случилось на погибель наступательному плану кампании 1918 г.

Такая линия поведения, когда в порученном деле у полководца отсутствует крепкая, непреклонная воля и твердое знание того, что он хочет и что действительно может выполнить в конкретных условиях борьбы, в корне противоречит целеустремленному ведению фронтовых операций.

В своих мемуарах Людендорф очень много места уделяет вопросу выбора участка для главного удара. Он говорит, что прорыв на северном участке во Фландрии против бельгийцев и англичан от Ньюпора до Ленса представлял огромные трудности вследствие топографических условий (высокий уровень подпочвенных вод, непроходимость ранней весной долины р. Лис, сильные укрепления противника при обладании им почти всеми фландрскими возвышенностями, затопление района севернее Ипра и пр.) и невозможности развернуть здесь большие массы для наступления. Это направление выводило наступающего к побережью и портам, но в то же время Англия могла нанести фланговый удар со стороны Остенде. Наступление в районе Вердена и Эльзас-Лотарингии было крайне невыгодным вследствие наличия больших сил, которые были сосредоточены французами на этом участке и в резервах, а также прочной обороны, опирающейся на целую серию крепостей и фортов железного пояса Серре-де-Ривьера, значительно усиленных и развитых в боевом и техническом отношении за период 1914—1917 гг.

Оставался участок фронта от Арраса до Реймса. Вести наступательную операцию против главных сил англичан и французов одновременно на всем 150-км фронте нехватило бы сил. Нужно было разделить этот фронт на два участка. Правый участок — Аррас, С.-Кантен приходился по стыку англичан и французов и выводил атакующие армии к важному железнодорожному узлу Амьена; левый участок от С.-Кантена до Реймса выводил наступающего прямо к Парижу. В оперативно-стратегическом и политическом отношении этот участок фронта был наиболее выгодным. Но если амьенское направление шло по линии наименьшего сопротивления, то это парижское — как раз наоборот. Париж был удален от исходной линии наступления на 110 км, т. е. почти на 35 км больше, чем Амьен. Кроме того, укрепления железнодорожного узла Амьена и большой крепости-лагеря Парижа сравнивать нельзя, так как эти два объекта в отношении инженерной и боевой обороны были совершенно различны.

Людендорф говорит, что, наступая прямо на Париж, германские армии встретили бы наиболее ожесточенное сопротивление, которое с каждым часом все усиливалось бы, так как французы могли широко маневрировать своими резервами посредством автомобильного и железнодорожного транспорта. Людендорф страшился финала Марны 1914 г. и судьбы Мольтке-младшего. Он очень опасался, что первый же грандиозный удар на Париж, правда, неизмеримо более тщательно подготовленный во всех отношениях, чем в 1914 г., захлебнется в своей крови и не достигнет цели. Удар же по линии наименьшего сопротивления на Амьен ему значительно более импонировал. И вот с тем, чтобы оправдаться перед будущим, а тем самым уйти от трудностей парижского направления, он начинает выдвигать несуразную гипотезу о том, что тактика в условиях борьбы 1918 г. была куда важнее и что она обещает больше успеха, чем большое стратегическое наступление прямо на Париж.

Вот что пишет Людендорф: «Я остановился на среднем направлении наступления (т. е. на Амьен. — *Вл. М.*). Главнейшими основаниями для меня являлись условия времени и тактические соображения, причем первое место среди них занимала слабость сил неприятеля на этом участке. Но останется ли противник здесь в слабых силах и в дальнейшем, я, конечно, не мог знать. Тактические требования надо ставить в ы ш е чисто стратегических, так как без тактического успеха заниматься стратегией не приходится. Стратегия, которая не задумывается над тактическими условиями, заранее обречена на безуспешность. Наступление Антанты в первые три года войны представляет тому многочисленные примеры» [1]. Это повествование-доказательство Людендорфа полно элементарными противоречиями.

Возникает основной вопрос: мог ли успешный тактический прорыв на Амьен остаться изолированным от перерастания его в оперативно-стратегическую победу? Ясно, не мог, так как сколько бы мы ни пытались строить заборов и коридоров между тактикой и оперативно-стратегическим искусством, все равно действительная жизнь всегда говорит, что они тесно переплетены и связаны друг с другом.

Поэтому узко-формальная, однобокая постановка вопроса Людендорфом, что «тактические требования надо ставить выше чисто стратегических», не выдерживает никакой критики уже в силу того, что тут же Людендорф приводит азбучную истину: «так как без тактического успеха заниматься стратегией не приходится». Напрашивается вопрос к Людендорфу как к составителю стратегического плана кампании 1918 г. мировой войны: для чего же нужен был ему тактический успех в направлении Амьена? Только во имя голого успеха или же для реального разгрома живой силы армий Антанты? И можно ли было посредством одного тактического, даже архиуспешного прорыва поставить на колени Англию и Францию и заставить их подписать победный для Германии мир? Каждому

[1] Людендорф, Воспоминания, т. II, стр. 161.

ясно, а Людендорфу в первую очередь, что такие задачи и цели можно разрешить лишь посредством блестяще организованной и осуществленной тактики и стратегии. Было бы смешно думать, что этого не понимал Людендорф. Еще более странной является постановка вопроса Людендорфом, когда он говорит: «Но останется ли здесь противник в слабых силах и в дальнейшем, я, конечно, не мог знать». Кого же думает обмануть Людендорф такой постановкой вопроса? Разве опыт 1916—1917 гг. не полон примерами того, что противник не мог оставаться спокойным и не усиливать направления прорыва с целью его локализации?

Свои «философские» рассуждения о тактике и стратегии, о «незнании» методов борьбы своего противника Людендорф искусственно приклеил исключительно для того, чтобы завуалировать основной смысл фразы, которая выдает его с головой, а именно: «слабость сил неприятеля на этом участке» (т. е. на фронте Аррас, С.-Кантен, Ля-Фер. — *Вл. М.*). Вот в чем сущность всей «философии» автора грандиозного плана наступательной кампании 1918 г.!

Линия наименьшего сопротивления пришлась Людендорфу более по сердцу, так как он страшился парижского направления с его огромной силой сопротивления. Но выиграть кампанию в конкретных условиях борьбы на англо-французском фронте в 1918 г. Людендорф мог лишь на парижском направлении. Известно, что провал наступления на Амьен вызвал по инерции организацию нового прорыва на другом участке фронта (Лис). Кроме того, после мартовского прорыва на Амьен и апрельского на Газебрук и далее, в мае и июне, Людендорф все же пришел к организации нового прорыва на парижском направлении. Так зачем же это было делать в июне, когда это же самое в неизмеримо более выгодных условиях можно было сделать в марте? Правда, перед германским главным командованием вставал сложный вопрос снабжения и питания от исходной линии в глубину на 120 км для этого мощного удара на Париж [1]. Таким образом, германское главное командование, начиная генеральное наступление в последний год мировой войны, должно было не распылять свои силы и средства на четыре разновременных удара, а максимально сосредоточить их в кулак для одного или двух одновременных ударов. Например, два одновременных удара на Париж и Амьен дали бы огромный эффект, так как противник не знал бы, куда ему в большем количестве бросать свои резервы. Эти удары запутали бы союзников, а результаты генерального наступления были бы не такими, которые получил Людендорф после прорывов сперва в марте, затем в апреле, потом в мае и, наконец, в июне.

В основе стратегического плана Людендорфа, как мы видели выше, была заложена основная мысль разгромить союзников до подхода живой силы и технических средств армии США. Так вот,

---

[1] Надо иметь в виду, что при мартовском наступлении на Амьен на 75 км вопрос с питанием в глубине всем необходимым наступающих корпусов и дивизий был напряженным.

если в марте американской армии еще не было, то в июне она уже появилась. Особая любовь к линии наименьшего сопротивления (без учета того, что она не всегда может быть выгодной), которая появилась у Людендорфа перед мартовским наступлением, оказалась для него в полном смысле роковой. Эта тяга к малому и желание через это малое осуществить большое (разгром англо-французов) привели Людендорфа в конкретных условиях кампании 1918 г. к весьма большим затруднениям и неудачам и, наконец, к судьбе Мольтке-младшего. Но линия наименьшего сопротивления была у Людендорфа, а отсюда и у Гинденбурга, не только в выборе участка прорыва, она была и в организации командования и управления этим прорывом.

Окончательно запутавшийся в советах, пожеланиях и просьбах фронтов, Людендорф, стремясь оправдать себя перед историей, в своих «Воспоминаниях» пишет наивные вещи: «Я р е ш и л, — говорит он, — с о х р а н и т ь в с в о и х р у к а х ц е н т р а л и з о в а н н о е р у к о в о д с т в о с р а ж е н и е м. Если бы оно велось одним фронтом, то это было бы затруднительно, так как в таком случае всякое мое вмешательство легко вылилось бы в форму подсказывания высшей инстанцией. Нужно было в наивысшей степени привлечь вспомогательные средства фронта кронпринца германского, что также облегчалось таким распределением командования». Совершенно ясно, Людендорф пишет то, чему сам не верит.

До начала наступления фронт кронпринца Рупрехта, начиная с правого фланга, имел 4-ю, 6-ю, 17-ю, 2-ю и 18-ю армии. Фронт кронпринца германского — 7-ю, 1-ю, 3-ю армии. 18-ю армию Людендорф передает кронпринцу германскому, а прорыв организует тремя армиями: 17-й, 2-й, 18-й, т. е. основными армиями кронпринца Рупрехта, но для того, чтобы «не обидеть» кронпринца германского, ему передается (прирезывается) 18-я армия. Разве это не искусственно-примитивная организация командования? И что оно может иметь общего с принципом централизованного руководства большим сражением? Получилась ведь не организация ударной мощной группировки, огневого кулака, а наступление внутренними флангами двух фронтов.

Вместо единой воли — две воли фронтов и совершенно непонятная роль воли главного командования, которое, как высшая инстанция, не хотело ничего «подсказывать фронтовой инстанции»! А ведь вопрос мог решаться куда проще. Людендорф наметил 17-ю, 2-ю, 18-ю армии для первого прорыва. Он хотел руководить сражением централизованно. По его мнению, тактика п р и м а т и р у е т в прорыве над стратегией, а централизованно руководить — это значит крепко-накрепко держать бразды управления в своих руках. Отсюда ясно, что надо было бы создать оперативную группу из 17-й, 2-й, 18-й армий с одной волей во главе и с непосредственным подчинением этой воли воле германского верховного командования, т. е. автору плана наступательной кампании 1918 г. Для этой простой вещи необходимо было, чтобы Людендорф вместе с Гинденбургом были полководцами, а не ц а р е д в о р-

цами в специфическом смысле этого слова. Но, как видим, этого быть не могло, а отсюда не могло быть и желаемого централизованного руководства сражением. Опыт войны имеет богатый конкретный материал; он ясно говорит, что если существовали и могут существовать различные махинации с организацией командования и управления вроде вышесказанной, то действительная боевая жизнь, не терпя этих сложных махинаций, платит за искусственное нагромождение командных инстанций путаницей, неразберихой, поражением и бесцельно пролитой кровью.

Так случилось и с германцами в их первом наступлении-прорыве, когда простота организации, как видим, была заменена сложной искусственностью.

В феврале 1918 г. Людендорф окончательно остановился на варианте первого удара с фронта Аррас, Ля-Фер в направлении на Амьен по стыку англичан и французов. Начало наступления было намечено на вторую половину марта; к этому времени Людендорф рассчитывал собрать необходимые силы и средства с других фронтов.

К моменту решения создать наступательный план кампании, т. е. в ноябре 1917 г., на западном фронте Людендорф располагал 147 дивизиями. На восточном фронте тогда было 85 германских дивизий. Вопрос о переброске, по крайней мере, 95% этих дивизий с русского фронта, где шла стихийная демобилизация старой царской армии, отпадал, так как Людендорф приказал энергично действовать в Польше, Прибалтике и Украине. В силу указанного обстоятельства из этих 85 дивизий к началу первого наступления германцев на западном фронте (т. е. к 21 марта 1918 г.) было взято лишь 35 дивизий. Прочие 50 оставались на русском фронте. Подавляющая часть этих 50 дивизий совместно с австрийцами, преодолевая упорное сопротивление малочисленных, плохо вооруженных белорусско-украинских отрядов, наступала в Прибалтике, Белоруссии, Украине, захватывая продовольствие и различное имущество [1]. При решении наносить главный удар на западе, оставление на востоке такой массы дивизий перед русским фронтом, который уже вышел из мировой войны, было огромным стратегическим промахом.

Итак, из 85 дивизий Людендорф взял с восточного фронта только 35 дивизий. Когда мартовское наступление стало выдыхаться, в апреле и мае 1918 г. Людендорф с восточного (русского) фронта взял еще 10 дивизий, но, к его ужасу, теперь в мае 1918 г. все эти дивизии оказались зараженными «большевистской пропагандой» и не годились для серьезных операций на западно-европейском театре военных действий.

Таким образом, 147 плюс 35 дивизий составляли цифру в 182 дивизии. К этим 182 дивизиям Людендорф приказал перебросить с итальянского фронта 8 дивизий и с македонского 1 дивизию, — говоря иначе, к 21 марта он сосредоточил новых 44 дивизии, тем самым получив 191 дивизию. К началу же мартовского наступле-

[1] См. наш труд «Героическая оборона Царицына», Воениздат, 1938 г.

ния главное германское командование имело всего 193 дивизии (108 на фронте и 85 дивизий во второй линии в резерве, 15 700 орудий и 2 800 самолетов). Железные дороги работали еще вполне удовлетворительно, фактически они каждый месяц подбрасывали на западный фронт не менее 7 дивизий и огромное количество боевого имущества: артиллерию, боеприпасы, продовольствие и пр., а также перевезли единовременно 46 тяжелых австрийских батарей, так как Австро-Венгрия отказала, в связи с исключительным обескровлением своей армии, в посылке живой силы на англо-французский фронт.

Накопление дивизий на западный фронт шло таким образом:

1 ноября	1917 г.	было	всего	147	дивизий
1 декабря	1917 »	»	»	154	»
1 января	1918 »	»	»	170	»
1 февраля	1918 »	»	»	177	»
1 марта	1918 »	»	»	189	»
20 марта	1918 »	»	»	193	»

Конечно, германские железные дороги имели полную возможность значительно увеличить эти темпы. Но главное германское командование в основу своего наступательного плана кампании клало принцип внезапности удара, огромный же темп и значительные потоки эшелонов легче бы нарушали сохранение тайны сосредоточения сил и средств к фронту намеченного главного удара.

В начале главы мы писали, что в мартовском прорыве в Пикардии германцами были сосредоточены на 1 км фронта наступления 1 дивизия, 100 орудий и 15 самолетов.

Эти цифры и плотность насыщения техническими средствами расшифровываются следующим образом.

Фронт наступления Аррас, Ля-Фер равнялся 70 км. Людендорф сосредоточил на этот фронт несколько более трети всех дивизий из имевшихся на западном фронте 193 дивизий, т. е. 62 дивизии. Таким образом, включая резервы, на 1 км фронта прорыва приходилась в среднем 1 дивизия.

На этот 70-км фронт Людендорф сосредоточил 950 легких плюс 701 тяжелая плюс 55 артиллерийских батарей большой мощности, а всего 7 000 орудий и 1 000 самолетов, что составляет 100 орудий и 15 самолетов на 1 км фронта прорыва.

С точки зрения организации оперативно-тактического прорыва, конечно, эта гигантская работа по сосредоточению сил к месту наступления является весьма показательной. Но с точки зрения проблемы стратегического развертывания и тех задач, которые преследовал германский наступательный план кампании 1918 г., это сосредоточение было явно неудовлетворительным.

Оставлять целых 50 дивизий на русском фронте, имея 193 дивизии, 15 700 орудий (не считая траншейных) и 2 800 самолетов на англо-французском фронте к 21 марта 1918 г., и наносить удар лишь по линии наименьшего сопротивления и опять же на второстепенном амьенском направлении, которое меньше всего обещало возможность перерастания оперативно-тактического успеха в боль-

шую победу на всем стратегическом фронте, это опять же нисколько не говорит в пользу автора германского плана кампании 1918 г. — генерала Людендорфа.

Как мы уже знаем, союзники решили до подхода американских сил вести лишь жесткую оборону. Между прочим, в ответ на сведения о продолжавшемся из месяца в месяц усилении германского фронта лишь одни французы верили в возможность скорого наступления со стороны германцев, англичане же до 21 марта включительно считали, что французы преувеличивают опасность, а сосредоточение новых германских дивизий на западном фронте расценивали как естественное явление в связи с выходом России и Румынии из мировой войны.

Было ли такое настроение в стане врага выгодным для Людендорфа? Безусловно. Оно было выгодным уже потому, что до 21 марта союзники, во-первых, так и не могли определить, откуда именно последует удар, во-вторых, союзники считали, что германцы на западном фронте располагают лишь 167 дивизиями. Было ли выгодно для Людендорфа, что противник преуменьшил его силы на целых 26 дивизий? В этом сомнений быть не может.

Какие силы союзники могли противопоставить к 21 марта на всем стратегическом фронте 193 германским дивизиям, 15 700 легким и тяжелым орудиям, 2 800 самолетам? Эти силы были: 172 дивизии союзников, 15 750 легких и тяжелых орудий, 3 784 самолета, 893 танка и 9 кавалерийских дивизий. Как видим, соотношение сил было далеко не в пользу союзников.

Является вопрос: мог ли Людендорф при этом соотношении сил и средств организовать первый удар сразу же на парижском направлении и второстепенный на Амьен, а не распылять свои силы в дальнейшем на несколько разновременных ударов-прорывов? Нам думается, что вполне мог, причем эта возможность несла бы с собой более реальную перспективу успеха, если бы на восточном (русском) фронте было оставлено не 50, а максимум 10 дивизий, если бы со всех фронтов главное германское командование во имя основного успеха на франко-британском фронте действительно собрало все возможное в отношении живой силы, технических средств и других материалов по снабжению армии.

В свете этих событий и характера операций первой половины 1918 г., которые провели германцы на западном фронте, все говорит за то, что Людендорф мог бы к началу первого мартовского наступления иметь очень большой успех на западном фронте. Но для этого необходимы были два основных условия:

1) иметь твердый целеустремленный стратегический путь в плане кампании с действительно твердым централизованным руководством сражением и

2) сконденсировать в один или два одновременных мощных удара (на Амьен и Париж) все те мартовские, апрельские, майские и июньские удары, которые вело последовательно, но без решительного успеха германское главное командование в первой половине 1918 г. на западном фронте.

Но что можно было сделать в марте — апреле, то безвозвратно было потеряно в последующие месяцы борьбы.

И если первый удар Людендорфа вызвал жестокое сопротивление союзников, то последующие его удары все более и более усиливали энергию сопротивления со стороны противника вплоть до того момента, когда сосредоточилась американская армия и в общем соотношении сил сторон Антанта получила явное преимущество.

Чем тщательнее изучаешь характер оперативно-стратегического творчества германского главного командования до первого мартовского наступления в Пикардии, тем более ясным становится, что Людендорф и весь его антураж не поняли основного. Они не поняли сущности того положения, в котором находились. Они не поняли, что, находясь в крайне тяжелом политическом и экономическом положении по сравнению с Антантой, они не могли ни на один лишний месяц затягивать войну.

Отсутствие надлежащего понимания реального соотношения сил пронизывает весь германский план наступательной кампании 1918 г., делая его в основной фундаментальной части насквозь гнилым и зависимым от различного рода случайностей, предвидеть которые было вполне возможно.

Отсутствие реального политико-стратегического прогноза является характерной особенностью германского плана кампании 1918 г.

Директива Людендорфа о начале наступления-прорыва

Перед отдачей первой директивы для наступления-прорыва расположение 13 германских армий и армейских групп на всем западном фронте было, как показано в таблице 34.

Эти грандиозные силы и технические средства должны были посредством кровавого соревнования не только вырвать инициативу действий из рук союзнических армий, но и дать Германии «почетный мир».

Германским командованием перед отдачей первой директивы была проделана большая подготовительная работа. Весь январь и февраль войска и начальствующий состав не только изучали инструкцию «Наступательное сражение в позиционной войне», но они целыми войсковыми соединениями тренировались по ней в тылу боевого фронта. Для этого некоторые дивизии поочередно отводились в тыл для прохождения курса обучения. Всей армией, от самого высшего начальника и до последнего солдата, с исключительной методичностью, упорством и пунктуальностью изучалась основная мысль инструкции, составленной Людендорфом, в которой он говорил:

«Мы должны вновь воскресить в мышлении армии все те прекрасные начала наступательных действий, которыми были проник-

Фронт и его протяжение	Армии	Протяжение
Фронт кронпринца баварского Рупрехта		
Штаб фронта—Монс. Удаление от линии фронта 85 км	6-я—ген. Квast	От р. Лис до Ленса
Протяжение от Остенде до Гельмон (искл.)—160 км	17-я—ген. Отто Белов 2-я—ген. Марвиц	От Ленса (искл.) до Шельды От Шельды до Гельмон
Фронт кронпринца германского		
Штаб фронта—Шарлевиль	18-я—ген. Гутьер	От Гельмон до Ля-Фер
Удаление от линии фронта 80 км	7-я—ген. Боен	От Ля-Фер (искл.) до р. Эн
Протяжение от Гельмон до р. Эр—190 км	1-я—ген. Фриц Белов 3-я—ген. Эйнем	От р. Эн до р. Эр
Фронт Гальвица		
Штаб—Монмеди.		
Удаление от линии фронта—30 км	5-я—ген. Гальвиц арм. группа	От р. Эн до Этен (искл.)
Протяжение от р. Эр (искл.) до Паньи—100 км	арм. группа С—ген. Фукс	От Этен до Паньи
Фронт герцога Вюртембергского Альбрехта		
Штаб фронта—Страсбург	19-я—ген. Ботмер	От Паньи до ж. д. Люневиль—Саарбург
Удаление от линии фронта—60 км	Арм. группа А	и далее до швейцарской границы
Протяжение от Паньи до швейцарской границы 200 км	Арм. группа Б	(см. схему)

Примечания: 1. В правофланговых армиях от моря до Вердена в каждой
2. За исключением фронта Альбрехта, где каждая дивизия

Таблица 34

Км	Штаб армии и удаление от переднего края обороны в км	Дивизий [1]		Орудий [2]			Боевых самолетов	Танков	Бойцов
		на фронте	в резерве	легких	тяжелых	траншейн.			
50	Тильт—25 км								
60	Турне—50 км								
40	С.-Аманд—55 км								
25	Ле-Като—30 км								
40	Лешель—45 км								
50	Марль—30 км								
45	Ретель—35 км								
60	Вузье—25 км								
		108	85	9 700	6 000	16 000	2 890	100	Свыше 2 млн.
40	Монмеди—30 км								
20	—								
80	С.-Абольд—30 км								
150	—								

среднем находилось по 20—30 дивизий.
среднем находилось по 1 500—2 000 орудий.
среднем занимала участок в 13 км, на остальных фронтах плотность колебалась

нуты наши уставы перед войной, но их надлежит дополнить в соответствии с новейшим боевым опытом».

И надо отдать справедливость войскам и командованию, за трехмесячную подготовку к наступлению они проделали действительно гигантскую работу, причем каждая войсковая единица (главным образом были дивизионные учения) упражнялась в атаках укрепленных полос, возведенных в тылу фронта, не менее 3 недель.

Вопрос внезапности удара ставился во главу угла всего обучения; для этой цели тщательно изучались методы маскировки, демонстрации и снабжения многомиллионной массы всем необходимым для боя и пр. Вопросу тесного боевого взаимодействия всех родов войск при прорыве-наступлении и уделялось особое внимание, для чего авиация, артиллерия, химическое оружие и пехота на учении упражнялись совместно, причем в последние два дня учения артиллерии разрешалось пускать в ход боевые патроны, чем создавалась более реальная обстановка, приближавшаяся к той, в которой придется действовать при прорыве.

В общем все войска, включая сюда резервы и дивизии, прибывшие с других фронтов, к первым числам марта уже прошли основной курс обучения и подготовки и ждали, когда последует приказ главного командования с оперативно-тактическими задачами для армий, предназначенных нанести первый удар противнику.

10 марта 1918 г. командующие фронтами и армиями получили следующую директиву главного германского командования:

«Его величество соизволил приказать:

1. Атака «Михаэль» [1] (иными словами, атака 17-й, 2-й и 18-й армий между Круазель, Ля-Фер. — *ВМл.*) состоится 21 марта. Нападение на первую неприятельскую позицию в 9 час. 40 мин. утра.

2. Первым стратегическим заданием группы кронпринца Рупрехта является охватывание англичан в секторе Камбре и занятие района севернее р. Оминьон, впадающей в Сомму, до линии Круазель, Бапом, устье Оминьон. При удачном ходе атаки на правом крыле (17-я армия. — *Вл. М.*) ее следует продолжить за Круазель. Дальнейшей задачей группы является атака в направлении Аррас, Альбер, опираясь при этом левым крылом на Сомму у Перрона. Имея центр тяжести на правом крыле, надлежит поколебать английский фронт и перед 6-й армией, освобождая расположенные здесь на позиции германские силы для подвижной войны. В этом случае должны быть немедленно подтянуты все дивизии, стоящие за 4-й и 6-й армиями.

3. Группа германского кронпринца сперва продвигается до Соммы и канала Кроза, южнее Соммы. При быстром продвижении 18-й армии надлежит захватить переправы через Сомму и канал. Вместе с тем 18-я армия должна быть готова распространить свое

---

[1] Поскольку директива отдавалась заблаговременно, за 11 дней до начала прорыва-наступления, эти условные обозначения «Михаэль», «Эрценгель» имели целью зашифровать оперативно-тактические намерения германского командования, о которых знал узкий круг высшего командования германской армии (фронт и армия).

правое крыло до Перонна. Группа заботится об усилении левого крыла 18-й армии дивизиями 7-й, 1-й и 3-й армий.

4. 2-я гвардейская, 26-я и 12-я пехотные дивизии составляют резерв главного командования (они были сосредоточены в районе Дуэ. — *Вл. М.*).

5. Окончательные решения об атаках «Марс» (т. е. атака 17-й армии по обе стороны р. Скарпы. — *Вл. М.*) и «Эрценгель» (атака 7-й армии южнее Ля-Фер. — *Вл. М.*) главное командование оставляет за собой в зависимости от хода операций. Подготовку производить без перерыва.

6. Остальные армии действуют согласно приказу начальника штаба от 4 марта 1918 г. за № 6925 (в этом приказе было указано артиллерийскую подготовку и демонстративные атаки вести на других участках фронта в период с 20 по 24 марта. — *Вл. М.*).

7. Группа Рупрехта прикрывает правое крыло операции «Марс — Михаэль» против английской контратаки. Группа германского кронпринца предварительно и планомерно уклоняется от большой французской атаки против 7-й (исключая фронт атаки «Эрценгель»), 1-й и 3-й армий.

8. Главное командование оставляет за собой решение в отношении групп Гальвица и герцога Альбрехта об оперативных мерах при крупной атаке французов или дальнейшей переброске дивизий на поле боя».

Подавляющее большинство военных исследователей мировой войны в восхищении от содержания этой директивы Людендорфа. По их словам, она в полной мере выявляет стратегическое и оперативное искусство германского главного командования на высшей точке его развития перед открытием последней кампании мировой войны 1914—1918 гг.

Мы же, оставляя этим исследователям право восхищаться данным произведением Гинденбурга и Людендорфа, можем лишь сказать, что оно весьма далеко от совершенства во всех отношениях.

Эта директива лишний раз говорит о начале заката оперативно-стратегического творчества германского главного командования, так как она в сконденсированном виде показывает, что наступательный план кампании 1918 г. с первого же дня своего существования будет обречен на малые тактические дела, которые не имеют никаких шансов перерасти в масштаб оперативно-стратегический. В этой директиве, как в зеркале, отразилась сущность и самого плана кампании 1918 г., о котором мы говорили выше.

Как в самом плане не оказалось твердого стратегического пути, твердого выражения, «чего я хочу», так и в этой директиве нет ни того ни другого. Куда должна перерастать тактическая победа прорыва, если она будет достигнута, оставалось совершенно неизвестным.

Читатель может несколько раз прочитать с картой эту директиву, и он не найдет ответа, как же предполагало германское командование разрешить основной вопрос разгрома хотя бы английской армии, на участке которой оно намеревалось наносить свой первый

главный удар, который должен был разделить англичан и французов.

Скорее эта директива преследует цель быть сильным во всех местах, от моря до Вердена. А для чего же именно быть сильным, так и остается непонятным. Ведь нельзя же было думать, что посредством фронтального продвижения (согласно содержанию этой директивы) на 20—25 км в расположение обороны противника можно было решить вопрос полного разгрома английской армии. Нам кажется, так никто не мог думать из лиц, получивших 10 марта эту директиву.

Так что же думало германское главное командование, чего оно пыталось добиться постановкой таких задач фронтам и армиям? Неужели усиленная трехмесячная подготовка германской армии была направлена только к осуществлению этой ограниченной задачи? Конечно, нет!

Как мы видели выше, Людендорф преследовал цель посредством первого прорыва-наступления захватить район Амьена. Но Амьен отстоял на 75 км от переднего края обороны германцев. Мы более чем уверены, что Людендорф не мог предполагать, что с преодолением первых 25 км сразу же перед германскими войсками раскроется простор для широких маневренных действий. Слишком уж хорошо был учтен всеми опыт борьбы 1916—1917 гг., чтобы думать так упрощенно.

Ведь только по окончании мировой войны, когда Людендорф засел за составление своих воспоминаний, он мог выдумать фразу: «останется ли противник перед районом прорыва в слабых силах и в дальнейшем, я, конечно, не мог знать». Но он не мог думать так, отдавая свою первую директиву в марте 1918 г., ибо совершенно ясно предусматривал, что англо-французы не будут спокойно ждать, когда их окончательно разгромят и добьют, а будут самым энергичным образом сопротивляться и непрерывно усиливаться посредством маневрирования резервами из глубины. Если бы Людендорф был уверен в пассивности противника, то зачем же тогда нацеливаться на Амьен, когда был прямой расчет сразу же двинуться на Париж? Боязнь, что противник окажет неизмеримо большее сопротивление на парижском направлении, и было одной из причин того, что первый удар направлялся на англичан и по стыку, который их разделял от французов. Мало того, в этой директиве определенно чувствуется опасение Людендорфа, как бы противник не сумел определить основное направление прорыва и как бы французы посредством быстрой переброски резервов к полю сражения не замедлили темпа продвижения вперед германских дивизий.

Итак, основная задача, которую преследовала эта директива, заключалась в захвате 20—25 км пространства к западу от переднего края обороны трех германских армий (17-й, 2-й, 18-й) с демонстративными атаками вправо и влево от участка Круазель, Ля-Фер. 20 марта в беседе с начальником штаба фронта Рупрехта ген. Кулем, который выдвинул мысль наносить первый удар именно против англичан, на вопрос Куля «что же будут делать дальше армии,

когда они достигнут той линии, которая намечена директивой», — Людендорф ответил, что будут продолжать наступление дальше на запад. Он говорил, что «по всей вероятности, 17-я армия должна будет наступать на С.-Поль, 2-я армия на Дулен и Амьен, а 18-я армия, встретив сильное контрнаступление со стороны французов, едва ли сумеет развить наступление дальше Нуайона».

Содержание директивы от 10 марта и это высказывание Людендорфа в полной мере говорят о том, что Людендорф, организуя первый удар против англичан, очень мало верил в возможность посредством одного удара-прорыва добиться большого стратегического успеха. Призрак французской силы все время стоит перед Людендорфом, сковывая размах его наступательной энергии. Но за этим французским призраком стоял еще другой, более грозный — Соединенные Штаты Америки, американская армия и ее техника; все это, взятое вместе, настраивало Людендорфа на длительный способ борьбы при осуществлении его плана кампании.

Мысль, высказанная Людендорфом в конце 1917 г., когда он еще только приступал к составлению плана кампании, что «борьба, начавшись на одном участке, продолжится на других», к 21 марта окончательно укрепилась и восторжествовала. Но, как мы уже говорили, эта мысль не являлась спасением. Она ни в какой степени не была единственно правильной для того конкретного политико-экономического и военного положения Германии, в котором последняя находилась к 1918 г.

50 дивизий продолжали находиться далеко на восточном (русском) фронте, 193 дивизии предназначались к серии прорывов то на одном, то на другом направлении. Нельзя было растягивать борьбу во времени, пространстве и усилиях тогда, когда был дорог каждый день, когда силы и средства страны и армии были на исходе и когда и без того сильный противник имел прямые возможности к дальнейшему своему усилению. Это понял автор германского плана кампании лишь в августе 1918 г., когда мартовский, апрельский, майский, июньский прорывы не достигли того, чего от них ожидало германское главное командование и когда на окончательно обескровленную страну и армию обрушилось мощное полнокровное наступление союзников.

Итак, из содержания первой директивы от 10 марта ясно видно, что 17-я армия и правый фланг 2-й армии наносят главный удар, в то время как левый фланг 2-й армии и 18-я армия обеспечивают операцию прорыва. На правом фланге ударных дивизий, в районе Дуэ, Людендорф сосредоточил свой резерв из трех дивизий, предполагая, что к этим трем он из глубины всегда может подбросить новые силы. Выделяя в резерв только три дивизии из имевшихся в резерве 80, Людендорф, очевидно, считал, что сил, намеченных для прорыва и выполнения первоначальной задачи, будет достаточно.

Кроме того, слишком уж большое скопление сил и технических средств к участку прорыва не только крайне стесняло бы те войска, которые предназначались к атаке, но также могло скорее быть обнаружено противником, который в последние дни перед наступле-

нием проявил большую настороженность и нервозность (особенно французы). И надо сказать, что искусная работа германского командования окончательно запутала и англичан и французов, которые до самого последнего часа так и не могли точно сказать, откуда же последует главный германский удар. В этом отношении германцы в полной степени добились осуществления внезапности, а умелое распространение слухов, что главная атака последует в районе Реймса, имело полный успех. Но эта внезапность принесла очень мало пользы германским войскам и населению Германии, которое с нетерпением ждало результатов первого наступления. Все верили в победу, для достижения которой было отдано очень много сил, средств и времени, но далеко не все знали, что для наступления предназначалась лишь часть сил, собранных на англо-французском фронте. А если бы узнали, что к 21 марта на амьенском направлении будет брошено только 30% дивизий, 40% орудий и 35% боевых самолетов из наличия всех тех сил, которые к этому времени имелись на западном (французском) фронте, то в вероятность успеха так крепко не стали бы верить. Когда Людендорф пишет, что он 21 марта очень волновался за будущее первого прорыва-наступления, то для этого волнения у него были достаточно веские основания. Нельзя не волноваться, когда в плане кампании отсутствует твердый стратегический путь и твердая уверенность, что сделано все, чтобы движение по этому пути было целеустремленным. А может ли быть реально обеспечена целеустремленность, когда для питания ее дается всего лишь треть сил и технических средств? Может ли быть спокойным полководец, когда он оставляет две трети сил и средств в состоянии наблюдения за той решительной борьбой, которую будет вести другая треть?

Почему же это так случилось? Ответ может быть лишь один: германское главное командование совместно с автором плана наступательной кампании 1918 г. плохо уяснили себе, как именно добиться того, что они задумали. А ведь задумали они не малое — разгром армий Англии и Франции.

При изучении распоряжения командующих фронтами и армиями, которые они отдали в развитие директивы от 10 марта, становится совершенно ясным, что все стремились лишь к выполнению ближайшей задачи, которая была указана в директиве. Создается впечатление, что фронты и армии полагали, что, вклинившись на 20—25 км в глубь обороны противника, они этим самым решали вопрос разгрома живой силы англичан.

Ни в одном приказе атакующих армий нет и намека на то, что эта первоначальная, ближайшая задача отнюдь не может являться конечной и что самая настоящая борьба последует именно после преодоления этих 20—25 км.

Если учесть характер борьбы на западно-европейском фронте, то командующих армиями, конечно, нельзя обвинять в том, что они так поняли свои задачи. Хотя они и хорошо изучили содержание инструкции Людендорфа «Наступательное сражение в позиционной войне», которая, в основном рисовала им перспективы перерастания позиционной войны в войну маневренную, но опыт

всех боев в период 1916—1917 гг. на западном фронте им напоминал, что слишком глубоких вторжений в территорию противника, несмотря на все усилия воюющих коалиций, не было. А поэтому ближайшая первоначальная задача вторжения в глубину обороны противника на 20—25 км являлась уже значительным шагом вперед по отношению к тем ординарным продвижениям в 2—3 км в сутки, которыми была наполнена борьба обеих сторон за последние 2 года войны на англо-французском фронте.

Армии, предназначенные для наступления, хорошо знали, что борьба в районе Камбре, который 7-я и 2-я армии должны были захватить в клещи, борьба по овладению укреплениями у Бапома и Арраса (17-я армия) и Арматьера (6-я армия) потребует много усилий и крови. Отсутствие единого руководства тремя наступающими армиями (17-й, 2-й, 18-й) также не могло не вызвать у командующих армиями тревожной перспективы, что при вторжении в оборону вместо удара кулаком, направляемым одной волей, может получиться удар растопыренными пальцами.

При директиве от 10 марта 17-й, 2-й и 18-й армиями должны были управлять два фронта, в то время как поставленные им задачи настоятельно требовали самого тесного боевого взаимодействия, которое не всегда удается, когда искусственно создаются лишние командные инстанции. Всем было известно, что основная и наиболее трудная задача ложится на 17-ю армию; она должна была решительным ударом захватить Ипр, а затем совместно со 2-й армией отрезать англичан в выступе у Камбре, с тем чтобы иметь успех у Бапома и Арраса. Но всем было также понятно, что кронпринц германский Вильгельм, которому Людендорф искусственно прирезал 18-ю армию, больше чем кто-либо хочет прославиться. Задачу же по директиве от 10 марта 18-я армия получила весьма скромную и вспомогательную; все ожидали, что за это кронпринц совместно с победителем под Ригой в 1917 г. командармом 18 ген. Гутьером отплатят по-своему. Так оно и случилось. Как известно, из вспомогательной армии уже в первые два дня наступления 18-я армия превратилась в р е ш а ю щ у ю, хотя этому и помогали французы, которые начали усиленную переброску своих дивизий к участку германского прорыва, но во всем этом основную роль играло стремление кронпринца Вильгельма и ген. Гутьера отличиться больше всех и прослыть первыми победителями в первом большом наступлении.

В нашу задачу не входит детальный разбор самой операции прорыва, н о м ы с ч и т а е м н у ж н ы м п о д ч е р к н у т ь, ч т о н е у м е н и е (а в данном случае, вернее, нежелание) п р а в и л ь н о о р г а н и з о в а т ь к о м а н д о в а н и е всегда несло огромные бедствия в боевой жизни. То же случилось и с Людендорфом: вместо одного главного удара получилось два (т. е. севернее и южнее линии Соммы), а силы и средства были рассчитаны лишь на один, а не на два удара по расходящимся направлениям. И, конечно, инициатор плана наступления на англичан ген. Куль (начальник штаба фронта Рупрехта) оказался совершенно прав, когда он после провала наступления на Амьен писал:

	Армии	Протяжение
Французы (ген. Петэн)	7-я—ген. Буасуди	От швейцарской границы до Бен-ле-Сант
Восточн. группа армий (ген. Кастельно)	8-я—ген. Жерар	От Бен-ле-Сант до Номени
Штаб группы—Мирекур. Удаление от линии фронта—60 км	1-я—ген. Дебеней	От Номени, Верден до ле-Шалад
Протяжение от швейцарской границы до р. Эн—340 км	2-я—ген. Хиршауер	
Северная группа армий (ген. Франше д'Эспере)	4-я—ген. Гуро	От ле-Шалад до 10 км к вост. от Реймса (Прон)
Штаб группы—Авизе. Удаление от линии фронта—65 км	5-я—ген. Мишле	От Реймса до Уазы
Протяжение от р. Эн до Уазы—140 км	6-я—ген. Дюшен	
	3-я—ген. Умбер	В резерве Клемор
Англичане (ген. Хэг)		
Штаб—Монтрейль в 80 км от линии фронта. Участок от Уазы до Лангемарка—140 км	5-я—ген. Гафа	От Барисиздо до Гузакур
	3-я—ген. Бинга	Гузакур, Аррас
	1-я—ген. Хорна	Аррас, Арматьер
	2-я—ген. Плюмера	до Лангемарка
Бельгийцы (король Альберт)		от Лангемарка до моря
Американцы	—	—
Португальцы (на фронте англичан)	—	—
Итого	—	—

Примечание. Каждая английская дивизия в среднем занимала 6 км, бельгийская—4 км.

Таблица 35

Км	Штабы армий и удаление от переднего края обороны	Дивизий: на фронте	Дивизий: в резерве	Дивизий: кавалерии	Орудий: легких	Орудий: тяжелых	Орудий: траншейных	Боевых самолетов	Танков	Бойцов и штыков (в тыс.)
100	Люре—35 км									
85	Фламиньи—40 км									
– 120	Туль—40 км									
	Суйя—30 км	59	39	6	4 795	4 000	3 500	2 700	523	1 100
60	Шалон—30 км									
80	Мерю—45 км									
	Белле—35 км									
—	—									
67	Нель—40 км									
43	Альбер—45 км									
50	Раншикур—35 км	58	18	3	3 961	2 093	2 867	1 034	370	958
40	Кассель—40 км									
35	Утелн—30 км	9	3	—	430	160	200	—	—	80
—	.	1	–	—	192	120	70	—	—	20
–	—	2	—	—		—	—	—		—
—	—	169	60	9	9 378	6 373	6 637	3 734	893	2 158

французская—4—5 км, кроме Вогезов, где фронт дивизии доходил до 14 км.

«Под влиянием тактических успехов 18-й армии все отклонились от намеченного ранее плана разбить англичан. Бой с англичанами обратился в сражение с англичанами и французами; из операции, первоначально преследовавшей реальную достижимую цель — побережье севернее устья Соммы,— создалось две операции, для выполнения которых нехватило наличных сил».

На этом примере особенно наглядно видно диалектическое единство между стратегией и тактикой. Но, как мы видели, Людендорф и после войны не желает понимать этого, говоря в своих «Воспоминаниях»:

«Тактические требования надо ставить выше чисто стратегических, так как без тактического успеха заниматься стратегией не приходится. Стратегия, которая не задумывается над тактическими условиями, заранее обречена на безуспешность».

Благодаря такой эклектической постановке вопроса, вместо взаимозависимости, взаимопроникновения, взаимодействия стратегии с тактикой и получилось, что вторая половина вышеприведенного абзаца из Людендорфа разрушила первую. Стратегия Людендорфа не задумывалась должным образом над тактическими условиями, ставила тактические требования выше стратегических, вместо того чтобы, исходя из реальных условий борьбы, добиваться, чтобы одно разумно дополняло другое. Эта стратегия и пожала такой урожай, когда из направления вспомогательного получилось решающее, а вместо сконцентрированного удара — удар растопыренными пальцами по расходящимся направлениям.

Мероприятия англо-французского командования по локализации германского прорыва на Амьен

В тот момент, когда германские армии изготовились выполнить директиву Людендорфа от 10 марта, когда 30% от 193 дивизий, 40% от 16 000 орудий (без траншейных) и 35% от 2 890 боевых самолетов, имевшихся на западном фронте, уже были нацелены на Аррас, Крузевиль, Бапом, Перонн, устье р. Оминьон, в это время на англо-французском стратегическом фронте от Ньюпора до швейцарской границы союзные армии развернулись так, как показано в таблице 35.

Сопоставляя силы и средства обеих коалиций на западном фронте, мы видим, что они не так уж резко отличаются в количественном отношении друг от друга.

Германцы имели больше дивизий, они могли бы иметь их еще больше, если бы вопреки стратегической целеустремленности не оставили на второстепенном для них восточном фронте к моменту решительного удара на западе целых 50 дивизий. Самолетами, танками, кавалерийскими дивизиями на всем фронте союзники были богаче, но в районе намеченного Людендорфом прорыва Круазель, Ля-Фер германцы были сильнее союзников (вернее, англичан, на участке фронта которых последовал первый удар). Здесь соотношение сил было такое:

германцы —62 дивизии (без глубоких резервов), 6 800 орудий, 1 000 самолетов, 50 танков;

англичане —29 дивизий (без глубоких резервов), 2 600 орудий, 500 самолетов, 200 танков.

Как видим, за исключением танков, у Людендорфа на участке прорыва было огромное превосходство сил и средств, совершенно неразгаданное союзным командованием, и если принять во внимание, что боевая подготовка у германцев была несравненно выше, чем у англичан, то первоначальный успех несомненно переходил в руки атакующего. Но надо иметь постоянно в виду, что голое превосходство сил и средств еще не является для прорыва решающим фактором. Здесь решающую роль играет искусство распределения сил и средств. Нельзя похвалить Людендорфа за то, что, намечая главный удар на фронте Круазель, Ля-Фер правым флангом (17-я и 2-я армии), он допустил, что вспомогательная 18-я левофланговая армия (24 дивизии) оказалась сильнее 2-й армии (21 дивизия) и только на четыре дивизии слабее 17-й армии. Получилось так, что 18-я армия, которая должна была по директиве от 10 марта играть роль обеспечивающей прорыв, оказалась в три раза сильнее противостоящих ей англичан (24 германских и 7 английских дивизий, кроме того у англичан еще здесь было 2 кавалерийские дивизии). Как видим, германский кронпринц мог заранее радоваться (из его мемуаров так и следует), так как Людендорф дал ему по директиве от 10 марта задачу вспомогательную, а по силам решающую. И он действительно этому радовался, очень мало заботясь об общей задаче прорыва, так как всецело был увлечен мыслью прославиться в первом большом наступлении. Но получилось так, что слава и успех прошли и мимо Людендорфа, и мимо самовлюбленного и бездарного германского кронпринца.

К марту 1918 г. политико-экономическое, финансовое, продовольственное положение у Англии и Франции было несравненно более выгодным, чем у Германии. Подводная война и оккупация западных окраин России принесли очень мало пользы Германии; весной 1918 г. английский флот опять оказался хозяином на морях и океанах, а красногвардейские отряды героически сражались на Украине с австро-германскими оккупантами. Антанта с нетерпением ждала скорейшей высадки в Европе американцев, с тем чтобы окончательно получить подавляющее превосходство над державами Центрального союза. Прекрасная организация противовоздушной обороны столиц и торгово-промышленных центров в Англии и Франции весьма ограничивала успех воздушных налетов со стороны германцев. Военная промышленность союзников в своих качественных и количественных показателях ни на шаг не отставала от германской. Наличные технико-огневые средства на фронте и в тылу так же, как и у германцев, насчитывались в огромном количестве. Достаточно сказать, что месячная продукция в отношении пулеметов поднялась до 10 000—12 000, винтовок до 130 000—150 000, ежемесячное производство орудий доходило до 1 000 легких и 400 тяжелых, самолетов более 1 500, танков 120—150 штук, запас снарядов исчислялся до 30 млн., из которых во Франции было более половины.

Миллионные суммы, брошенные союзниками на пропаганду за победоносное окончание мировой войны, достаточно успешная агитационно-шовинистическая деятельность буржуазных пропагандистских организаций, лорда Нортклифа и других, обильно обеспеченная как в тылу, так и на фронте союзная армия,— все это создавало решимость принять удар германцев. Тыл и фронт союзников были наводнены миллионами листовок с описанием кабальных условий Бухарестского мира (Румыния) и Брест-Литовского договора с соответствующими комментариями, утрировками и запугиванием.

Неслыханный до того времени кровавый террор буржуазии загнал в глубокое подполье революционно-классовое противодействие со стороны широких рабочих масс Англии и Франции. Рабочие массы этих стран, как и других, посредством тяжелого пресса диктатуры военно-полевых судов были терроризированы и придавлены. Широкая буржуазная пропаганда о том, что больше уже не повторится «таких несчастий, вроде наступления ген. Нивелля», что как бы «ни бесился в предсмертных судорогах издыхающий германский зверь, гибель ему обеспечена», «могила ему уже уготована»,—имела свой успех. Но особенно союзники старались убедить население и армию в том, что победа твердо обеспечена фактом вступления в войну США на стороне Антанты. Листовки с лозунгами «мы сильнее, чем когда-либо, победа за нами, вопрос только времени» можно было найти везде и всюду. Такие же листовки и лозунги, конечно, имелись в огромном количестве и в Германии, но, как мы видели выше, политическое и материальное обеспечение этих лозунгов было неизмеримо слабее, чем у союзников, а перспектив для их усиления также не было, так как мощный гигант — США — в решительный момент оказался на стороне Антанты, а не Германии.

Оставалась последняя надежда на осуществление победоносного наступления по плану кампании 1918 г. Но эта надежда была для Германии более чем проблематичной, да и само-то содержание плана кампании Людендорфа было весьма далеко до совершенства. Слишком уж много прорех и промахов было заложено в это последнее оперативно-стратегическое произведение германского главного командования.

Если английский главком Хэг скептически относился к возможности нового наступления со стороны Германии весной 1918 г., то французское командование во главе с ген. Петэном не только убеждало Хэга, но и конкретно готовило ряд контрмероприятий против германцев. Для Петэна было ясно, что не спроста изо дня в день прибывают на западный фронт все новые силы и средства германцев. И если англичанам (французы в лице Петэна, как увидим ниже, были более прозорливы) так и не удалось определить участок первого германского прорыва и его конкретную силу, то французы все же кое-что узнали.

Союзническая разведка доносила, что подготовка идет на всем протяжении стратегического фронта, но где была бо́льшая подготовка, данных она не имела. В феврале и затем в марте Петэн со-

зывает всех командующих группами армий, он убеждает своих соратников, что надо быть готовыми к отражению германского наступления, которое последует, по всей вероятности, сразу на двух направлениях с двух участков. В марте он твердо заявил: «Главный удар последует на английском фронте между рр. Скарпой и Уазой, а вспомогательный между рр. Эн и Сюипп». Англичане, искренне не желая быть атакованными первыми, всемерно стремились разубедить Петэна и отказаться от этой неприятной для них гипотезы. Они говорили, что Людендорф поведет наступление по линии наибольшего сопротивления, а поэтому главная атака германцев последует в Шампани, а вспомогательная — между рр. Скарпой и Уазой. Но, как видим, Петэн оказался более правым и прозорливым. Петэн указал командующим группами, что от искусного и быстрого маневрирования резервами, от обеспечения их 100% силой железнодорожного и автомобильного транспорта будет зависеть успех прочной обороны и локализации наступления противника. Резервы должны быть свежи и хорошо укрыты перед вводом их в дело.

Он приказал разместить французские резервы вблизи железнодорожных узлов и районов сосредоточения автотранспорта. Это сосредоточение резервов оказалось следующим:

1. За восточной группой армий (между Вогезами и Аргоннами) — 18 дивизий, 18 полков тяжелой и 4 полка легкой артиллерии.

2. За северной группой армий (между Аргоннами и р. Уазой) —19 дивизий, 17 полков тяжелой и 6 полков легкой артиллерии.

3. 36-й армейский корпус (2 дивизии) за линией обороны бельгийской армии (район Дюнкирхена).

4. 24 истребительных и 15 бомбардировочных эскадрилий (около 600 боевых самолетов) в районе Суассон и Шалон. Кроме того, позади линии резервов было расположено 18 эскадрилий между Аргоннами и р. Уазой и 12 эскадрилий за линией Нанси, Бельфор.

К 15 марта английский главком Хэг сообщил Петэну, что расположение его дивизий будет следующим:

1) 42 дивизии он оставляет на фронте в боевой линии обороны;

2) 18 дивизий будут находиться в резерве, причем из этих 18 дивизий 8 дивизий между Аррасом и Ипром и 10 дивизий между рр. Скарпой и Уазой.

Как видим, союзное командование приняло настолько радикальные меры в отношении прочного удержания своей оборонительной линии, что противнику не так-то легко было ее прорвать, а главное, получить успех в глубине.

Конечно, для союзников было бы куда выгоднее иметь договоренность в отношении германского главного удара и, исходя из этой договоренности, создать общесоюзный резерв, но слишком уж была сильна у них разноголосица в вопросах организации общесоюзного командования. Каждый считал себя главным, каждый хотел быть в первых ролях и действовать на переднем плане. Каждый стремился наиболее прочно сохранить свои жизненные районы и

обеспечить свои наиболее ценные для него направления. Англичане — побережье с портами своих высадок и связью с метрополией, французы — главным образом парижское направление. Достаточно посмотреть, как англичане и французы распределили местоположение своих резервов, чтобы заключить, что каждого из них интересовал главным образом свой участок фронта. Разграничительная линия между английской и французской армиями (р. Уаза) оказалась не органически связывающей единство действий и удобоуправляемость обоими фронтами (английским и французским), а настоящим водоразделом, крепким забором, на который каждый из союзников время от времени с опаской оглядывался. Вместо взаимодействия и взаимоподдержки решающий лозунг был: «не подведи».

И если французские резервы в момент успешного первоначального удара Людендорфа на Амьен были брошены к правому флангу английского фронта, то отнюдь не для того, чтобы помочь англичанам, а потому, что стала реальной угроза парижскому направлению. Последнее обстоятельство англичане великолепно учитывали и по вековой своей традиции брать горячие каштаны чужими руками стали везде и всюду обвинять французов и Петэна, что они их «подводят».

И мы более чем уверены в том, что если бы Людендорф, имевший огромное количество фактов постоянной разноголосицы внутрисоюзного командования, учел бы все это и повел свой первый удар против французов на парижском направлении и вспомогательный на Амьен, то было бы другое положение с вводом в дело английских резервов, чем вводом французских. Английские резервы, конечно, не остались бы в состоянии окаменения, — напротив, ген. Хэг стал бы для видимости перебрасывать их с места на место, он ими маневрировал бы «по-своему», с таким расчетом, чтобы они ходили кругом да около, без реальной помощи французам.

Кроме того, сейчас же последовала отовсюду серия версий, слухов, непроверенных фактов, донесений, что германцы сосредоточили огромные силы против левого фланга англичан, с тем чтобы ударить в направлении портов Кале, Дюнкирхен. В силу этого ген. Хэг решает срочно перебросить резервы на левый фланг и настоятельно советует Петэну поскорее присоединить французские резервы из восточной группы армий к резервам парижского направления. Этим самым по старой традиционной английской политике и стратегии была бы формально оказана «помощь» (советом) союзнику и конкретно устранена всякая возможность оказать реальную помощь своему соседу. Например, ген. Хэг не мог себе простить то, что бросил 5 английских дивизий на помощь итальянскому фронту в 1917 г. и что эти дивизии там застряли.

В момент развития мартовского наступления германцев на Амьен он громогласно проклинал все и вся за эту роковую ошибку англичан; он открыто говорил и писал, что «англичан подвели», оставили обессиленными, тогда как эти 5 дивизий до крайности нужны на

участке английского фронта. Вот этого-то и не хотел понять Людендорф, который своими действиями делал объективно все, чтобы скорее наступил ответственный политический момент твердого объединения союзного командования. Именно политический момент, так как военно-стратегический кризис у союзников во время мартовско-апрельских наступлений германцев против англичан был настолько тревожен для политиков Антанты, а прорехи настолько ясны, что теперь Ллойд-Джордж требовал от Клемансо скорейшего разрешения вопроса об организации общесоюзного верховного командования. В случае же первого мартовского удара германцев не на Амьен, а на Париж Клемансо также стал бы категорически требовать скорейшего назначения союзного главковерха, но в этом случае Ллойд-Джордж и Хэг наверное бы привели тысячу и одну причину несвоевременности этого шага, всей его рискованности и малой политико-стратегической целесообразности. Кроме того, зная, что американский главком Першинг всецело разделял точку зрения по этому вопросу английского главкома Хэга, Ллойд-Джордж нашел бы пути или оттянуть этот вопрос или же потребовать, чтобы общесоюзный главковерх был бы англичанин. А такое решение вопроса опять же играло бы на-руку Людендорфу, так как Хэг и Фош, как наиболее вероятные кандидаты от французов и англичан, были в отношении подготовленности к управлению многомиллионными массами величинами трудно соизмеримыми. Конечно, все сказанное еще больше усложнилось бы для союзников, если бы Людендорф в марте 1918 г. повел два одновременных удара — на Амьен (англичане) и Париж (французы).

Случилось так, что все эти немаловажные факты не были учтены автором германского плана кампании 1918 г., лейтмотивом которого было заключение «почетного мира», ибо Людендорф был больше военный оператор, чем политик; но в действительной жизни примат всегда был и будет за политикой, а не за военной стратегией. Военная стратегия и политика имеют полное взаимопроникновение и взаимодействие, но руководящая роль была и остается за политикой. В силу этого полноценным военным вождем может быть лишь политик-стратег. Но если 4-летняя мировая война не дает нам ни одной такой фигуры, то все же французская империалистическая буржуазия нашла более подходящего кандидата на эту роль политика-стратега в лице незаурядного полководца Франции Фоша, который в этом отношении оказался более разносторонним и полноценным, чем Людендорф.

Во всяком случае, мы не представляем себе Людендорфа, с его отличительными качествами, о которых мы будем подробно говорить ниже (см. главу «Оперативно-стратегическое искусство Фоша и Людендорфа»), в роли главковерха разнонациональной многомиллионной армии союзников. Слишком уж угловат, груб и однобок по своему образованию и по своему характеру для этой роли искусного дипломата-координатора был Людендорф; с другой стороны, для этой роли Фош оказался наиболее подходящим из всех генералов империалистических коалиций первой мировой войны 1914—1918 гг.

Провал германского наступательного плана кампании 1918 г.

Наступательный план Людендорфа осуществлялся с небольшими перерывами во времени, которое шло на подготовку к новым прорывам, с 21 марта по 4 августа, т. е. почти 4½ месяца продолжалось наступление. За это время германские армии последовательно сделали несколько оперативно-тактических вдавливаний в оборонительную полосу стратегического фронта союзников, сравнительно очень неглубоких и без какого-либо стратегического результата. Хронологически вся наступательная энергия главного германского командования представляется в следующем виде:

1. Наступление в Пикардии (по обе стороны р. Соммы) на Амьен с 21 марта по 4 апреля; в нем приняли участие 17-я, 2-я и 18-я германские армии. В этой операции германцы в первый раз за 1918 г. атаковали англичан.

2. Наступление во Фландрии на р. Лис в период с 9 по 30 апреля; здесь 4-я и 6-я германские армии во второй раз атаковали англичан.

3. Наступление на р. Эн в направлении Шмен-де-Дам, Шато-Тьерри продолжалось с 27 мая по 4 июня; в этот период времени 7-я и часть 1-й германской армии атаковали французов на парижском направлении.

4. В коротком пятидневном ударе на Компьен с 9 по 14 июня приняла участие лишь одна 18-я германская армия.

5. Наступление на р. Марне в период с 15 июля по 4 августа; в эту «вторую Марну» добивались выигрыша победы 7-я, 1-я и 3-я германские армии.

Все эти наступательные операции-прорывы велись по одному шаблону, однообразным порядком и, несмотря на тщательную подготовку к каждой операции, несмотря на громадное количество живой силы и технических средств, все эти прорывы, кроме незначительного захвата территории союзников, значительных потерь с обеих сторон, ни к чему стратегически большому не привели. Материальные показатели всех этих наступательных операций Людендорфа видны из таблицы 36.

Мало того, ни один из этих прорывов не выполнил ни разу тех конечных задач, которые ставил им Людендорф.

Для первого наступления-прорыва на 70-км фронте на Амьен Людендорф собрал 65 дивизий, 6 800 орудий, 1 000 самолетов, 10 танков против 36 дивизий, 3 000 орудий, 500 самолетов, 216 танков англичан, и в конце концов Амьен так и не был взят, германские дивизии продвинулись в центре прорыва на 65 км и на флангах только на 4—5 км, застыв в обороне в 15 км к востоку от железнодорожного узла Амьен, который связывал Париж с портом высадок английских войск—Кале.

Эта операция замечательна не только с точки зрения длительного кровавого соревнования обеих сторон за захват укрепленных линий и за их удержание, но также как превосходный пример маневрирования резервами из глубины. За 18 дней упорных боев французы подтянули к месту прорыва 25 дивизий, а затем в процессе борьбы бросили сюда еще 15 дивизий. Уже к 8 апреля германское коман-

Таблица 36

Наступательные операции-прорывы	Армии	Ширина фронта наступления (км)	Силы и их эшелонирование (дивизии)				На одну дивизию 1-го эшелона приходилось (км)	На 1 км фронта атаки приходилось			Глубина размаха операции (км)	Темп операции (среднесуточное продвижение) (км)
			1-й эшелон	2-й эшелон	3-й эшелон	Всего		орудий	самолетов	танков		
Наступление в Пикардии (21 марта)	17-я	16	9	6	2	17	1,8	100	19	—	31	2,2
	2-я	21	9	5	4	18	2,3	80	12	—	75	5,3
	18-я	33	12	8	4	24	2,75	86	9	0,5	84	6
Наступление во Фландрии на р. Лис (9 апреля)	4-я и 6-я	16	9	5	3	17	1,8	112	20	1	18	2
Наступление в Шампани на р. Эн (27 мая)	7-я и часть 1-й	44	14	5	6	25	3,14	90	15,6	0,3	60	8
«Вторая Марна» (15 июля)	7-я	34	12	4	4	20	2,8	100	12	—	10	3,3
	3-я	23	8	3	2	13	2,9	110	13	—	6	2
	1-я	23	7	3	2	12	3,3	90	16	—	5	1,7
Контрнаступление французов (Виллер-Коттере 18 июля)	10-я—ген. Манжена	24	10	2	4+3 кав.	16+3кав	2,4	65	22,5	14	25	2

дование, видя, что прорыв не достиг цели, сосредоточило на этот фронт 25 новых дивизий, которые пачками по нескольку дивизий в процессе операции бросались в бой. 180 000 англичан и 1 000 орудий были выведены из строя за эту операцию, 160 000 человек потеряли германцы, и все же, несмотря на это огромное боевое усилие, наступление провалилось.

Для второго наступления-прорыва, с участка Кеммель, Ипр в направлении Кале, Дюнкирхен, Людендорф собрал 39 дивизий против 25 английских. В процессе сражения к полю боя было подброшено на автотранспорте и по железным дорогам 10 французских дивизий. В результате—потеря 140 000 человек со стороны германской армии и продвижение только на 18 км в глубь английской обороны.

В третьем наступлении на Париж Людендорф стянул 14 германских ударных дивизий против 6 французских и английских. И все же это наступление на фронте Аббекур, Бримон, в котором приняли участие всего 31 германская дивизия против 20 франко-английских, не достигло цели. 40-км фронт наступления имел 4 400 орудий против 1 130 орудий союзников, на каждый километр фронта приходилось 20 германских боевых самолетов, и в результате прорыв так же захлебнулся в своей крови, как и предыдущие. При этом потери германцев составили 126 000 человек. Фош к месту прорыва бросил 40 дивизий, они-то и остановили движение германских армий на Париж, даже не дав последним захватить переправы через Марну.

Примерно то же самое случилось и с последними двумя германскими наступлениями на Компьен и на р. Марне (так называемая «вторая Марна» [1]). Несмотря на огромное применение химических снарядов, оба эти наступления дали лишь 10—12 км продвижения в центре прорыва и втрое меньше на его флангах. Начавшееся контрнаступление Фоша (10-я армия ген. Манжена) к 4 августа срезало м е ш о к — Реймс, Шато-Тьерри, Суассон, тем самым сведя на-нет эту последнюю наступательную операцию Людендорфа и отбросив германские войска за р. Вель. На этом трагедия германского плана кампании 1918 г. закончилась, инициатива действий перешла в руки союзного командования, во главе которого с апреля 1918 г. стоял ген. Фош.

Германские войска и их командование оказались лучшими учителями для союзников. С каждым прорывом они давали в руки последних все больше и больше уверенности, что наступательная энергия противника выдыхается. Они же научили союзников тому, как в новых условиях производить прорывы и им противодействовать. Специальные научно-исследовательские комиссии, организованные Фошем при группах армий, тщательно собирали свежий материл, обрабатывали его и обобщали, передавая свои конкретные выводы командованию и войскам союзников.

Эти несколько неудачных наступательных операций Людендорфа не только явились лучшей аттестацией разработанного им плана

[1] См. наше исследование «Вторая Марна — 1918 г.». Журнал «Война и революция», кн. 5, 1931 г.

кампании 1918 г., но они также окончательно похоронили для Германии возможность заключить более или менее выгодный для нее мир. С каждым новым неудачным прорывом отдалялась надежда на благополучное для германского главного командования окончание войны. Это ясно чувствовалось в Германии всеми, и в первую голову Людендорфом.

Провал наступления на Украине, которое отняло огромное количество дивизий, не дав желательных результатов, провал за провалом на западном театре военных действий ясно говорили Людендорфу, что надо было бы в марте наносить лишь один мощный удар на Париж, а не несколько разновременных по всему стратегическому фронту союзников. И в случае, если бы этот удар на Париж не привел к цели, то надо было бы, исходя из конкретного анализа соотношения сил сторон, просить мира у союзников, а не бесцельно тратить последние живые силы в серии наступлений-прорывов.

Если «стратегия буйвола», «стратегия мешков» с ее тяжеловесными ударами была еще возможна в условиях борьбы 1916—1917 гг., то эта стратегия для 1918 г. была для Германии и ее армий гибельной. Она уносила последние соки и силы, не давая никаких реальных результатов в борьбе. За эти 4½ месяца германцы потеряли около 800 тыс. человек, получив за это лишь три небольших «мешка» в оборонительной линии союзников. Эти «мешки» погубили не только мир для Германии, но они вызвали к жизни огромную энергию противодействия со стороны союзников и ускорение прибытия американской армии с ее обильной техникой и снабжением.

Изучая во всех деталях все эти наступательные операции-прорывы Людендорфа, приходится просто удивляться, с какой педантичностью и однообразием с каждым новым прорывом он писал себе и своей армии смертный приговор. Однообразие методов и приемов, которые применял Людендорф в своих прорывах, уже после майского прорыва к Марне позволило союзникам расшифровать их во всех подробностях. Этот опыт союзники хорошо учли и испробовали в первый раз на практике 18 июля 1918 г. (операция 10-й армии ген. Манжена).

И если в тактическом отношении прорывы Людендорфа удавались, то они ни разу не переросли в оперативно-стратегический успех. Игра была весьма примитивной и однообразной с обеих сторон. Как только германские ударные дивизии, получив успех в центре прорыва, начинали продвигаться в глубь обороны союзников, командование последних быстро сосредоточивало на флангах прорыва резервы из глубины, брало в огневые клещи эти прорвавшиеся дивизии и очень скоро после начала наступления заставляло германцев опять зарываться в землю. Этим и объясняется, почему во всех прорывах Людендорфа на флангах был крайне мизерный успех в несколько (4—6) километров продвижения.

После первых прорывов союзное командование уже не рассчитывало на то, что посредством наблюдения за артиллерийской подготовкой противника оно определит место и время начала германского прорыва. Оно теперь уже хорошо знало, что за ночь атакую-

щие дивизии подходят к исходной линии и на рассвете при поддержке короткой артиллерийской подготовки (2—3 часа) или огневого артиллерийского вала переходят в наступление. То же самое проделал Фош с армией Манжена; атака оказалась для германцев такой же внезапной, как 9 апреля германская атака для англичан и французов.

Несмотря на то, что химическое оружие, авиация и артиллерия применялись германцами в значительных размерах, все это не давало желательного результата, так как противник был силен, верил в свою победу, непрерывно усиливал свои ряды и постоянно активно противодействовал замыслам Людендорфа. Повторяем, плачевные результаты наступательной кампании 1918 г. Людендорфа явились прямым следствием огромных политических и оперативно-стратегических ошибок и промахов, которые были допущены к марту 1918 г. германским главным командованием. Людендорф на конкретном примере этой своей работы мог ясно понять, что подниматься куда труднее, чем падать, и он упал вместе со своей армией так, что их уже никто не в силах был поднять.

Учитывая конкретную обстановку борьбы, мы считаем, что правильной организацией одного удара на Париж или одновременно двух ударов — на Париж и на Амьен с переброской не менее 40 дивизий с восточного (русского) фронта Людендорф выиграл бы более, чем производя бесцельные четыре удара.

Глава XVII

НАСТУПАТЕЛЬНЫЙ ПЛАН КАМПАНИИ, СОСТАВЛЕННЫЙ ГЕН. ФОШЕМ ДЛЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1918 г.

Ген. Вейган говорит, что «твердо брать на себя ответственность — наиболее отличительная черта в характере Фоша и чем больше, труднее, тягостнее ответственность, тем лучше Фошу».

Путь к главковерху многомиллионными армиями Антанты для Фоша был не легок и весьма извилист. Ряд его биографов подчеркивает, что далеко не гладкой и счастливой была карьера этого полководца буржуазной Франции, прежде чем ему занять пост союзного главковерха.

До империалистической войны 1914—1918 гг. Фош — начальник французской военной академии, автор крупных научно-исследовательских трудов по стратегии и военной истории, которые приучили его к последовательному глубокому продумыванию военных явлений.

Когда Фош узнал, что 50 дивизий Людендорф оставил в начале 1918 г. на второстепенном восточном (русском) фронте, в то время как главный и решающий удар он решил наносить на западе,— он спокойно сказал:

«Такие решения никогда не были целесообразны, не будут они и спасением для главного германского командования».

Критикуя своего противника, Фош не мог согласиться, что в момент решения важнейшей стратегической задачи можно так беспечно ослаблять свое положение на главном фронте.

Второй раз, когда в мае 1918 г. научно-исследовательские комиссии при группах французских армий, которые организовал сам Фош, представили ему отчет, откуда было видно, что Людендорф из имевшихся у него на западном фронте 193 дивизий наносил свой главный удар на Амьен лишь 65 дивизиями, Фош воскликнул:

«Теперь мне понятно, почему германская волна разбилась о берег!»

Фош очень высоко ценил выучку германской армии, он старательно и постоянно изучал ее боевой опыт. Фош постоянно внушал своим командующим армейскими группами, своим командующим армиями, корпусами и дивизиями, чтобы они самым внимательным образом изучали методы боевой работы противника. Он беспощадно карал и отстранял от должностей тех командиров, у которых замечал пренебрежительное, поверхностное отношение к противнику. Он говорил: «Не такой германцы враг, чтобы безмятежно надеяться вырвать из его рук победу».

Назначение Фоша главковерхом произошло буквально под огнем неприятельской артиллерии. Германские армии в конце марта 1918 г. приближались к Амьену. Между Петэном и Хэгом продолжались крупные разногласия о методах противодействия этому германскому прорыву. Несогласованность и неразбериха в организации союзного командования не давали возможности командованию Антанты более или менее правильно анализировать оперативные намерения германского главного командования. В эти дни Фош находился на вторых ролях (он числился начальником штаба у Петэна).

Жоффр, Нивелль, Петэн, Хэг всегда видели в Фоше своего наиболее сильного соперника, а поэтому каждый по своему поочередно делали все, чтобы держать этого «стремительного, энергичного генерала» в служебной тени. Но блестящая боевая работа во главе 20-го корпуса и 9-й армии в период 1914 г., а также удачная работа в 1917 г. в Италии, когда разразилась катастрофа при Капоретто, создали Фошу большую славу крупного военачальника. Советы Фоша итальянскому командованию были настолько целесообразны, что итальянское правительство сочло нужным открыто и широко заявить об этом.

Итак, когда германские войска подходили к Амьену, перед союзниками встал вплотную вопрос о защите или оставлении этого важного стратегического железнодорожного узла. Главком французской армии Петэн приказал построить западнее Амьена новую железную дорогу параллельно побережью и новый железнодорожный узел. Петэн склонялся к мысли оставить Амьен. Эту точку зрения Петэна поддерживали Хэг и Клемансо. На этом совещании в Дулане председательствовал Пуанкаре. Фошу было разрешено высказать его точку зрения на этот вопрос. Спокойным тоном, с твердой верой в правоту своей оперативно-стратегической гипотезы Фош указал на поспешность и ошибочность решения англий-

ского и французского главкомов, которых поддерживал французский премьер-министр Клемансо.

Фош говорил, что искусное маневрирование резервами и сосредоточение их на флангах прорыва с целью энергичного контрнаступления заставит германцев остановить их наступление. Фош предостерегал союзных главкомов от решения итти по линии наименьшего сопротивления, так как считал, что оставление Амьена будет огромной ошибкой.

«Амьен надо защищать до последнего солдата. Нельзя допустить, чтобы первый удар германцев закончился такой большой потерей. Темп продвижения противника в центре прорыва уже заметно стал замедляться, а на флангах прорыва он вообще не имеет сколько-нибудь заметного успеха. Амьен должен остаться в руках союзников, несмотря ни на какие жертвы», — такова была точка зрения Фоша в довольно критический период жизни и боевой деятельности союзного командования.

Петэн, который боялся, что нехватит резервов, так как 18-я германская армия также продолжает развивать действия к югу от линии р. Соммы, был несогласен с Фошем и выступил против его предложения. Но Хэг, который в последний период времени находился особенно в неладах с Петэном, склонился на сторону решения Фоша. Кроме того, в этом решении Хэг видел для английских армий своего фронта много преимуществ, а поэтому он просил Клемансо присоединить свой голос и утвердить предложение Фоша.

Присутствовавший на этом заседании английский военный министр Майлнер открыто заявил, что мало еще принять план Фоша, надо поручить именно ему провести этот план в жизнь. Вопреки мнению французского главкома Петэна, так и было решено. На этом же заседании, 26 марта 1918 г., Фош был утвержден в оригинальной должности к о о р д и н а т о р а союзных армий. Дословно в протоколе значилось: «Возложить на Фоша координацию действий союзных армий на французском фронте». Начальником его штаба был утвержден его старый соратник по боевой работе ген. Вейган.

И в тот момент, когда писался и скреплялся этот протокол, Фош уже стоял у телефона и отдавал распоряжения войскам о плане прочной обороны Амьенского железнодорожного узла. В апреле, после второго удара германцев на р. Лис, французское, английское, американское, а затем в мае итальянское и бельгийское правительства официально назначили Фоша своим верховным главнокомандующим.

Сосредоточение всей полноты власти по руководству стратегическими операциями на всех фронтах мировой империалистической войны в руках Фоша и Вейгана было решением безусловно правильным. Это решение вносило больше согласованности в оперативно-тактическую деятельность разнонациональных армий Антанты, устраняло местнические тенденции по руководству операциями со стороны отдельных союзных главкомов. Конечно, исключительный такт, выдержка, твердая стратегическая целеустремленность

и крепкая воля в проведении необходимых решений требовались со стороны Фоша и Вейгана. Своими же первыми распоряжениями Фош должен был показать, что он стремится к осуществлению общих задач и что у него абсолютно нет тенденций ставить одну из союзных армий в более тяжелые условия работы за счет других. И надо отдать справедливость Фошу, с этой большой, тяжелой обязанностью он справился блестяще. С каждым его новым распоряжением поднимался его авторитет. Глубокое и всестороннее продумывание общей стратегической обстановки на многочисленных фронтах с центром тяжести усилий на главном, решающем западном фронте очень скоро убедило союзных главкомов, что Фош стоит в своей подготовке и знаниях головою выше каждого из них.

В своих воспоминаниях Вейган и другие пишут, что в эти дни боевой работы Фош, несмотря на свои 67 лет, поражал всех юношеской энергией и гигантской трудоспособностью. Он спал 3—4 часа в сутки, быстрота его передвижений с одного участка фронта на другой, из одной группы армий в другую, главным образом автомобилем, была необыкновенной. Быстрая езда в прифронтовой полосе в силу частой порчи дорог от движения войск и от артиллерийских снарядов была далеко не безопасной, а средняя скорость автомобиля Фоша была 100—110 км в час.

Вейган говорит, что, когда Фош предлагал тому или другому высшему начальнику следовать за ним, те без особой охоты садились в его автомобиль. Постоянное стремление быть ближе к войскам и твердо держать в руках бразды управления — отличительная черта оперативно-стратегического руководства Фоша.

Его появление в штабах низших инстанций вносило дух бодрости, уверенности в успехе и деловое конкретное руководство. Хмурый, вечно чем-то озабоченный, молчаливый, скупой на слова, спокойным, но твердым тоном он отдавал нужные распоряжения.

Линия поведения Фоша в первой половине 1918 г., после назначения его союзным главковерхом, в основном сводилась к активному отражению наступающих то там, то здесь германцев. Он стремился заставить их терять как можно больше живой силы на атаках укрепленных позиций союзников. «Необходимо, чтобы они истекли кровью в проволоке и железобетонных сооружениях нашей обороны до подхода американцев»,— говорил Фош. Во время германских прорывов, то Хэг, то Петэн настаивали перед Фошем на скорейшей переброске подкреплений с одного направления на другое. Например, Хэг во время наступления Людендорфа на р. Лис просил сменить его английские дивизии и дать новые французские дивизии на северный участок стратегического фронта союзников. Хэг говорил, что английские войска несут невероятно большие потери: за март и апрель выбыло из строя 300 000 англичан. На это Фош спокойно возражал, что знает тяжесть положения английской армии, «на которую сейчас смотрит, как и на ее вождя Хэга, с надеждой все общественное мнение Антанты», но он не может итти на риск распыления сил, так как контрудар резервами из глубины должен носить характер мощного сконцент-

рированного удара. Что же касается огромных потерь английской армии, то «это неизбежный удел столь ожесточенной борьбы», — закончил Фош.

Исходя из мысли, что необходимо на западном фронте в первую голову ликвидировать кризис с людскими запасами, которых становилось все меньше, Фош приказывает в конце мая вернуть шесть французских дивизий с итальянского фронта, приказав итальянскому главкому ген. Диецу с имеющимися силами и вновь набранными из новых призывных возрастов подготовить удар на итальянском фронте, с тем чтобы привлечь туда силы и внимание германского главного командования.

Фош категорически требовал от США скорейшей переброски максимума дивизий в Европу. Он говорил, что американское правительство и командование должны твердо уяснить себе сущность конкретной обстановки борьбы, сложившейся на западном фронте. Эта сущность выражена была Фошем американскому главкому ген. Першингу следующим образом: «Кризис, — сказал Фош Першингу,— который переживают все воюющие, есть прежде всего кризис личного состава армии. Нам нужны люди и люди. Если мы будем их иметь — мы победим, потому что Германия скоро их иметь не будет. Американскую артиллерию, материальные средства, генеральный штаб, управления и учреждения можно иметь позже. Пусть прибывают пехотинцы и пулеметчики. 21 апреля 1918 г. во Франции было 335 000 американцев. В апреле высажено 65 000 бойцов. Необходимо их прибытие впредь по 250 000 в месяц. Вы должны понять, генерал, что если мы проиграем сражение, если англичане будут отброшены к морю, а французы к Луаре, где же, когда и как расположится тогда американская армия?» Эти требования ген. Фош просил Першинга незамедлительно передать американскому правительству. Уже после майского прорыва на Шато-Тьерри Фошу стало ясно, что германцы имеют превосходство сил и средств лишь на участке данного прорыва, а потому искусное и быстрое сосредоточение союзных резервов к месту прорыва является решающим фактором. И надо сказать, что при Фоше маневрирование резервами из глубины получило наиболее яркое и поучительное выражение. Это целая новая тема для исследования, имеющая сейчас, в современных условиях, наиактуальнейшее значение. Внезапность майского прорыва германцев к Марне имела большой успех, но Фош своими 40 дивизиями, брошенными к району прорыва, несмотря на активную атаку их германскими бомбовозами и штурмовиками с воздуха, не только остановил германцев, но и не дал им захватить переправы через Марну, а затем собрал кулак для своего первого контрнаступления из района Виллер-Коттере (10-я армия ген. Манжена).

В одной из своих работ «Вторая Марна 1918 г.» мы уже достаточно подробно разбирали план и выполнение первого удара Фоша; здесь мы останавливаться на этом не будем, а отсылаем читателя к указанной работе. Отметим лишь, что организация и проведение этого первого удара были проделаны на основании тщательного

учета всех материалов по германским прорывам, которые были изучены Фошем и союзным командованием к июлю 1918 г. И надо сказать, что методы и приемы этого наступления Фоша очень мало чем разнятся от германских прорывов в марте, апреле, мае. Удачный срез мешка Реймс, Шато-Тьерри, Суассон французскими войсками был первым взносом Фоша германскому главному командованию за 4—5-месячную учебу.

После того как был отражен последний прорыв Людендорфа и быстро и удачно завершилась операция 10-й армии Манжена, Фош вплотную подходит к разработке стратегического плана кампании на вторую половину 1918 г. Уже после последнего июньского прорыва Фошу стало ясно, что германская наступательная энергия иссякла и выдохлась.

Положение германской армии и страны было крайне тревожным и тяжелым. Надежда на заключение сносного мира безнадежно уплыла из поля зрения как германской армии, так и населения страны в целом. В Германии доедали последнюю картофельную шелуху, а армия перешла на довольствие одной чечевичной похлебкой. Мир был у всех на устах, только пока не знали, где, когда и как он будет заключен. Германское главное командование после первого удачного наступления Фоша ждало развития дальнейшего англо-французского реванша. Как его будет осуществлять Фош, Людендорф весьма смутно себе представлял. Он находился в состоянии сильной подавленности перед обломками своего наступательного плана кампании 1918 г.

В штабе Фоша шла самая энергичная деятельность по выработке плана операций с целью полного разгрома германской армии.

Прежде всего Фош и Вейган решили по примеру среза мешка Реймс, Суассон, Шато-Тьерри срезать таковые же на амьенском, мервильском и сен-михельском направлениях, после чего приступить к новому большому контрнаступлению на всем стратегическом фронте.

Соотношение сил и средств обеих воюющих коалиций на западно-европейском театре войны к августу 1918 г. показано таблицей 37.

Как видим, если к 1 августа Германия на франко-британском фронте имела превосходство в числе дивизий, то она значительно уступала союзникам в числе батальонов и в численности бойцов вообще. Также в отношении количества орудий, пулеметов, танков, боевых самолетов и кавалерии[1] союзники значительно превосходили германскую армию. В свете всего вышеизложенного это явление вполне естественное и особых комментариев не требует.

Инициатива действия перешла в руки Фоша, который имел к началу решительных операций общее материально-огневое превосходство над противником.

---

[1] Конница оставалась бездеятельной на протяжении всей этой кампании, выполняя роль ездящей пехоты или неся жандармскую службу в тылу. Она совершенно не сумела приспособиться к новым условиям боя и соответственно оснастить себя техникой.

При таком соотношении сил и средств, при значительном моральном упадке в германской армии, которая потеряла за первую половину 1918 г. свои лучшие боевые кадры, ей оставалось лишь вести операции оборонительного характера. Так и решило главное германское командование, не рассчитывавшее уже больше на приток новых сил, так как их было взять неоткуда.

Совершенно иная обстановка была у Фоша: прибывшие 26 американских полнокровных и прекрасно снабженных дивизий внесли новую, живую струю в артерии союзнических армий. В основу своего стратегического плана кампании Фош ставил два основных условия.

В о-п е р в ы х, в ближайшие же недели освободить все территории Бельгии и Франции, которые занял противник в период с 1915 по 1918 г.; в о-в т о р ы х, постараться до осени окончательно сломить сопротивление противника и в случае, если это не удастся и потребуется новая оттяжка во времени, то в первой половине 1919 г. закончить войну и заставить Германию подписать самый тяжелый для нее мир.

Было ли такое решение Фоша в основном правильно? Мы считаем, что такое решение в конкретных условиях борьбы второй половины 1918 г. было наиболее целесообразным. Возникает вопрос: почему же Фош, неплохо ориентированный в состоянии германской армии, а также самой Германии и ее союзников — Австро-Венгрии, Турции и Болгарии, все же считал, что возможна будет борьба даже в 1919 г.?

По характеру своего оперативно-стратегического мышления и действия Фош был полководцем довольно осторожным и не любившим заниматься точным определением того, что слишком еще далеко по времени от своего конкретного осуществления [1]. Германская армия

---

[1] В западно-европейской военной литературе услужливыми «доброжелателями» Фоша распространена версия, будто бы Фош настолько хорошо математически рассчитал, когда германская армия будет разбита, что в этом расчете ошибся всего лишь на шесть дней. Эти не в меру усердные доброжелатели-метафизики пишут: «В штабе Вейгана (начальник штаба Фоша.—*Вл. М.)* велся самый внимательный учет сил своих и противника». Это совершенно правильно, без этой элементарной работы управлять вообще нельзя. И дальше: «Тремя кривыми обозначались движения боевого состава немцев, количество свободных резервов с указанием числа пополнений дивизий и состав запасных частей. Все эти кривые медленно, но верно склонялись». Это также дело вполне естественное, т. е. дело разведывательных органов, без постоянной помощи которых всякая оперативная работа получает вид и содержание односторонней, однобокой работы. Учет численности и состояния противника с графическим изображением всего этого на бумаге,—все это безусловно не могло не быть в штабе Вейгана—Фоша. Н о в о т д а л ь ш е с л е д у е т м и с т и к а: «Однажды в сентябре, долго смотря на эту диаграмму, Фош поставил на ней черную точку, предопределив теоретически момент, когда германское сопротивление будет окончательно сломлено, и он ошибся всего на шесть дней». Все это, конечно, фантазия от начала до конца, так как не мог Фош в сентябре ставить черную точку, которая бы определяла, что 5 ноября 1918 г. будет подписано перемирие (на самом-то деле телеграмма Фоша о прекращении военных действий на всем фронте, как известно, последовала в 11 час. 11 ноября). Этого он делать не мог, так как и Ллойд-Джордж, и Петэн, и Клемансо, и сам Фош т в е р д о с ч и т а л и, что война, несмотря на продолжавшийся развал в стане держав Четверного союза, будет окончена не ранее п е р в о й п о л о в и н ы 1919 г.

была хотя и сильно истощенной, но к 1 августа далеко не сломленной настолько, чтобы ставить задачей на ближайший месяц-другой после ударной операции 10-й армии Манжена ее окончательно снять со счетов. Достаточно посмотреть на цифры боевой численности германской армии (см. таблицу 37), занимавшей прочные оборонительные линии, о которых был хорошо осведомлен Фош, чтобы притти к выводу, что упорная борьба еще впереди. Возможно, на месте Фоша другой главковерх, чувствуя свое численное и общее превосходство над противником к 1 августа 1918 г., хвастливо установил бы твердую дату конца германской армии и капитуляции Германии с ее союзниками. Но это не стиль Фоша; он был слишком серьезен и опытен, чтобы компрометировать себя такого рода низкосортными прогнозами. Фош был неплохой знаток военной и общей истории, которая дает очень много поучительного материала, для того чтобы быть на больших постах более осторожным с прогнозами и их высказыванием во всеуслышание.

Для Фоша не был чужд и такой вариант, когда на развалинах гогенцоллерновской армии могла возникнуть по примеру императорской Франции 1870—1871 гг. и царской России 1917 г. новая революционная германская армия, с которой надо было бы продолжать борьбу. Кроме того, и Фош и Вейган хорошо учитывали то исключительно революционизирующее влияние на обе воюющие империалистические коалиции, которое имело место в силу победы Октябрьской революции в России. Все эти факты заставляли и Фоша и Вейгана быть более осторожными в определении точного срока окончания войны и перехода к миру.

Решение Фоша сперва срезать выступы, которые в первой половине 1918 г. ему настроил Людендорф, а затем уже развернуть силы для дальнейшего наступления в глубь германских оборонительных линий надо признать решением также правильным. Эта операция не только выравнивала и сокращала фронт для стратегического развертывания армий союзников, давая тем самым больше удобства для сосредоточения и размещения (уничтожала продолжающийся обстрел германцами района Амьена, Бетюна — каменноугольные копи), восстанавливала важную для союзников рокадную линию Париж, Нанси (которая также обстреливалась из района Сен-Михэль), но также постепенно втягивала союзнические армии в активную борьбу, приучая их побеждать опытного и искусного противника.

Фош считал, что и с очень небольшими силами и средствами германская армия будет иметь возможность оказывать сильное сопротивление на таких мощных и прекрасно оборудованных укрепленных линиях, как позиции: Вотана, Зигфрида, Лис, Гент-Германа, Германа, Гундинг, Брунгильда, Антверпен, Маас и Михэля, которые были возведены германцами в 1916—1917 и 1918 гг. на занятых территориях Бельгии и Северной Франции. Кроме того, были еще стратегические тыловые пограничные позиции. Так что мистификация с «черной точкой» есть плод досужей фантазии отнюдь не Фоша—Вейгана, а тех, кто не в меру силился им услужить, ибо большей компрометации полководческого творчества Фоша—Вейгана, чем эта «черная точка», и не придумаешь.

Государства	Пехота		Кавалерия		
	дивизий и сп. пех. див.	действ. батальонов	дивизий	эскадронов	
				в кав. дивизиях	в див. кавалерии
Франко-британский фронт					
Франция	103	1 135	6	144	160
Англия	56	539	3	81	24
США	26¾	321	—	—	—
Бельгия	12	110	1	24	12
Португалия	2	24	—	—	—
Италия	2	27	—	—	—
Всего у союзников	201¾	2 156	10	249	196
Германия	205	1 898	—	—	—
Итальянский фронт					
Франция	2	20	—	—	4
Италия	52	671	4	96	43
США	⅛	3	—	—	—
Англия	3	36	—	—	5
Всего у союзников	57¼	730	4	96	52
Австрия	65½	863	—	—	—
Итого у союзников	259	2 886	14	345	248
Итого у противника	270½	2 761	—	—	—

Артиллерия			Пулеметы		Танки	Боевые самолеты	Людей		Лошадей
количество орудий	траншейной артиллерии	тяж. и артил. большой мощности	руж.-пулемет. и легк. пулемет.	тяжелых пулеметов			бойцов (в том числе офицеров и пр.)	едоков (в том числе офицеров и пр.)	
6 807	2 891	5 782	55 536	24 277	833	3 379	1 790 854	2 683 329	666 798
4 200	2 350	2 175	19 597	4 590	739	1 722	1 237 454	1 780 896	347 510
1 224	555	176	13 681	5 434	—	440	786 489	1 115 345	130 861
419	269	360	1 004	2 970	—	105	134 143	167 709	38 300
—	—	—	—	—	—	—	29 500	48 000	—
80	—	20	582	270	—	—	23 664	36 831	5 118
12 730	6 065	8 513	90 400	37 541	1 572	5 646	4 002 104	5 832 110	1 188 587
10 762	11 000	7 250	37 500	20 000	—	2 991	3 576 900	—	—
132	24	80	864	373	—	37	35 719	44 082	15 533
3 318	—	3 528	4 773	12 608	—	617	1 310 816	1 966 816	-
—	—	—	192	16	—	—	3 674	5 451	200
145	115	105	665	200	—	84	56 662	77 185	16 391
3 595	139	3 513	6 494	13 197	—	738	1 406 871	2 093 534	32 124
3 134	—	4 068	—	6 920	—	450	1 320 000	—	
16 325	6 204	12 026	96 899	50 738	—	6 384	5 408 975	7 925 644	
13 896	—	11 318	—	26 920	—	3 441	4 896 900	—	

Первая часть плана действий на западно-европейском театре войны очень сжато и ясно изложена Фошем подчиненным ему союзным главкомам.

После удачной операции 10-й армии в районе Виллер-Коттере 24 июля Фош заявил Петэну, Хэгу, Першингу и Диаду следующее:

«В первую очередь необходимо методически, повторными ударами и отдельными атаками, различными во времени и пространстве, неожиданно и быстро следующими одна за другой, потрясти германские резервы, не дать германцам времени для восстановления сил и уничтожить все выступы германцев: между Верденом и Нанси, между Компьеном и Рейсом, между Аррасом и Уазой и на р. Лис. Если эти атаки будут успешны и не будет слишком поздно по времени года, то после этого перейти в общее и решительное наступление и таким образом сокрушить весь германский фронт, не давая при этом противнику передышки и не позволяя ему безнаказанно, как то было в 1917 г. (Фош здесь имеет в виду наступление Нивелля. — *Вл. М.*), отойти на более короткие позиции. Итальянский фронт также должен принять активное участие в операциях союзных армий и атаковать австрийцев на р. Пиаве».

В нашу задачу не входит разбор операций по ликвидации союзниками людендорфовских прорывов; укажем лишь, что все эти «мешки», созданные Людендорфом в стратегическом фронте союзников, к 25 сентября Фошем были благополучно срезаны. Эти операции потребовали от союзнических армий огромных усилий и жертв, так как германская армия с упорными боями шаг за шагом сдавала недавно приобретенное ею у союзников. Особеннно тяжелыми для обеих сторон были операции по срезанию амьенского и с.-михэльского выступов.

В своих «Воспоминаниях» Людендорф амьенскую операцию Фоша считает началом конца для германской армии. Он пишет:

«8 августа представляет самый черный день германской армии в истории мировой войны... С этого дня началось великое наступление Антанты, финал мировой войны, причем противник развивал все больше энергии по мере того, как наш развал становился для него очевиднее. Надо было кончать войну» [1].

И действительно, за шесть дней боев германская армия потеряла более 30 000 бойцов и 600 орудий; правда, и потери союзников были значительными, они касались главным образом танков. 8 августа англичане бросили в атаку около 690 танков, из которых погибло 480, главным образом благодаря их громоздкости, неповоротливости и значительной уязвимости. Но эти танки громили не только укрепленные позиции германцев, но и уходили глубоко в оборону противника, уничтожая его штабы и линии связи и тем самым нарушая управление. Эта операция танков является родоначальницей для применения этого могучего современного оружия в глубине обороны противника.

---

[1] Людендорф. Воспоминания, т. II, стр. 237—241. По этому вопросу в русском переводе имеется работа Бозе «Катастрофа 8 августа 1918 г.».

В с.-михэльской операции приняли участие главным образом американцы. Они справились со своей первой большой боевой работой не плохо. Американцы буквально залили свинцовым огнем снарядов оборонительные линии германцев, израсходовав за четыре дня боя более миллиона снарядов. Германцы приняли американскую атаку и вывели у них из строя 7 000 человек, но огромное превосходство и свежесть противника сломили их сопротивление.

Потеряв 15 000 пленными и около 450 орудий, они очистили к 15 сентября С.-михэльский выступ.

Когда в сентябре 1918 г. Людендорф узнал, что к июлю 1919 г. американское командование решило имевшиеся 28 американских дивизий увеличить еще на 52 дивизии, то он безнадежно сказал окружающим его сотрудникам: «Напрасны эти усилия, война кончится даже ранее, чем прибудут новые 10 американских дивизий».

Людендорф был прав, так как война была Германией к середине сентября уже окончательно проиграна. Об этом твердо знал Людендорф, но пока не Фош. Августовско-сентябрьская операция Фоша по срезыванию выступов была очень успешной: она вывела из строя около 200 000 германских бойцов и передала в руки союзников более 2 000 орудий. Германская армия разваливалась, она находилась в своем большинстве в состоянии полной моральной депрессии, ее непрерывно потрясали революционные вспышки и восстания. Сама Германия находилась накануне ноябрьской революции. Таким образом, и фронт и тыл гогенцоллерновской Германии трещали по всем швам. Союзники Германии также находились в состоянии полного разложения, причем Болгария уже с 15 сентября была сброшена со счетов. Австро-Венгрия и Турция были накануне полной капитуляции.

Вот в этих-то конкретных условиях борьбы, успешно выполнив первую часть своего плана наступательной кампании, Фош решает перейти к осуществлению второй части плана — наступлению по всему стратегическому фронту.

Большинство исследователей мировой войны 1914—1918 гг. расценивает стратегическое развертывание армий союзников к 25 сентября перед так называемым решительным наступлением как блестящую, выдающуюся операцию Фоша. Мы не склонны после всего изложенного так высоко расценивать все то, что случилось на западном фронте после 25 сентября.

Вторая часть плана кампании Фоша уже не представляла особых трудностей в успешном ее выполнении, — вот это основное и упускается всеми исследователями мировой войны. Если план наступательной кампании в марте — июне 1918 г. Людендорфом, в сущности, велся по всем правилам «стратегии ва-банк», по всем правилам «огульного наступления», то совершенно иначе обстоит дело со стратегической линией поведения Фоша после 25 сентября 1918 г. Фош вел игру в победу наверняка, эта победа была конкретно после 25 сентября обеспечена абсолютно всем необходимым. Фактически нет ни одного момента и случая, которые бы

говорили, что реальное соотношение сил к концу сентября 1918 г. не на стороне союзнических армий. Гогенцоллерновская Германия лежала как безнадежно больной, ее армия с каждым днем все более и более разваливалась, сражались после 25 сентября лишь отдельные еще сохранившие боеспособность дивизии и полки, численность которых сильно пала. И если бы они не опирались на серию хорошо укрепленных полос, далеко развитых в глубине, то это сопротивление перед всюду превосходными силами союзников имело бы другой вид.

Еще более странным является мнение, что после 25 сентября позиционная война переросла в маневренную. Конечно, это не так. Разве можно считать войну маневренной, когда продвижение союзных армий не превосходило в октябре — ноябре в среднем 2—3 км в сутки?

Как определить характер этого «наступления»? Это было не что иное, как медленная, тягучая о к к у п а ц и я оборонительных полос противника с длительным по времени и тщательным очищением занятой противником территории. Чтобы не быть голословными, покажем стратегическое развертывание сил и средств обеих сторон к 25 сентября 1919 г. и о к к у п а ц и о н н у ю д е я т е л ь н о с т ь союзнических армий до 11 часов 11 ноября 1918 г.

Стратегическое развертывание армий Антанты 25 сентября 1918 г. на франко-британском фронте

В основу плана стратегического развертывания на франко-британском фронте от 25 сентября Фошем была положена очень интересная и смелая оперативно-стратегическая идея. В основном она исходила из крайне выгодного соотношения сил, а также очень выгодной конфигурации линии фронта, занятой союзными армиями к этому времени.

1. Удар должен быть концентрическим, идущим с запада на восток с фронта группы Альберта и ген. Хэга в общем направлении на Брюссель и с фронта американской армии ген. Першинга и 4-й французской армии ген. Гуро, т. е. с юга прямо на север на Мезьер, Седан, Живэ.

2. Северная группа, французская армия ген. Файоля и центральная группа армий ген. Мэстра, действуя в центре стратегического фронта союзнических армий, всемерно активно обеспечивают эту операцию Альберта — Хэга и Першинга — Гуро на флангах. Таков в основном грандиозный стратегический замысел Фоша. Идея «Канн» Ганнибала была призвана в сентябре 1918 г. к жизни, к действию на огромном франко-британском стратегическом фронте.

Сотни полнокровных дивизий, тысячи орудий и самолетов, сотни танков и тысячи автомобилей должны были всемерно содействовать осуществлению этой грандиозной стратегической идеи удара обоими флангами с востока на запад и с юга на север. Эти огневые фланговые кулаки, до предела насыщенные живой силой и техническими средствами, должны были потрясти до основания все те

живые силы и технику германской армии, которые, вцепившись в мощные укрепленные позиции Вотана и Зигфрида, не теряли еще энергии сопротивления.

Людендорф дал сигнал к готовности и второй линии позиций Лис, Гент, Герман, Гундинг, Брунгильда и Михэль, отстоявших от первой на расстоянии 25—40 км.

И в тот момент, когда Людендорф, которому было отказано в просимой им отставке, надеялся со своей морально потрясенной и материально ослабевшей, но еще по инерции сохранившей какую-то долю боевой дисциплины армией, с помощью мощных железобетонных укреплений сохранить занятые территории Бельгии и Франции, в это время Фош задумал другое.

Нанося главный удар американской армией и 4-й армией ген. Гуро с юга на север, Фош стремился посредством маневра с юга обойти эти укрепленные линии и с помощью прорыва Альберта — Хэга на севере заключить в свои огневые клещи германскую армию и уничтожить ее в открытом поле, т. е. вне германских укреплений.

В момент отдачи Людендорфом приказания привести в боевую готовность вторую укрепленную линию германская дипломатия и политика напрягали все силы, чтобы склонить союзников на перемирие и мир. Главное германское командование думало, что факт крепкого удержания полосы занимаемых оборонительных линий будет той последней надеждой, благодаря которой можно вымолить у союзников более или менее сносные условия мира. В этом направлении шла агитация и пропаганда как внутри Германии, так и среди боевых частей германского фронта.

Как у Людендорфа, так и у Фоша перед принятием решения оперативно-стратегическая идея была скована условиями железобетонных позиционных полос, которые, однако, при соответствующей организации и наличии мощных сил и средств, как подсказывал опыт борьбы, можно преодолеть. Успешное и довольно быстрое срезывание людендорфовских мешков в районах Мервиль, Амьен, Шато-Тьерри, С.-Михэль — не есть ли все это — конкретное введение к переходу к большой маневренной войне? Так думал Людендорф перед 21 марта 1918 г., так думал и Фош перед 25 сентября того же года.

Каков лейтмотив этих дум у того и другого? Надо уметь сильно желать, надо хорошо подготовиться во всех отношениях, чтобы преодолеть эти сложные фортификационные сооружения, сплошные по фронту и еще более сильные в глубину. Надо всеми силами и средствами опять и опять стремиться к освобождению от этих тяжелых оков железа и бетона с тысячами пулеметных гнезд и траншейных орудий, с массой артиллерии и прилипнувшей ко всему этому живой силой пехотных дивизий, которые как бы вросли в землю и очень плотно стоят по фронту.

Необходимо, наконец, посредством огромного накопления сил и технических средств, посредством в н е з а п н о с т-и, стремительного натиска и использования этого удара в глубину раздробить эти оковы и превратить войну позиционную в войну маневренную.

Так в основном мечтали и Людендорф и Фош, развертывая миллионные массы и гигантскую технику, один перед 21 марта, другой перед 25 сентября 1918 г.

Тогда инициатива действий была в руках у Людендорфа, теперь она была у Фоша.

Тогда у Людендорфа было превосходство сил и средств и он располагал идеей внезапности удара, теперь все это было у Фоша.

Как тогда, так и теперь, и Людендорф и Фош великолепно понимали основное положение полководческого искусства. «Если я делаю к решительному моменту лишь одной ошибкой менее моего противника, то и тогда уже победа моя». Но, как мы видели выше, к решительному моменту, к моменту последней кампании, к моменту борьбы, осуществлявшейся на исходе всех сил и средств армии и страны, увы, Людендорф допустил не только одну ошибку, он допустил ряд их, а потому и выпустил из своих рук много серьезных преимуществ, которыми располагал к марту 1918 г. А это повлекло за собой сейчас же после мартовской операции на Амьен переход Людендорфа и его армии на рельсы стратегии ва-банк, которая и похоронила под безумными решениями и действиями все перспективы благополучного выхода из войны и сносные условия мирного договора. На этом примере лучше, чем где-либо, видно теснейшее взаимодействие политики и военной стратегии, их диалектическое единство, их взаимопроникновение.

Если хорошенько проанализировать всю имеющуюся по этому вопросу литературу, мы наглядно увидим, что в 1918 г. и Вильгельм II, и Гинденбург, и ряд других ответственнейших руководителей германской ставки фактически передали всю военную, а отсюда и политическую, власть над оперативно-стратегическими решениями кампании 1918 г. Людендорфу.

Конечно, будет исторически несправедливым возлагать всю вину за кампанию 1918 г. на одного Людендорфа, но вина его все же большая, ошибки его очень тяжелы и весьма поучительны в свете той огромной власти над решениями, которую он имел в последний, решительный финальный год мировой империалистической войны.

Но каково же было положение Фоша перед началом операций 25 сентября? Получил ли он полную моральную поддержку со стороны политиков и стратегов Антанты? Кто был до конца против наступательного плана Фоша? Кто тем самым умывал руки, перекладывая все бремя ответственности за исход борьбы и наступления на плечи Фоша? В первую голову против этого плана был старая, хитрая, умная, опытная лиса Ллойд-Джордж, этот прожженный, рафинированный интриган-политик империалистической Англии. Ему негласно, но очень твердо сочувствовали Клемансо и американский главком Першинг, на долю которого, как мы видели, выпала по плану Фоша весьма ответственная и решающая оперативно-стратегическая задача. Но ведь не каждый главком, тем более молодой американский (не по возрасту, так как Першингу было 58 лет, а по опыту в руководстве большими операциями), любит взять на себя

рискованную задачу, прямые последствия от провала которой — позорная отставка и потеря высокого положения.

Какова же была точка зрения Ллойд-Джорджа и тех, кто его гласно и негласно поддерживал? «Надо отложить большое наступление союзных армий, — говорил Ллойд-Джордж, — на весну 1919 г.». К этому времени союзники Германии окончательно капитулируют, американская армия подучится, англо-французские армии еще более окрепнут. Сейчас, к сентябрю, германская армия еще сильна, а главное, располагает неприступными оборонительными позициями, атака которых унесет тысячи новых жертв. С капитуляцией Турции, Болгарии и Австро-Венгрии дышащая на ладан германская экономика потеряет к весне 1919 г. последнюю каплю своей жизненной энергии. Она развалится, ее развал будет концом для Германии, и победа будет достигнута без нового наступления, без новых потерь, которые неизбежны. Вот фактически соль доводов Ллойд-Джорджа.

Но Фоша поддержал английский главком ген. Хэг, который после августовского успеха танковой атаки под Камбре стремился к новым успехам и очень желал новой славы. Роль Петэна в этом вопросе была двойственной и выжидательной, он старательно составлял план стратегического развертывания союзнических армий на весну 1919 г. Пуанкаре всецело разделял точку зрения Фоша, ревностно его поддерживал и сыграл в этом деле решающую роль. Искусный дипломат, Фош, как характеризует его большинство политических и военных деятелей Антанты, очень скоро сумел убедить американского главкома ген. Першинга, что задача, выпадающая на свежую и технически сильную американскую армию, настолько верна в своем успехе, что остается лишь детализировать план совместного удара 4-й французской армии с 1-й и 2-й американскими на Мезьер, в чем ему поможет лично сам Фош. Особенно сильно подействовал на Першинга убедительный и ловкий довод Фоша, что американские армии совершенно обеспечены с флангов, так как слева от них наступает ген. Гуро, а справа обеспечивает могучая водная преграда р. Мааса и восточная группа французской армии ген. Кастельно. На этом Першинг сдал свои позиции сопротивления и присоединился к плану Фоша. Но не успел Фош окончить эту операцию с ген. Першингом, как под давлением бельгийского короля Альберта ген. Хэг стал волноваться за реальную обеспеченность своего левого фланга. Хэга очень интриговала мысль о блестящем положении с флангами у ген. Першинга. В этом он усмотрел «подвох» со стороны Фоша, а поэтому категорически отказался принять участие в наступлении до тех пор, пока не будет реально обеспечен его левый фланг. Но здесь на помощь Фошу пришла исключительно развитая система переброски посредством железнодорожного и автомобильного транспорта. С тем, чтобы удовлетворить просьбу ген. Хэга и не затягивать возникшего конфликта, Фош приказал перебросить 6-ю французскую армию с линии Эн на крайний левый фланг стратегического фронта союзников, передав эту армию в распоряжение группы Альберта. К 25 сентября это приказание Фоша было выполнено, ген. Хэг был удовлетво-

	Армии	Протяжение	Км	Кол-во дивизий	Всего дивизий	Орудий		Боевых самолетов	Танков	Бойцов и штыков (в тыс.)
						легких	тяжелых			
Восточная группа французской армии (ген. Кастельно)	7-я—ген. Буасуди	От швейцарской границы до Бен-Ле-Сент	100	10						
Протяжение от швейцарской границы до Нанси 200 км	8-я—ген. Жерар	От Бен-Ле-Сент до Нанси	100	9						
Группа американских армий (ген. Першинг)	2-я	От Нанси до Вердена (искл.)	80	11						
Протяжение от Нанси до железной дороги Мантуа—С.-Менегульд—120 км	1-я	От Вердена до Аргонн	40	17		Союзники				
Центральная группа французской армии (ген. Мэстр)	4-я—ген. Гуро	От Аргонн до Реймса (искл.)	50	26	202, из них 9 кавдивизий	11 340	8 900	5 500	1 900	2 800
Протяжение от Вьен—Ле-Шато—Шазон—90 км	5-я—ген. Бертело	От Реймса до Шазон	40	16						
Северная группа французской армии (ген. Файоль)	10-я—ген. Манжен	От Шазон до С.-Кантена	70	19		Германцы				
Протяжение от Шазон до С.-Кантена—70 км	1-я—ген. Дебеней			18	190	9 500	7 300	2 200	—	1 900
Группа английских армий (ген. Хэг)	4-я—ген. Раулисон	От С.-Кантена до Камбре	40	13						
Протяжение от С.-Кантена до Арматьера—100 км	3-я—ген. Гоинг			15						
	1-я—ген Хори 5-я—ген. Гоерауд	От Камбре до Арматьера	60	13 8						
Группа бельгийского короля Альберта	6-я франц.—ген. Дегут	От Арматьера до моря (Ньюпор)	70	16						
Протяжение от Арматьера до моря (Ньюпор)—70 км	Бельг. дивизии 2-я английская			11						

рен и взял свой протест обратно. Кроме того, Фош посоветовал Хэгу передать Альберту также и 2-ю английскую армию.

Итак, наступательный план Фоша нашел поддержку у подавляющего большинства ответственных деятелей Антанты. Теперь возникает вопрос: был ли реален этот план двойного охвата германской армии в конкретных условиях борьбы на франко-британском фронте в 1918 г.?

Мы считаем возможным ответить на этот вопрос лишь после анализа тех ближайших задач, которые ставились этим флангам.

Для ген. Першинга Фош поставил задачей выход на фронт Стенэ, Ле-Шен-Аттиньи, а для Хэга выход на линию Вассиньи, Ле-Като, Солен, Валансьен, причем группа Альберта должна была выйти на фронт Гент, Брюгге. Другими словами, начав атаку, с тем чтобы выполнить ближайшую задачу по плану Фоша, союзные войска должны были преодолеть сопротивление германцев и продвинуться в глубину их обороны на фронте армий: ген. Першинга — на 35 км, ген. Хэга — на 60—65 км, Альберта — на 45 км.

Как видим, эти нормы очень приближаются к опыту продвижения германцев в глубь обороны союзников во время их прорывов за период март — июль.

Существенная разница лишь в том, что Фош эти три удара наносил не разновременно, как Людендорф, а одновременно. Общее численное превосходство было на стороне армий Антанты, на их же стороне было и морально-боевое превосходство по сравнению с германской армией.

Таким образом, стоял вопрос о темпе наступления флангов и силе сопротивления германских дивизий. Если германские войска, опираясь на оборонительные линии, будут с упорными боями отходить, а темп продвижения вперед союзных армий не будет резко превосходить темпа отхода германцев, то план Фоша будет сорван и вместо «Канн» получится простое тягучее по времени вытеснение противника, медленная оккупация занимаемых им районов. Так и случилось с планом Фоша, несмотря на огромное сосредоточение сил и технических средств для осуществления задуманных им новых «Канн» мировой империалистической войны. И прежде чем ответить, почему случилось так, а не иначе, коротко рассмотрим план стратегического развертывания обеих сторон к 25 сентября 1918 г., оно в основном видно из таблицы 38.

Как видим, по всем боевым показателям союзные армии превосходили германцев, противостоявших им на позициях Вотана, Зигфрида, Михэля (глубина позиций до 10—16 км). Соотношение же сил на флангах ударных групп союзников указано в таблице 39.

Таким образом, если на правом фланге, где Фош предполагал наносить главный удар с юга на север, было значительное превосходство, то такового не было на левом. Мало того, оперативную группировку Хэга и Альберта германцы явно превосходили числом дивизий. Почему же случилось, что Фош не позаботился иметь на левом фланге большее количество сил, чтобы не сорвать идею концентрического удара? Мы считаем, что основная причина неудавшихся «Канн» Фоша кроется в общей группировке его сил. Фош пошел

Таблица 39

	Союзники:	Германцы:
Правый фланг	Американская армия . . 28 див. 4-я армия Гуро . . . . 26 »	Группа Фукса . . . . 11 див. 5-я армия Марвица . . 7 » 3-я армия Эйнем . . . 9 »
	54 див.	27 див.
Левый фланг	Группа ген. Хэга . . 50 пех. див. + 6 кав. див. Группа Альберта . . 16 пех. див.	18-я армия из 17 див. . 9 див. 2-я армия . . . . . 24 » 17-я армия . . . . . 28 » 6-я армия . . . . . 11 » 4-я армия . . . . . 15 »
	66 пех. див. + 6 кавдив.	87 див.

в этом отношении по линии наименьшего сопротивления, он фактически не произвел никакой серьезной перегруппировки на своем стратегическом фронте, если не считать рокировку 6-й французской армии с р. Эн на крайний левый фланг фронта в состав группы Альберта. Остальное расположение армий оставалось таким же, как после июльско-августовских операций по срезыванию людендорфовских мешков.

В самом же плане Фоша кроется очень много противоречий. Мы попытаемся вскрыть эти противоречия. Является основной вопрос, почему Фош возлагал наиболее ответственную задачу именно на американскую армию, которая если и была сильна в своей свежести и численности, то по своему боевому опыту неизмеримо уступала и французам и англичанам. Кроме этого, концентрический удар организуется Фошем с оставлением значительного пустого пространства в виде ворот в 100 км (черт. 13).

Черт. 13. Концентрический удар, организуемый ген. Фошем.

В эти «ворота» германские войска могли свободно уйти. Казалось, куда было бы целесообразнее при желании и стремлении окружить германскую армию произвести для этого коренную перегруппировку союзнических армий, поставив на главное направление наиболее опытные в боевом отношении армии. Правда, эта оперативно-стратегическая перегруппировка требовала большого времени, и тогда бы Фошу не удалось перейти в наступление именно с 26—27 сентября, а несколько позднее. Но без этой перегруппировки весь

смелый замысел плана окружения ставился под большой вопрос. Уже после войны Фош считал, что пунктом для обоих отходящих фланговых ударов должен был бы быть район Намюра, т. е. так же, как когда-то в период 2-й Марны был пункт Фер-ан-Тарденуа. Это правильно, так как тогда бы не было вышеуказанных ворот в 100 км. Но еще целесообразнее было бы на юге поставить не американскую армию, а сильную оперативную группировку из армий ген. Файоля и ген. Мэстра, что и предлагали последние, но на что не согласился тогда Фош, говоря, что для этой оперативной перегруппировки нет свободного времени.

В настоящее время иностранные исследователи наступательного плана Фоша считают, что этот план имел бы более конкретное выражение, если бы Фош наносил главный удар одним правым флангом между Мецем и аргонским лесным массивом в обход германских укрепленных полос. Левый же фланг от моря до С.-Кантена в этом случае должен был бы выполнить роль сковывающего и притягивающего на себя германские резервы участка фронта. Они считают, что в условиях борьбы на франко-британском фронте рассчитывать на быстрое выдвижение обеих фланговых групп к Намюру было невозможно, так как Намюр отстоял от фронта Хэга на 145 км, а от фронта Першинга на 150 км.

Поскольку германцы при отходе всегда производили очень сильные разрушения всех дорог, искусственные нагромождения на путях отхода, различного рода препятствия и заграждения, то быстро преодолеть эти 145 и 150 км союзным армиям было крайне трудно, а без быстроты в движении войск, обходящих фланги, окружения германской армии быть не могло.

Еще больше эти трудности возросли, когда на главном направлении была поставлена молодая и малоопытная во всех отношениях американская армия, а на фронте Хэга — Альберта не было создано должного превосходства сил. Как видим, несмотря на то, что Фош внимательно изучал опыт людендорфовского наступления в первой половине 1918 г., он в своем плане повторил фактически те же ошибки с сосредоточением сил и их группировкой, которые допустил Людендорф. Правый фланг Фоша должен был наступать на участке в 170 км, на таком же, примерно, фронте должны были наступать Хэг и Альберт. Таким образом, 340-км фронт наступления не мог не требовать соответствующей серьезной организации в отношении оперативно-стратегической группировки сил. Рассчитывать, что на таком огромном фронте возникавшие то там, то здесь прорехи и прорывы можно будет ликвидировать посредством искусного и быстрого маневрирования резервами из глубины (Фош их имел до 90 дивизий из 202), дело крайне проблематичное. Эти резервы могли и не поспеть в нужный момент туда, где они были необходимы, так как для массовой переброски дивизий на далекие расстояния на таком огромном фронте наступления необходимо было время.

Где же искать причину ошибки Фоша с группировкой союзных армий в период стратегического развертывания сторон к 25 сентября? Нам думается, во-первых, в форсировке времени перехода в общее наступление. Германцы перешли к длительной обороне,

наступать они больше не думали, не могли. Об этом хорошо знал Фош. Встает вопрос, почему же надо было именно наступать 25 сентября, когда это же самое можно было в более благоприятных условиях сделать в середине или конце октября.

Есть данные, что Фоша крайне нервировала политика Ллойд-Джорджа, Клемансо и др., которые были против наступления во второй половине 1918 г., перенося этот акт на весну 1919 г. Ген. Петэн уже составил план стратегического развертывания союзнических армий на весну 1919 г. и продолжал работать над его деталями. Эта политика сильно интриговала Фоша, и он заторопился за счет стратегической целесообразности.

И, во-вторых, причина заключается в значительной недооценке энергии сопротивления германской армии. Достаточно хорошенько проанализировать полностью полосы стратегического развертывания и соотношение сил обеих сторон по отдельным оперативным направлениям к 25 сентября, чтобы притти к общему выводу, что при упорной обороне со стороны германцев план двойного охвата должен был бы трансформироваться в простое, длительное по времени, вытеснение германской армии с территории Бельгии и Франции. Так оно и получилось.

26 сентября американцы и 4 французские армии ген. Гуро перешли в наступление; они встретили упорное сопротивление германских дивизий. Такое же сопротивление встретили 27 и 28 сентября армии Хэга и Альберта. Началось длительное соревнование. Германцы, оказав жестокое сопротивление на позициях Вотана и Зигфрида, стали медленно отходить от рубежа к рубежу, с упорными боями отдавая каждый километр занимаемой ими территории. Они производили грандиозные разрушения на путях отхода, тем самым чрезмерно замедляя темп продвижения союзнических армий. Например, в период с 26 сентября по 4 октября американцы и 4-я французская армия продвинулись всего лишь на 10 км, в некоторых направлениях максимально до 12 км, т. е. за 10 дней наступления темп продвижения не превосходил в среднем 1—1,5 км в сутки.

Повторилась старая картина боев в условиях позиционной войны на западном фронте в период 1916—1917 гг. Когда Фош узнал такие результаты, он сразу же почувствовал, что если на главном направлении его удара при двойном превосходстве сил план охвата не удался, то ожидать быстрого успеха на фронте Хэга — Альберта тем более не приходилось. Фош обрушился на Петэна, Першинга и Гуро, он упрекал их в медлительности действий, в отсутствии твердого руководства частями.

«Отмечаются корпуса, — говорил он, — не проявляющие деятельности, корпуса, не маневрирующие тогда, когда другие изматывают свои силы». Но в ответ на это Фош получал донесения, что сопротивление германских войск превосходит все ожидания; отходя, они наносят большие потери еще мало опытной американской армии. Каждый рубеж, каждый участок трудно доступной лесисто-горной местности Аргонн всемерно используется медленно отходящим противником. Обстановка на фронте армий Хэга и Альберта, которые перешли в наступление на позиции Зигфрида и во Фландрии, первая

27-го, а вторая 28 сентября, была для союзных армий также далеко не легкой. И здесь германские армии, опираясь на серию укрепленных полос, оказывали самое энергичное сопротивление, и если германская пехота подчас и сдавала под натиском союзников, так как она была наиболее истощенной и революционная пропаганда союза «Спартак» за скорейшее окончание войны в пехотных полках находила больше чем где-либо сочувствия, то тысячи германских пулеметчиков и артиллеристов еще продолжали вести ожесточенную борьбу. Эти «штрейкбрехеры», как их называла германская пехота, с твердой настойчивостью очень часто переходили в контратаки, отбивая обратно занятые англичанами и французами Камбре, Сен-Кантен, Ле-Кателе и другие пункты.

К 9 октября дивизии 2-й и 18-й германских армий под ударами союзников стали поспешно отходить на укрепленные линии Германа — Гундинга. Но Ля-Фер еще оставался в руках германцев. Наступление союзников и ввод в дело новых резервов продолжались беспрерывно. Германский стратегический фронт под новыми последовательными ударами трещал и рушился на всем своем протяжении от моря до Нанси. Не отставали от армий левого фланга фронта союзников армии Файоля и Мэстра, они также теснили противостоящие 9-ю, 7-ю и 1-ю германские армии.

Германское главное командование уже перестало маневрировать резервами из глубины, так как эти резервы фактически нужны были всюду, а поэтому оно лишь приказывало не сдавать занимаемых рубежей без боя и производить самые тяжелые разрушения на путях отхода, с тем чтобы всемерно замедлять темп дальнейшего продвижения союзных армий. Оно выпускало воззвания к войскам, в которых говорилось, что чем тверже и прочнее будет защита оборонительных линий, тем лучше для Германии будут условия мира. Находились люди, которые еще верили этим воззваниям. В тылу шла самая энергичная эвакуация ценного имущества, с тем чтобы не оставить его противнику. К 15 октября во Фландрии союзники продвинулись также не более как на 20—25 км, т. е. за все дни наступления темп продвижения союзнических армий не превосходил в среднем 1,5—2,5 км в сутки на всем протяжении от моря до Нанси.

Совершенно ясно, что с таким темпом наступления думать об осуществлении «Канн» было нельзя и о них уже к 5 октября все забыли. На полях северных департаментов Франции и Бельгии повторились не «Канны» Ганнибала, а старая, хорошо знакомая для обеих сторон по опыту боев 1916—1917 гг. обстановка наступления в условиях позиционной войны.

Разница была лишь в том, что теперь союзники, имея сильное превосходство сил и средств, вели непрерывное наступление, а германская армия, лишенная этого превосходства, постепенно, шаг за шагом, производя беспощадные разрушения, отходила на восток.

К 20 октября германские дивизии отошли на позиции второй линии Германа, Гундинга, Брунгильды. Темп преследования союзников не увеличивался, а уменьшался, так как отходившие герман-

ские войска не оставляли буквально ни одного исправного моста, ни одной неразрушенной железнодорожной станции, ни одного неиспорченного участка железных дорог и шоссе.

Несмотря на все усилия по восстановлению разрушений, подвоз всего необходимого для войск посредством железнодорожного и автомобильного транспорта у союзников с каждым днем все более и более затруднялся. Дивизии союзников стали терпеть нужду и в огнеприпасах и в продовольствии.

Некоторые исследователи мировой войны пытаются это наступление Фоша изобразить как переход от позиционной войны к условиям войны маневренной. Но эти исследователи забывают весьма простые вещи — карту, циркуль и время. Если бы они попытались вспомнить, что с 26 сентября и по 20 октября от исходной линии наступления армии Фоша продвинулись всего лишь на 25—40 км, то всем станет ясно, что говорить о перерастании войны позиционной в войну маневренную, когда наступающие дивизии продвигаются менее чем на 3 км в сутки, не приходится. А если к этому прибавить характер самого наступления, т. е. вскрыть сущность его своеобразной динамики, когда союзническим полкам и батальонам приходилось буквально выколупывать то там, то здесь горсточки германских бойцов с пулеметами из щелей и углов различных фортификационных сооружений, когда каждый незначительный бугорок, перелесок и т. д. являлись предметами, за которые приходилось с упорными боями бороться, то в этом случае можно говорить лишь о медленной и тягучей оккупации, а не о маневренной или полуманевренной войне в общепринятом понимании этого слова.

Мы не будем дальше останавливаться на процессе наступления армий союзников на позиции Германа, Гундинга, Брунгильды и на отступлении с этих позиций германцев, так как особого интереса эти операции не представляют, да к тому же они по своему характеру ровно ничем не разнятся от описанных выше действий союзников. Дальнейший отход германцев на позиции Антверпен, Маас производился теми же способами, как и отход с вышеперечисленных позиций. Можем лишь упомянуть, что за 90 дней наступления Фоша союзные армии прошли всего лишь 160 км, т. е. меньше, чем 2 км в сутки. Громкая фраза «наступление с маневром» была заменена более соответствующей действительности: «постепенное», медленное, фронтальное вытеснение противника с занимаемых им позиций», которое и продолжалось с 25 сентября по 11 ноября, т. е. до момента прекращения враждебных действий по всему фронту.

Читатель может остаться неудовлетворенным, если не получит ответа на вопрос: мог ли Фош, располагая такими грандиозными силами и техническими средствами, в конце сентября или в первой половине октября нанести более решительное поражение германской армии? Мог ли он если не окружить с помощью маневра, то посредством организации соответствующего удара выйти во фланг и тыл укрепленных позиций противника? Мог ли он даже при наличии крепкого сопротивления со стороны противника добиться

более быстрых темпов продвижения вперед, чем те 1,5—2 км в сутки, о которых мы говорили выше?

Наконец, мог ли Фош достигнуть такого положения, когда во вторую половину 1918 г. позиционная война переросла бы в войну маневренную?

Имея в виду, что первая часть (срезывание людендорфовских мешков) наступательного плана кампании 1918 г., составленного Фошем, нами уже в достаточной степени подытожена выше, мы коснемся здесь лишь второй его части, а именно плана стратегического развертывания армий Антанты к 25 сентября 1918 г.

Наши замечания будут ограничены следующими положениями.

В о-п е р в ы х, мы считаем, что Фош, приступая к составлению стратегического развертывания союзнических армий на западном фронте, все же не проникся д о к о н ц а основной мыслью, что для него этот театр военных действий является главным и решающим. Ведь Фош к середине сентября довольно точно знал, что германская армия располагает против него 190 дивизиями, в то время как он сам имел всего лишь 200. Превосходство не такое уж значительное. Но могло ли оно быть большим? Полагаем, что могло. Как помнит читатель, Фош требовал от итальянского главкома ген. Диаца перехода в наступление на итальянском фронте одновременно с началом наступления союзников на западном фронте. Но, как известно, итальянцы перешли в наступление не 25 сентября, а 25 октября, т. е. этот вопрос затянулся на целый месяц [1]. Сила итальянского фронта к 25 сентября исчислялась в 57 дивизий, из которых было 3 английских и 2 французских, при 4 750 орудиях. Против этих сил союзников австрийская армия располагала слабыми, истомленными 63 дивизиями, в каждой из которых было максимально 5 батальонов.

Германское командование, беспощадно эксплоатируя везде, где только можно, австрийцев, и здесь на итальянском фронте совершенно австрийцам не помогало.

Австрийцы перешли на рельсы длительной обороны. Об активном наступлении австрийцы не мечтали, так как если к сентябрю мощная германская армия развалилась, то разношерстная и вообще малобоеспособная австрийская армия, не имея помощи от своего «союзника» — Германии, давно уже дышала на ладан. Моральное и боевое состояние ее дивизий было крайне тяжелым, дезертирство с каждым днем все более опустошало боевые ряды, причем из кратковременных отпусков, как правило, не возвращались обратно в строй ни офицеры, ни солдаты. Раздетая и голодная австрийская армия жаждала, как и царская русская армия год тому назад (1917 г.), лишь скорейшего мира.

В этих конкретных условиях борьбы на итальянском фронте к сентябрю 1918 г. был ли смысл оставлять там целых 57 дивизий и настоятельно требовать от них перехода в наступление? Не было ли более целесообразным для союзников перейти на итальянском

[1] Нужно отметить, что после перехода 25 октября в наступление итальянской армии через восемь дней австрийская армия, терпя непрерывные неудачи, совершенно развалилась и капитулировала.

фронте к активной обороне, оставить там минимальное количество сил, а все лучшие силы в составе не менее 30—35 дивизий перебросить на франко-британский фронт?

Мы считаем такое решение, о котором, как правило, забывают упомянуть или даже просто поставить вопрос все без исключения исследователи мировой войны, более рациональным и целесообразным, так как оно значительно увеличило бы численное превосходство союзников к моменту их генерального наступления в конце сентября 1918 г.

В этом отношении и Фош повторил ту же крупную ошибку, что и Людендорф, когда перед решительным наступлением на западном фронте к марту 1918 г. последний оставил на второстепенном восточном (русском) фронте целых 50 дивизий, причем общая политико-стратегическая обстановка, в которой Фош повторил эту ошибку, очень напомнила собой ту конъюнктуру, которая складывалась у Людендорфа в период создания наступательного плана кампании 1918 г.

Как тогда положение Германии было лучше, чем у союзников, вследствие выхода из войны России и Румынии, вследствие провала наступления ген. Нивелля и разгрома итальянской армии на р. Изонцо, так теперь у Фоша положение было более благоприятным благодаря прибытию американской армии в Европу, провалу всех наступлений-прорывов германской армии в период март — июль, вследствие разгрома Болгарии и крайне тяжелого положения Австро-Венгрии и Турции, вследствие полного израсходования экономических ресурсов Германии, население которой буквально голодало, а армия находилась на грани полного развала.

Можно сказать, что Фош повторил ошибку Людендорфа со стратегическим сосредоточением нужных сил для последнего сокрушительного удара в более благоприятной обстановке, чем Людендорф, или, во всяком случае, в обстановке, очень похожей на ту, которая была в германской армии и у ее командования перед генеральным наступлением в марте 1918 г. Эта основная ошибка с выполнением решающего требования — в нужный момент сосредоточивать все и вся для успеха — потянула за собой, как это очень часто бывает, ряд второстепенных, но также очень важных промахов и ошибок оперативно-стратегического характера.

Но замечательно еще то, что в своих научно-исследовательских трудах Фош очень часто и много говорил о том, какие небходимо принимать меры перед решением большой стратегической задачи. Он всегда подчеркивал в своих «Принципах войны» необходимость скрытно сосредоточивать максимум сил и средств к району главного удара.

Как помнит читатель, когда Фош узнал, что Людендорф оставляет огромную силу в 40—50 дивизий на восточном (русском) фронте, а главный удар наносит на западном, он обронил фразу, которая целиком вытекала из его оперативно-стратегических поучений до и во время мировой войны, что «такие решения никогда не были целесообразны, не будут они и спасением для главного германского командования». Когда же он в мае 1918 г. узнал, что

в главном ударе на фронте Аррас, Ля-Фер из 193 дивизий, имевшихся у Людендорфа, последний бросил в атаку всего лишь 65 дивизий, он, как помнит читатель, воскликнул: «Теперь мне понятно, почему германская волна разбилась о берег». А через несколько месяцев Фош буквально повторяет те же ошибки с сосредоточением и развертыванием (итальянский фронт плюс американская армия) перед генеральным наступлением союзных армий. В чем же дело? Почему же так случилось с военным теоретиком французской буржуазии? Ответ может быть лишь один: в силу разрыва между теорией и практикой.

Буржуазия никогда не понимала и не поймет сущности диалектического единства между теорией и практикой.

Во-вторых, безусловно армии Фоша нанесли бы более решительное поражение и имели бы несравненно более реальные результаты, если бы они перед наступлением 25 сентября были более целесообразно оперативно сгруппированы и поделены.

Незачем было задаваться мыслью о воспроизведении «Канн» Ганнибала, когда живая, действительная обстановка настоятельно подсказывала организовать крепкий и хорошо организованный ударный кулак с плотной полосой оперативно-стратегического развертывания на одном из флангов. Таким флангом был именно правый фланг на участке между Нанси и Аргонским лесом. Здесь стояли наиболее слабые силы германских армий: армейская группа ген. Фукса (11 дивизий), 5-я армия ген. Марвица (7 дивизий) и 3-я армия ген. Эйнем (9 дивизий). Нацеливание отсюда мощной ударной группировки, главным образом из французских армий: 1-й — ген. Дебеней (18 дивизий), 10-й — ген. Манжена (19 дивизий), 5-й — ген. Бертелло (16 дивизий) и 4-й — ген. Гуро (26 дивизий), с соответствующим количеством огневых артиллерийских средств в общем направлении на Намюр дало бы куда более решительные результаты. Остается совершенно непонятным решение Фоша оставить здесь для нанесения главного удара малоопытную в управлении и далеко еще по-настоящему не обстрелянную американскую армию. И если американцы не сумели выполнить своей задачи, главным образом благодаря своей оперативной и боевой малоопытности, то они могли бы принести куда больше пользы на второстепенном направлении, скажем, в центре стратегического фронта союзников или на их левом фланге.

80 же французских дивизий из армейской группы ген. Файоля и ген. Мэстра против 27 германских могли бы более удачно выполнить удар с юга на север, в направлении Намюра, во фланг и обход укрепленных позиций германцев.

Все это, конечно, не исключает, а, напротив, еще более подчеркивает необходимость вспомогательного удара со стороны армий Хэга и Альберта.

Перегруппировка этих армий на новое направление, при наличии 170 тысяч автомобилей и прекрасно работающего железнодорожного транспорта, для союзников не представляла большого труда; кроме того, лишь 1-я армия Дебенея была несколько более удалена от района сосредоточения; но если Фош имел возможность за двое

суток рокировать 6-ю французскую армию с р. Эн на крайний левый фланг к побережью, если союзники в 1917 г. в 2—3 дня могли перебросить автомобилями с западного фронта 11 дивизий на итальянский фронт, то же самое, с неменьшим успехом, можно было сделать и с 1-й французской армией, рокировка которой была почти вдвое меньшей по расстоянию, чем для 6-й армии Дегута, также и с 30—35 итальянскими дивизиями.

В-третьих, Фош очень хорошо учел ошибку Людендорфа в отношении разновременности его «тяжеловесных ударов», а поэтому эффект от одновременных ударов Фоша с фронта американцев (26 сентября) и Хэга—Альберта (27 и 28 сентября) был бы более значительным и решительным. Противник растерялся бы, он не знал бы, куда направить свои резервы, так как весь стратегический фронт трещал бы и лопался то там, то здесь. Но этот эффект был бы еще более реальным и конкретным, если бы за прорывом последовал глубокий мощный удар превосходных сил и средств. 80 дивизий против 27 имели полную возможность эту задачу глубокого удара осуществить, а при наличии новых 30 дивизий, своевременно переброшенных с итальянского фронта, давали бы в руки Фоша большую свободу вести стремительное наступление с широким маневрированием резервами из глубины.

Наконец, в-четвертых, при таком методе стратегического развертывания представлялись большие возможности вести более энергичное и быстрое по темпу продвижение в глубь расположения противника, представлялись большие возможности к перерастанию войны позиционной в войну маневренную.

Армии Фоша имели и превосходство сил и средств, и внезапность удара к 26 сентября, но ни то, ни другое не принесло всего того, чего так страстно желал автор плана генерального наступления союзнических армий.

Ряд ошибок, допущенных в сентябре 1918 г. с сосредоточением и развертыванием сил и средств, уже было трудно исправить в процессе наступления на протяжении октября—ноября. В силу этого и получилось не стремительное наступление, а тягучая, длительная оккупация занятой противником территории, в среднем по 1—1,5 км в сутки.

И здесь нам хотелось бы особо подчеркнуть, что сопротивление германцев было упорное не только потому, что они страстно желали сражаться, но главным образом потому, что они ни разу, начиная с 25 сентября, не получили мощного и всепотрясающего, смертельного удара. Они медленно отходили еще потому, что союзники были недостаточно сильны на основных направлениях, чтобы быстрее их гнать перед собой.

Наконец, германцы производили основательные разрушения потому, что у них было для этого достаточно времени. А все это повело за собой провал широкой и смелой стратегической идеи Фоша, красная нить которой, как мы видели выше, заключалась в том, чтобы покончить с германской армией посредством ее окружения.

Фош в основных и важнейших вопросах стратегического развертывания последовал по пути Людендорфа.

Если первого погубило полное игнорирование и непонимание политического стержня в его стратегических решениях и односторонний упор на военно-техническую сторону, которая, по его мнению, на войне решает все, то второго, более дипломатичного, несравненно более разбирающегося в вопросах политики своего класса, в решительный момент спутала, заторопила политическая интрига более опытных, прожженных политиканов империалистической буржуазии — всех этих Ллойд-Джорджей и Клемансо. Фош не допускал мысли без решительного военного удара притти к мирному договору с Германией.

Отсрочка наступления союзнических армий до весны 1919 г., которую выдвигал Ллойд-Джордж при всемерной поддержке Клемансо, становилась в резкое противоречие со стратегической линией поведения Фоша; он сорвался, заторопился в политике и допустил ряд военно-стратегических ошибок, которые бесславно похоронили его энергичный план охвата германской армии.

Грандиозный стратегический план наступления, составленный лично Фошем, в первой своей части (июль—август) удался Фошу целиком и блестяще. Во второй же части этот план вылился на практике в довольно ординарное произведение. И сколько бы ни старались военные и политические писатели и ученые Антанты пост-фактум изобразить сентябрьско-октябрьское наступление Фоша как «величайшее наступление при особо выдающемся стратегическом искусстве Фоша», этому, конечно, никто не поверит. Верят больше тому французскому генералу, который говорил следующую правду о характере этого последнего оперативно-стратегического руководства Фоша в сентябре—октябре 1918 г.:

«Я не даю никаких инструкций. Моя роль только административная. Ведение операций принадлежит командирам батальонов. Я намечаю им цели, а они заботятся о том, чтобы достичь их».

Французский генерал был прав, так как при продвижении вперед по 2 км в сутки и без перспектив к какому-либо его увеличению заниматься большими оперативно-стратегическими проблемами и их решениями явно неуместно.

Командир батальона и роты оказался полным хозяином театра военных действий. Это оказалось так же верно, как верна народная мудрость, что когда «большой не правит, малый сбивается с пути». И если бы мы во всех деталях анализировали и проследили процесс длительной оккупации территории от позиций Вотана, Зигфрида до позиций Антверпен, Маас, то воочию убедились бы, что высший генералитет союзного командования за весь октябрь больше занимался фиксацией новых километров, чем твердо управлял. В силу этого дивизии расползлись на отдельные батальоны, а командиры последних были предоставлены самим себе, полету своего свободного творчества. Все это благополучно сошло, потому что к началу ноября германская армия окончательно развалилась, а сама Германия была в огне ноябрьской революции.

9 ноября 1918 г. Фош потребовал от Германии немедленного очищения Эльзас-Лотарингии и всех смежных с ней областей и отхода

германских войск за Рейн, кроме того, выдачи 5 000 тяжелых и легких орудий, 25 000 пулеметов, 1 700 аэропланов, 5 000 автомобилей, 5 000 паровозов и 150 000 вагонов, всех имеющихся подводных лодок, 8 легких крейсеров, 10 дредноутов, 6 крейсеров, 50 истребителей, возвращения всех пленных (в то время как германские военнопленные должны были пока оставаться в плену), а также выдачи золота, полученного от России и захваченного в Бельгии. Далее он указал, что блокада будет продолжаться до момента составления детального мирного договора. 11 ноября Германия подписала эти условия, выработанные лично Фошем.

Глава XVIII

ОПЕРАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО ФОША И ЛЮДЕНДОРФА

Фош и Людендорф являются теми полководцами мировой войны 1914—1918 гг., которым пришлось управлять величайшими по численности армиями с гигантской техникой истребления, впервые до 1918 г. наблюдаемой в военной истории. Кроме того, Фош показал себя полководцем современной коалиционной стратегии, когда ему нужно было управлять огромными разнохарактерными и разнонациональными армиями на высшей ступени развития военного дела в эпоху мировой империалистической войны 1914—1918 гг. 19 союзническими армиями управлял Фош, 13 армий было у Людендорфа. Это обстоятельство заставляет нас с особым вниманием присмотреться к работе этих личностей, которых выдвинули капитализм и класс буржуазии.

В предыдущей главе нами на конкретных военно-исторических примерах показано оперативно-стратегическое руководство Фоша и Людендорфа. Здесь же нам остается еще подчеркнуть ряд основных моментов, вытекающих как из их полководческой практики, так и из тех теоретических поучений, которые дают эти два военных деятеля буржуазии.

Если Фош, как крупный военный деятель и писатель французской армии, был известен задолго до августа 1914 г., то Людендорф стал известен широким кругам современного общества лишь в годы мировой империалистической войны.

Если Фош являлся не только крупным полководцем, но и военным теоретиком и ученым Франции, то Людендорф до мировой войны был лишь ординарным офицером германского генерального штаба, сотрудником Шлиффена по оперативной работе.

Если через руки Фоша уже до войны прошли сотни и сотни офицеров французского генерального штаба, слушавших его лекции по стратегии и военной истории в высшей военной школе (военная академия), то Людендорф был в это время лишь практиком-оператором германского генерального штаба, который с огромным вниманием, как и известный генерал Куль, прислушивался к мыслям

своего учителя Шлиффена, вдумчиво анализируя его поучения и ту практическую работу, которую вел Шлиффен в качестве начальника германского генерального штаба.

Как видим, Фош и Людендорф, пройдя до 1914 г. довольно различный характер подготовки, ходом исторических событий в финальный год мировой войны встретились лицом к лицу для того, чтобы с помощью кровавого соревнования гигантских армий Европы решить вопрос, какой из империалистических коалиций быть победительницей.

Из предыдущей главы мы видели, что победителями оказались армии Антанты под руководством Фердинанда Фоша, побежденными — армии Четверного союза, фактическим руководителем и вдохновителем которых был сравнительно молодой [1], энергичный Эрих Людендорф.

И Фош и Людендорф до 1918 г. принимали активное участие в самых ответственных кампаниях мировой войны.

Фош показал себя сперва опытным командиром 20-го армейского корпуса в августовские дни большого пограничного сражения во Франции, а затем искусным полководцем в сражении на Марне, командуя 9-й французской армией. После сравнительных неудач в конце 1915 г. в районе Аррас и в 1916 г. на Сомме, он был спасителем итальянской армии от полного разгрома в 1917 г.

Людендорф в августе 1914 г. за активную деятельность в операции под Льежем был увенчан славой первого победителя над бельгийской армией; в этом же году он разделил вместе с Гинденбургом победы в Восточной Пруссии, оставшись с этого момента его ближайшим сотрудником и заместителем до конца мировой войны.

В 1918 г. Людендорф был не только создателем плана наступательной кампании против армий Антанты, но и фактическим руководителем при проведении этого плана в жизнь.

В этот год Гинденбург, окончательно подпав под влияние своего заместителя, был в роли пассивного наблюдателя тех исторических событий, которые развернулись на всех фронтах мировой войны в 1918 г. И на этот раз никогда не блиставший особыми полководческими талантами Гинденбург выиграл очень многое. Он прочно сохранил за собой не в меру раздутую дворянско-юнкерскими кругами славу победителя в Восточной Пруссии, а Людендорфу предоставил право уйти в историю с фактом полного провала его наступательного плана кампании 1918 г.

70-летний старец [2] в данном случае сманеврировал с ловкостью юноши, сохранив до конца искусственно созданный ему авторитет крупного полководца мировой войны. Остальное необходимое было доработано германскими капиталистическими кругами, которые в 1925 г. выдвинули его на пост президента Германской республики.

---

[1] Фош родился в 1851 г., Людендорф в 1865 г., т. е. был на 14 лет моложе первого.

[2] Гинденбург родился в 1847 г.

Фош говорил, что на протяжении всей своей жизни и военной карьеры он руководствовался тремя основными принципами: во-первых, горячей любовью к отечеству (иными словами, полной преданностью тому буржуазному классу, из которого он вышел); во-вторых, принципом «я знаю, чего я хочу», но это «хочу» требовало всегда не только выработки большой воли, но и наличия конкретных знаний, для овладения которыми была потрачена вся жизнь; в-третьих, когда его точка зрения расходилась по какому-либо вопросу с мнением его начальника, он все же добивался, чтобы ее приняли. Но как только он узнавал, что она была отвергнута, беспрекословно прилагал все свои усилия и знания, чтобы целесообразнее выполнить распоряжения своего начальника.

Сущность управления войсками будет понятна тем, кто осознал, что для того, чтобы хорошо командовать, нужно прежде всего уметь повиноваться.

Мы тщательно проверили эти три положения Фоша на опыте его жизненной и творческой работы и убедились в том, что эти три условия он действительно ревностно осуществлял, так как они проходят красной нитью через всю его военно-политическую деятельность, если не считать особого упорства, которое проявил Фош по отношению к политикам Антанты во время выработки условий Версальского договора.

Как Мольтке-старший и Шлиффен, Фош за свою жизнь написал сравнительно небольшое количество военно-научных работ. До мировой войны он издал два довольно больших по объему труда: 1) «О принципах войны», 343 страницы, с 25 схемами и 2) «О ведении войны. Маневр для боя», 495 страниц, с 18 схемами. Эти два труда потребовали от Фоша нескольких лет напряженной военно-научной работы. Кроме того, им был составлен небольшой военно-исторический этюд «Сражение под Лаоном в марте 1814 г.», 35 стр., с 1 схемой.

Мы считаем необходимым коротко рассмотреть оперативно-стратегические поучения, которые сложились у Фоша перед мировой войной и которые он через свои лекции в военной академии передавал широким кругам командного состава французской армии.

Мольтке-старший, Шлиффен и Фош всегда широко использовали в своих научно-теоретических работах, в своих стратегических и оперативно-тактических поучениях факты, цифры и события из военной истории; они делали это в первую очередь потому, что считали невозможным конкретно говорить и писать о военных проблемах без соответствующего анализа обширных сведений из войн и кампаний прошлого и без учета того развития военного дела, которое было при их жизни.

Без наличия этих военно-исторических фактов и сведений все изложение по военным проблемам обратилось бы в бессодержательную, беспредметную болтовню, в поверхностные общие места.

Фош к концу мировой войны 8 месяцев управлял, если взять только западно-европейский театр военных действий, армиями пяти основных государств Антанты (французской, британской, американ-

ской, бельгийской и итальянской), которые включали в себя: 272 дивизии[1], 27 000 легких и тяжелых орудий, 8 000 боевых самолетов, 2 500 танков при 200 000 автомобилях с общим количеством более 5 000 000 бойцов.

Умение управлять такими огромными живыми силами и гигантской боевой техникой могло быть лишь у того, кто овладел соответствующим запасом разнообразных знаний и постепенно приобрел опыт в командовании, начиная с небольших войсковых единиц и кончая многомиллионной армией.

Совершенно естественно и закономерно, что командир 20-го армейского корпуса Фош не сумел бы в августе 1914 г. справиться с указанной выше многомиллионной массой бойцов и огромной боевой техникой, так как у него не оказалось бы для этого достаточного опыта в управлении и командовании этими силами и средствами[2].

Для искусства управления одних теоретических знаний еще далеко не достаточно, так как необходимо наличие практического опыта, который получается от непосредственного командования войсками. В этом отношении особенно верна прекрасная мысль, высказанная К. Е. Ворошиловым:

«мы имеем большевистский, обученный своей специальности личный состав. Я не скажу, что он обучен уже так, как мы этого хотим, как нам нужно, — это было бы хвастовством. Все мы еще мало обучены. Но и самые архиученые из нас должны непрерывно и упорно работать над собой, иначе завтра они отстанут. И не только теоретически работать в кабинете над книгой, но не терять связи с живой практикой, живым делом. Наша работа, работа военных людей — вещь своеобразная. Меньше, чем какой бы то ни было другой специалист, мы можем быть отвлеченными от жизни людьми. Мы должны непрерывно сочетать нашу науку с прямым, живым делом»[3].

В своих научно-теоретических работах Фош главное внимание уделил разбору кампаний и операций Наполеона и Мольтке-старшего, причем и того и другого он весьма резко-критически разбирал. Свою научно-исследовательскую деятельность он начал с анализа неудачной операции Наполеона в районе Лаона в 1814 г. Он очень резко критикует «бога войны», свой идеал — Наполеона, которому поклонялся всю жизнь.

Но если в критике Наполеона чувствуется горечь и сожаление, то в критике Мольтке-старшего — злоба и неприкрытое желание осуществить реванш, с тем чтобы восстановить тот политический и военный престиж, который был временно потерян капиталистической Францией вместе с Эльзас-Лотарингией.

Мы считаем, что последнее обстоятельство сыграло прямо-таки

---

[1] Из этого общего числа дивизий кавалерийских было всего лишь 14.

[2] В августе 1914 г. хотя и развернулись огромные массовые армии, но они не имели еще той гигантской боевой техники, которая получила свое развитие в 1918 г.

[3] К. Ворошилов, 15 лет Красной Армии, Статьи и речи, Партиздат ЦК ВКП(б), 1936, стр. 577—578.

«роковую» роль для Фоша. Он с исключительным вниманием изучил всю документальную и литературную сторону вопроса, касающегося кампаний, проведенных Мольтке в 1866 и 1870 гг., и особенно в части войны 1870—1871 гг. Никто из военных деятелей Франции не знал так глубоко и во всех подробностях эту последнюю войну, в которой потерпела поражение французская армия, как это знал Фош. И несмотря на все это, вывод на будущее он сделал совершенно неправильный.

Эльзас-Лотарингская провинция настолько сильно приковала к себе творческое внимание Фоша, что в своем основном труде «Ведение войны» (где он с исключительными подробностями шаг за шагом, день за днем разбирает эту кампанию, безжалостно критикуя как германское, так и французское командование) в выводах на будущее он совершенно забыл о всем театре военных действий.

Фош привлекает все внимание читателя именно к этой, — правда, очень богатой и важной, но небольшой, — провинции и негласно требует от французского генерального штаба в случае войны сосредоточить сюда как можно больше сил, чтобы вернуть ее обратно Франции.

Чрезмерное сосредоточение внимания Фоша на одно направление ослабило другие, и не менее, а, скорее, в оперативно-стратегическом отношении более важные. Бельгийская территория и северная граница Франции как бы исчезают из поля зрения Фоша. Он считает, что если уже говорить о желании германцев обойти с фланга укрепленный пояс де-Ривьера (Верден, Туль, Эпиналь, Бельфор), то это может случиться лишь с юга через Швейцарию, а никак не через Бельгию. Статья Шлиффена «Будущая война», о содержании которой мы говорили выше (см. главу VI), а также целый ряд высказываний по этому вопросу политических и военных деятелей до августа 1914 г. прошли мимо Фоша. В этом отношении его ошибка была очень значительной, так как она была довольно тесно связана с планом войны № 17.

Итог полководческой деятельности Наполеона Фошем был подведен в его первом труде «Сражение под Лаоном в 1814 г.». В нем Фош писал:

«Как бы то ни было, Наполеон потерпел решительное поражение. И вовсе не потому, что он выказал менее гениальности, чем это ему свойственно. Ему нехватило всего: оружия, людей, генералов. В своем ненасытном честолюбии он растратил средства страны в гигантских авантюрах. Своим колоссальным эгоизмом и абсолютизмом он истощил народные источники, удушая всякую активность и порыв. В нем завоеватель убил правителя. Развив свои исключительные способности, он свел на-нет свои административные способности и совершенно не сумел подготовить могущество государства для того дня, когда фортуна покинет его оружие».

Так смело критиковал и рассуждал один из самых ревностных и последовательных бонапартистов. Фош не получил соответствующего «указания» от начальства «за смелость» выводов, так как каждый понимал, что это говорилось не для подрыва престижа Наполеона, а для еще большего укрепления положения того господству-

ющего класса буржуазии, верным представителем и сыном которого был дипломированный французским генеральным штабом подполковник артиллерии Фош.

Красная нить двух основных военно-научных работ Фоша «О принципах войны» и «Ведение войны» — это на основе опыта кампаний Наполеона и Мольтке-старшего доказать, что «победа принадлежит армиям маневренным», что «маневренные наступательные операции, в конце концов, преодолеют всяческое сопротивление», что «пассивная оборона не может избежать поражения».

Будет неправильным думать, что Фош в своем труде «О принципах войны» пытается установить «вечные и неизменные принципы», благодаря усвоению и пониманию которых можно свободно достигнуть победы на современных полях сражений.

На самом деле Фош против схемы, рецептуры и «вечных, неизменных» правил. Но подчас он сбивается с этого пути, впадает в эклектизм, идеализирует ряд принципов, особенно те, которые выдвинул Наполеон, готов их признать если не вечными, то очень и очень длительными во времени. Все же в основном он приветствует постановку вопроса известным германским историком-стратегом Верди-дю-Вернуа, когда последний, прибыв на поле сражения у Находа в войну 1866 г., воскликнул:

«К чорту историю и принципы! Прежде всего, в чем тут дело?»

Фош говорит, что в этой фразе чувствуется у человека твердая привычка изучать вопрос, а затем уже действовать по обстановке, в связи с конкретным развитием событий.

«Верди-дю-Вернуа,— говорит Фош,— послал к чорту историю и принципы, но использовал свои познания, ибо, если бы он не владел предметом и не имел бы твердо усвоенной привычки мыслить, обсуждать и решать, он не нашел бы выхода из трудного положения».

Самое жалкое впечатление будет производить на окружающих тот военачальник, который воспитал себя на схемах, рецептах и «вечных» принципах: он будет хвататься за голову, искать в памяти примеры или указания, могущие подсказать, как поступить в данном случае, но, увы, ничто его не вдохновит, он останется бездеятельным и бесплодным, — заключает Фош. «Военное искусство — не забава, война — не дело дилетантизма, спорта. Войну не ведут без причины и цели, что возможно на охоте или теннисе, где можно по желанию прекратить или продолжать игру, посвятить ей много или мало времени. На войне все между собой сцепляется, взаимно проникает, повелевает, там не то, чего каждому хотелось бы. Каждая операция имеет свой внутренний смысл, т. е. объект. Раз избранный, он определяет качество и количество необходимых средств, требует применения известных сил. В каждом случае объект дает ответ на знаменательный вопрос, который поставил себе Верди-дю-Вернуа, прибыв на поле сражения у Находа» [1].

[1] Фош, О принципах войны, стр. 17.

Как видим, Фош неплохо ставит вопрос о сущности военного искусства, он против «вечных и неизменных принципов», но это не значит, что он за беспринципность. Далее он говорит:

«Военному искусству, как и всякому другому искусству, присуща своя теория, свои принципы, иначе оно не было бы искусством. Но изучение принципов не ставит себе целью платоническое достижение учености, загромождающей ум новыми незыблемыми истинами. «Война прежде всего, — говорит Наполеон, — искусство простое, и все дело заключается в выполнении. Ни к чему не ведет знание принципов без умения их прилагать на войне».

Этот, казалось бы, трезвый взгляд на значение теории и на преимущества фактов и практики перед теорией является вполне научным и принципиально новым для буржуазного военного теоретика. Однако на деле Фош просто пересказывает здесь мысли Клаузевица и вкладывает в понимание практики целиком идеалистическое содержание. Поэтому правильного, научного разрешения вопроса об отношении теории и практики Фош не дает, да и не может, естественно, дать. Пересказывая мысли идеалистов Гегеля — Клаузевица по этому вопросу, он, как всякий добропорядочный буржуа, в своей практической деятельности отрывает теорию от практики, слово от дела. Ведь так и получилось с Фошем в ряде проведенных им операций, и особенно в сентябре 1918 г.

Буржуазным ученым не дано понять, что «...Конечно, теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно так же, как и практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией» [1].

Как видим, марксизм и ленинизм разрешают этот вопрос не формально-логически, а с точки зрения материалистической диалектики.

В то время как Фош и прочие буржуазные ученые ставят практику на первом месте или же теорию обязательно на первом месте, т. е. разрешают вопрос так, что практика и теория отрываются друг от друга, в это время марксизм говорит о взаимопроникновении теории и практики. Человек, который убедил себя в том, что факт имеет преимущество перед идеей, действие — перед словом, выполнение — перед теорией, тем самым открыл себе широкий путь к такому творчеству, где в действительной жизни слово — одно, дело — другое.

На протяжении очень долгих лет Фош проповедывал о том, что для хорошего управления операцией необходим «синтез: подготовка, масса, импульс», — иными словами, во время подготовки нужно иметь гибкий план действий, из которого было бы видно, что цель и задачи войскам с приданной им техникой тщательно продуманы, что этот план так сосредоточивает массы, что главные силы находятся на важнейшем направлении к цели, что эти массы увеличены импульсом, т. е. они будут брошены компактным ударом на важнейший объект действий и пр.

Такова была теория у Фоша в его основных трудах. А что у него получилось на практике, когда он, стоя во главе союз-

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 13.

ных армий, подготавливал сокрушительный удар германской армии 25 сентября 1918 г.? Подготовка, масса, импульс имели место, но они так были «синтезированы» Фошем, что получился полный отрыв от той теории, которую он так страстно защищал и пропагандировал в своих научных трудах и с кафедры в высшей военной школе (академии).

Предыдущие главы настоящей работы говорят, как это случилось, и будет весьма примитивным думать, что теоретизировать, говорить и писать легче, чем действовать на практике, т. е. на поле боя, в сражении, на войне. Конечно, неправильно думать, что у Фоша слова и дела всегда расходились в искусстве его командования. Если бы это было так, то, по всей вероятности, он не был бы в конце концов верховным военным вождем армий Антанты, ибо в тех конкретных условиях на эту роль претендовали многие, а выбор пал лишь на одного, и им оказался Фош.

В полководческой практике Фоша есть не мало операций, где он действовал целесообразно и более или менее удачно сочетая военно-теоретические обобщения с практическим действием. Но к моменту самой решительной и последней схватки обеих воюющих коалиций 25 сентября 1918 г. у Фоша получился не только полный разнобой между его теорией и его практикой, но он повторил буквально все ошибки Людендорфа в первой половине 1918 г., которые Фош так тщательно изучил и так жестоко перед своим генеральным контрнаступлением критиковал. Это случилось прежде всего потому, что Фош был буржуазным военным идеологом и политиком, целиком связанным с положением своего класса, утратившего истинное и всестороннее понимание законов развития действительности, а еще и потому, что к решению задачи у Фоша не оказалось тщательной и всесторонней подготовки. Там же, где она была, были и другие результаты.

И то обстоятельство, что все благоприятные данные были к 25 сентября именно на стороне Антанты, только и объясняет успех союзных армий, во главе которых стоял Фош.

Существует версия, что «в январе 1915 г. Фош обратился к офицерам своего штаба с просьбой забыть все, чему он учил и чему у него учились».

Мы считаем, что Фош, конечно, не мог сказать, чтобы «забыли все», не мог заявить подобной вещи, во-первых, потому, что он строил свои труды на конкретных исторических материалах и с учетом той действительности, которая в то время его окружала, во-вторых, его военно-научная концепция в целом вовсе не опрокинута во всех ее звеньях, как это думает редакция «Стратегии в трудах военных классиков». В-третьих, когда 1 сентября 1918 г. Фош, будучи союзным главкомом, писал новое предисловие к своему труду «О принципах войны», из содержания этого предисловия не видно, чтобы он предлагал читателям «забыть все», что им было написано до 1914 г.

Конечно, надо иметь в виду, что труды Фоша, как и доктрина французской армии, нашедшая свое прямое отражение в уставах, наставлениях, инструкциях до 1914 г., в определенной степени

разошлись с опытом первых месяцев войны, но это опять же не значит, что угловатая постановка вопроса «все никуда не годится» восторжествовала. Не так все это просто делается, как подчас кажется.

И если бы Фош открыто сделал подобное заявление в январе 1915 г. в части отдельных, проверенных опытом ошибок, допущенных до 1914 г., то это только показывало бы, что он обладал живым творческим умом, а не был ученым, замерзшим на заранее заученных теориях.

Первая крупная теоретическая ошибка Фоша, заключавшаяся в полном игнорировании им бельгийского театра военных действий, конечно, исходила не из предположения, как это пытаются объяснить некоторые французские военные исследователи мировой войны во главе с французским историком генералом Пала, что бельгийский нейтралитет Германия не нарушит, что она не решится на этот шаг.

Так отвлеченно-платонически до мировой войны не думал ни один более или менее серьезный политический и военный деятель. Сами бельгийцы устами своих министров еще в 1906—1908 гг. и позже открыто заявляли, что нейтралитет Бельгии для Германии «не более как клочок бумаги», который она не задумываясь порвет, когда ей будет нужно это сделать.

Стратегическая ошибка Фоша относительно Бельгии и его твердое указание в труде «Ведение войны», что для Франции главным театром военных действий будет Эльзас-Лотарингия, были тесно переплетены и связаны с той политической атмосферой, в которой работал Фош. На этом мы считаем необходимым коротко остановиться.

Победа национал-шовинистической буржуазии под руководством Бисмарка и Мольтке-старшего над Францией в 1870—1871 гг., захват Эльзас-Лотарингии, беспощадная расправа Тьера, Галифе, Буланже с Парижской коммуной, объединение «железом и кровью» Германской империи, начинавшийся бурный расцвет германской капиталистической промышленности открыли германскому империализму широкие пути к мировому могуществу.

Мы видели, что все это не могло пройти мимо начальника германского генерального штаба Шлиффена. Все его научно-теоретические труды и оперативно-стратегические варианты по планам войны брали жизненные соки именно из высоко поднявшего голову германского империализма, заставляя Шлиффена во всей своей работе фактического руководителя вооруженных сил Германии итти нога в ногу с германским империализмом.

Но после поражения в войне 1870 — 1871 гг. буржуазно-капиталистическая Франция нашла в себе новые силы для залечивания тех ран, которые нанес ей тяжелый Франкфуртский мирный договор, согласно которому Французская республика отдала свою богатейшую провинцию — Эльзас-Лотарингию и в три года выплатила 5 млрд. франков золотом.

Период 1880—1890 гг. является как бы переломным не только в строительстве французских вооруженных сил (переход от пятилетнего срока действительной службы к трехлетнему, перевооружение армии винтовкой Лебеля, оснащение пулеметами и пр.,

крупнейшие укрепления на восточной границе), но и во всей политико-экономической жизни Франции, уже вошедшей в тесный военно-политический союз с царской Россией. И в тот момент, когда Мольтке-старший, защищая новый военный бюджет (см. главу VI), говорил в рейхстаге, что «война, которая уже свыше десяти лет висит над нашими головами, как дамоклов меч, если эта война вспыхнет, то никто не сможет предугадать ее продолжительность и ее конец, в борьбу друг с другом вступят величайшие европейские державы, вооруженные как никогда»,— в то время во всей Франции господствовала политика буланжизма.

Поступательное движение германского империализма вперед за мировое владычество, несмотря на недавно окончившуюся франко-германскую войну 1870 г., уже в 80-х—90-х годах опять нашло в лице буланжистской Франции ярого врага и реальное серьезное препятствие. Мы уже не говорим, что английский империализм, с опаской поглядывая на могущественного германского конкурента, со своей стороны всемерно усиливал это препятствие. И если у бывшего военного министра Франции ген. Буланже, известного душителя Парижской коммуны, нехватило воли и энергии стать военным диктатором Франции, чего открыто требовали бонапартистские буржуазные партии, и он неожиданно для всех своих ставленников выстрелом прикончил свою бурную авантюристическую жизнь, — то это вовсе не значило, что с его смертью в 1891 г. сразу же исчез буланжизм. Напротив, последний нашел в последующие годы свое дальнейшее развитие во французских милитаристических кругах, и в первую очередь во французском генеральном штабе.

«Генерал-реванш» Буланже, как его величали национал-шовинистические и промышленные партии Франции, и после своей физической смерти продолжал делать политику Франции вплоть до августа 1914 г. Буланжистская партия не только выдвинула Фоша на пост начальника высшей военной школы (военная академия) и провела Жоффра в начальники французского генерального штаба, но одновременно скомпрометировала план войны ген. Виктор-Мишеля и убрала его в отставку.

Буланжистский генеральный штаб Франции был до конца верен своему учителю и вдохновителю «генерал-реваншу» Буланже, красной нитью деятельности которого была проповедь самой активной внешней политики Франции, обратного отторжения Эльзас-Лотарингии и создания такой армии, которая бы могла быстро и энергично осуществить этот наступательный план.

Буланжистская партия не только вдохновила Фоша, автора труда «Ведение войны», центр тяжести своего анализа в этой книге перенести в Эльзас-Лотарингию, как на главный театр военных действий для французской армии (см. главы VIII и IX), но она же требовала, в противовес плану политики Жореса и стратегическому плану ген. Виктор-Мишеля (ратовавшего за широкое развитие резервных формирований), создания могущественной перволинейной

армии, которая и должна была осуществить победоносный реванш над Германией.

Фош, Кастельно, Жоффр, Бюат, эти вожди французского генерального штаба, просто не хотели верить в возможность германского наступления через Бельгию. Купленный французским генеральным штабом (о чем откровенно говорит ген. Дюпон)[1] огромной военной ценности материал полевой поездки лета 1905 г., проведенной под руководством Шлиффена (см. главу I), не принес Франции фактически никакой пользы. Вышеуказанные деятели французского генерального штаба считали, что тех перволинейных 20 корпусов, которые выставит с началом войны Германия, ей едва только хватит для активной борьбы на восточной границе Франции (о резервных формированиях по реформе 1888 г., в силу которой германская армия делалась массовой и могла выставить неизмеримо большие силы, чем предполагали Жоффр, Фош, Бюат и др., мало кто думал во Франции, кроме убранного в отставку ген. Виктор-Мишеля).

Они очень мало внимания обращали на открытые высказывания как в Германии, так в Бельгии и во Франции, что германцы пойдут на Париж именно через бельгийскую территорию, так как итти прямо на укрепленный пояс де-Ривьера не решатся.

Мало того, и Фош, и Жоффр, открыв дверь для широкой пропаганды в армии ультранаступательных теорий полковника Гранмезона, считали, что прежде чем германские войска доберутся до меридиана Брюсселя, судьба Эльзас-Лотарингии будет уже решена, а последнее обстоятельство заставит германцев бросить бесцельную прогулку по бельгийской территории и перебросить отсюда силы на левый фланг, т. е. на эльзас-лотарингский театр военных действий.

Но когда германцы будут это делать, они столкнутся с фактом наступления французской армии не только в Эльзас-Лотарингии, но и севернее Меца. И тогда вконец задерганная германская армия должна будет серьезно задуматься над вопросом возможности и смысла дальнейшей борьбы.

Как видим, этот план «реванша» был полным антиподом плану ген. Виктор-Мишеля, ратовавшего в противовес Жоффру за массовое создание резервных и территориальных частей, которые были французским генеральным штабом в период 1912—1914 гг. доведены до минимальных размеров.

И не случайно, а вполне закономерно, исходя из политической линии поведения буланжистской партии, что в августе 1914 г. 14 призывных возрастов французским генеральным штабом были использованы не полностью; да и мудрено их было использовать, поскольку резервные и территориальные формирования находились в примитивном состоянии. Но, как известно, этот недостаток у союзников в живой силе на французском фронте был восполнен за счет восточно-прусской и лодзинской катастроф царской армии, которая своим многотысячным «пушечным мясом» выплачивала

[1] Дюпон, Высшее германское командование, стр. 18.

займы, выданные в свое время французскими капиталистами-биржевиками, и те обязательства, которые вытекали из франко-русской военно-политической конвенции, о которой мы говорили в главе X.

Таким образом, ошибка с Бельгией у Фоша, Кастельно, Жоффра, Бюата и др. имеет более глубокие политические корни, а не является чисто военно-техническим промахом, как это думают до сих пор военные специалисты буржуазии.

Если Фош в своих «Принципах войны» говорил, что «пассивная оборона не может избежать поражения», то этого было уже достаточно, чтобы Гранмезон в своих военно-теоретических откровениях возвестил всей французской армии, что «дух наступления неделим», что «наступление является единственным способом действий для французов», что «пусть будет проклята та бездарность, которая будет рекомендовать оборонительный способ действий».

И мы видим, что все уставные руководства французской армии были пропитаны бурно-наступательными тенденциями, в то время как вопросам обороны уделялись самые поверхностные и общие места, без всякого желания детализировать этот не менее важный, чем наступление, раздел в уставном законодательстве.

Французские уставы и наставления 1913 г. пропитаны основной мыслью: «Оборона ведет к верному поражению; ее нужно совершенно отбросить», ибо «только наступление ведет к положительным результатам: беря в свои руки инициативу, оно создает обстановку, вместо того чтобы ей пассивно подчиняться».

Эта однобокая постановка вопроса привела к тому, что во всех оборонительных операциях и боях августа и сентября 1914 г. французской армии пришлось переучиваться ценою огромных потерь.

Хотя Гранмезон, всемерно до войны поддерживаемый Жоффром, и погиб в одном из хаотических наступлений в 1914 г., но его идеи еще долго оставались во французской армии.

Гранмезон со своей бурно-наступательной теорией оказал неоценимые услуги германской армии, идейно обезоружив французскую армию, которая воспитывалась на этой однобокой, односторонней наступательной доктрине.

Мы видели, что германские уставы и наставления 1913 г. также были пропитаны, главным образом, наступательными тенденциями, исходившими, как и у французов, из мысли быстротечности (максимум год) войны.

Но германцы все же уделяли значительное место и вопросам обороны; во всяком случае, в германской армии, воспитанной на основных военно-теоретических поучениях Мольтке-старшего и Шлиффена, не могло быть такого положения, о котором пишет французский военный писатель Люка, следующим образом характеризующий подготовку французской армии в период 1912—1914 гг.

«Во всякого рода управлениях, — пишет он, — в маневрах и занятиях на карте рассматривались только вопросы наступления и атаки, рассматривались случаи остановок

лишь только потому, что нельзя двигаться непрерывно днем и ночью; но и в таком случае изучали лишь вопросы сторожевого охранения. Иногда касались столь деликатных вопросов, которые связаны с отступлением, но нужно признаться откровенно, слово «оборона» звучало в наших ушах столь дурно, что не смели ее сделать предметом упражнения на планах, а еще менее на местности.

Теория наступательных действий дошла в корпусе наших офицеров до состояния болезненности: наступление всегда и всюду до последней крайности, оно должно быть нашим спасением во всех случаях».

К чему же могла привести такая постановка обучения армии в мирное время? Дадим слово опять тому же Люка, которому пришлось лично наблюдать результаты такой учебы на полях сражений.

«Вследствие этого, — говорит Люка, — не обращали должного внимания на действительность современного огня, применяли слишком густые построения, пренебрегали связью, и все для того, чтобы иметь возможность быстро двигаться».

Верным герольдом французского генерального штаба был полковник Гранмезон, который в своих литературных упражнениях бросал армии следующие лаконические тирады:

«Чтобы подавить дух обороняющегося и прекратить его сопротивление, необходимо атаковать его всеми силами».

«Такое ускоренное решение, когда нет еще определенных и достоверных сведений о противнике, содержит в себе значительный риск. Мы должны допустить этот риск».

«Мы должны допустить этот риск и учитывать те последствия, которые из него вытекают».

«В нашей работе мы дали права гражданства риску, мы признали его. Чтобы быть готовым произвести быструю и сильную атаку, необходимо войти в соприкосновение с противником на большом фронте, т. е. на фронте, приблизительно равном боевому фронту войск, уже завязавших бой».

«Вы чувствуете, как легко под защиту этого нового взгляда укрыться всякой бездарности. Риск не есть случайность. Недостающие звенья в цепи предусматриваемых событий, в сущности, дополняются тем, что можно было назвать «моральным расчетом» начальника. Это такие расчеты, куда входят элементы, незнакомые рассудку. Это, в сущности, те стороны военного искусства, которым научиться нельзя, по крайней мере по книгам и по карте. Вообще в бою приходится все время делать вещи, невозможные для людей, находящихся в нормальном состоянии (например, двигаться под огнем)» и т. д. и в таком же роде.

Как видим, Гранмезон в основном проповедывал хотя и простой, но весьма редко оканчивающийся успехом способ боевых действий. Это: «не ожидая выяснения обстановки, стремиться атаковать всюду».

Конечно, будет несправедливым думать, что и Фош думал так же, как Гранмезон; этого не могло с ним случиться уже в силу того, что он был более глубоко, чем Гранмезон, осведомлен в опыте военной истории и состоянии современного огнестрельного оружия. А потому Фош никогда не мог бы написать: «Опыт всех веков показывает, что наступление тогда только будет иметь успех, когда наступающему удастся подавить дух обороняющегося и сделать его таким путем неспособным к дальнейшему сопротивлению. Для этого существует одно только средство: немедленная атака всеми силами. Малейшее колебание даже в частности грозит лишить атаку всего ее значения» (Гранмезон).

Какой опыт и опыт каких именно веков показывает, что можно добиться по этому рецепту успеха, вероятно, одному лишь полковнику Гранмезону было известно, ибо именно опыт войн, и особенно последних до мировой войны, со всей твердостью показывал и диктовал необходимость никогда не держаться «только одного средства», никогда бессмысленно не рисковать в бою, а, напротив, стараться всеми мерами выяснить обстановку и реальное соотношение сил, никогда не бросаться в атаку, да еще всеми силами, когда боевая обстановка еще совершенно неясна.

Это так же понятно, как и ясно, что тот, кто будет ожидать полных и всеобъемлющих сведений о противнике, упустит благоприятный для себя момент. Искусство командования и заключается в том, чтобы правильно определить момент для решительных действий, но отнюдь не по рецептам Гранмезона.

Мольтке-старший когда-то говорил, что «большие успехи не достигаются без большого риска», но, несмотря на это, все операции Мольтке имеют самый тщательный расчет.

По Гранмезону же получается, что только «бездарность не рискует»; надо обязательно рисковать, но риск — это такое явление на войне и в бою, «куда входят элементы, незнакомые рассудку». Иными словами, вместо тщательного расчета и подсчета реального соотношения сил в данной боевой обстановке пусть господствует безрассудная авантюра, которая, как известно из опыта истории, не только никогда не жила в ладах с конкретным расчетом, но и редко не оканчивалась катастрофой.

Но если Жоффр, с прямого благословения которого полковник Гранмезон завоевал себе высокий авторитет во французской армии, был человеком, далеко не искушенным в военной науке, то другое дело было с Фошем. Последний не мог не видеть, что идеи Гранмезона завоевывали видное место в боевой подготовке французской армий. И, несмотря на это, со стороны Фоша, который в достаточной мере здраво смотрел на значение обороны, мы не видим соответствующего отпора.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что большинство уставных положений, изданных в 1913 г., еще не успело проникнуть глубоко во французскую армию; поэтому те параграфы полевого и пехотного уставов, которые имели мысли об оборонительном способе действий

(правда, далеко не развитые и не детализированные), так и остались на бумаге.

Эти параграфы, хотя и общими фразами, но все же ориентировали командный состав в важности обороны. В конечном счете уставы предлагали при обороне организовывать последовательные линии в глубину, с тем чтобы в глубине обороны иметь возможность перейти в контратаку, проявить в обороне самое твердое упорство, причем «пехотная часть, которая получила задачу обороны участка, не должна его покидать без приказа. Она сопротивляется до конца: каждый может быть скорее убит на месте, нежели уступит свой участок» [1] (французский пехотный устав).

Но даже и эти общие указания о важности обороны, как пишет Люка, «к сожалению, еще не успели внедриться в толщу армии, особенно если принять во внимание общую тенденцию исключительно к наступательным действиям».

Иными словами, победа опять же осталась за однобокой, односторонней ультра-наступательной доктриной Гранмезона, о которой хорошо была осведомлена французская армия.

До мировой войны у Фоша было две основные линии в работе: или он командовал войсковыми частями, или же преподавал и писал научные труды в академии. Фошу не пришлось, как Мольтке-старшему и Шлиффену, работать над вариантами планов войны, он лишь анализировал оперативные планы и действия в кампаниях Наполеона и Мольтке, делая соответствующие конкретные выводы на ближайшее будущее в связи с изменявшимися условиями.

В его научных работах мы не найдем защиты той или иной оперативно-стратегической проблемы, как это было у Шлиффена с идеей организации сильного фланга или флангов, с тем чтобы посредством их выйти на тылы противника, охватить его, загнать в петлю и уничтожить.

Фош, как и Шлиффен, стремился к созданию морального и материального превосходства над противником, причем и тот и другой считали, что предстоящая война выдвинет массовые миллионные армии с многочисленными технико-огневыми средствами, которым необходимо соответствующее пространство для развертывания.

Но последнее, как мы увидим ниже, было плохо понято Фошем в его другом труде — «Ведение войны».

Исходя из развития современного ружейно-пулеметного огня, Фош полагал, что германская доктрина флангового удара вполне соответствует конкретной действительности.

«Фланговая атака, — говорит Фош, — позволяет добиться большего превосходства огня против пункта атаки, избранного в качестве объекта действий. Ведение флангового или тылового огня производит неотразимое моральное впечатление и, благодаря выигрышу неограниченного пространства, всегда даст возможность маневрирования массами». Это относится, полагал Фош, не только к масштабу дивизий и корпусов, но и выше. В отношении удара центром

[1] Между прочим, перед сражением на Марне в сентябре 1914 г. в директиве Жоффра от 6 сентября дословно повторена эта мысль пехотного устава.

Фош считал, что этот так часто применявшийся Наполеоном способ в современных условиях невыгоден. «Атакующий в центре в наши дни охватывается огнем противника и не может развить всю силу собственного огня».

Опыт боев в 1916, 1917, 1918 гг. мировой войны показал, что фронтальные удары приносили очень мало пользы наступающему, который быстро захлебывался в своей крови, несмотря на грандиозное использование им разнообразных огневых средств. Делая прорыв и выдвигаясь на несколько километров от исходной линии атаки вперед, наступающий охватывался не только огневыми тисками неприятельской артиллерии, но и резервами, которые очень быстро с помощью автотранспорта и железных дорог сосредоточивались на флангах выдвинувшегося вперед противника.

Продвижение замирало, и атакующий, продвинувшись на 4—10 км, останавливался, зарывался в землю, строил бетонные укрытия и фортификационные сооружения по новой линии фронта, которая получилась от вдавливания в оборону противника.

В своих военно-литературных произведениях Фош с особой силой подчеркивает необходимость создания такой армии, для которой маневр являлся бы основным способом действий. Он не раз повторяет в своих трудах, что «победа принадлежит армиям маневренным, т. е. наиболее обученным» и что «с каждым днем маневр увеличивает требование знаний от всех».

Из всех ошибок, говорил Фош, наиболее позорная — это бездействие, но когда мы стремимся к сосредоточению своих сил, мы должны это делать так, чтобы противник разбросал свои силы. Что значит разгромить массы неприятеля? — Это значит использовать до конца свою организованную силу.

Кроме искусства маневрирования, Фош выдвигал принцип экономии сил. Он говорил:

«Мы не можем одержать победу всюду, достаточно иметь решительный успех на одном пункте. Надо уметь экономить всюду, чтобы расходовать очень много сил там, где ищем боевого решения. Там придется пустить в дело массу, а значит необходимо ее создать, уметь сохранить, так как под артиллерийским огнем неприятеля нельзя сосредоточиваться, совершать марш-маневр и развертываться».

Эти мысли в значительной степени (кроме сентября — октября 1918 г.) были осуществлены Фошем в ряде проведенных им операций и кампаний в период мировой войны; особенно большое искусство Фош проявил в оборонительной операции 9-й армии в сражении на Марне, в маневрировании резервами из глубины при парировании ударов Людендорфа в первой половине 1918 г., в Италии в 1917 г. и в августовских боях по ликвидации людендорфовских мешков.

В этих операциях Фош показал, что его поучения до мировой войны о том, что нужно «последовательно виселъ тяжестью сил над каждым встречаемым сопротивлением, в то же время располагая свои силы систематически», не остались пустой фразой.

Искусству маневрирования резервами, составленными подчас из нескольких десятков дивизий, у Фоша следует поучиться, ибо это искусство в конце концов и свело на-нет все разновременные удары Людендорфа в марте — апреле, в мае и июле 1918 г.

Таким образом, если Фош в своем труде «О принципах войны» не выдвинул какой-либо новой теории, то он весьма тщательно систематизировал обширный материал по войнам Наполеона и Мольтке-старшего. В отношении ведения наступательных и оборонительных операций в связи с развитием железных дорог и нового огнестрельного оружия Фош теоретически в основном не расходился с тем учением, которое мы видели в работах Мольтке-старшего и Шлиффена.

И если Фош подчас весьма критически относился к операциям, проведенным под руководством Мольтке-старшего, то это получалось у него не столько потому, что он не сумел оценить высокое искусство в организации операций, которые были проведены Мольтке, сколько благодаря желанию задним числом убедить офицерский корпус французской армии, что не так уже страшен противник на самом деле, как он представляется до момента его детального изучения, что Мольтке победил потому, что французская армия и ее командный состав оказались неизмеримо хуже подготовленными в кампанию 1870—1871 гг., чем германцы. А в силу этого необходимо добиться в новых условиях, чтобы высокое искусство, показанное когда-то Наполеоном, вновь вернулось во французскую армию.

Но это искусство уже принимает новый вид и новое содержание, так как в отдельных частях этого искусства что было хорошо при Наполеоне, может оказаться совершенно негодным к началу XX столетия. Поэтому Фош призывал своих слушателей академии к постоянному совершенствованию и пополнению знаний, к интеллектуальной дисциплине, говоря им в своих лекциях:

«Дисциплина равносильна деятельности ума в связи с проявлением характера. Умственная лень ведет к отсутствию дисциплины, как и к неповиновению. В обоих случаях действующий ошибочно в этом одинаково повинен. Неспособность и невежество тем более неизвинительны, что знание доступно каждому, кто его ищет» [1].

В другом своем труде «Ведение войны. Маневр для боя» Фош все свое изложение построил на исследовании франко-германской войны 1870 г. В этой работе Фош показал себя очень кропотливым, вдумчивым историком-стратегом.

Он постепенно разбирает те основные цели, которые преследовались в этой войне обеими сторонами, рассматривает планы войны, затем вопросы сосредоточения и развертывания сил и, наконец, переходит к исследованию боевых операций. Имевшаяся по этому вопросу литература Фошем использована и анализирована с большой тщательностью.

Но будет неправильно думать, что это объективно-исторический труд, написанный ученым историком, который лишь фиксирует прошедшее.

---

[1] Фош. О принципах войны, стр. 92.

Эта работа Фоша скорее острое оружие для будущего, где прошлое призвано Фошем лишь для того, чтобы доказать ряд своих положений, как надо будет поступить в предстоящей войне. Этот труд имеет основной целью посредством разбора только что ушедшей в историческую глубь веков войны мобилизовать командный состав французской армии и крепко заложить в его сознании идею реванша.

Труд носит определенно прикладной характер, и здесь Фош оказался верным и последовательным учеником выдающегося военного писателя, профессора германской военной академии ген. Верди-дю-Вернуа.

Последний, как известно, требовал не только учиться на положительных образцах, но также и брать в основу преподавания те операции, которые окончились неудачей, с тем чтобы не стеснять критика авторитетом победы. Фош не только не щадит французское главное командование, оказавшееся совершенно неподготовленным к войне 1870 г., но всемерно стремится умалить значение победы германской армии во главе с Мольтке-старшим. В этой работе Фош дает конкретный оперативно-стратегический материал для буланжистской партии с ее политическими целеустремлениями, красная нить которых — «реванш во что бы то ни стало».

Отсюда исходит у Фоша в корне ошибочная пропаганда того, что главный театр военных действий для Франции — это Эльзас-Лотарингия. А раз так, то вполне естественно, что его требования об усиленной подготовке и оборудовании во всех отношениях (укрепления, железные дороги с необходимой густотой высадочных платформ и пр.) были направлены именно в сторону Эльзас-Лотарингии и за счет северо-восточной границы Франции, где она соприкасалась с Бельгией и Люксембургом. Отсюда не случайно, а вполне закономерно получалось нагромождение между Мецем и швейцарской границей, т. е. на небольшом пятачке, огромных сил и средств по всем правилам «гнусной крайности сосредоточения», против которых так в свое время восставал Мольтке-старший.

Эта стратегическая теория Фоша естественно входила в непримиримое противоречие с тем учением, которое он выдвигал в «Принципах войны» о маневре.

Просто удивительно, как этого не заметил Фош, говоря одно и другое с одной и той же кафедры высшей военной школы. Достаточно посмотреть на карту, чтобы увидеть, что сосредоточение и развертывание главных сил более чем миллионной французской армии на участке в 200 км (Мец—швейцарская граница) не создавали того необходимого пространства для маневра, о котором говорил в своих «Принципах войны» Фош.

Глубина же полосы стратегического развертывания, примерно в 80—100 км, была настолько густо спрессована войсками и техникой, что также не давала благоприятных шансов для маневра. При таком стратегическом сосредоточении и развертывании получалась ловушка, в которую загонялась посредством железных дорог французская армия; иными словами, создавалась весьма благопри-

ятная оперативно-стратегическая ситуация для производства широкого маневра по декабрьскому варианту Шлиффена (см. схему 4).

За политикой буланжистов и трудами Фоша в свое время очень тщательно следил Шлиффен, и он мог только радоваться тому, что все они своей работой всемерно помогали его оперативно-стратегической концепции, которую он не только закладывал в свои варианты плана войны, но и проводил в корпусе офицеров германского генерального штаба.

В этом же труде Фош допускает ошибку с проблемой продолжительности предстоящей войны, целиком разделяя ошибочную точку зрения Шлиффена и других генеральных штабов по этому вопросу.

В отношении резервных формирований Фош — непримиримый противник ген. Виктор-Мишеля, он стоит целиком на точке зрения Кастельно, Жоффра, Бюата, Гранмезона и др.; он, так же как и они, за крепкую перволинейную армию, которая должна быстро закончить войну. Он против последовательных операций, о которых говорил в 1890 г. в рейхстаге Мольтке-старший, скорее Фош за один поход, который и должен был, начавшись, скажем, ранней весной, победно закончиться к осеннему листопаду.

В этом отношении наполеоновский опыт еще очень сильно владел Фошем, но здесь Фош не оказался оригинальным, а разделил полностью господствовавшую в то время установку о быстротечной войне, с которой все генеральные штабы европейских армий и вышли на войну в 1914 г.

Он также думал, что с мобилизационными запасами мирного времени можно будет победоносно закончить предстоящую войну: опыт войны 1870 г., который неплохо изучил Фош, ничему его не научил в этом вопросе.

А ведь этот опыт был в отношении подготовки Франции к войне весьма показателен. Возьмем хотя бы случай с французским военным министром Лебефом. В июле 1870 г. Лебеф громко заявил во французской палате: «Франция готова к войне так, что если война продлится даже два года, то не придется купить и пуговицы к гетрам». Как известно, эта «пуговица» обошлась очень дорого Франции. Она стоила ей по Франкфуртскому миру 5 млрд. золотых франков контрибуции с потерей Эльзас-Лотарингии.

Сухомлинов за несколько месяцев до мировой войны, 27 февраля 1914 г., в «Биржевых ведомостях» писал:

«В будущих боях русской артиллерии никогда не придется жаловаться на недостаток снарядов. Артиллерия снабжена и большим комплектом и обеспечена правильным подвозом снарядов... Русская армия является не только громадной, но и хорошо обученной, хорошо вооруженной и снабженной всем, что дала новая техника военного дела. Русская армия является первой в мире по количественному составу кавалерии с полной материальной частью. Россия готова». Агент германской разведки военный министр царской армии Сухомлинов писал так с целью затушевать свою предательскую работу.

Методы управления Мольтке-старшего, когда он предоставлял широкий простор для частной инициативы старших начальников, пришлись весьма не по нутру Фошу.

В своем труде «Ведение войны» он резко критикует этот способ высшего вождения войск, он за твердое централизованное управление в стиле Наполеона.

Он считает, что и в стратегии, и в оперативном искусстве его основная идея: «боем противника опрокидываем, преследованием его уничтожаем» — осуществляется путем жесткого, твердого централизованного руководства современным сражением.

Частные начальники во многих случаях могут быть недостаточно осведомленными в боевой обстановке в целом, а поэтому могут принимать решения, которые окажутся импровизацией, в то время как за план и его осуществление в жизни отвечает в первую голову главнокомандующий [1].

В силу этого последний должен не только наблюдать и соглашаться, а твердо, целеустремленно и централизованно управлять. Отсюда организация боя авангардов, как и все встречные столкновения, по системе Фоша должна руководиться твердой направляющей рукой общих начальников, выполняющих идею операции главнокомандующего, а не предоставляться на усмотрение частных начальников.

В дальнейшем изложении Фош не раз зло иронизирует, говоря, что не всегда ведь германская армия будет иметь такого противника с таким командованием, как французское в период 1870—1871 гг. И в противовес мольтковской тщательной заблаговременной разработке плана войны и плана стратегического сосредоточения армий Фош выдвигает следующую мысль о двух линиях стратегического поведения в начальный период войны.

«1. Одна высаживает армии по заранее предусмотренному и более или менее известному плану и затем направляет их прямо вперед.

2. Другая высаживает войска в соответствии с решением, принятым в последний момент, и только тогда определяет направление перевозок, лишь в этот момент группируя маневренную армию, предназначенную для решительного наступления или контратаки».

Фошу больше импонирует вторая постановка вопроса, открывающая большой простор для стратегических решений. Эта мысль, конечно, не плоха, но если ее будут выполнять так же, как это было в августе 1914 г. с Конрадом (2-я армия) или Жоффром (4-я армия), то кроме вреда она ничего принести не сумеет.

Бонналь и Фош до войны 1914—1918 гг. являлись наиболее яркими фигурами в области военно-научной мысли. Генеральные

---

[1] Здесь уместно вспомнить мысль Жоффра, высказанную им после Марнского сражения в сентябре 1914 г. Жоффр, видя, что очень многие после победы стали претендовать на роль главного победителя, сказал: «Я знаю, что сейчас, после победы на Марне, очень многие претендуют на главную роль в этом сражении. (Жоффр имел в виду Галлиени, Манури, Френча, Фоша, Сарайля и др.). Но я также определенно знаю, что в случае нашего поражения на Марне ответил бы за это только я один»: мысль, которая в полной мере подтверждается многообразным опытом войны.

штабы (особенно германский) их тщательно изучали, так как и тот и другой сконденсированно выражали собой общее направление мысли в подготовке к войне французской армии. Лишь генералитет царской армии был очень поверхностно знаком с трудами Бонналя и Фоша, так же как он был очень слабо знаком с учением Шлиффена.

В противовес Жоффру, Фош не особенно рассчитывал на реальную помощь, которую с началом войны могла оказать Франции ее союзница — царская Россия. Особенно удручающее впечатление он вынес о подготовке царской армии в целом, когда в октябре 1911 г. побывал в России, куда он был командирован французским генеральным штабом для присутствия на маневрах. Общее впечатление Фоша о царской армии было, примерно, таким же, как и у германского генерального штаба (о чем мы говорили в главах X, XI, XII и XIV).

Методы управления войсками Фоша в мировую войну в значительной степени отличаются от методов Жоффра, Нивелля, Петэна, Хэга.

Фош в своей оперативно-стратегической работе опирался на очень небольшой штаб, организованный его ближайшим соратником Вейганом.

В то время как Жоффр, Нивелль, Петэн и Хэг имели громоздкие штабы с огромным штатом сотрудников и очень редко выезжали к войскам, будучи прикованы к своему оперативно-стратегическому мозгу — штабу, Фош большую часть времени находился в разъездах и в непосредственном личном общении со своими частными начальниками.

И даже тогда, когда он был назначен главкомом союзных армий, он продолжал не изменять тем способам управления, которые сложились у него в бытность его командармом 9 и командующим северо-восточным фронтом.

Фош всегда лично сам создавал и разрабатывал план операции, в то время как Жоффр, Петэн, Нивелль, Хэг проделывали эту работу совместно со своими начальниками штабов, выбирая из ряда вариантов, которые им предлагали последние, наиболее по их мнению приемлемые.

Наполеоновская система управления и командования армиями со строгой и жесткой централизацией была воспроизведена Фошем в новых условиях, с новыми силами и средствами.

Автор известного труда о Фоше «Опыт военной психологии», укрывшийся под инициалами «И. Р.», пишет:

«Фош командует и управляет лично; как бы ни были авторитетны советы, хотя он их и слушает, но больше сам размышляет и сам вынашивает свою идею операции, передавая ее затем через Вейгана к исполнению».

Фош остается верен тем мыслям о жесткой централизации управления, которые изложил в своем труде «Ведение войны». Он сторонник больших стратегических резервов, которые подчиняются лишь ему и которые, как он часто говорил, «не позволят противнику захватить его врасплох».

«Мое непрерывное наблюдение за выполнением моей идеи данной операции, мои вечные заботы, чтобы частные начальники находились в постоянном бодрствовании, дают мне возможность возродить позабытые было идеи наполеоновской стратегии, а именно, развитие операции из глубины с маневрированием стратегическими резервами. Развитие железнодорожного и автомобильного транспорта в значительной степени облегчает мне это дело»,— говорил Фош.

Полевой штаб Фоша в постоянном движении, он очень быстро переезжает из штаба одной группы армии в другую. Ставка союзного главковерха крайне малочисленна в отношении личного состава сотрудников, она насчитывает максимум 20 человек.

Оперативно-стратегические функции, которые выполнял штаб Фоша, заставили последнего коренным образом реорганизовать то штабное наследство, которое ему осталось от предыдущих главкомов.

Фактически он создает заново для себя штаб главковерха; этот штаб состоит из оперативного отдела, который обслуживается только семью офицерами, ведающими французским, английским, американским и итальянским отделениями, затем разведывательного отдела из трех офицеров и еще двух отделений связи и личного состава.

Ген. Вейгану Фош поручил наблюдение за франко-британским фронтом, а полковнику Жоржу за балканским, итальянским и всеми прочими участками, на которых расположены союзнические войска.

Малочисленный и гибкий штаб главковерха давал полную возможность Фошу широко развить оперативно-стратегическую деятельность. Будет неверно думать, что штаб Вейгана лишь занимался вопросами оперативно-стратегического порядка, оставляя в стороне вопросы организации тыла; напротив, эти вопросы также требовали очень много внимания и времени от штаба союзного главковерха.

Но заслуга Вейгана в том, что он так искусно сумел организовать это дело, что не получилось той исключительно громоздкой бюрократической организации, тонувшей в тысячах бумаг и служебных требований и отношений, как это было при Жоффре, Нивелле, Петэне и особенно в царской ставке.

Жоффру, Нивеллю, Петэну также приходилось координировать действия англичан и французов, но при их командовании возникали постоянные трения между союзническими главкомами, в то время как роль «стратега-координатора» всех армий Антанты Фошем была разрешена вполне удовлетворительно.

Если верховному политическому совету Антанты (Пуанкаре, Ллойд-Джордж, Клемансо, Альберт, Вильсон) приходилось очень часто разбирать трения, которые сплошь и рядом возникали у союзных главкомов Жоффра, Петэна, Нивелля на франко-британском театре военных действий, то Фошу удалось очень искусно скоординировать управление разнонациональными армиями Антанты и их командующими.

Дипломатический талант, а также высокий авторитет, которым обладал Фош, в значительной степени помогли ему успешно справиться со сложными вопросами стратегии коалиции.

Группировка и маневрирование резервами союзнических армий были препятствиями, которые не могли в достаточной мере удовлетворительно разрешать до Фоша.

При Жоффре, Петэне и Нивелле англичане вечно вопили, что их кровь должна смывать грубые ошибки в стратегии, которые допускают французы. До Фоша фронты французский и английский никогда не жили мирно, а находились в постоянной склоке. Фош положил этому конец, но ему не сразу удалось это сделать. После первых прорывов Людендорфа Фош главным образом маневрировал французскими дивизиями[1], он с исключительным старанием стремился облегчить положение англичан, бросая десятки французских дивизий на фланги немецких прорывов.

Хэг на опыте убедился, что Фош не только пускает английскую кровь, но не жалеет, как его предшественники, и французскую.

Кроме того, Фош обладал исключительным тактом в обращении с частными начальниками; это подтверждают те, кто с ним когда-либо сталкивался. Даже английский генерал Френч, который вообще не желал думать о каком-либо подчинении директивам Жоффра, всегда очень внимательно выполнял распоряжения Фоша даже и тогда, когда Фош не оказывался точным в своих обещаниях. Но здесь Фош находил те приемы, которые успокаивали таких своеобразных полководцев, как Френч.

В период «бега к морю» в 1914 г. Фош командовал армиями, в которые входили бельгийцы, англичане и французы. Однажды Френч категорически потребовал от Фоша подкреплений. Фош вежливо обещал через 24 часа передать их в распоряжение Френча. Подкрепления действительно прибыли, но Фош медлил с их передачей Френчу. Последнее обстоятельство очень сильно встревожило Френча, он вторично потребовал подкреплений. Фош в своем ответе, во-первых, очень высоко расценил образ действий англичан во главе с Френчем и, во-вторых, сказал: «Вы, генерал, доказали на деле, что можете продержаться целых 24 часа в тяжелой обстановке. Я, признаться, сперва не верил, что вам это удастся, так держитесь же еще 24 часа, и я даю вам слово, что вы получите требуемое». Френч не получил подкреплений, но общая обстановка так изменилась в благоприятную сторону для союзников, что острота в этом деле на данный момент отпала. Фош и Френч остались каждый по-своему довольны.

Подобных примеров умелого обращения со своими частными начальниками, основные качества которых Фошем тщательно изучались, можно привести немало.

---

[1] К слову сказать, роль командиров корпусов в 1918 г., как у германцев, так и у союзников, была крайне оригинальной: фактически комкоры превратились в заведующих гостиницами, которые каждодневно принимали и провожали то те, то другие дивизии, поступавшие в их распоряжение. Командир корпуса превратился в передаточную инстанцию, в оперативный этап, который имел очень незначительное воздействие на ход боевых событий.

О Фоше известный французский исследователь ген. Палат, который был его сотрудником по боевой работе, пишет:

«Фош всегда активен, как молодой полковник. Он обладает даром слушать и вдумываться в то, что ему говорят его подчиненные. Сам он говорит преимущественно короткими ясными фразами, умеет убеждать собеседника. Когда разговаривает, то почти всегда чему-то улыбается, жуя свою вечную сигару. Фош всегда оптимист».

Фош, будучи главковерхом союзников, добился того, что все союзные главкомы убедились, что он «справедлив в распределении усилий между разнонациональными армиями». Это была большая победа Фоша, которая свела на-нет постоянные требования и саботаж отдельных главкомов Антанты по вопросам — кому надо занять именно такой-то участок фронта и именно с таким-то протяжением, а не с другим; кому необходимо иметь столько-то дивизий в армейских группах, а не другое их количество и пр.

Фошу удалось заставить всех стремиться к одной раз поставленной им оперативно-стратегической цели. И мы видим, что первая часть плана Фоша от 24 июля по срезыванию людендорфовских мешков была осуществлена в достаточной степени методически и целеустремленно; вторая часть плана генерального наступления от 25 сентября была осуществлена намного хуже; почему это случилось, мы писали в предыдущей главе.

Фош принимал во всех трех походах Антанты против Советской республики самое деятельное участие, помогая советом и материально (деньги, оружие, снаряжение, вещевое довольствие) армиям Деникина, Врангеля, Пилсудского и прочим; задушить диктатуру пролетариата было заветной мечтой Фоша, и не мало вложил он сил и энергии в интервенционные планы Антанты.

Но история зло посмеялась как над организатором так называемого похода 14 государств — Черчиллем, так и над союзным главковерхом Фошем.

Ни Людендорфу, ни Фошу, ни Черчиллю, ни кому другому, несмотря на все их страстное желание, так и не удалось иметь решительный успех и победить Красную Армию Страны Советов.

Победитель германской армии на франко-британском фронте, Фош оказался подлинным неудачником в борьбе против диктатуры пролетариата и его Красной Армии на необъятных просторах Советской страны.

Фош имел генеральный план наступления против СССР. Когда его спросили в начале 1919 г. политические организаторы интервенции (Ллод-Джордж, Пуанкаре, Клемансо, Вильсон), какие необходимы оперативно-стратегические мероприятия, чтобы быстро задушить Советскую республику, он гордо ответил:

«В этом нет большой трудности и нет надобности в серьезных боях. Несколько сот тысяч американских войск, которые стремятся сыграть свою роль в событиях, вместе с добровольческими частями из состава британских и французских армий могут легко при современных железных дорогах установить контроль над Москвой. Как бы то ни было, мы уже держимся в трех частях России. Если вы желаете охватить своим авторитетом бывшую Российскую импе-

рию с целью обеспечить свободное выражение желаний русских, дайте мне только приказ. Как легко будет выполнить эту задачу мне, Хэгу и Першингу сравнительно со сражением 21 марта или прорывом линии Гинденбурга!» (Черчилль, «Таймс» от 12 февраля 1929 г.). Так говорил Фош в 1919 г. Но когда три похода Антанты против Советской республики с невиданным позором провалились, когда политики и стратеги Антанты с их ставленниками Колчаком, Деникиным, Юденичем, Миллером, Пилсудским, Врангелем были молодой Красной Армией разбиты, Фошу не оставалось ничего больше, как в сентябре 1927 г. в журнале «Рефери» заявить: «Если бы мне дали свободу в 1919 г., я бы немедленно расправился с русской революцией, я бы вооружил народы, соседние с Россией, у меня был вполне разработанный план. Я разбил бы их одним ударом. К сожалению, мне не дали действовать».

Фош говорит явную неправду, он бессовестно передергивает исторические факты, пытаясь голой и неумной хвастливостью смягчить величайший позор для него и буржуазии — разгром Красной Армией трех походов Антанты против СССР.

Фош целых три года активно действовал на полях сражений нашей гражданской войны 1918—1920 гг.: целых три года он вооружал народы, соседние с Советской Россией; тысячи союзнических солдат и матросов по директиве Фоша участвовали вместе с русскими белогвардейцами в трех походах Антанты; миллионы золотых долларов были затрачены правительствами Антанты на интервенцию; тысячи орудий, сотни тысяч ружей и пулеметов, сотни миллионов патронов и снарядов были брошены Фошем, чтобы удушить советскую власть на $^1/_6$ земного шара,—но все это кончилось более чем позорным крахом. Всемирно-исторические победы большевистской партии и Красной Армии налицо. Стратегический план интервенции Фоша под конец его полководческой карьеры провалился так же бесславно, как и наступательный план Людендорфа на полях Прибалтики, Польши и Украины в 1918 г.

По известному выражению, от великого до смешного один лишь шаг, и этот шаг был сделан полководцем империалистической буржуазии Фошем, полным непримиримой классовой злобы к трудящимся СССР. Полководческая карьера крупного деятеля буржуазии и на этот раз закончилась фарсом; с этой «славой» он и встал рядом со своим «богом» Наполеоном, которому всю жизнь стремился подражать.

Теперь обратимся к главному сопернику Фоша в операциях 1918 г. — Эриху Людендорфу.

До мировой войны Людендорф работал в Большом германском генеральном штабе в отделе мобилизации и стратегического развертывания германских вооруженных сил. В 1913 г. и до августа 1914 г. он работал в строю, командуя полком и бригадой.

Никаких научно-теоретических работ он не писал, будучи целиком занят очередной практической деятельностью. Но после войны он оказался одним из первых, кто серьезно занялся вопросами современной стратегии, и дал ряд больших трудов, освещающих работу германского главного командования за период 1914—1918 гг.

Людендорф написал три основных труда: «Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг.», «Ведение войны и политика» и «Документы главного командования».

В этих трудах и документах он обрисовывает и характеризует политическую и оперативно-стратегическую работу главного германского командования во время империалистической войны, всемерно стремясь показать, что германская армия если и потерпела поражение, то не благодаря искусству верховного управления Антанты, а вследствие неравенства в силах обеих воюющих коалиций и ноябрьской революции в Германии.

Если Шлиффен более или менее правильно воспринял учение Клаузевица о взаимопроникновении политических целей и целей военно-стратегических, то его ученик Людендорф в своем труде «Ведение войны и политика», очень старательно выписывая цитаты из Клаузевица, коренным образом разошелся по этому вопросу с последним.

Он целиком разделяет буржуазно-идеалистическую и эклектическую постановку вопроса Мольтке-старшим, что политика должна вмешиваться только в начале и конце данной войны, оставляя право военной стратегии самостоятельно вести операции. Для Людендорфа мольтковская формула, что «политика не должна вмешиваться в военные операции», не подлежит никакому обсуждению, тем более оспариванию. Это-де само собой совершенно ясно.

Раз во главе военного командования стоят хорошо и всесторонне проверенные люди, которые целиком и полностью отдали всю свою творческую жизнь на службу короне Гогенцоллернов, то эта корона и ее политические деятели должны полностью доверять оперативно-стратегическому и военно-техническому руководству. Другое дело в стане Антанты: там, возможно, какой-либо из главнокомандующих в тайниках своей души и замыслил посредством удачно проведенных военных операций пробить себе дорогу в Бонапарты. Что касается германской армии, то здесь этот вопрос совершенно отпадает. Здесь — совершенно другое дело.

Так дико, убого, как самый последний ограниченный солдафон, рассуждает техник-оператор мировой войны Эрих Людендорф, готовый на каждой странице своей книги лишний раз подчеркнуть, что он самый последовательный ученик Клаузевица.

Но делает это все Людендорф неспроста. Да, он за невмешательство политики в дела военной стратегии, но вопрос, какой именно политики? Если политика Бетман-Гольвега, то он абсолютно против ее вмешательства, но если политику целиком передать в руки германского главного командования, то он тогда «за».

В основном Людендорф ставит вопрос практически, а поэтому если он и выдвинул, как сейчас увидим, примитивную, гутаперчевую формулировку, то это с ним случилось в силу того, что Людендорф хотел еще более ударить по линии поведения германской политики за период империалистической войны, а тем самым оправдать себя перед будущим.

Чтобы ясно понять, чего именно добивался Людендорф своим трудом «Ведение войны и политика», необходимо проделать соответствующий анализ его литературных работ и его практической деятельности.

Красная нить всего труда «Ведение войны и политика» заключается в основном тезисе Людендорфа: «Война — это продолжение внешней политики другими средствами. Вся прочая политика должна подчиняться требованиям войны».

Написав эту беспримерно эклектическую путаницу, Людендорф вообразил, что он сделал новый шаг в развитии учения Клаузевица по этому вопросу. Да это, по мнению Людендорфа, и немудрено, так как после Клаузевица ведь все претерпело коренное изменение. И если Клаузевиц в своем труде «О войне» говорит лишь о внешней политике, то это должно быть совершенно понятно, так как, видите ли, во времена Клаузевица вопросы внутренней и хозяйственной политики далеко отстояли от способов ведения войны.

Людендорф смело заявляет, что он проработал огромный исторический материал, который целиком подтверждает его вывод, что во времена Фридриха и в войнах французской революции и Наполеона внешняя политика решала все, в силу этого «война — это продолжение внешней политики другими средствами», а внутренняя и хозяйственная политика была крайне примитивной, слабой, нежизненной, а поэтому ее и не принимали в расчет. Людендорф допускает явную передержку, приписывая Клаузевицу определение войны, как продолжения внешней политики. Клаузевиц такого узкого определения не давал. Клаузевиц в своей классической работе «О войне» писал: «20-летие победы революции (французской.— *Вл. М.*) является по преимуществу последствием ошибочной политики противостоявших ей правительств»; новая же политика, которая «вышла из недр французской революции, применяла другие средства и другие силы и поэтому открыла возможность проявления такой энергии в ведении войны, которая вне этих условий была бы немыслимой» [1]. Как видим, разрыва между внешней и внутренней политикой у Клаузевица нет.

Является вопрос, как же расценивает Людендорф современность, когда внутренняя и хозяйственная политика «стала важной для ведения войны». Он говорит, что эта политика целиком «должна подчиняться требованиям войны».

Но эта путаная теоретическая стряпня у Людендорфа получилась не случайно, он посредством ее желает просто сказать, что во время войны верховное главное командование осуществляет военную диктатуру, которой должны быть подчинены все и вся (капиталистическая биржа и ее руководители, рейхстаг, Бетман-Гольвег и т. д.); политика же господствующего класса является служанкой на кухне военной стратегии, во главе которой стоят такие специалисты, как Людендорф, Гинденбург, т. е. верные сыны

[1] Клаузевиц, О войне, стр. 555—556.

Гогенцоллерновской монархии, которые и должны сконцентрировать в своих руках всю политическую и оперативно-стратегическую власть. Вот и все.

Незачем было Людендорфу утруждать себя экскурсиями в область истории, а надо было бы просто сказать, что «политика должна подчиняться требованиям войны». А то получилось нагромождение лишних и ненужных слов о внешней, внутренней, хозяйственной политике и их связи с войной и стратегией, что лишь обременило и без того утомленный от войны мозг Людендорфа.

Но будет не совсем точно думать, что Людендорф все это написал только потому, что совершенно не понимает теснейшей связи вопросов внешней и внутренней политики как в войнах XVIII—XIX веков, так и XX века. Ему важно одно: оправдать свою политику и свое постоянное стремление установить всеобъемлющую военную диктатуру германского командования, во главе которого фактически стоял Людендорф.

Он откровенно и открыто заявляет в своем труде «Ведение войны и политика», что сделал очень грубую и крупную ошибку, которую не может себе простить: не настоял на своевременном увольнении в отставку имперского канцлера и прусского министра-президента Бетман-Гольвега.

Последний был уволен за свою нерешительную и колеблющуюся политику по твердому требованию Людендорфа и Гинденбурга лишь в июле 1917 г., а это-де надо было сделать в самом начале войны. Хотя Бетман-Гольвег и был представителем интересов прусского юнкерства, хотя он и был ревностным сторонником магнатов тяжелой промышленности и финансовой буржуазии, но все же по своим качествам он был не тем руководителем политики, который был необходим германскому главному командованию.

Во-первых, он перед началом войны оказался сторонником соглашения с Англией, т. е. самым свирепым конкурентом германского империализма; во-вторых, он вел себя постоянно крайне двусмысленно в вопросах морских вооружений Германии и не встал на твердую позицию в вопросе неограниченной подводной войны; в-третьих, он не сумел своей власти германского имперского канцлера подчинить до конца представителей финансового капитала, он подчас был слишком мягок в вопросах выкачивания из ресурсов страны всего того, что требовало германское главное командование.

Правда, Бетман-Гольвег был старым другом кайзера Вильгельма, но если последний согласился уволить его в июле 1917 г., то при соответствующем нажиме на кайзера это можно и нужно было бы сделать на два года раньше. Бетман-Гольвег должен был бы быть тем же, чем в свое время Бисмарк, но он оказался слишком ничтожным по сравнению с «великим канцлером». «Германская главная квартира не взяла своевременно диктатуру в свои руки для спасения страны с согласия кайзера, в этом ее непростительная ошибка»,— так заключает Людендорф.

Как видим, Людендорф очень хорошо разбирается в вопросе и внешней и внутренней политики, так как предъявляет свои требования именно к тому, на ком лежала обязанность объединять и координировать политику внешнюю с политикой внутренней, т. е. к германскому имперскому канцлеру Бетман-Гольвегу, которого так презирает за его нерешительность Людендорф.

По Людендорфу выходит, что и война не может быть целесообразным продолжением внешней политики другими средствами, т. е. с оружием в руках, если во главе внешней политики будут стоять такие типы, как Бетман-Гольвег.

Людендорф обрушивается в своей книге на внешнюю политику германского империализма как перед войной, так и во время войны. Он беспощадно клеймит германскую дипломатию, которая не сумела воспрепятствовать должным образом политике Англии по окружению Германии и во-время опрокинуть эту политику. Но раз это случилось, «то надо было не думать о сохранении мира, а надо было всемерно быть готовым к ожесточенной борьбе за существование, за победу Германии над Антантой».

Политика Бетман-Гольвега не прониклась теми целями, которые ставил себе германский империализм, т. е. мировое господство.

«Политика не поставила, как это нужно было, цели и не сделала из вооруженных сил средства для ее проведения, предоставив военным властям создавать средства войны даже без единства в военном управлении» (здесь Людендорф имеет в виду независимое от военного министерства существование генерального штаба).

В силу этого и получилось,— говорит Людендорф,— что Германия с первого дня войны не сумела сразу же влить в ряды армии те 600 тысяч подготовленных военнообязанных, которые были влиты позже, в то время как Франция даже подготавливала к использованию на франко-британском театре свои колониальные войска.

Кроме того, у Германии и Австро-Венгрии не было единого плана войны; до последнего дня германский генеральный штаб продолжал побаиваться, что Вена может проболтаться и раскрыть то, что находилось в стальных сейфах германского генерального штаба в Берлине. Внешняя политика Германии не сумела до конца подчинить себе внешнюю политику Австро-Венгрии; поэтому хотя Мольтке-младший и Конрад и были осведомлены о характере действий в начальный период войны германской и австро-венгерской армий, но полного единства командования не было и оно лишь осуществилось в процессе самой войны и т. д. и пр.

В дальнейшем Людендорф последовательно разбирает линию поведения германского главного командования во главе с Мольтке-младшим, Фалькенгайном и затем подробно останавливается на том периоде, когда он вместе с Гинденбургом принял руководство всеми операциями вооруженных сил держав Четверного союза.

Людендорф очень резко обвиняет Фалькенгайна за его «стратегию ограниченных целей», за его безрезультатную Верденскую операцию.

Он говорит, что какова была политика Бетман-Гольвега, такова была и стратегия Фалькенгайна, т. е. «политика и стратегия выдержки». «Политика и стратегия ограниченных целей» привела к тому, что германская армия к 1 сентября 1916 г. понесла потери в 4 270 000 человек, а когда проводилась стратегия уничтожения, т. е. с 1 сентября и до конца войны, выбыло из строя всего лишь 2 170 000 человек.

Людендорф в своей работе «Ведение войны и политика» заявляет, что никакого политического кабинета в штабе главного германского командования не было и все вопросы политики разрешались через канцлера Бетман-Гольвега [1].

Но последний не сумел заставить США продолжать свой нейтралитет, не сумел воспользоваться первым успехом мартовского наступления на Амьен и т. д., чтобы начать зондировать почву о хорошем мире.

В общем, все грехи, какие можно найти в период военных операций, Людендорф беззастенчиво приписывает политике германского правительства Бетман-Гольвега.

Людендорф поучает последнего, что «политические намерения — цель, война — средство, и никогда нельзя мыслить о средствах без цели».

Иными словами, он несколько перефразирует положение Клаузевица, что «война является не только политическим актом, но и важным политическим инструментом, продолжением сношений, проведением их другими средствами, т. е. военными операциями — боем».

Но Людендорф, поучая своего политического противника Бетман-Гольвега, забывает указать на «мелочь», что сам он в период 1916—1918 гг. был негласным диктатором Германии и что хотя в ставке германского главного командования и не было «политического кабинета», но все нити военной, внутренней и международной политики были сконцентрированы именно там. Ставка, как пишет сам Людендорф во II томе «Мои воспоминания», осенью 1917 г. хотела произвести государственный переворот и установить военную диктатуру во главе с Людендорфом.

Итак, Людендорф написал, что «война — это продолжение внешней политики другими средствами; вся прочая политика должна подчиняться требованиям войны»,— исключительно для того, чтобы вконец скомпрометировать политику германского канцлера Бетман-Гольвега.

Но этим самым Людендорф неожиданно для себя впал в жесточайшее противоречие, так как германский канцлер осуществлял не только внешнюю, но и внутреннюю политику германского империализма, ибо каждому ясно, что характер внутренней политики

---

[1] Но на стр. 19 и 21 I тома «Мои воспоминания» Людендорф пишет иное, а именно, что в ставке был политотдел, решались вопросы международной политики, приезжали представители тяжелой и легкой индустрии, профсоюзов, торговли и пр.

данного государства не может соответственно не отражаться на внешней политике и наоборот. Так было в XVII—XIX столетиях, так есть и в XX столетии, историю которых так старательно «изучал» Людендорф.

Дальше Людендорф проговаривается, как школьник. Видите ли, Ганнибала,— пишет Людендорф,— погубила политика Карфагена (иными словами, политика германского имперского канцлера Бетман-Гольвега погубила Людендорфа), но зато Александр Македонский и Наполеон объединяли политику и ведение войны в одном лице (иными словами, если бы политика и стратегия были целиком в руках германского главного командования, а значит и Людендорфа — Гинденбурга, то результаты мировой войны были бы для Германии совершенно другие).

Как видим, Людендорф, как Мольтке-старший, Шлиффен, Конрад, каждый по-своему варьируя вопрос взаимосвязи политики и стратегии, в основном требовали сосредоточения и того и другого в одном лице, и это они называли идеалом.

Таким идеалом для них в первую голову был Наполеон, концентрировавший в своих руках и политику и ведение войны французской империи.

Но если внимательно проследить борьбу между Мольтке-старшим и Бисмарком, Конрадом — Эренталем, Жоффром — Мильераном, Людендорфом — Бетман-Гольвегом, Фошем — Клемансо и т. д., то мы наглядно увидим, что если эти военные стратеги и понимали необходимость связи политики со стратегией, если они и страстно желали, подобно Наполеону, сконцентрировать в своих руках и политическую и военно-стратегическую власть, то до настоящих политических вождей каждому из них было очень и очень далеко.

Это были в лучшем случае хорошие военные специалисты буржуазно-капиталистического класса, но отнюдь не полноценные политические вожди. Однако не исключается то, что каждый из них вел и делал свою политику.

А поэтому только слепое честолюбие могло продиктовать Людендорфу мысль, что с установлением военной диктатуры Людендорфа — Гинденбурга Германия могла оказаться победительницей.

С конца 1917 и в 1918 г. политика Бетман-Гольвега фактически была полностью терроризирована германским главным командованием, а если разобрать в политическом разрезе план наступательной кампании 1918 г., составленный Людендорфом, то мы воочию убедимся (главы XVI и XVII), что этот план строился на примитивной политике.

Разве с точки зрения этого плана не было огромной ошибкой Людендорфа — вести активную борьбу на восточном фронте, оставляя там 50 дивизий, в то время как он решил наносить главный удар на западно-европейском театре военных действий?

Это была стратегическая ошибка.

Людендорф совершенно не сумел разобраться в той сложной политической ситуации, которая была в России после Великой

Октябрьской революции. В этом отношении он оказался таким же примитивным, слепым политиком, как и Фош, принимавший активнейшее участие в руководстве интервенцией и гражданской войной в СССР в период 1918—1922 гг., а также призывавший к организации новой интервенции в 1924—1928 гг.

Разбираемая работа Людендорфа «Ведение войны и политика», как и «Мои воспоминания», со всей ясностью говорят о том, что автор их если формально и понимал взаимосвязь между политикой внутренней и политикой внешней данного государства и отношение этой политики к войне, то он очень смутно разбирался в основном, в расстановке и соотношении классовых сил, он крайне плохо уяснил себе значение решающих факторов политического, социального, экономического и хозяйственного порядка.

Во всяком случае, управлять всем ходом политических событий Людендорф явно не мог, ибо он совершенно не был подготовлен к этой деятельности, да и не имел к этому соответствующих способностей.

«Политика» Людендорфа заключалась в том, что он требовал, чтобы державами Четверного союза с их различными и разнохарактерными политическими, экономическими, классовыми, национальными интересами можно было управлять, как батальонами на поле боя. Поэтому Людендорф и требовал концентрации в руках германского главного командования всей политической власти. Ему казалось, что если он «скомандует», то все сейчас же беспрекословно будет исполнено и вся хозяйственная и политическая жизнь Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии будет перестраиваться так же просто, стройно и гладко, как на плацпарадах в Потсдаме.

По этому плану в 1916 г. строил и проводил Людендорф так называемую «большую гинденбурговскую хозяйственную программу».

Людендорф хотя и писал, но весьма отвлеченно представлял себе, что «политические намерения — цель, война — средство, и никогда нельзя мыслить о средствах без цели», так как он очень смутно понимал, как это на самом деле происходит в политико-экономической жизни классов современного капиталистического общества.

Бетман-Гольвег виноват во всем, думал Людендорф, потому что он, во-первых, не Бисмарк, а во-вторых, он не давал того, что требовало от него германское главное командование. А почему Бетман-Гольвег не мог дать все то, чего требовал Людендорф, это очень мало интересует последнего. Людендорфу кажется только одно: если бы он был на месте Бетман-Гольвега, то результаты оказались бы другими, так как тогда в руках Людендорфа была бы сконцентрированная политическая и военная власть, которой в свое время обладал Наполеон.

В голове Людендорфа никак не укладывается, что мало еще обладать огромной политической и военной властью, которую несомненно в последние три года войны имел Людендорф, а надо этой властью еще уметь целесообразно пользоваться.

А если бы Людендорф сумел посмотреть и на другую сторону вопроса, то увидел бы кое-что иное, так как он в свете истории нашел бы свои крупнейшие политические ошибки: неучет экономического положения Антанты, которая была в 1918 г. неизмеримо сильнее Четверного союза, недооценка тяжелого хозяйственного положения в Германии и ее армии, ошибки с восточным (русским) фронтом, непонимание развертывавшихся революционных событий как внутри страны, так и вне ее — Великой Октябрьской пролетарской революции в России.

И тогда бы он понял, что Ганнибал погиб не только потому, что политика Карфагена была плоха, но и потому, что политика самого Ганнибала никуда не годилась.

Также и Наполеона погубила не только его военная стратегия, но в первую голову его политика. Если бы Наполеон выиграл сражение под Ватерлоо в 1815 г., то это еще не значит, что он был бы победителем; возможно, он лишь на несколько месяцев продлил бы свою власть, но острова Елены или какого-либо другого острова все равно бы ему не миновать. Его неизбежная гибель была заложена в той внутренней и внешней политике, которую он, как политик и полководец, вел.

Таким образом, факт объединения в одном лице, как это было у Наполеона, политики и ведения войны отнюдь еще не гарантирует наилучший конечный результат.

Но Людендорф оказался не одинок. Его «новую» теорию о войне и политике целиком поддержал и развил беспримерный политический пройдоха, прожженный политический интриган, опытнейший предатель интересов рабочего класса социал-интервент и социал-фашист Карл Каутский.

Маркс еще при жизни назвал молодого Каутского беспримерным филистером. Каутский же за свою долгую авантюристическую жизнь политического деятеля сделал все возможное, чтобы целиком и полностью оправдать эту аттестацию, данную ему Марксом.

Карл Каутский — самый последовательный враг марксизма-ленинизма, а поэтому, как враг, он и пишет по-вражески.

Итак, в основном труде «Ведение войны и политика» Людендорф пытается оправдать политику главного германского командования во время мировой войны. Но эта попытка получилась у Людендорфа однобокой и мало убедительной. И сколько бы с этой задней мыслью он ни подбирал «новых» формулировок по вопросу взаимосвязи войны и политики, вся его, как и германского главного командования, политическая деятельность с неопровержимой полнотой еще раз подтверждает единственно правильное, единственно научное определение, данное Лениным, что всякая война есть насквозь политика, ибо «всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот же самый класс продолжает во время войны, переменив только форму действия.

Война есть продолжение политики иными средствами...» [1].

В предыдущей главе мы говорили о фактическом материале двух других работ Людендорфа: «Мои воспоминания» и «Документы главного командования». Нам теперь остается, в-о-п-е-р-в-ы-х, дать общую характеристику этих работ, а в-о-в-т-о-р-ы-х, показать то новое в военном искусстве управления и командования, которое вытекает из тактической и оперативно-стратегической деятельности германской армии, руководимой Людендорфом, и главным образом из финального года мировой империалистической войны, который сконденсировал опыт предыдущих лет этой войны.

Мы считаем полезным сказать, что «Воспоминания» Людендорфа, как и Фалькенгайна, должны быть анализированы нашим командным и начальствующим составом.

В этих работах довольно ясно показана огромная вооруженная борьба двух империалистических коалиций.

Из них же наглядно видны трудности организации современных больших операций с миллионными армиями и грандиозной техникой. Крупнейшие операторы мировой войны достаточно откровенно в своих воспоминаниях делятся своим многообразным боевым опытом.

В этих книгах читатель найдет конкретный исторический материал, характеризующий развитие полководческого искусства в первой части XX столетия.

Однотонно и до крайности утомительно Людендорф в своих двух томах «Воспоминаний» тянет старую песню о том, что политика германского правительства Бетман-Гольвега помешала ему осуществить военную диктатуру и посредством последней выиграть войну. Он продолжает твердить и тогда, когда война была окончена, свою старую эклектическую формулу:

«Война вообще не может быть решена только военным путем, т. е. силой оружия. Безусловно, совместная работа военных вождей с правительством необходима, чтобы углубить последствия военных успехов. Но последнее слово остается за оружием. В этом нет никакого сомнения» [2].

В своей последней работе «Тотальная война» Людендорф уже прямо говорит, что «политика есть служанка войны», что война есть единственный путь развития государства.

Не требуется новых разъяснений, ибо каждому здравомыслящему ясно, что на войне последнее слово всегда оставалось и будет оставаться за политикой, которая пронизывает собой все дело войны от ее начала, через весь ее процесс и до самого конца. Вот в этом, как показывает опыт, действительно нет никакого сомнения.

В «Воспоминаниях» красной нитью проходят следующие два тезиса Людендорфа:

а) «Во время войны моею целью были: крайняя энергия в ведении войны и обеспечение военных интересов и столь же

---

[1] Ленин, т. XXX, стр. 363.

[2] Людендорф, Воспоминания, т. I, стр. 297.

важных экономических возможностей также и на период после войны».

б) «Правительство приветствовало наше вступление в высшее командование. Мы с полным доверием пошли ему навстречу. Но вскоре два мировоззрения, представляющие взгляды правительства и наши, начали вести борьбу друг против друга. Это противоречие было для нас тяжелым разочарованием и невероятным бременем».

Мы считаем, что второй тезис нами в достаточной мере охарактеризован выше, о первом же мы можем сказать следующее. За период первых двух с половиной лет мировой войны Людендорф работал и провел ряд интересных операций на восточно-европейском театре военных действий. На полях Восточной Пруссии в осенней кампании 1914 г., в Польше и в операциях против Сербии и Румынии Людендорф дал довольно умелую организацию больших фронтовых операций.

Оперативный успех был нередко спутником Людендорфа, этот успех вытекал из исключительно детальной и всесторонней подготовки к операциям. Людендорф наглядно показывает, с какой тщательностью он готовился к нанесению того или другого решительного удара, какую кропотливую работу по расчетам и подсчетам соотношения сил он проделывал, прежде чем приступить к сосредоточению сил и выработке деталей плана операции.

Во всей своей оперативно-технической работе Людендорф всегда поддерживал самый тесный контакт с войсками, никогда не разрабатывал плана операции, не будучи достаточно подробно осведомленным о состоянии своих войск и войск противника.

Людендорф в своих книгах дает ряд примеров, из которых видна не только система управления войсками, но также и борьба с бумажным бюрократизмом посредством установления тесного общения с войсками и командованием фронта. Помимо очень частых личных поездок к войскам, Людендорф высылал значительное количество своих офицеров-порученцев, как делегатов боевой связи.

«Больше всего, — пишет Людендорф, — я ценил устные сообщения и сбор непосредственных впечатлений. Я охотно ездил на фронт... Служба во время поездки не прерывалась. На определенных станциях я принимал обычные срочные донесения, как и в главной квартире, и, в случае необходимости, можно было вступить посредством специально организованной при этих поездках телеграфной связи в сношения со всем миром».

Людендорф говорит, что его отношения с войсками постоянно были хорошие и проникнуты взаимным доверием.

«Когда я находился в штабах на фронте, начальники штабов делали мне доклады об обстановке. На докладе присутствовали и командующие армиями. Начальники штабов высказывались столь же откровенно, как и мои сотрудники в ставке. Им было известно, что я интересовался их личным мнением и что мне нужно ясное освещение, а не декорация... Иногда армиям приходилось напоминать, что надлежит доносить объективную истину, неблагоприятные данные передавать так же точно, как благоприятные».

Далее он пишет, что в этих совещаниях командующие армиями принимали самое активное участие, высказывали свое мнение, вносили поправки, давая тем самым возможность более всесторонне совместно обсудить необходимые вопросы.

«Мои сношения с армиями не ограничивались еженедельными поездками. Каждое утро я разговаривал по телефону с начальниками штабов армий и выслушивал их опасения и надежды».

Как видим, методы управления по системе Людендорфа в значительной мере отличаются от методов управления Мольтке-младшего в период первых трех месяцев войны, когда в момент самых напряженных операций Мольтке-младший ни разу не выехал на фронт и не имел во время решительного сражения на Марне технической связи с правофланговыми армиями (Клук, Бюлов, Гаузен). Как известно, вместо личного общения Мольтке посылал за себя в кризисные дни операции полковника Хенча.

Во второй половине 1916 г. Людендорф переносит главное свое внимание на западно-европейский театр военных действий. Прежде чем приступить к большим оперативно-стратегическим решениям, Людендорфу нужна была новая тактика, которая вытекала из новых условий позиционной войны и применения новой техники.

Неудачные операции на Сомме во второй половине 1916 г. явились переломными для германской армии. Людендорф воочию убедился, что тактика германской армии отстала от французской, и он приступает к коренным реформам в этой области, которые явились первоисточниками его будущих знаменитых «тяжеловесных ударов», его так называемой «стратегии буйвола» в операциях 1918 г. на франко-британском фронте.

В области обороны и наступления Людендорф лично разрабатывает обширную инструкцию-наставление, согласно которой линия главного сопротивления переносится в глубину оборонительной полосы. Передний край обороны занимается незначительным количеством войск. В глубине обороны пулеметные гнезда, тщательно замаскированные, располагаются в шахматном порядке, создаются специальные ударные дивизии, которые контратакуют противника, прорвавшегося в глубину обороны. Инструкция рекомендует: при атаке противника избегать применения сомкнутых масс войск, а разрежать боевой порядок, обильно оснащая его легкими и тяжелыми пулеметами; перейти от многодневной артиллерийской подготовки к короткой внезапной; установить самую тесную связь между пехотой и артиллерией, которая переносит свой огонь, свой вал в глубь обороны противника (примерно, через час вглубь на 1 км) точно по часам, о чем хорошо должна быть осведомлена атакующая пехота; количественная норма на участке удара устанавливается: 1 дивизия и 100 орудий на 1 км фронта. Внезапность атаки есть то основное, к чему должны быть направлены все подготовительные мероприятия перед наступлением.

Эта реформа требовала соответствующего количества времени для соответствующего усвоения ее войсками и командованием. Но в 1917 г. эта реформа, испытанная в ряде боев, была еще более детализирована двумя инструкциями: «Оборонительное сражение» и

«Наступательное сражение в позиционной войне», а также рядом дополнительных директивных указаний.

Всю зиму 1917—1918 гг. германские войска обучались по этим оперативно-тактическим документам, в составлении которых Людендорф принял самое активное участие.

Имея в виду, что методы и способы наступления в условиях борьбы на франко-британском фронте были детально разработаны именно в германской армии, а затем почти буквально восприняты союзниками, постараемся коротко это обрисовать.

Французские исследователи операций на франко-британском фронте в 1918 г. откровенно заявляют, что если в первую половину 1918 г. (до июля) командование армиями Антанты тщательно изучало организацию германских прорывов, то во второй половине финального года империалистической войны Фош, Петэн, Хэг, Першинг пытались в организации наступательных операций подражать Людендорфу. Так оно фактически и было.

Людендорф к началу решительных действий на франко-британском фронте, изучив опыт 1917 г., пришел к твердому убеждению, что фронт решительной атаки должен быть возможно шире, с тем чтобы помешать союзникам организовать концентрический встречный удар. Людендорф считал, что необходимо заставить союзников преждевременно использовать и ввести в дело их оперативные резервы, но не на флангах прорыва, а лобовым контрударом, с тем чтобы эти резервы не имели крупного успеха. И мы видели по сравнению с 1917 г., что ширина фронта атаки-наступления на западном фронте в марте и мае 1918 г. была значительно больше, чем в операциях 1916—1917 гг.

Правда, не всегда удавалось Людендорфу вызвать резервные дивизии союзников для лобового удара-соревнования на поле боя, так как Фош постоянно стремился сосредоточить свои резервы как раз именно на флангах людендорфовских прорывов.

Вопрос об организации главного удара в работе Людендорфа также имел исключительно важное значение.

После длительного изучения многообразного опыта боев 1916—1917 гг. Людендорф пришел к выводу, что для успеха атаки необходимо, во-первых, значительное превосходство в живых и технических силах, которые бы непрерывно до достижения цели питали наступательную энергию в глубине обороны противника, и, во-вторых, чтобы командование располагало достаточно сильными резервами.

Поэтому Людендорф считал, что современный боевой порядок должен быть эшелонирован в глубину с таким расчетом, чтобы дивизии 1-го эшелона (ударные) собственными силами за первый же день наступления, несмотря ни на какое сопротивление, вклинившись в оборону противника, захватили его артиллерийские позиции; дивизии 2-го эшелона (тактические резервы) вводятся в дело, с тем чтобы не было перерыва в боях до момента достижения поставленной цели; дивизии 3-го эшелона (специальные оперативные резервы, преимущественно на автомашинах) не только еще больше и глубже развивают получившийся успех,

но если того требует боевая обстановка, даже изменяют направление главного удара.

Людендорф считал, что для атаки наиболее выгодно выбирать именно тот участок обороны противника, глубина которого, по всем разведывательным данным, возможно меньше. Сосредоточенное превосходство огневых средств должно не только деморализовать пехоту противника, но и заставить замолчать на возможно долгий промежуток времени его огневые силы.

Занятие исходного положения для атаки дивизиями 1-го и 2-го эшелонов необходимо производить с исключительной тщательностью, а сама подготовка этой операции должна быть продумана во всех деталях (сохранение внезапности; занятие исходного положения до начала артиллерийской подготовки, имея в виду, что дивизиям 1-го эшелона надо не менее 4—5 часов, 2-го эшелона — 2—3 часа; занятие исходного положения в ночь перед штурмом). В своей инструкции для наступательной операции на 1918 г. Людендорф категорически указывал, что «минимальной задачей первого дня атаки является захват артиллерийской зоны противника во всю ее глубину». Почти все германские исследователи считают, что отсутствие на германской стороне конницы при глубоком прорыве на Амьен лишило германское командование лишнего шанса на успех. А например, ген. Куль в своей работе «Мировая война в решениях наших противников» (стр. 73 и 74), анализируя мнение союзного командования по этому вопросу, говорит, что наличие в амьенском направлении крупных кавалерийских соединений у германцев могло бы создать в вопросе захвата Амьена решающую роль.

«Если бы конница прорвалась в широкий промежуток, образовавшийся против правого фланга 18-й армии (между Фукекур и южнее Рой) на стыке английской и французской армий, то она задержала бы перебрасываемые на автомобилях и по железной дороге французские дивизии, застигнув их врасплох, опрокинула бы подходившую без всякого прикрытия неприятельскую артиллерию и навела бы панику и ужас в тылу у французов и англичан, которые в то время вели еще бой с левым флангом 2-й армии и с 18-й армией».

Этот вывод весьма важен и поучителен, так как мы уже знаем, что германцы, снявшие еще в 1917 г. всю конницу с западного фронта, теперь, после опыта боев 1918 г., пришли к определенному выводу, что после удачного прорыва кавалерийские корпуса, оснащенные современной техникой, могут сыграть выдающуюся роль. К этому выводу постепенно приходят и французы, которые в 1917—1918 гг. свели свою конницу на роль «ездящей пехоты».

В директиве Людендорфа от 22 февраля 1918 г. твердо указывалось:

«Если противник подтянет достаточные пехотные и артиллерийские резервы раньше, чем удастся завершить прорыв и в открытом поле разгромить его резервы, то надеяться на успех уже невозможно. Следует уметь во-время прекращать затянувшееся наступление».

Этот вывод явился для Людендорфа как бы прогнозом, он ведь так и поступил во время своих неудачных прорывов на Амьен и Шато-Тьерри в апреле и мае 1918 г.

Организуя кампанию на 1918 г., Людендорф в своих директивах и инструкциях делал особое ударение на необходимость стремиться достигнуть внезапности прорыва. Но здесь же предупреждал, что достижение внезапности не должно итти за счет общей, тщательной и целесообразной подготовки к прорыву.

«Это тем более важно, — говорил он, — так как нельзя никогда быть уверенным, что противнику ничего не будет известно о наших наступательных планах».

Если оборонительная полоса противника значительна по глубине, то артиллерийская подготовка в ночь накануне штурма должна быть продолжительностью от 2 до 4 часов, так как часовая артиллерийская подготовка в этом случае не сумеет выполнить необходимые задачи по фронту и в глубину.

Этим самым Людендорф не давал рецепта на все случаи, но лишь подчеркивал, что основательное разрушение укреплений противника требует тщательного анализа, расчета и времени.

Различные демонстративные, ложные предприятия и действия на других участках фронта, с тем чтобы отвлечь внимание противника от главного направления, ставились Людендорфом как необходимое и обязательное условие для успеха задуманной атаки-прорыва.

Чем больше будет спутан и растерян противник, чем больше он проявит суетливости и нервозности, тем лучше, так как в этом случае есть большой шанс захватить его врасплох.

Иохим, который построил весь свой труд «Подготовка германской армии к большому наступлению во Франции весной 1918 г.» главным образом на изучении официальных распоряжений германской ставки, ее фронтов и армий, уделяет большое количество страниц вопросу организации германских операций прорыва.

Он говорит, что Людендорф требовал от германского командования напрячь все усилия, с тем чтобы не получилось беспредметного нагромождения живых сил и техники и чтобы наступление не пошло стихийным порядком. Войска должны знать конечную цель, но стремиться к ней через достижение ряда последовательных задач. В силу этого достижение ближайшей задачи после прорыва переднего края обороны противника обязательно; ближайшая задача включает в себя захват артиллерийской зоны противника, с тем чтобы заставить его искать и менять артиллерийские позиции.

Но наступление в глубину, идя скачками, должно быть непрерывным, а поэтому «нельзя связывать войска, ставя им только дневные задачи,— наоборот, они должны быть проникнуты сознанием, что только безостановочный натиск в течение всего дня и ночи может привести к прорыву, после чего начнется маневренная война, которой все так ждали. Ставка решительно требует от всех, до последнего солдата включительно, проявления максимума инициативы».

Эти требования ставки (т. е. Людендорфа) во главу угла первым долгом выдвигали крайне сложный и новый вопрос о правильном

использовании дивизий 1-го и 2-го, а затем и 3-го эшелона атаки. И здесь Людендорф требовал, чтобы дивизии 1-го эшелона целиком и полностью использовали всю свою наступательную энергию; во всяком случае, они должны выполнить ближайшую задачу (захват артиллерийских позиций противника) и, если остается еще наступательная энергия, могут быть использованы для выполнения и задачи 2-го дня, а не обязательно должны быть сменены дивизиями 2-го эшелона.

Они должны продолжать наступать вглубь обороны, и командиры корпусов покажут свое искусство, когда сумеют целесообразно приказать ввести в дело дивизии 2-го эшелона.

Людендорф по этому поводу 20 января 1918 г. на совещании начальников штабов 2-й армии сказал:

«Надо постоянно не забывать, что успех в предстоящем наступлении будет обеспечен, если командование учтет важность экономного расходования резервов и энергичного выдвижения вперед артиллерийских средств борьбы».

Уже перед мартовским наступлением в Пикардии было условлено, что «если удастся в первый день атаки глубоко вклиниться в укрепленную полосу противника, то нужно развивать успех и вклиняться еще глубже. Дивизии 2-го эшелона должны быть подтянуты вперед уже к вечеру первого дня атаки или, в крайнем случае, в ночь с первого на второй день. Они должны быть готовы поддержать, если потребуется, дивизии 1-го эшелона своими свежими силами и достаточно обеспеченной боевыми припасами артиллерией».

И, опираясь на опыт боев 1917 г., ставка указывала, что «противнику до сих пор это не удавалось, так как ему ни разу не суждено было преодолеть критический момент от первого дня атаки ко второму». Это оказалось верным и для первой половины 1918 г., т. е. все прорывы Людендорфа по времени растягивались на несколько дней, и вторжение в глубину обороны союзников было несравненно более глубокое, чем в операциях 1917 г. (60—50—40 км по сравнению с 4—10 км в среднем в 1916—1917 гг.).

Вставал вопрос: в каком же удалении от дивизий 1-го эшелона должны были находиться дивизии 2-го эшелона, для того чтобы не было запаздывания ввода в дело дивизий 2-го эшелона и чтобы наступление шло действительно безостановочно?

Было установлено, что 2—3—4 км — вот нормальные дистанции между 1-м и 2-м эшелонами, чтобы командование могло постоянно держать вожжи управления, в то время как 3-й эшелон можно располагать в расстоянии 15 км и более.

И уже 2 февраля 1918 г. ставка (Людендорф) указала, что в безостановочном наступлении должно быть и непрерывное управление.

«Командные пункты командиров дивизий и корпусов не должны располагаться глубже резервов, их следует выдвигать возможно дальше вперед, чтобы не приходилось слишком часто менять их расположение. Войска должны хорошо знать, где находятся командные пункты комдивов и комкоров, и если их не находят в нужную минуту, это говорит об отсутствии управления и должной

связи. Как правило, командир дивизии 2-го эшелона должен находиться на командном пункте командира 1-го эшелона, чтобы быть постоянно в курсе боевой обстановки и, как исключение, этот командир 2-го эшелона может заменять себя своим офицером связи (генерального штаба) с требованием постоянной информации.

Людендорф указывал, что хотя «самое смелое решение и является наилучшим, но это вовсе не значит, чтобы отсутствовало твердое постоянное управление, которое должно быть жестко и централизованно».

Вмешательство в распоряжения своих частных начальников, когда того требует обстановка, необходимо, а подчиненные обязаны «при малейшем сомнении немедленно запрашивать старшего, а не откладывать на последнюю минуту».

Известно, что Мольтке-старший и Шлиффен ввели в практику германской армии систему отдачи коротких, четких и ясных приказаний. Как правило, германские войска не получали длинных «аршинных» приказов и директив, как это было в других армиях, и особенно царской.

Каждому письменному приказу обычно всегда предшествовало устное предварительное распоряжение по телефону или короткая записка через ординарца-офицера с тщательным учетом времени [1] и пространства.

Мало того, еще Мольтке-старший и Шлиффен в своих военных поучениях не раз подчеркивали необходимость постоянно иметь в виду индивидуальные особенности своих частных начальников, которые никогда не могут быть одинаковы. Одного необходимо сдерживать, другого подталкивать, третьему коротко указать, зная, что он быстро и правильно схватит основное и нужное.

Но они указывали, что эти величины не могут быть постоянны, боевая обстановка и ее тяжелое бремя подчас переделывает и резко изменяет людей; искусство управления и заключается в том, чтобы иметь дар предвидения, постоянно чувствовать пульс боевой жизни и хорошо знать тех, кто ее творит.

Отсутствие постоянной связи с войсками и соседями, чрезмерно обильная отдача распоряжений (письменных и устных) — все это лучшие показатели того, что настоящее конкретное управление отсутствует.

В своих распоряжениях, директивах, инструкциях перед мартовским наступлением Людендорф указывал, что полное боевое взаимодействие между пехотой и огневыми артиллерийскими силами только и может дать соответствующий успех в наступлении, причем «артиллерия также должна быть проникнута наступательным духом. Вслед за пехотой, которая победоносно прорывается через первую позицию противника, выдвигается поэшелонно вперед сильная тяжелая и легкая артиллерия. Командиры дивизий и корпусов обязаны четко ставить задачи артиллерии и принимать свои решения совместно с артиллерийскими начальниками, которые обязаны хорошо мыслить тактически. Наступление должно постоянно питаться

[1] Людендорф приказывал обильно снабжать войска часами с требованием устанавливать постоянную поверку времени в войсках.

из глубины не только живой силой и материальной частью, но и, особенно, боевыми припасами».

Людендорф часто повторяет известный афоризм, что почти в каждом большом деле трудно лишь н а ч а л о. Весь 1918 г. для германской армии был годом, когда вопрос бережного расходования живых сил, особенно пехоты, являлся кардинальной, насущной проблемой. Но германской пехоте противостояла пехота противника, насыщенная огромным количеством пулеметов, гранатометов, пехотных пушек, минометов и пр., представлявших огромную опасность для наступающего. Для того чтобы дойти до противника, иметь успех в овладении его первой линией обороны, с тем чтобы затем вклиниться в ее глубину, нужно сохранить наступательную энергию. Заставить противника допустить атакующую пехоту до первой линии обороны — это значит загнать его глубоко в траншеи, окопы, убежища, подавить, ослепить, задушить химическими снарядами и пр. Но как это сделать?

Атака танков в тесном взаимодействии с артиллерийским огнем приносила известную пользу, но танки, благодаря своей громоздкости и неповоротливости, очень быстро выходили из строя, оставляя двигавшуюся за ними пехоту открытой.

Людендорф предположил организовать огневой, подвижной щит для пехоты, перешедшей в атаку, причем этот щит организовать в виде внезапного, подвижного о г н е в о г о в а л а со стороны артиллерийских средств.

При этом огневой вал надо было организовать так, чтобы он, подавив волю к первоначальному сопротивлению со стороны противника, загнал его поглубже в траншеи, чтобы он дал возможность атакующей пехоте под защитой огневого вала быстрее добраться до первой линии обороны, с тем чтобы вклиниться в глубину. Затем огневой вал перекатывается дальше в глубину обороны противника, и так включительно до его главной артиллерийской массы. Людендорф писал 16 февраля 1918 г.:

«Невзирая на артиллерийскую поддержку в целом, пехота должна быть проникнута сознанием, что за огневым валом артиллерии ей самой остается еще много работы».

Он как бы хотел сказать, что организация огневого вала не является для пехоты самоцелью и есть лишь временное средство, с помощью которого пехота должна развернуть всю силу своей наступательной энергии и воли к победе.

«Успех, — подчеркивал Людендорф, — будет обеспечен лишь при условии тесного взаимодействия винтовки, пулемета, легкого миномета и орудий сопровождения и если бойцы пехоты будут воспитаны в духе отваги, выдержки и самопожертвования».

Но вот пехота овладела первой линией обороны противника; не теряя ни минуты, нужно выдвигать вперед сильную тяжелую и легкую артиллерию, обязательно с достаточным количеством огнеприпасов, с тем чтобы всемерно облегчить атакующей пехоте дальнейшее проникновение в глубину обороны противника.

Огневой вал требует четкого централизованного управления артиллерией, он крайне прожорлив в отношении огнеприпасов, он тре-

бует искусного осуществления взаимодействия между артиллерийским и общевойсковым командованием, так как не должен ни задерживать, ни слишком опережать атакующую пехоту.

Исключительная прожорливость огневого вала, его прямолинейность и негибкость и трудность управления им исключают применение его в подвижной маневренной войне; он может дать тот или иной успех лишь на стабильных участках войны позиционной. Так говорит опыт войны.

Опираясь на опыт боев 1916—1917 гг., ставка пришла к твердому решению, что современный бой с его исключительной прожорливостью уничтожает в массовом количестве командный состав, без наличия которого говорить о беспрерывном наступлении и управлении боем не приходится.

А поэтому Людендорф уже в начале 1918 г. выдвинул вопрос о создании резерва начальствующего состава. Иохим в своей работе о весеннем наступлении в Пикардии говорит, что «этот вопрос очень широко практиковался в германской армии и принес большую пользу, причем выделяемые в резерв командиры рот, батальонов и т. д. принимали активное участие во всех работах подготовительного периода и были постоянно в курсе дела, происходящего на фронте» [1].

Но наряду с этим Людендорф допустил огромную стратегическую ошибку, заключавшуюся в отожествлении последовательности армейских операций с последовательностью разновременных ударов-прорывов на разных направлениях.

Людендорф очень хорошо учел, что надо было наносить удар и прорывать на более широких участках, чем то было в 1916—1917 гг., но он переоценил силы своей армии к 1918 г. Последовательные взломы оборонительной полосы союзников, кроме отдельных вдавливаний, хотя бы и на 60 и 40 км в глубину, ничего большего не дали, если не считать, что они еще более увеличили фронт германской армии.

Детально организованные операции на Амьен, Дюнкирхен, Шато-Тьерри в стратегическом отношении провалились потому, что они велись, во-первых, разновременно (т. е. не были объединены целеустремленностью к одной большой стратегической задаче) и, во-вторых, по одному и тому же способу (шаблону), как будто Людендорф решил постепенно обучить союзников, как организовать прорывы на отдельных операционных направлениях.

И мы видели, что Фош, Хэг, Петэн, Першинг и др. очень старательно с марта по июнь учились у Людендорфа; они переняли не только систему тактической подготовки прорывов-наступлений, но сделали из них ряд оперативно-стратегических выводов.

Во всяком случае, Фош очень умело использовал для себя «поучения Людендорфа» и это умение удачно до 25 сентября осуществил на франко-британском фронте, искусно ликвидировав все результаты мешков-прорывов Людендорфа.

---

[1] Людендорф, Воспоминания, т. I, стр. 32—33.

Конечно, у Фоша оказалось неизмеримо более выгодное положение в соотношении сил и средств, ибо он начал бить германскую армию тогда, когда она израсходовала свою последнюю наступательную энергию, перейдя к обороне по всему стратегическому фронту.

Оставление огромных сил на восточном (русском) фронте и нежелание нанести сразу действительно мощный удар в наиболее жизненном для союзников направлении (парижское направление) были той стратегической ошибкой, которая окончательно выбила из рук Германии последний шанс иметь с н о с н ы е условия мирного договора. Были потеряны недели, а в это время пришла помощь союзникам со стороны США.

К этому основному выводу по плану кампании 1918 г. Людендорфа пришли почти все военные исследователи как Антанты, так и держав Четверного союза.

Людендорф в своих инструкциях-директивах в 1917—1918 гг. указывал, что п о с л е д о в а т е л ь н ы е армейские и фронтовые операции — совершенно нормальное явление, так как полководец в наступлении ищет не только первоначального успеха, но также и успешного достижения поставленной конечной цели. А раз так, то пространственность современной операции и питание боя с организацией подвоза всех необходимых средств из глубины стали особо необходимыми для оперативно-стратегической победы. Людендорф считал, что 120—150 км непрерывного наступления в глубине при современных (1918 г.) технических средствах есть предел для данного армейского организма.

Для западного фронта он снижал эту цифру до 80—100 км. И мы видели в Амьенской операции в марте—апреле 1918 г., что собранная огромная масса живой силы и техники требует в первую очередь регулярного питания всем необходимым из глубины, так как рассчитывать пропитать местными средствами эту огромную массу — это значит обрекать ее на полное истощение.

Уже на 60-м километре продвижения на Амьен Людендорф воочию убедился, что наступил момент, когда надо было приостановить наступление, так как германские войска истощались, кавалерии под руками не было, а подвоз из глубины встречал все бо́льшие и бо́льшие затруднения.

Противник же посредством маневрирования свежими резервами, опираясь на не разрушенный еще транспорт, оказывал все большее и большее сопротивление.

И действительно, оперативная и тактическая подвижность посредством железнодорожного и автомобильного транспорта в 1918 г. дала рекордные по тому времени показатели.

Железнодорожный транспорт увеличил подвижность войск с 20—25 км в сутки до 400 км в сутки. Как бы отвечая на известную формулу Мольтке-старшего, что «ошибка, допущенная в первоначальном сосредоточении и развертывании, не может быть исправлена в течение всей кампании», железнодорожная техника уже в период с 21 марта по 9 апреля 1918 г. сумела к месту прорыва сосредоточить целых 44 союзных дивизии с 20 полками тяжелой артиллерии.

Иными словами, железнодорожная и автомобильная техника переброс войск не только реально противодействовала прорыву Людендорфа на Амьен, но и резко в несколько дней видоизменила всю оперативную группировку на франко-британском фронте.

Французские железные дороги без особых затруднений, по приказанию Фоша, в один день 26 марта 1918 г. перебросили к району прорыва 5 полных французских дивизий, а в период с 28 мая по 2 июня (прорыв на Шато-Тьерри) — целых 19 дивизий.

Но если к этим цифровым показателям мы прибавим работу автомобильного транспорта, который являлся хотя и более слабым, но все же весьма активным помощником железным дорогам, то оперативная подвижность современной армии станет еще более наглядной.

Автомобильный транспорт в составе 100 000 грузовиков не только подавал с конечно-выгрузочных станций боевые грузы для 50 французских дивизий на расстоянии до 100 км, но и принимал активное участие в массовой переброске войск с одного оперативного направления на другое. Так, он за 7 дней (с 22 по 30 марта 1918 г.) перевез 11 пехотных дивизий, а с 28 мая по 2 июня—18 дивизий.

Все эти цифровые показатели не только были осуществлены во французской армии, но они имели соответственное место и в английской и германской армиях, развитие железнодорожного и автомобильного транспорта в которых очень мало уступало французскому.

Эти факты для полководческого искусства играют новую значительную роль: они говорят, что времена Наполеона и Мольтке-старшего ушли в область далекой истории. Тогда армии передвигались пешком (Наполеон) или только что начинали, как при Мольтке-старшем, применять железнодорожный транспорт, в то время малый и далеко технически не совершенный. Тогда у полководца времени было достаточно, так как он в течение похода до боя мог принять целый ряд решений.

Теперь стало иначе. Обстановка стала более быстротечной, а отсюда и оперативно-стратегические решения стали более быстрыми. Современная техника заставляет полководца мыслить более интенсивно, принимать решения более энергично, стараться лучше заглядывать в будущее (прогноз), быть более подвижным и активным, в противном случае он упустит целый ряд благоприятных шансов по пути к победе.

С точки зрения производства первоначального стратегического сосредоточения и развертывания к новому факту интенсивного развития техники передвижения необходимо подойти не односторонне, а диалектически: с одной стороны, современный железнодорожный и автомобильный транспорт дает возможность исправить допущенные ошибки в развертывании армий, а с другой стороны, эти ошибки стали еще более опасными благодаря быстротечности в решениях, которые имеет возможность принять противная сторона. Таким образом, совершенно необходимо иметь план своего твердого решения, не гадать за противника, не ждать всеобъемлющих о нем данных, рискуя потерять время, а действовать, исходя из своего детально продуманного плана.

Другого выхода, как подсказывает многообразный опыт военной истории, нет и быть не может.

Итак, в этой главе мы остановились лишь на отдельных моментах оперативно-тактических и стратегических положений Фоша и Людендорфа, этих наиболее видных военных представителей современного империализма.

Под конец их полководческой деятельности судьба их политики по отношению к Стране Советов хотя и была несколько отличной по времени (один начал, другой продолжил), но по существу одинаковой по результатам.

Иными словами, и победитель и побежденный в мировой империалистической войне оказались одинаково потерпевшими полный крах в нашей гражданской войне 1917—1922 гг.

На вопрос, в силу каких именно исторических причин получилось так, что неизмеримо сильнейшие, богатейшие, опытнейшие организаторы интервенции, все эти Людендорфы, Фоши, Черчилли, Клемансо, Ллойд-Джорджи, Вильсоны и пр. потерпели позорнейшее фиаско своих стратегических планов, мы найдем краткий и ясный ответ у товарища Сталина, который сказал:

«Громадным утесом стоит наша страна, окруженная океаном буржуазных государств. Волны за волнами катятся на нее, грозя затопить и размыть. А утес все держится непоколебимо. В чем ее сила? Не только в том, что страна наша держится на союзе рабочих и крестьян, что она олицетворяет союз свободных национальностей, что ее защищает могучая рука Красной армии и Красного флота.

Сила нашей страны, ее крепость, ее прочность состоит в том, что она имеет глубокое сочувствие и нерушимую поддержку в сердцах рабочих и крестьян всего мира.

Рабочие и крестьяне всего мира хотят сохранить Республику советов, как стрелу, пущенную верной рукой Ленина в стан врагов, как опору своих надежд на избавление от гнета и эксплоатации, как верный маяк, указывающий им путь освобождения. Они хотят ее сохранить и не дадут ее разрушить помещикам и капиталистам.

В этом наша сила. В этом сила трудящихся всех стран, в этом слабость буржуазии всего мира»[1].

Опыт вооруженной интервенции в период гражданской войны 1917—1922 гг. и те события, которые развернулись в период 1922—1938 гг., в полной мере подтверждают эти исторические слова великого Сталина.

Глава XIX

ОПЕРАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ В ПЛАНАХ ГЕН. ПЕТЭНА И ФУЛЛЕРА НА 1919 г.

Если бы мы задали себе вопрос, каким образом и в силу каких основных причин появились в наши дни новые оперативно-страте-

[1] Второй съезд советов СССР. Бюллетень № 1, речь товарища Сталина (подчеркнуто нами.—*Вл. М.*).

гические теории по проблеме стратегического развертывания современных армий, то ответить могли бы лишь так: эти теории не могли оставаться старыми (скажем, в состоянии до 1914 г.), так как в корне изменилась вся обстановка, их порождающая; они появились потому, что новая политико-экономическая обстановка, новая военная техника, новые методы и приемы управления войсками властно требуют и новых обобщений и новых оперативно-тактических поучений и решений.

В этом отношении марксистское положение, что «диалектическое понимание развития коренным образом отлично от вульгарной идеи эволюции», ничем не опровержимо и исторически доказано.

Анализируя и сопоставляя оперативно-тактические и стратегические теории, существовавшие до мировой войны, во время войны и после нее (т. е. в данное время), мы воочию убеждаемся, как прав марксизм-ленинизм, когда он утверждает, что развитие как бы повторяет уже пройденные ступени, но повторяет их на более высокой базе (отрицание отрицания), оно идет через перерывы постепенности, превращение количества в качество; развитие противоречиво, скачкообразно, революционно.

Материалистическая диалектика — «в позитивное понимание существующего... включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, так как она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» [1].

Военно-технические средства борьбы, развиваясь и расширяясь в отношении своего качества и количества, не могли пройти и никогда не проходили мимо системы боевых порядков, построений, а отсюда и соответствующих способов управления ими.

Напротив, военная техника в целом развивалась и развивается противоречиво, скачкообразно и революционно. Она вносит не случайно, а вполне закономерно новое в боевые порядки современной войны и коренным образом меняет способы, приемы и методы управления ими на войне.

Порох создается тогда, когда подготовлена для него соответствующая производственная обстановка. Например, селитра, сера, уголь, как составные части пороха, существовали и в эпоху каменного века, но история нигде не фиксирует, что в эту эпоху порох уже был изобретен. Как известно, порох был изобретен арабами и в начале XIV в. вошел в употребление в западно-европейских странах.

Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин в своих трудах на множестве примеров показывают, как техника в результате применения изобретений к производственному процессу влияла на развитие науки.

Энгельс писал Штакенбергу 25 января 1894 г.:

«Если, как вы утверждаете, техника в значительной степени (по большей части) зависит от состояния науки, то обратно — наука

---

[1] Маркс, Капитал, т. I, стр. XXII, Гос. соц.-экон. изд-во. Москва, 1936 г.

гораздо больше зависит от состояния и потребностей техники. Если у общества появляется техническая потребность, то это оказывает науке гораздо больше помощи, чем десять университетов. Вся гидростатика (Торичелли и т. д.) вызвана была к жизни потребностью регулировать горные потоки в Италии в XVI и XVII веках. Об электричестве мы стали знать кое-что разумное только с тех пор, когда открыта была техническая применимость его...» [1].

И действительно, те предметы, которые тяжелее воздуха (камни, яблоки и пр.), ведь падали на землю с самого ее существования, но «закон всемирного тяготения» был научно определен и открыт лишь в XVII в. величайшим физиком Ньютоном [2].

То же самое можно сказать о легенде с монахом Бертольдом Шварцем, который, работая над изобретением пороха, не случайно отнесся с соответствующим вниманием к факту, когда в его ступе при производстве им опытов взорвалась смесь, имевшая правильное процентное соотношение селитры (75%), серы (10%) и угля (15%). Возможно, если бы этот факт (взрыв пороха) произошел случайно с каким-либо обыденным человеком в те времена (средние века), то он вообразил бы, что это его попутал дьявол и отошел бы от этой смеси и не стал ее составлять и производить.

И если такому человеку не пришлось бы выдумать пороха, то это не значит, что всякая возможность к изобретению пороха пропала и отпала.

То же самое мы видим сейчас с вопросом применени. в современном бою и сражении таких новых технических факторов, как мотомехсоединения, мотосоединения, авиадесанты и пр. Конечно, самое легкое — это отойти в сторону от этих новых сложных вопросов, а не итти по пути к их разрешению и попытаться найти более целесообразные методы и способы управления новой боевой техникой, которой была еще беременна мировая война 1914—1918 гг. и которая (техника), родившись и развившись в послевоенный период, в данное время создает новые оперативно-тактические и стратегические теории для современной войны и ее ближайшего будущего.

Достаточно хорошенько вникнуть в сущность и конкретное содержание тех оперативно-тактических планов, которые предложили Петэн и Фуллер союзному командованию в 1918 г. для операций

---

[1] Маркс и Энгельс, Письма, Соцэкгиз, 1931, стр. 406—407.

[2] В литературе о научных работах Ньютона очень часто можно встретить, что толчком к открытию «закона всемирного или всеобщего тяготения» для Ньютона послужил факт падения яблока с дерева, когда он однажды сидел в саду. Сам Ньютон объясняет это иначе; он говорит, что, когда его занимал какой-либо научный вопрос, он все свои мысли сосредоточивал лишь на нем. Так и в данном случае, преддверием к открытию и обоснованию этого закона была колоссальная физико-математическая и астрономическая проработка вопроса, наполненная многочисленными специальными исчислениями, и проверка опыта работ Коперника, Кеплера и других. «В продолжение многих лет непрестанно думая и изучая большой опыт моих предшественников, проверяя и вычисляя дальше, я, наконец, пришел к закону всемирного тяготения»,—говорил Ньютон.

на 1919 г., чтобы понять, в каком направлении и куда перерастало развитие боевой техники в мировой войне и как эта боевая техника заставляла менять и находить новые методы, приемы и способы для ведения операций по-новому.

Мы считаем полезным для дальнейшего нашего изложения коротко остановиться на содержании этих весьма показательных оперативно-тактических планов.

Этим самым мы хотим еще раз подчеркнуть, что современные оперативно-тактические и стратегические теории, как и современная военная техника, имели «зерно», «клеточку», «ячейку» для дальнейшего своего развития еще в последние годы мировой империалистической войны и в многообразном гигантском опыте нашей трехлетней гражданской войны 1918—1920 гг.

И сейчас мы воочию убедимся, что опять, к а к и в с е г д а, торжествуют свою победу замечательные мысли, высказанные Энгельсом в «Анти-Дюринге», что армия и флот в первую голову зависят от экономических и политических условий, что и вооружение, и состав, и организация, и тактика, и стратегия в первую голову зависят от достигнутой в данный момент ступени производства и от степени развития путей сообщения.

Исторический анализ всей деятельности Шлиффена, Жоффра, Мольтке-старшего и младшего, как и Людендорфа, Фоша, Петэна, Фуллера и др., еще и еще раз говорит и подтверждает, что они не были свободны в своих теориях, а что дальнейшее изобретение лучшего и более могущественного оружия, как и изменение живого солдатского материала, играло здесь основную и главную роль.

Если говорить о «боевых заслугах» этих деятелей мировой войны, опять же мы видим, что в лучшем случае их влияние ограничивается тем, что они приспособляли характер борьбы к этому новому оружию и новому человеческому материалу, которые в конечном итоге зависят от уровня развития экономических отношений, причем у некоторых из них это происходило удачно, талантливо, а у других неудачно и заканчивалось в д е й с т в и т е л ь н о с т и катастрофой и крахом их оперативных и стратегических замыслов.

И все это относится не только к области военного искусства, но и к другим наукам и искусствам. Например, в области философии мы находим следующие замечательные мысли Ленина, содержание и внутренний смысл которых было бы не вредно хорошенько продумать некоторым авторам уже изобретенных изобретений.

«Гениальность Маркса и Энгельса, — пишет Ленин, — состоит как раз в том, что в течение очень долгого периода, п о ч т и п о л у с т о л е т и я, они развивали материализм, двигали вперед одно основное направление в философии, не топтались на повторении решенных уже гносеологических вопросов, а проводили последовательно, — показывали, к а к надо проводить т о т же материализм в области общественных наук, беспощадно отметая, как сор, вздор, напыщенную претенциозную галиматью, бесчисленные попытки «открыть» «новую» линию в философии, изобрести «новое» направление и т. д. Словесный характер подобных попыток, схоластическую

игру в новые философские «измы», засорение сути вопроса вычурными ухищрениями, неуменье понять и ясно представить борьбу двух коренных гносеологических направлений, — вот что преследовали, травили Маркс и Энгельс в течение всей своей деятельности»[1] (разрядка последних двух строк цитаты наша. — *Вл. М.*).

Есть не мало авторов за границей, с Фуллером во главе, которые, тщательно (но не искусно) обходя опыт нашей гражданской войны 1918—1920 гг., претенциозно заявляют, что они «открыли» «новую», так называемую глубокую пространственную стратегию и операцию.

Но если мы внимательно изучим весь опыт нашей вооруженной трехлетней борьбы на $^1/_6$ земного шара, мы увидим, что она не только является прообразом будущей революционно-классовой войны, но и дает блестящие образцы широких и глубоких маневренных операций, которые по своей пространственности в глубину превосходят самые смелые оперативно-стратегические замыслы и операции, наблюдаемые в военной истории.

Например, что могут нам возразить эти «изобретатели», когда мы им напомним лишь один из примеров истории нашей гражданской войны, а именно, гениальный план оперативно-стратегического удара по линии Курск, Харьков, Донбасс, Ростов, предложенный товарищем Сталиным и осуществленный под его непосредственным руководством в конце 1919 г. на деникинском фронте?

Пространственность этой операции, 800-км глубина ее одновременного удара (и с фронта и с тыла, и в военно-техническом и в политико-классовом отношении) равна не больше не меньше, как территории современных Испании и Франции.

А поэтому вывод может быть лишь один: чтобы не ставить себя в неловкое положение с «прогнозами» и новыми «измами», надо изучать историю, надо изучать, как явление возникло, какие этапы оно проходило, чтобы правильно понять, что данная вещь стала теперь и какие тенденции в своем закономерном развитии она имеет на будущее.

Без всестороннего и тщательного анализа и без постоянной работы над прошлым нельзя работать над будущим.

«Мы знаем, — говорили Маркс и Энгельс, — только одну единственную науку, науку истории»[2]. В эту фразу Маркс и Энгельс, как видим, включают не только прошлое, но и современность, так как совершенно ясно, что вчерашний день по отношению к сегодняшнему уже принадлежит истории.

В оперативных вариантах Петэна и Фуллера, которые они проектировали на 1919 г., если бы империалистическая война затянулась, мы видим основную мысль: с помощью огромного сосредоточения боевых технических средств и живых сил на широком фронте прорыва организовать удар таким образом, чтобы потрясти всю глубину боевого расположения противника в районе и на-

[1] Ленин, т. XIII, стр. 275.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, т. IV, стр. 8, Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б), 1933.

правлении главного удара. Иными словами, опыт боев 1918 г. на франко-британском фронте мировой войны явился родоначальником новой современной тактики и операции на новом этапе развития боевых и технических сил и средств [1].

И это вполне закономерное явление возникло в основном благодаря появлению новых боевых технических средств и благодаря твердому желанию и стремлению командования как можно более успешно прорвать поглубже оборонительную полосу и, быстро вклинившись в нее, разгромить живую и техническую силу противника на широком фронте, не дав ему времени для сосредоточения к широкому фронту прорыва резервов для парирования этого мощного удара.

Эта мысль исходила, главным образом, из опыта мало успешных прорывов Людендорфа в первой половине 1918 г., а также того опыта, который приобретен в результате операции Фоша во вторую половину 1918 г.

Таким образом, желание более целесообразно использовать накопившийся оперативно-технический опыт и с помощью новых боевых технических средств как можно быстрее преодолеть оборонительные полосы и выйти на маневренный простор, энергично действовать вне этих полос и тем самым не давать противнику возможности вновь возводить эти полосы, громить и истреблять его живую силу и технику в глубине его расположения — вот в чем основная соль оперативно-стратегической концепции тех планов, которые явились у командования Антанты в последний год первой мировой империалистической войны.

Но говоря об этой концепции, военные исследователи, как правило, «забывают» упомянуть «мелочь», что эта концепция была не только оперативно-стратегической, но и насквозь политической.

Надо иметь в виду, что империалисты, и особенно Антанта, фактом победы Октябрьской революции в России были смертельно перепуганы за свою дальнейшую судьбу и за осуществление в жизни своих оперативно-стратегических планов.

Для Петэна, Фуллера и генеральных штабов Антанты восстания в союзных войсках весной 1917 г. были грозным предостережением.

В конце 1917 г. весть о великом Октябре донеслась на Запад к линиям империалистических фронтов. Вербовщики пушечного мяса не на шутку заволновались, так как лозунг Октябрьской революции о превращении войны империалистической в войну гражданскую быстро преодолел все препятствия из железа, бетона и колючей проволоки, добрался до траншей и крепко засел в сердцах и головах солдат империалистических армий.

---

[1] Эти силы и эти военно-технические средства, ясно, отличны от сегодняшних (1935—1938 гг.), а поэтому, естественно, «глубина удара» на сегодняшний день качественно отличается, да и не может не отличаться, от тех планов, которые могли зародиться в полководческом искусстве в 1918—1919 гг., но «клеточка», «ячейка» для современной тактики и операции уже существовали в период 1918—1920 гг. на фронтах империалистической и нашей гражданской войны.—*Вл. М*

Империалисты спешили закончить войну и тем самым отобрать оружие у миллионов рабочих и крестьян, чтобы это оружие не было обращено против самой же буржуазии.

Генеральные штабы империалистических армий получили срочный заказ разработать план, который разрешал бы более эффективно и победоносно вопросы победы одной империалистической коалиции над другой.

И не случайно, что первыми авторами этого плана оказались, с одной стороны, ген. Петэн, который являлся одним из активнейших руководителей зверского подавления широких солдатских восстаний в союзнических армиях в 1917 г., с другой, — один из известных военных теоретиков и практиков империалистической буржуазии — Фуллер.

Империалистическая коалиция Антанты оказалась победительницей над капиталистическими державами Четверного союза еще до проведения в жизнь оперативных планов ген. Петэна и Фуллера. В тот момент, когда вспыхнула ноябрьская революция в Германии, «победители» в стане Антанты также очутились под непосредственной угрозой пролетарской революции. Но им в 1918—1919 гг. удалось предотвратить свою гибель. Буржуазией очень искусно был использован весь капиталистический аппарат с его мощными орудиями подавления и пропаганды. Как и всегда, ему всемерно помогала опытная растлительница отсталых рядов в рабочем классе — современная социал-демократия.

Капиталистической буржуазии «повезло» еще и потому, что штурм не был возглавлен т о г д а, 20 лет тому назад, организованным революционным пролетарским авангардом.

Еще не были тогда в необходимых размерах выкованы братские коммунистические партии, еще не окреп и не сорганизовался в мощную силу III Коммунистический Интернационал и еще в ожесточенных боях с мировым империализмом и внутренней контрреволюцией отстаивал свое существование Советский Союз — ныне могущественная крепость мировой пролетарской революции.

В те дни конца 1918 г. Советская республика сама была в огненном кольце фронтов гражданской войны, ее территория сузилась до размера нескольких губерний, классовый враг, вооруженный до зубов, напирал на нее со всех сторон.

Но буржуазия, организуя и проводя вооруженную интервенцию, на опыте нашей гражданской войны ясно видела, как все ее планы рушатся, ибо переброшенный с запада Европы солдат империалистической армии при соприкосновении с Красной Армией не в силах был выполнить данные ему буржуазией директивы, он очень быстро разлагался, терял силу боевого сопротивления.

В свете опыта нашей гражданской войны 1917—1922 гг. совершенно ясно, что интервенционистские отряды западно-европейской буржуазии не оправдали тех надежд, которые она на них возлагала.

Не сказать всего этого — это значит не понять основной политической сущности конца мировой империалистической войны 1914—1918 гг. и тех

оперативно-стратегических планов, которые вытекали из этой сущности в этот период.

Петэн и Фуллер, исходя главным образом из опыта боев последних трех лет (1916—1917—1918 гг.) мировой войны, а также из окружавшей их общей политической и военно-технической обстановки, выдвинули свою оперативно-стратегическую концепцию на 1919 г., которая должна была быть осуществлена, если бы война не закончилась в конце 1918 г. Эта концепция со всей ясностью говорит о том, что совокупность боевого опыта и боевых технических средств требовала, во-первых, новых оперативно-стратегических решений, новых методов в использовании мотора и брони (авиация, танки, артиллерия, броневой автомобиль и т. д.), и, во-вторых, более осторожного метода решений, с основным желанием за счет моторизованных войск решать главную задачу в операции (концепция Петэна); как увидим, и в период 1919—1930 гг. эта концепция продолжала быть господствующей во французской литературе.

Эта концепция Петэна отличается от проекта Фуллера и его школы, которая выдвигала иной план действий, где вопросы механизации являлись главными и массовое применение танков различных видов играло решающую роль.

Остановимся коротко на этих планах.

Вариант оперативного плана ген. Петэна

За 17 дней до генерального наступления союзнических армий, т. е. 8 сентября 1918 г., ген. Петэн (главком французских армий на франко-британском фронте) передал главковерху армий Антанты Фошу свои соображения по плану действий на весенние месяцы 1919 г. [1].

Сердцевина этого оперативного плана заключалась в следующем:

«Необходимо, — пишет Петэн, — добиться скорейшего прорыва и захвата дальних целей. Это обязательно даже в период предварительного наступления, ибо противник тем скорее втянет свои резервы и использует их с меньшей методичностью, чем скорее его система обороны будет расшатана нашими глубокими и быстрыми действиями».

Из содержания предыдущих глав нашего труда видно, что прорывы Людендорфа в первую половину 1918 г. не были ни глубокими, ни быстрыми, они не расшатали в целом систему обороны союзников, а, напротив, союзники своевременным вводом резервов из глубины к району неприятельского прорыва сравнительно быстро получали возможность снова организовать сплошной боевой фронт, перед которым обескровленные германские дивизии останавливались и замирали в новых траншеях, не достигнув цели. Таковы были прорывы на Амьен, Газебрук, Париж, из которых ни один не был занят германскими армиями.

[1] «Les armées françaises dans la grande guerre», t. VII. Annèxes, p. 354.

Вот этот опыт противника и предупреждал, в данном случае устами ген. Петэна, союзное командование, чтобы оно не повторило пройденный Людендорфом путь.

Опыт подсказывал, что самый страшный враг для атакующего — это **резервы противника**, быстрое и искусное маневрирование которыми сводит на-нет все усилия наступающего.

Отсюда появляется у Петэна идея посредством новых решений и новыми силами, средствами, способами «проглотить» эти резервы, заставить противника их израсходовать до момента главного решающего удара.

Мы видели, что ширина германских прорывов в марте — июне 1918 г. не превышала 60—70 км; это был дальнейший шаг по отношению к ширине прорывов в 1916—1917 гг. Но Петэн считал, что для успеха **не только нужна внезапность удара, но необходим более широкий фронт наступления** с обязательными демонстративными действиями на протяжении всего стратегического фронта.

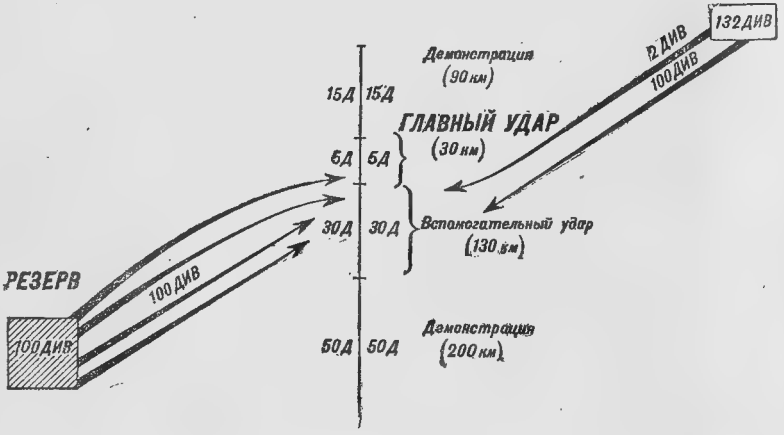
Это необходимо главным образом для того, чтобы дезориентировать противника и не дать ему возможности определить действительный фронт, где именно будут наноситься вспомогательный и главный удары.

Петэн считает, что вся ширина фронта наступления должна быть не менее 160 км, причем главный решающий удар должен быть нанесен на участке в 30 км.

Иными словами, на фронте в 130 км осуществляется вспомогательное наступление, а на 30 км—главное, решающее.

Но весь стратегический фронт, по расчетам ген. Петэна, к весне 1919 г. на франко-британском фронте будет не менее 450 км; таким образом, на фронте в 290 км также необходимо вести демонстративные действия.

Графически эта наступательная концепция, примерно, может быть выражена таким образом:



Черт. 14. Вариант оперативного плана ген. Петэна.

Петэн считал, что к весне 1919 г. у германской армии будет 200 дивизий, у союзников — 232 дивизии, причем материальное и моральное положение союзнических армий, учитывая непрерывную активную помощь со стороны США, будет неизмеримо более выгодным, чем у Германии.

Расположение этих сил Петэну рисовалось так: по 100 дивизий с каждой стороны находится на фронте, остальные силы в резерве (иначе говоря, в резерве союзников 132 дивизии и 100 дивизий у германцев).

Но как же «проглотить» эти 100 дивизий резерва противника?

Петэн считает, что в этом деле должен первую скрипку играть именно тот 130-км фронт, на котором будет происходить вспомогательный удар и куда потянутся из резерва остальные 100 дивизий противника.

Но когда же это может случиться?

Петэн смело заявляет — через 10—15 дней, так как «число дивизий, втянутых для обороны в первые 10—15 дней атаки, приблизительно равно числу километров фронта атаки». В доказательство, что эта формула верна, он приводит опыт боев в 1917 г. на р. Эн (апрель), между рр. Эн и Уазой (июль) и в районе Камбре (ноябрь) [1].

Как мы видели выше, Петэн считал необходимым вспомогательный удар наносить на 130-км фронте; этот фронт не только первым начинал игру, но и являлся тем оперативным пластырем, к которому потянутся резервы противника.

На фронте в первой линии обороняющийся будет иметь 30 дивизий и в течение первых двух недель будут втянуты все 100 дивизий резервов, что соответствует норме — 1 дивизия на 1 км фронта в продолжение 10—15 дней сражения.

Наступающий также должен будет втянуть в сражение при выполнении предварительной операции такие же силы, т. е. союзникам придется втянуть из резервов в дополнение к тем силам, которые будут уже на фронте, 100 дивизий. Тогда у союзников останется еще в резерве 30—35 дивизий или всего, вместе с силами 1-й линии, 37—38 дивизий. Эти силы и должны быть предназначены для нанесения главного решительного удара.

Таким образом Петэн считает, что 1 дивизия на километр фронта — вот та норма, которая будет естественной для обеих сторон. К 10-му или 15-му дню операции все резервы будут втянуты на вспомогательном фронте. После этого начинается генеральное сражение и удар 30—38 дивизиями на том 30-км фронте, который до этого находился в выжидательном положении и на котором шли бои предварительного характера.

Вся эта концепция пропитана доотказа схематизмом и механическим перенесением опыта прошлого (в данном случае боев 1917 г. и первой половины 1918 г.) на весну 1919 г. Казалось бы, трудно себе представить более странное положение, когда крупный военачальник, имеющий многообразный боевой опыт, так легко

[1] «Les armées françaises dans la grande guerre», t. VII, p. 364.

пришел к выводу, что на войне всегда $2 \times 2 = 4$ и что тому, кто хорошо знает арифметику, победа обеспечена.

История, с опытом которой так бесцеремонно, по-бухгалтерски обошелся ген. Петэн, может привести десятки примеров, когда полководцы хорошо знали не только арифметику, но и алгебру и даже диференциальное и интегральное исчисление и все же были биты.

Из биографии ген. Мольтке-младшего, ген. Нивелля, Людендорфа видно, что они прекрасно знали не только элементарную, но и высшую математику, но первый закончил свою карьеру Марной, третий — полным провалом своего плана наступательной кампании 1918 г., а второй вообще еще заслуживает, как и ген. Фалькенгайн в период Верденской операции, дальнейшего изучения.

Трудно себе представить более технически тщательную подготовку к наступлению между Суассоном и Аррасом 16 апреля 1917 г., которую проделал штаб французского главного командования под непосредственным руководством ген. Нивелля. Казалось, все было подсчитано, подвезено, обдумано, перерассчитано и т. д. Задача была поставлена смелая, решительная: «одним стремительным ударом прорвать германский фронт, отбросить германские армии за Рейн и открыть дорогу в Германию». Но на другой день депутат французской палаты депутатов Ибарнегарэ, который являлся участником этого наступления ген. Нивелля, в секретном заседании коротко докладывал:

«В 6 часов утра битва началась. В 7 часов она была проиграна».

В этом афоризме есть своя правда, которая говорит, что уже после результата первой атаки стало ясно, что столь долго готовившееся наступление ген. Нивелля окончится провалом; так оно и случилось[1].

Война и искусство ведения операций — дело весьма сложное, многогранное и противоречивое, оно требует самого тщательного расчета и подсчета сил и средств обеих сторон, но все это надо делать исходя из конкретного всестороннего анализа окружающей обстановки.

На войне, как и в политике, 2×2 может быть равным 5, а последняя цифра может превратиться в 4, т. е. так же, например, как неожиданно для современной империалистической буржуазии случилось, что в Советском Союзе первая сталинская пятилетка оказалась разрешенной в 4 года, в то время как весь капиталистический мир твердо считал, что для большевиков это вообще неразрешимая задача или же разрешение ее затянется на десятилетия.

Хотя в своем плане Петэн подчеркивает, что надо тщательно изучать противника, его политическое, материальное и моральное положение, его силы на фронте и состояние и расположение его резервов, но все это осталось лишь пожеланиями.

Петэн не знал о действительном положении Германии в 1918 г. И если бы 8 сентября Петэну сказали, что через 3 месяца Германия капитулирует, что она согласится, по требованию Верховного

[1] По этому периоду см. интересный и с большим фактическим материалом сборник «Революционное движение во французской армии в 1917 г.», изд. Гос. соц.-экон. издательства, М., 1934 г.

совета Антанты, отвести свои войска за Рейн и что его план останется лишь бумажным произведением, то этому он отказался бы верить.

Попробуем коротко оценить оперативную концепцию Петэна.

В оперативном разрезе эта концепция если и не носит печати особой оригинальности, то она все же интересна в том отношении, что на вспомогательный фронт возлагает весьма большую и исключительно ответственную задачу.

Получается так: наступление развивается на всем фронте, этот наступательный удар не только притягивает к себе все резервы противника, но и должен стремиться глубоко вклиниться в расположение противника.

Из этих 160 км фронта участок в 30 км до начала главного удара (который Петэн считает возможным начать на 16-й день, т. е. тогда, когда все резервы противника будут втянуты на всем этом 160-км фронте), в период 10—15 дней, также будет находиться в состоянии боевого напряжения.

Но вот наступает 16-й день сражения; это именно тот день, когда, по расчету Петэна, «все резервы противника будут втянуты на фронте предварительных атак». К этому моменту на участке 30 км уже подброшены свежие дивизии в числе 30—38 из резерва, которые, сокрушая все на своем пути, поведут глубокий удар для достижения дальней цели.

Как помнит читатель, Петэн свой план передал Фошу 8 сентября, а 25 сентября под руководством Фоша армии союзников перешли в генеральное наступление.

В военной литературе нет материала, который бы говорил, как Фош расценил этот план Петэна. Но мы видели, что этот план не нашел своего отражения в наступательном плане Фоша от 25 сентября.

Мы считаем, что Фош невысоко расценил этот план Петэна, и это не случайно. Совершенно ясно одно, что основной недостаток этой оперативной концепции в том, что она в своем замысле слишком уж много не только думает (что неплохо), но главным образом твердо решает за противника.

Неизбежно является вопрос: а что будет с этим планом, если свои 100 дивизий резерва противник не притянет к 160-км фронту петэновского наступления?

Почему Петэн так уверен, что эти 100 дивизий не могут иметь никакого успеха, дадут себя «проглотить»?

А разве при исключительно сложной и многообразной боевой обстановке не может быть такого положения, когда противник не рискнет себя окончательно разоружить и оставит десятка два-три дивизий прозапас, на «черный день»?

Что тогда будет с теми 30—38 дивизиями Петэна, которые бросятся к дальней цели, но будут контратакованы этими двумя — тремя десятками дивизий?

Когда мы так ставим вопрос, мы не упускаем, конечно, из виду все те старательные цифровые расчеты по усилению всего наступательного 160-км фронта, которые делает в своем плане Петэн.

Но ведь и противник в 1919 г. имел бы и танки, и артиллерию, и авиацию, и прочую боевую технику.

Основной недостаток плана Петэна в том, что он берет опыт боев 1917 и 1918 гг. (первая половина) и из этого опыта механически делает вывод для действий на будущее.

Такое прямолинейное, деревянное использование опыта прошлого слишком уже схоластично. Из этой докладной записки-плана Петэна совершенно ясно видно, что он готов был и до 1 апреля 1919 г. весьма высоко расценивать германскую армию и ее боеспособность, а также и дарование ее военных вождей. И, несмотря на это и одновременно с тем, Петэн думал, что германская армия и ее вожди будут делать именно так, как это хочется ему.

История войн сотнями примеров может подтвердить, что противник может обмануть и сделать как раз наоборот, поставив такого самоуверенного создателя плана в крайне тяжелое положение. Опытом истории надо пользоваться крайне продуманно, осторожно и умело, так как в противном случае вместо пользы он может дать лишь вред.

Что касается технико-материального обеспечения плана наступления на 160-км фронте, то у Петэна мы видим ряд цифр, которые говорят о дальнейшем значительном количественном увеличении танков, авиации, артиллерии и пр., которые потребовались бы в операциях на 1919 г.

Из предыдущих глав мы видели, что соотношение сил в августе 1918 г. у обеих сторон на франко-британском (западном) фронте было таковым:

Союзники — 202 дивизии, 11 340 легких плюс 8 900 тяжелых орудий, 5 500 боевых самолетов, 1 900 танков.

Германцы — 190 дивизий, 9 500 легких плюс 7 300 тяжелых орудий, 2 200 боевых самолетов, ноль танков.

В плане эти цифры представлены на 1 апреля 1919 г. в значительном увеличении.

Огромные массы танков, авиации, артиллерии при полном взаимодействии с пехотой, которую, к слову сказать, Петэн предлагал хорошенько натренировать и переобучить для маневренной войны (т. е. то же самое, что делал Людендорф),— вот что будет решать, говорит Петэн, судьбу сражения в 1919 г.

Как выше указывалось, численную и техническую плотность наступательного фронта Людендорф давал в первой половине 1918 г. таким образом, что на 1 км фронта приходилось: 1 пехотная дивизия, 100 орудий и 15 самолетов.

Норма — 1 пехотная дивизия и 100 орудий на 1 км фронта у Петэна также остается в силе и на 1919 г.

В отношении количественного увеличения танков Петэн дает неизмеримо бо́льшую заявку, чем то было у союзников не только в августе — сентябре 1918 г., но и к моменту окончания войны.

Например, в ноябре 1918 г. к моменту перемирия у союзников насчитывалось 2 000 танков; Петэн же в своей докладной записке-плане от 8 сентября 1918 г. выдвигал мысль, чтобы наступательный 150-км фронт имел не менее 6 700 легких и 1 800 тя-

желых танков, т. е. 8 500 танков. Если учесть, что у германцев танков было в период войны очень мало, такое количество танков у союзников давало бы им огромное преимущество.

В отношении авиации нормы, приводимые Петэном, — 1 самолет на 300 м фронта — меньше тех норм, которые мы видели у германцев в период их прорывов в первой половине 1918 г. Но Петэн продолжал уделять большое внимание бомбардировщикам.

Для того чтобы наступление было непрерывным и глубоким, необходимо, как мы видели из рассуждений Людендорфа (глава XVIII), это наступление непрерывно питать всем нужным для боя и соответственно быстро перемещать артиллерийские средства вперед. То же самое предлагал и Петэн. Он пишет:

«Перемещение артиллерии вперед упирается в трудность прохождения зоны воронок. Необходимо использовать новые способы и приемы, чтобы иметь возможность непрерывно наступать». Для этой цели Петэн выдвигает предложение о создании пушечных танков, повозок для снабжения, установленных на гусеницу (так называемые катерпиллеры), а также артиллерии, поставленной на гусеницы.

Как видим, опыт войны помогал Петэну найти правильное разрешение вопроса организации мощных технических средств подавления таким образом, чтобы они давали больший эффект, чем то было в операциях на французском фронте в 1918 г. И если уже в сентябре 1918 г. Петэн предлагал значительно увеличить танковое оружие для операций в 1919 г., то его боевой соратник из английской армии в этом же году выдвигал мысль об организации такой танковой операции, которая бы решала участь генерального сражения и через это сражение всей войны. Это был Фуллер.

Вариант оперативного плана Фуллера

Наступательный план, предложенный Фуллером, в политическом и военно-техническом отношении исходил из опыта массового применения танков, которые мы наблюдали в операциях 1917—1918 гг. Уже в те годы Фуллер ясно видел, что «царица полей сражений» п е х о т а, набранная из рабочих и крестьян, — мало надежное оружие для буржуазно-империалистической войны. Многомиллионная пехота стала разлагаться гигантскими темпами, пение рабочего гимна «Интернационал», лозунги «довольно войны!», «долой войну!», «требуем отпусков!» в траншеях и войсковом тылу становились явлением обычным.

Главная квартира союзников в своих делах и папках имела уже много донесений от командования частей о сотнях случаев восстаний и бунтов в войсках; пехота стала частенько арестовывать своих офицеров, а подчас и физически их истреблять. В инженерно-технических частях революционное настроение было ниже, эти части комплектовались из буржуазно-кулацких слоев. Эти более тщательно классово отобранные войска, посаженные в стальные коробки, вооруженные пулеметами и пушками, для Фуллера были наиболее под-

ходящими; он полагал извлечь из них бо́льшую пользу и больший эффект в наступлении.

«Надо оставить пехотному стаду более легкую долю — закрепления, оккупации всего захваченного танковым оружием», — пропагандировал уже в те годы оголтелый империалист Фуллер.

Как мы уже знаем, свою боевую работу танки начали с малого, но затем с каждым новым этапом они все более увеличивались в числе.

В сентябре 1916 г. в боях на Сомме приняло участие сперва 18 танков, а затем 13. В апреле 1917 г. в боях у Арраса — 60 танков. В 1916 г. и в первой половине 1917 г. танки участвовали в боях большей частью мелкими подразделениями с основной задачей содействия пехоте.

Но одновременно с этим боевым опытом шли организационные мероприятия в отношении танкового оружия, и мы видим, что в июне 1917 г. англичане уже сформировали так называемый «танковый корпус», т. е. танки превратились в самостоятельный род войск.

В ноябрьских боях 1917 г. под Камбре этот новый самостоятельный корпус получает первое боевое крещение, он самостоятельно ведет наступление на 10-км фронте в составе 300 танков.

Под подвижной огневой завесой 1 000 орудий в течение одного дня эти танки сумели вклиниться на 12 км в глубину германской обороны. Хотя потери были большие (около 150 танков), но и результаты по тому времени были значительные. Танки проложили свободную дорогу для пехоты, которая в этих боях имела незначительные потери.

Французское командование решило не отставать в этом деле от своих союзников — англичан, и в боях под Виллер-Коттерэ в июле 1918 г. приняло участие более 200 танков, а на всем фронте 10-й французской армии за период с 20 августа по 17 сентября в боях участвовало 480 танков.

Неприятельская артиллерия очень активно боролась с этими медленно двигающимися по полю боя стальными чудовищами, она сотнями их выводила из строя, но конечные результаты в виде глубокого пролома германской обороны при минимальных потерях в пехоте заставляли все более и более увеличивать производство танкового оружия.

Работала и конструкторская мысль, желая дать такой танк, который бы был более быстроходным и менее уязвимым для противотанковых орудий неприятеля.

8 августа 1918 г. под Амьеном англичане делают новый шаг; они бросают в бой 324 тяжелых (марку V) и 96 легких (Уйпеты) танков, затем 42 резервных танка, 96 танков для снабжения и 22 бронемашины; в общем 580 бронемашин принимают участие в бою. В этой Амьенской операции совместно с танками приняли участие 3 корпуса пехоты и 1 корпус конницы. В первый день боя 415 танков прорвались на 12 км в глубину, а через два дня глубина прорыва была доведена до 30 км, после чего танки выдохлись.

Во всех боях под Амьеном в эти дни приняло участие с выдвинутыми из резерва всего 688 танков, из которых осталось лишь 200 танков. Но и германская армия понесла огромные потери: было выведено из строя несколько дивизий, что заставило Людендорфа охарактеризовать эту операцию как «траурный день для германской армии».

Как видим, несмотря на свою примитивную техническую конструкцию (тихий ход, громоздкость и пр.), в последние месяцы мировой войны танкам все же удалось делать большие дела, и не только в тактическом, но и в оперативном разрезе.

Союзное командование уже в 1918 г. не жалело средств на постройку танкового оружия, и танки начали производить не сотнями, а тысячами.

Удачное массовое применение танков в бою и операции и массовое их производство заставляют Фуллера предложить на 1919 г. новый план использования танкового оружия.

В этом плане массовое применение танков при боевом взаимодействии с авиацией, по мысли Фуллера, должно было играть решающую роль. Если в плане Петэна мы видим, что он еще возлагает значительные задачи на пехоту, которая участвует в 1-м и 2-м эшелонах, причем во 2-м эшелоне она посажена на автомобиль (моторизованная пехота), то Фуллер отводит в своем плане для пехоты скорее подсобную, вспомогательную роль с основной задачей после прорыва оккупировать уже захваченную танковым оружием территорию противника.

Из предыдущей главы мы видели, что Людендорф определял возможный размах и глубину наступательного маневра, примерно, в 120—150 км; после достижения этой глубины, он считал, надо было перестраиваться, так как чрезмерная растяжка тыла в целом могла оставить наступающего без огнеприпасов, людских пополнений и снабжения всем необходимым для боя.

В первую половину 1918 г. Людендорфу лишь один раз удалось, да и то только на половину этой глубины (60—65 км), продвинуть свои дивизии (мартовское наступление на Амьен), остальные прорывы выдыхались уже на 40-м км и менее.

Петэн строил свой план на операцию 1919 г. исходя из расчета, что после прорыва и продвижения 1-го эшелона (танки плюс пехота) на 20 км 2-й эшелон в виде моторизованной пехоты развивает преследование; но в этот 2-й эшелон у Петэна нет большой веры — местность будет страшно изрыта воронками и наполнена фортификационными препятствиями; поэтому 2-му эшелону не так-то легко будет развить быстрые темпы наступления, даже несмотря на то, что машины будут обильно снабжены гусеницей, а подвоз будет происходить с помощью катерпиллеров (гусеничные повозки для снабжения).

В общем, при размахе наступления в глубину на 30-км фронте главного удара, когда на остальном фронте (130 км) будут втянуты все резервы противника, Петэн допускал возможность продвижения вперед в первые же дни на 50—75 км. Эти цифровые

предположения Петэна для непрерывного маневра основаны в первую очередь на тех реальных территориальных захватах, которые наблюдались в прорывах Людендорфа в первую половину 1918 г. Правда, эти прорывы пожирали не только огромное количество живых сил и технических средств, но и затягивались во времени (например, прорыв на Амьен продолжался с 24 марта по 4 апреля, вклинившись за это время лишь на 65 км в глубь обороны союзников).

Переходя к краткому рассмотрению плана Фуллера на 1919 г., необходимо и здесь подчеркнуть, что в иностранной и нашей печати не совсем точно излагается этот план-проект.

Цифровые подсчеты Фуллера на 1919 г. смешиваются с его цифровыми расчетами по новому проекту, написанному уже в 1927 г.

Так, например, в очень интересной работе Калиновского «Проблема моторизации и механизации современных армий» получается, что 30 000 танков будут наступать по этому плану на 80 км фронта.

В операции 1919 г. Фуллер считал возможным иметь ширину фронта наступления 80 км. В работе «О будущей войне» (написанной в 1927 г.) ширина фронта наступления удвоена им и доведена до 160 км.

В плане-проекте на 1919 г. средства определены так:

а) Для удара по штабам и тылам противника будут действовать 300 быстроходных средних танков новой конструкции, весом не более 20 т, защищенных броней от бронебойных пуль, со скоростью не менее 32 км в час (иными словами, должны были быть переконструированы танки системы «Уйпет», которые давали в 1918 г. максимально 12—14 км в час, или созданы новые со скоростью в 32 км в час). Эти новые танки должны были иметь запас горючего с таким расчетом, чтобы получился кругооборот в 320 км.

б) Одновременно с прорывом в глубину вышеуказанных 300 танков ведут фронтальную атаку 3 000 танков марки VIII и средних танков марки «С» (в одинаковом количестве каждой из этих марок).

в) 10 000 американских тракторов обеспечивают бесперебойное снабжение боеприпасами и продовольствием при прорыве и преследовании.

В 1927 г. Фуллер пошел несколько дальше в своих расчетах и оперативных предположениях.

Фронт атаки он берет шириной в 160 км. Он предполагает, что на таком фронте будет пять армий противника, т. е. фронт каждой будет равняться 32 км. Атака этого 160-км фронта Фуллером мыслится таким образом:

а) Первым долгом наносится удар не по артиллерии противника, как прежде, а по штабам его армий, т. е. по «мозгу», как выражается Фуллер.

Это будет 1-я зона между передним краем оборонительной полосы и штабами армий.

В этой первой зоне боевая работа быстроходных танков должна сосредоточиться главным образом на разгроме штабов армий, причем, если прорыв этих танков будет происходить днем, потребуется дымовая завеса; этот прорыв, как полагает Фуллер, может быть осуществлен и ночью.

Самолеты днем посредством цветных дымов, а ночью посредством цветных ракет помогают танкам определить районы расположения штабов армий.

От переднего края оборонительной полосы до штаба армии, по мнению Фуллера, будет расстояние не более 32 км. Таким образом, примерно, через 2 часа эти быстроходные танки будут уже громить штабы армий противника.

Одновременно с этим все наличные бомбардировщики атакуют центры снабжения и пути сообщения прифронтовой полосы, причем (весьма оригинальное замечание Фуллера) эти бомбардировщики должны избегать разгрома сети технической связи.

Это необходимо для того, — пишет Фуллер, — чтобы противник передавал тревожные сведения об атаке танками и авиацией и тем самым еще более увеличивал у себя панику. Таковы действия в первой зоне.

б) 2-я зона — это местность от переднего края обороны противника до артиллерийских позиций. Фуллер считает глубину этой зоны в 9 км.

Действия в этой зоне начинаются почти одновременно с прорывом быстроходных танков, ушедших атаковывать «мозги» — штабы неприятельских армий.

Во 2-й зоне будут действовать,— иными словами, осуществлять заранее организованный прорыв,—танки, пехота и артиллерия, основная задача которых — разгром артиллерии неприятеля. И как только этот прорыв осуществлен, сейчас же начинается преследование всеми наличными танками и пехотой на грузовиках.

Впереди опять двигаются эскадры танковых крейсеров, которые вместе с пехотой рассеивают встречающиеся войсковые части противника, захватывают центры путей сообщения и пр.

Фуллер считает, что для того чтобы нейтрализовать главную квартиру фронта противника, достаточно сбросить несколько сот тонн фугасных бомб.

Таким образом, у Фуллера танки и авиация — основные и главные элементы в сражении.

На авиацию Фуллер возлагает большие надежды; он считает, что она должна: «а) выступать в танковых операциях в качестве авангарда; б) содействовать танкам в дезорганизации штабов противника; в) вести танки к объектам действия; г) снабжать специальные передовые эскадры танковой флотилии горючим, боеприпасами и пр.; д) прикрывать танки от пушечного огня противника; е) поддерживать связь между танками и их базой действия; ж) поднимать командиров танковых бригад во время боя над их боевыми секторами, чтобы они видели, что́ делают их танки, и соответственно с этим могли направлять свои резервы».

Как видим, и план 1919 г. и теоретические рассуждения Фуллера в 1927 г. покоятся на двух основных оперативных положениях:

1) разгром штабов армий и армейских групп посредством прорыва в глубину быстроходных танков и

2) прорыв танками и авиацией на широком фронте неприятельской обороны, продвигая пехоту через оборонительную полосу.

При этом Фуллер фактически не разделяет два указанных этапа, а объединяет их в одновременное действие.

Как известно, ни план Петэна, ни проект плана танковой атаки-наступления Фуллера на 1919 г. не были приняты союзным командованием, несмотря на то, что первый передал свой план в сентябре, а второй предложил его в середине 1918 г.

В жизни был осуществлен разработанный Фошем план наступления, о котором мы говорили в главе XVIII.

Мы не будем здесь детально рассматривать эти проекты Фуллера с точки зрения целесообразности и возможности их осуществления в конкретных условиях последнего года мировой войны. Нас больше интересует вопрос, как непрерывное и всестороннее развитие боевой техники заставляло менять приемы и способы управления войсками.

Вот на этом мы очень коротко здесь и остановимся.

Мы видим, что уже в 1918 г. стремление командования нанести сразу глубокий удар, с тем чтобы скорее преодолеть укрепленную полосу противника и выйти на маневренный простор, становится реальной задачей для очередного решения, причем танки и авиация должны были играть наиглавнейшую роль; к этому, между прочим, склонялся и Петэн, говоря в своем плане, что «сражение 1919 г. будет сражением танков и авиации».

Желание Фуллера использовать танки не в сотнях, как это было в районе Камбре и Амьена, а в тысячах исходило из того факта, что большая программа строительства танков намечала иметь в 1919 г. во всех союзных армиях на франко-британском фронте около 30 000 танков. Отсюда, раз удался опыт в применении танковых групп по 400—500—600 штук, вполне реальным становилось дальнейшее увеличение этих групп для самостоятельных действий.

Фуллер предлагает вспомнить тактику Наполеона, который, как он пишет, «не стремился к тому, чтобы сперва прорвать фронт противника, а затем рисковать подвергнуться удару резервов противника, когда войска наступающего уже дезорганизованы. Наполеон втягивал резервы противника в огневой бой и только тогда, когда они были скованы, прорывался или охватывал их».

Здесь Фуллер действует, как и Шлиффен в своих «Каннах»: он берет из полководческого опыта Наполеона одну деталь, одну сторону и возводит ее в принцип, чтобы доказать, подтвердить опытом большого полководца свою теорию.

Искусство Наполеона было очень разнообразно, он действовал всегда в зависимости от конкретных условий обстановки; скажем,

при Ваграме и Бородине он действовал, примерно, так, как это пишет Фуллер, а в других своих операциях и кампаниях совершенно иначе.

Но Фуллера это мало трогает, он с военной историей во всех теоретических работах оперирует, примерно, так же, как приказчик в бакалейной лавке с предметами своего ассортимента.

Так и в данном случае ему важно доказать правильность своего положения о необходимости: а) принудить противника массировать свои резервы в нужном для атакующего районе; б) дезорганизовать эти резервы авиацией и механизированными войсками, а не прорываться через них.

Идея, конечно, не плохая, но опытный противник едва ли будет дремать, он будет также стремиться разгадать, что́ с ним хотят сделать, а поэтому и стараться сделать как раз наоборот, чтобы самому поймать в ловушку того, кто хочет поймать его.

Все это основное, чем наполнена всякая серьезная война, сплошь и рядом забывают военные теоретики, рисуя на бумаге свои архисмелые схемы.

Основное искусство исследователя военных явлений должно заключаться в очень простом правиле: никогда в изложении своих теоретических рассуждений не забывать о тщательном и всестороннем анализе противника, его сил и средств, — это, во-первых, а во-вторых, никогда из противника не делать простачка, с которым можно обращаться так, как кому заблагорассудится.

Тот, кто не хочет понять этой простой вещи, на войне неизбежно встретится со многими неожиданностями.

И если у Фуллера мы можем найти немало интересных, ярких и весьма ценных положений, как использовать в современной войне механизированные войска, как более целесообразно установить между ними и боевой авиацией конкретное взаимодействие, как добиться одновременного поражения противника на всю глубину его обороны и пр., то в трудах Фуллера достаточно и теоретической шелухи, искаженных и подтасованных фактов, фантазерских положений.

Фуллер — интересный военный писатель, но труды его эклектичны и так переполнены парадоксами, что неискушенный читатель может поверить тому, чему как раз не надо верить. Три четверти своих теоретических исследований Фуллер строит на следующем лейтмотиве:

«Чем больше резервов, — пишет Фуллер, — мы заставим противника массировать и чем больше мы сможем их дезорганизовать, тем выше будет тактический процент на наш капитал. С танковыми крейсерами и самолетами нет причин, чтобы мы не могли получить 100% на наши вложения. А это означает выигрыш войны в одном сражении».

Как видим, многомиллионная современная армия у Фуллера заменена главным образом крепко сколоченной в классовом отноше-

нии небольшой механизированной армией, которая совместно с воздушной армией, также соответственно классово подобранной, будет быстро через одно генеральное сражение решать судьбу всей войны.

Что же касается боевого использования танкового оружия по-новому, то сущность оперативной концепции, заложенной в проекты планов Фуллера, лучше всего видна из того, что он сам пишет по этому поводу.

«Если мы, — пишет он, — внезапно устраним мозги армии, т. е. ее штабы армий, корпусов и дивизий на значительном участке (в данном случае на фронте в 80 или 160 км и в глубину на 35 км. — *Вл. М.*) неприятельского фронта, то полный развал его боевого личного состава, которым эти мозги управляют, сделается вопросом времени. Если мы вовсе не окажем ему противодействия, но вдобавок к удару, проникающему через мозг, нанесем ему еще другой удар по желудку, т. е. расстроим систему снабжения позади фронта, его бойцы будут обречены на голодную смерть».

В другом месте Фуллер говорит:

«Чтобы проникнуть через современную полосу сопротивления, защищенную всевозможным огнестрельным оружием и проволочными препятствиями, или чтобы вовсе миновать ее, могут быть применены: а) самолеты, чтобы через нее перелететь, и б) танки, чтобы ее пересечь».

Но и то и другое, по мысли Фуллера, должно быть в грандиозных массовых размерах, с тем чтобы подавить техникой и огнем волю к сопротивлению противника, чтобы сбить и уничтожить все те противодействия, которые он будет неизбежно применять.

И если план-проект Фуллера не был принят в 1918 г., то это не значит, что он бросил идею использовать танковое оружие по-новому. Напротив, все последующие теоретические работы Фуллера в послевоенный период еще более углубляли и уточняли эту теорию.

Фуллер тщательно изучает военную историю и особенно идейную сторону наполеоновских маневров.

Он хочет, чтобы эти маневры Наполеона, насыщенные другим конкретным содержанием, работали на современность. Одновременно с этим уже в 1918 г. Фуллер требует от конструкторов скорейшего создания таких танков, которые бы отвечали трем основным условиям: а) движение с максимальной скоростью — 20 миль (32 км) в час; б) радиус действия в 200—300 миль (320—480 км); в) достаточная легкость, чтобы двигаться через обыкновенные мосты.

В противовес ряду французских военных писателей Фуллер выдвигает мысль посредством массового применения механизированных войск закончить войну одним уничтожающим сражением, избегнув войны на истощение.

Широкое маневрирование резервами, когда десятки дивизий с помощью железнодорожного и автомобильного транспорта перебрасывались в очень короткие сроки с одного оперативного направления на другое, было обычным явлением в 1917 и 1918 гг. миро-

вой войны. Эти резервы являлись главным препятствием для наступающего; с помощью их он быстро строил новый огневой фронт обороны, о который и разбивались наступающие силы противника, до этого уже достаточно обескровленные после прогрызания первых линий обороны неприятеля.

Мы еще не раз вернемся к теориям Фуллера, но здесь попутно заметим, что теория небольших классово подобранных и прекрасно вооруженных армий не нова.

Во всяком случае, это изобретение не английского генерала Фуллера. В 1873 г., т. е. когда Фуллеру было всего лишь 5 лет от роду, в своей известной работе «Вооруженный народ» фон-дер-Гольц, после анализа современных миллионных армий, появившихся на его глазах уже во франко-прусскую войну 1870 г. и после нее, говорил следующее:

«Некогда настанет день, в который господствующие теперь на войне явления исчезнут; формы, способы управления и взгляды опять переменятся; предчувствуется то время, когда миллионные армии настоящего времени сыграют свою роль. Явится новый Александр, который с маленькой горстью превосходно вооруженных и обученных людей прогонит эти бессильные массы, если они в своем стремлении постоянно увеличиваться перейдут границы, потеряют внутреннюю сплоченность и, как китайские воины зеленого знамени, обратятся в многочисленную, но миролюбивую толпу мещан».

Так писал ген. Гольц в период быстрого бега германского империализма к зениту своего развития. Эти слова написаны за 30 лет до мировой империалистической войны, 1914—1918 гг., в которой, как мы видели, были выставлены многомиллионные массы и которая не дала ни в одной враждовавшей коалиции своего «Александра».

Примерно о том же говорит в своих работах Фуллер, но уже после опыта четырехлетней империалистической войны.

Фуллеру принадлежит идея — небольшую армию, «маленькую горсть превосходно вооруженных и обученных людей», посадить в танки и самолеты, построить соответствующие новые боевые порядки и искать победу на современных полях боя посредством одного генерального сражения.

Но современная победа не так-то легко дается, как это кажется Фуллеру, Мартелю, Лиддель-Гарту, экстремисту Дуэ и другим сверхмеханизаторам и алхимикам империалистической буржуазии, выискивающим пути и тропы легкой победы для нее.

Но сколько бы ни мистифицировали все эти талантливые и неталантливые теоретики современных империалистических армий, процесс современного исторического развития человечества со всей ясностью говорит, что победа в новой войне будет принадлежать в конечном итоге не маленьким армиям бронированных рыцарей современной империалистической буржуазии, а многомиллионным рабоче-крестьянским массам, с каждым днем все более твердо осознающим свое историческое право на власть и господство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если за период 1914—1918 гг. развитие военной техники, как мы видели из главы XV, сделало огромный скачок вперед, то с окончанием мировой войны и до сегодняшнего дня это развитие продолжается, принимая все более грандиозные размеры.

Качественные и количественные показатели в развитии военной техники к данному времени превзошли даже самые смелые предположения, но и это скорее говорит лишь о начале нового этапа в качественном развитии вооружений современных империалистических государств.

Несмотря на то, что все современные крупнокапиталистические государства заняты вопросами тщательного фортификационного укрепления своих государственных границ, их официальные военные теоретики в один голос, как и перед августом 1914 г., заявляют, что будущая война будет войной маневренной.

Соответственно с этой идеей и исходя из этой основной и доминирующей над всем постановки вопроса, идет организационно-боевое строительство их вооруженных сил и строится все их военно-инженерное искусство.

По сравнению с 1918 г. боевая техника сделала огромный скачок вперед в своем дальнейшем развитии и качественном улучшении.

Военные теоретики и практики буржуазии стремятся доказать, что современная разнообразная военная техника наступления (бомбардировочная авиация, новые типы танкового и химического оружия и пр). вызвала и вызывает как противодействие ей сложную и мощную систему современной обороны.

В этом отношении действие закономерно и отнюдь не эволюционно, а революционно, скачкообразно, оно вызывает противодействие и вызывает диалектически.

Опыт мировой империалистической войны 1914—1918 гг. и проекты на 1919 г. (Петэн и Фуллер) постоянно предупреждают, что позиционная война была фактом в продолжение многих лет и что не исключена, как думают некоторые из западно-европейских военных писателей, возможность ее повторения в будущем, но на новом этапе развития военного дела в целом.

Вот это предупреждение в наши дни и является как бы «шверпунктом», который пытаются успешнее преодолеть все генеральные штабы современных армий, жаждущие громких молниеносных маневренных побед в открытом поле, а не томительной позиционной борьбы с долгим позиционным сидением, с исключительно длительной и систематической подготовкой к прорывам, которые в 1917—1918 гг. давали в конце концов очень малый оперативно-стратегический результат.

Но современное положение в полосе государственных границ ясно говорит, что дело без прорывов с самого начала военных действий никак не может обойтись (см. схемы 20 и 21).

На этот неприятный шаг уже идут (да и не могут не итти) генеральные штабы. Но, учитывая, что укрепления и фортификационные заграждения не могут простираться от государственной

границы до столицы, как главного политического, экономического и культурного центра страны (образно говоря, не может быть такого порядка, при котором — что ни шаг вперед от государственной границы, то «позиция резервов»), каждый генеральный штаб стремится к тому, чтобы после преодоления противником пограничной полосы на главном направлении, в дальнейшем не дать ему *надолго* останавливаться на выгодных для него рубежах и превращать эти рубежи в трудно преодолимые препятствия. Эта основная линия в развитии современного военного искусства, разбирающего операции начального периода современной войны, опирается главным образом на опыт мировой империалистической войны 1914—1918 гг., а также на развитие военного дела и военной техники за последние 10—12 лет.

Если, как мы видели выше, по Энгельсу гидростатика была вызвана к жизни потребностью регулировать горные потоки в Италии, то точно так же, для того чтобы преодолеть современные сложные укрепленные полосы из серии укрепленных районов и огневых точек в полосе государственной границы, нужна и новая боевая техника, нужно и новое управление как этой техникой, так и живыми силами, которые будут действовать во взаимной связи с ней.

Новая система пограничных укреплений, *основанная* на опыте мировой войны 1914—1918 гг. и современном состоянии военного дела в целом, насквозь пропитанном политико-экономическими факторами, вызвана к жизни именно благодаря новой, сложной боевой технике и той новой политико-экономической обстановке, на которую работает эта боевая техника.

Таким образом, новая система пограничных укреплений есть производная как от новой политико-экономической обстановки, так и от боевой техники, которую по-новому использует командование данной армии данного государства.

Методы и приемы преодоления железобетонного пояса генерала де-Ривьера (1914 г.) или укрепленных полос Вотана, Зигфрида, Гента, Германа, Гундинга, Брунгильда, Михэля (1917—1918 гг.) были подходящими и своевременными, т. е. соответствовали именно той политической обстановке и боевой технике и тем живым боевым силам, которые использовались в те годы.

Методы и приемы преодоления современных укрепленных районов, тянущихся вширь и вглубь по франко-бельгийской и швейцарско-германской границам, естественно, должны быть новыми, ибо никто после опыта мировой войны не пожелает пытаться со старыми средствами и методами вести операцию по оперативно-стратегическому развертыванию своих живых сил и технических средств для преодоления *современных* укрепленных полос, составленных из укрепленных районов и долговременных огневых точек, прекрасно замаскированных под местность.

Мы видели из глав I и II, что идейное содержание оперативно-стратегического варианта Шлиффена (декабрь 1905 г.) в первую очередь исходило у него из анализа тех укреплений, кото-

рые были созданы французским генералом де-Ривьера после войны 1870 г.

Шлиффен считал, что бросить после стратегического сосредоточения и развертывания германские армии прямо на эти мощные пограничные укрепления — это значит увязнуть на долгое время в борьбе за овладение этими укреплениями, с тем чтобы уже затем выйти на маневренный простор. Зачем же проделывать эту сизифову работу, когда есть возможность сразу же через бельгийскую территорию выйти на маневренное поле и тем самым обойти и выйти в тыл железобетонному поясу крепостей Бельфор, Эпиналь, Туль, Верден, Мезьер. Именно на этой основной идее, вытекавшей из анализа конкретного положения на французской государственной границе, и был построен план развертывания армий по варианту 1905 г. Шлиффена.

Фош и Вейган при создании новых приграничных укреплений, которые французами начали возводиться с 1925 г., исходили из основной формулы Наполеона I, что «без наличия крепостей нельзя составить хорошего плана кампании».

Но план войны не является чем-то установленным на долгие годы и трудно поддающимся в дальнейшем преобразованию. План войны не есть явление фундаментальное и стационарное, а скорее явление, которое подвержено постоянным закономерным изменениям и дальнейшему развитию.

Из предыдущих глав мы видели, как чрезвычайно однобоко подошел к вопросу о развитии техники Шлиффен, говоря в своей статье «О будущей войне» в 1909 г., что «беспрерывное стремление опередить друг друга дало в конце концов обеим сторонам (Германия и Франция) оружие, едва ли доступное дальнейшему усовершенствованию».

Уже в свете опыта мировой войны 1914—1918 гг. мы наглядно видели, насколько глубоко ошибся Шлиффен, а послевоенное развитие боевой техники еще более наглядно показало ошибочность этого утверждения.

Если уже в последний год мировой империалистической войны у обеих воюющих коалиций было около 10 000 боевых самолетов, а в отдельных больших сражениях участвовало одновременно над полем боя по нескольку сот (200—300 самолетов с каждой стороны) боевых машин, то в данное время эти единичные случаи превращаются в повседневность.

Самостоятельное ведение воздушных операций сейчас стало делом вполне реальным. Неверно предполагать, что можно лишь посредством операций одного воздушного флота выиграть войну и заставить современное крупное европейское государство подписать мир с этим воздушным победителем. Но что в полном и целесообразном взаимодействии с современными сухопутными родами войск и морским флотом авиация будет в предстоящей войне иметь одну из решающих ролей — это совершенно ясно каждому.

Незадолго до своей смерти Фош выступил в печати с описанием

будущей войны, исходя из опыта мировой империалистической войны и послевоенного развития боевой техники [1].

«Будущая война, — говорит Фош, — будет еще более ужасной, чем последняя война.

Разумеется, нельзя предвидеть всех деталей этой войны, но можно сказать одно: механические приспособления для одержания победы будут играть преобладающую роль.

Конечно, храбрость бойцов важна для управления боевыми машинами, но все же победители будут обязаны машинам, а не живым людям.

Каждая страна, независимо от женевского объединения (Лига наций), старается усовершенствовать свою военную технику, в частности, пользование ядовитыми газами, довести это пользование до полнейшего уничтожения врага. Весьма возможно, будут найдены необычайно смертоносные газы.

Как нельзя изгнать из человеческого обихода войну, так нельзя запретить и пользование газами в будущих боях. Я думаю, что каждое оружие, которое сможет дать шанс на победу, будет широко использовано в грядущей войне. Командование, естественно, переменит методы своей работы в связи с изменением условий войны и возможностью введения новых элементов в сражение.

Трудно сейчас определить, какой из родов оружия будет играть преобладающую роль в грядущей войне. Во всяком случае, тип пехотинца с обыкновенной винтовкой в руке, вероятно, исчезнет. Каждый так называемый пехотинец будет вооружен легким пулеметом, который явится оборонительным оружием, чем-то вроде нынешнего револьвера.

Кавалерия попрежнему останется важным фактором сражения, главным образом благодаря ее подвижности. Едва ли моторы вытеснят всадника на лошади. Конечно, и танки будут играть не малое значение в боях будущего. Однако, надо сознаться, что элемент удивления и чисто психологического эффекта теперь уже отпал, после того как танки принимали участие в прошлой войне. Но, несмотря ни на что, танк является все еще внушительной силой.

Что касается артиллерии, то едва ли увеличение ее калибров принесет особую пользу. Стрельба на очень далеком расстоянии попрежнему не будет достигать желательных результатов. В смысле же разрушительной силы, уничтожения городов едва ли стоит применять артиллерию, так как войны выигрываются благодаря уничтожению армии, а не городов.

В деле разрушения больших промышленных центров, военных заводов и пр. военная авиация сыграет решающую роль.

Как видите, мы бегло перечислили те элементы, которые войдут составной частью в военную технику будущих боев. Трудно сказать, как усовершенствуется эта техника, если будущая война воз-

[1] См. газету «La France militaire» от 23 февраля 1928 г.

никнет лет через 20. Но я представляю себе картину этой будущей войны и тех ужасающих потрясений, которые она неизбежно принесет с собой.

Представьте себе бесчисленное количество мощных пулеметов и орудий, направленных с разных сторон, вообразите себе необычайно разрушительную силу снарядов, начиненных особо-взрывчатыми веществами и ядовитыми газами, смертоносные пары которых проникают через все противогазы и убивают через несколько минут или мгновенно, разлагая человеческое тело химическими соединениями.

Многие сотни танков каждой минутой своего движения приносят смерть, такую же мгновенную, как и миллионы пуль, вылетающих каждую минуту из легких автоматических пулеметов, направляемых руками миллионов людей.

И вот помимо всего этого — небо, покрытое тысячами самолетов, с которых огненные бомбы падают на землю, усиливая общую картину смерти и разрушения.

Губительный огонь артиллерии захватит не только боевую зону, но, вероятно, и далекий тыл, несмотря на то, что, повторяю, калибры орудий вряд ли особенно увеличатся.

Эту картину я нарисовал на основании уже существующих данных. Но воображение может итти дальше.

Можно представить себе, например, воздушные торпедные лодки, аэропланы, управляемые радио, без людей, даже танки, направляемые с помощью радио.

Пройдет еще немного времени, и весь мир будет стоять перед возможностью перенесения смерти на крыльях ветра в самые удаленные уголки земного шара с помощью радио. Этот жестокий тайфун будет истреблять все живущее и на фронте и в тылу».

Видя исключительный количественный и качественный рост современной боевой авиации, Фош в последнее время перед своей смертью уделял ей большое внимание. Он говорил:

«Воздушные атаки, производимые в большом масштабе, могут своим разлагающим моральным эффектом довести общественное мнение до такого состояния, что правительство вынуждено будет капитулировать. Таким образом, воздушные силы сделаются родом войск, решающим исход войны».

В чем основной смысл этой оперативно-стратегической концепции Фоша в его прогнозе о будущей второй мировой войне, который он оставил французскому генеральному штабу и империалистической буржуазии, верным сыном которой был до последнего дня своей жизни?

Как видим, концепция Фоша все же отлична от вышеочерченных прогнозов Фуллера, Лиддель-Гарта, Секта и прочих военных деятелей современной империалистической буржуазии.

Во-первых, Фош ориентирует читателя не на малую 200- или 500-тысячную армию, а на миллионные армии, с массовой боевой техникой, которые должны принять участие в будущей войне 1948 г.

Во-вторых, новый вид машинизированого боя у него при-

матирует над живым человеком; он считает, что победа останется в конечном счете за боевыми машинами, ставя на второй и третий план тех, кто ими управляет. В этом отношении у него ряд точек соприкосновения с теорией Фуллера, Фора, Секта и их последователей, но с той лишь разницей, что последние стремятся к тому, чтобы современная боевая машина, вооруженная броней и мотором, обеспечивала небольшой численно кучке профессионалов, в ней сидящих и ею управляющих, успешный бой и конечную победу.

В-третьих, Фош считает, что в будущей войне примут активное участие все современные роды войск при полном их взаимодействии друг с другом. Пехота, вооруженная автоматическим оружием (легким пулеметом), и конница, организованная по-современному (т. е. с приданной ей авиацией, танками, бронемашинами с противохимической защитой и пр.), не в пример Фуллеру, у Фоша играют далеко не последнюю скрипку.

В-четвертых, Фош даже и будущую войну 1948 г. не считает последней; по его концепции войну вообще «изгнать из человеческого обихода» нельзя; иными словами, он повторяет старую, затасканную фразу буржуазных теоретиков, гласящую, что «мир не дарован смертным, что войны будут вестись, пока существует человечество на земле». Войны же неизбежны, пока существует капитализм и его верный спутник империализм, и с уничтожением капитализма и построением коммунистического бесклассового общества во всем мире отпадет всякая возможность к существованию каких-либо войн.

В-пятых, воздушный флот и химическое оружие Фош выдвигает на передний план, причем он считает, что грань между фронтом и тылом в будущей войне сотрется. Боевая авиация и химия будут переносить огонь, разрушение и отравление на более далекие расстояния, чем любая дальнобойная артиллерия. За воздушным флотом Фош, как и ген. Ниссель, оставляет решающее место, особенно в исходе войны.

В-шестых, огромное внимание он уделяет влиянию радио на управление боевым оружием современной войны. В отношении использования радио ряд прогнозов Фоша уже действительно становится реальным (за границей, как сообщает печать, опыты с радиоторпедой, радиосамолетом, радиоминоносцем, радиотанком, телевидением дали удовлетворительные результаты).

Фош не говорит, кто останется победителем, он, вероятно, считает, что смерть и разрушение — вот основной победитель. Судьба живых миллионных масс, о которых говорит Фош, очень мало его трогает. Он не желает ее вспоминать и особенно думать о ней, и в этом его главная ошибка.

На глазах Фоша произошла великая всемирно-историческая победа Октябрьской пролетарской революции, уничтожившая эксплоататоров на $^1/_6$ части земного шара.

Мы согласны с Фошем, что вторая мировая империалистическая война безусловно будет более ожесточенной, чем война 1914—1918 г. Но эта война намного скорее, чем последняя, перерастет в войну гражданскую, и конечная победа будет на

стороне многомиллионного рабочего класса и трудящегося крестьянства, которые повернут боевые машины и оружие капиталистической буржуазии против самой же буржуазии, как основного носителя эксплоатации, гнета и империалистических войн.

В вышеприведенном прогнозе Фоша о характере будущей войны нет основного стержня: он не говорит, кто и против кого в 1948 г. воюет. Фош говорит «вообще», без конкретного политического анализа современных послеверсальских буржуазно-капиталистических коалиций и реального соотношения классовых сил в этих коалициях. Но планы для второй мировой империалистической войны эти коалиции, конечно, имеют.

Блестящий анализ этих планов современных буржуазных политиков и их генеральных штабов мы находим в докладах товарища Сталина на XVII и XVIII съездах большевистской партии.

Товарищ Сталин просто и убедительно показал не только планы организации второй мировой империалистической войны, но и чем эти планы могут окончиться, когда буржуазия и ее вожди приступят к конкретному проведению их в жизнь.

Этот марксистско-ленинский анализ и прогнозы товарища Сталина достойны самого тщательного, глубокого и всестороннего изучения, для того чтобы правильно видеть перспективы будущей войны, чтобы понять политико-военный опыт, который дали итало-абиссинская война (1935 г.) и ныне происходящая война в Китае.

Все генеральные штабы современных буржуазных армий, как мы уже говорили, рассчитывают на маневренную войну, на быстрые решения, так как современные многомиллионные массы трудящихся слишком опытны и революционны, чтобы буржуазия, как в 1914—1918 гг. в новой мировой войне могла их удержать 3—4 года в окопах позиционной войны. Кроме того, в современном мире существует великий, могущественный, передовой, революционный отряд мирового пролетариата — СССР. Все это заставляет военно-теоретическую мысль буржуазии биться в мучительных судорогах в поисках наиболее рациональной стратегии и тактики для будущей войны.

Основное стремление империалистической буржуазии и ее генеральных штабов — это выиграть *первое сражение*, так как эта победа все же на некоторое время отсрочивает революционные взрывы. Это первое сражение надо выиграть через маневренную войну.

«*Маневренная война вообще осуществима лишь при исключительной быстроте. При наличии быстрой смены решений тяжелый молот обрушится то здесь, то там, не давая покоя противнику, вращая вал без остановки, которая угрожает вызвать позиционную войну*» — вот основной лейтмотив современной буржуазно-военной мысли.

Вопрос лишь в том, как это осуществить с началом будущей войны. Новые военно-технические боевые средства дают широкую возможность «обрушиться то там, то здесь», они же властно тре-

буют «быстрой смены решений» и исключительной динамичности и непрерывности управления.

Военная печать буржуазии очень часто дебатирует вопрос, что современные технико-боевые средства не только дают простор и подвижность, но и утяжеляют своей громоздкостью маневр. Автоматическое оружие требует колоссального количества огнеприпасов, а огромное количество моторов в армии — массу горючего. Боевой порядок становится прожорливым и маломаневренным, а тыл его громоздким и неудобоуправляемым.

Как видим, и здесь действие вызывает противодействие.

Вследствие этого ряд буржуазных писателей отказывается как от громоздких мотомеханизированных дивизий, ратуя за мотомеханизированные бригады и полки, так и от современных пехотных корпусов, требуя их разукрупнить, сделав из них быстроподвижные общевойсковые соединения дивизионного типа.

По теории ген. Бранда, современная модернизированная конница (т. е. конница с приданной ей авиацией, оснащенная танками, бронемашинами, автоматическим оружием и достаточным количеством автотранспорта) должна обязательно решать боевые задачи совместно с пехотой и мотомеханизированными частями.

Ген. Бранд против выбрасывания конницы с началом войны на укрепленные границы (во избежание лишних потерь трудно создаваемой конницы); он считает, что это в первую очередь должны делать пехота с артиллерией и мотомеханизированные части, а затем уже, пользуясь своей быстроподвижностью, — конница, которая выбрасывается вперед с боевыми задачами захвата и удержания намеченных объектов в расположении противника.

Иностранные писатели считают, что появление новой самодвижущейся дальнобойной артиллерии, новой боевой авиации и мотомеханизированных частей требует при наступлении расчленять войска и по фронту, и в глубину «с таким расчетом, чтобы любая маршевая группа могла немедленно вступить в бой с внезапно появившимся противником, чтобы поражение маршевых групп неприятельскими мотомехчастями и авиацией было наименьшим». Вместе с тем при сближении с противником на 12 км (сфера действий артиллерии противника) колонны должны двигаться не по дорогам, а по местности, причем по местности движение может быть начато и ночью (учитывая наличие сильной дальнобойной артиллерии у противника и превосходство у него в авиации).

Мотомеханизированные разведывательные отряды (РО) и авиация могут заблаговременно предупредить о встрече с противником, а поэтому встречный бой в современных условиях будет носить другой характер, чем в 1914 г. в мировую войну.

Вследствие этого расчлененные по фронту крупные походные колонны более обеспечены от внезапности нападения и потерь.

В своей последней работе «Мировая война угрожает» хорошо нам известный Людендорф пишет:

«Уже в ночь и на первый день мобилизации начинается воздушная и морская война; крупнейшие жизненные центры подвергаются

разрушительным воздушным атакам. Противники применяют химию, зажигательные снаряды. Броневые силы в первый же день переходят границу и вторгаются глубоко в страну противника.

С первых же часов войны боевые действия развертываются с необычайной силой и жестокостью. Международное право соблюдается еще меньше, чем в мировой войне 1914—1918 гг. Все договоры о ведении войн, например о запрещении авиации сбрасывать химические бомбы или об ограничении использования подводных лодок и т. д., не помогают уже.

Усилия воздушных сил все больше и больше направляются против неприятельских боевых сил в воздухе, на суше и в море, против таких стратегически важных сооружений, как железные дороги, гавани, промышленные районы или электроцентрали и предприятия военной промышленности.

В первый же день границу переходят наскоро мобилизованные войсковые соединения, усиленные боевые отряды пехоты на грузовиках и моторизованная артиллерия. Взаимодействуя с авиацией, эти силы глубоко вторгаются в неприятельскую страну. Конница, освобожденная авиацией в значительной мере от тех задач, какие легли на нее в начале мировой войны по стратегической разведке, уже не будет больше так рассредоточена, как в 1914 г. (об этом же самом пишет Сект в книге «Мысли солдата». — *Вл. М.*).

Авиадесанты и диверсионные акты партизанского движения в глубоком тылу противника будут дополнять боевую работу действующих с фронта».

Иными словами, здесь Людендорф говорит об «армии вторжения», которая в своем составе имеет войсковые части с мобилизационной готовностью от нуля до нескольких часов (авиация с химией, мотомеханизированные части и пр.).

Как видим, эти мысли Людендорфа имеют очень много общих точек зрения с вышеприведенными мыслями маршала Фоша о войне будущего (см. главу XXI).

Английские писатели считают, что в начальный период войны на главных ударных направлениях, где по заранее разработанному оперативно-стратегическому плану войны будет действовать «армия вторжения», вполне возможен следующий характер операций:

1) прорыв современными быстроподвижными мотомеханизированными соединениями границы противника;

2) завязка ряда отдельных операций пехотой, отлично технически оснащенной современным автоматическим оружием и мотором;

3) рейдирование мотомеханизированных частей по тылам с увязкой их операций с действиями воздушных десантов (так называемое оперативное окружение);

4) действие современной модернизированной конницы на флангах и захват ею важнейших оперативных пунктов.

На второстепенных направлениях считают необходимым организовать части, обильно снабженные автоматическим оружием (легкие и станковые пулеметы, зенитная артиллерия, противотанко-

вые орудия, противохимическое оружие и пр.), хорошо знающие и умеющие создавать современную сложную систему заграждений.

Французские писатели, говоря о начальном периоде предстоящей войны (Гамелен, Кюльман, Аллео, Шалез, Луазо и др.), в основном пишут, примерно, то же самое.

Они считают, что «армия прикрытия» с самого начала операций должна выполнять функции и задачи «армии вторжения» с основной целью:

1) нарушить мобилизацию противника,

2) быстро захватить наиважнейшие пункты и рубежи для дальнейших операций по вторжению в глубь германской территории.

Людендорф говорит, что уже не может быть такого положения, как в июле — августе 1914 г., когда «мобилизация и сосредоточение войск затягиваются до 16—17-го дня мобилизации»[1]. Он говорит, что активные действия в начальный период в августе 1914 г. были весьма ограничены, мало решительны, а те силы, которые выделялись со стороны как Германии, так и Франции для активных действий на государственной границе до 17-го дня мобилизации, т. е. до момента окончания стратегического сосредоточения и развертывания, были крайне мизерны и что уже такого положения мы больше не увидим в начальный период будущей большой войны.

Из первых глав настоящего труда можно было видеть, что продолжительность подготовительного к войне периода в 1914 г. исчислялась приблизительно в 10—13 дней.

Это показывает диаграмма (черт. 15 на стр. 504).

Кроме того, на франко-германском театре военных действий активные операции в полосе государственной границы Бельгии и Франции у Льежа и в направлении Мюльгаузена (Верхний Эльзас) продолжались до 17 августа, т. е. до момента окончания стратегического сосредоточения обеих сторон. В течение 15 дней после официального объявления войны со стороны Франции в огонь борьбы было брошено 3 пехотных дивизии плюс 1 кавалерийская дивизия, что составляет всего $^1/_{23}$ часть пехоты и $^1/_{10}$ часть кавалерии от тех 70 пехотных и 10 кавалерийских дивизий, которые развертывались Францией к 17 августа против Германии.

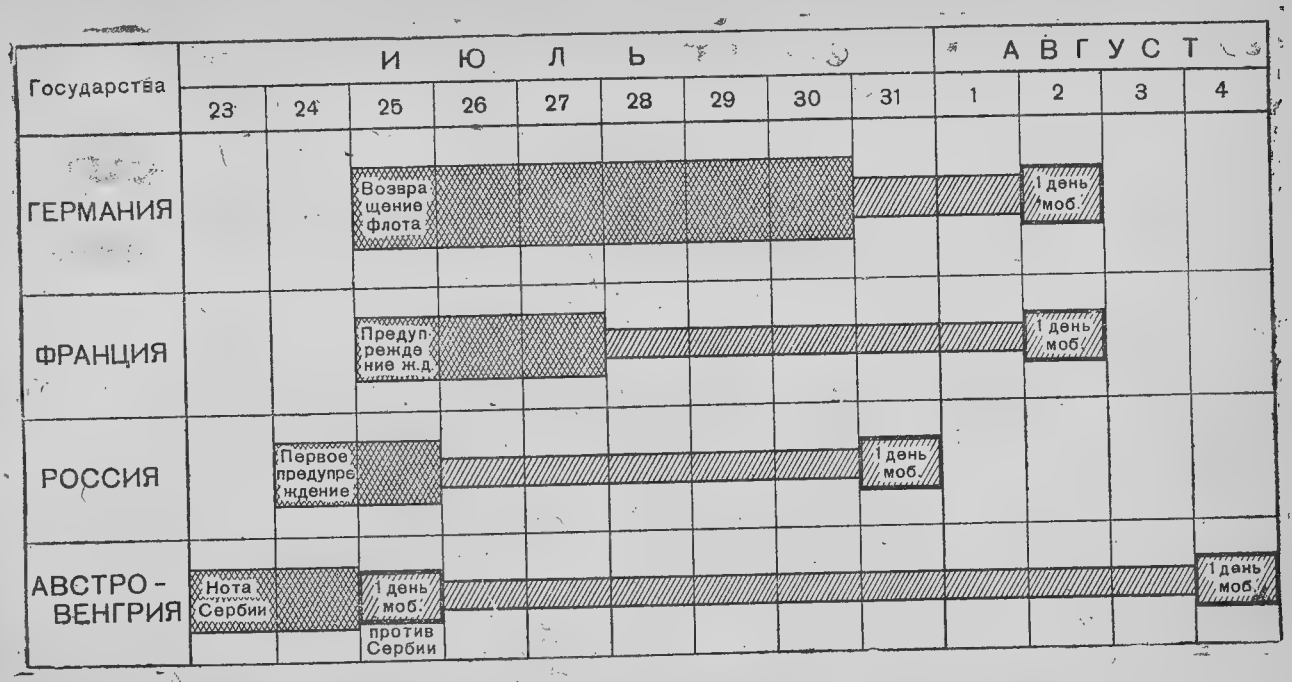
В эти же дни начального периода войны Германия для активных действий бросила значительно больше сил, а именно 12 пехотных плюс 5 кавалерийских дивизий, что составляет $^1/_6$ часть пехоты и $^1/_2$ кавалерии от того количества, которое развертывала Германия до 17 августа против Франции.

Активные действия этого начального периода могут быть выражены диаграммой (черт. 16 на стр. 505).

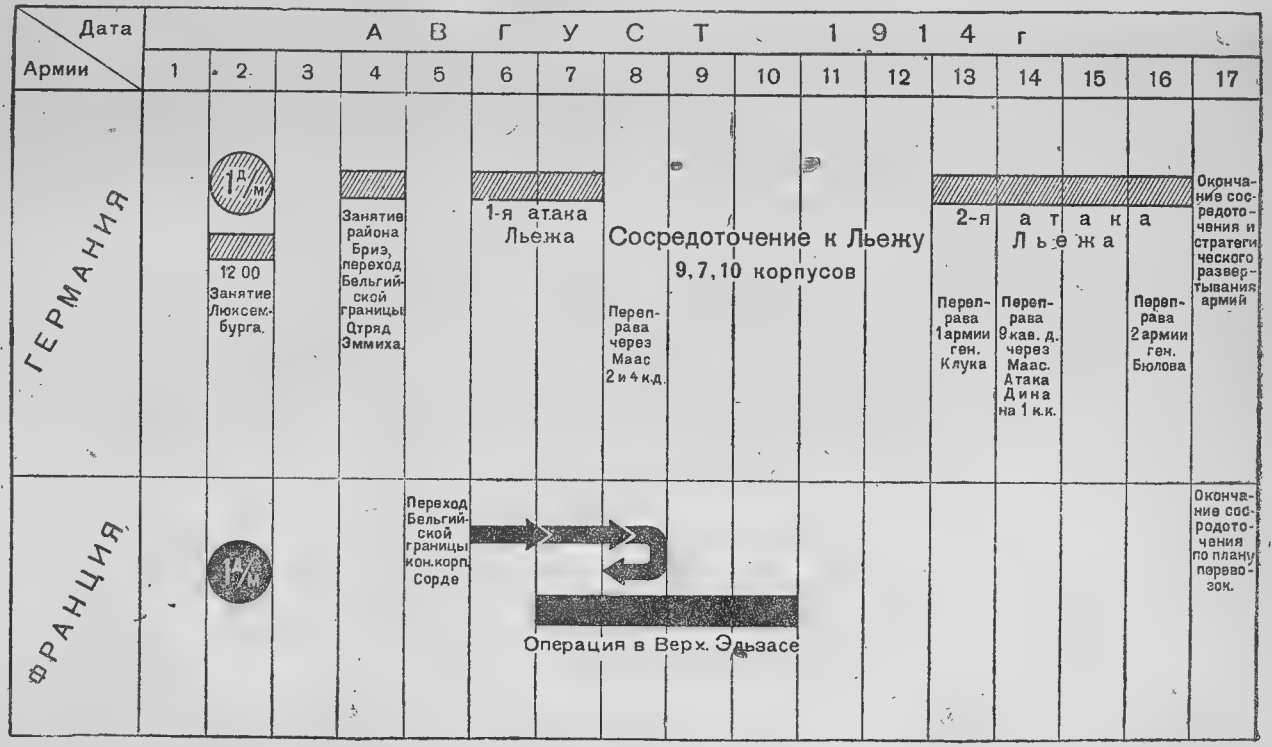
Эти две диаграммы со всей ясностью показывают чрезвычайную медленность в развертывании событий и небольшую оперативную значимость тех «активных действий», которые имели место за целых 15 дней в начальном периоде войны.

---

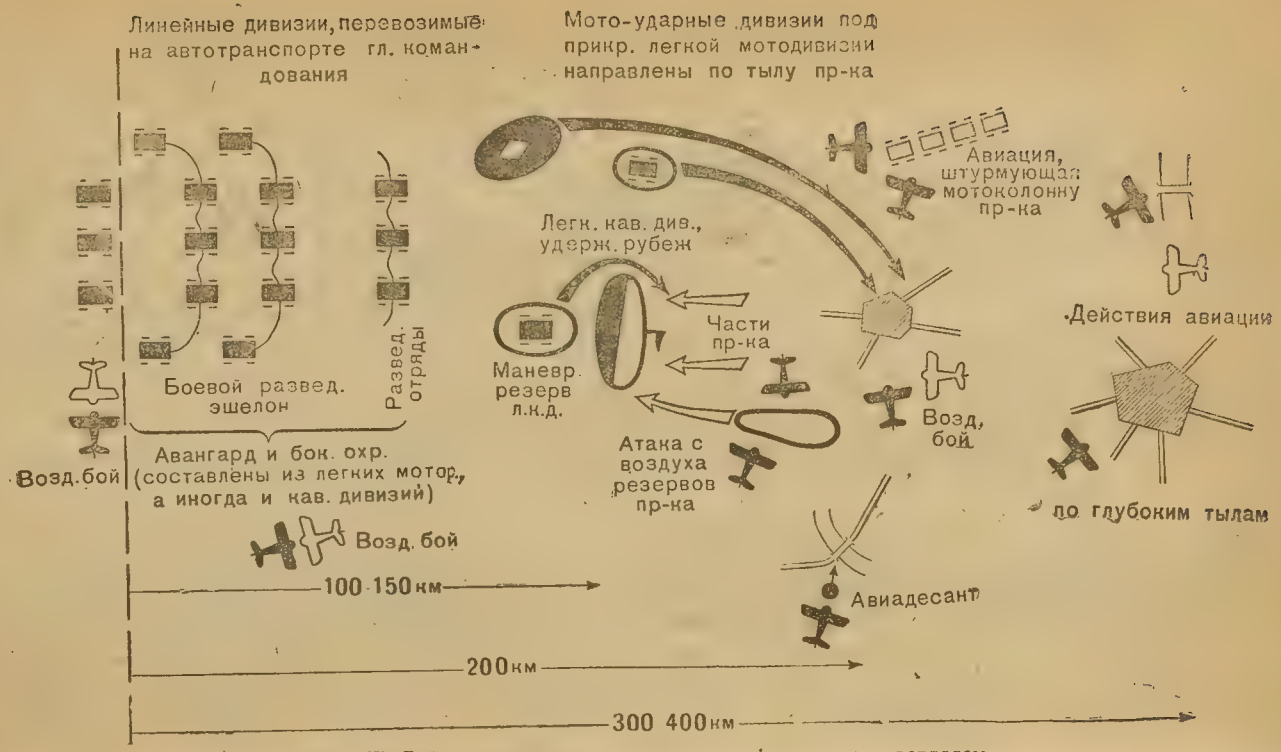
[1] См. Lüdendorf, Welkrieg droht auf deutschem Boden, München, 1930, S. 37.



Черт. 15. Диаграмма продолжительности подготовительного к войне периода в 1914 г.



Черт. 16. Диаграмма активных действий начального периода войны в 1914 г.



Черт. 17. Действия «армии вторжения» по французским взглядам.

Все военные писатели современной буржуазии в один голос заявляют, что не только темпы в мобилизации, сосредоточении и развертывании сил должны быть резко увеличены, но и удар должен быть внезапен, молниеносен и глубок с самого же начала. Для того чтобы это осуществить, нужна готовая к бою еще в мирное время «армия вторжения».

Буржуазия в начальный период будущей войны прибегнет к самым энергичным мерам, чтобы добиться скорой победы над своим вероятным противником, постоянно применяя свирепые террористические средства по отношению к революционному рабочему классу, чтобы удержать свою диктатуру.

Современная французская военно-теоретическая мысль сделала шаг вперед по отношению к тому плану операций, который проектировал Петэн на 1919 г. и о котором мы говорили в главе XIX.

Если в плане Петэна основной оперативно-тактический стержень покоится на мысли сначала сковать фронт противника, притянуть к этому фронту все его резервы, а затем уже, перемолов эти резервы, обескровив противника, вести решительную операцию на участке главного удара, то в данное время французские военные писатели считают возможным с помощью новой военной техники несколько иной способ действий с самого начала операций.

Они говорят, что перемалывание резервов противника слишком длительная и не всегда могущая дать желательный результат операция. Более целесообразно с помощью новой техники нейтрализовать резервы противника и стремиться уничтожать их в глубине неприятельского расположения.

Если уничтожение в глубине не удается, то нейтрализация резервов противника должна быть обязательно достигнута на то время, когда производится главный удар на фронте.

Боевая авиация, авиадесанты, мотомеханизированные дивизии — вот основные силы, на которые ложится задача нейтрализации и уничтожения резервов противника в глубине, в то время как основная масса армии на фронте развивает свои наступательные операции.

Срыв мобилизации и стратегического сосредоточения неприятельских войск к границам возлагается также на эти силы.

Важнейшие политические и экономические центры противника, железнодорожные узлы и мосты, переправы через реки, аэродромы и районы сосредоточения крупных резервов в 300—400-км полосе от границы германские и французские военные писатели считают совершенно необходимым с первого же часа войны взять под самое жестокое воздействие новых боевых технических средств и, главным образом, со стороны ВВС (военно-воздушных сил).

Эти действия в начальный период войны видны из приводимой нами схемы, дающей, конечно, лишь приблизительное представление, как всякая схема подобного рода (см. черт. 17).

По мнению французского генерала Фужерона, совершенно очевидно, что будущая война не будет похожа на предыдущую.

Авиация и химическое оружие внесут в нее новый, неизвестный до сих пор элемент. Самолет продолжит действия артиллерии по ту сторону фронта.

«Большие города, железные дороги, заводы, склады обмундирования, продовольствия и боеприпасов, как бы далеко в тылу они ни были расположены, будут все-таки в пределах досягаемости авиации противника и должны быть защищены против ее попаданий как днем, так и ночью».

Дальше Фужерон подчеркивает:

«Внезапность и в дальнейшем останется одним из главных элементов успеха. В будущей войне подготовка к наступлению должна быть не только мощной, но и короткой».

«Будущая мобилизация и сосредоточение, столь пунктуально проведенные в 1914 г., будут, по всей вероятности, стеснены и задержаны действиями авиации противника».

С началом военных действий Фужерон требует активной мобилизации новых сил. «Нетрудно понять, — говорит он, — что если в начале войны профессиональная армия и может до известного предела играть роль слона в посудной лавке, то эти действия ее не могут быть ни очень длительными, ни сильно развернутыми».

«Армия вторжения», по высказываниям Секта, Людендорфа, Петэна, Мецша, Аллео, Шалеа и Фужерона, во-первых, должна опираться на собственную хорошо укрепленную полосу государственной границы; во-вторых, ее удар должен быть внезапным и именно в том направлении (оперативная цель), на котором противник не окажет большого сопротивления; она должна, в-третьих, создать трамплин для дальнейших действий тех новых отмобилизованных сил, которые будут сосредоточиваться к театру военных действий со всех концов страны (2-й и 3-й эшелоны мобилизации) и, в-четвертых, заставить противника отнести аэродромы так далеко в глубь его страны, чтобы у его авиации было меньше шансов прорваться к неприятельским границам и атаковать с воздуха жизненные пункты и районы. Этот последний момент объясняет причину широкого строительства подземных аэродромов.

На страницах французской печати начальник французского генерального штаба ген. Гамелен и ген. Луазо усиленным образом проповедуют теорию борьбы за фланги уже в первый период будущей войны.

Маневрирование войсками с помощью железнодорожного и автомобильного транспорта должно обеспечить командованию выигрыш фланга.

В этом фланговом маневре мотомеханизированные части, боевая авиация и авиадесанты будут играть решающую роль, так как они будут главным образом направлять все свои усилия к истощению резервов противника и выходу ударной группировки в его тыл.

Французский ген. Мордак считает, что «армия прикрытия» должна состоять не менее как из 20 дивизий. Французский генерал Дебеней считает, что французской «армии прикрытия», т. е. 1-му эшелону (20 пехотных дивизий и 5 кавалерийских дивизий, частично моторизованных, 10 танковых полков и 4 воздушных дивизии) нужно 4—5 дней (за исключением воздушных дивизий) для прикрытия важнейших направлений стратегического развертывания.

Итак, «армия прикрытия», обращающаяся с момента решения на переход к активным действиям в «армию вторжения», фактически является первым этапом, первым эшелоном в проблеме стратегического развертывания современных армий.

Японская оперативно-стратегическая доктрина по вопросу о назначении «армии прикрытия» имеет тот же взгляд, что и западноевропейские генеральные штабы, т. е. считает, что «армия прикрытия» внезапным ударом срывает мобилизацию и развертывание сил противника и тем самым обеспечивает себе свободу оперативных действий в кризисные часы первых дней войны.

На примере японской «армии прикрытия» ярко видно, как она превратилась в «армию вторжения» летом 1931 г., когда 120-тысячная квантунская армия (7 пехотных дивизий, 1 отдельная бригада, 150 самолетов и 60 танков) оккупировала все важнейшие районы Манчжурии.

Внезапный удар, который нанесли японцы Северному Китаю в июле 1937 г., явился началом нынешней войны между Японией и Китаем.

Существование «армии прикрытия» на границе должно заставлять держать в полной боевой готовности свои силы, чтобы не оказаться застигнутым врасплох и с первого же выстрела не потерять инициативу в действиях.

Насыщение «армии вторжения» современными военно-техническими средствами говорит о том, что приграничная полоса глубиной в 300—400 км является первой зоной боевых действий с первого выстрела противника. А в силу этого борьба за стратегическое развертывание по ранее разработанному плану войны будет самой жестокой, требующей особой гибкости и маневрирования районами сосредоточения и развертывания.

Если продолжительность начального периода войны (от первого дня мобилизации до начала крупных операций в пограничном сражении) в 1870 г. равнялась 19 дням, а в августе 1914 г. — 16 дням (Германия), то современные генеральные штабы империалистических армий (Франция, Германия, Япония) стремятся к тому, чтобы для первого эшелона—«армии прикрытия» (она же «армия вторжения») — эти сроки ограничивались часами, а для второго эшелона — призыв под знамена новых возрастов — днями (5—10 дней).

Эти минимальные сроки властно требуют от начальствующего состава и войск еще в мирное время прочного освоения новых технических средств борьбы и четкого понимания сложной работы современного тыла.

От правильной организации и работы тыла в начальный период операций будет зависеть очень и очень многое.

В этом отношении постоянно нужно помнить ошибки в сосредоточении и развертывании царских армий в августе 1914 г., когда войска оказались на 50—60% без своих тылов и огнеприпасов и в таком состоянии были ген. Жилинским двинуты в бой. Такая «организация» стратегического развертывания повлекла за собой ряд катастроф в Восточной Пруссии; примерно то же наблюдалось

и у ген. Иванова на юго-западном фронте с 4-й и 5-й царскими армиями. И так будет всегда, раз нарушены основы в работе тыла.

Страшная боязнь перехода будущей войны в позиционную с самых же первых боев и операций заставляла всех руководителей иностранных армий так строить и обучать свои вооруженные силы, так организовывать работу военной промышленности, чтобы с первого выстрела большой серьезной войны «маневренный вал вращался бы без остановок».

Что касается организации командования, то, опираясь на опыт начального периода мировой войны 1914 г., все генеральные штабы ведут тщательную подготовительную работу по одному из сложнейших вопросов четкой расстановки личного состава армии и особенно крупных войсковых частей и соединений.

Основная установка такова: каждый начальник точно должен знать, что́ он будет делать с первого дня войны. Это необходимо для того, чтобы каждый начальник в мирное время готовил себя к той роли, которую он будет выполнять в первый период войны, памятуя, конечно, что работа над военной теорией, а также уставы, полевые поездки, маневры, военные игры на картах в мирное время — лишь ориентир, первая отправная точка для проверки себя в первой операции, в первом действительном бою.

Настоящая учеба изо дня в день начнется на полях сражения, там же начнется и действительная проверка накопленных знаний и опыта; там ошибаются, учатся на ошибках, учатся по-настоящему управлять. Знание и умение должны работать в полном взаимодействии и взаимопроникновении — вот в чем соль управления.

Кто более подготовлен, предприимчив, умеет во-время отказаться от старых привычных навыков и заменить их новыми, кто более гибок к восприятию этого нового в борьбе, тот, ясно, будет в выигрыше по отношению к противнику, если тот этими качествами не обладает.

Наличие в современных империалистических государствах «армии прикрытия», которая располагает еще в мирное время районами пограничных укреплений и которая имеет в себе основную тенденцию превращения в «армию вторжения» с постоянной мобилизационной готовностью для внезапного удара и глубокого вторжения на территорию противника с первого часа войны, ясно говорит о том, что этот первый эшелон в первоначальный период войны не допускает мысли о стратегическом развертывании своего второго эшелона где-то в нескольких переходах от границы, от ее укрепленных районов, огневых точек, разбросанных в полосе государственной границы, т. е. об отнесении стратегического развертывания назад, вроде плана царского генерального штаба от 1910 г.

А раз так, то борьба за районы стратегического развертывания, намеченные в мирное время планом войны, будет самой ожесточенной.

В этом деле современная боевая авиация, мотомеханизированные

части, современная конница, оснащенная мотором и броней, будут играть огромную роль.

Химическое и огневое нападение посредством авиации на железнодорожные узлы и двигающиеся в районы развертывания эшелоны с войсками и техникой, разрушения железнодорожного полотна на больших участках — все это будет новым фактором, которого мы не наблюдали в августе 1914 г., когда обе воюющие коалиции достаточно спокойно и беспрепятственно производили стратегическое развертывание своих армий.

В этом отношении установка буржуазных военных писателей, что «маневренная война вообще осуществима лишь при исключительной быстроте, при наличии быстрой смены решений, тяжелый молот обрушивается то здесь, то там, не давая покоя противнику, вращая вал без остановки, которая угрожает вызвать позиционную войну», имеет смысл, так как эта установка предусматривает интенсивное маневрирование на случай всяких неожиданностей.

Командование сдаст экзамен на свою зрелость, если сумеет быстро и целесообразно найти выход в том случае, когда предполагаемый планом войны район данного развертывания для данной частной армии оказался непригодным (налетом крупных сил авиации он разрушен, отравлен ОВ, выведен на долгое время из строя, разрушены железнодорожные пути, мосты и техническая связь).

Гибкость и быстрота в новом решении, мобильность в управлении развертываемыми войсками, перенос развертывания в другой район—в данном случае необходимы, как никогда. А что такие случаи будут в современной войне, в этом сомнения быть уже не может.

Все вышеизложенное совершенно ясно говорит о том, что «армия вторжения» по самой своей сущности не только имеет задачей захватить территорию противника, сорвать его мобилизацию и вероятные районы стратегического развертывания, но она имеет стремление вынести развертывание 2-го и 3-го эшелонов своих отмобилизованных дивизий и корпусов вперед на территорию противника. Этого основного нельзя забывать. И было бы странно и неразумно предполагать, что руководители буржуазных генеральных штабов, организуя «армию вторжения», повторили бы с ней ошибки Наполеона III, который с полумобилизованными войсками и без войсковых тылов бросился на германские армии Мольтке-старшего и заплатил за этот опыт капитуляцией армии Базена в Меце и Седаном, или же ген. Жилинского, чье руководство привело к самсоновской катастрофе в Восточной Пруссии, и пр.

Буржуазные генеральные штабы, создавая «армию вторжения», имеют целью дать не только сигнал к образованию вооруженных фронтов в начальный период войны, но и посредством боевого опыта «армии вторжения» распознать противника, разузнать его боеспособность, его слабые и сильные стороны.

Совершенно ясно, что «армия вторжения», развертываясь на 150—200 км и более фронта с целью глубокого внезапного удара, будет нацелена с первого момента в наиболее важный район противника.

Говоря о перерастании современной «армии прикрытия» в «армию вторжения», мы не видим в этом ничего особенно нового, так как еще Клаузевиц говорил:

«Быстрый и мощный переход к наступлению есть самый блестящий момент обороны. Кто такого момента в своих планах не предвидит, или, лучше сказать, кто сразу не включит его в понятие об обороне, тот никогда не убедится в преимуществах обороны перед другими способами борьбы» (Клаузевиц).

В отношении же разрешения проблемы стратегического развертывания современные генеральные штабы буржуазии считают, что 20—25-дивизионная «армия прикрытия» (она же «армия вторжения») вполне может удовлетворить основным условиям для целесообразного и успешного проведения развертывания вооруженных сил.

Во-первых, безопасность достигается тем, что «армия вторжения» не дает себя преждевременно атаковать, так как она сама внезапным переходом в наступление первая атакует противника.

Во-вторых, выигрыш во времени получается в силу того, что инициатива в ее руках и она бьет еще не совсем сосредоточившегося противника.

В-третьих, превосходство в силах получается благодаря тому, что «армия вторжения» обладает двумя условиями, указанными выше. Решившись на вторжение, этот первостепенной важности политический и стратегический шаг, инициаторы «армии вторжения» сосредоточат подавляющее превосходство в силах и средствах, с тем чтобы получить решающий успех.

В-четвертых, инициатор, пуская в дело «армию вторжения», выберет и удобные районы для ее развертывания и наиболее жизненное и выгодное для себя оперативное направление.

Иными словами, внезапный удар будет направлен в наиболее важном оперативно-стратегическом и политическом направлении при активной обороне на второстепенных фронтах.

* * *

Еще раз охватывая мысленным взором весь путь, пройденный нами при изучении военно-исторического материала, который пока частично вошел в настоящий первый том, мы приходим к следующему заключению.

Мы разобрали целый ряд различных планов стратегического развертывания в различных странах и в различное время, с тем чтобы еще конкретнее обосновать главную мысль данной книги, а именно, показать, что в настоящий период высшей стадии (фазы) развития военного искусства методы и приемы стратегического развертывания изменились по сравнению с последним богатейшим историческим периодом 1870—1920 гг.

За эти 50 лет накопился огромный, разнообразный и разнохарактерный опыт, анализ и изучение которого дают материал для пони-

мания того, каким путем будет осуществляться и протекать начальный период и стратегическое развертывание в предстоящую большую войну мирового масштаба.

Мы делаем пока что попытку научно-исторического обобщения сложного вопроса стратегического развертывания, ясно понимая, как еще много осталось нерешенного и недосказанного. Очевидно одно, мы уже не можем более наблюдать того, если можно так выразиться, «спокойного», «медлительного» характера стратегического развертывания, которое было в предшествующий, ближайший к нам 50-летний период войн. Если отдельные элементы, отдельные штрихи из предшествующего опыта найдут свое место в будущем, то проблема стратегического развертывания в целом, как и эти отдельные элементы и штрихи, — все будет уже иным, т. е. более сложным, быстротечным, внезапным. «Война начнется только внезапно. Она начнется именно в тот момент, когда ее меньше всего ожидают», так твердо заявляют авторитетные военные стратеги и операторы современной буржуазии. Отсюда внезапность перехода в энергичное и глубокое наступление «армии вторжения», естественно, исключает устаревший акт официального «предварительного» объявления войны.

Огромная «армия прикрытия» (20—25 дивизий), расположенная в мирное время частично в пограничных укрепленных районах, большею частью в недалеком от них расстоянии, имея штаты войск и учреждений, очень приближенные к военному времени, и мобилизационную готовность, которая выражается несколькими часами, — такая «армия прикрытия» по своему смыслу и содержанию является «армией вторжения». Иными словами, она постоянно готова перейти в энергичное, длительное и глубокое наступление.

Современная «армия прикрытия» в своем составе имеет главным образом активные и подвижные рода войск: механизированные (танкетки, танки, броневики), моторизованные (пехота с автоматическим вооружением на всюдуходных автомашинах), воздушный флот, конницу, оснащенную авиацией, противохимической защитой, танками и бронемашинами и т. д., т. е. те рода войск, которые могут вести длительный, упорный бой, глубоко вторгнуться на территорию противника и удержать эту территорию до подхода новых сил и средств из 2-го эшелона. Максимально сжатые сроки в мобилизации, а затем быстрое сосредоточение и развертывание живых сил и технических средств в ранее выбранном направлении с исключительно быстрым переходом промышленности с мирного на военное положение должны обеспечить быстроту в развитии решительных операций.

Иностраные военные писатели утверждают:

«Стратегия завтрашнего дня должна будет стремиться к сосредоточению всех имеющихся сил в первые же дни начала военных действий. Нужно, чтобы эффект неожиданности был настолько ошеломляющим, чтобы противник был лишен материальной возможности организовать свою оборону». Отсюда идет проповедь, что противника необходимо захватить врасплох, перепутать карты

в отношении его районов стратегического сосредоточения и развертывания, которые им намечены еще до войны, захватить быстро эти районы, находящиеся обычно в 80—100—150-км полосе от государственной границы, разгромить и захимить их авиацией, бросить авиаэскадрильи в глубокий тыл с основной задачей внести элементы паники, растерянности и деморализации с первых же часов войны.

Во всем этом активное участие будут принимать диверсионные и вредительские шайки, заранее брошенные в тылы на наиважнейших стратегических направлениях, на важнейшие объекты промышленности, городского и сельского хозяйства, военные склады, аэродромы, электростанции и т. п., чтобы затормозить и разрушить оборонную работу этих объектов. Война будет в основном маневренной, но в отношении ее длительности споры идут большие. Большинство авторов современной буржуазии говорит, что нельзя допускать длительной, на целые годы, войны, так как такая война неизбежно вызовет р е в о л ю ц и ю и победу последней. Они считают, что совершенно необходимо в начале же войны применять в широких масштабах принцип технической внезапности (различные н о в ы е средства разрушения и истребления).

Тайна, в которой рождается современная война, заключается в основном в том, что грань между мирным положением и войной стерта.

Гигантский масштаб современной войны, в коей будут участвовать могущественные вооруженные коалиции с миллионами живых сил и многотысячными военно-техническими средствами, может быть победно разрешен лишь искусным использованием трех категорий вооруженных сил, действующих на суше, в воздухе и на море. Грандиозное количественное и качественное развитие воздушного флота вне сомнений выдвинет новый термин в о з д у ш н о й б л о к а д ы, цели и задачи которой в основном будут те же, что мы понимаем под термином морской блокады, но только для воздушных пространств. На место кольцеобразных крепостей мировой войны ныне возведены долговременные мощные укрепленные районы с глубиной в несколько десятков километров, с многочисленными войсковыми гарнизонами, в полосе государственных границ всех важнейших государств Европы. А поэтому, естественно, с первого же дня военных действий на суше наличие этих УРов заставит вторгнувшиеся армии сразу же перейти к прорыву этих мощных глубоких позиционных полос. Механизация современных работ по фортификационным сооружениям, быстро твердеющий бетон, изощренная система заграждений дают полную возможность в короткие сроки возводить запасные оборонительные полосы в глубине театра военных действий, ставя наступающему огромные препятствия к выходу на маневренный простор. Но ожесточенная борьба за свободу действий и маневренный простор будет развиваться с неослабной силой. Современные мощные механизированные и моторизованные бригады, дивизии и корпуса с приданной им авиацией являются одним из могущественных средств для проникновения через укрепления противника в его тыл, для действий на его сообще-

ния и для рейдов. Моторизованные и механизированные войска в борьбе за маневренный простор встретят много препятствий в виде различных хитроумных заграждений, завалов, отсутствия путей для движения, заминированных районов, противотанковые засады и пр. Но это не остановит, так же как в воздухе наличие современных мощных истребителей не останавливает тяжелые бомбардировщики к действию. На море линкоры и крейсера будут стремиться уничтожить морские сообщения и живую силу флота, несмотря на то, что им всемерно будут мешать морская авиация с ее большим радиусом действий и многочисленные современные подводные лодки.

Нельзя понять современную высшую фазу в развитии военного искусства без глубокого и тщательного изучения трех категорий вооруженных сил (суши, воздуха, моря). Без взаимодействия трех категорий вооруженных сил, когда командир суши отлично разбирается и понимает задачи воздушного флота, когда командир авиации отлично понимает и знает вопросы сухопутной армии, когда командиры суши и воздуха понимают и знают задачи, которые разрешает современный морской флот,—без этого понимания, знания и взаимодействия этих трех категорий вооруженных сил нельзя выиграть современную большую войну, так же как нельзя выиграть современную операцию и сражение без четкого взаимодействия соединенных родов войск (пехота, артиллерия, авиация, танки и пр.).

«Задача военного искусства состоит в том, чтобы обеспечить за собой все рода войск, довести их до совершенства и умело сочетать их действие» [1]. Уже опыт мировой войны 1914—1918 гг. ясно подсказывает, что одновременно с развитием боевых действий на суше будут развернуты широкие операции на море (надводный и подводный флот в полном взаимодействии с морской авиацией) и в воздухе (самостоятельные операции на глубокие тылы воздушных армий и полное взаимодействие воздушного флота с полевой армией). Уже в первые дни начального периода войны необходимо огромное стратегическое искусство для целесообразного планирования и целеустремленного применения трех категорий вооруженных сил при полном их взаимодействии. Всестороннее знание опыта прошлых войн в этих вопросах и глубокое понимание высшей фазы развития современного военного искусства чрезвычайно облегчат стратегическое руководство этими тремя категориями вооруженных сил.

Ни стратегия Кутузова с его тактикой отступления в глубь страны, ни стратегия Куропаткина с преднамеренным отходом его армий к Мукдену, ни стратегия Жоффра и Пилсудского с их отступлением к Марне и Висле для будущего маневра совершенно не прельщает современных стратегов-операторов буржуазии. «Глубокий отход армии — это значит революция в стране». Потеря территории признается величайшим злом, а внезапное вторжение на

---

[1] И. Сталин, «Правда» № 56 за 1923 г.

территорию противника—благом. Мощность и быстрота современной техники внесли новые моменты в знаменитую формулу Мольтке-старшего, что «одна ошибка, допущенная в первоначальном сосредоточении армии, едва ли может быть исправлена в течение всей кампании». Было бы весьма ошибочным думать, что современные транспортные средства совершенно опрокинули эту формулу Мольтке и сделали ее пережитком. Неправильное нацеливание современных огромных сил и средств повлечет за собой еще большее бедствие, чем раньше, так как не всегда удастся ошибки в проблеме стратегической исправить при помощи транспорта. Мощность и быстрота современной техники внесли новые возможности в прорыв, охват, преследование, но эта же техника, как никогда, требует и предвидения и искусства. План стратегического развертывания живых сил и технических средств и его осуществление в современных условиях развития военного дела являются самым ответственным, самым решающим делом. Он должен быть мудрым и максимально простым. Тщательность и всесторонность его разработки, твердое и искусное осуществление его в жизни являются основным требованием к тем, кто призван будет пустить эту гигантскую машину в ход на театре войны, а отсюда и в стране.

Современные генеральные штабы буржуазии хорошо осознали, что сейчас проигранное большое пограничное сражение и качественно и количественно будет резко отличаться от пограничных сражений 1914 г. Проигрыш современного большого пограничного сражения будет огромной, невиданной катастрофой, переломом, большой потерей трудно создаваемых кадров, потерей колоссальных технических средств, которые вбирает, втягивает в себя современное сражение, это будет ударом по материальному состоянию живых сил армии и крушением авторитета у полководцев. А поэтому каждый современный полководец должен крепко изучить опыт своих исторических предшественников, итти дальше в искусстве вождения. Не случайно, а вполне закономерно мы наблюдаем в лагере современной буржуазии большую популярность лозунга, что «первая победа в будущей войне — лучший залог для крепости фронта и особенно тыла». Итак, искусное стратегическое развертывание сил и средств на современных театрах войны, целесообразное и успешное введение этих сил и средств в дело, как никогда, будут являться лучшей оценкой того уровня полководческого искусства и творчества, которого достигла данная армия данной страны. Именно об этом и говорит конкретный военно-исторический материал настоящей работы.

В нашей работе над большой и сложной темой II тома «Стратегическое развертывание», который охватывает анализ революционно-классовой борьбы за период гражданской войны 1917—1922 гг. и те империалистические планы, которые вынашиваются генеральными штабами современной буржуазии против Страны Советов, нашим маяком, нашей путеводной звездой остаются огненные слова гениального теоретика, мыслителя и вождя всего рабо-

чего класса и трудящегося человечества товарища И. В. Сталина: «Мировое значение Октябрьской революции состоит не только в том, что она является великим почином одной страны в деле прорыва системы империализма и первым очагом социализма в океане империалистических стран, но также и в том, что она составляет первый этап мировой революции и могучую базу ее дальнейшего развертывания»[1] (разрядка наша. — *Вл. М.*)

---

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, 10-е изд., стр. 101.

ЗАСЕДАНИЕ ВЫСШЕГО ВОЕННОГО СОВЕТА 19 июля 1911 г.[1]

(Выписка из протокола заседания ВВС)

Записка от 15 июля 1911 г., составленная вице-председателем Высшего военного совета ген. Виктор-Констан-Мишелем и представленная на обсуждение Высшего военного совета 19 июля 1911 г.

О резервных полках и их использовании в соединении с регулярной линейной армией

Настоящее положение вопроса

До сих пор придерживались принципа полного отделения на войне регулярных войсковых единиц от единиц резерва.

Сейчас наши силы первой линии состоят из корпуса регулярной армии; за ним на расстоянии одно-двухдневного перехода следует бригада разерва. Силы 2-й линии состоят из групп резервных дивизий, выступающих через 3—4 дня после корпусов регулярной армии. Обычно регулярные корпуса готовы к выступлению на 11-й день мобилизации; резервные бригады — на 13-й день; резервные дивизии — на 15-й день. Но, принимая во внимание расстояние, отделяющее их от 1-й линии, можно рассчитывать на их введение в действие самое раннее, и то при самых благоприятных условиях, лишь на 18-й день мобилизации.

Наши силы, распределенные таким образом на значительную глубину, следовательно, дают:

1) ½ — регулярные войска;

2) ⅛ — резервные бригады два дня спустя;

3) ⅜ — резервные дивизии спустя семь дней после изготовки регулярных корпусов.

Вот какова обстановка.

Дивизии резерва

Дивизия резерва, состоящая из трех бригад пехоты, имеет численный состав, почти равный корпусу. Дивизия недостаточно снабжена конницей, артиллерией и вспомогательными службами, чтобы действовать самостоятельно. Она составлена из различных частей, из элементов, набранных отовсюду, которые не знают друг друга. Поэтому считают, что ей надо время 15—20 дней, чтобы хоть немного сорганизоваться и сплотиться. Командирами единиц резерва, бригад или дивизий назначаются старшие офицеры 2-й секции кадра Главного генерального штаба. Они обладают чересчур преклонным возрастом, чтобы стоять во главе единиц, составленных исключительно из резервистов.

Дивизии резерва существуют на бумаге, но кто может гарантировать их прочность? Лишь из-за одного этого следует отказаться формировать части,

[1] Дословный перевод с французского.

на которые нельзя твердо положиться. Просьба, к Высшему военному совету дать свое заключение на вопрос: обладают ли дивизии резерва с точки зрения командования необходимой спайкой и стойкостью? Следует ли сохранить резервные дивизии или отказаться от них?

Современное значение регулярных и резервных соединений

Коренное отделение регулярных соединений от резервных соединений могло иметь место прежде, при пятилетней военной службе. При двухлетней службе нет более основания для такого разделения.

Если мобилизация произойдет до того, как новобранцы будут достаточно обучены, то регулярный полк будет состоять из 1 разряда регулярных обученных солдат и 4 разрядов резервистов.

Полк резерва состоит целиком из резервистов сравнительно зрелого возраста, и нужно сказать открыто, что резервисты всех армий уступают нашим. В октябре 1909 г. после двухлетней внимательной инспекции резервных полков ген. Мишель высказал о них не только свое личное мнение, но и мнение командиров корпусов, командовавших ими в период сборов: «Резервные полки резко отличаются от регулярных полков. Составленные из людей одной местности, почти одного возраста, одинакового роста, одинаковой крови, одинаковой учебы, эти полки обладают войсковым духом и их легко сплотить для совместных действий. Несомненно, что во время большой войны эти полки, однородные и образованные из крепких элементов, составляют грозную силу, способную удвоить силы регулярной армии.

По качеству солдаты резервного полка не ниже регулярного полка; как кадр он в настоящее время значительно ниже регулярного полка.

Многие командиры корпусов считают, и я разделяю их мнение, что с придачей 1 офицера из регулярной части и 2 унтер-офицеров сверхсрочной службы к каждой резервной роте резервный полк был бы на высоте своего положения и мог бы быть в полной мере использован в первой линии.

Это выделение 1 офицера и 2 унтер-офицеров мало уменьшит достоинства регулярного полка, тем более при всегда полном комплекте кадров; и эта мера обеспечила бы воспитание единиц резерва в хороших условиях. Так как по закону единицы резерва входят в состав регулярных войск, то и должны быть сорганизованы надлежащим образом.

Включение кадров регулярных соединений в резервные полки

Ценность полков резерва зависит от включения их в кадры регулярных соединений. Резервистам нужны начальники молодые, но опытные, знающие военное дело и могущие служить примером. Уже приняты меры к увеличению достоинств офицеров резерва: проект закона о кадрах пехоты вольет новую силу в командные кадры военного времени.

С принятыми уже мерами и с мерами, намеченными для проведения, достоинство единиц резерва достигнет полного расцвета, что позволит им уже с первого дня созыва участвовать в лагерных сборах. Соответствующий опыт будет произведен на маневрах на севере в этом году. Бригада резерва, собранная в лагере Сиссон, будет пущена в дело после нескольких дней приспособ-

ления к лагерной жизни, и этот опыт покажет ту степень доверия, которую можно иметь к полкам резерва, возглавляемым хорошими и умело влитыми в кадр командирами.

Полубригады

Было предложено слить резервный полк с регулярным полком и создать, таким образом, полубригаду из двух полков под командованием полковника регулярного полка. Каждый полк, регулярный или резервный, был бы управляем подполковником регулярной части, с доведением числа подполковников каждого полка до двух. Настоящий запасный кадр позволяет назначать начальниками 2 батальонов резервного полка офицеров регулярных частей. В ротах кадры, заимствованные из регулярной роты, будут заменены элементами того же порядка, взятыми из резерва. Все эти меры можно немедленно провести в полках. И со временем меры эти должны распространиться и на окружные и крепостные полки. Аналогичные меры могут быть приняты и для батальонов егерей. Таким образом, число наших соединений в пехоте удвоится (бригады, дивизии, корпуса). Также удвоится и численный состав единиц инженерных войск. Но в настоящее время на корпус невозможно увеличить число единиц конницы и артиллерии. Корпус будет иметь 2 кавалерийских полка и 40 батарей артиллерии.

Следующая таблица показывает состав соединений военного времени (все под командой начальника регулярной армии, старших офицеров 2-й секции кадра главного генерального штаба; офицеры, бывшие в отставке, назначаются, как правило, в территориальные соединения).

Регулярная армия Командиры	Боевые единицы	Эскадроны	Батальоны	Батареи	Инж. роты	Численн. состав в кругл. числах бойцов
Подполковник . .	Полк	—	3	—	—	3 000
Полковник . . .	Полубригада	—	6	—	—	6 000
Ген. бригады . .	Бригада	—	12	—	1	12 000
Ген. дивизии . .	Дивизия	4	24	20	4	32 000
	Корпус 2 дивизии	8	48	40	8	70 000
	Корпус 3 дивизии	12	72	60	12	93 000

Дивизия военного времени с численным составом, почти равным составу нынешнего корпуса, станет основной единицей для наступления, для маневрирования и боя и будет заключать в себе: 1 полк кавалерии, 2 бригады военного времени, 2 роты инженерных войск и 5 дивизионов артиллерии по 4 батареи каждый.

Корпус будет состоять из 2 или 3 дивизий военного времени. К каждому из 21 корпуса можно прибавить по 1 дивизиону тяжелой артиллерии с двумя батареями. Такие корпуса обладали бы мощной ударной силой.

Штабы полубригад, бригад, дивизий и корпусов вновь пополняются из ресурсов, ныне питающих бригады и дивизии резерва. Офицеры резерва могут, в случае надобности, служить нужным дополнением.

Увеличение протяжения фронта и последствия этого

Фронт каждого соединения военного времени будет почти вдвое увеличен. Мы сможем значительно расширить границы развертывания и сосредоточения наших армий.

Наконец, введение в действие одновременно единиц регулярной армии и единиц резерва позволит:

1. Менее однообразно распределять наши мобилизованные силы.
2. Не быть прикованным к границе, организованной для обороны одной и другой стороной.
3. Предоставить в распоряжение главнокомандующего маневренные силы, способные к широким и мощным наступательным и маневренным действиям.

Перевозка при сосредоточении

Проект изменит распределение существующих единиц, но не вносит никаких перемен ни в числовой итог перевозок войсковых единиц в районы сосредоточения, ни в условия перевозок. Перевозки начнутся в те же сроки, как раньше намечено, и закончатся между 11-м и 14-м днем мобилизации. Начиная с 11-го дня, командующие армиями будут располагать тем же численным составом, что и ныне, т. е. 800 000 человек, чтобы противостоять неприятелю.

Но последующие части будут подвезены в район сосредоточения на 14-й день мобилизации, а не 3—4 днями позднее после подготовки регулярных соединений. Таким образом может быть устранена задержка, связанная с сосредоточением дивизий резерва. Начиная с 15-го дня мобилизации, крупные соединения достигнут полного своего состава, т. е. 1 600 000 человек, готовых к выступлению.

Заключение

Слияние резервного полка с регулярным полком может вызвать только плодотворное соревнование между этими двумя полками.

Кроме того очевидно, что командир регулярного полка, который будет командовать полубригадой и поведет ее в бой, вполне заинтересован в том, чтобы обеспечить наилучший состав кадра в обоих полках.

Слияние даст резервному полку максимальную продуктивность в работе и поднимет дух полка. Само название «полубригада» напоминает самую славную эпоху нашей национальной истории.

Высший военный совет приглашается высказаться по следующему вопросу:

«Есть ли основания принять принцип создания полубригад из регулярных полков и соответствующих резервных полков, объединяемых под командованием командира регулярного полка».

В случае утвердительного ответа изучение касательно проведения этого принципа в жизнь будет продолжено. Результат изучения будет потом представлен Высшему военному совету.

В 1912 г. известное количество резервных полков могло бы быть призвано к учебному лагерному сбору вместе с соответствующими регулярными полками для совместных учений под командованием командира регулярного полка.

Также следовало бы произвести опыты с батареями поддержек, участвующими в маневрах с дивизионами, создавшими их. Таким образом, в дивизионе было бы 4 батареи.

Начальник дивизии вице-председатель ВВС ген. Мишель.

Париж,
15 июня 1911 г.

ПОТЕРИ ВО ВРЕМЯ КРУПНЫХ ОПЕРАЦИЙ

Франция

Время		Убито		Пропавших без вести и попавших в плен		Ранено	
		офицеров	солдат	офицеров	солдат	офицеров	солдат
1914 г. С 5 августа по 5 сентября	Приграничные бои						
6—13 сентября	Сражение на Марне	435 000				409 009	
Октябрь — ноябрь	Бег к морю. Сражение под Артуа и Изер						
1915 г. С 25 сентября по 15 октября	Сражение в Шампани	1 153	26 698	497	53 161	2 693	95 012
1916 г. С 21 февраля по 1 ноября	Верденское сражение	1 774	53 938	1 838	95 393	4 660	190 590
С 20 июня по 30 ноября 1916 г.	Сражение на Сомме	1 355	35 074	324	28 194	3 331	126 173
С 15 апреля по 10 мая 1917 г.	Сражение на р. Эн	1 015	23 164	303	25 288	2 409	87 417
С 27 мая по 15 июня 1918 г.	То же	360	7 900	1 280	67 900	1 330	39 300
Март—июнь 1918 г.	Мартовское наступление германцев	158 000				275 060	
9—15 июня 1918 г.	Сражение на Уазе	100	2 000	230	13 200	430	12 200
С 11 июля по 3 августа 1918 г.	Марнское сражение	570	14 100	510	30 400	2 220	82 700

ПОТЕРИ ВО ВРЕМЯ КРУПНЫХ ОПЕРАЦИЙ

(По данным рейхсархива)

Германия

Время	На франко-бельгийском фронте			На британском фронте [1]			Всего на западном фронте [2]		
	убито [2]	пропавших без вести и попавших в плен	ранено	убито [3]	пропавших без вести и попавших в плен	ранено	убито [4]	пропавших без вести и попавших в плен	ранено
1914 г.									
Август—ноябрь [5]							116 750	107 650	453 060
Декабрь 1914 г.—январь 1915 г. [5]							54 826	11 100	104 100
1915 г.									
Февраль—март	20 446	9 457	66 079	2 927	4 394	11 169	23 373	13 851	77 248
Апрель—июнь	37 020	23 283	130 117	8 233	4 937	29 916	45 253	28 220	160 033
Июнь—август	13 427	4 805	48 553	2 225	708	8 684	15 652	5 513	57 237
Сентябрь—ноябрь	24 551	31 164	98 424	6 165	5 363	20 521	30 716	36 527	118 945
Декабрь 1915 г. январь 1916 г.	5 623	2 312	20 998	2 279	82	8 408	7 902	2 394	29 406
1916 г.									
Февраль—июнь	46 973	25 316	206 450	10 845	2 531	42 131	57 818	27 847	248 581
Июль—октябрь	49 510	72 935	215 566	32 338	36 288	131 332	81 848	109 223	346 898
Ноябрь—декабрь	8 455	14 395	33 187	6 135	7 207	22 894	14 590	21 602	56 081
1917 г.									
Январь—март	5 826	1 241	23 116	6 878	5 226	23 094	12 704	6 467	46 210
Апрель—июль	38 122	48 285	151 903	29 642	40 806	105 323	67 764	89 091	257 226
Август—декабрь	25 728	33 548	168 105	37 630	51 848	147 658	63 358	85 396	255 763
1918 г.									
Январь—февраль	2 049	1 441	3 740	2 351	545	8 938	4 400	1 986	12 678
Март—июнь	41 121	26 424	185 559	73 130	47 049	314 958	114 251	73 473	500 617
Июль—ноябрь [6]	45 169	154 313	215 135	33 027	193 554	144 535	78 196	347 867	359 670
Итого							789 401	968 207	3 083 753

(Статистический ежегодник 1924/25 г., стр. 26).

[1] Включая сюда и потери против португальцев, включенных временно на бри[тан]ский фронт.
[2] Потери на американском фронте оценивают около 25 000 чел. Подробных [с]ведений не имеется.
[3] Только убитых на поле сражения. Умершие в госпиталях, раненые и боль[ные] сюда не входят.
[4] По данным из табелей срочных донесений, поступавших в ставку каждые [4] дня. Число пропавших включает также и число временно отсутствующих, которые позднее показаны или в числе убитых или раненых.
[5] Потери с августа 1914 г. по январь 1915 г. имеются только в общих чер[ах], которые основаны на общем подсчете.
[6] Данные за октябрь 1918 г. не полные, за ноябрь—совершенно отсутствуют.

ПОТЕРИ ВО ВРЕМЯ КРУПНЫХ ОПЕРАЦИЙ

Англия

Операция	Погибших (убитых, умерших от ран, болезней и др. несчастных случаев)		Раненых		Пропавших без вести и попавших в плен		Всего потерь	
	офицеров	прочих чинов	офицеров	прочих чинов	офицеров	прочих чинов	офицеров	прочих чинов
1. Наступление на Сомме с 1 октября 1915 г. по 30 сентября 1916 г.	5 851	101 873	14 788	328 643	1 441	44 458	22 080	274 974
2. Аррасское наступление с 9 апреля по 6 июня 1917 г.	1 788	25 744	6 457	118 858	1 122	33 814	9 367	178 416
3. Мессинское наступление с 7 июня по 30 июля 1917 г.	857	14 878	4 183	80 740	337	8 387	5 377	104 005
4. Третья Ипрская битва с 31 июля по 31 октября 1917 г.	3 895 [1] / 155	56 432 / 54	14 197 / 334	270 205 / 227	1 727 / 417	53 365 / 52	19 819 / 906	380 002 / 333
5. Наступление в Камбре с 20 сентября по 31 декабря 1917 г.	777 / 55	9 265 / 6	2 716 / 79	45 936 / 30	803 / 91	16 184 / 18	4 296 / 225	71 385 / 54

[1] Цифры в знаменателе означают число летчиков (включенное и в общее число, обозначенное в числителе).

ПОТЕРИ ВО ВРЕМЯ КРУПНЫХ ОПЕРАЦИЙ

Италия

Фронт	Операция	Период	Потери			
			убитых	раненых	пленных	Всего
Изонцо	Итальянское наступление и австрийск. контрнаступление	Май — ноябрь 1915 г.	54 000	160 000	21 000	235 000
»	То же	Август — ноябрь 1915 г.	45 000	112 000	20 000	177 000
»	То же	Май—сентябрь 1917 г.	92 000	226 000	46 000	364 000
Трентино	Австрийское наступление и итальянское контрнаступление	Май—июнь 1916 г.	35 000	75 000	45 000	155 000
»	Итальянское наступление и австрийское контрнаступление	Июнь 1917 г.	9 000	25 000	3 000	37 000
Изонцо — Трентино	Австро-германское наступление	Октябрь; 24—31 декабря 1917 г.	37 000	91 000	335 000	463 000
Астрико — Маро	Австрийское наступление и итальянское контрнаступление	Июнь 15—28 1918 г.	11 000	29 000	52 000	92 000
Порра — Пиаве	Итальянское наступление	24 окт. — 4 ноября 1918 г.	7 000	23 000	3 000	33 000

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Редактор майор **Кашаев Т. Ф.**
Техн. редактор **Галин И. Н.**
Корректор **Руднева О. А.**

Сдано в производство 15.6.38
Подписано к печати 17.7.39
Формат бумаги 60 × 92 1/16
Объем 33 печ. л. + 21 вклейка = 4 1/2 п. л.
40,5 уч. авт. л.
Уполн. Главлита № Г—3139
Изд. № 330
Зак. № 1892

Отпечатано с матриц
в типографии им. Евг. Соколовой
Ленинград, пр. Красных Командиров, 29.

Ц — 16

Цѣна 11 руб.

Схема 1. Крепостная система Франции (северо-восточная граница) и Германии в период 1905—1914 гг.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

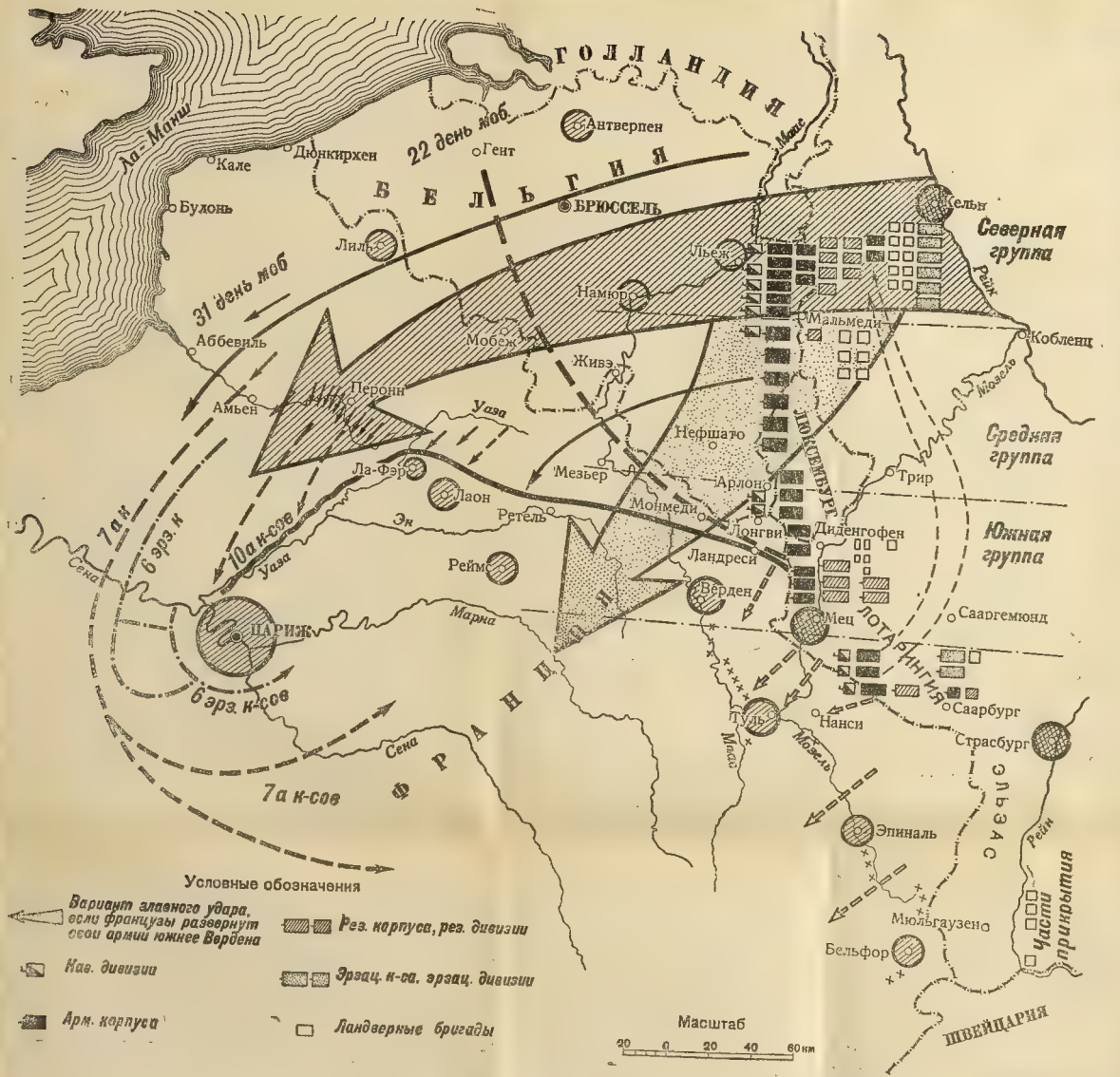


Схема 2. План стратегического раззертывания Шлиффена (декабрь 1905 г.).

Схема 3. План стратегического развертывания французских армий № 15.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

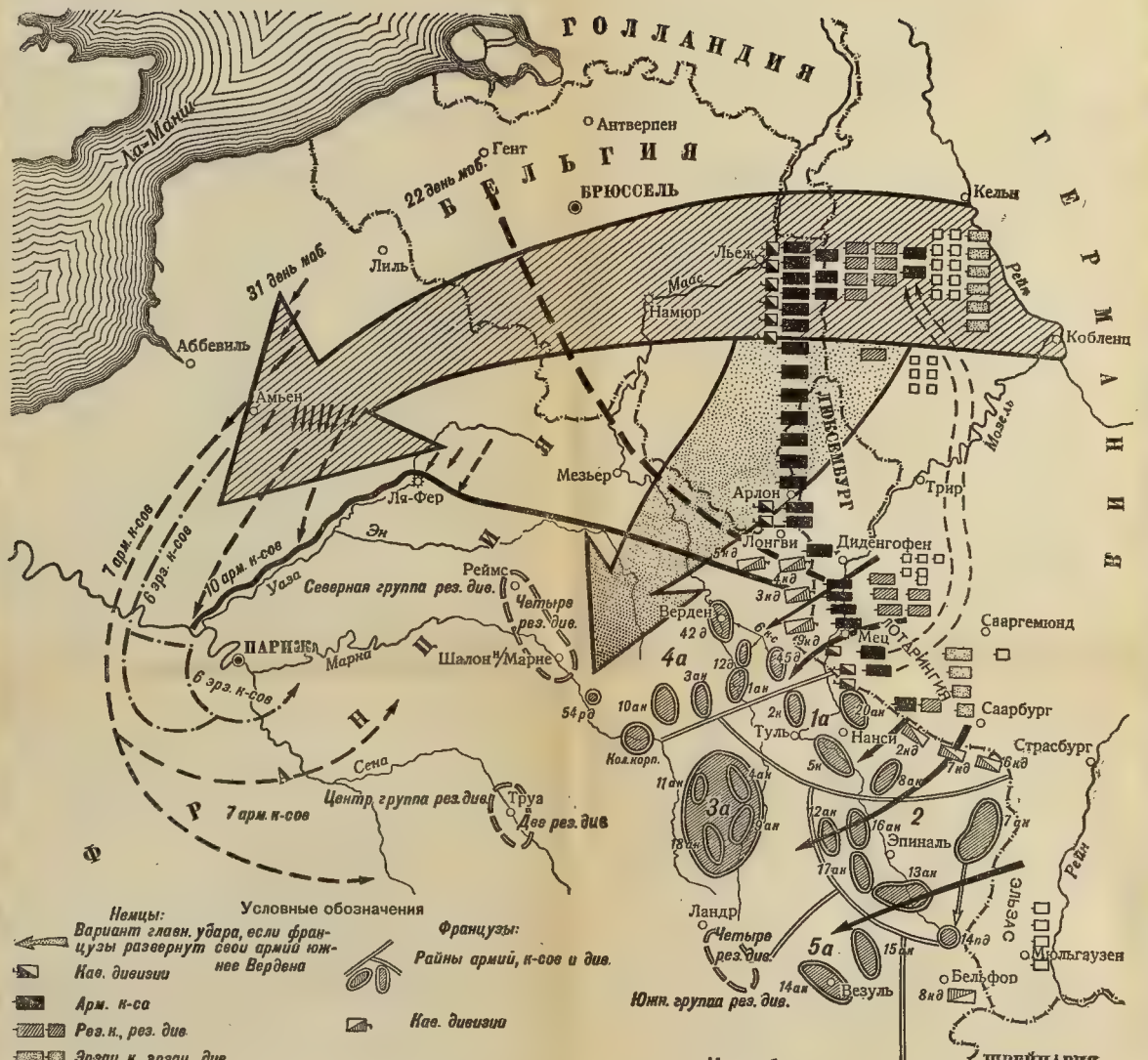


Схема 4. План стратегического развертывания Шлиффена (декабрь 1905 г.) и французский план развертывания № 15 (1903—1909 гг.).

Зак. 1872.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Схема 5. План стратегического развертывания против Германии французского генерала Виктор-Констан-Мишеля.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

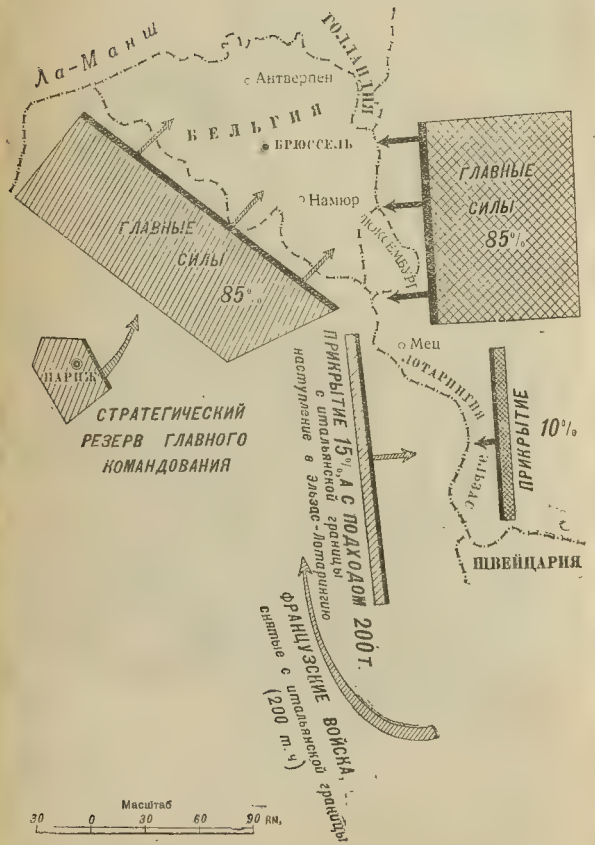


Схема 6. Графическое сопоставление оперативно-стратегических замыслов по планам развертывания Шлиффена и Виктор-Мишеля.

Схема 7. Схема военно-административного деления Франции (корпусные округа).

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Схема 8. План стратегического развертывания французских армий № 17.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Схема 9. План стратегического развертывания французских армий № 17 (положение от 2 августа 1914 г.).

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Схема 10. Схема развертывания французских армий по плану № 17 и германских армий по плану 1913 — 1914 гг.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

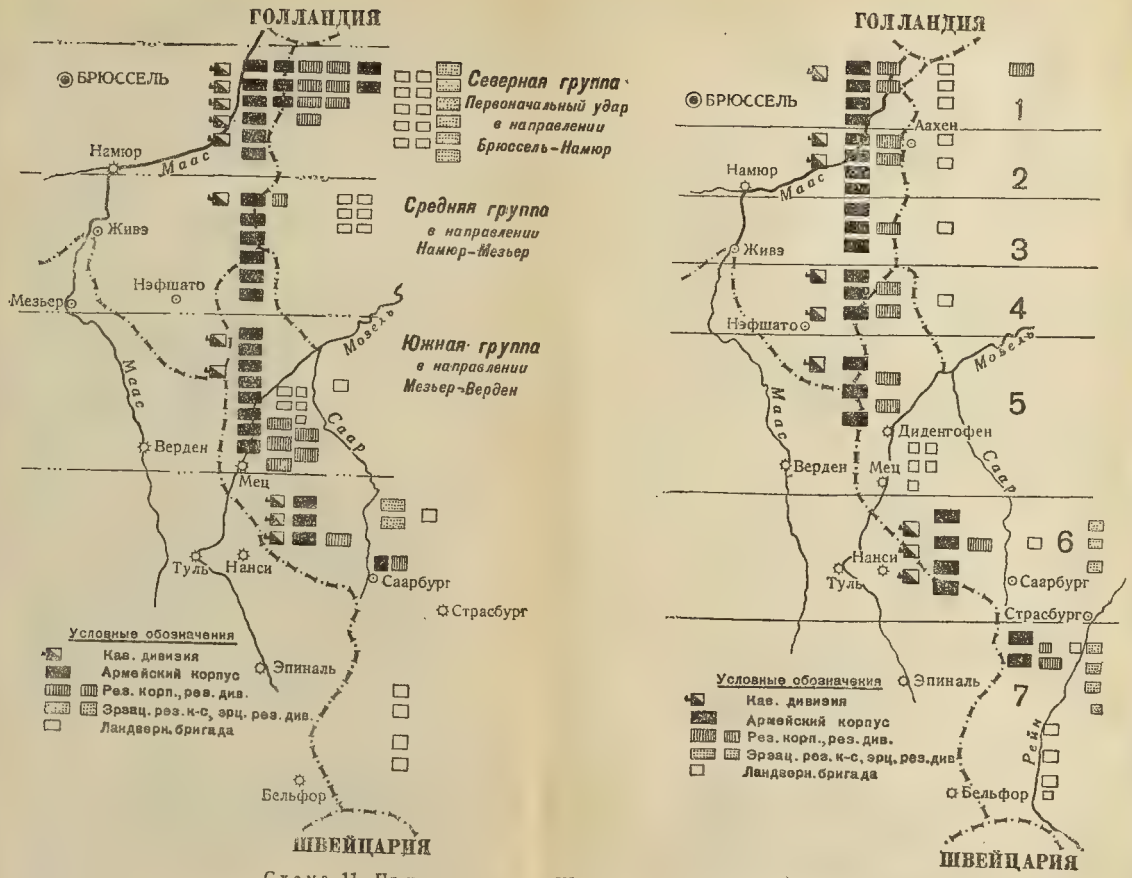


Схема 11. План развертывания Шлиффена 1905 г. и Мольтке 1914 г.

Зак. 1892.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Схема 12. Развертывание русских армий по плану 1908 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

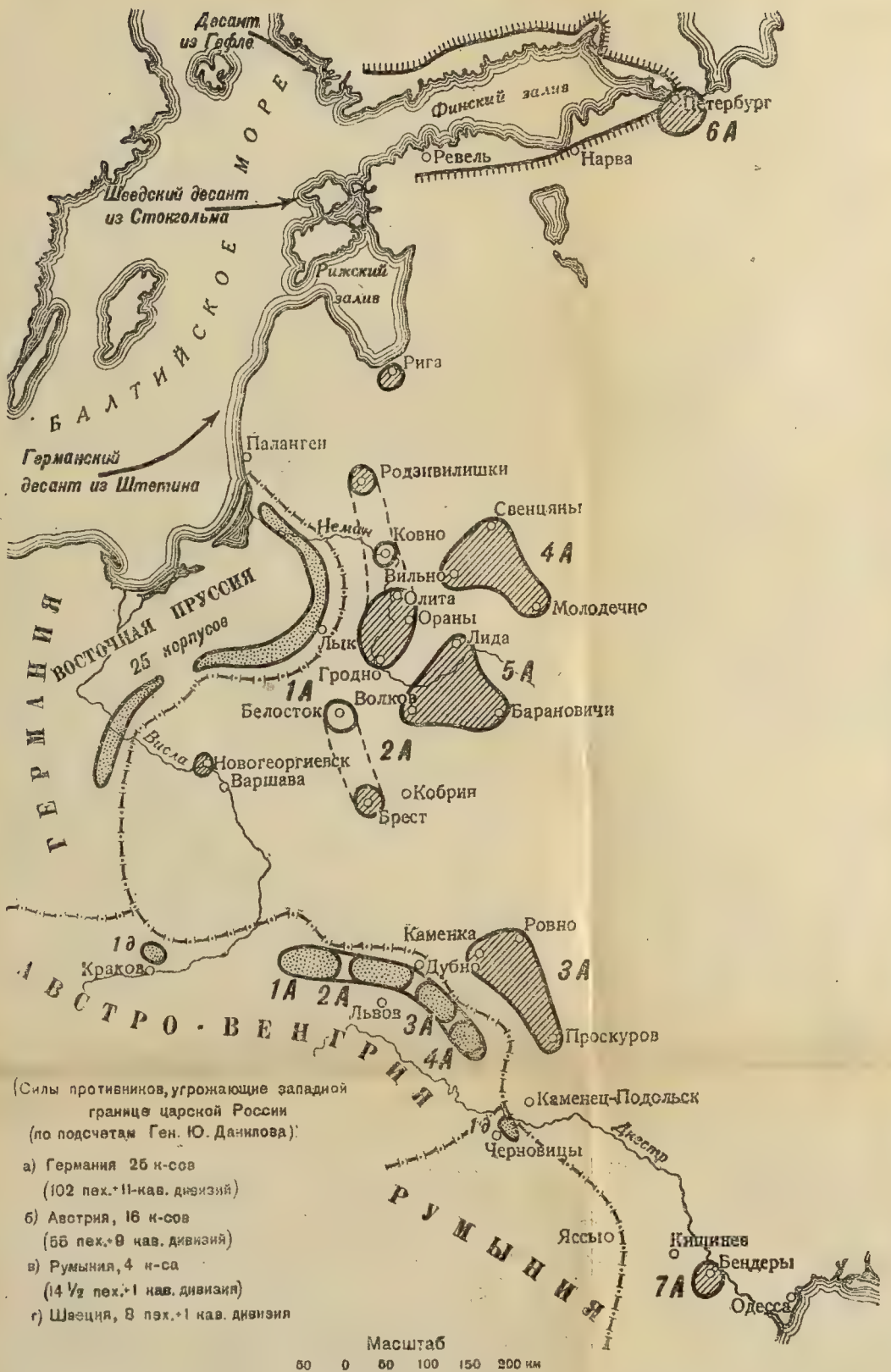


Схема 13.] Развертывание русских армий по плану 1910 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Схема 14. Развертывание русских ар й по плану 1 мая 1912 г. и план наступления австро-венгерских армий в передовом театре и Галиции.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Схема 15. Развертывание австро-венгерской армии по данным 1912 г. (купленным у австрийского полковника Редля).

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Схема 16. Развертывание сторон на восточно-европейском театре военных действий (1914 г.).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Условные обозначения

Линия фронта к 21 марта 1918 г Здесь же проходили позиции Вотана-Зигфрида	4, 6, 17, 2 Герм. арм. Фронт кронпринца Баварского
Результат мартовского наступления	18, 9, 7, 1, 3 „ „ „ „ Германского
„ апрельского наступления	5 и гр. C „ „ „ ген. Гальвица
„ майско-июньского наступления	19 гр. A и B „ „ „ герцога Вюртембергского
Обстрел Парижа орудиями сверхдальней стрельбы	

Схема 17. Расположение сторон к 21 марта 1918 г. и три наступления Людендорфа.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Схема 18. Стратегическое развертывание сторон на франко-британском фронте в марте 1918 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПУБЛИЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

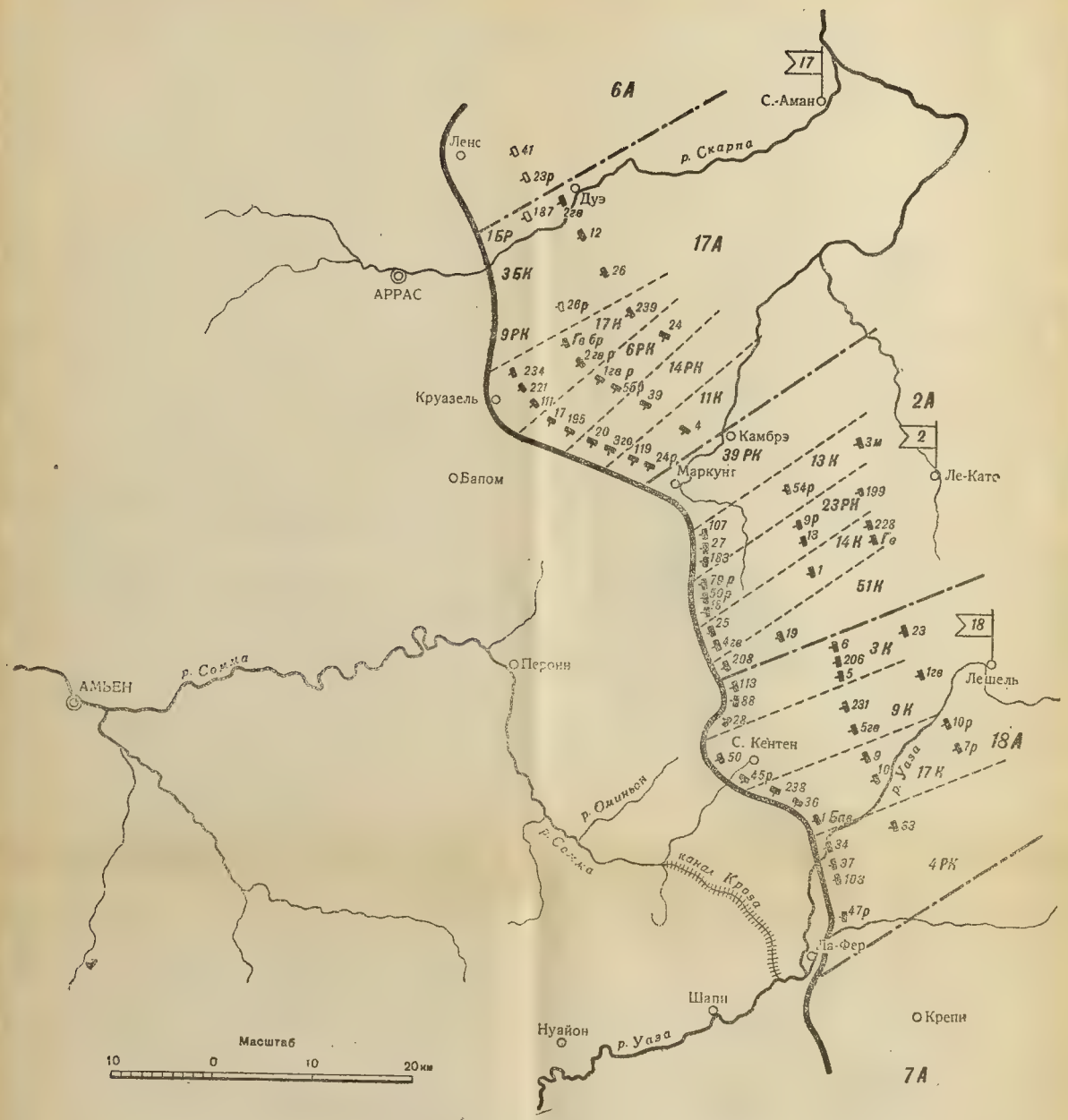


Схема 18а. Боевое построение корпусов и дивизий перед наступлением Людендорфа на Амьен 21 марта 1918 г.

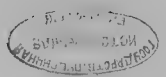


Схема 19. Стратегическое развертывание союзных армий Фоша к 25 сентября 1918 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
БИБЛИОТЕКА

Схема 20. Французские и бельгийские укрепления в полосе государственных границ (1938 г.).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Схема 21. Французские укрепления по итальянской границе (1935 г.).

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА